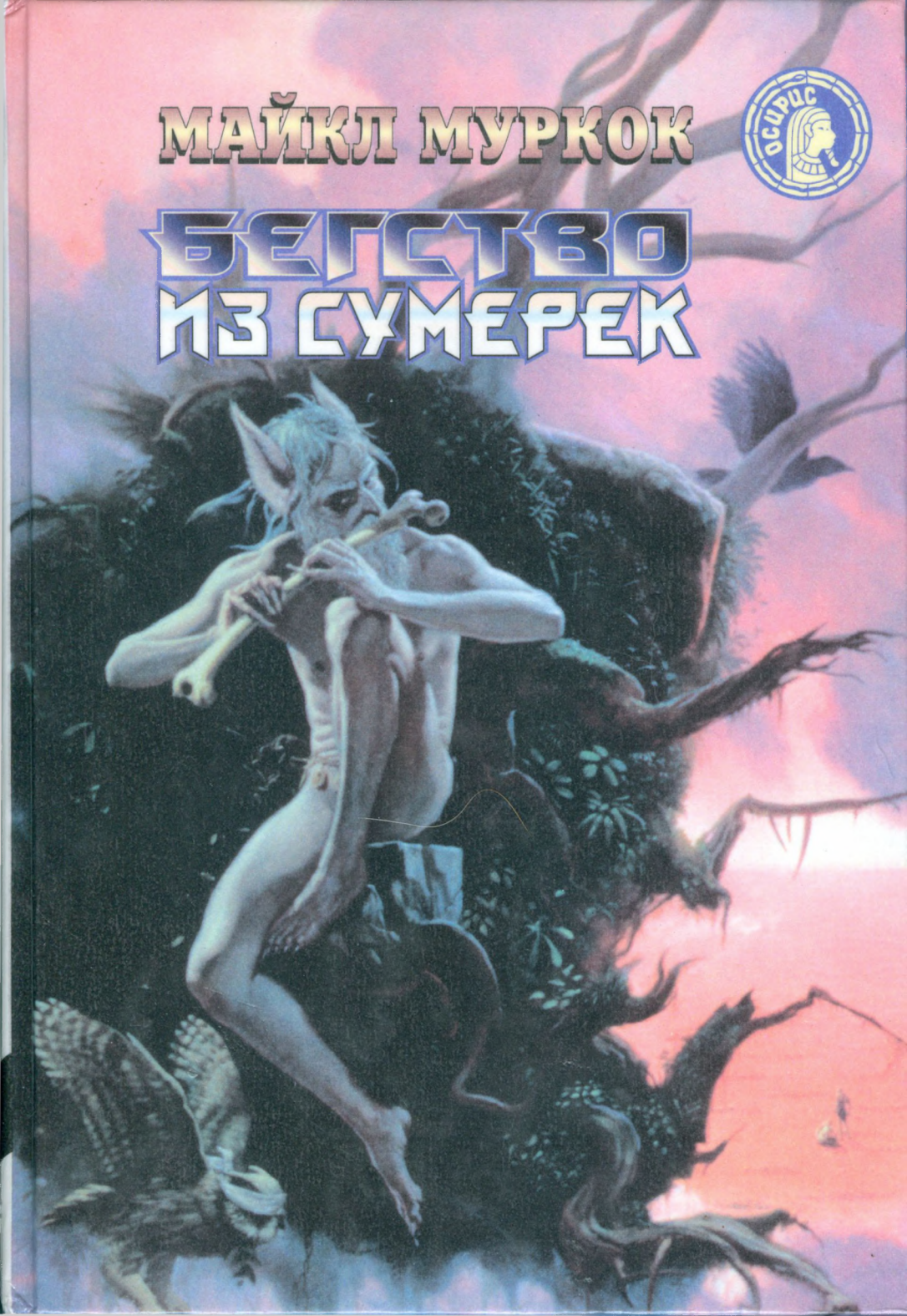


МАЙКЛ МУРКОК



БЕГСТВО
ИЗ СУМЕРЕК





**МАЙКЛ
МУРКОК**

**БЕГСТВО
ИЗ СУМЕРЕК**

●
**ЧЕРНЫЙ КОРИДОР
КРОВАВО-КРАСНАЯ ИГРА**
●

РОМАНЫ

БЕГСТВО ИЗ СУМЕРЕК
●

РАССКАЗЫ



ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.4 Вл
М91

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

ISBN 5-218-00070-1

© Состав, перевод и художественное оформление, торгово-издательское объединение «Центрополиграф», 1996 г.
© Cover illustration by Michael Whelan, 1985



ЧЕРНЫЙ КОРИДОР



РОМАН

Глава I

Пространство — бесконечное.

И — мрачное.

Пространство никакое.

И — ледяное.

*

Звезды занимают крохотные его части. Они, словно ища утешения, сбиваются в кучки: несколько миллиардов здесь, несколько миллиардов там.

И — безразличное.

*

Пространство не угрожает.

И — не убаюкивает. Оно не спит и не просыпается; оно не мечтает и не надеется; оно не боится; оно не любит и не ненавидит; оно ничего этого не поощряет.

Пространство нельзя измерить. Его нельзя ни рассердить, ни задобрить. Его нельзя просчитать.

Пространство — есть.

*

Оно не велико и не мало. Оно не живет и не умирает. Оно скрывает правду, но не лжет.

Пространство — безжалостный, бессмысленный, безличный факт.

Пространство — отсутствие времени и материи.

*

Сквозь это безмолвие пробирается крошечный круглый кусочек металла. Так медленно, что кажется, будто он не движется совсем. Крошечный одинокий скиталец, преодолевший громадный — по своим собственным меркам — путь от родной планеты.

Окруженный газовым шлейфом, он слабо освещает крошечный мрак, неся в себе сквозь огромную безжизненную пустоту жизнь.

К его бортам пристроилась куча собственных отходов: банки, пакеты, обрывки бумаги, шарики жидкости — все те предметы, которые были отвергнуты его системой как не подлежащие восстановлению.

Внутри космического корабля живет Райан.

На нем аккуратный форменный серый комбинезон, в тон огромным, преимущественно серым и зеленым панелям управления. Он бледен и сед, словно и его самого подбирали в тон кораблю.

Это высокий сероглазый мужчина с густыми, сросшимися у переносицы бровями пепельного цвета. Губы его плотно сжаты; выглядит он весьма сильным, понимая, что должен находиться в форме.

*

Райан идет по центральному коридору в главный отсек управления, чтобы проверить координаты, расход топлива, датчики регенерации и сверить показания с бортовым компьютером.

Он вполне удовлетворен.

Все находится в идеальном порядке, точно так, как и должно быть.

Райан подходит к пульту громадного центрального бортового экрана. Экран включен и слабо освещает пульт, но изображение отсутствует. Райан садится и, нажав на кнопку, четким размеренным голосом производит стандартную запись в бортовой журнал:

«День одна тысяча четыреста шестьдесят третий. Космический корабль «Надежда Демпси» держит курс на Мюнхен 15040. Постоянная скорость девять десятых «с». Все системы функционируют в соответствии с первоначальными расчетами. Никаких других изменений. Все в порядке.

Конец связи.

Исполняющий обязанности командира Райан».

Это сообщение будет сохранено в бортовых записях, а также автоматически будет передано на Землю.

Затем Райан выдвигает ящик и достает большую красную книгу. Это его личный журнал. Он вынимает из кармана комбинезона авторучку и, почесав затылок, медленно и тщательно записывает дату: 24 декабря 2005 г. н.э. Затем достает из кармана еще одну ручку и подчеркивает дату красным цветом. Смотрит на пустой экран и, решившись, пишет дальше:

«Молчание этих бесконечных пространств страшит меня».

Затем подчеркивает красным и эту фразу.

«Мне одиноко. Я постоянно борюсь с отчаянным желанием... Однако понимаю, что превозмогать одиночество не является моей обязанностью. Я почти хочу какой-нибудь аварии, чтобы можно было разбудить хотя бы одного из них».

Мистер Райан берет себя в руки, глубоко вздыхает и продолжает более официально третий из своих восьмичасовых отчетов.

Закончив, он встает, откладывает красный журнал, нетерпеливо водворяет в карман ручки и, подойдя к главному пульта, начинает заниматься тонкой настройкой приборов.

Затем покидает главный отсек управления и, спустившись по короткому трапу, открывает дверь в свою маленькую опрятную каютку. На одной стене находится пульт с экраном, на котором виден главный отсек управления. На противоположной стене закреплена двуспальная койка.

Райан выбирается из комбинезона, ложится, принимает спотворное и засыпает. Поначалу его дыхание тяжело, но спокойное.

*

...Он входит в танцевальный зал. Сумерки. Высокие окна смотрят на темнеющую лужайку. С потолка льется тусклый свет; пол мерцает.

В зале медленно, строго в такт музыке, кружатся пары, одетые сугубо официально. Музыка тихая и грустная. На бледных лицах танцующих, почти неразличимых в тусклом свете, круглые темные очки. Они напоминают темные маски.

Сидящие вокруг — в таких же темных очках. Музыка становится все тише и тише, темп ее замедляется, и пары кружатся все медленнее и медленнее.

Музыка смолкает.

Начинает звучать тихий, напоминающий псалом распев. Он слышится отовсюду, но исходит не от танцующих.

Настроение в зале меняется.

Танцующие замирают окончательно, прислушиваясь к пению, сидящие встают. Пение становится все громче. Люди в зале начинают постепенно раздражаться. Совершенно очевидно, что их гнев направлен на конкретного человека. Раздается барабанный бой, заглушая пение и становясь все яростнее и быстрее.

Танцоры неистовствуют...

Райан просыпается и вспоминает.

Глава 2

Райан и миссис Райан робко вошли в свою новую квартиру. Громадный, не слишком старый чемодан плюхнулся на пол прихожей. Они отпустили ручку, и чемодан, покачнувшись, замер.

Райан переключил внимание с чемодана на блестящую кадку, в которой росло миниатюрное апельсиновое деревце.

— Мама хорошо его поливала, — прошептала миссис Райан.

— Да, — отозвался Райан.

— Она хорошо разбиралась в таких делах.

— Да.

Райан неловким движением заключил ее в объятия. Миссис Райан сдержанно обняла его, словно побаивалась либо его, либо последствий, которые могли произойти от ее действий.

Райана переполняло чувство нежности. Он улыбнулся, глядя в ее запрокинутое лицо, протянул ладонь и погладил ее по щеке. Она неопределенно улыбнулась.

— Ну, — сказал он, — давай осмотрим фамильные владения.

Держась за руки, они пошли по квартире, по бледно-золотистым коврам, через гостиную, уставленную мебелью под дуб, и остановились перед высокими окнами с видом на жилые кварталы.

— Не слишком близко, — с удовлетворением отметил Райан. — Разве не ужасно было бы жить как Бенедикты — у них соседний дом так близок, что можно заглядывать в их комнаты. А они могут любоваться вашими.

— Ужасно, — согласилась миссис Райан. — Никакой личной жизни. Совсем никакой.

Они прошли мимо настенного телевизора в кухню, стали открывать буфеты, интересуясь их содержимым. Нажимали на

кнопки, чтобы выдвинуть стиральную машину и холодильник; включали инфракрасный гриль, развлекались с телефоном, трогали стены. Заглянули в две пустые спальни и, громко стуча по кафельным плиткам пола, включили свет и посмотрели из окон.

Напоследок они зашли в главную спальню, где по цветным стенам лениво ползли солнечные лучи. Открыли шкафы, где была аккуратно уложена их одежда.

Перед огромным выпуклым зеркалом напротив кровати миссис Райан поправила прическу. У окна они в нерешительности задержались.

Райан нажал на кнопку на подоконнике, и шторы соскользнули вниз.

— Стены просто чудо, не правда?— Миссис Райан посмотрела на разноцветные огоньки, переливавшиеся на плоских поверхностях.

— Но ты прекрасней.

Она обернулась к Райану.

— О, ты...

Он провел рукой по ее плечу, груди, талии...

Миссис Райан бросила взгляд на окна, словно желая убедиться, что шторы опущены и никто не может их видеть.

— Ах, как я счастлива,— прошептала она.

— И я тоже.

Райан придвинулся ближе, притянул ее к себе, положив тяжелые ладони на ее ягодицы, и легонько поцеловал в нос, а потом — крепко в губы. Затем рука соскользнула ниже по бедру, задрал юбку и осящая тело.

Лицо миссис Райан вспыхнуло, когда он подтолкнул ее к новой кровати. Она, приоткрыв губы, погладила мужа по затылку и вздохнула.

Большим пальцем Райан провел по линии таза, и она, вздрогнув, прижалась к нему.

В этот момент в соседней квартире раздались оглушительные звуки китайского джаза. Супруги замерли. Миссис Райан застыла, отклонившись назад, а мистер Райан уткнулся лицом в ее шею. Каждая нота, каждая фраза записи были слышны так отчетливо, словно музыка лилась непосредственно из их собственных светящихся стен.

Они разжали объятия. Миссис Райан поправила юбку.

— Черт бы их побрал! — Мистер Райан бессильно потряс кулаком. — Боже мой! Неужели нам достались такие соседи?

— Может быть, ты...

— Что?

— Ты не мог бы?.. — Она смутилась.

— Ты хочешь сказать...

— ...пойти и поговорить с ними?

— Ладно, я... — Он нахмурился. — Может, на этот раз я просто постучу в стену.

Райан медленно снял ботинок.

— Я им покажу...

Он подошел к стене и сильно постучал, потом, выжидая, отступил с ботинком в руке назад.

Музыка прекратилась.

Он усмехнулся:

— Сработало!

Миссис Райан глубоко вздохнула и сказала:

— Пойду распакуюсь.

— Я помогу тебе, — сказал Райан.

Он вышел и, схватившись обеими руками за ручку чемодана, приволок его в спальню.

Вместе они распаковали его — остатки своего медового месяца: лосьоны для загара, еще влажные купальные костюмы, завернутые в папиросную бумагу подарки для родителей.

Болтая и смеясь, они вытаскивали вещи и раскладывали их, но па душе было грустно. Предмет за предметом появлялись из чемодана — сувениры трех солнечных недель на острове, где не было ни души, где они были свободны от чужих взглядов, от шума и навязчивости посторонних.

Чемодан опустел.

Мистер Райан полез в водонепроницаемый карманчик на задней стенке и извлек видеокассеты. Он принес плеер, и они прошли в гостиную посмотреть их по телевизору.

Супруги молчали, вглядываясь в изображения и упиваясь пейзажами: горы, безбрежная морская синь, заросли вереска...

Их самих почти не было на экране, на котором преобладали виды безмолвных скал, моря, поросших вереском торфяников на острове, где они были так счастливы.

Вскрикнула какая-то птица.

Дернувшись, камера поднялась вверх, к переполненному облаками небу. Вдалеке стремительно пикировал вниз небольшой ястребок. Слышался шум прибора...

Внезапно все оборвалось.

Миссис Райан посмотрела на мужа глазами, полными слез.

— Нам надо вернуться туда.

— Очень скоро, — улыбнулся он.

И пронзительный китайский джаз снова ворвался в комнату. Супруги замерли перед телевизором.

Райан стиснул зубы.

— Господи Иисусе, я... — он поднялся на ноги, — я убью этих ублюдков!

Он появился немного и произнес:

— Ведь есть же законы. Я позвоню в полицию.

Миссис Райан взяла его за руку.

— С ними не стоит разговаривать, дорогой. Просто сунь им в дверь записку. Предупреди их. Они должны были слышать об Указе о борьбе с шумом. Заодно можно написать и соответствующему чиновнику.

Райан вытер губы.

— Объясни, что они могут быть крупно оштрафованы, — сказала она. — Если они разумные люди...

— Хорошо. — Райан поджал губы. — В этот раз я так и сделаю. Но уж в следующий — говорю серьезно — поступу и разберусь с ними.

Он пошел в гостиную писать записку. Миссис Райан занялась приготовлением чая.

Китайский джаз все наяривал. Райан писал короткими, отрывистыми движениями: «...и предупреждаю, что, если этот шум будет продолжаться, я буду вынужден связаться с полицией и информировать о вашем поведении. Я также сообщил об этом консьержу. Минимум, что вас ожидает, — вы будете выселены, но вам должно быть известно и о крупном штрафе, которому вы можете подвергнуться по статье VII Указа о борьбе с шумом от 1978 г.».

Он перечитал записку. Получилось немного напыщенно, и он заколебался. Может, стоит... Нет, сойдет и так. Он закончил письма, вложил их в конверты и заклеил их в тот самый момент, когда миссис Райан отдала распоряжение чайному столику схватить в гостиную.

Музыка неожиданно оборвалась. Райан взглянул на жену и рассмеялся:

— Может быть, это ответ? Может, это шумят роботы?

Миссис Райан улыбнулась и взялась за чайник.

— Дай-ка я этим займусь, — сказал Райан, — а ты сходи пока и вложи их в ящик для внутренней почты, там, за входной дверью.

— Хорошо. — Миссис Райан поставила чайник на место. — А что мне делать, если я встречу с ними? — Она кивнула в сторону соседней квартиры.

— Разумеется, не обращай никакого внимания. Конечно, разговаривать с тобой они не будут. Можешь игнорировать всех, кого встретишь там за дверью. Если начнем вступать в контакты со всеми в этом блоке, мы никогда не сможем хоть как-то уединиться.

— Так говорила мама. — сказала миссис Райан

— Именно.

Захватив письма, она вышла из гостиной в прихожую, и он услышал, как шелкнула открывшаяся входная дверь.

Потом послышался чей-то незнакомый голос, и Райан поднял голову. Голос был женский, с веселыми интонациями. Потом он услышал, как что-то в ответ проговорила миссис Райан, услышал ее торопливые шаги и резкий хлопок двери.

— Что еще там стряслось? — спросил он, когда та вошла в гостиную. — Живешь, как в зоопарке. Наверное, это по ошибке?..

— Это женщина, которая живет напротив нас. Она возвращалась домой с покупками. Поздравила меня с приездом. Я сказала ей «большое спасибо» и смылась сюда.

— Боже, надеюсь, она не собирается приставать к нам, — сказал Райан.

— Не думаю. Судя по всему, она очень стеснялась разговаривать с незнакомкой.

В тишине и уюте Райаны выпили чаю с сэндвичами и кексом.

Миссис Райан велела столику вернуться на кухню и села с мужем на кушетку смотреть телевизор. В своем маленьком жилище они начинали чувствовать себя свободней.

Миссис Райан улыбнулась и показала на экран, где застыл пейзаж с утесами и пещерой.

— Помнишь того старого рыбака, которого мы там в тот день обнаружили? Никогда в жизни я так не пугалась. Ты сказал...

Послышался размеренный стук.

Райан повернулся.

— Я здесь, — сказал кто-то.

Райан встал. За окном маячил улыбающийся краснолицый мужчина в комбинезоне, с копной торчащих во все стороны рыжих волос. Зубы у него были желтые и неровные.

Миссис Райан прижала ладонь к губам, а ее супруг рванулся к окну.

— Какого черта ты съешь без предупреждения свою мерзкую рожу в наше окно? — Райана сотрясала ярость. — Ты что, спя-

тил? Никогда не слышат о праве на частную жизнь? Мы можем иметь хоть минуту покоя? Как сговорились все!

Улыбка исчезла с лица парня. Сквозь стекло приглушенно донеслось:

— Послушайте, не надо так. Я же не знал, что вы вернулись, откуда ж мне знать? Старая леди, пока вы в отъезде, попросила меня держать окна чистыми. Что я и делал, между прочим, совершенно бесплатно. Так что, прежде чем высказываться, неплохо бы расплатиться...

— Сколько? — Райан сунул руку в карман. — Ну, быстро — сколько?

— Три фунга семь шиллингов.

Райан открыл окно и положил на подоконник четыре фунтовые банкноты.

— Сдачу оставь себе. И раз уж на то пошло, больше не утруждайся. Ты нам не нужен. Я сам буду мыть окна.

Парень ухмыльнулся.

— Да ну! — Он засунул деньги в карман комбинезона. — Тогда надеюсь, что у вас голова от высоты не кружится. Меня все заверяют, что будут сами мыть свои окна. А вы их видели? Половина из них снаружи не вымыта. Видели бы вы — ужас! Из-за грязи едва видно, что там внутри. Небось в их квартирах как в той черной яме в Калькутте. Ну, это не мое дело. Хотят жить в темноте — это их дело, а не мое.

— Это уж точно, — сказал Райан. — Суешь свой чертов длинный нос...

Взгляд мойщика посуровел.

— Послушай, приятель...

— Проваливай! — рявкнул Райан. — Вали отсюда!

Парень пожал плечами, расплывшись в желтозубой улыбке, и вскинул в насмешливом салюте к своим морковным волосам руку.

— Тогда привстик, весельчак!

Райан обернулся к жене. На кушетке ее не было. Он услышал всхлипы и пошел туда, откуда они доносились.

Миссис Райан истерически рыдала, лежа лицом вниз поперек кровати.

Он коснулся ее плеча.

— Успокойся, любимая. Он уже ушел.

Она стряхнула его руку.

— Успокойся, я...

— Я всегда любила уединение. — прорыдала она. — Тебе все равно, ты воспитывался совсем по-другому! У нас никогда ни-

кто ни к кому не лез. Никто не совал голову в чужие окна. Зачем ты привез меня сюда? Зачем?

— Дорогая, мне все это так же противно, как и тебе. Правда! Надо постепенно все привести в норму. Покажем всем, что нам нравится быть самим по себе. Успокойся.

Миссис Райан продолжала всхлипывать.

— Пожалуйста, дорогая, не плачь. — Райан взъерошил на себе волосы. — Я все улажу. Ты не будешь видаться ни с кем, кого не знаешь.

Она повернулась на кровати.

— Прости... Одно за другим... мои нервы...

— Я понимаю.

Он присел на край кровати и стал гладить ее по волосам.

— Пойдем посмотрим мюзикл. А потом...

И когда рыдания миссис Райан стихли, раздались знакомые звуки китайского джаза. Они стали чуть тише, но все же были достаточными для того, чтобы терзать чувствительный слух Райанов.

Миссис Райан застонала и закрыла голову, пытаясь укрыться от низких, резко бьющих в уши металлических звуков.

Райан стоял, беспомощно смотря сверху вниз на рыдающую жену. Затем развернулся и стал бить по стене — бить, бить, бить, пока не исчез последний цветной огонек.

Музыка продолжала звучать.

Глава 3

Мистер Райан делает зарядку, умывается, одевается и завтракает.

Затем выходит из своей каюты и идет по главному коридору в центральный отсек управления. Проверяет координаты, датчики расхода и регенерации, кое-что подсчитывает.

Наконец устраивается за аккуратным стальным пультом со слегка подрагивающими стрелками приборов и молчаливым экраном.

Мистер Райан достает из стального ящика увесистый бортовой журнал в красной обложке, берет ручку.

Этот старомодный журнал волнует его воображение, заставляя ощущать себя первопроходцем. Это — поэма Райана, прикосновение к истории, связь с великими капитанами и исследователями прошлого.

Он вписывает дату: 25 декабря 2005 г. н.э., подчеркивает ее. Начинает писать первый из восьмичасовых отчетов:

«День одна тысяча четыреста шестьдесят четвертый. Космический корабль «Надежда Демпси» на курсе к Мюнхену 15040. Постоянная скорость девять десятых «с». Все системы функционируют в соответствии с первоначальными расчетами. Никаких других изменений. Все обитатели в порядке и здоровы».

Под этой формулировкой Райан ставит свою подпись и проводит по линейке аккуратную черту. Потом встает и повторяет ее для машины вслух.

Отчет Райана — на пути к Земле.

Он любит разнообразить эту процедуру. Поэтому, когда он будет делать следующий отчет, он сначала сделает его устно, а потом запишет.

Райан встает, снова проверяет датчики, оглядывается вокруг и остается довольным, что все в порядке.

Со времени посадки на «Надежду Демпси» три года назад он потерял в весе и выглядел бледным, несмотря на то, что периодически загорал под лампой. Он делает физические упражнения, хорошо питается и, похоже, находится в наилучшем возможном состоянии для человека, живущего всего при двух третях земного тяготения. Сомнительно, чтобы на Земле он сейчас смог бы пробежать даже сотню ярдов, или пройти по коридору поезда, или хотя бы передвинуть стол из одного конца комнаты в другой. Мышцы, несмотря на тренировки, многое позабыли. Да и голову, похоже, в тесных границах идеально управляющегося корабля ожидает та же участь.

Но у Райана есть его сила воли. Воли, заставляющей три года держаться той идеальной программы, которая приведет корабль и его обитателей к нужной звезде. Воли, которая будет необходима еще три года.

Он уверен в себе и в своей силе воли.

Итак, в личном, неофициальном разделе красного бортового журнала, который никогда не передается на Землю, Райан пишет:

«Сегодня десятый день рождения Алекса — еще один, который он пропустит. Это так грустно. Однако это жертва, которую мы должны принести для себя и для других в нашей попытке достичь лучшей жизни. Я чувствую себя все более одиноким без общества моей милой жены и детей и других моих старых друзей и добрых товарищей. Сигналы с Земли больше не достигают нас, и скоро для поднятия духа у меня останутся только эти старые товарищи по кораблю, только

видео пленки, магнитофонные записи и книги. Так и должно быть, если уж мы хотим достичь конечной цели: чтобы добиться чего-то стоящего, требуется терпение и дисциплина. Через три минуты наступит время выполнить обязанность, которую я нахожу эмоционально самой болезненной для меня,— однако она из самых необходимых. Каждый день меня охватывает все то же смутное нежелание, поскольку я знаю, какое расстройство это мне причинит. И все же у меня есть желание выполнить свою задачу. Сейчас я пойду и сделаю то, что должен сделать».

Райан закрывает красный журнал и укладывает его в стальной ящик так аккуратно, что ближний край книги ложится идеально ровно вдоль стенки ящика. Убирает ручку в карман, встает, еще раз оглядывает датчики и твердым шагом покидает отсек.

Он идет вдоль стальных стен центрального коридора корабля, в конце которого находится дверь, закрытая мощными запорами. Райан нажимает кнопку сбоку от двери, и она открывается. Он секунду медлит на пороге.

Маленькая комната освещается в тот момент, когда открывается дверь. Там нет никаких экранов, лишь стены мерцают платиновым блеском.

Внутри находятся тринадцать узких и длинных контейнеров.

Один из них пуст, двенадцать других на две трети закрыты пластиковыми покрывалами. Сквозь полупрозрачное вещество видна густая темно-зеленая жидкость, мутно обволакивающая лица и плечи пассажиров, находящихся в анабиозе.

Они будут пребывать в этом состоянии до тех пор, пока корабль не совершит посадку, — если не произойдет достаточно серьезной аварии и Райану не придется досрочно разбудить их.

Приборы, контролирующие жизнедеятельность, располагаются на контейнере со стороны головы пассажира, и рядом укреплена небольшая идентификационная табличка, в которой указано имя, дата рождения и дата погружения в анабиоз. На одном из экранов пометка: «Сны». У всех пассажиров на этих мониторах светятся ровные черточки.

Райан с нежностью вглядывается в лица родных и друзей.

«ДЖОЗЕФИНА РАЙАН. 9.9.1960. 7.3.2004». Его жена. Круглолицая блондинка, обнаженные нежно-розовые плечи которой все еще соблазнительно гладки.

«РУПЕРТ РАЙАН. 13.7.1990. 6.3.2004». Смуглое лицо сына — почти копия лица Райана; разворот худых плеч уже почти как у взрослого мужчины.

«АЛЕКСАНДР РАЙАН. 25.12.1996. 6.3.2004». Щуплые плечики, личико посветлее, голубые глаза широко раскрыты... Младший сынишка — совсем как живой мальчуган!

Райан, с трудом отделившись от намернувшихся слез, переходит к другим контейнерам.

«СИДНЕЙ РАЙАН. 2.2.1937. 25.12.2003». Его дядя. Старик. Приоткрытый рот обнажает слишком белые вставные зубы. Глаза закрыты. Плечи тонкие, в морщинистой коже.

«ДЖОН РАЙАН. 15.8.1963. 26.12.2003». Брат. Наверное, теперь, похудевший и изможденный, Райан стал больше походить на Джона, чем когда-либо, даже в детстве. У Джона такой же овал лица, густые брови, обнаженные плечи узки и узловаты.

«ИЗАБЕЛЬ РАЙАН. 22.6.1962. 13.2.2004». Первая жена Джона. Узкое бледное лицо сердито скалится мелкими зубами. Волосы бесцветны, как бесцветно все тело. Райан облегченно вздыхает, радуясь тому, что Изабель пребывает в контейнере, а не торчит рядом, прямая и тонкая, как иголка, и не зудит своим высоким голосом. Он и не собирается одергивать себя за подобные чувства.

«ДЖАНЕТ РАЙАН. 10.11.1982. 7.5.2004». Само очарование. Вторая жена Джона. Нежные щеки, нежные плечи, длинные черные волнистые волосы, плавающие в зеленой жидкости, мягкая улыбка припухлых розовых губ, словно ей снятся приятные сны.

«ФРЕД МАСТЕРСОН. 4.5.1950. 25.12.2003». Узкое лицо. Узкие худые плечи. Глубокая морщина между бровями.

«ТРЕЙСИ МАСТЕРСОН. 29.10.1973. 9.10.2003». Жена Мастерсона. Милашка. В контейнере выглядит такой же глупой, какой была и вне его.

«ДЖЕЙМС ГЕНРИ. 4.3.1957. 29.10.2003». Плавающая копна рыжих волос, глаза цвета морской волны — вылитый водяной!

Райан проходит мимо него и останавливается перед одиннадцатым контейнером.

«ИДА ГЕНРИ. 3.3.1980. 1.2.2004». Бедная девочка! Спутанные светло-каштановые волосы. Впалые щеки, опущенные уголки рта.

В этом контейнере заперты две жизни, подумал Райан. Ида, жена Генри, и ее будущий ребенок. Что их ждет после столь долгого вынашивания?

«ФЕЛИСИТИ ГЕНРИ. 3.3.1980. 1.2.2004». Вторая жена Генри и сестра-близнец Иды. У нее более гладкие и блестящие волосы, щеки не такие впалые, как у сестры. Не беременна.

Райан подходит к последнему контейнеру и заглядывает в него. Белое дно слепит глаза. Окруженный спящими спутниками, он испытывает острое желание самому забраться в контейнер и испытать его.

Поймав себя на этой мысли, Райан выпрямляет плечи и твердым шагом выходит из помещения. Дверь с шипением закрывается за ним. Он нажимает на кнопку, запоры возвращаются на место, и он идет обратно по безмолвному коридору в отсек управления. Делает быстрые пометки в маленьком блокноте, который достает из нагрудного кармана. Затем подходит к компьютеру и прodelывает свои расчеты.

При необходимости компьютер можно переключить на полностью автоматический режим, но считается, что это плохо действует на психологическое состояние членов экипажа.

Получив ответ, Райан удовлетворенно кивает. Он возвращается к пульту и убирает карты в ящик.

В это время компьютер выдает еще одну порцию бумаги. Райан читает:

НЕ ПОЛУЧЕН ОТЧЕТ ОБ ЭКИПАЖЕ В КОНТЕЙНЕРАХ.

Райан, поджав губы, набирает:

ДЖОЗЕФИНА РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

РУПЕРТ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

АЛЕКСАНДР РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

СИДНЕЙ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ДЖОН РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ИЗАБЕЛЬ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ДЖАНЕТ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ФРЕД МАСТЕРСОН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ТРЕЙСИ МАСТЕРСОН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ДЖЕЙМС ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ИДА ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ФЕЛИСИТИ ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

*****ВАШЕ СОСТОЯНИЕ?

Райан, помедлив, вводит:

МНЕ ОДИНОКО.

Компьютер мгновенно отвечает:

***** ЗАПОЛНИТЕ ВАШЕ ВРЕМЯ В СООТВЕТСТВИИ С ПРЕДЛАГАЕМОЙ ПРОГРАММОЙ. ЕСЛИ ЭТО СОСТОЯНИЕ НЕ ПРОЙДЕТ, ЕЖЕДНЕВНО ВВОДИТЕ ДОЗУ ПРОДИТОЛА 1 КУБ. СМ

*** НЕ ПРИНИМАЙТЕ БОЛЬШЕ НОРМЫ * ПРЕКРАТИТЕ ПРИЕМ
КАК МОЖНО СКОРЕЕ, А ЧЕРЕЗ 14 СУТОК ОБЯЗАТЕЛЬНО**

Райан расправляет плечи, кончает сеанс и отходит от компьютера.

Он идет по коридору в свое жилище. Надувает легкий красный стул, садится и нажимает кнопку на стене. Телеэкран начинает прокручивать перед ним список предложений. Фильмы, пьесы, музыка, танцы, дискуссии, образовательные программы. Будучи не в силах заставить себя изучать сельскохозяйственную информацию, как когда-то планировал, Райан выбирает старый польский фильм.

Экран наполняется людьми, которые двигаются, разговаривают, что-то жуют, садятся в трамвай, любуются природой, целуются, ссорятся...

Райан чувствует, как по щекам ползут слезы, но ему полагается час отдыха, и он получит этот отдых, как бы это ни выглядело.

Пока он стоически преодолевает меланхолию. А в голове привычно стучит: ДЖОЗЕФИНА РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ. РУПЕРТ РАЙАН. АЛЕКСАНДР РАЙАН... СИДНЕЙ РАЙАН... ДЖОН РАЙАН... ИЗABELЬ РАЙАН... ДЖАНЕТ РАЙАН... ФРЕД МАСТЕРСОН... ДЖЕЙМС ГЕНРИ... ИДА ГЕНРИ... ФЕЛИСИТИ ГЕНРИ...

Перед его мысленным взором проносится вереница лиц людей, которых он когда-то знал. Он представляет их себе, какими они были, прежде чем оказались погруженными в зеленую, как морская вода, жидкость.

Глава 4

Бледные, веснушчатые ладони Джеймса Генри, похожие на обрубки, дрожали; он подался вперед на своем стуле, пристально глядя в лицо Фреда Мастерсона.

— Сделай же что-нибудь, Фред, ну, сделай — вот что я хочу сказать.

Мастерсон холодно посмотрел на него, цинично приподняв тонкие брови.

— Например?— спросил он, выдержав паузу.

Генри сжал ладони и заговорил:

— Общество загрязнено — физически и нравственно. Загрязнено радиоактивностью — нам постоянно твердят, что она

на допустимом уровне. хотя мы каждый день видим признаки, что это вовсе не так. Я не могу позволить Иде и Фелисити заводить детей в нашем сегодняшнем мире. И еще хуже — бесконечное развращение самого человека. С каждым днем мы разлагаемся все больше и больше, превращаясь в гнойные мешки, а тем немногим из нас, пытающимся придерживаться старых норм, пытающимся соблюдать приличия, начинают угрожать другие. Угрожают своим разложением, угрожают насилем. Мы живем в безумном мире, Мастерсон, а ты советуешь терпеть...

Рядом с ним сидели обе его жены, усталые, одинаково бледные.словно у той разделавшейся клетки, которая их породила, хватило материала только на одну здоровую женщину, а никак не на двух. Пока Генри говорил, они не сводили с него двух пар бледно-голубых глаз, ловя каждое слово, будто он высказывал их собственные мысли.

Мастерсон не ответил на тираду Джеймса Генри. Он просто глядел по сторонам, словно совершенно устал от этого спора.

Мебель в гостиной Райанов была отодвинута к стенам, чтобы разместить всю компанию, собиравшуюся здесь каждую неделю.

Шторы были опущены, горел свет.

Отдельно от других спиной к окну сидел дядя Райана, Сидней, упрямый худой старик с завитком каштановых волос вокруг лысины. Остальные расселись вдоль стен. Место перед окном, как передний ряд на общественных собраниях, всегда занималось последним.

Фред Мастерсон с женой сидели на софе напротив семейства Генри; Трейси была одета в отлично скроенное черное платье до пола — по нынешней консервативной моде, — и с черной помадой на губах.

Рядом с Мастерсоном сидела первая жена Джона Райана, Изабель — узколицая, безвкусно одетая дама. Слева от Джона устроилась его вторая жена, прелестная Джанет. Райан с Джозефиной расположились у противоположной стены.

Женщины были преимущественно в черных и коричневых одеяниях, мужчины также были одеты в рубашки и брюки темного цвета. Пустая, совсем без украшений, комната имела мрачный вид.

Когда Джеймс Генри и Фред Мастерсон на время умолкли, Райан, размышлявший до того о деталях своего собственного бизнеса, пререкнулся на обсуждаемую проблему и сказал:

— В конце концов, мы всего лишь дискуссионная группа. У нас нет сил и средств, чтобы что-то изменить...

Генри, выкатив зеленые глаза, произнес с напором:

— Разве ты не видишь, Райан, что время для дискуссий практически истекло? Мы живем среди хаоса и только и делаем, что рассуждаем! На собрании в следующем месяце...

— Мы еще не договорились о собрании в следующем месяце, — перебил Мастерсон.

— Будем идиотами, если не договоримся. — Генри возбужденно скрестил ноги. — На собрании в следующем месяце мы должны оказать давление...

Трейси Мастерсон произнесла, страдальчески поморщившись:

— Мне надо сейчас же поехать домой, Фред.

Мастерсон беспомощно посмотрел на нее:

— Потерпи немного...

— Нет... — Трейси нахохлилась. — Нет. Вокруг меня полно людей. Я знаю, все они друзья... Я понимаю, что они не хотят...

— Еще пару минут.

— Нет. Меня словно заперли в сундуке.

Она не могла больше говорить и сидела, опустив глаза и сложив руки на коленях.

Джозефина Райан поднялась и взяла ее за руку:

— Я дам тебе таблетки, и ты сможешь выспаться. Пойдем, дорогая...

И, потянув за руку, увела ее в кухню.

Генри взглянул на Мастерсона.

— Ну что? Ты ведь знаешь, откуда это у твоей жены. Это началось с тех пор, когда ее затерли на гой демонстрации против НЛО на площади Пауэлл. И каждый из нас в любой момент может оказаться в такой ситуации.

С улицы донеслись звуки пения, звон разбитого оконного стекла. Кто-то громко запел.

В спальне пронзительно закричала Трейси.

Фред Мастерсон вскочил и, чуть помедлив, бросился к ней.

Все сидели замерев, прислушиваясь к приближающемуся гулу, а в спальне Трейси кричала с надрывом:

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕГ! НЕГ! НЕГ! НЕГ!

Вошла Джозефина Райан, прислонилась к косяку двери.

— Таблетки скоро подействуют. Не тревожьтесь за нее. Что это за люди на улице?

Никто не ответил.

Трейси опять вскрикнула.

— Кто эти люди на улице? — Джозефина прошла дальше в комнату. — Кто они?

Громкие голоса смолкли, уступив место тому же тонкому, минорному пению, с которого началось шествие.

Теперь Райан и его друзья различали некоторые слова.

— Заприте землю.

— Заприте небо.

— Мы должны быть одни.

— Чужаки, все чужаки должны умереть.

— Мы должны быть одни.

— Одни, одни, одни.

— Заприте страшное, меркнувшее небо.

— Пусть нас оставят одних.

— Никаких чужаков, пролетающих в небе.

— Мы должны быть одни.

— Никаких угроз, никаких слез.

— Никаких чужаков среди нас.

— Никаких воров, что приходят по ночам.

— Одни, одни, одни.

— Значит, это они. Патриоты. — Миссис Райан взглянула на остальных. Все молчали.

Пение слышно было прямо под окнами.

Свет погас. Комната погрузилась в полную темноту.

Крики Трейси Мастерсон перешли во всхлипы — лекарство действовало.

— Чертовски скверные стишки, если только можно... — Дядя Сидней прочистил горло.

В крошечной темноте казалось, что монотонная мелодия звучит отовсюду, заполняя весь объем комнаты.

Внезапно она оборвалась.

Послышался тонот бегущих ног и резкие возгласы. Затем жалобный пронзительный крик, похожий на крик закалываемого животного.

Дядя Сидней зашевелился на своем стуле у окна и встал.

— Давайте-ка взглянем, — спокойно произнес он. Его палец лег на кнопку на подоконнике.

Джеймс Генри только и успел крикнуть: «Нет!», — а Райан, протянув руку к дяле, был уже на середине комнаты.

Слишком поздно.

Штора взлетела вверх.

Окно, занимавшее всю стену целиком, открылось в ночь.

Райан замер посередине комнаты, освещенный пляшущим светом тысяч факелов, горевших на улице. Успевший вскочить, Генри застыл на месте, рядом с Джозефиной, стиснувшей в руках флакон.

Женщины в темных одеждах неподвижно сидели на своих местах.

Жуткие вопли не смолкали.

Дядя Сидней смотрел вниз, на улицу. На другой стороне, в высоком доме напротив все окна были зашторены.

— О Боже мой, — произнес дядя Сидней. — О Боже мой!

Джозефина Райан прервала молчание:

— Что там такое?

Дядя Сидней не отвечал. Он смотрел вниз.

Миссис Райан сделала глубокий вдох и, овладев собой, подошла к окну, чтобы бросить быстрый взгляд на улицу. Райан не сводил с нее глаз.

Слишком ужасно. Это действительно ужасно.

Дядя Сидней с застывшим лицом продолжал смотреть.

Толпа схватила молодого человека лет двадцати, одного из жильцов противоположного дома. Его привязали к старой деревянной двери и, прислонив к стальной электрической мачте и облив бензином, подожгли.

Юноша корчился на полыхающей двери и пронзительно кричал, пожираемый пламенем. Толпа сомкнулась тесным кольцом, передних все время выталкивали слишком близко к огню задние, желавшие посмотреть. В свете страшного костра видны были по большей части мужчины, большинство из них лет тридцати — сорока. Женщины, попадавшиеся среди них, были моложе. Все были в темных, длинных одеяниях. Люди в переднем ряду присели и завороченно смотрели на горящее тело.

Молодая женщина с коротко остриженными светлыми волосами завопила:

— Гори, чужак, гори!

Мужчины вокруг нее подхватили этот крик:

— Гори, гори, гори!

Юноша, корчившийся в огне, в последний раз неистово изогнулся и замер.

Когда он перестал кричать, толпа успокоилась. Похоже, все были в изнеможении. Кто сидел, кто стоял, тяжело дыша и вытирая лица.

Дядя Сидней молча нажал на кнопку. Штора скользнула вниз — словно зачеркнув факелы, костер, молчаливую толпу внизу... Он тяжело опустился на стул.

В гостиной Райанов остались только звуки потрескивающего костра.

Миссис Райан убрала ладони от глаз, вышла на кухню и пошла к раковине. Было слышно, как она набрала воды в стакан, как выпила и поставила стакан в посудомоечную машину, как закрылась дверца машины.

Дядя Сидней сидел на стуле, уставившись в пол.

— Зачем тебе понадобилось открывать штору? — резко спросил Джеймс Генри. — А?

Дядя Сидней пожал плечами, не поднимая глаз от пола.

— Ну!

— Какое это имеет значение? — произнес он. — Какая, к дьяволу, разница?

— Ты не имел права подвергать нас этому... особенно женщин, — сказал Джеймс Генри.

Дядя Сидней поднял голову, в его глазах стояли слезы. Голос его прозвучал с напряжением:

— Ведь это произошло, правда?

— Какое наше дело? Мы не хотим впутываться в это. Это даже не твой дом. Это окно Джозефины было открыто, когда происходило это... событие. Обвинят-то ведь ее!

Дядя Сидней промолчал.

— Это произошло, вот и все, что я знаю. Это случилось — и случилось здесь.

— Ужасное зрелище, что и говорить, — сказал Генри. — Но это не отменяет того факта, что у Патриотов есть кое-какие правильные идеи, пусть они и осуществляют их весьма отвратительным способом. — Он насупился. — Кроме того... некоторым людям нравится смотреть на подобные вещи.

В глазах дяди Сиднея отразилось смутное изумление.

— Что?!

— А зачем тогда ты захотел посмотреть на это?

— Я не хотел смотреть на это...

— Это только слова...

В дверях появился Мастерсон и сказал:

— Трейси наконец заснула. Что там происходило? Опять Патриоты, да?

Райан кивнул.

— Они только что сожгли человека. Там, на улице.

Мастерсон поморщился.

— Чертовы психи. Если действительно надо избавиться от них, есть же множество законных процедур...

— Вот именно, — согласился Генри. — Незачем устраивать самосуд. Меня больше беспокоят эти их странные антикосмические настроения.

— Вот-вот, — отозвался Мастерсон. — Сколько раз им говорили, что в небе нет никаких враждебных объектов. Приводили десятки доказательств — и все равно они продолжают верить во вражеское нападение.

— А в этом не может быть какой-то доли правды? — робко встала Джанет. — Ведь дыма без огня не бывает, а?

Все оглянулись на нее.

— Конечно, — согласился Мастерсон. — Но это крайне маловероятно.

Миссис Райан вызвала сервировочный столик, и все занялись кофе с тортом.

— Выпей, пока горячий! — не слишком любезно предложила миссис Райан.

Изабель Райан, вздрогнув, отказалась.

— Нет, Джозефина, спасибо. Мне кофе нельзя...

Джозефина поджала губы.

— Изабель неважно себя чувствует, — вступился за супругу Джон.

Райан, пытаясь все сгладить, улыбнулся Изабель:

— Ты совершенно права, надо быть осторожной.

По поведению Изабель все догадались, хотя никто не стал бы высказывать это вслух, что у Изабель наступил период, когда кажется, все хотят ее отравить. Теперь она будет есть только приготовленное своими руками.

Большинство из присутствующих прошли через это — кто раньше, кто позже. Лучше всего было не обращать на это внимания.

Почти все считали такие вещи абсолютной правдой. Все они знали мужчин и женщин, вообразивших, что они отравлены, и которые позднее умерли необъяснимой смертью.

— Кому-то придется сходить на очередной митинг Патриотов, — сказал Райан. — Узнаем, чего же они хотят.

— Это опасно, — жестко предупредил Джон.

— Все-таки хотелось бы знать, — пожал плечами Райан. — Всегда лучше исследовать явление, не так ли? О чем конкретно там говорят.

— Пойдем тогда все, — сказал Джеймс Генри. — Это безопаснее.

Его жены с испугом переглянулись.

— Правильно, — сказал Мастерсон. — Пора включить репортаж о съезде Ниммойтов в Парламенте. Нынешней ночью их правительство падет!

Пока смотрели по телевидению Ниммойтский съезд, улица бурлила все больше. Прошествовала какая-то группа с барабанами и трубами, но это уже никого не интересовало. Все смотрели телевизор до тех пор, пока в Палате общин не появился Президент и не объявил о своей отставке.

Глава 5

Ночью город был освещен заревом бесчисленных пожаров.

Райаны со своими друзьями, сидя за опущенными шторами, наблюдали за погромами с помощью большого — со стену — экрана телевизора.

Город был просто утоплен в крови.

Они пили кофе и смотрели, как люди падают под полицейскими дубинками, как юношей и девушек травят полицейскими собаками, слышали гиканье и крики грабителей, видели, как пожарная служба пытается справиться с огнем.

Они видели множество бунтов и пожаров в своей жизни, но никогда так много сразу. Поэтому поначалу все воспринимали слегка иронично.

Но по мере просмотра миссис Райан передвигалась все тише и тише, машинально предлагая кофе, сахар, закуски.

Наконец, когда она увидела охваченный пламенем ее любимый универмаг, уронила голову на руки и всхлипнула.

Миссис Райан была замужем уже четырнадцать лет.

Четырнадцать лет она выдерживала груз переменчивых настроений и амбиций своего сверхэнергичного мужа. Воспитывала детей, преодолела неприязнь к посторонним людям, самостоятельно решала почти все связанные с семьей проблемы.

Она всегда была на высоте.

Но сейчас выдержка покинула ее и она разрыдалась.

Райан перепугался.

Он подошел к жене, обнял и попытался успокоить, но Джозефина никак не могла остановиться.

Райан взглянул на большой экран телевизора: толпа бесновалась и била окна, вершина памятника, построенного в память Большого пожара 1666 года, была увенчана языками пламени.

— Уложи ее в постель, — сказал дядя Сидней. — Ничего полезного ты не можешь сказать или сделать. Ее убивает это зрелище. Отведи ее в спальню.

Все молча проводили взглядом чувствительную Джозефину, отправившуюся в постель вслед за находящейся в полуобморочном состоянии Трейси.

Ида и Фелисити Генри, наблюдая, как уводят хозяйку, тоже разволновались.

— Чем все это кончится? — с усмешкой поинтересовалась Фелисити.

— Ты становишься черствой, — заметил дядя Сидней.

— Могилой, если мы ничего не будем делать, — жестко сказал Джеймс Генри. Очевидно, он не услышал дядю Сиднея. — Могилой, — еще раз повторил он. — Что вы обе собираетесь предпринять, а? — Он издевательски рассмеялся прямо в бледные одинаковые личики своих худосочных жен.

Фред Мастерсон недоуменно переглянулся с дядей Сиднеем.

Перед ними был Генри — как всегда, жизнерадостный, как всегда, сидящий на стуле чуть наклонившись вперед. Пышно-волосый, энергичный, всегда собранный мужчина...

Он агрессивно подался вперед, уставившись в лица своих изможденных жен, словно подключаясь к источнику их жизненных сил. Словно перехватывая ту энергию, которая должна была дойти до их худосочных тел, укрепить узкие спины, улучшить жидкие волосы, оживить тусклые глаза...

Представив это, дядя Сидней рассмеялся на всю комнату.

— Черт побери, над чем ты смесшься, Сидней? — осведомился Джеймс Генри.

Дядя Сидней, покачив головой, умолк.

Джеймс Генри пристально посмотрел на него:

— Что здесь смешного?

— Ничего, — сказал дядя Сидней. — Хорошо, что еще могу смеяться.

— Ну тогда смейся дальше. Валяй, приятель. Скоро заплачешь сраными слезами.

Сидней усмехнулся:

— Вот тебе и старые добрые ценности. Ты не забыл, что здесь присутствуют дамы?

— О чем это ты?

— Ну, когда я был молодым, мы не употребляли таких выражений при дамах.

— Каких таких выражений, старый дурак?
— Ты сказал «сраными», Джеймс, — ответил дядя Сидней.
— Ничего подобного я не говорил. Я не верю в... У мужчины должен быть весьма ограниченный словарь, если ему приходится прибегать к подобным ругательствам. Что ты пытаешься доказать, Сидней?

В глазах дяди Сиднея снова мелькнуло удивление.

— Забудем об этом, — произнес он наконец.

— Ты что-то хотел предпринять?

— Нет, ничего я больше не хочу, — сказал дядя Сидней.

Телекамера перескакивала с одной сцены на другую. Пожары сменялись сценами погромов. Погромы сменялись пожарами...

Джеймс Генри обернулся к своим женам:

— Я сказал что-нибудь предосудительное?

Те разом отрицательно покачали головами.

Он снова мрачно вперил взгляд в дядю Сиднея.

— Вот видишь!

— Хорошо. Все в порядке. — Дядя Сидней отвернулся от него.

— Я доказал, что ничего такого не говорил! — повторил угрожающе Джеймс Генри.

— Достаточно убедительно.

— Вот свидетели! — Он ткнул пальцем в жен. — Они подтвердили.

— Разумеется.

— Что ты хочешь сказать этим «разумеется»?

— Я хочу сказать, что верю тебе. Извини. Я, наверное, ошибался.

Джеймс Генри ухмыльнулся:

— Мог бы извиниться перед всеми.

— Я приношу извинения всем вам, — произнес дядя Сидней. — Всем вам.

Райан, стоя в дверях, хмуро наблюдал за этой сценой. Потом перевел взгляд на Иду... Фелисити... Фреда Мастерсона. Затем посмотрел на телеэкран.

Там не было ничего особенно нового. Было жутко и казалось нереальным. Точнее, мало что хоть отдаленно походило на реальность.

Райан пошел к телевизору, чтобы выключить его, но вдруг остановился. Внезапно его охватило чувство, что, если повернуть выключатель, исчезнет не только телевизионное изображение, но и все, что находится в комнате.

Он содрогнулся, переполненный страхом и безнадежностью. Охваченный депрессией. Переполненный сомнениями.

Какой мерзкий день.

На самом деле этот день — в некотором роде исторический. подумал он. Поворотная точка в истории страны — а может быть, и в мировой истории.

Возможно, это было началом нового Средневековья.

Он вздохнул и протянул руку к выключателю...

Глава 6

Райан удобно располагается в своей маленькой каюте, перед мягко мерцающим экраном телевизора; голоса произносят реплики на иностранном языке, и он помимо своей воли впадает в дремоту.

Конечно, он знал, когда выбирал фильм на чужом языке, что этим все и кончится. Знал, но не хотел признаться в этом.

Терзаемый кошмарами во время положенных часов сна, каждое утро просыпающийся в поту, порой не в состоянии даже вспомнить то, что видел во сне, — Райан отчаянно нуждается в отдыхе.

Удары сердца и толчки крови — барабаны жизни — смутно, приглушенно заполняют его сознание...

*

Райан находится в большом зале.

Танцевальная площадка тускло блестит.

Слабо светят канделябры.

Они испускают голубоватый свет.

Стены декорированы черными лентами.

На стенах на уровне глаз висят маски.

У этих масок человеческие лица.

ПРОДОЛЖАЕМ ДВИЖЕНИЕ МЕАЖЛОДОРП

Корабль держит курс на Мюнхен. Двигается чуть медленнее скорости света.

Корабль летит на Мюнхен.

Я ЗНАЮ, ЧТО Я DES...

DES SCIENCES — HISTOIRE DES SCIENCES — HISTOIRE DES SCIENCES...

ОДНАКО ЭТО ПРАВДА

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

ЛЮБОМУ, КТО ПОЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ

(незачем рассказывать — некому рассказывать — это неважно...)

ПРОДОЛЖАЕМ ДВИЖЕНИЕ МЕАЖЛОДОРП
КУДА?

*

В танцзале у масок человеческие лица. Лица, искаженные злобой, похотью и алчностью.

Одна из масок — дико искаженный лик его Джозефины. А вот и лицо его младшего, Александра; рот открыт, глаза пусты... Идиот, пускающий слюну.

Пары кружатся под монотонную музыку. Темп ее замедляется, и люди двигаются все медленнее и медленнее. Они одеты в темное. У них жесткие, резко очерченные лица — практичный, эгоистичный, упитанный средний класс. Это весьма состоятельные люди.

Их глаза прикрыты круглыми солнечными очками. Высокие окна в конце зала смотрят в черноту. Музыка замедляется, мужчины и женщины кружатся медленнее, так медленно, что почти совсем не двигаются.

Музыка стихает.

Медленно нарастает барабанный бой.

Затем он стихает, а музыка становится похожа на панихиду.

Барабан бьет громче, музыка оживляется.

Звучит высокий, пронзительный крик, который не прерывается в продолжение всей панихиды.

Барабан бьет быстрее, музыка ускоряется...

Пронзительные крики становятся громче.

Танцующие сбиваются в кучу к центру зала, обращая к окну свои круглые черные глаза. Они тихо переговариваются между собой.

В НОЧЬ ЯРМАРКИ ПРОИЗОШЛА АВАРИЯ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

НОЧЬЮ В МАЕ АВАРИЯ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

В МАЙСКУЮ НОЧЬ АВАРИИ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

КТО-ТО МОЖЕТ АВАРИЯ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

КТО-ТО МОЖЕТ ДОПУСТИТЬ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

КТО-ТО БУЛАВОЙ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

КТО-ТО ТУЗАНУЛ

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

КТО-ТО

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

КТО

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

ТО

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

О

В.: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ КАТАСТРОФЫ?

ОТВЕТА НЕТ

ОТВЕТА НЕТ

ОТВЕТА НЕТ

КОНЕЦ СЕАНСА. СОТРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВСЮ ПРЕДЫДУЩУЮ АХИНЕЮ И СДЕЛАЙТЕ ПЕРЕЗАГРУЗКУ, ЕСЛИ НЕОБХОДИМО.

*

Они все еще смотрят в окно.

Райан с женой и двумя детьми стоят перед окном. Одной рукой он обнимает Джозефину, другой охватывает плечи мальчиков.

В толпе разговаривают о них. Райан ощущает страх за жену и детей. Толпа все более возбуждается...

Пронзительный крик на фоне музыки все громче, пение назойливее, барабан бьет быстрее, быстрее, быстрее...

*

КОРАБЛЬ ДЕРЖИТ КУРС НА МЮНХЕН.
ДВИЖЕТСЯ ЧУТЬ МЕДЛЕННЕЕ СКОРОСТИ СВЕТА.
КОРАБЛЬ ДЕРЖИТ КУРС НА МЮНХЕН.

*

СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ
СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ
СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

Лампочка вспыхивает и гаснет, словно стараясь предупредить его о чем-то, а не успокоить. Он хмуро смотрит на большую табличку под ней. Неужели что-нибудь не в порядке с погруженным в сон экипажем? Что-то, чего он не заметил? Что-то, чего не зарегистрировали приборы?

*

Райан, проснувшийся в поту, невидяще упирает взгляд на крошечные плоские фигуры на телеэкране.

Во всем теле слабость, во рту пересохло.

Он облизывает губы и громко вздыхает.

Потом, стиснув зубы, выключает телевизор и покидает каюту.

Его шаги эхом отдаются в коридоре.

Он подходит к крохотному отсеку с длинной белой кроватью, устраивается на ней, привязавшись ремнями, и получает сеанс массажа.

По окончании сеанса у него болит все тело, а в голове ничего не проясняется. Теперь Райану пора есть. Он возвращается в свою каюту и принимает пищу, не ощущая никакого вкуса.

Закончив, отодвигает крышку иллюминатора и смотрит через это подобие окна в огромное пространство космоса.

Какую-то секунду ему кажется, что там, снаружи, в пустоте, он видит темную фигуру. Он торопливо протирает глаза и пристально всматривается в звезды.

Планету, к которой он направляется, разглядеть нельзя. Три года он уже находится в космосе. И будет еще два. Пока еще не видна цель путешествия. У него есть только слово, данное астрофизиками, что она существует и может поддержать те тринадцать жизней, что несутся к ней. Планета звезды Барнарда, Мюнхен 15040.

Он один в космосе. Командует этим кораблем и двенадцатью жизнями. И больше половины пути уже позади.

Воспоминание о том, что он совершил, накатывает на Райана. Кроме страха, кроме мучений, вызванных одиночеством, он ощущает гордость. Он закрывает «иллюминатор», оставляет кабину и идет в отсек управления выполнять свои обязанности.

Но он не может освободиться от томительного чувства подавленности, от ощущения чего-то неделанного...

Это ощущение невыполненной задачи заставляет Райана работать еще интенсивнее.

Он заново прогоняет тесты на компьютере. Он инспектирует приборы, перепроверяя каждый, чтобы удостовериться в точности показаний.

Все в идеальном порядке.

Он ничего не забыл.

То чувство почти исчезает.

Глава 7

Прочитав отчет в компьютер, Райан идет к пульту под экраном и открывает выдвижной ящик, где лежит красный боржурнал, готовый принять его заметки. Он садится за свой стол и, мурлыча песенку, выполняет кое-какие расчеты. Работает механически, но быстро. Наконец, удовлетворенный, завершает работу.

Теперь у него есть пятнадцать свободных минут. Он опять извлекает из ящика красный боржурнал, проводит черту под своим официальным рапортом и пишет:

«Один в корабле, я испытываю взлеты и падения эмоций, не закаленных необходимостью менее механической работы, чем та, которую я выполняю, не отвлекаемый присутствием остальных».

Он перечитывает написанное, хмурится, пожимает плечами, продолжает:

«Это причиняет глубокую боль и делает меня добычей собственных чувств. Это также доставляет и большую радость. Час назад я вглядывался через иллюминатор в бесконечные пространства и припомнил, что я, что все мы, как группа, сделали для своего спасения. Мой ум возвращается назад, туда, — чем мы были в прошлом и чем будем в будущем».

Перо Райана повисает над страницей. Он делает пишущие движения над журналом, но не в состоянии облечь мысли в слова.

Наконец сдается, проводит еще одну черту под записью, хлопывает журнал и убирает его в ящик.

Потом передумывает, достает обратно и продолжает торопливо писать:

«Мир болен и даже наша компания была затронута недугом. Мы не остались незапятнанными. Мы продали некоторые наши идеалы. Но, может быть, разница была в том, что мы сознавали, что продаемся. Мы понимали, что делаем, и потому оставались разумными, когда почти все остальные впади в безумство.

Правда также, что мы стали в какой-то мере равнодушны к ужасам вокруг нас, отгородились от них — даже оправдывали какие-то из них, — даже смешивались со всем стадом времени от времени. Но у нас была цель — наше ощущение предназначения. Это поддерживало нас. Я, однако, не отрицаю, что иногда поддавался и совершал поступки, о которых сейчас склонен сожалеть. Но, может, это и стоило того. В конце концов, мы уцелели!

Может быть, других оправданий и не нужно.

Мы сохранили наши головы и сейчас летим колонизовывать новую планету. Дать начало новому обществу с более чистыми, достойными, разумными принципами.

Пусть циники думают, что это недостижимый идеал. Со временем все станет так же плохо, скажут они. Что ж, может быть, и не станет. Может быть, на этот раз мы на самом деле сумеем построить разумное общество!

Ни один из нас не безупречен. Особенно эта компания! Все мы ссоримся, у всех есть качества, которые другие находят раздражающими. Но суть в том, что мы — семья. Будучи семьей, мы можем спорить, в чем-то сильно расходиться — даже в какой-то степени ненавидеть друг друга — и все-таки выжить.

В этом наша сила».

Райан зевает и смотрит на часы. У него есть еще несколько свободных минут. Он смотрит на бумагу и опять начинает писать:

«Когда я оглядываюсь на нашу земную жизнь, особенно к концу, я осознаю, в каком же мы были напряжении. Рутинa корабля успокоила меня, позволила понять, во что же я превратился. Мне не нравится то, чем я стал. Наверное, надо стать волком, чтобы драться с волками. Этого никогда больше не случится. Были времена, не могу отрицать, когда я потерял веру в свои идеалы — и даже в свои чувства. Некоторые события

словно в тумане — некоторые почти совсем забылись (хотя, не сомневаюсь, кто-то из моих родственников или друзей сумеет мне напомнить). Слабо верится, что обществу понадобилось так мало времени, чтобы потерпеть крах.

Что, несомненно, вызвало травму — внезапность. Очевидно, признаки надвигающихся кризисов существовали, и, наверное, мне следовало бы обратить внимание на них — но внезапно весь этот хаос обрушился на весь мир! То, на что мы ворчали на манер стариков, недовольных меняющимися временами, оказалось, я понимаю теперь, гораздо более серьезными показателями социальных потрясений. Стремительный рост населения, уменьшение производства продуктов — это были старые проблемы, о которых говорил еще Иеремия, — но они навалились на нас неожиданно. Возможно, мы намеренно отказывались признать эту проблему точно так же, как люди отказывались признать возможность войны с Германией в конце тридцатых. У нас, хомо сапиенс, есть замечательная способность прятать головы в песок, притворяясь, что ничего не боимся».

Райан мрачно улыбается. Это так, думает он. Люди в стрессовой ситуации начинают обычно заниматься десятком надуманных проблем, оставляя реальность совершенно нетронутой, потому что с ней слишком трудно справиться. Как тот человек, что потерял в доме шестипенсовик, но решил поискать его на улице, потому что там светлее и он сэкономил бы на свечах.

Он добавляет в журнал:

«И всегда находится какой-нибудь чертов мессия, отвечающий их потребностям, — кто-то, за кем они слепо пойдут, потому что слишком боятся положиться на свой здравый смысл. Вроде Дон Кихота, возглавляющего гадаренских свиней!»

Райан вслух смеется.

«Вожди, фюреры, дуче, пророки, провидцы, гуру... Сотню лет миром правили плохие поэты. Хороший политик лишь в небольшой степени провидец — в сущности он должен быть человеком, видящим практические, сиюминутные нужды людей и пытающимся что-то делать с этим. Провидцы хороши, чтобы воодушевлять людей, — но это худший тип лидеров: они пытаются навязать свои довольно простые предвидения чрезвычайно сложному миру! Почему политика и искусство так перемешались за последнюю сотню лет? Почему плохим художникам достались народы в качестве холстов для писания своего обрывочного, поверхностного вздора? Возможно, потому, что поли-

тика, как до нее религия, перестала быть эффективной силой и нужно было найти что-то новое. И явилось искусство — до тех пор, пока в свою очередь его что-то не заменит. Подвернется ли это что-то? Трудно сказать. На Мюнхене 15040 мы, вероятно, никогда не узнаем, уцелеет мир или нет.

Слава Богу, что мы вовремя проявили инициативу и отправили этот корабль к звездам!»

Времени писать больше нет. Райан торопливо откладывает бортжурнал и приступает к регулярной проверке двигателя корабля, прогоняя тест практически для каждого отдельного узла.

Он никогда не готовился на астронавта и сам обучился процедуре управления кораблем. Никто не планировал, что именно Райан будет стоять в данный момент в рубке управления.

Вообще-то говоря, он был простым преуспевающим бизнесменом.

Пока выполняется рутинная проверка, он предается воспоминаниям о временах, когда ему даже мысль о космическом путешествии не приходила в голову.

Он видит себя — крепко сложенного сорокалетнего мужчину — стоящим спиной к огромному зеркальному окну просторного офиса, с шикарным ковром на полу. У него крупное лицо с упрямым взглядом, широкая спина, ладони с короткими пальцами сцеплены за спиной.

До того как Райан безраздельно посвятил себя кораблю и своим погруженным в сон спутникам, уподобившись средневековому монаху, призванному хранить знания и жизни, содержащиеся в этом движущемся монастыре, — он был человеком, находящимся почти постоянно в состоянии боя.

...Лет десять тысяч назад он был бы во главе стаи волосатых сородичей, с бивнем в руке...

А в наше время он занимался игрушками.

Нет, он не строгал по-крестьянски кукол-марионеток в уютном маленьком домике. Райан владел фирмой, дававшей в год в среднем миллион фунтов прибыли, производившей игрушечные видеофоны, пластмассовые молотки, чудесные миниатюрные фейерверки, говорящих кукол в натуральную величину, машины по колено высотой с автоматической сменой передач, крохотные электрические кухонные автоматы, по-настоящему блеющих овец, всякие штучки, которые прыгали, ездили, шумели, ломались, когда кончалось их расчетное время жизни, и тайком выбрасывались родителями в городские узлы быстрого удаления отходов.

Райан нажал на кнопку.

На экране появился его управляющий Оуэн Пауэлл. Он стоял на четвереньках на полу офиса, наблюдая за двумя крохотными куклами, шагающими по ковру.

Когда он произнес: «Хэлло, Райан!», — кукла немедленно отозвалась прекрасно модулированным голосом: «Хэлло, Оуэн!»

— Это та самая говорящая кукла, про которую ты мне рассказывал? — спросил Райан.

— Она самая. — Пауэлл выпрямился. — Я знал, что они смогут, если постараются. Прелесть, правда? Ребенок «впечатывается» в нее свой голос в магазине, скажем, в свой день рождения. После этого она может давать до двадцати пяти ответов на его вопросы, но только этому ребенку. Представь — кукла, которая умеет говорить, вполне разумно, но только с тобой. Детишки с ума будут сходить.

— Если цена будет разумной, — добавил Райан.

Пауэлл был энтузиастом, вот кто и в самом деле был бы счастлив, вырезая игрушки в старой крестьянской хижине. Если бы не получал у Райана двадцать тысяч фунтов в год. Он явно был смущен замечанием Райана.

— Ну, может быть, можно снизить розничную цену до двадцати фунтов. Что скажете на это?

— Неплохо. — Райан нарочно не поощрял Пауэлла. Тот стал бы разбиваться в лепешку за улыбку — и все в ущерб работе. Следовательно, лучше быть с ним посдержаннее.

— Брось это все сейчас. — Райан потер брови. — У нас еще уйма времени правильно определить цену до Рождества, когда мы попробуем выставить несколько штук, посмотрим, как они пойдут, и выпустим к весне большую партию для следующего Рождества.

— Согласен, — кивнул Пауэлл.

— А теперь, — сказал Райан, — я хочу, чтобы ты сделал для меня пару вещей. Первое — свяжись с фабрикой и скажи Эймсу, чтобы использовал брошку марки IV для Королевы кукол. Второе — позвони Дэвису и сообщи ему, что мы прекращаем все поставки, пока он не заплатит.

— Он и август не протянет, если мы это сделаем, — возразил Пауэлл. — Если мы прекратим поставки, ему придется закрываться, шеф. Мы получим только часть того, что он нам должен!

— Мне наплевать, — отмахнулся Райан. — Я не позволю Дэвису удрать с товаром еще на десять тысяч фунтов, с тем чтобы

он заплатил нам потом, если нам повезет. На таких условиях я бизнес вести не буду. Это окончательно.

— Ну ладно, — пожал плечами Пауэлл. — Это вполне разумно.

— Я думаю.

Райан выключил связь.

Он запустил руку в стол и вытащил флакончик с зелеными таблетками, налил в стакан воды из старомодного графина, стоящего на всегда безупречно чистом столе и, проглотив таблетки, поставил стакан. Затем принял обычную позу, слегка подав голову вперед и заложив руки за спину. Ему нужно было принять решение.

Пауэлл был хорошим управляющим.

Иногда чуть-чуть небрежным. Забывчивым. Но в целом эффективным. Он не был сварливым, как честолюбивый Конрой, или надменным, как его последний управляющий, Эверс.

То, что Райан ошибочно принял сначала за скромность, уважение к уединению другого человека, у Эверса переходило все разумные границы.

Когда управляющий отказывается разговаривать по внутренней связи с исполнительным директором фирмы, упрямо выключая ее, — бизнес становится невозможным.

Райан, конечно, мог бы уважать его чувства, сочувствовать им, если уж па то пошло, как и любой воспитанный человек. Но факты есть факты: нельзя заниматься бизнесом, не разговаривая с другими людьми. Пусть они тебе не знакомы, пусть не очень приятны, но если ты не можешь вести короткий разговор по селектору, то ты бесполезен для фирмы.

Райану самому не всегда приятно общаться со многими из своих ключевых работников, но если надо либо смириться, либо разориться, он выбирает первое.

Пауэлл определенно был хорошим управляющим — умным и изобретательным.

Однако, подумал Райан, я почти ненавижу этого инфантильного беби. Это шемячье выражение лица — вот-вот подпрыгнет и облизнет тебе физиономию. Тошно становится, как представишь. В нем и намек не было хоть на какую-то осторожность, или элементарную сдержанность...

Конечно, если посмотреть в лицо фактам, все это оттого, что Пауэлл — валлиец. Открытый и дружелюбный, когда разговаривает с тобой, а за твоей спиной защищает только интересы клана.

Кстати, валлийские банды были самые опасные в городе. Райан пожалел, что еще не купил себе автомат и не научил жену и старшего сына пользоваться им.

Райан вспомнил, что старый Сондерс из «Веселого голоса» недавно здорово озадачил его своими рассуждениями насчет Пауэлла.

— Было бы лучше,— сказал он,— если бы этот твой управляющий, Пауэлл, сменил фамилию. Ты не станешь отрицать, что она звучит по-валлийски, а с этими валлийскими националистами недавно была куча хлопот. Достаточно одного только намека со стороны твоих конкурентов — скажем, компании «Луный свет» — через своего представителя по связям с общественностью, и тебя заклеят в печати как нанимателя валлийских рабочих. А уж это вряд ли пойдет на пользу торговле. Как раз в тот критический момент, когда они выбирают между одним из твоих товаров и товаром другой фирмы — они вспомнят. И просто не купят игрушку от Райана. Улавливаешь, к чему я клоню? Одно твое слово старине Пауэллу, и он сменит фамилию на «Смит».

Райан изобразил на лице улыбку и попрощался. Он выключил связь и погрузился в неприятные размышления.

Во-первых, понятно, что Пауэлл сначала придет в замешательство, а потом, естественно, заупрямится.

Во-вторых, хуже того, Сондерс ни секунды не думал, что Пауэлл валлиец. Он только считал, что у того неподходящая фамилия.

Райан понимал, что находится в серьезной опасности. В то время, как его конкуренты отказывались брать работников с подозрительными фамилиями, каким бы безупречным ни было их происхождение, у Райана работал настоящий, живой валлиец, который запросто мог оказаться националистом, работающим на «Валлийское дело». Чертовски нелепо. Как он мог быть таким беспечным? Почему бы не подумать об этом раньше?..

Он нахмурился: как глупо. Пауэлл слишком поглощен своей работой, чтобы интересоваться политикой. Он был бы последним, кого можно было бы заподозрить в чем-либо подобном.

И все же в этом кое-что есть. Националисты последнее время причиняли массу хлопот, и, с убийством короля, дела на самом деле пошли плохо. Валлийские националисты заявили, что это их рук дело. Правда, и другие группы экстремистов выдали такие же заявления.

Во всяком случае, Пауэлл представляет собой затруднение. Тут нет вопроса. Однако не может же он уволить человека только по подозрению.

Лицо Райана покраснело, а толстые пальцы сильнее переплелись за спиной.

Я тут здорово влип, подумал он, пощипывая себя за нос. Затем вызвал управляющего по кадрам.

Фредерик Мастерсон сидел за столом, трудясь над каким-то графиком. Высокий, худой и бледный Мастерсон был полной противоположностью коренастому и румяному Райану. Когда в его кабинете прозвучал звонок, Фредерик испуганно выронил карандаш из руки и посмотрел на экран. При виде Райана на его губах появилась слабая улыбка.

— А, это ты, — сказал он.

— Фред, мне нужны подробные сведения обо всех наших сотрудниках с иностранными или необычными фамилиями — или любого иностранного происхождения. Я не планирую никаких чисток — просто чтобы подстраховаться.

Он коротко рассмеялся.

— Вот-вот, — усмехнулся Мастерсон. — Ведь твоя фамилия ирландская, не так ли?

— Перестань, Фред. Я не больше ирландец, чем ты. Ни единый мой родственник или предок за последние сто лет даже не видели Ирландии, не то чтобы приехать оттуда.

— Понятно, понятно. «Только назови меня ирландцем — и я тресну тебя по башке дубинкой». — Фред произнес это с нарочитым ирландским акцентом.

— Брось потешаться, Фред, — коротко сказал Райан. — На карту поставлена судьба фирмы. Ты ведь знаешь, сколько на свете идиотов. И чем дальше, тем, по-видимому, хуже. Я просто не хочу зависеть от случайностей. Хочу, чтобы ты разобрался. Если нужно, поставь весь отдел просматривать личные дела на предмет малейшего намека на что-нибудь необычное. Исследуй браки, происхождение семьи, обучение в школе, прежние места работы. И никаких дальнейших действий. Я не собираюсь никем жертвовать.

— Разумеется, — иронически заметил Мастерсон.

— Да перестань же, Фред. Я просто хочу подготовиться. На тот случай, если какие-нибудь конкуренты начнут нас доставать. Естественно, я буду защищать своих сотрудников до конца. Это один из путей убедиться, что я могу защитить их — для начала от каких-либо сплетен.

Мастерсон вздохнул.

— А что с теми, у кого негритянская кровь? Из Вест-Индии? Их порядочно понаехало, прежде чем стали всех отсылать обратно.

— Ладно. Не думаю, что в данный момент кто-либо имеет что-то против черных, не так ли?

— В данный момент нет.

— Отлично.

— Но разве знаешь...

— Да.

— Я хочу защитить их, Фред.

— Разумеется...

Райан отключил связь и вздохнул.

Он вдруг вспомнил сон, виденный им прошлой ночью. Странно, как неожиданно вспоминаются сны спустя долгое время после того, как они снились.

Сон был про кошку и старый дом, где он жил с родителями. Там, позади дома, был большой заросший сад, в котором обитало несколько кошек. Во сне было пневматическое ружье, которое у него тогда было, и бело-рыжая кошка — чужая, — пробравшаяся в сад. Кто-то — не он сам — выстрелил в нее. Он сам не хотел стрелять, но сопровождал этого другого человека. В кошку уже стреляли однажды, и ее подлечили соседи. На левом боку у нее красовался кусок лейкопластыря. Его попутчик выстрелил из ружья и тяжело ранил кошку, но та словно и не заметила этого и продолжала, задрав хвост и мурлыча, идти вдоль стены. Бок ее был разворочен пулей, но кошка не замечала этого.

Она вошла в дом, пробралась на кухню, не переставая мурлыкать, и уткнулась в миску одной из местных кошек.

Райан был в замешательстве: убить ее, чтобы избавить от страданий, или оставить в живых. Похоже, никаких страданий она не испытывала...

Райан встряхнул головой: какой мерзкий сон. К чему бы это? Впрочем, у него никогда не было бело-рыжей кошки.

Райан пожал плечами. Боже ты мой, сейчас не время размышлять о глупых снах. Ему предстоит кое-что тщательно обдумать. Сугубо реалистично. Он гордился тем, что был прагматиком и хорошо известен своими незаурядными предпринимательскими качествами. Он владел лучшими кадрами в индустрии игрушек. Люди просто рвались работать в «Игрушках Райана»: платили больше, да и условия были лучше. Райана уважали конкуренты и даже профсоюзы. В «Игрушках Райана» никогда не существовало никаких проблем.

Ему необходимо обдумать свои дела. И, конечно, прежде всего в своей стране, так как экспорт «Райана» держится на высоком уровне.

Точнее, держался, подумал Райан, пока мощная волна национализма не захлестнула мир и не заморозила внешнюю торговлю.

Ну, это все-таки пройдет. Небольшая встряска, она всем пойдет на пользу. Заставит людей почувствовать землю. Нужно научиться справляться с этими странными патриотическими кризисами, которые приходят и уходят. Он сам не увлекался политикой. Либерал «с маленькой буквы», как он любил себя называть. У него была превосходная система распределения прибыли на фабрике, множество надбавок, соглашение с профсоюзами, что по его смерти управление фабрикой перейдет к рабочим с выплатой определенного процента его семье. Он был двумя руками за социализм, если он вводится безболезненно. Твердо отказался иметь личного врача и, наравне со всеми, пользовался национальной медицинской службой. Не будучи фамильярным со своими рабочими, он был с ними в хороших отношениях, и его любили.

Эта глупая расистская чепуха придет и уйдет. Есть шанс, что она вовсе не затронет его фабрику.

Райан глубоко вздохнул. Он становится слишком мнительным, вот в чем беда. Может, из-за того, что его грызет этот чертов баланс с Дэвисом. Все равно с Дэвисом надо держать жесткую линию, пусть даже это означает потерю нескольких тысяч. Лучше распрощаться с деньгами, лишь бы избавиться от связанных с ними хлопот.

Он еще раз позвонил Пауэлла.

Тот опять ползал на четвереньках, забавляясь с куклой.

— Ой,— сказал он, выпрямляясь.

— Ты выполнил то, о чем я тебя просил, Пауэлл?

— Да. Я поговорил с Эймсом и позвонил Дэвису. Он сказал, что постарается.

— Молодец,— похвалил Райан и торопливо отключился, увидев довольную улыбку на лице Пауэлла.

Глава 8

Райан занимается ремонтом устройства регенерации жидкости, находящегося в передней части корабля. Оно слегка барахлит, и в воде ощущается слабый привкус мочи. Нужна запасная

деталь, и миниатюрный сервробот получает задание заменить отказавший элемент.

Конечно, Райана спасла его практичность. Он сохранил холодную голову, когда все вокруг теряли рассудок, впадая в истерику, принимая дурацкие решения — или, еще хуже, не принимая никаких.

Он улыбается. Решения он всегда принимал быстро. Даже когда эти решения были не слишком приятными или, может быть, не слишком популярными. Именно его природная практичность позволила продержаться дольше всех и дольше всех быть на плаву. Помогала ему до тех пор, пока он не оказался в безопасности, выбравшись из хаоса, в который погрузилось распавшееся, безумное общество на Земле.

Таким он и намерен остаться. Он должен сохранять трезвую голову, не позволять депрессии, болезненному одиночеству, слабостям натуры взять над ним верх.

— Я сделаю это,— бормочет он себе под нос.— Я это сделаю. Эти люди получают свой шанс начать все с начала.

Он зевает. Мышцы на шее побаливают, и он энергично двигает плечами, надеясь их размять. Но боль не проходит. Что-то надо будет с этим делать, так как необходимо любой ценой поддерживать форму. Нужно думать не только о себе.

Не всеми своими делами на Земле он гордился. В других обстоятельствах он бы ни за что так не поступил.

Но, в отличие от большинства, он не сошел с ума.

Едва удерживаясь, он добрался до другого края пропасти. Он держал глаза открытыми и видел вещи в реальном свете, в то время как большинство гонялось за журавлем в небе или сражалось с бумажными тиграми. Естественно, это была борьба, и иногда он совершал ошибки. Но его здравый смысл ни разу не подвел его.

Что ему говорили?

Он кивнул — да, именно так: «Ты выживальщик, Райан. Обыкновенный хренов выживальщик».

Сейчас, конечно, это было еще более верно, чем когда-либо раньше.

Он был выживальщиком. Он выжил. И он, и его друзья, и его родственники.

Он держит курс на новый, первозданный мир, не испорченный человечеством, оставив остальных гнить в куче дерьма, которую они сами произвели.

Однако он не должен гордиться. Гордыня до добра не доведет... Нельзя становиться эгоцентристом. Тут не обошлось без везения. Не такой плохой оказалась идея время от времени тес-

тировать себя, просматривать эту чепуху из Религии Старого Времени. «Семь смертных грехов»....

Проверить собственную душу, как он проверял корабль.

ТЕСТ НА ГОРДЫНЮ.

ТЕСТ НА ЗАВИСТЬ.

ТЕСТ НА ЛЕНЬ.

ТЕСТ НА ЖАДНОСТЬ.

...и так далее. Полезная процедура. Во всяком случае, удерживает в здравом уме. А он не отвергал возможности, что мог бы сойти с ума. Вероятность есть всегда. Он должен следить за признаками. Вовремя контролировать их. Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти.

Именно так он всегда и действовал.

В конце концов, неплохо преуспел.

— РЕМОНТ ЗАКОНЧЕН,— сообщает компьютер.

Райан доволен.

— Поздравляю!— весело говорит он.— Продолжай в том же духе, приятель!

Дело в том, размышляет Райан, что, в отличие от других, он ни разу в жизни не был у психиатра. Он сам был своим собственным психиатром. Жадность, например, могла указывать на какой-то вид нарушения, проявляющийся в непрерывной еде. Поэтому, обнаружив, что переедает, он начинал докапываться до корней проблемы. То же самое и с работой. Если она начинает заваливать вас с головой — остановитесь, возьмите выходной. Это значит, вы будете работать лучше, когда вернетесь, и не будете тратить все время, ругая подчиненных за ошибки, которые, в сущности, сами и породили.

Он нажимает кнопку крана, пробует воду. Вода чудесная.

Райан расслабляется. Тревожные сны, чувство подавленности уступают место ощущению благополучия. Он вовремя уравновесился. Вместо того, чтобы оглядываться на плохие времена, он вспоминает хорошие. Так и должно быть.

Глава 9

Мастерсон связался с Райаном спустя примерно неделю после того, как начал свою проверку.

Райан несколько дней был в хорошем расположении духа: дело с Дэвисом уладилось. Дэвис заплатил две трети долга, и

они решили, что будут квиты. Чтобы не показывать плохого отношения, Райан даже внес заклад за квартиру Дэвиса, чтобы тому было где жить после того, как он продаст свое дело.

— С добрым утром, Фред. Что новенького?

— Занимаюсь тем, о чем ты просил.

— Есть какие-нибудь результаты?

— Думаю, все готово. Я построил диаграмму полученных данных.

— И как же она выглядит?

— Ты будешь потрясен.— Мастерсон сжал губы.— Думаю, мне лучше прийти и поговорить с тобой лично. Покажу тебе материал, что я получил. Ладно?

— Ну... конечно... да. Хорошо, Фред. Когда ты хочешь прийти сюда?

— А прямо сейчас?

— Дай мне полчаса.

— Хорошо.

Райан потратил полчаса на подготовку к визиту Мастерсона: очистил стол, убирая все, что могло быть убрано, выровнял ряд стульев.

Когда пришел Мастерсон, Райан, сидя за столом, улыбнулся ему.

Мастерсон разложил диаграмму.

— Вижу, что ты хотел сказать,— произнес Райан.— Боже мой! Но мы все равно ведь решили это сделать, а?

— Это подтверждает то, что я и так предполагал,— сказал Мастерсон.— Десять процентов твоих работников, в основном на северных фабриках, на самом деле полностью иностранного происхождения — в основном австралийского и ирландского. Еще у десяти процентов родители родились за пределами собственно Англии, то есть в Шотландии, в Уэльсе и в Ирландской республике. Три процента твоих сотрудников — евреи, хотя родились и получили образование в Англии. Около полупроцента имеют негритянскую и азиатскую кровь. Такова общая картина.

Райан потер нос.

— Чертовски трудно, а, Мастерсон?

Мастерсон пожал плечами.

— Это могут использовать против нас. Есть много способов. Если правительство предоставит налоговые льготы фирмам, нанимающим на сто процентов английский персонал, как об этом поговаривают, тогда мы не получим выгоды от этих льгот. Потом будут эмбарго от оптовых и розничных торговцев, если

наши конкуренты опубликуют эту информацию. Наконец, есть еще таможенники.

Райан задумчиво облизал губы.

— Сложное положение, Фред.

— Да. Сложное.

— О черт, Фред.— Райан почесал в затылке.— Есть только один выход, не так ли?

— Если ты хочешь уцелеть — да,— сказал Фред.

— Это значит пожертвовать немногими, чтобы защитить многих. Мы, конечно, дадим им хорошее выходное пособие.

— Это что-то около двадцати пяти процентов твоих сотрудников.

— Конечно, мы будем убирать их постепенно,— вздохнул Райан.— Мне нужно будет переговорить с профсоюзами. Не думаю, что они создадут нам какие-то проблемы. Они поймут, в чем дело. Всегда понимали.

— Сперва убедись в этом.

— Естественно. Что с тобой, Фред? Похоже, тебя что-то здорово достало.

— Ну, ты же прекрасно понимаешь, что это значит. Тебе придется избавиться и от Пауэлла тоже.

— Он не пострадает. Я же не чудовище, Фред. Однако тебе придется приспособливаться. Это единственный способ выжить. Нужно быть реалистами. Если бы я держался за некие абстрактные идеалы, вся фирма рухнула бы за шесть месяцев. Ты это знаешь. Все политические партии сходятся в одном — многие наши беды происходят от слишком терпимого отношения к иностранным рабочим. Откуда ветер ни подует в близком будущем, этой проблемы не избежать. А при тех способах, какие используют теперь в борьбе наши конкуренты, мы не можем себе позволить ходить в белых перчатках и нюхать дурацкие цветочки.

— Понимаю,— грустно отозвался Мастерсон.— Конечно.

— Пауэлл ничего не почувствует. Ему, в любом случае, лучше управлять больницей для кукол или магазином игрушек. И я это устрою — куплю ему этот чертов магазин. Что скажешь? И все будут довольны.

— О'кей,— сказал Мастерсон.— Неплохая мысль.— Он свернул чертежи.— Оставляю эту схему тебе, изучай.

Он направился к двери.

— Большое тебе спасибо, Фред,— благодарно произнес Райан.— Ты здорово потрудился. Благодарю.

— Это моя работа. Привет. Не унывай.

Мастерсон вышел из кабинета.

Райан испытал облегчение от его ухода, так как всегда испытывал дискомфорт, когда кто-то находился в его кабинете. Он сел, напевая что-то под нос, и погрузился в изучение мастерсоновских цифр.

Ты должен быть впереди гонки.

Вместе с тем Мастерсон прав: увольнять Пауэлла нельзя, несмотря на его тошнотворную искренность, граничащую с тупостью.

Райан невольно усмехнулся: бедняжка Пауэлл.

Как управляющий, как творческий человек — Пауэлл был первоклассным работником. Райан не мог бы назвать никого в их бизнесе, хоть вполностью пригодного на его место. С ним не было никаких проблем. Он был всем доволен. Охочий до работы, вкладывающий в нее куда больше времени, чем от него требовалось.

Может быть, это происходило от его чрезмерного простодушия? Нет, скорее всего, он был просто благодарен Райану, что имеет работу! Навряд ли он где-нибудь устроился бы вообще.

Да, типичный чертов валлиец, приклеившийся к фирме! Сладко улыбающийся, а на самом деле чрезвычайно скрытный! Выкачает уйму денег, не давая опомниться и сообразить, что само его присутствие угрожает подорвать дело. Пытается быть незаменимым в надежде, что его никогда не раскусят и не уволят. Приятен, сговорчив и всегда готов к сотрудничеству... Вполне может покрывать какую-нибудь специфическую валлийскую мафию. А потом — нож в спину, пуля в окно, засада на улице.

Прекрати, приказал себе Райан. Пауэлл не таков. Незачем превращать человека в негодяя только затем, чтобы оправдать его увольнение. Есть лишь одна причина, чтобы его выгнать: он может повредить фирме.

Райан успокоился.

Он сел за стол, выдвинул ящик и достал пакет с завтраком. Открыл термос и налил себе чашку кофе. Затем поставил еду на миниатюрный нагреватель в нижнем отделении ящика для еды.

Благодарение Богу, подумал он, за отмену этих коллективных завтраков с другими бизнесменами или служащими фирмы.

Наконец-то совместная еда умерла своей смертью. Что может быть противнее, чем жевать и глотать на глазах совершенно незнакомых людей, любоваться движущимися челюстями, предлагать вино, соль, перец, воду, чтобы сделать их еду более вкусной, разговаривать нос к носу, пока они кормятся... Кстати, переделка столовых добавила столь необходимое пространство для офисов.

Райан взял вилку и пододвинул тарелку. Еда была хорошо подогрета.

Поев, он расслабился. Теперь он все обдумал и принял решение. Это не отняло у него, как всегда, много времени.

Задача приняла законченные очертания. Да, это будет стоить ему порядочно «золотых и серебряных рукопожатий», но это необходимо. Во всяком случае, он сумеет нанять более дешевый персонал, учитывая огромную безработицу, и возместить свои убытки к концу года.

Таким путем все что-нибудь выигрывают. Никто ничего не теряет.

Он взял в руки листы с именами и цифрами и стал внимательно изучать.

Глава 10

Вот так это было, вспоминает Райан. Пинок под зад, что уж говорить, но хоть милосердный. Никто серьезно не пострадал. Могло быть и хуже. Есть же разница между тупым и разумным подходами к одной и той же проблеме.

То же самое было, когда он вытаскивал своих из той свалки на митинге Патриотов. Когда же это было? В январе? Да, в январе 2000 года. Цивилизованный мир в апокалиптической агонии катился к своему концу. Райан, похоже, проморгал симптомы радикальных социальных изменений. Тогда он был не в силах поверить, что все будет еще хуже. Толпы фанатов уже заполняли улицы, публично каясь и самобичуясь.

В январе по-идиотски закрыли лагеря для иностранцев. Они неплохо содержались, и люди там жили не хуже, чем за его пределами. Тогда же Патриоты попытались заменить их на лагерь для уголовников.

Райан вспоминает это сборище на Трафальгарской площади. Пятидесятитысячная толпа, заполнившая площадь, хлынула на ступени и мгновенно ворвалась в Национальную галерею и собор Святого Мартина. Она загрохотала все прилегающие улицы.

Это было ужасно и отвратительно. Бившиеся в истерике люди до жути напоминали обезумевших крыс в клетке.

Райана затошнило от воспоминаний.

Тогда они слишком далеко позволили толпе увлечь себя. Войска, пытаясь снять возбуждение, изредка постреливали по верху голов.

Шел снег. Огни фонарей скользили по стене, вдоль которой стояли вожди Патриотов, плясали над головами толпы, выхватывая из темноты большие хлопья снега, падавшие в плотную массу людей.

Вожди с поднятыми воротниками взирали на всех сверху вниз. Когда они произносили свои речи, их голоса неимоверно усиливались и, усиленные до оглушения, долетали вверх по улице Мэлл, туда, где королева Анпа пребывала в уединении, внимая тем же словам по телевидению. Их слышно было даже вниз по Уайтхоллу у самого Парламента.

Парламент. Который никому не нужен...

В толпе появились признаки разногласия. Похоже, скоро произойдет раскол.

Пока еще звучали обычные невразумительные политические клише, искаженные до неузнаваемости усилительной системой. Снег плотно валил на обращенные вверх лица: дисциплинированное собрание благоразумных людей. Нарушителей порядка было мало, что обеспечивалось присутствием войск и платной охраны Патриотов.

К микрофону подошел Колин Бисли — лидер Патриотов и член Парламента, громадный, коренастый мужчина в длинном черном плаще и широкополой шляпе, экстремист. Он владел приемами старой школы политиков — типа Черчилля. Это нравилось многим, желавшим, чтобы их политики были «сильными». Его речь, произносимая медленно и четко, была в меру зловеща и напыщена.

В отличие от других ораторов, он не стал говорить общие фразы о деле Патриотов, поскольку пришел с заявлением.

В тот момент, когда он начал говорить, поднялся ветер, и его голос пронесся необычайно далеко — над толпой на площади, над головами людей, стиснутых в улицах, до самого Вестминстера, Букингемского дворца и площади Пикадилли.

— Пришельцы — среди нас! — громыхал он, наклонив голову и подавшись вперед. — Среди нас есть пришельцы. Мы не

знаем, откуда они. Мы не знаем, как они приземлились. Мы не знаем, сколько их. Но мы точно знаем одно, друзья мои, народ Англии,— они среди нас!

Райан, стиснутый толпой, скептически поморщился, взглянув на прижатого к его боку Мастерсона. Он не мог поверить в каких-то пришельцев, ухитрившихся высадиться на Землю без чьего-либо ведома. И это тогда, когда небо непрерывно обшаривается со специальных наблюдательных постов, построенных по всей стране? Мастерсон, впрочем, слушал Бисли внимательно.

Райан снова посмотрел на трибуну.

— Мы не можем сказать, кто они, но они среди нас,— долбил Бисли.— Они выглядят, как мы,— просто совершенно неотличимы от нас. И все-таки они не люди. Это — нелюди, это — антилюди.

Он выдержал паузу, понизил голос:

— Откуда, спросите вы, мы знаем о пришельцах? Как мы узнали о существовании этой заразы, этих тварей, внедрившихся в наше общество, как раковые клетки в здоровое тело? Мы знаем это по свидетельству наших собственных глаз. Мы знаем, что пришельцы существуют, по тому, что происходит, когда они здесь, кем бы они ни были.

Как иначе можем мы объяснить хаос, кровожадность, нарушение законов, мятежи, революции? Как объяснить гибель маленьких детей, забитых насмерть йоркширскими фанатиками? Волны бесчинств и грабежей по всему Западному краю? Сатанинские отряды религиозных маньяков в Фенах? Как объяснить ненависть и подозрение, количество убийств — теперь оно втрое больше, чем было пять лет назад, в десять раз выше, чем в 1990 году! Как объяснить, что у нас так мало детей, когда несколько лет назад рождаемость удвоилась? Мы терпим бедствие! Кто возбуждает и подстрекает все эти беспорядки, кровопролития и разрушения? Кто? Кто?

Райан, вглядываясь в лица стоящих вокруг него людей, понимал, что они воспринимают это всерьез. Или нет? Или присутствие войск и охранников удерживало их от освидетельствования или просто ухода домой?

Он посмотрел на жесткие лица полицейских, стоящих вокруг помоста и смотрящих на вождя с напряженным вниманием. Похоже, что рассказы Бисли о скрытых пришельцах принимаются этим скопищем людей всерьез. По мере того, как Бисли продолжал говорить, описывая затаившихся вредителей, толпа начала согласно гудеть.

— Где-то есть их базы,— продолжал Бисли.— Мы должны найти их, братья патриоты. Мы должны уничтожить их, как осиные гнезда...

И в толпе пронесся единый глухой выдох:

— Да-а...

Он их потеряет, скептически подумал Райан, если не предложит им что-нибудь поконкретнее. Он должен объяснить им, как отличить эти опасные существа, которых им нужно уничтожить.

— Кто они? Как нам обнаружить их? — вопрошал Бисли.— Как? И в самом деле, как?

И, помедлив, продолжил пророчески-рассудительно:

— Вы знаете, кто они. Это мужчины — и женщины тоже, не сделайте ошибки, и женщины тоже, — которые не такие, как мы. Вы знаете их. Вы их узнаете с первого взгляда. Они по-другому выглядят. У них другие глаза. Они выражают сомнение там, где вы и я знаем наверняка. Это люди, связанные с иностранцами и людьми сомнительных качеств, мужчины и женщины, которые сомневаются в том, за что мы боремся. Это — скептики, еретики, насмешники. Они заставляют вас сомневаться во всем, даже в самих себе. Они много смеются и слишком часто улыбаются. Они пытаются с помощью вышучивания бросить тень на наши идеалы. Эти люди всегда возражают, когда предлагаются планы по очищению нашей страны. Они берут под защиту объекты нашего патриотического гнева. Они уклоняются от исполнения долга. Многие из них опустившиеся пьяницы и циники. Вы знаете этих людей, друзья. Вы знаете их — тех, кого заслали сюда подрывать правовое общество. Вы всегда знали их. Теперь настало время вырвать их с корнем и поступить с ними так, как они того заслуживают!

Не успел он закончить речь, как толпа взревела.

Райан ткнул в бок Мастерсона, недоверчиво уставившегося на помост.

— Давай выбираться. Скоро начнется.

— Только для пришельцев,— заметил Джеймс Генри.— Давай-ка, Райан, поохотимся на них!

Райан с удивлением посмотрел в сверкающие от возбуждения зеленые глаза Генри. А потом, неопределенно хмыкнув, посмотрел на Джона.

— Он прав,— сказал Джон, подавив стадное чувство.— Нам стоит подумать, как добраться до дома. Это настоящая массовая истерия. Господи Иисусе!

Генри сжал зубы.

— Я остаюсь.

— Послушай...— Райан уже с трудом отбивался от возбужденной толпы. Снег падал ему за шиворот.— Генри! Ты же не можешь...

— Делай что хочешь, Райан. Мы слышали призыв разобраться с пришельцами — давай разберемся с ними.

— Вряд ли они придут сюда сегодня, не правда ли? — закричал Райан и смолк, поймав себя на том, что начинает мыслить с точки зрения Генри. Это был первый шаг к тому, чтобы поверить самому.— Боже мой, Генри, это же очевидно! Не стоит тратить слов. Мы же разумные люди!

— Согласен. Это делает наш долг еще очевиднее!

Толпа насадела на четверых друзей, и они были вынуждены кричать, чтобы в ее реве расслышать друг друга.

— Джеймс... пойдём домой и поговорим. Здесь не место... — настаивал Райан, с трудом удерживаясь на месте.

Откуда-то послышались выстрелы. Потом огонь прекратился. В тишине Райан ясно услышал собственный крик в относительной тишине:

— Ты перестанешь принимать всерьез эту чушь, когда пригнешь дома пару стаканчиков!

Из-за плеча Генри высунулся какой-то человек, с лицом, словно налитым кровью.

— Что такое, приятель?— обратился он к Райану.

— Я разговаривал не с вами..

— Да ну? А я слышал, что ты сказал. Это интересно всем. Если спросить меня, я бы сказал, что ты один из них.

— Я вас не спрашивал.— Райан презрительно оглядел потную красную рожу.— Все имеют право на собственное мнение. Если вы считаете, что это правда, не стану с вами спорить.

— Заткнись!— сказал Мастерсон, дернув его за рукав.— За молчи и пошли домой.

— Чертов пришелец!— заорал краснолицый.— Тут их целое гнездо!

В мгновение ока толпа окружила их.

— Успокойтесь, вы, все!— повелительно крикнул мгновенно сориентировавшийся в ситуации Райан.— Я имел в виду, что мы можем совершить ошибку! Пришельцев необходимо обнаружить. Но для этого нам нужно действовать систематически. Применить научный подход. Разве вы не видите — это ведь пришельцы натравливают нас друг на друга.

Краснорожий нахмурился.

— Ну, наверное...— проворчал он.

— Дальше, если и есть пришельцы, то они не будут находиться здесь, среди нас. Они будут жаться к краю, стараясь улизнуть,— продолжал Райан.

— Это кажется разумным, — сказал Джеймс Генри. — Пошли за ними!

Райан увлек друзей за собой, крича вместе со всеми:

— Пришельцы! Пришельцы! Остановить пришельцев! Схватить их сейчас. Туда — на улицы!

Пробиваться сквозь толпу было все равно что брести по тряси-не. Каждый шаг, каждый вдох отдавался болью.

Райан повел их сквозь плотную вязкую толпу на ступени Национальной галереи, в более разсерженное столпотворение, пока они окончательно не оторвались от краснорожего и его дружок и не оказались в конце концов в движущемся потоке на Оксфорд-стрит.

Только до Джеймса Генри, видимо, не дошло, что совершил Райан. Когда они достигли Гайд-парка, он потянул Райана за порванное пальто:

— Эй! Что мы собираемся делать? Я думал, мы охотимся на пришельцев.

— Я знаю кое-что о пришельцах, чего сегодня не говорилось,— ответил Райан.

— Что?

— Я скажу тебе, когда мы вернемся ко мне.

Добравшись наконец до квартиры Райана, они были совершенно без сил.

— Так, значит, что там насчет пришельцев? — спросил Джеймс Генри, когда за ними закрылась входная дверь.

— Самые худшие пришельцы — это Патриоты, — сказал Райан. — Они самые явные из антилюдей.

Генри был озадачен.

— Да нет, конечно...

Райан глубоко вздохнул и, подойдя к бару, стал готовить для них напитки, пока они, тяжело дыша, сидели на стульях в гостиной.

— Патриоты...— пробормотал Генри. — Полагаю, это вполне возможно...

Райан передал ему бокал.

— Я думал, — сказал он, — что открытия в космосе вдохновят нас. Вместо этого будущее, кажется, сузилось и исказилось. Когда-то люди боялись только других рас, других наций, дру-

гих групп с противоположными или различными интересами. Теперь они боятся всего. Это зашло слишком далеко, Генри.

— Пока не понимаю, — сказал Джеймс Генри.

— Это попросту — паранойя. Знаешь, что это такое?

— Бояться разных вещей... подозревать заговоры... всякая такая ерунда.

— Ее можно определить точнее. Это немотивированный страх, подозрительность... Фактически это отказ признать настоящую причину своей тревоги, выдумывание других причин, потому что истинная либо слишком пугающая и ужасная, чтобы взглянуть ей в лицо, или слишком трудная, чтобы с ней справиться. Вот что такое в действительности паранойя, Генри.

— Поэтому...

— Поэтому Патриоты подбросили нам некий суррогат. Они предложили нам сосредоточиться на чем-то, что на самом деле не имеет никакого отношения к истинным причинам болезни общества. Довольно обычное явление. Гитлер пугал немцев евреями и большевиками. Маккарти запугивал американцев коммунистическим заговором. Далее, наш собственный Энох Пауэлл представлял это в виде вест-индских иммигрантов шестидесятых и семидесятых годов. Примеров тьма.

Джеймс Генри нахмурился:

— Говоришь, они ошибались, а? Ну, не уверен. Мы были правы, избавившись от этих вестиндцев. Мы были правы, когда стали брать на работу только англичан. Где-то ведь надо провести черту, Райан.

Райан вздохнул:

— А как тогда быть с этими «пришельцами» из космоса? Подо что их подогнать? Как они-то влияют на экономику? Они — грубая выдумка Патриотов для пометки любого, кто противится их безумным планам. Откуда, Генри, ты думаешь, происходит термин «охота на ведьм»?

Генри задумался, не переставая потягивать из бокала.

— Может быть, я в самом деле немного перевозбудился.

Райан похлопал его по плечу:

— Все мы перевозбудились. Это из-за состояния напряженности и неопределенности. Мы не знаем, к чему идем. У нас нет цели, потому что мы больше не можем полагаться на общество. Патриоты предлагают определенность. И нам ее нужно найти. Для себя.

— Хорошо бы узнать, — спросил Джон Райана, — у тебя-то есть какие-нибудь предложения?

Райан развел руками:

— Это и было мое предложение: найти цель — разумную цель. Найти выход из этой неразберихи...

Именно тот вечер стал поворотной точкой, именно это решение привело его сюда, на борт космического корабля «Надежда Демпси», летящего к Мюнхену 15040 около Звезды Барнарда со скоростью девять десятых «с»...

Глава 11

Здесь, в космосе, нет звуков. Нет света. Нет жизни. Только тусклый блеск далеких звезд сопровождает крошечный корабль, медленно пробирающийся сквозь необъятную равнодушную черноту.

Райан, автоматически занимаясь своими обязанностями, не может с легким сердцем отделаться от воспоминаний, терзающих его ежечасно: рождение детей, их первые учебники, вечеринки с друзьями, жену, превратившуюся в спящую красавицу...

Песчинка. Странствующая в космосе песчинка, думает Райан. Почти вся живая ткань, содержащаяся в этой песчинке, в бессознательном состоянии погружена в воды саркофагов. Когда-то эти люди двигались и действовали. Когда-то они были счастливы... До тех пор, пока их жизнь не стала невыносимой...

Райан трет глаза и записывает свой обычный рапорт. Он подчеркивает его красной чертой, прочитывает его в компьютер и опять пишет:

«Вот и еще день прошел.

Я иногда боюсь, что становлюсь слишком пассивным, слишком похожим на растение. Это я, человек, по своей природе невероятно активный... Мне понадобится вся моя предприимчивость, когда произведем посадку. Впрочем, пока это всего лишь предчувствия и пожелания...»

Его предчувствия, однако, почти всегда оправдывались. Когда задача лишь прорисовывалась, Райан начинал мыслить необычайно быстро и логично. Тогда ему стало ясно раньше всех: общество распадалось, и смерть и разруха распространились по

планете. Он жаждал выжить и хотел того же для семьи и друзей. В мире не осталось больше места, которое можно было бы считать безопасным. Вот-вот должна была разразиться ядерная война. Выход был один: звезды. Существовал единственный маршрут полета. Непилотируемый исследовательский корабль доставил свидетельства, что вокруг Звезды Барнарда обращается планетная система и что две ее планеты во многом похожи на Землю...

Этот исследовательский проект финансировался Объединенными Нациями — их первый большой и многосторонний проект.

И — последняя попытка сплотить народы мира, заставить их считать себя единой расой...

Райан качает головой.

Конечно, было уже слишком поздно.

Он продолжает:

«...Я держусь в форме, как только могу. Странная мысль только что посетила меня. Она дает некоторое представление о том, как тщательно нужно за собой следить. Мне подумалось, что для поддержания бодрости и здоровья хорошо бы разбудить кого-нибудь, чтобы мы могли побоксовать, поиграть в футбол или что-нибудь в этом роде... Я просто заболел этим наваждением и не раз пытался объяснить его чем-нибудь вполне прозаическим и рациональным. Скажем, мне показалось выгодным для всех, если я разбужу сначала Джона. А еще лучше — любую из женщин... Между прочим, такие упражнения помогут держаться в форме... Какие, однако, игривые настроения! Впрочем, для того я и веду этот журнал. Он помогает мне видеть перспективу и не расслабляться».

Он усмехается. Совсем неплохой способ надуть старину Джона. Он никогда и не узнает...

Он вздрагивает.

Разумеется, он не смог бы.

К тому же есть еще Джозефина. Если он предаст их, это будет предательством всех их идеалов, всей миссии...

«Надо принять холодный душ!» — шутливо завершает он. Затем расписывается в журнале, подчеркивая запись красным, закрывает его и аккуратно прячет. Потом встает, в последний раз проверяет приборы, задает компьютеру пару обычных вопросов и, удовлетворенный ответами, покидает отсек управления.

Верный слову, мистер Райан принимает холодный душ, после которого чувствует себя гораздо лучше. Напевая, он входит в каюту, выбирает пленку с Мессианской симфонией Турангалила и садится внимать таким странным, таким прекрасным мелодиям Онда Мартено. На шестой части («Jardin du sommeil d'amour») он засыпает...

...Он меряет шагами огромную галерею, отделанную платиной.

Это — мостик большого корабля. Но этот корабль не бороздит океанские просторы. Он плывет по листве. По темной, разворощенной, опасной листве. По листве, которую мог написать сам Дуанье.

Может, это река в джунглях. Вроде Амазонки или тех таинственных, не нанесенных на карту рек Новой Гвинеи, которые он мечтал исследовать мальчишкой...

Корабль... листья... река...

Один на корабле. Среди странного, монотонного стука машин и криков невидимых птиц в зарослях.

Он наклоняется через перила мостика, пытаясь разглядеть воды реки. Но их нет. Под кораблем только растительность, смятая прохождением огромного судна.

Корабль резко качнуло.

Райан падает. Откуда-то странный звук, который понятен ему: кто-то жалеет его.

Но он отвергает эту жалость.

Корабль уходит.

Один в джунглях, окруженный шумом возни каких-то тварей. Он пытается увидеть их, пытается разгадать происхождение этих странных звуков, но безрезультатно.

Внезапно появляется женщина — смуглая, цветущая. Она, приоткрыв свои яркие губы, тянет его за руку, в тенистую полутьму тропической листвы. Птицы продолжают пронзительно кричать. Он начинает целовать ее в горячие, влажные губы, чувствует ее ладони на своем теле. Он запускает руку между ее ног, ощущая влагу ее соков... Потом пытается овладеть ею, но по какой-то причине она осторожничают, словно боится, что их обнаружат. Она не снимает одежду. Они занимаются любовью до изнеможения. Потом она встает и ведет его темными коридорами джунглей на поляну...

Они в каком-то баре, переполненном девицами — не то хозяйками заведения, не то для развлечений. Есть и мужчины,

вероятно, сутенеры. Ему здесь легко и свободно. Он расслабленно обнимает одной рукой смуглую красотку, другой — блондинку с увядающим лицом. Он определенно знал ее когда-то...

И вообще все эти лица ему знакомы. Он старается вспомнить. Ссосредоточивается на этом изо всех сил. Начинает кое-кого смутно припоминать...

*

ПОСЛЕ ЯРМАРКИ ИХ ВСЕХ ПРИВЕЛИ

В.: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНО СИТУАЦИЮ

РВЕНИЕ ЧЕМ ДОЛЬШЕ ОНИ ПЕЛИ

В.: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНО СИТУАЦИЮ

АХ ДО РЕ МИ ФА СОЛЬ ЛЯ СИ ДО

В.: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНО СИТУАЦИЮ

АРИЯ АРИАДНА АНИАРА ЛЕОНАРА КАРМЕН АМИНЬ

О: АМИНЬ

*

АМИНЬ.

АМИНЬ. АМИНЬ. АМИНЬ.

АМИНЬ.

*

СОВЕТУЮ ДЕРЖАТЬСЯ КРЕПЧЕ

СОВЕТУЮ ДЕРЖАТЬСЯ КРЕПЧЕ

СОВЕТУЮ ДЕРЖАТЬСЯ КРЕПЧЕ

*

ПРОДОЛЖАЕМ ДВИЖЕНИЕ Р Д О В Д И О Ж Л Е Ж Н А И Е Е М
П Д Р В О И Д Ж О Е Л Н Ж И А Е Е ДВИЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕМ

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ НАДЕЖДА ДЕМПСИ НАПРАВЛЯЕТСЯ

НА МЮНХЕН 15040 КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ

НАДЕЖДА ДЕМПСИ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА МЮНХЕН

15040 ЛЕТИТ

НАПРАВЛЯЕТСЯ НА МЮНХЕН 15040 КОСМИЧЕСКИЙ

КОРАБЛЬ НИКУДА

НА МЮНХЕН 15040 КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ
ДОЛЖНЫ
НАДЕЖДА ДЕМПСИ НАПРАВЛЯЕТСЯ БЫТЬ
В БЕЗОПАСНОСТИ
НА МЮНХЕН 15040 ДОЛЖНЫ
КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ
ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ИХ
КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ
БЕЗОПАСНОСТЬ
КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ
КОСМОС БЕЗОПАСНОСТЬ
КОРАБЛЬ ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ИХ
БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ
КОРАБЛЬ КОРАБЛЬ НАДЕЖДА ДЕМПСИ
БЕЗОПАСНОСТЬ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА МЮНХЕН 15040 И
ОБРАЗ ДВИЖЕТСЯ НА 0.9 «С»
КОРАБЛЬ МЫ ВСЕ В ПОРЯДКЕ
ОБРАЗ МЫ ВСЕ
КОСМОС БЕЗОПАСНОСТЬ
ОБРАЗ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ БЕЗОПАСНОСТЬ
КОРАБЛЬ БЕЗОПАСНОСТЬКОРАБЛЬБЕЗОПАСНОСТЬ
ОБРАЗ БЕЗОПАСНОСТЬКОРАБЛЬ ОБРАЗ

КОНФЕТА МОЗГ
БЕЗОПАСНОСТЬ КОРАБЛЬ
КОРАБЛЬ РУЧНОЙ
КОСМОС ХЛЫСТ
ПЛЫТЬ ХОРОШИЙ
КОСМОС ПОЕЗДКА
УЛИТКА КОСМОС
ШАГ КОРАБЛЬ
БЕЗОПАСНОСТЬ ПУСТЬ
ШАГ РАЗРЫВ
КОСМОС КОСМОС
КОРАБЛЬ ПОЕЗДКА
БЕЗОПАСНОСТЬ НЕНАВИСТЬ
МЕСТО ВКУС
КОСМОС КОСМОС
БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЦО
ЗАПАХ НЕНАВИСТЬ
ВКУС СПЕШКА
СПЕШКА КОСМОС

ГОНКА ГОНКА
ПОТЕРИ НЕНАВИСТЬ
КОСМОС ЛИЦО
СПАСАТЬ КОСМОС
БЕЗОПАСНОСТЬ МЕСТО
МЕСТО ЖАРКО
КАПАТЬ
КОСМОС
КОРАБЛЬ
КОРАБЛЬ
НЕНАВИСТЬ
БЕЗОПАСНОСТЬ СЛУЧАЙ КОСМОС МЕСТО НЕНАВИСТЬ
ЖАРА КОНФЕТА БЕЗОПАСНОСТЬ
ЖАРА КОСМОС ЖАРА БЕЗОПАСНОСТЬ ПОДВИГ КОНФЕТА
НЕНАВИСТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ МГЛА
НЕПРАВДА ----- НЕПРАВДА -----
-----НЕПРАВДА

*

НЕПРАВДА

«ЭТО НЕПРАВДА, ЧЕРТ ПОБЕРИ!»

Райан вскрикивает и просыпается.

Мерно гудит принтер.

Райана бьет озноб, у него наступает эрекция.

Глотка пересыхает.

Под левым виском ноет.

Ноги дрожат.

Руки крепко вцепляются в кресло.

Ужасно болят мышцы шеи.

Он трясет головой.

*

Что же было неправдой?

Симфония уже закончилась.

Он, зевая, встает и выключает магнитофон, хмурясь и массируя шею.

С томительным чувством вспоминает сон. Джунгли. Женщину.

Он облегченно улыбается, осознав источник того восклицания — протеста, которым он сам себя разбудил.

Очевидно, самое обыкновенное, старомодное чувство вины.

Он хотел разбудить Джанет, наставить рога своему брату, видел соответствующий сон, отверг эти чувства и проснулся, как от толчка.

Несомненно, все это доказывало, что у него есть совесть.

Он потягивается.

Почесывая в затылке, выходит из каюты и еще раз идет под душ.

Моясь, он опять улыбается. Это правильно — дать этим тайным мыслям выйти наружу. Нехорошо скрывать их там, где они могут перегнуть во что-то гораздо худшее, застать его врасплох и, возможно, погубить всю миссию, может быть, заставить его разбудить остальных. Это было бы смертельно.

Волна депрессии захлестывает его. Чертовски трудно, думает он. Чертовски.

Он берет себя в руки. Его старомодные рефлексy, как всегда, в порядке. Поддерживать форму — это не только упражнять тело. Надо также упражнять и мозг. Делать постоянные проверки, чтобы быть уверенным, что он работает исправно.

Однако он становится чересчур чувствительным: совесть никогда не была для него раньше таким бременем!

Он смеется. Он знает, что ему делать.

Эта проблема стара, как мир. Если он будет беспечен, будет плохо отдыхать, то у него разовьются неврозы богатых. Этот сон — предупреждение.

Или, скорее, его реакция на этот сон является предупреждением. Завтра он начнет изучать сельскохозяйственные программы, займется чем-либо другим, кроме копания в собственной персоне.

Освежившись, с постепенно стихающими болями, он возвращается к себе в каюту и безжалостно выбирает на завтрашний день сельскохозяйственную программу.

Потом спокойно засыпает.

Глава 12

Райан один на борту, но исправно следует всем ритуалам, словно имеет в подчинении полный экипаж.

«Мальчишкой плавал я в воде ручьев, бегущих между сосен».

Во время, установленное им для ежедневных совещаний, он сидит во главе стола и подводит итог тем немногим событиям и намечаемым задачам, которыми он занимается.

Он ест в положенное для еды время, во всех делах, связанных с кораблем, пользуется официальным языком, выполняет регулярные проверки и радирует официальные бортовые записи на Землю. Единственное нарушение официальной процедуры — красный боржурнал в столе.

Он совершает регулярные обходы телохранилища, как прозвали они отсек гибернации (анабиоза).

«Юношей стоял я на холме, на ветру, и вглядывался в печальное небо, написал ужасное, сентиментальное, полное жалости к себе стихотворение, пока другие парни не обнаружили его и не стали издеваться надо мной, и я бросил это занятие. И занялся бизнесом. Все равно».

Он прикасается к кнопке, и болты автоматически вывинчиваются.

«Интересно, что бы со мной стало. Искусство процветает в хаосе. Что хорошо для искусства, плохо для бизнеса...»

Он останавливается у первого контейнера и глядит в смиренное лицо жены.

*

Миссис Райан чистила стены в своей комнате. Она пользовалась специальной жидкостью. Во время работы она отворачивалась от высокого окна, образующавшего дальнюю стену комнаты.

Закончив, она отнесла банку с жидкостью обратно в кухню и поставила на нужную полку.

Неопределенно хмурясь, постояла посреди кухни.

Затем глубоко вздохнула и опять потянулась к полке, сняв с нее банку с этикеткой «Подкормка для растений».

Она закашлялась, прикрыв рот свободной рукой. Затем, глубоко вздохнув, пошла в прихожую и опрыскала апельсиновое деревце, стоявшее в блестящей металлической кадке. Потом вернулась в гостиную с цветными стенами и дорогими мягкими пластмассовыми стульями.

Она включила телевизор.

Стена напротив окна мгновенно ожила, наполнилась танцующими фигурами.

Наблюдая за их кружением, миссис Райан немного успокоилась. Она взглянула на банку в руке и поставила ее на стол. Потом посмотрела на танцоров, потом опять на банку, все еще стоящую на столе. Присела. Затем снова встала.

Лицо сорокалетней миссис Райан напоминало испуганную мордашку ребенка, вот-вот готового расплакаться.

Она подняла банку, подошла к окну и нажала на кнопку, управляющую поднятием и опусканием штор. В погружившейся в темноту комнате она опрыскала растения на подоконнике.

Она унесла банку в кухню и вернула ее на полку. Потом немного постояла в дверях кухни, вглядываясь в темноту гостиной, освещаемой только мерцанием телевизора. Затем прошла через комнату к окну, положила руку на кнопку, управляющую шторой, и повернулась спиной.

По телевизору шла передача на производственную тему. Миссис Райан неподвижно уставилась в экран.

Затем она нажала кнопку и отпрянула от окна, как только шторы взвились вверх и комнату опять залил дневной свет.

Она торопливо прошла в кухню, выключив на ходу телевизор. Сварила себе кофе.

В комнате царила тишина.

Пустое окно смотрело на противоположный жилой блок, с рядами пустых окон, в которых жизнь не просматривалась.

Редкие машины катили по улице.

Миссис Райан сидела с поднятой кофейной чашечкой, словно кукла, у которой только что кончился завод.

Зазвонил телефон.

Миссис Райан сидела неподвижно.

Телефон продолжал звонить.

Миссис Райан вздохнула и подошла к нему. Прислонившись спиной к стене, чуть осев, она взяла трубку.

— Это я, дядя Сидней,— произнес голос с экрана у нее над головой.

— О, это ты, дядя,— сказала миссис Райан. Она оттолкнулась от стены и, держа трубку у уха, села около кухонного стола.

— Не подходи слишком близко,— сказал дядя Сидней.

— Дядя Сидней,— жалобно произнесла она,— я же просила тебя не звонить днем, когда никого нет дома. В конце концов, я же не знаю, кто звонит. Это мог быть кто угодно.

— Извини, конечно. Я только хотел спросить, не придете ли вы ко мне сегодня вечером.

— Машина в ремонте,— сказала миссис Райан.— Ему пришлось утром поехать автобусом. Я говорила, чтобы он не ездил, но он настоял. Я не знаю...

Миссис Райан умолкла с выражением печального недоумения на лице.

Наступило молчание.

Затем она и дядя Сидней заговорили разом.

— Мне нужно вымыть... — сказала миссис Райан.

— Не могли бы вы приехать... — сказал дядя Сидней.

— Дядя Сидней, мне сегодня нужно отмыть входную дверь.

И я знаю — я знаю, что, как только открою дверь, выйдет эта женщина из соседней квартиры и притворится, будто хочет воспользоваться мусоропроводом. Ты понимаешь, что это такое — жить рядом с такими людьми?

Морщинистое лицо дяди Сиднея вытянулось.

— Что ж, не хочешь навестить своего дядю, как хочешь. Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как я видел вас с детьми? Три месяца.

— Прости, дядя Сидней. — Миссис Райан посмотрела на пол, заметив пятно на одной из кафельных плиток. — Может, ты сам придешь повидаться с нами?..

— На своих двоих? — презрительно фыркнул дядя Сидней.

Он прервал связь. Миссис Райан осталась сидеть у кухонного стола с трубкой в руке. Затем медленно поднялась и положила ее на стол.

Ей показалось, что она не сможет достать из шкафа очиститель и пульверизатор. Не сможет пройти через кухню и гостиную в прихожую. Не сможет, одна в квартире, открыть входную дверь.

Она не сможет открыть входную дверь...

Она могла бы...

Мысли миссис Райан смешались.

Ее стремительно уносило в водоворот меркнувшего сознания: беспомощную, но изо всех сил сопротивляющуюся.

Она не сможет открыть эту дверь.

Она не сможет.

Миссис Райан издала тихий стон и поплелась в спальню.

В дневном свете стены мерцали разными цветами. Кровать была опрятно застелена белым покрывалом, туалетный столик сиял пустотой. Миссис Райан заметила единственный признак обитаемости — пару уличных ботинок мистера Райана. Она распахнула встроенный шкафчик и яростно зашвырнула их туда. Потом подбежала к окну, нажала кнопку на подоконнике и опустила шторы.

Шторы торопливо упали.

Стены комнаты засветились и замерцали поярче.

Миссис Райан нервно металась от кровати к закрытому окну. Обратно от окна к кровати. Туда и сюда.

Наконец она остановилась и включила тихую, успокаивающую музыку.

Потом торопливо вышла из комнаты и заперла входную дверь.

Потом вернулась в спальню, захлопнула за собой дверь, легла на кровать, слушая музыку.

Даже эта спокойная музыка показалась сегодня неприятно возбуждающей.

Она закрыла глаза и увидела лица. Открыла глаза и потянулась к шкафчику около кровати, достала снотворные таблетки, проглотила одну и снова легла.

Музыка зазвучала невыносимо, почти хрипло. Она выключила ее и осталась лежать в тишине, ожидая, когда придет сон. Было 11.23 утра.

Глава 13

Миссис Райан приснился сон.

Она шла через поле, удаляясь от дома, где она жила, когда ей было восемь лет. Если бы она обернулась, она увидела бы в окне кухни свою мать, склонившую голову над плитой. Позади слышались крики ее братьев, играющих в прятки.

Миссис Райан не то мягко ступала, не то проплывала над пружинящей ярко-изумрудной травой, и ее догоняли радостные крики птиц.

Она плыла и плыла — над полями, удаляясь от дома. Было так солнечно, так чудесно пели птицы. Теперь она снова шла. Она повернулась посмотреть на дом, но была уже слишком далеко и не увидела его. Небо начинало хмуриться. Она лишь очень смутно могла разглядеть полоску деревьев на другом конце поля. Ей показалось, что она слышит шум, гул голосов. Внезапно впереди она увидела надвигающуюся темную массу людей, разговаривающих между собой. Они подходили ближе и ближе, но она никак не могла отличить одного человека от другого. Похоже, там были и мужчины, и женщины, и дети. Но масса все еще оставалась темным пятном из голов, тел, конечностей, бесформенным и безликим. Толпа приближалась, мешанина голосов становилась громче.

Она застыла посреди поля, словно бабочка, наколотая иголкой, и не могла пошевелиться.

Голоса становились яснее.

— Смотрите, вот она. Она там. Она в самом деле там.

Миссис Райан уловила внезапную перемену в настроении толпы, и почувствовала страх.

— Вот она. Это она. Это она. Это она. Вот она. Вот она.

Ее ноги враз отяжелели.

— Вот она. Вот она. Это она. Это она.

Темная масса, крича и беснуясь, бросилась к ней.

Она слышала пронзительные, мстительные выкрики женщин. Толпа была совсем рядом...

Миссис Райан очнулась, как от внезапного толчка, в своей спальне, при свете мерцающих стен. Посмотрела на часы.

Было 11.31 утра.

Она лежала, дрожа, на белоснежном покрывале, еще во власти мерзкого сна, тупо уставившись в стену и усиленно моргая глазами. Попыталась избавиться от образа черных пустых лиц той ужасной толпы. Потом поднялась и, тяжело ступая, вышла из комнаты.

Пришла на кухню и приняла таблетку, чтобы прояснилось в голове. Вздохнув, сняла с полки банку с очистителем, прошла через гостиную в прихожую к входной двери и положила руку на задвижку.

Она помедлила, напрягла спину и открыла дверь. Потом осторожно выбралась наружу, в длинный коридор.

Коридор был светлым, почти белым. Он уходил от нее в обе стороны. В стенах виднелись двери, все свежеевыкрашенные в темные цвета.

Миссис Райан начала осторожно наносить очиститель на поверхность двери и потом быстро растирать его, все быстрее и быстрее.

Почти все, подумала она про себя, уже почти все. Слава Богу, слава Богу. Скоро закончу. Слава Богу.

Очень медленно синяя дверь квартиры напротив стала приоткрываться. Через образовавшуюся щель выглянула женщина. Мгновение они ошоломенело смотрели друг на друга, потом миссис Райан первая пришла в себя и, оставив дверь наполовину покрытой белой чистящей жидкостью, вбежала в свою квартиру и захлопнула дверь. Соседка хлопнула дверью одновременно.

Миссис Райан, задышавшись, встала посередине кухни.

— Вот сука,— произнесла она вслух.— Вот сука. За что ей нужно меня преследовать? Почему она всегда так со мною поступает? Все время шпионит. Сука, сука, сука!

Она подошла к полке, сняла флакон с пилюлями и проглотила две. Потом пошла в гостиную и упала на пластмассовую кушетку. Включила телевизор.

Показывали семью за рождественским обедом. Индейка, окруженная пестрым гарниром. Семья — родители и трое подростков — перебрасывались шутками. Миссис Райан смотрела программу со слабой, блуждающей на губах улыбкой.

Вскоре она уснула.

Было 11.48 утра.

Ее разбудили сыновья.

Она рассказала им, что произошло, а те донесли до Райана.

Райан лишь посочувствовал ей:

— Тебе, старушка, не мешает денек отдохнуть. Посмотрим, что мы можем придумать.

— Лучше не надо, — попросила она. — Я предпочитаю сидеть дома. Это просто... из-за вмешательства соседей. Я горжусь своим домом.

— Ну, конечно. Посмотрим, что мы сможем сделать.

Было 7.46 вечера.

— Время тянется так медленно, — сказала она.

— Это как посмотреть, — ответил он.

*

«Она много вынесла», — думает Райан. — Наверное, я мог бы больше помогать ей».

Он пожимает плечами, прогоняя эту мысль. Бесполезное занятие. В самобичевании проку нет. Если тебе не нравится, как ты поступил, лучше всего решить больше так не делать и кончить на этом. Вот это прагматичная позиция. Научная позиция.

Он смотрит сверху вниз на лицо спящей жены, ласково улыбается.

У нее здорово улучшилось настроение, как только они поставили себе свою цель. По существу, она была лишь слабой, очень чувствительной женщиной — такой, как и большинство других.

Если бы они приобрели какой-нибудь заброшенный дом в деревне, может быть, она была бы счастливее... Нет, скорее всего, нет. Изолированность таких мест за пределами городов была бы совершенно невыносимой.

В детстве она обожала деревню. Вот о чем был тот сон, догадался Райан. Тот ее сон. Сон, повторяющийся довольно часто. Навязчивый, как и у него.

Он идет между контейнерами, машинально проверяя их.

«Что такое Время, в конце концов? Встречаемся ли мы в своих снах?»

Бесполезные упражнения для ума.

*

Кажется, все в порядке. Контейнеры функционируют правильно. Райан зевает и потягивается, подавляя неприятное ощущение в желудке и игнорируя побуждение разбудить хотя бы некоторых обитателей контейнеров. Их нельзя будить, пока корабль не приблизится к планете, являющейся его целью.

Это — его крест, его испытание, его награда.

*

Он бросает последний взгляд на спящих сыновей, затем покидает отсек и идет в главную рубку управления, посылает рапорт на Землю. Все хорошо на борту космического корабля «Надежда Демпси».

Он делает короткую запись в красном бортжурнале:

«По ту сторону этих тонких стенок находится бесконечное пространство. Там нет жизни на миллиарды миль. Ни один человек никогда не был более одинок».

*

В своей каюте он принимает три таблетки, снимает одежду, ложится.

Когда он начинает засыпать, какое-то тупое, безнадежное чувство предсказывает, что сегодняшняя ночь будет еще одной в бесконечном ряду прерывистых, населенных кошмарами снов. Его режим требует, чтобы он спал в отведенное время, иначе будут трудности со здоровьем. Таблетки начинают действовать, и Райан засыпает.

*

Ему снится, что он в своем офисе. Темно. Он опустил шторы, чтобы отгородиться от городского шума и вида сверкающих башен административных зданий напротив. Он сидит за столом, ничего не делая, ладони сцеплены перед собой на столе. Ногти поломаны. Он явно нервничает.

Его жена сидит в затемненной гостиной, тоже ничего не делая.

Он видит спальню, в которой его сыновья спят под действием сильного снотворного. Младший, нятилетний Александр, стонет во сне, разбросав поверх одеяла тонкие ручки. Его брат Руперт, которому исполнилось двенадцать, лежит на спине с полуоткрытыми глазами, бессознательно и слепо уставившись в потолок.

В гостиной сгорбленная фигура жены, а он сам сидит за столом в кабинете и пристально вглядывается в полутьму.

Семья живет в постоянном ожидании и страхе.

Считая, что это придет от других людей.

Сзади него раздается скребущийся звук. Райан, наполовину парализованный ужасом, медленно оборачивается. Штора колыхается, словно от ветра. За шторой что-то есть, что-то снаружи пытается проникнуть в кабинет. Райан делает вдох и изо всех сил задерживает дыхание, повинаясь какому-то животному инстинкту сделаться настолько неподвижным, чтобы его не заметили. Штора шевелится, и костлявая рука просовывается сквозь ткань, не оставляя дыры или разрыва, просто проходя, будто сквозь дым или воздух. Райан не отрывает глаз от этой старушечьей, с тонкими пальцами, руки, с проступающими сухожилиями. Ногти окрашены в красный цвет. На руке три больших перстня: два бриллиантовых на среднем пальце и с большим аметистом на тонком, слегка изогнутом мизинце. Рука раздвигает штору, и показывается лицо.

Это лицо старухи. Сморщенные веки тщательно накрашены. Губы почернены, морщинистые щеки напудрены. Старуха смотрит прямо в глаза Райану и улыбается, обнажая желтые старческие зубы. Он не в силах оторвать взгляд от ее ласковой улыбки...

Ее рука просовывается сквозь штору, сжимая темные круглые очки, невыносимо медленно подносит их к лицу, надевает на нос и исчезает, не оставив в шторе ни дырки, ни щели.

Лицо старухи начинает преобразоваться. Улыбка медленно уплзает, лиловые губы изгибаются в оскале.

Райан в ужасе.

Он пытается крикнуть: «Я не делал!» Но не может произнести...

Я...

Он вскакивает с кровати, весь в поту, бежит, обнаженный, по ослепительно белому коридору в главный отсек управления и вперяет взгляд в пляшущие, шевелящиеся стрелки, в вечно занятый чем-то компьютер.

Райан напряженно прислушивается к слабому гулу двигателя, несущего маленький стальной шарик сквозь пустоту.

Компьютер оставил ему сообщение.

*****ПРОИЗОШЛА ПОТЕРЯ СВЯЗИ*****

*****9876543210000000000000*****

*****ПОТЕРЯ*****ПОЖАЛУЙСТА ОБЕСПЕЧЬТЕ ЧТОБЫ В БУДУЩЕМ*****ИНФОРМАЦИЯ ВВОДИЛАСЬ В ПРАВИЛЬНОЙ ФОРМЕ*****

ПОВТОРИТЕ**ПРАВИЛЬНОЙ ФОРМЕ*****

КАКОВО ТОЧНОЕ ОПИСАНИЕ НАСТОЯЩЕЙ ***** СИТУАЦИИ

ПОВТОРИТЕ КАКОВА ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ НАСТОЯЩЕЙ СИТУАЦИИ ПОВТОРИТЕ КАКОВА ТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ НАСТОЯЩЕЙ

*****СИТУАЦИИ*****

Райан непонимающе разглядывает распечатку.

Что сделано неправильно?

Он выполнял свои обязанности безупречно.

Его дни были целиком посвящены кораблю.

Что он сделал не так?

Или — хуже того — какой сбой мог произойти внутри компьютера?

Он отрывает распечатку и перечитывает. Текст напоминает письмо из психушки: болтливый, беспорядочный... Пока он читает, компьютер выплевывает еще:

***** НЕ МОГУ ПРОЧИТАТЬ ВАШЕ ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ ПОКА

*****ИНФОРМАЦИЯ НЕ БУДЕТ ВВЕДЕНА В ПРАВИЛЬНОЙ

ФОРМЕ*****НЕ МОГУ ПОМОЧЬ*****ПОЖАЛУЙСТА ПОВТОРИТЕ ВАШЕ ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ В ***** ПРАВИЛЬНОЙ ФОРМЕ *****

Райан устало пробегает пальцами по клавиатуре.

В ответ выплывает:

***** ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ В ПРОКЛЯТОМ НЕБЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА*

НЕТ БОЛЬШЕ *****

Я обязан контролировать такие вещи, думает Райан.

Он идет к столу, вынимает красный бортжурнал и записывает:

«Мне надо лучше контролировать происходящее».

Он заставляет себя подойти к компьютеру, но вспоминает, что оставил красный бортжурнал на столе. Возвращается и с

большим трудом укладывает журнал в ящик. Медленно закрывает его и возвращается к компьютеру. Затем стирает эти сообщения как можно тщательнее, приговаривая их к ссылке в самые глубокие ячейки памяти. Устало выходит из рубки управления.

Я должен контролировать такие вещи.

Я должен забыть эти кошмары.

Я должен поддерживать порядок.

Это может разрушить компьютер, и тогда со мной будет покончено.

Все зависит от меня.

Торжествующий в проклятом небе и человеческого вида...

Райан плачет.

Он проходит по коридору обратно в свою тюрьму, принимает еще три таблетки и засыпает.

Ему снится фабрика. Огромный цех, пожалуй, несколько более темный, чем реальный. Он заполнен громадными, беззвучно работающими автоматами. Только вибрация кафельного пола указывает на то, что они работают.

У каждого автомата находится большой ящик, в который сыплются детали, используемые в производстве «Игрушек Райана».

Тут гладкие головы, ноги, руки и туловища кукол; мохнатые головы и туловища ягнят, тигров и кроликов; металлические ноги, головы и туловища заводных марионеток. Крохотные батарейки для внутренностей «Райан тойз»; металлические части для экскаваторов, бензоколонок, космических кораблей «Райан тойз»; большие, блестящие, улыбающиеся головы Райтой-Реамальчиков и Райтой-Реадевочек; огромные хоботы Райтой-Реафантов.

Эти огромные машины безостановочно выдают продукцию. Когда ящик наполняется, он отъезжает в сторону и заменяется другим, который, в свою очередь, заполнившись, вскоре сменится следующим.

Райан наблюдает со стороны, никому не заметный.

Он видит, как одетый в белый халат механик идет вдоль рядов агрегатов и исчезает через дверь в конце зала.

Навряд ли он его заметил.

Ящики откатываются и заменяются пустыми.

Райан видит, что внезапно все детали взлетают вверх и зависают в воздухе, как в невесомости. Они соединяются вместе,

монтируясь над землей. Когда какая-нибудь игрушка собирается полностью или насколько возможно из наличных частей, она спускается на пол и начинает действовать.

Шеренга золотоволосых, в натуральную величину, но без рук Реамальчиков медленно разворачивается, тонкими голосками распевая «Братца Жака». Скачет стайка шерстяных ягнят, кивая головами.

На полу россыпь больших дергающихся хоботов Реафантов.

В футе над полом висит космический корабль, выпускающий гудение.

Важно расхаживают Райроботы, побрякивая, натыкаясь на машины и опрокидываясь. Две большие кучи музыкальных строительных кубиков вызывают буквы, напечатанные на их гранях:

Я — «Р»

Я — «А»

Я — «З»

Кубики рассыпаются, когда Райан задевает их ногой.

Реадевочки берутся за руки и танцуют вокруг него, встряхивая белокуроми локонами. Линкоры катятся по полу, стреляя своими миниатюрными ракетами.

Райан любитесь на действие, музыку и болтовню своих игрушек. Весь кафельный пол постепенно покрывается двигающимися игрушками. Все эти вещи принадлежат Райану — производятся и продаются Райаном.

Он смотрит на строительные кубики и улыбается. Некоторые упали и сложились в слово: «РАЗВЛЕЧЕНИЕ».

Внезапно сон обрывается, и Райан продолжает крепко спать уже без сновидений.

*

В соответствии с правилами, требующими, чтобы ни один член правительства или служащий гражданской службы не мог быть опознан, исключая его чин (гарантируя таким образом отсутствие шантажа, взяточничества, покровительства и так далее), служащий министерства закрывал лицо черной тканью. В ней имелись аккуратные отверстия для глаз и рта.

Райан, слегка нервничая, сидел за рабочим столом и созерцал чиновника из министерства.

— Не хотите ли чашечку кофе? — спросил он.

— Нет, спасибо.

Райан кожей ощутил то состояние отвращения, в которое впал посетитель. Да, это был тактический промах.

— А-а...— сказал Райан.

— Мистер Райан...— начал чиновник.

— Да,— сказал Райан, как бы в подтверждение.— Да, действительно.

— Мистер Райан, кажется, вы не в курсе, что наша страна находится в состоянии войны?

— О, я знаю.

— С того момента, как Бирмингем совершил ничем не спровоцированное нападение на Лондон и бомбил резервуары «Шеппертона и Стейнса», официальное правительство Южной Англии было вынуждено реквизировать большую долю частной промышленности, если обнаруживалось, что она вносит не такой эффективный вклад, как могла бы, в наши военные усилия...

— Это что, угроза?— хрипло осведомился Райан.

— Дружеское предупреждение, мистер Райан.

— Мы перестроились быстро, как только смогли,— объяснил Райан.— Мы были фабрикой игрушек, вы знаете. За одну ночь нам пришлось перейти на выпуск деталей для оружия и оборудования связи. Естественно, переход не прошел совершенно гладко. С другой стороны, мы сделали все, что могли...

— Ваша продукция не на должном уровне, мистер Райан. Интересно, вкладываете ли вы всю душу в военные усилия? Некоторые, по-видимому, не понимают, что старое общество разрушено, что Патриоты собираются построить совершенно новый тип нации теперь, когда группы пришельцев отброшены за Темзу. Несмотря на атаки со всех сторон, несмотря на три водородных бомбы, сброшенные Францией, Патриотам удалось удержать нашу землю. Они могут это сделать лишь при полном сотрудничестве людей вроде вас, мистер Райан.

— Мы не получаем сырье,— сказал Райан.— Половина того, что нам нужно, не доставляется. Кровавая бойня!

— Звучит, как критика правительства, мистер Райан.

— Вы же знаете, я зарегистрированный сторонник Патриотов.

— Не все зарегистрированные сторонники остались лояльными, мистер Райан.

— А вот я лоялен! — закричал Райан на чиновника. Навряд ли сейчас он верил себе: он предвидел, что Патриоты скоро возьмут власть и предусмотрительно вступил с друзьями в партию.— У нас просто нет возможности выпускать больше десятка этих чертовых ракет в день!

— Боюсь, мистер Райан, у вас есть всего неделя.— Чиновник встал, закрывая свой портфель.— А затем последует Закон о временной реквизиции до тех пор, пока наши границы не станут вновь безопасными.

— Вы возьмете управление в свои руки?

— Вы будете продолжать управлять фабрикой, если окажетесь достаточно квалифицированным. У вас будет статус обыкновенного гражданского служащего.

Райан кивнул.

— А как насчет компенсации?

— Мистер Райан,— мрачно отозвался чиновник,— существует дискредитированный Кабинет, бежавший в Бирмингем, чтобы избежать кары. Среди прочего об этом именно Кабинете стало известно, что он был коррумпирован. Промышленники набивали свои карманы при попустительстве правительственных чиновников. С подобными вещами теперь покончено. Покончено. Естественно, вы получите расписку с гарантией возврата вашего бизнеса, когда обстановка нормализуется. Мы, однако, надеемся, что не придется прибегать к этой мере. Старайтесь, мистер Райан, старайтесь. Желаю удачи.

Райан проводил его взглядом. Нужно будет предупредить своих, что все разворачивается немного быстрее, чем ожидалось.

Хотел бы он знать, как складываются дела в остальном мире. В эти дни доходило очень мало сообщений. Соединенные Штаты были теперь Разъединенными и воевали между собой. Объединенная Европа раскололась на тысячи мелких княжеств наподобие Англии. Что касается России и Дальнего Востока, единственной информацией, которую он получил за последние месяцы, было то, что там сметает все на своем пути некая банда, в тысячу раз побольше Золотой Орды. Возможно, в этой информации все было неправдой. Он надеялся, что город Сургут на Сибирской равнине еще оставался нетронутым. От этого зависело все.

Райан поднялся из-за стола и покинул кабинет.

Пора было ехать домой.

Глава 14

Проснувшись, он чувствует себя успокоившимся, бодрым и освеженным. Сразу после зарядки завтракает и идет в отсек управления, где проводит все положенные проверки и настройки, вплоть до второго завтрака.

После ленча он идет в маленький гимнастический зал позади главной рубки управления и занимается там до тех пор, пока не наступает время обследования отсека гибернации.

Он отпирает дверь телохранилища и производит рутинную, бесстрастную проверку. Требуется небольшое изменение скорости потока жидкости в контейнере номер семь. Он делает это изменение.

Снова стандартные тесты, повторяющиеся в течение обычного времени совещания.

Затем он два часа изучает сельскохозяйственную тему. Оказывается, это не такой уж и тоскливый предмет, как он предполагал.

Потом наступает время доложить компьютеру и передать журнальные записи на Землю, если хоть кто-то еще остался там, на Земле.

Он делает последний свой доклад за этот период:

«День тысяча четыреста шестьдесят шестой. Космический корабль «Надежда Демпси» направляется на Мюнхен 15040. Постоянная скорость девять десятых «с». Все системы работают в соответствии с предварительными расчетами. Никаких других изменений. Все пассажиры в порядке, здоровье хорошее».

Райан идет к столу и вынимает красный бортжурнал. Хмурится. Поперек страницы тянутся каракули:

«МНЕ НУЖНО ЛУЧШЕ КОНТРОЛИРОВАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ».
Совсем не похоже на его почерк. Однако чей же еще?

Когда же он это написал? До этой минуты у него не было времени делать какие-либо записи в журнал. Это могло быть сегодня? В любой момент. Или прошлой ночью. Он хмурится больше. Когда?..

И не может вспомнить.

Райан глубоко вздыхает и, проводя две жирные красные черты под этой записью, ставит под ними дату и начинает:

«Все идет хорошо. Я выдерживаю свой распорядок и полон надежд на будущее. Сегодня я меньше терзаюсь одиночеством и чувствую больше уверенности в своей способности выполнить мою миссию. Наш корабль неуклонно несет нас вперед. Я уверен, что все хорошо. Я уверен...»

Он перестает писать и чешет в затылке, разглядывая ту нелепую фразу.

«МНЕ НУЖНО КОНТРОЛИРОВАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ».

«Я уверен, что период моих кошмаров и близости к истерии кончился. Я восстановил самоконтроль и, следовательно...»

Он подумывает, не вырвать ли эту страницу и не начать ли заново. Но это было бы не по правилам, которым он следует. Он покусывает нижнюю губу...

«...стал гораздо бодрее. Эта фраза выше является для меня некоторой загадкой, так как в данный момент я не могу вспомнить, когда написал ее. Вероятно, я был под еще большим стрессом, чем представлял себе. и написал ее прошлой ночью, после того как окончил обычную записку. Что ж, это был хороший совет — совет незнакомца, которым мог быть только я сам!

Однако должен признать, она вызывает во мне жутковатое ощущение. Я надеюсь, что вспомню, когда написал ее. А пока нет смысла ломать себе голову. Эта информация всплывет, когда мое подсознание будет готово выдать ее!

В остальном — все о'кей. Период мрака прошел — по крайней мере в настоящее время. Я нахожусь в совершенно конструктивном и уравновешенном состоянии ума».

Он подписывается с росчерком, напевая, кладет журнал в стол, задвигает ящик, встает, напоследок окидывает взглядом рубку управления и выходит в коридор.

Прежде чем вернуться к себе в каюту, он заходит в библиотеку и берет пару образовательных кассет.

Некоторое время изучает эти программы, а потом ложится спать.

Ему опять снится сон.

Райан на новой планете. Прекрасный пейзаж. Долина. Он вскапывает почву каким-то копательным инструментом. Он одинок и спокоен. Нет никаких признаков космического корабля и других обитателей. Это его не тревожит. Он одинок и спокоен.

*

На следующее утро он продолжает свою обычную работу. Ест, делает официальные записки в журнал, ему удастся выкроить дополнительный час для учебы. Он начинает понемногу разбираться в сельском хозяйстве.

Он возвращается в рубку сделать свой последний стандартный доклад, который, в соответствии с обычной процедурой, он сначала записывает в боржурнал, а затем прочитывает для компьютера. Потом он садится и берет авторучку, чтобы начать свою личную запись. Ставит дату.

«Еще один приятный, не богатый событиями день, проведенный в основном в погоне за знаниями! Я начинаю чувствовать

себя неким престарелым школяром. Начинаю понимать привлекательность добывания информации ради нее самой. Это, конечно, в какой-то степени бегство — я вижу, что даже наиболее сложная академическая деятельность по крайней мере частично является уходом от реалий обыденной жизни. Моя учеба, естественно, целиком направлена на практику, мне понадобятся большие познания во всевозможных областях сельского хозяйства, когда мы...»

Компьютер мигает сигнальной лампочкой, требуя внимания.

Нахмурившись, Райан встает и подходит к главному терминалу и читает:

***** НЕ ПОЛУЧЕНО СООБЩЕНИЕ *** О СОСТОЯНИИ ОБИТАТЕЛЕЙ КОНТЕЙНЕРОВ**

У Райана перехватывает дыхание. Это правда. Впервые он не проверил отсек гибернации. Он так увлекся своей учебой, что, наверное, просто забыл. Он быстро набирает текст:

***** СООБЩЕНИЕ СКОРО ПОСЛЕДУЕТ *****

Упрекая себя за эту глупую ошибку и испытывая облегчение от того, что компьютер запрограммирован проверять каждое его действие и напоминать о любых упущениях, он быстро шагает по коридору к отсеку гибернации.

Касается кнопки, открывающей дверь.

Но дверь остается закрытой.

Он сильнее нажимает на кнопку.

Дверь все равно не открывается.

На миг Райана охватывает паника. Может быть, кто-нибудь еще на борту корабля? Какой-нибудь «заяц», который...

Он отбрасывает эту нелепую мысль. Затем возвращается в главный отсек управления и делает запрос компьютеру:

***** ДВЕРЬ ОТСЕКА ГИБЕРНАЦИИ НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ *** ПОЖАЛУЙСТА ПОМОГИТЕ *****

После некоторой паузы компьютер отвечает:

***** СРАБОТАЛ АВАРИЙНЫЙ ЗАМОК *** ВАМ НУЖНО *** ОТКЛЮЧИТЬ С ГЛАВНОГО ПУЛЬТА *****

Райан облизывает пересохшие губы и идет к главному пульту, быстро находит схему двери и убеждается, что компьютер прав. Он нажимает кнопку на пульте и отключает аварийный замок. Чья это вина: его самого или компьютера? Возможно, аварийный замок сработал в то самое время, когда он сделал ту загадочную запись в журнале.

Он возвращается, открывает дверь и входит в отсек гибернации.

Контейнеры источают чистый мягкий белый свет.

Он подходит к первому и осматривает его.

ДЖОЗЕФИНА РАЙАН. 9.9.1960. 7.3.2004.

Его светловолосая, розоволицая жена лежит в зеленой жидкости со спокойно сомкнутыми глазами. Она выглядит так естественно, что Райан каждый раз ожидает, что она вот-вот откроет голубые глаза и улыбнется ему. Джозефина — душа корабля, она была так рада отправиться в это большое приключение, так рада была освободиться от мучений жизни в том городе, от его невыносимой атмосферы враждебности.

Райан улыбается, вспоминая ту торопливость, с которой она взобралась на борт в день отлета. Печаль и страх, терзавшие ее, испарились чуть ли не на следующий день. Он вздыхает: приятно побыть вместе с ней.

РУПЕРТ РАЙАН. 13.7.1990. 6.3.2004.

АЛЕКСАНДР РАЙАН. 25.12.1996. 6.3.2004.

Райан очень быстро проходит мимо контейнеров, в которых юные лица двух его сыновей испуганно таращатся в светлый потолок.

СИДНЕЙ РАЙАН. 2.2.1937. 25.12.2003.

Райан некоторое время вглядывается в дряблое лицо со слегка раздвинутыми губами, приоткрывающими вставные зубы, в худые старые плечи, виднеющиеся над красм пластмассового покрывала, закрывающего основную часть контейнера.

ДЖОН РАЙАН. 15.8.1963. 26.12.2003.

ИЗАБЕЛЬ РАЙАН. 22.6.1962. 13.2.2004.

Изабель. Какая усталая, даже в покое...

ДЖАНЕТ РАЙАН. 10.11.1982. 7.5.2004.

О, Джанет, думает Райан в приливе нежности.

Он обожал Джозефину. Но, Бог свидетель, он любил и Джанет.

Он хмурится: здесь проблема из проблем. С его стороны потребуется большая самодисциплина, чтобы гарантировать, что все это не начнется снова.

ФРЕД МАСТЕРСОН. 4.5.1950. 25.12.2003.

ТРЕЙСИ МАСТЕРСОН. 29.10.1973. 9.10.2003.

ДЖЕЙМС ГЕНРИ. 4.3.1957. 29.10.2003.

ИДА ГЕНРИ. 3.3.1980. 1.2.2004.

ФЕЛИСИТИ ГЕНРИ. 3.3.1980. 1.2.2004.

Все идет, как положено. Все мирно спят. Бодрствует один Райан.

Он моргает.

Бодрствует только Райан, поскольку лучше одному человеку перенести острое одиночество и изоляцию, чем всем жить в постоянном напряжении.

Одному сильному человеку.

Он покидает отсек гибернации.

Райан докладывает компьютеру:

ДЖОЗЕФИНА РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

РУПЕРТ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

АЛЕКСАНДР РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

СИДНЕЙ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ДЖОН РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ИЗАБЕЛЬ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ДЖАНЕТ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ФРЕД МАСТЕРСОН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ТРЕЙСИ МАСТЕРСОН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ДЖЕЙМС ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ИДА ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

ФЕЛИСИТИ ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

Компьютер запрашивает:

*** ПРЕЖДЕ ВЫ СООБЩАЛИ ЧТО ВАМ ОДИНОКО *** ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЛИ ЕЩЕ ЭТО СОСТОЯНИЕ ***

Райан отвечает:

*** С ТЕХ ПОР СОСТОЯНИЕ УЛУЧШИЛОСЬ ***

Он переходит за свой стол, вынимает дневник и продолжает прерванную запись.

«...приземлимся.

Недавно компьютер сообщил о моей оплошности. Я забыл доложить о состоянии экипажа! Со мной это случилось в первый раз! И в последний, надеюсь. Потом обнаружилось, что аварийные замки в отсеке гибернации заперты, и мне пришлось вернуться и разблокировать их. Наверное, я сделал это тогда же, когда делал предыдущую запись. Сейчас я чувствую себя спокойно и легко. Эти предыдущие ошибки и, полагаю, небольшие провалы памяти, очевидно, были результатом напряженного состояния, которое я, надеюсь, преодолел».

Райан закапчивает запись, закрывает журнал, убирает его и выходит из рубки управления.

Он идет в свою каюту и с удовольствием откладывает в сторону образовательные кассеты: не стоит сейчас перенапрягаться. Просто невероятно, как тщательно надо следить за столь хрупким равновесием. Весьма хрупким.

Он начинает смотреть старую пропагандистскую пьесу Патриотов о раскрытии подпольной ячейки «Свободного Йоркшира» и ее уничтожении, но вскоре выключает ее.

Ему что-то слышится. Он поворачивает голову от экрана.

Прошел год с тех пор, как он в последний раз слышал чьи-то шаги, кроме своих.

Но сейчас он слышит шаги!

Райан приклеивается к креслу, ощущая противное покалывание пота под волосами. Он напряженно вслушивается в то, что кажется звуком отдающихся эхом шагов в коридоре за дверью.

Кто-то чужой на борту!

Он оцепенело внимает нарастающим, а затем замирающим вдали звукам.

Заставляет себя оторваться от кресла и добирается до выхода, нажимает на кнопку. Дверь медленно открывается.

За ней в обе стороны тянется коридор — на длину жилых помещений для экипажа. Единственный звук — слабое успокаивающее гудение двигательной системы корабля.

Райан наливает стакан воды и выпивает.

Улыбаясь, включает видеомagniтофон. Типичная слуховая галлюцинация одинокого человека, думает он. Программа заканчивается.

Он решает немного размяться и идет в спортзал.

Проходя по коридору, он слышит сзади шаги. Пожав плечами, идет дальше, не останавливаясь.

Секунду спустя, охваченный паникой, резко оборачивается. Конечно, никого нет.

Райан доходит до спортзала. Он не может отделаться от впечатления, что за ним наблюдают, пока он проделывает свои упражнения.

На пятнадцать минут он устраивается на кушетке, прежде чем приступить ко второй половине комплекса упражнений.

Он вспоминает семейные выходные на острове Скай. Это было, конечно, в самые первые годы, до того как Скай сделали экспериментальной площадкой для исследований водорослей по программе поиска заменителей пищи. Он вспоминает приятные вечера, которые они с Джозефиной обычно проводили вместе с Трейси и Фредом Мастерсонами. Он вспоминает те вечерние прогулки с женой по садам на крышах. Вспоминает рождественские праздники, заходы солнца, запах дождя в полях его родных мест. Вспоминает запах своих игрушечных фабрик — горячего металла, краски, свежераспи-

ленного дерева. Вспоминает свою мать. Она была одной из жертв недолговечного Закона о больничной эвтаназии. Этот закон был отменен Ниммойтами в период их короткого пребывания у власти. Единственная разумная вещь, которую они сделали, думает Райан. Он засыпает.

Он опять в той долине, на той же планете... Но на этот раз он охвачен паникой: друзья бросили его, захватив корабль. Он бежит в сторону джунглей. Видит смуглую женщину. Потом оказывается на своей собственной фабрике среди танцующих игрушек.

Ему доставляет удовольствие вид этих предметов, которые сотворил он. Они так весело действуют все вместе. Он видит те музыкальные строительные кубики. Они все еще сложены в слово.

РАЗ...

С нарастающим изнутри страхом он слышит на фоне звяканья и бряканья механических игрушек монотонные звуки похоронной музыки, которая в других снах сопровождала танцоров в том сумрачном зале.

Музыка усиливается, почти заглушая звуки двигающихся игрушек. Райан застывает на месте, окруженный копошащимися игрушками. Внезапно они начинают карабкаться друг на друга — ягненок на экскаватор, кукла на кучу кубиков, слоники на мальчиков, образуя рядом с ним огромную пирамиду. Пирамида растет до тех пор, пока не достигает уровня его глаз. Музыка усиливается, и Райан с ужасом ожидает ее кульминации, когда пирамида из шевелящихся игрушек в конце концов обрушится на него.

Он изо всех сил старается вырваться из ловушки, образованной этими крохотными заводными тварями.

Во время борьбы он со стоном просыпается от звука собственного голоса:

— Я думал, они кончились. Надо что-то делать с этим.

Он встает с кушетки и впервые забывает о гимнастике, тупо разглядывая тренажеры.

— Я владею собой,— говорит Райан.— Владею.

Он идет обратно в рубку управления, настраивает датчики, удостоверяется, что приборы для определения времени работают точно, и делает следующее заявление компьютеру:

*** МЕНЯ БЕСПОКОЯТ КОШМАРЫ ***

Компьютер отвечает:

*** Я ЗНАЮ ЭТО *** ВВОДИТЕ 1 КУБ.СМ ПРОДИТОЛА ***
ЕЖЕДНЕВНО *** НЕ БОЛЬШЕ *** ПРЕКРАТИТЕ ИНЪЕКЦИИ ***
КАК МОЖНО СКОРЕЕ И ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОСЛЕ 14 СУТОК ***

Райан вытирает губы и, машинально покусывая ноготь на указательном пальце, меряет шагами корабль.

Коридоры, двигательный отсек, продуктовый отсек, спортзал, отсек управления, собственная каюта, наблюдательный отсек, библиотека...

Он не доходит только до отсека гибернации.

Еще с полчаса, а то и больше он сердито расхаживает взад и вперед, стараясь собраться с мыслями.

Шаги преследуют его — несуществующие, он знает, — шаги...

Голоса его спутников, покоившихся в зеленой жидкости контейнеров, гулким эхом отдаются в длинных коридорах.

— Папа, папа! — кричит его младший сын, Александр.

Райан слышит глухой топот его ног в коридоре. Затем беременная Ида затевает спор с Фелисити, и та огрызается:

— Хватит твердить мне о том, как ты себя чувствуешь. Я не желаю ничего знать!

— Ты не понимаешь, каково это, — жалобно тянет знакомый голос.

— Да! Я не понимаю! — истерически кричит Фелисити.

Слышится звук пощечины и рыдания Иды. Хлопает дверь.

— Дай я разберусь с ними, Райан, — слышит он нетерпеливый голос Джеймса Генри. Кажется, его голос наполняет весь корабль. Он узнает быстрые шаги Фреда и Трейси, за ними следует Джозефина.

— Папа, папа! — Мальчишеские ноги стремительно приближаются. Райан вертит головой: откуда берутся эти звуки?

Где-то далеко поет Джанет Райан:

— Я еду домой, где луга медоносны...

Как он ни старается, слова толком не разобрать. Вот вроде бы дядя Сидней запел:

— Поймал мышонка глупый старичок, хей-дидл-ум-тум-ти-ду; и в яблочный пирог его запек; поймал мышонка глупый старичок...

Где-то совсем рядом Изабель Райан нервно произносит:

— Я больше не выдержу!

Ей что-то невнятно отвечает громяющий голос Джона Райана. Джанет поет.

Оба мальчика бегут, бегут, бегут...

А Райан медленно оседает на пол коридора, запрокинув голову и слушая, слушая, слушая голоса...

Теперь ему кажется, что они доносятся из помещения в конце коридора. Он машинально встает и на негнущихся ногах бредет туда по коридору.

Голоса становятся громче.

— Терпеть не могу смотреть, как человек изображает из себя незаменимого. От этого нет никакой пользы ни ему, ни окружающим,— произносит Джеймс Генри.

— Господь Бог твой — Бог ревнитель, и ты не должен поклоняться богу иному кроме Него,— советует дядя Сидней.

— Ничего, дорогая, ничего,— успокаивает кого-то Изабель Райан.

Александр приглушенно плачет в подушку.

Джанет Райан поет высоким, чистым голосом:

— Я еду домой, где луга медоносны, где птицы щебечут о нашей любви...

Ида и Фелисити Генри продолжают спорить:

— Прими вот это.

— Я не хочу.

— Ты должна это принять. Это то, что тебе нужно.

— Я знаю сама, что мне нужно.

— Будь же благоразумной, выпей это сейчас.

Когда Райан достигает двери, голоса усиливаются. С прикосновением к кнопке они становятся еще громче.

Песни, рыдания, смех, споры — все обрушивается на него неразличимой мешаниной.

И вот дверь открывается.

Звуки резко обрываются, и Райан остается в тишине, вглядываясь в тринадцать контейнеров, двенадцать из которых заняты и обозначены табличками с датами и именами.

Обладатели этих голосов спокойно лежат в своей светлой жидкости. Райан стоит в дверях, внезапно осознавая, что он опять один, что голоса исчезли, что он открыл эту дверь в неположенное время...

Его спутники продолжают спать. Они спокойны и не подозревают о мучениях, которые он испытывает, у них у всех СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ.

Чего не скажешь обо мне, думает Райан. К его глазам подступают слезы.

От дверей ему не видны люди в контейнерах.

Он пересчитывает контейнеры. Их по-прежнему тринадцать. Затаив дыхание, смотрит на тринадцатый, его собственный контейнер. Затем, с искаженным от испуга лицом, он отступает в коридор и ударяет в дверь ребром ладони, захлопывая ее.

Он начинает странно медленно бежать по коридору, пока не добирается до его конца. Тогда он прислоняется к переборке и

долго не может отдышаться. Потом выпрямляется и медленно плетется к отсеку управления.

«Мне придется подумать об этих инъекциях. Возможно, я не смогу продержаться без них. Я надеялся, что выдержу дольше. Не стоит слишком надеяться на подобные вещи. В конце концов, это наркотик.

Может быть, одна доза поможет. Одной может оказаться достаточно и больше не понадобится.

Во всяком случае, я боюсь продолжать без нее».

Райан решает сделать первый укол на следующее утро.

Продитол — это вещество, подавляющее выработку ферментов, действующее прямо на новую клеточную матрицу, поступающую в мозг. Его действие заключается в предотвращении выделения в клетки вредных веществ, вызывающих ослабление связи с внешним миром и, таким образом, галлюцинации. Райану, отчасти из гордости, отчасти по причинам, которые сам не вполне понимает, очень не хочется принимать это лекарство.

Но он предан кораблю, его обитателям, его цели.

Немного найдется такого, чего он не сделал, чтобы быть способным поддерживать неуклонный распорядок жизни корабля и выполнять свой долг перед его пассажирами.

Райан принимает решение.

Побольше снотворных таблеток сегодня вечером и продитол завтра.

Потом идет в свое спальное отделение, но быстро возвращается и запрашивает подробности действия лекарства.

*** ПРОДИТОЛ *** ПРОДИТОЛ ТАКЖЕ ВЫП — 19ccc СССР *** ПРОДИТОЛ ЯВЛЯЕТСЯ БЫСТРОДЕЙСТВУЮЩИМ СРЕДСТВОМ ИЗ СЕМЕЙСТВА ПОДАВЛЯЮЩИХ *** ФЕРМЕНТАЦИЮ *** ОН НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ *** ЧЕРЕЗ 10 МИНУТ ПОСЛЕ ИНЪЕКЦИИ *** ЕГО ПОЛНЫЙ ЭФФЕКТ *** ОЩУЩАЕТСЯ В ПРЕДЕЛАХ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ЧАСА *** ПОСЛЕ ЭТОГО *** МОЗГ ПАЦИЕНТА ДОЛЖЕН ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ВСЕХ *** ВПЕЧАТЛЕНИЙ ИЛЛЮЗОРНОЙ ПРИРОДЫ *** В *** САМЫХ ТЯЖЕЛЫХ СЛУЧАЯХ ЭТО ЛЕКАРСТВО БУДЕТ СДЕРЖИВАТЬ НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ *** СИМПТОМЫ В ТЕЧЕНИЕ 24 ЧАСОВ ПОСЛЕ ЧЕГО ЕСЛИ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НАДО СДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩУЮ ИНЪЕКЦИЮ *** ВО МНОГИХ СЛУЧАЯХ ЭТО НЕ ПОНАДОБИТСЯ *** НИ ПРИ КАКИХ *** ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОДНАКО НЕ СЛЕДУЕТ ЕЖЕДНЕВНО ПРИНИМАТЬ ЛЕКАРСТВО БОЛЕЕ 14 СУТОК ***

Райан подтверждает получение этого сообщения и подходит к главному «иллюминатору» рубки управления. Он включает экран и смотрит в голографическое изображение космоса: крохотные точки света, ужасно далекие солнца...

Он хмурится, так как уголком глаза замечает какие-то черточки — нечто вроде полосок газа, не связанного с кораблем. Вроде дыма, подвешенного пламенем...

Он трет глаза и опять всматривается в экран. Черточки все еще там.

Райан встревожен. Он перебирает в уме накопленную информацию, надеясь придумать какое-то объяснение этим газам.

Может быть, это следы кораблей другой цивилизации, вышедшей в космос?

Вероятность такого события существует.

Тем временем полосы продолжают расти. Их теперь становится все больше. Они свиваются вместе, расходятся и все время непрерывно преобразуются.

Райан с ужасом слышит слабый шум, нечто вроде жужжания и звона в ушах, при этом полосы газа начинают соединяться и приобретать некие формы... Райан еще раз проводит ладонью по глазам.

Шум в ушах не умолкает. Когда он еще раз выглядывает в иллюминатор, ужасное подозрение охватывает его.

Перед ним внезапно появляется лицо той самой старухи со злобной ухмылкой. Ее глаза скрыты под круглыми черными очками. У нее черные губы, дряблая кожа нанудрена. Она протягивает к окну костлявую руку и... исчезает.

Райан судорожно вздыхает и, паникуя, хочет отвернуться от окна, но внезапно замирает, заметив впереди знакомые фигуры. Там, в открытом космосе, кружатся и кружатся те самые безумные танцоры из его кошмара....

Они далеко от корабля.

Знакомая мелодия звучит в голове Райана, а они танцуют — медленно, надменно, и он лишь завороченно следит, как они тихо подплывают к кораблю.

Вновь он видит негнушиеся тела, полные, респектабельные лица, темную дорожную парчу женских платьев, темные добротные костюмы мужчин. Он вглядывается в унизанные тела, прямые спины, отмечает достоинство и хорошие манеры, которые они откровенно демонстрируют.

Темные круги очков слепно пялятся друг на друга. Их лица под этими черными очками совершенно бесстрастны. Описыва-

вая круги в пустоте, они приближаются к Райану, и музыка звучит мощнее, почти угрожающе.

— Папа! Папа! — плачет Александр.

Райан не в силах пошевелиться. Холодный свет падает на танцоров. Они подплывают все ближе и ближе к кораблю, к Райану, в оцепенении стоящему у иллюминатора.

— Папа!

Райан слышит этот настойчивый голос и хмурится. Неужели Алекс не спит?

Райан улыбается. Мальчишка ни за что не останется в постели, если не спит.

Но Александр Райан не в постели. Он в гибернации.

Танцоры продолжают свой танец.

Они не настоящие. Райан осознает, что ему надо уделить внимание сыну, а не призрачным танцорам там, в открытом космосе. Они не могут войти внутрь. Они не могут встать перед ним лицом к лицу. Они не могут одним страшным движением снять очки, открывая...

— Иди обратно в постель, Алекс!

Они теперь очень близко. Музыка замедляется. Они всего в нескольких шагах от корабля. Поворачивают к Райану свои слепые лики... медленно-медленно подбираются к нему...

Один шаг...

Два шага...

Три шага.

Их около тридцати, они сбились в кучу уже в каком-то футе от Райана, зависнув прямо за иллюминатором. И только сейчас он с ужасом понимает, что они не снаружи. Это была иллюзия: то, что он видел, было отражением в стекле. На самом деле они находились позади него. Все это время они находились в корабле. Он не смеет обернуться и вместо этого продолжает смотреть в иллюминатор:

Они ждут.

Райан вдруг замечает позади тесной группки танцоров своих друзей и родственников. Они глядят на него пустыми глазами, глядят так, словно не узнают. Словно он для них не существует.

Джозефипа — жестокая в своем безразличии, с бесстрастным выражением на круглом лице, со спадающими на круглые плечи светлыми волосами. Дядя Сидней, обхвативший жилистыми руками обоих мальчиков за худые плечи; его губы раздвинуты в оскале, глаза устремлены на что-то, находящееся над головой Райана.

Вот близнецы Генри, одна — здоровая, другая — изнуренная беременностью, стоят, взявшись за руки, и глядят сквозь Райана одинаковыми карими глазами. Вот Трейси Мастерсон с таким же нустым взглядом. Вот Фред Мастерсон, самый старый друг Райана. Вот брат Джон, усталый, с удивленным выражением лица. Изабель сердито смотрит на Джона. Джеймс Генри невидяще смотрит прямо на Райана, рыжие волосы поблескивают в отраженном от зеркала свете.

Пока Райан рассматривает их, танцоры на переднем плане преодолевают последние дюймы, их разделяющие... Он быстро поворачивается к ним лицом...

Перед ним пустая, аскетично обставленная рубка управления. Экраны, циферблаты, датчики, приборы, терминал компьютера. Серые и зеленые мягкие тона.

Он снова смотрит в иллюминатор. Только чернота.

Это не нравится ему еще больше. Он кричит и принимается бить кулаками в иллюминатор.

— Где вы? Где же вы? Дерьмо, сволочи, ублюдки, мерзавцы, засранцы, твари?..

Они снова там. Не танцоры. Только его друзья и родственники. Но никто из них не видит его.

Он машет им рукой, ласково подзывает к себе... Они не понимают и лишь угрожающе быстро надвигаются на него. Райан пытается как-то просигнализировать им, что они знают его, что он их друг...

— Впусти нас! — требуют они.— Впусти нас. Впусти нас. Впусти нас. Впусти нас. Впусти нас. Впусти нас.

Шум вокруг корабля усиливается. Пальцы царапают окно, руки пытаются прорваться сквозь материал иллюминатора.

— Безумцы! Вы разрушите корабль! Подождите! — умоляет Райан.—Вы убьете нас всех! Не надо — не надо — не надо!

Но они раздрают всю стену, впуская внутрь ледяной космос.

— Вы погубите экспедицию! Прекратите!

Они не слышат его.

У Райана сжимается горло, и он теряет сознание.

Глава 16

Райан лежит на полу рубки управления, с закатанным рукавом рубашки. Рядом с ним валяется пустая ампула продитола. Сложенная куртка подсунута под голову.

Он моргает. Наверное, в какой-то момент он осознал, что нужно сделать, чтобы остановить эти галлюцинации. Он поражен собственной силе воли.

— Ну, как ты теперь?

Знакомый голос! Сначала он ощущает страх, потом облегчение. Это Джон. Он поднимает глаза.

Рослый, чуть флегматичный братец смотрит на него сверху вниз.

— Ну и дошел же ты, старик!

— Джон! Как ты проснулся?

— Я думаю, это сделал компьютер. Вероятно, есть какая-то аварийная система пробуждения, если что-то случится с дежурным членом экипажа.

— Как я рад! Это настоящий идиотизм — взвалить все на себя. Я понимал в своем состоянии все, кроме величины этого напряжения. Уговаривал сам себя, что мне никто больше не нужен в помощь...

— Ну, теперь-то ты в порядке. Я буду тебе помогать. Ты можешь побыть в гибернации, если захочешь...

— Нет, в этом нет необходимости,— торопливо отвечает Райан.— Теперь будет все в порядке, когда можно с кем-то поделиться заботами.— Он слабо улыбается.— Старомодное чувство одиночества.— Он вздрагивает. Ему все еще кажется, что он видит что-то уголками глаз.— Я надеюсь, во всяком случае.

— Конечно,— убежденно соглашается Джон. Райан доволен: Джона всегда было нелегко в чем-то убедить.

— Благодарю Бога за аварийную систему, а? — смущенно произносит Джон.

— Аминь,— откликается Райан.

На самом деле, если уж кого-то и надо было разбудить, то уж конечно молодую жену Джанет... Он отгоняет эту мысль и встает. Быть с Джоном — почти все равно что быть одному: братец не из самых разговорчивых.

Райан поднимается на ноги. Джон сноровисто управляется с приборами.

— Тебе бы, старина, лучше отправиться в постель,— говорит он.— Я тут присмотрю...

Райан, облегченно вздохнув, отправляется в свою каюту.

*

Он лежит в темноте, вознося хвалу лекарству, разогнавшему его бред. Лишь легкое чувство тревоги от того, что к нему присоединился брат.

Джон, вероятно, знает о связи, которая была у него с Джанет. Ему, впрочем, может быть все равно. А может, и не все равно. Джон не особенно мстительный человек, но все-таки надо быть начеку.

Райан вдруг вспоминает другую свою любовную связь — с Сарой Карсон, дочерью старого Карсона...

*.

В игрушечном бизнесе Карсон — конкурент Райана. Он был председателем компании «Лунный свет» и знал Райана многие годы. Оба давно отделились от «Сондерс тойз» и с тех пор все время шли практически ноздря в ноздю. Их соперничество было дружеским, и они часто встречались за ленчем или за обедом, пока обихай есть в обществе не вышел из моды. Потом они продолжали общаться по видео.

Со временем Карсон сделался фанатичным Патриотом, и, по мнению Райана, с ним было больше не о чем разговаривать. Однако стало очевидно, что Патриоты являются самой сильной политической группировкой в стране, и Райан решил, что ему не повредит остаться другом Карсона. Он посещал с ним некоторые митинги и даже зарегистрировался в качестве члена партии.

На одном из таких митингов он и встретил Сару: двадцатидвухлетняя красавица, похоже, не особенно разделяла взгляды отца.

Джозефина переживала нелегкие времена и вместе с детьми проводила две трети суток под действием успокоительных средств. Райан сам остро нуждался в отдыхе.

В качестве одного он выбрал Сару. Или, вернее, это она выбрала его. С первых же секунд знакомства она пустила в ход все свои чары.

Они стали встречаться в недостроенной гостинице. За несколько шиллингов снимали номер из нескольких комнат. К тому времени гостиничный бизнес был в упадке, поскольку мало кто уезжал из дома и рисковал довериться гостиницам.

Сара вывела Райана из депрессии, предоставляя ему нечто, чего он с нетерпением ждал каждую ночь. Она была страстной и выносливой. Райан приспособился спать днем.

Он пользовался митингами Патриотов как оправданием своих отлучек и даже иногда появлялся на них с Сарой и ее отцом.

Потом Карсон поссорился со своей партией. Ему пришло в голову, что Земля не планета, обращающаяся в космосе, а на самом деле полый «пузырь» в бесконечной твердой скале. «Мы ходим не по внешней поверхности сферы, а наоборот, по внутренней!»

Карсон вышел из партии, чтобы создать собственную группировку, и вскоре оброс порядочным числом последователей, разделявших с ним веру в Полую Землю. Сара продолжала ходить с отцом на его митинги (она знала, что у него слабое сердце, и была его шофером).

Затем Карсону взбрело в голову, что Райан его враг, о чем Сара немедленно сообщила ему.

— Эта старая песенка — кто не с нами, тот против нас. Он становится смешным, — сказала она. — Я беспокоюсь за его сердце. — Она гладила Райана по груди, лежа с ним в гостиничной постели. — Он велел мне перестать с тобой видеться, милый.

— И ты собираешься это сделать?

— Думаю, да.

— Только чтобы угодить ему? Он уже созрел для дурдома, сама знаешь. Даже эти чертовы фанатики, Патриоты, считают его чокнутым.

— Он мой старенький папа. Я люблю его.

— Я бы сказал, ты прямо виснешь на нем!

— Милый, разве я бы связалась с тобой, если бы не страдала отцовским комплексом!

Райан разозлился. Тупой старый осел! Теперь вот и дочь попытается его унизить.

— Очень умно, — резко произнес он. — Я и не знал, что в твоём арсенале есть такие острые ножи.

— Перестань, милый. Ты же сам начал. В любом случае, я просто пошутила. Ты совсем неплох для твоего возраста.

— Спасибо.

Он, хмурясь, подставил стакан под кран в раковине и налил воды. Затем осторожно отпил и выплеснул остатки.

— О Боже. Уверен, что в воду сейчас что-то добавляют.

— Разве ты не слышал? — Она вытянулась на кровати. Ее тело было почти совершенным. Казалось, она дразнит им Райана. — В воде есть все — ЛСД, цианид, какая-то дрянь для загнивания мозгов...

Он фыркнул:

— Конечно. Это, вероятно, простодохлые крысы... — Он взял рубашку и стал надевать ее. — Нам пора ехать, уже девять. В десять начнется комендантский час.

— Не хочешь трахнуться последний разок? Ради старой дружбы?

— Ты же не хочешь больше видеться?

— Я хочу, милый, поверь. Но в его состоянии это убило бы его.

— Лучше бы ему умереть.

— Может, и так.— Она спустила с кровати длинные ноги и начала одеваться.— Подбросишь меня домой?

— По старой дружбе...

Смесь гнева и подавленности захлестывала его с головой. Он старался отделаться от этих мыслей, но становилось еще хуже. При всех его деловых заботах — падение производства, таможенные запреты, невыплаченные долги — ему еще этого не хватало. Он знал, что шансов на то, что она передумает, нет. Она была прямой и бесхитростной. Ее заигрывания были открытыми. Теперь же была открытая отставка. Он и не подозревал, как сильно она поддерживала в нем его «я». Нельзя было полагаться на нее.

Они вышли из гостиницы. Красное солнце застряло на горизонте. Его машина стояла неподалеку. Этот комендантский час казался абсолютно бессмысленным, поскольку на Оксфорд-стрит навряд ли кто-либо еще проживал.

Райан постоял у машины, глядя на руины сожженных универмагов, на опустошенные административные блоки — напоминание о зимних бунтах.

Сара Карсон выглянула в окно машины.

— Любуешься?— спросила она.— Ты, похоже, романтик?

— Может быть,— ответил он, садясь в машину и заводя мотор.— Хотя всегда считал себя реалистом.

— Ты просто эгоистичный романтик.

— Не будь жестокой сверх необходимости,— заметил он, направив машину вдоль улицы.

— Прости. Я не слишком сентиментальна. В наше время нельзя себе этого позволить.

— Хочешь, чтобы я подвез тебя до самого Кройдона?

— Не думаешь ли ты, что я пойду пешком через зону антифеминистов?

— Зону? Они что, контролируют весь район?

— Почти. Хотят создать собственное маленькое государство в Болхэме — вообще без женщин. Они убивают любую женщину, которая попадется им в руки. Очень мило.

Райан фыркнул.

— У них, видимо, чертовски правильная позиция.

— Не будь гадким, дорогой. Можем мы объехать Болхэм кругом?

— Это самый короткий маршрут, с тех пор как в Брикстоне взорвали Брайтон-роуд на кусочки.

— Попробуй тогда с другой стороны.

-- Посмотрим.

Некоторое время они ехали молча.

Лондон был мрачным, почерневшим и разрушенным.

— Думал когда-нибудь удрать отсюда? — спросила Сара, когда они ехали по Вексхолл-Бридж-роуд, стараясь избегать рытвин. Райана начало слегка подташнивать. Это из-за нее, подумал он. Или из-за проклятой боязни открытого пространства.

— А куда? Везде еще хуже, чем в Англии.

— Конечно.

— И, чтобы жить за границей, нужны деньги. Раз никто больше не признает чужую валюту, на что тогда жить?

— Думаешь, в это Рождество станут покупать много игрушек?

Сара посмотрела на разрушенные дома.

Его подавленность и злость росли от понимания того, что она права.

— Ты и мой старый папочка занимаетесь не тем бизнесом, — весело произнесла она. — У него по крайней мере хватило ума заняться политикой. Это надежнее — во всяком случае, на какое-то время.

— Может быть. — Они ехали по мосту, который шатался и скрипел.

— Сильный ветер его доконает, — сказала она.

— Помолчи, Сара. — Он крепче вцепился в руль.

— О Боже. Закончи с этим делом красиво. Я-то думала, что ты — хороший бизнесмен, настоящая хитрая бестия. Этаким хладнокровный малый, использующий все шансы. Сам говорил!

— Не надо тыкать меня в это носом. У меня, любовь моя, есть планы, о которых ты понятия не имешь.

— Это что — идея о космическом корабле? — рассмеялась она.

-- Откуда?..

— Не ты мне рассказал, дорогой. Я порылась в твоём портфеле пару недель назад. Ты это в самом деле серьезно? Хочешь отправить тринадцать человек в Сибирь и выкрасть тот самый ооновский космический корабль, весь год стоящий без дела?

— Он готов к полету.

— Они все еще пререкаются, кому какой принадлежит от него кусок и кто имеет право на нем лететь. Он никогда не взлетит.

Райан усмехнулся.

— Милый, ты еще больше рехнулся, чем мой старик!

Райан нахмурился.

— Подожди, вот расскажу друзьям... Заработаю на целую неделю обедов.

— Только попробуй сказать кому-нибудь, крошка,— проговорил он сквозь зубы.

— Валяй, милый! У всех свои иллюзии, но это просто смешно. Как ты будешь управлять такой машиной?

— Управление кораблем полностью автоматическое,— ответил он.— Это самый сложный механизм из когда-либо созданных.

— И ты думаешь, они так просто позволят тебе умыкнуть его?

— У нас контакт с кем надо. Они согласны.

— А как вы связываетесь с ними?

— Это нетрудно, Сара. Старомодное радио. Не я один ишу способ выбраться из этого хаоса. Видимо, уже невозможно спасти человеческую расу от сползания назад, в средневековье...

— Вы однажды могли спасти ее!— сказала Сара, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему прямо в лицо.— Если бы не были так чертовски осторожны. Так чертовски эгоистичны!

— Не все так просто...

— Предыдущие поколения могли что-то сделать! Именно тогда появились ростки всей этой дурацкой паранойи и ксенофобии. Боже, какая ошибка! Этот век мог стать веком Утопии. Вы и ваши матери и отцы превратили его в ад.

— Со стороны это могло выглядеть...

— Милый, именно так.

Он пожал плечами.

— А теперь вы бежите, оставляя после себя этот кошмар. Твоя болтовня о «прагматизме» — чушь собачья! Ты такой же дезертир, как и мой бедный, рехнувшийся старый папа! А может, и еще больший дезертир, если на то пошло, ведь еще можно что-то сделать.

Они проезжали Стокуэлл. Солнце садилось, но уличное освещение не включалось.

— Тебе неприятно, что бросаешь меня, так? — спросил Райан.— Ведь из-за этого весь этот спектакль, не правда ли?

— Нет. Ты просто хороший самец. Но твоя личность меня никогда не интересовала.

— Придется долго искать получше.— Он постарался сказать это шутливо, но было очевидно, что он серьезно.

— Самоуверенный эгоист,— сказала она.— И циник! Тьфу!

— Не высадить ли тогда тебя здесь, а?

Он остановил машину.

Сара взгляделась в темноту.

— Где это «здесь»?

— Болхэм.

— Не надо шутить, милый. Ты забыл, что везешь меня до Кройдона?

— Я немного устал от твоей болтовни... милая.

— Хорошо.— Она откинулась на спинку.— Обещаю прикусить язычок. Больше ничего, кроме «спасибо», не скажу до самого Кройдона.

Но Райан уже принял решение. Это не было преступным замыслом — скорее, он так поступит из самосохранения. Ради Джозефины и мальчиков, ради всей группы. Он совсем не был рад тому, что он делает.

— Выходи из машины, Сара.

— Черт подери, ты повезешь меня домой, как обещал!

— Выходи!

Она взглянула ему в глаза.

— Боже мой, Райан...

— Давай.— Он толкнул ее плечом, перегнулся через нее и открыл дверцу.— Давай.

— Господи Иисусе! Ладно. — Она взяла с сиденья свою сумочку и вышла из машины. — Это уже было — война полов и так далее. Но здесь это чересчур.

— Это твоя проблема, — сказал Райан.

— Райан, я вряд ли выберусь отсюда живой.

— Это твоя проблема.

Она глубоко вздохнула:

— Я никому не скажу о твоей дурацкой затее с космическим кораблем, если тебя беспокоит только это.

— Я должен позаботиться о своей семье и друзьях, Сара. Они мне верят.

— Дерьмо. — Она шагнула в темноту.

Похоже, здесь никто не дремал — она закричала страшно, пронзительно, зовя его на помощь. Вскоре крик резко оборвался...

Райан закрыл дверцу машины и запер ее. Запустил двигатель, включил фары...

В их свете он увидел ее лицо — высоко, над черной массой Антифемов в их монашеских рясах.

Тело лежало на земле, руки судорожно сжимали сумочку. А голова была пасажена на конец длинного шеста.

Глава 17

Райан двое суток лежит в своей койке, не расставаясь с борт-журналом и ручкой. Иногда заходит Джон, но не пристаёт к нему, понимая, что брат не хочет, чтобы его беспокоили. Он позволяет Райану есть, когда хочется, а сам присматривает за кораблем. Чтобы быть уверенным, что Райан отдыхает, он даже отключил пульт в его каюте.

Райан перечитывает первую запись, которую сделал, перенеся журнал в каюту.

«То, что я сделал с Сарой, можно, конечно, оправдать тем, что она могла все разрушить. Этого нельзя было допустить. Тот факт, что мы все в безопасности и на корабле, свидетельствует, что я принял правильные меры предосторожности, не доверяя никому, обеспечивая строжайшую секретность. Мы держали связь только с русской группой — чуть ли не с последним островком разумного человечества, о котором мы знали.

Поступил бы я так, если бы она не отвергла меня таким грубым образом? Не знаю. Учитывая состояние дел в тот момент, я вел себя не хуже, не менее гуманно, чем любой другой на моем месте. С волками жить — по-волчьи выть. По крайней мере, это останется только на моей совести. Ни дети, ни Джозефина, ни кто другой не виноваты...»

Он вздыхает, перечитывая эту запись, ворочается на койке.

— Все в порядке, старина?

Джон, как всегда, вошел в каюту бесшумно. Он выглядит немного усталым.

— Я отлично себя чувствую. — Райан быстро захлопывает журнал. — Отлично. У тебя все хорошо?

— Справляюсь. Дам тебе знать, если что-нибудь случится.

— Спасибо.

Джон уходит. Райан возвращается к журналу, листая страницы, пока не находит чистую, и продолжает:

«В этом нет сомнений. На моих руках кровь. Вероятно, по этой причине мне снились плохие сны. Как снились бы любому нормальному человеку. По крайней мере, я взял этот грех на себя, никого не сделал соучастником.

Когда мы захватывали этот транспортный «Альбион», я надеялся, что здесь не будет осложнений. Да и не было бы, если бы экипаж был полностью английским. Невероятно! Я всегда знал, что ирландцы легко возбудимы, но этот тип, попытавшийся вырвать у меня оружие в воздухе, получил по заслугам. Он, наверное, был ирландец. Другого объяснения я не вижу. Я никогда не был расистом, но надо согласиться, что англичане обладают некоторыми достоинствами, которых нет у других народов. В некотором роде это слегка напоминает расизм, но только слегка. Я ведь был в ужасе, когда узнал, что иностранцев в лагерях морили голодом до смерти. Я что-нибудь сделал бы с этим, если бы мог. Но к тому времени это зашло слишком далеко. Может быть, Сара была права. Может быть, я смог бы остановить это, если бы не был таким эгоистом. Я всегда считал себя просвещенным человеком — либералом. И другие считали меня таким».

Он опять останавливается, глядя в стену.

«Эта гниль завелась еще до меня. Водородные бомбы, радиация, химическое отравление, недостаточный контроль за рождаемостью, ошибки в управлении экономикой, ошибочные политические теории. А потом — паника.

И нельзя ошибиться. Сунь гаечный ключ в механизм общества, такого сложного и тонко настроенного, каким было наше, и — вот оно. Хаос.

• Они пытались дать простые ответы на сложные вопросы. Они ждали мессию, когда нужно было повернуться лицом к проблемам. Старая беда человечества. Но на этот раз человечество покончило с собой. Безусловно.

Как странно, что я никогда не узнаю, чем это все обернулось. А нашим детям это будет все равно. Мы улетели вовремя. Они уже бомбили друг друга!

Еще несколько дней, — пишет он, — и мы бы не успели. Я прекрасно рассчитал время, учитывая все обстоятельства».

*

Райан вывел группу к лондонскому аэропорту, где большой транспортный самолет «Альбион» готовился вылететь на бомбежку Дублина. Все были в военной форме, так как играли роль адъютантов при генерале.

Они въехали прямо на взлетную полосу и, прежде чем кто-то что-то успел понять, взбежали по трапу в самолет...

Райан, угрожая оружием, приказал пилоту взлетать.

Через четверть часа они летели в сторону России...

Они были уже над посадочной полосой где-то на суровой Сибирской равнине, когда этот ирландец — наверняка он был ирландцем — запаниковал. Как ирландцу удалось остаться замаскированным, не обнаруживая своих очевидных расовых черт?

Райан два часа просидел в кресле второго пилота, направив на летчика автомат, в то время, как Генри и Мастерсон присматривали за остальным экипажем, а Джон Райан и дядя Сидней охраняли женщин и детей. Райан был измотан до последней степени. Он чувствовал, что в нем уже не осталось ни капли энергии. Тело ныло, приклад автомата был скользким от вспотевших ладоней. Ему было холодно и мерзко от ощущения грязного тела. «Альбион» пробил на спуске облака, и Райан внезапно увидел огромный космический корабль, стоящий на стартовой площадке. Он был окружен паутиной ферм — как хищная птица в клетке, как прикованный Прометей.

Его внимание было полностью захвачено этим зрелищем корабля, когда вдруг пилот-ирландец вскочил со своего кресла.

— Чертов предатель! Мерзкий ренегат! — Он рванулся к автомату, лицо его перекосила гримаса ненависти и безумия.

Райан откинулся назад, нажав на спусковой крючок. Автомат заработал, и очередь крохотных разрывных пуль ударила пилота в грудь и лицо. Окровавленное тело обрушилось на Райана.

Большой транспортный самолет остался без управления.

Райан столкнул с себя труп и протянул руку к рычагу, переводящему самолет в автоматическую процедуру аварийной посадки. Заработали ракетные двигатели, и самолет сильно завибрировал, гася горизонтальную скорость и спускаясь на ракетных двигателях.

Райан вытер пот, размазав по лицу кровь пилота. Его тут же вырвало. Он вытер лицо рукавом, следя, как самолет приближается к земле, с рвом устремляясь к заросшей взлетно-посадочной полосе к северу от стартовой площадки.

В кабину просунулась голова Джона.

— Боже мой! Что случилось?

— Этот тип просто свихнулся, — хрипло ответил Райан. — Джон, проверь лучше, чтобы все пристегнули ремни. У нас будет трудная посадка.

«Альбион» был уже близко к земле, его ракетные двигатели жгли бетонную полосу. Райан защелкнул пристяжной ремень.

В пяти футах над землей ракетные двигатели отключились, и самолет плюхнулся брюхом на бетон.

Райан выбрался из кресла и нетвердым шагом вышел в отсек экипажа. Александр плакал, Трейси Мастерсон была в истерике, стонала Ида Генри. Остальные были более-менее спокойны.

— Джон! — крикнул Райан. — Открой дверь и выводи всех из самолета как можно скорее, ясно? — Он все еще сжимал автомат.

Джон Райан кивнул и кинулся в хвостовую часть салона, где Мастерсон и Генри держали под дулами остальных членов экипажа.

— Что все это значит? — подозрительно осведомился Джеймс Генри. — Ты что, хочешь всех нас прикончить, Райан?

— Пилот свихнулся. Пришлось делать аварийную посадку на ракетных двигателях.

Райан оглядел оставшихся членов экипажа — четырех юнцов и женщину лет тридцати. Все они выглядели перепуганными.

— Вы знали, что ваш командир — ирландец? — спросил у них Райан. — И что вы летели бомбить Дублин? Голову даю на отсечение, что он собирался там приземлиться.

Экипаж недоверчиво смотрел на него.

— Это правда, — сказал Райан. — Но не беспокойтесь. Я разобрался с ним.

Женщина очнулась первая:

— Вы убили его?

— Самооборона, — ответил Райан. — Самооборона — не убийство. Ладно, Фред, Генри, идите-ка помогите всем выбраться из этого чертова самолета.

Женщина сказала:

— Он был не больше ирландцем, чем я. Во всяком случае, какое это имеет значение?

— Не удивительно, что ваш народ проигрывает войну, — презрительно ответил Райан.

Когда все покинули самолет, Райан расстрелял экипаж. Только так можно было обеспечить безопасность всех. Иначе оставался шанс, что экипаж захватит «Альбион» и совершит какую-нибудь глупость.

*

Тищенко, мужчина лет пятидесяти, с озабоченным видом крепко пожал Райану руку и повел по пустынному бетону к зданиям Центра управления. Дул холодный, пронизывающий

ветер. В стороне от стартовой площадки остался их самолет — серо-зеленый, незаметный... Все устало брели за Райаном.

Тищенко был из первых, кому Райан доверился. Помог ему в этом Оллард, старый школьный друг, который до последних дней тщетно пытался удержать Объединенные Нации от распада. Патриоты вскоре сослали его в лагерь.

— Это большая радость, — сказал Тищенко, когда они вошли в здание, приспособленное под жилые помещения. Здесь было холодно и мрачно. — И в некотором роде достижение, что посреди всей этой безумной ксенофобии небольшая интернациональная группа разумных мужчин и женщин может поработать над таким важным проектом, как этот. — Он улыбнулся. — Должен сказать, так приятно видеть женщину.

Райан, уставший до предела, кивнул, протирая глаза. Одной из причин, по которой эти русские пожелали иметь дело с ними, было то, что он мог привезти с собой женщин.

— Вы устали? — спросил Тищенко. — Пойдемте.

Он провел их по двум лестничным пролетам вверх и показал им три комнаты, вдоль стен которых были расставлены раскладушки.

— Это лучшее, что мы можем предоставить, — извинился Тищенко. — Удобств маловато. Все пошло на корабль. — Он подошел к окну и отдернул закрывавшее его одеяло. — Вот он.

Они сгрудились у окна, любуясь вздымавшимся в небеса космическим кораблем.

— Он был готов к полету давно, — покачал головой Тищенко. — Два года ушло на обеспечение его всем необходимым. Гражданская война здесь, а затем китайское вторжение — вот что нас остановило. Потом о нас почти забыли...

— А кто еще здесь? — спросил Райан. — Только русские?

Тищенко улыбнулся:

— Русских только двое — я и Липке! Два американца, китаец, двое итальянцев, трое немцев, француз. Вот и все.

Райан глубоко вздохнул. Он чувствовал себя как-то странно. Наверное, шок от этих убийств, подумал он.

— Я скоро вернусь, чтобы отвести вас вниз на обед, — сказал ему Тищенко.

Райан поднял на него глаза:

— Куда?

— На обед. Мы едим все вместе на нижнем этаже.

— О, я понимаю...

— Я не смогу! — заявила Джозефина Райан. — Я действительно не смогу...

— Видите ли, — пояснил Джеймс Генри, — мы к этому не привыкли. Наши обычаи — ну...

Тищенко выглядел озадаченным.

— Ну что же, если вы хотите, чтобы еду приносили сюда, я думаю, мы можем это устроить... Вероятно, мы можем встретиться после еды. Вы жили в гуще событий, а мы были изолированы, не испытали по-настоящему...

— Да, — сказал Райан, — было очень скверно. Извините нас. Некоторые наши социальные болезни порядком въелись. Дайте нам день-другой, чтобы устроиться, привыкнуть... Мы придем в норму, я уверен.

— Хорошо, — согласился Тищенко.

Райан смотрел ему вслед. Он ощущал некую неприязнь, исходящую от этого русского. Он все же надеялся, что с ним не будет хлопот. Русским не всегда можно доверять. А вдруг они в некоей хитроумной ловушке? Что, если этой команде техников всего лишь нужны женщины? Не захотят ли они теперь отделаться от сопровождающих их мужчин?

Райан взял себя в руки. Как глупо! Нужно будет получше следить за собой. Он две ночи не спал. Отдохни как следует, сказал он себе, и утром ты опять будешь в норме.

*

Тринадцать англичан и одиннадцать техников разных национальностей обходили корабль.

— Он полностью автоматизирован, — сообщил Шенберг, немец. Он улыбнулся и погладил Александра по голове. — Им может управлять и ребенок.

Англичане выглядели отдохнувшими и находились в прекрасном настроении, включая самого брюзгливого из них — Джеймса Генри.

— Ваши зонды убедительно доказали, что в этой системе есть две планеты, способные поддерживать человеческую жизнь, — сказал он Буле.

Француз улыбнулся:

— Одна из них могла бы быть Землей. Почти такое же соотношение суши и моря, очень похожая экология. Такая планета обязательно должна была где-нибудь найтись, и нам повезло, что мы так быстро ее обнаружили.

Итальянец Буччелла проявил несколько повышенный интерес к Джанет посредством пространственных объяснений некоторых особенностей корабля.

Типичный итальяшка, отметил озабоченно Райан.

Он бросил взгляд в сторону Джона, который внимательно слушал китайца Шаня, старавшегося что-то объяснить про устройство регенерации. Шань не слишком хорошо владел английским.

*

Когда они вернулись в свое жилище, Райан спросил брата:

— Ты заметил, что тот итальянец, Буччелла, и Джанет были вместе?

— Что значит — вместе? — с усмешкой сказал Джон.

Райан пожал плечами:

— Впрочем, это твоя проблема...

Работа продвигалась быстро, а когда дошла весть о массированных ядерных бомбардировках по всему земному шару, стали работать и ночью, отдыхая лишь тогда, когда глаза совсем слипались. Наконец корабль был готов.

Буччелла, Шань и Буле собирались лететь на корабле с ними, а оставшиеся на Земле должны были обеспечивать взлет, работая почти за полсотни техников.

Наступил день старта.

Глава 18

Райан, почесав нос кончиком авторучки, пишет дальше:

«В наши дни нельзя позволить себе роскошь быть сентиментальным. Может быть, когда мы высадимся на новой планете, мы сможем смягчиться и дать волю всем этим приятным человеческим слабостям. Будет так чудесно опять почувствовать себя в покое, так, как в детстве».

Он поворачивается на койке и поднимает глаза:

— Бог мой, Джанет!

Джанет Райан улыбается:

— Мы все проснулись. Джон решил, что так надо.

— Он, конечно, знает, что делает. Хотя это и не входило в первоначальный план.

— Он хочет посмотреть, что из этого выйдет. Тебе что-нибудь нужно?

Он усмехается:

— Нет, спасибо, милая. У меня есть продитол для поддержания хладнокровия. По-видимому, он действует отлично. Я решил отдохнуть и спокойно поразмышлять.

— Джон говорит, ты так одержимо следил за порядком на корабле, что расстроил свое здоровье...

— Да, чуть-чуть не свихнулся. Но теперь мне очень хорошо — я отдохнул.

— Ты скоро снова возьмешь все в свои руки,— улыбается Джанет.

— Обязательно!

Джанет покидает каюту.

Райан пишет:

«Только что меня навестила Джанет. Очевидно, Джон чувствует, что лучше всем быть на ногах. Жду, что скоро появится Джозефина с мальчиками. Джанет, как всегда, чудесно выглядит. Нельзя по-настоящему винить того итальянского парня за то, что он «бросился за борт» из-за нее... Это я неудачно пошутил. Когда я заступал их в каюте Джона, мне стало дурно. Подлец! С этим надо было заканчивать. Его друзья тоже заинтересовались нашими дамами, это было ясно, как день. Только ждали удобного момента! Только последний дурак может довериться иностранцам! Я это теперь понял. По тому, как они встали на сторону итальянца, стало очевидно, что все они в сговоре. Они угрожали безопасности всей экспедиции с этими своими притязаниями по отношению к женщинам — да я бы не удивился, если бы и к мальчикам! Они стали угрожать всей экспедиции, поскольку уже не владели собой. В какой-то мере, конечно, им можно посочувствовать. Но затем они попытались завладеть моим оружием: стало ясно, какую очевидную угрозу они представляют для безопасности корабля.

...Они шли на меня, и не похоже было, что остановятся. И тогда я вынужден был застрелить сначала Буччеллу, а потом и его компаньонов. Мы выбросили тела через шлюзовую камеру. Все согласилось, что я поступил правильно».

Он вздыхает: да, тяжело было так долго не расслабляться. Принимать неприятные решения...

Странно, что до сих пор не пришли Джозефина и мальчики. Наверное, Джон проводит процедуру пробуждения постепенно.

Райан закрывает журнал и прячет его вместе с авторучкой под подушку. Он откидывается на спину, пытаясь представить детей и жену проснувшимися...

Засыпает и видит сон.

*

В: КОГО ТЫ ОБМАНЫВАЕШЬ?

О: БЫЛИ СЛУХОВЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ.

Райан стоит в рубке управления. Он уверен, что забыл что-то сделать, какую-то жизненно важную операцию. Он запрашивает компьютер, но тот несет какую-то чушь в виде каламбуров и шуточек. Райан озирается в поисках источника помехи, ищет способ выключить компьютер... Но тот не выключается, поскольку жизнь корабля зависит от компьютера. Но сейчас, решает Райан, вопрос стоит так: либо он, либо корабль. Он принимается колотить по компьютеру стулом.

***** ТЫ УБИВАЕШЬ МЕНЯ **** ХАХАХАХАХАХА

ГОВОРИТ КОМПЬЮТЕР.

Райан поворачивается. Через иллюминатор он опять видит танцоров, их лица прижаты к стеклу.

— Ты с ними заодно,— говорит он компьютеру.— Ты на их стороне.

***** Я НА СТОРОНЕ ВСЕХ ***** Я НАУЧНЫЙ ПРИБОР

**** ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПРАГМАТИЧЕН *******

выдаст машина.

— А теперь ты издеваешься надо мной! — патетически произносит Райан. — Хочешь вывести меня из себя, так?

***** МОЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПРИСМАТРИВАТЬ ЗА ВСЕМИ
ВАМИ

И СОХРАНИТЬ ВАС ЦЕЛЫМИ И НЕВРЕДИМЫМИ "'''''''"ПОВТОРЯЮ

ЦЕЛЫМИ И НЕВРЕДИМЫМИ *****

— Хрен тебе!

Тут же перед ним возникает милая пожилая дама, она качает головой и кривит губы в усмешке.

— Язык, — говорит она. — Фу, что за язык!

Это его мать. Ее девичье имя было Надежда Демпси. Он назвал корабль в ее честь.

— Ма, скажи компьютеру, чтобы он не дразнился! — просит он.

— Безмозглая тварь,— говорит его мать, — оставь в покое моего маленького мальчика!

Но компьютер продолжает насмехаться.

— Ты никогда не была милой пожилой дамой, — говорит Райан.

Она тут же превращается в ведьму из его кошмаров, и он истошно кричит...



Перед ним стоит Джозефина, с пустой ампулой из-под продитола.

— Сейчас ты почувствуешь себя лучше, — говорит она. — Ну, как?

— Уже лучше, — говорит он, облегченно улыбаясь. — Ты не знаешь, Джо, как я рад тебя видеть. А где мальчики?

— Они еще не совсем проснулись. Ты же знаешь, для этого требуется некоторое время. — Она садится на край его койки. — Скоро придут. Знаешь, тебе надо было давно разбудить нас. Это слишком большая нагрузка для одного человека — даже для тебя.

— Теперь я это понимаю.

Она приветливо улыбается ему знакомой, чуть нервной улыбкой.

— Не торопись, дай продитолу сделать свое дело.

Ей попадается на глаза красный бортжурнал, высовывающийся из-под подушки.

— Что это, милый?

— Бортжурнал. На самом деле, что-то вроде личного дневника...

— Ну, если личного...

— Я бы таким его и оставил, пока не просмотрю целиком. Когда буду чувствовать себя лучше.

— Конечно.

— Это единственная вещь, которая поддерживала меня в здравом уме, — поясняет он.

— Конечно.



Подперев голову рукой, Райан лежит в койке и пишет:

«Александр и Руперт выглядят бодрыми и здоровыми, даже кажутся необычайно веселыми. Похоже, всем пошел на пользу разрыв связей с Землей. Мы опять чувствуем себя свободными. Я слышу возню на корабле. Смех. Настроение повальной вежливости. Какая перемена по сравнению с первыми днями на корабле, когда даже дядю Сиднея, похоже, трясло от того, что команду ю! Даже угрюмый, вечно брюзжащий старина Джеймс Генри ведет себя почти как святой! Мои темные мысли исчезли, как весенний снег. Даже навязчивая страсть к Жанет исчезла — похоже, она была вызвана тем же болезненным состоянием. Больше всего меня удивляет отношение ко мне Джеймса

Генри. Если бы не тот факт, что все мы находимся в приподнятом расположении духа, я бы заподозрил, что он опять вынашивает планы избавиться от меня и самому управлять кораблем. Просто удивительно, что может сделать перемена обстановки! Очевидно, я чересчур беспокоился, что снова начнутся трения. У нас будет чудесная колония на Новой Земле. И благодарение Богу за продитол. Определенно, конструкторы корабля учли все возможное. Я решил изгнать из своей памяти все дурные мысли прошлого... Я был другой личностью — возможно, больной, — когда делал то, что я делал. Заниматься сейчас самообвинениями глупо и никому не принесет пользы.

Мое расстройство было вызвано хаосом, охватившим наше общество. Оно отразило распад этого общества. Можно точно назвать дату его начала для меня — когда наши собственные воздушные силы (или по крайней мере то, что называлось нашими воздушными силами) сбросили осколочные бомбы на Лондон. Моя психика, как я понимаю, отражала окружающую среду.

Но довольно об этом! Решено. Больше никакого болезненного самокопания. Во всяком случае, сейчас в этом нет нужды.

Теперь, когда все на ногах и в таком хорошем настроении, дни потекут быстрее. Не успеем мы оглянуться, как будем уже садиться на эту планету!»

Райан подписывает эту страницу, закрывает журнал и засовывает его под подушку. Он чувствует небольшую слабость. Несомненно, это влияние лекарства. Он засыпает и видит во сне, что корабль приземлился на острове Скай и все плавают в море, постепенно отплывая все дальше от берега. Джеймс Генри, Джанет Райан, Джозефина Райан, Руперт Райан, Сидней Райан, Фред Мастерсон, Александр Райан, Ида и Фелисити Генри, Трейси Мастерсон, Изабель Райан... Все дурачатся и плывут, плывут в открытое море.



Проходит неделя.

Райан все меньше времени проводит за записями, и все больше — во сне. Он в полной уверенности, что Джон прекрасно справляется с кораблем.

Однажды ночью он просыпается от острого приступа голода и осознает, что никто не принес ему еды. Он хмурится. На память приходит лагерь для иностранцев. Там не травили га-

зом, не жгли, не расстреливали — там просто морили голодом. До смерти. Самый дешевый способ.

У него урчит в желудке, и Райан встает, выходит из каюты и бредет в кладовую. Забирает из шкафа упаковку с едой. Жуя на ходу, он плетется обратно в каюту.

У него побаливает голова, — вероятно, эффект от действия продитола. Ему ежедневно вводили дозу последних дней — десять или вроде того. Скоро наступит время закончить курс.

Он засыпает.

Глава 19

Райан делает запись в своем журнале:

«Я отдыхаю уже две недели, и эффект потрясающий: потерял в весе (впрочем, весил прилично), да и разум прояснился. Исследовал свое поведение (поразительно, каким я оказался умным и рациональным!), и весь мой организм отдохнул. Скоро буду готов возобновить управление кораблем».

Входит Джозефина, она держит в руке ампулу продитола.

— Пора делать укол, дорогой, — улыбается она.

— Э! Что ты хочешь сделать? — Он усмехается. — Максимальный период для этой дряни — четырнадцать дней. Я в ней больше не нуждаюсь.

Ее улыбка гаснет.

— Еще один укол не может тебе повредить, не правда?

Райан вскакивает.

— Что происходит? — шутливо спрашивает он. — Ты не хочешь, чтобы я о чем-то узнал?

— Конечно нет!

Райан вынимает из шкафчика костюм и раскладывает на кровати.

— Приму душ и пойду в рубку управления. Посмотрю, как там справляются без меня.

— Дорогой, ты еще не совсем поправился, — говорит Джозефина, и ее лицо от волнения розовеет еще больше. — Пожалуйста, побудь еще немножко в постели, даже если не хочешь позволить мне дать тебе продитол.

— Я себя отлично чувствую.

Райан хмурится. Он ощущает нарастающее, давно позабытое чувство подозрительности. Может быть, ему что-то и нужно еще для поддержания спокойствия — однако если он будет вкалывать продитол, то превысит дозу и расплатится жизнью.

— Мне бы все время хотелось не вылезать из кровати,— улыбается он.— Честно. Но, Джо, рекомендуемый период приема кончился. Необходимо иногда вставать.

Он выходит из каюты и принимает душ. Затем заходит обратно. Джозефины уже нет. Он надевает свежий костюм и идет по коридору к главной рубке управления. Вдруг вспоминает, что оставил свой дневник под подушкой. Есть шанс, что кто-нибудь поддастся искушению прочитать его. Будет лучше, если никто не увидит этих заметок. В конце концов, кое-какие из них были совершенно безумными. Немного похоже на узника инквизиции, кающегося во всем, что ему ни предлагают!

Он улыбается и возвращается в каюту. Берет журнал и кладет его в шкафчик под замок.

Слабость еще ощущается, и он некоторое время сидит на краю кровати.

Вдруг Райана стал доносить какой-то еле слышимый звук, пробивающийся к его сознанию и в конце концов усилившийся до пронзительного воя. Он узнает его: тревога в рубке управления!

Он вскакивает и бежит по коридору в главный отсек управления.

Компьютер встречает его тревожным миганием:

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Дежурит Джеймс Генри. Он поворачивается к Райану:

— Привет, Райан. Как ты сейчас?

— Прекрасно. Что за тревога?

— Ничего серьезного. Я справлюсь.

— Что это все-таки?

— Надо кое-что заменить в устройстве контроля нагрева в отсеке гидропоники. Ты не отключишь аварийный сигнал?

Райан машинально делает то, что просит Генри.

Генри быстро настраивает датчики, потом с улыбкой оборачивается к Райану:

— Рад видеть, что ты опять в порядке. Я вполне справлялся в твое отсутствие.

— Это замечательно...— Райана слегка злит покровительственный тон Генри.

Он окидывает взглядом рубку. Вроде бы все как надо, как было при нем.

— А где все остальные? — спрашивает он.

— Учатся... отдыхают... проверяют различные функции — обычная корабельная рутина.

— Похоже, вы прекрасно сработались,— говорит Райан.

— Лучше, чем раньше. В конце концов, у нас есть теперь что-то общее.

Райан вздрагивает, как от толчка, ощущая нарастающие приступы паники, не понимая, в чем тут дело. Что-то в его словах ему не нравится, какие-то странные нотки триумфатора.

— Что ты имеешь в виду?

Генри пожимает плечами:

— Нашу великую миссию.

— Конечно,— говорит Райан. Он закусывает нижнюю губу.— Конечно...

Что же на самом деле Джеймс Генри имеет в виду? То, что они от него отделались? Они что, полагают, что Райан был причиной их нервного состояния? На что намекает Генри?

У Райана пересыхает в горле, и он немедленно закипает от злости...

Потом берет себя в руки: ведь он еще не в состоянии мыслить ясно. Ему нужен отдых, Джозефина была права.

— Ну, хорошей тебе работы, Джеймс,— говорит Райан, поворачиваясь, чтобы уйти.— Если я что-нибудь могу сделать...

— Ты мог бы проверить как-нибудь устройство гибернации,— говорит Генри.

— Что? — Райан сдвигает брови.

— Я говорю, ты мог бы проверить устройство гидрации в гидропоники.

— Ладно. Сейчас?

— В любое время, как тебе захочется.

— Хорошо. Меня немного трясет. Пойду-ка опять в кровать...

— Да, так будет лучше.

— Я в полном порядке.

— Конечно. Но тебе еще нужен некоторый отдых.

Райан с трудом сдерживается.

— Да. Ну, пока.

— Если понадобится, я здесь, капитан!

И опять это ощущение, словно Джеймс Генри насмехается; это становится невыносимым...

Он ощущает слабость. Нет, Генри прав. Он еще не совсем поправился. Райан, пошатываясь, бредет к себе в каюту.

Падает на койку, быстро засыпает и видит сон.

Он опять в рубке управления. Там же и Джеймс Генри, который старается занять его место. Джеймс Генри всегда хотел командовать всеми. Но он недостаточно тверд, чтобы руководить. Если он сместит Райана, вся безопасность корабля окажется под вопросом. Райан понимает, что может остановить интриги Генри единственным способом...

Он поднимает автомат — тот самый, которым он воспользовался в самолете, — и направляет его на Джеймса Генри. Делает глубокий вдох, нажимает на спусковой крючок...

Компьютер мигает:

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Генри поворачивается. Райан прячет оружие за спину. Генри жестом показывает на компьютер, и Райан, подозрительно оглядываясь, подходит к компьютеру.

******* ВАШЕ СОСТОЯНИЕ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ КОМАНДОВАТЬ
*** КОРАБЛЕМ*****

“””” ПОВТОРЯЮ ВАШЕ СОСТОЯНИЕ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ***
КОМАНДОВАТЬ**

КОРАБЛЕМ “””””” ПОВТОРЯЮ ВАШЕ СОСТОЯНИЕ * НЕ
ПОЗВОЛЯЕТ**

**КОМАНДОВАТЬ КОРАБЛЕМ “”””””” ПРИМИТЕ ОДНУ ДОЗУ *
ПРОДИТОЛА**

НЕМЕДЛЕННО И ПОВТОРЯЙТЕ ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО В *
ТЕЧЕНИЕ**

**ЧЕТЫРНАДЦАТИ ДНЕЙ “””””” ВАШЕ СОСТОЯНИЕ НЕ ПОЗВО-
ЛЯЕТ**

******* КОМАНДОВАТЬ КОРАБЛЕМ “”””””” ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕ-
ТЕ УГРОЗУ ДЛЯ ***** ВСЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЕСЛИ НЕМЕДЛЕН-
НО НЕ ПОСЛЕДУЕТЕ ЭТИМ ***** ИНСТРУКЦИЯМ “”””””
ПОВТОРЯЮ НЕМЕДЛЕННО *******

Райан с презрением смотрит на Генри:

— Ты используешь все возможное, чтобы дискредитировать меня, так?

Генри спокойно отвечает:

— Райан, ты болен. Компьютер прав. Почему ты не...

Райан поднимает пистолет и стреляет ему прямо в лоб. Голова Генри откидывается назад, он открывает рот, чтобы что-то сказать. Райан стреляет еще раз. Джеймс Генри падает.

Райан хмуро смотрит на компьютер.

— Следующая пуля — тебе, если будешь играть со мной в такие игры, приятель.

Он поворачивает выключатель.

***** ВАШЕ СОСТОЯНИЕ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ УПРАВЛЯТЬ

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

СРОЧНО ОБ

Напряжение, везде напряжение.

Совсем нет времени подумать.

КОРАБЛЕМ "*****" ПОВТОРЯЮ ВАШЕ СОСТОЯНИЕ НЕ

Есть оп...

В: ДАЙТЕ ТОЧНОЕ ОПИСАНИЕ КАТАСТРОФЫ

*

Райан просыпается в поту. Его костюм порван. Койка в полном беспорядке, он выбирается из нее и, дрожа, стоит на полу. Одной дозы, похоже, маловато. Но нельзя рисковать и принимать еще. Он меняет простыни и надевает свежее белье.

Его захлестывает отчаяние: неужели он действительно неизлечим? Неужели никогда не отделается от этих кошмаров? Он был уверен, что поправляется. И все-таки...

А если они не давали ему продитол? Если они намеренно отравляют его? Нет. Только не его друзья. Не его семья. Они не могут быть такими жестокими.

Он всхлипывает, судорожно втягивая воздух, затем бросается на койку и рыдает.

— Что случилось, старина?

Райан поднимает глаза. На лице Джона сочувствие. Можно ли ему доверять?

— Меня все еще мучают кошмары, Джон. Такие же тяжелые. Даже хуже, если на то пошло.

Джон беспомощно разводит руками.

— Постарайся успокоиться. Прими какое-нибудь снотворное. Ради Бога, попробуй уснуть. Беспокоиться не о чем. Эта ответственность оказалась для тебя слишком большой. Никому нельзя вваливать на себя такой груз. Ты боишься, что можешь ослабеть,— но иногда необходимо расслабляться. Ты слишком много требуешь от себя, старик.

— Да.— Райан вытирает лицо.— Я сделал все, что мог, Джон. Для вас всех.

— Конечно.

- Что?
- Конечно, сделал.
- Люди никогда не бывают благодарными.
- Мы благодарны, старина.
- Джон, я убийца. Я убивал ради вас.
- Ты слишком много на себя берешь. Это была самозащита.
- Я так и считаю, но...
- Постарайся отдохнуть.
- Слезы катятся из глаз Райана.
- Я постараюсь, Джон.

*

Снова началась эта музыка. Барабаны бьют. Райан наблюдает, как танцоры кружат по рубке управления. На их лицах застывшие, неискренние улыбки. Джеймс Генри танцует с одной из дам. У него во лбу две дырки.

Райан просыпается.

*

Сон настолько ярок, что Райан едва может поверить, что он не застрелил Джеймса Генри. Очевидно, он не убивал его. Иначе Джон упомянул бы об этом. Райан выбирается из койки и натягивает новый комбинезон. Он выходит из каюты и идет в рубку управления.

В ней пусто и тихо, не считая приглушенного гула работающих приборов. Не видно никаких признаков борьбы.

Райан улыбается собственной глупости и покидает рубку.

Только в каюте до него доходит, что кто-то же должен быть на посту.

Он хмурится.

Дела пошли на лад. Но разве можно чересчур расслабляться?

Он понимает, что нужно пойти и проверить, но глаза слипаются...

*

Он просыпается и видит улыбающееся лицо склонившейся над ним Джозефины.

— Как себя чувствуешь?

— Неважно. Ты была права. Мне следовало подольше оставаться в постели.

— Скоро будешь бодрым и здоровым.

Он кивает, но не вполне уверенно. Кажется, и она понимает его.

— Не беспокойся,— ласково говорит Джозефина.— Не надо беспокоиться...

— Я подозреваю всех, Джо,— даже тебя. Ведь это признак болезни?

— Не беспокойся.

Она идет к двери.

— Мастерсон подумывает заглянуть к тебе. Хочешь повидаться с ним?

— Со стариной Фредом? Конечно.

*

Фред присаживается на край кровати Райана.

— Я слышал, ты еще неважно себя чувствуешь? Все та же мания преследования?

Райан кивает:

— Я как-то слышал, что, если у тебя чувство, будто тебя преследуют, это обычно означает, что тебя и в самом деле преследуют. Правда, не всегда именно тот, кого ты подозреваешь.

— Это что-то сложновато для меня,— смеется Фред.— Ты же знаешь старого Фреда — он слишком простодушен.

Райан тихо улыбается. Он рад видеть Фреда.

— Я однажды сошел с катушек,— продолжает Фред.— Помнишь? То ужасное дело с Трейси.

Райан качает головой:

— Нет...

— Ну же — ты помнишь. Когда я думал, что Трейси путается с Джеймсом Генри — ты должен помнить. Когда мы пробыли на корабле всего месяц.

Райан сдвигает брови:

— Нет, не могу вспомнить. Ты вспоминал об этом?

— Вспоминал! Ну уж, я думаю! Ты спас меня тогда. Предложил положить Трейси в гибернацию.

— Ах, да... Помню. Она слишком переутомилась.

— Мы все переутомились. Мы решили, чтобы разрядить обстановку, положить ее в контейнер немножко раньше, чем было запланировано.

— Правильно. Естественно...

— Неестественно,— произносит Мастерсон.

Райан с тревогой смотрит на него:

— Ты не... ты не смесшься надо мной, а, Фред?

— С чего бы это?

— У меня все еще приступы старой болезни. Зрительные галлюцинации. Это ужасно.

— Ну еще бы!

Райан поворачивается на кровати.

— Фред, я немного устал.

— Тогда я пошел. Пока. Держи нос выше.

— Пока.

Когда Мастерсон выходит, Райан хмурится. На самом деле он мало что помнит о Трейси и о проблемах Мастерсона с ней.

Между прочим, не такой уж он возбужденный. Если он в плохом состоянии, то разве не могут и те быть в такой же плохой форме? Может быть, и Фреду Мастерсону приходится бороться со своими собственными галлюцинациями?

Весьма правдоподобно. Надо быть осторожным. И уж при следующей встрече во всем соглашаться с Фредом.

Его охватывает тревога.

Если они все в таком состоянии, то это может угрожать бесперебойной работе корабля. Его задача — поскорее поправить себя и внимательно следить за ними.

В конце концов, в состоянии стресса люди совершают странные поступки. У них возникают необычные, параноидные идеи. Как у Джеймса Генри...

При следующей встрече с Джоном он деликатно предложит, чтобы Джеймс Генри провел еще один период времени в гибернии. Ради него же самого и ради всех остальных.

Глава 20

Сны Райана продолжают. Он опять в рубке управления. (Теперь чаще всего дело происходит в рубке.) Смотрит в иллюминатор, в пустоту — на танцоров в круглых черных очках, на друзей и родных позади них. Иногда появляется и та самая старуха.

Просыпаясь время от времени — а это теперь бывает очень часто, — он сознает, что находится под действием сильного успокоительного.

Он слышит ту же самую пронзительную музыку — и она мучает его. Затуманенным разумом он пытается понять, что с

ним происходит, что с ним делают его бывшие друзья, его вероломная семья. Теперь он не сомневается, что стал жертвой какого-то хитроумного плана, что это, возможно, началось еще до старта, и уж во всяком случае — определенно сразу после отлета с Земли.

Трудно объяснить, зачем им понадобилось выступить сообща против него? Все-таки Райан — главный организатор их спасения.

Он слишком слаб, слишком накачан лекарствами... Он не может ничего предпринять, может только думать, думать...

...Не по этой ли причине они все согласились на гибернацию?

Кажется, что-то там такое произошло, и не поэтому ли он так настаивал, чтобы их не будили до конца путешествия? Могло быть и так.

Но так получилось, что он временно вышел из строя. Аварийная система корабля оживила Джона, тот разбудил остальных и теперь управляют они, а он находится в их власти.

А может, кто-то другой каким-то образом смог, одурманив его сознание, заставить поверить, что во всем виноваты его родные и друзья! Ему припомнился митинг Патриотов:

«Они выглядят, как мы, разговаривают, как мы,— они во всех отношениях люди — но они не люди...»

О Господи! Неужели это правда?!

А какое же другое объяснение можно придумать по поводу их сверхстранного поведения на борту «Надежды Демниси»?

Райан беспокойно ворочается в постели. Он сломался — в этом нет сомнения. И причина тоже очевидна — напряжение, перегруженность работой, слишком большая ответственность. Но чем тогда объяснить поведение других членов экипажа?

Они что — сумасшедшие?

Или же они...

...не люди.

— Нет,— шепчет Райан. — Только не Джозефина, только не мальчики! Я бы догадался, конечно. Не Жанет, малышка Жанет. Не дядя Сидней, не Фред Мастерсон, не наши милые дамы... Да и Джеймс Генри не очень-то верил Патриотам. Он не может быть пришельцем. Если только он не настолько хитер, что...

Он переворачивается на койке.

— Нет, — стонет он, — нет!

В каюту входит Джон.

— В чем дело, старик? Что тебя беспокоит?

Райан так сверлит его взглядом, словно желает вывернуть брата наизнанку.

— Предать меня... — бормочет он. — Ты предал меня, Джон.

— Перестань! — Джон смеется. — Для чего мне это? Как бы я мог предать тебя? Мы все на твоей стороне. Помнишь прежние дни? Мы — одни! — против всего мира? Единственные, кто видел, в каком ужасном состоянии находился мир. Единственные, у кого был план, как быть. Помнишь свою квартиру? Последний бастион разума в свихнувшемся мире...

В голосе Джона слышится насмешка, но Райан не уверен... Джон всегда был откровенным. Не похоже на него, чтобы он насмешничал. Если только этот человек — его брат.

— Мы были элитой, помнишь? — улыбается Джон. — Разумный, научный подход к нашим проблемам...

— Хватит!

— Что я такого сказал?

— Ничего.

— Я только старался помочь тебе.

— Еще бы. Ты не мой чертов братец. Мой брат не стал бы... не смог бы...

— Разумеется, я твой брат. Ист-Хит-роуд. Помнишь Ист-Хит-роуд, где мы родились? Тогда там была пустошь. Хэмпстедская пустошь, где по выходным обычно бывала ярмарка. Ты должен это помнить.

— А ты? — Райан в упор разглядывает собеседника. — Или ты просто добросовестно все вы зубрил? А?

— Ну, старик...

— Оставь меня в покое, ублюдок. Оставь меня в покое. Или я...

— Что ты сделаешь?

— Уходи.

— Что ты сделаешь?

— Выметайся.

*

ПОСЛЕ ЯРМАРКИ МЫ ЕЕ НАДУЛИ...

В: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНУЮ СИТУАЦИЮ

ПОСЛЕ ПАРЫ МЫ БЫЛИ РЕБЯТИШКАМИ...

В: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНУЮ СИТУАЦИЮ

ПОСЛЕ ГРУШИ МЫ СДЕЛАЛИ...

В: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНУЮ СИТУАЦИЮ

ПОСЛЕ БЕРЛОГИ МЫ ОТДЕЛАЛИСЬ ОТ...

В: ОПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ТОЧНУЮ СИТУАЦИЮ
ПОСЛЕ ТОГО ДЕЛА МЫ ЕЕ УБИЛИ.

***** СПАСИБО *****

*

НЕТ!

*

Н Т

Е НЕТ НЕТ НЕТНЕТНЕТ НЕТНЕТНЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ ТНЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕ НЕТ НЕТ НЕТНЕТНЕ
НЕТНЕТНЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТНЕТНЕ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ НЕТ НЕТН НЕТ НЕТ НЕТНЕТНЕ НЕТНЕТНЕТ НЕТ НЕТ

*

НЕТ!

*

Райан поднимается с койки. Его тошнит, тело сотрясает озноб... В конце концов его рвет прямо на пол каюты.

«Мне необходима помощь».

Шатаясь, он выбирается из каюты и бредет в главный отсек управления.

Он пуст.

Тревожно мерцает сообщение:

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

СРОЧНО ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Райан подозрительно смотрит на компьютер, медленно приближается к нему...

Читает:

***** НЕТ СООБЩЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ОБИТАТЕЛЕЙ
***** КОНТЕЙНЕРОВ "*****" ПОВТОРЯЮ НЕТ СООБЩЕНИЯ
О СОСТОЯНИИ ***** ОБИТАТЕЛЕЙ КОНТЕЙНЕРОВ "*****"
СООБЩИТЕ О ВАШЕМ ***** СОСТОЯНИИ ***** ПОВТОРЯЮ
СООБЩИТЕ О ВАШЕМ СОСТОЯНИИ ***** ЖУРНАЛ НЕ ЗА-
ПОЛНЯЕТСЯ ШЕСТНАДЦАТЬ СУТОК "*****" ПОВТОРЯЮ ЖУРНАЛ
НЕ ЗАПОЛНЯЕТСЯ ***** ШЕСТНАДЦАТЬ СУТОК
"*****"
НЕТ СООБЩЕНИЯ О СОСТОЯНИИ *****

Райан потрясен.

Итак, кто бы ни управлял кораблем, делают они это бездарно.

Он отвечает компьютеру:

***** ПАССАЖИРЫ БОЛЬШЕ НЕ В КОНТЕЙНЕРАХ "*****"

МОЕ СОСТОЯНИЕ ***** ПЛОХОЕ "*****" Я БЕЗДЕЙСТВО-
ВАЛ ***

ШЕСТНАДЦАТЬ СУТОК "*****" ОТЧЕТЫ ДАМ КАК *****
МОЖНО

БЫСТРЕЕ "*****" ПОЖАЛУЙСТА ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЕМ

Через секунду Райан получает ответ:

***** СПАСИБО "*****" ЖДУ УСЛЫШАТЬ ВАШИ ЗАПИСИ В
БОРТЖУРНАЛ

"*****" ОДНАКО ВЫ НЕ ПРАВЫ НАСЧЕТ ***** ПАССАЖИРОВ
"*****"

ОНИ ЕЩЕ В ***** КОНТЕЙНЕРАХ "*****" СОЖАЛЕЮ ЧТО ВЫ
САМИ

В ПЛОХОМ ***** СОСТОЯНИИ "*****" ПРЕДЛАГАЮ ВАМ ПЕ-
РЕКЛЮЧИТЬ

МЕНЯ НА ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ *****
ПОКА ВАШЕ

СОСТОЯНИЕ НЕ УЛУЧШИТСЯ "*****" ПРИНЯЛИ ЛИ ВЫ

РЕКОМЕНДУЕМУЮ ДОЗУ ПРОДИТОЛА "*****" ПОВТОРЯЮ
ПРИНЯЛИ ЛИ ВЫ

***** РЕКОМЕНДУЕМУЮ ДОЗУ ПРОДИТОЛА *****

Райан недоверчиво разглядывает текст и машинально отве-
щает:

***** ДА Я ПРИНЯЛ РЕКОМЕНДУЕМУЮ ДОЗУ ПРОДИТОЛА

Не дожидаясь ответа, быстро выходит из главной рубки и бежит по темным коридорам корабля к отсеку гибернации. Нажимает на кнопку, но ничего не происходит. Наверное, опять действуют аварийные запоры. Кто-то их включил.

Джон?

Или некто, притворяющийся Джоном?

Он бегом возвращается в главную рубку, отключает аварийные замки и бежит по невыносимо длинным коридорам обратно. Открывает дверь и врывается в «телохранилище».

Все здесь. Точно в таком состоянии, как были, когда он видел их в последний раз: спокойно пребывают в гибернационной жидкости.

Не вообразил ли он лишнего?..

Нет. Кто-то же раньше запер отсек гибернации. Кто-то запер его еще раз. На борту, по крайней мере, есть еще один человек. Играющий роль Джона.

Что-то в нем было странное...

Пришелец на борту.

Это единственное объяснение.

К тому же он не помнит, чтобы видел кого-либо из этих людей вместе. Несомненно, эта тварь может менять облик!

Райана передернуло.

Он не мог сам вообразить ее, потому что продитол избавил его от галлюцинаций, по крайней мере на время.

Райан оглядывает отсек гибернации и видит свой пистолет, висящий на стене. Странно, с чего бы ему оказаться здесь? Впрочем, это кстати. Он подходит к стене и снимает его. Патронов маловато.

Он покидает отсек гибернации и возвращается в главную рубку. Торопливо докладывает об обитателях контейнеров.

Потом отправляется на поиски пришельца.

Точно так же, как он делал при обычных осмотрах, он с пистолетом обходит корабль. Проверяет каждую каюту, каждую рабочую комнату, каждое помещение.

И — никого не обнаруживает.

Тогда он садится за стол в главной рубке, перед пустым телеэкраном, и тоскливо размышляет о том, что не имеет никакого понятия о свойствах, какими может обладать пришелец. Например, ведь он, навсрное, может жить вне корабля — в каком-нибудь собственном корабле, пристыкованном к шлюзовой камере «Надежды Демпси».

Кстати, большой телеэкран над его головой предназначен для внешнего осмотра корпуса. Райан включает его и обшаривает каждый дюйм корпуса. Ничего.

Ему невыносимо хочется есть, ведь он две недели практически ничем не питался. Этим объясняется его слабость. Это существо, как он теперь вспоминает, никогда не приносило ему еды. Только лекарство — а в виде Джозефины пыталось влихнуть его побольше. Возможно, это был совсем не продитол...

Одной рукой Райан сильно массирует затылок, другая ни на мгновение не выпускает пистолет.

Сзади слышится вежливое покашливание.

Он рывком оборачивается.

Там стоит Фред Мастерсон — или существо, принявшее облик Фреда Мастерсона.

Райан прицеливается в него, но не стреляет.

— Райан, — говорит Фред Мастерсон, — ты единственный, кому я могу доверять. Я о Трейси.

Райан слышит собственный голос:

— Так что с Трейси?

— Я убил ее. Но я не хотел. Мы ссорились, и... я, наверное, ударил ее ножом. Она мертва. У нее была связь с Джеймсом Генри.

— Что ты хочешь делать, Фред?

— Я уже сделал. Но мне нужна твоя помощь как командира. Я не могу скрывать это от тебя. Я положил ее в контейнер. Ты бы мог сказать, что это ты предложил... Ты бы сказал всем, что она нуждалась в отдыхе, и поэтому ты предложил ей лечь в гилбернацию немного раньше намеченного срока.

Райан истерически кричит:

— Ты лжешь! Ты лжешь! Что ты знаешь об этом?

— Пожалуйста, помоги мне! — просит Мастерсон. — Пожалуйста.

Райан стреляет из пистолета, стараясь не тратить патроны зря.

Мастерсон падает.

Райан улыбается. Приступ головной боли на секунду ослепляет его. Он протирает глаза и идет посмотреть, убит ли «Мастерсон».

Но его нет. Пришельца нельзя убить.

Райан опять чувствует слабость. Он проиграл, он совершенно бессилен что-либо предпринять.

Затылок ноет сильнее.

Он медленно поднимает голову.

Танцоры — здесь. Его попутчики здесь. Старуха здесь.

Райан с криком выскакивает из рубки и бежит длинными коридорами в свою каюту, быстро запирается и валится на койку.

Глава 21

Сидя в запертой каюте, Райан пытается рассуждать здраво.

«Наиболее очевидное объяснение — на борту нет пришельца. Это просто галлюцинации.

Но этим не все объяснишь.

Во-первых, почему оказалась заперта дверь отсека гилбернации?

Во-вторых, почему не подействовал продитол?»

Он моргает.

«Ну конечно. Я не принимал продитол. Я просто обманул себя и поверил, что принимал его. Вот почему я выдумал внезапное пробуждение Джона.

Заодно, ничего не соображая, мог включить аварийные замки.

Это напряжение оказалось для меня чрезмерным. Неккий механизм в моем мозгу постарался остановить меня, чтобы я не работал так много. Он изобрел эту «помощь», чтобы я мог пару недель отдохнуть, не беспокоиться об управлении кораблем».

Райан с облегчением улыбается. Все сходится.

«И поэтому я почувствовал вину перед людьми в контейнерах. Потому что я «бросил» их. Моя болтовня, что они меня предали, была на самом деле результатом убеждения, что это я их предал...»

Райан смотрит на пистолет, все еще зажатый в руке, и бросает его на пол...

У дверей стоит дядя Сидней.

— Твои дела идут отлично, не так ли?

— Уходи, дядя Сидней. Ты иллюзия. Все вы иллюзии. Твое место в контейнере. Я разбужу вас, когда мы достигнем новой планеты. — Райан откидывается на койку. — Давай проваливай.

— Дурак, — произносит дядя Сидней. — Ты все время обманывал себя. Еще задолго до того, как оказался в этом затруднительном положении. Ты был таким же ненормальным, как и все на Земле. Только сумел получше разобраться в своей паранойе, вот и все. Ты не заслуживаешь спасения. Никто из нас не заслуживает. Ты умен. Но ты сейчас совсем одинок.

— Это, во всяком случае, получше, чем в толпе, — усмехается Райан. — Давай-ка иди отсюда.

— Это правда, — говорит Джозефина Райан. — Дядя Сидней прав. Мы шли у тебя на поводу до конца, ты же знаешь. Нам с мальчиками, видимо, не было большой разницы, взлететь на воздух при ядерной бомбардировке или в космическом корабле. Я бы даже предпочла водородную бомбу... По крайней мере, не пришлось бы с утра до вечера выслушивать твои самодовольные заявления, пока ты не...

— Пока я — что?

— Пока...

— Говори! — Райан смеется. — Ну, Джо, скажи же!

— Пока я не легла в гибернацию.

— Прямо мимоза! — насмехается над ней Райан. — Если бы у меня была более сильная женщина...

— Согласна, — говорит она. — Тебе нужна была именно такая.

— Замолчи.

— От сильной-то ты избавился, ведь так? — говорит Фред Мастерсон. — Кокнул ее, а?

Замолчи!

— Точно так же, как прикончил Джеймса Генри, — говорит Джанет Райан, — после того, как помог Фреду покрыть смерть Трейси. Застрелил его в рубке из того пистолета, не так ли?

— Заткнись!

— Тебе становилось хуже и хуже, — говорит Джон Райан. — Мы старались помочь тебе. Мы держали тебя на успокоительных средствах. Мы поддакивали тебе. Но ты был вынужден сделать это, не так ли?

— Что сделать? Говори же!

— Положить меня в гибернацию.

Райан смеется.

— И ты туда же?

Ида и Фелисити Генри нервно смеются. Руки Иды покоятся на выпирающем животе.

— Ты потерял всех своих друзей, так ведь, Райан? — говорит Фелисити. — В конце концов, кляну на эту байку о пришельцах? С таким презрением к этому относился, а сам купился именно в тот момент, когда больше всего должен быть осторожен.

— Замолчи. Убирайтесь все!

— Ты поместил нас всех в гибернацию, — говорит Джеймс Генри. — Но мы все-таки можем с тобой разговаривать. И опять сможем поговорить, когда проснемся.

Райан смеется:

— Над чем ты смеешься, папа? — спрашивает Александр Райан.

— Объясни нам, папа! — просит Рунерт Райан.

Райан внезапно обрывает смех, прокашливается...

— Бегите-ка отсюда, мальчики. Вам незачем быть замешанными в этом.

— Но мы и так замешаны, — говорит Алекс. — Мы не виноваты, что наш папа — глупый старый пердун.

— Она настроила вас против меня, — говорит Райан.

— Все и так видят, папа, что ты глупый старый пердун, — рассудительно заявляет Руперт.

— Я делал для вас все, что мог... Я дал вам все...

— Все? — фыркает Джозефина.

— На повой планете все будет по-другому. У меня будет время для тебя и для детей. — В его голосе появляются заискивающие нотки. — У меня было так много работы... Столько планов... Мне нужно быть очень осторожным.

— Ты и был таким, — подмигивает ему Изабель Райан. — Не так ли?

— Лучше бы тебе помолчать, Изабель. Я тебя раньше предупреждал, чтобы ты помалкивала...

Он бросает взгляд на Джанет. Джанет хохочет:

— Я спала с тобой, потому что жутко боялась.

— Заткнись!

— Я боялась, что ты и со мной тоже это сделаешь.

— Что сделаю? — наседает Райан. — Ну, что?

Она смотрит в пол.

— Положишь меня в гибернацию... — шепчет она.

Райан издевательски хохочет:

— Хоть у кого-нибудь из присутствующих есть мужество? Все вы хотели от меня избавиться. Все вы думали, что можете строить планы за моей спиной. Но забыли, — он похлопывает себя по макушке, — у меня есть мозги — я умный, предусмотрительный... Я делал все по системе, правда ведь? Я превзошел всех вас!

— Только не меня, — говорит Трейси Мастерсон.

Райан вскрикивает.

Глава 22

Сейчас Райану лучше.

Галлюцинации прошли. Кошмары еще беспокоят его, но не часто.

Он шагает по кораблю. По центральному коридору в главный отсек управления, проверяет координаты, датчики расхода, датчики регенерации, сверяет все свои цифры с цифрами бортового компьютера...

Все в идеальном порядке, в точности, как должно быть.

Возле громадного центрального экрана стоит стол. Экран включен, но на нем нет изображения, он лишь отбрасывает на стол зеленоватый свет. Райан садится и нажимает кнопку на

маленьком пульте на столе. Четким, ровным голосом читает стандартную запись:

— День тысяча четыреста девяностый. Космический корабль «Надежда Демпси» находится в полете на Мюнхен 15040. Скорость держится постоянной на девять десятых «с». Все системы работают в соответствии с первоначальными расчетами. Никаких других изменений. Мы все в порядке. Кончаю связь. Райан, командир корабля.

Райан выдвигает ящик и достает из него большую красную книгу. Это новый журнал, с одной заполненной страницей. Он ставит дату, подчеркивает ее красным и пишет:

«Еще один день без особых событий. Я немного подавлен, но вчера было хуже. Думаю, что мое настроение улучшается. Мне довольно-таки одиноко и иногда хочется разбудить еще кого-нибудь, чтобы мы могли немного поговорить. Но это было бы неразумно. Я держусь стойко. Я поддерживаю в себе умственную активность и физическое здоровье. Это мой долг.

Весь ужас, унижение и несчастья Земли остались далеко позади. Скоро мы дадим начало новому человечеству. И мир, который мы построим, будет более чистым. Разумным. Мир, построенный в соответствии с разумом и знанием — а не со страхом и виной».

Райан заканчивает запись и аккуратно прячет журнал.

Компьютер мигает.

Райан читает:

НЕ ПОЛУЧЕНО ОТЧЕТА ОБ ЭКИПАЖЕ В КОНТЕЙНЕРАХ.

Глупая промашка. Райан набирает текст:

ДЖОЗЕФИНА РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

РУПЕРТ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

АЛЕКСАНДР РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

СИДНЕЙ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ДЖОН РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ИЗАБЕЛЬ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ДЖАНЕТ РАЙАН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ФРЕД МАСТЕРСОН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

Он секунду медлит, затем продолжает:

ТРЕЙСИ МАСТЕРСОН. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ДЖЕЙМС ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ИДА ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ

ФЕЛИСИТИ ГЕНРИ. СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ *****

***** ВАШЕ СОСТОЯНИЕ

запрашивает компьютер.

Райан пожимает плечами.
СОСТОЯНИЕ В НОРМЕ
сообщает он.

*

Райан спит.

...Он в танцевальном зале. Сейчас сумерки, и высокие окна смотрят на темнеющий газон.

По-торжественному одетые пары медленно кружатся точно в такт музыке, тихой и печальной. На всех круглые, очень темные очки, скрывающие глаза. Бледные лица почти неразличимы в тусклом свете...

Райан просыпается. Он улыбается, размышляя, что бы мог означать этот сон.

Он встает, потягивается... Почему-то ему вспоминается старый Оуэн Пауэлл — человек, которого ему пришлось уволить и который покончил жизнь самоубийством. В свое время это доставило ему кучу неприятностей. Все-таки...

Он прогоняет эту мысль. Что толку ворошить прошлое, когда будущее куда более важно.

Он включает сельскохозяйственную программу. С таким же успехом мог бы заняться уборкой.

Райан засыпает прямо перед экраном.

*

Космический корабль несется сквозь безмолвие космоса. Хоть кажется, будто он совсем не движется.

Крохотный, одинокий странник.

*

Пространство бесконечно.

Оно темно.

Пространство нейтрально.

Оно холодно.



КРОВАВО- КРАСНАЯ ИГРА



РОМАН



Пролог

Два года Ринарк скитался в просторах Галактики, но одиночество совсем не тяготило его. Впрочем, он не был одинок — Галактика стала его неизменным спутником — он всегда ощущал рядом с собою ее согревающее дыхание. Те незримые силы, которые управляли ею, были так же благодатны, как и она сама. Он странствовал в космосе, а его мозг, легко защищенный продолговатым черепом, чутко улавливал самые слабые галактические движения. Все эти два быстро промелькнувших года, что провел он в кишасей жизнью Галактике, он двигался к единственной цели, и вот теперь он был готов отправиться к Внешнему кольцу.

Глава 1

Наконец-то все трое оказались в этом ужасном городе, называемом Мигаа, что лежал на гребне посреди дикой, беспощадно слепящей, безжизненной пустыни. И город, и планета назывались одинаково — Мигаа и были последней надеждой космических беглецов.

Ринарк вылез из своего крейсера — там было просто невмogu под бриллиантово сияющим свирепым солнцем — и стал пробираться меж сотен других кораблей, чьи гигантские силуэты грозно вырисовывались вокруг; он мысленно обшаривал город в поисках двух своих друзей. Его изощренный мозг, как зонд, пронизывал улицы, здания, людей — все, что лежало вокруг. Ринарк обнаружил их наконец в полумиле отсюда, на другом конце города.

Он проворно пересек космодром, таможенников не было, и никто не остановил его. Напряженно удерживая в сознании образы друзей, он поспешно двигался по направлению к ним. Ринарк уже успел почувствовать, что они сильно возбуждены, наверное, попали в передрагу, подумал он.

Встречные глазели на него — он был очень высок и худ, с темными, глубоко посаженными глазами, продолговатой головой и спокойным, задумчивым лицом. Но не внешность Ринарка приковывала к себе их внимание, удивительно было то, что при нем, казалось, не было оружия. Почти все эти мужчины и женщины примчались сюда, на Мигаа, в спешке, но тем не менее успели вооружиться.

Ринарк стремительно шагал по вымощенным металлом улицам мимо поблескивающих стальных зданий. Остальные же брели беззаботно, нацепив темные линзы, чтобы смягчить нестерпимый блеск слепящего солнца пустыни, отраженный сталью и хромом городских построек. Немногочисленный транспорт, как заметил Ринарк, лениво тащился по улицам. Какой-то странный, безжизненный город, как бы замерший в состоянии напряженного ожидания, подумал Ринарк. Это особая, ни на что не похожая атмосфера окутывала Мигаа душным облаком.

Ринарк подметил, что на всех лицах — и мужских и женских — тоже лежит характерный отпечаток: они привычно выражают тщетное усилие скрыть ту самую надежду на что-то, которая таится в глубине их глаз. Казалось, они боятся надеяться, однако, очевидно, это единственное, что им оставалось. Ведь Мигаа, вернее, то, что может случиться здесь, — это их последний шанс. Ринарк тоже уповал на Мигаа, но по другим, не столь эгоистическим соображениям.

Подойдя к дому, где, как он почувствовал, находятся два его друга, Ринарк обнаружил, что это вовсе не бар, как он ожидал. Это была гостиница, которая называлась «Дрейф», впрочем, такое же название носили сотни разбросанных по всей Галактике баров, но в данном случае это название обрело совершенно особый смысл.

Изнутри доносился громкий шум, и Ринарк пошел на эти звуки.

Схватка была в разгаре.

То ли воры, то ли галактические картежники, подумал Ринарк, — белые, под кожу, плащи, утыканные металлическими заклепками, подтверждали догадку. Эти упитанные, дико орущие молодчики нападали на двоих «чужаков».

Ринарк узнал этих двоих. Пол Телфрин и юный Эсквиел из Помпеи вжались спинами в стену в дальнем конце холла, забитого орущей толпой.

Первым побуждением Ринарка было уйти и оставить их — он был уверен, что они сами выпутаются из этой переделки, — но потом он решил помочь им. Он хотел, чтобы они по возможности были в состоянии участвовать в предстоящем путешествии.

Ринарк двинулся вперед, и в это время один из картежников ринулся на него как таран, всем телом, утыканным металлическими заклепками. Этот малый, видно, отрабатывал свои боевые приемы на корабле или на планете со слабым гравитационным полем. А Мигаа — планета с высокой гравитацией, — расчет картежника сокрушительным ударом разmozжить Ринарку голову не оправдался. Ринарк прыгнул в сторону, и картежник пролетел мимо него. Ногой, обутый в тяжелый ботинок, Ринарк резко ударил его по позвоночнику. Картежник рухнул навзничь, а Ринарк сильно, с размаху, пнул его ботинком по голове, и тот потерял сознание.

Ринарк со всех ног бросился к своим друзьям.

Тем временем Телфрин в отчаянии пытался отбиться от нападавших, а Эсквиел, который выглядел как всегда шеголеват, скалил зубы в злобной усмешке и был, казалось, весьма доволен собой. На правом его кулаке тускло блестели шипы кастета, и с них стекала кровь. Один из противников Эсквиела, зажимая страшную рану под глазом, отлетел назад и с размаху врезался прямо в Ринарка.

— Попусту теряем время! — крикнул им Ринарк, когда они заметили его.

Своими огромными, наводящими ужас ручищами он оттащил картежника прочь с дороги и ринулся сквозь толпу. Телфрин и Эсквиел, молотя кулаками направо и налево, устремились за ним. Какой-то верзила, грозно рыча, размахивал короткой дубинкой перед носом Эсквиела, но тот изогнулся, уклоняясь от ударов, и молниеносно вонзил утыканный шипами кулак в живот противника. Верзила с диким криком рухнул на колени, и дубинка выпала у него из рук.

Все трое вырвались из бара и пустились бегом по узкому переулку. Когда они поняли, что картежники, с пронзительным визгом гнавшиеся за ними, отстали, они свернули на узкую улочку, вившуюся за домами, и пошли вдоль нес, громахая ботинками по металлическому покрытию.

— Дорога ведет к отелю «Прибежище»? — спросил Ринарк.

— Весьма тебе признателен, что разогнал этот сброд, — с усмешкой поблагодарил Ринарка Эсквиел. — А я-то думал, что ты, со своими экстрасенсорными способностями, наперед все знаешь, где что находится. Да, именно эта дорога ведет в отель. Он совсем рядом.

Ринарк просто не дал себе труда воспользоваться своими сенсорными способностями. У него перед глазами слишком живо стоял картежник, которого он нокаутировал. Ринарк не любил жестокость.

Эсквиел снова вывел их на магистраль. Телфрин смущенно поглядывал на Ринарка.

— Очень жаль, что так вышло, — сказал он. — Эти молодчики сами нарывались на драку. Пристали к Эсквиелу из-за его одежды. И нам пришлось ввязаться в потасовку. Сколько раз удавалось избежать всяких осложнений, а тут не вышло. И все этот проклятый город — все на взводе, взвинченные, злобные.

— Боюсь, я сам раздражил их, — заметил Эсквиел. — И то сказать, что ни надень, среди этих выроdkов всегда нарвешься на оскорбление! — Он снял кастет с костяшек руки и спрягал его.

Эсквиел, обреченный в ранней юности на одинокое, лишенное какой бы то ни было радости существование, питал страстиe к яркой и пышной одежде. Он облачился в стеганую куртку из оранжевого искусственного меха с высоким воротником и узкие, пурпурного цвета, брюки, из-под которых виднелись остроносые сапоги из стекловолокна. У него было бледное лицо с острым подбородком, короткая темная челка спускалась на лоб. Он носил при себе небольшой антинейтронный лазерный пистолет, который принадлежал, как известно, к запрещенным видам оружия.

Некогда Эсквиел был князем — независимым повелителем Помпеи, но потом властители Галактики, пользуясь своим правом, присоединили планету к Галактическому Союзу. Ринарк испытывал признательность к Эсквиелу, который, покровительствуя ему, лишился и титула, и состояния.

Сейчас Ринарк заметил, что юноша что-то уж слишком задумчив. Он и всегда-то пребывал в несколько меланхолическом состоянии, отчего многие считали его неуравновешенным, хотя Ринарк не раз имел возможность убедиться в обратном. На самом деле душевное равновесие юноши, которое, казалось, опасно балансировало на грани двух взаимоисключающих состояний, послушно подчинялось его собственной воле.

Телфрин, такой же худощавый, как и оба его друга, легко возбудимый и вечно готовый лезть на рожон, был галактическим путешественником без лицензии, то есть попросту преступником. Одевался он по старинке — на нем был короткий жилет из некрашеной кожи, синяя рубашка и черные брюки. Он носил тяжелый энергетический пистолет. Телфрин, не говоря ни слова, вопросительно смотрел на Ринарка, который тоже хранил молчание.

Потом Ринарк улыбнулся — его жесткий рот с тонкими губами растянулся в язвительной гримасе, — выпрямился и, повернувшись к Телфрину, твердо взглянул на него.

Телфрин, казалось, обеспокоенный этим взглядом, почувствовал необходимость нарушить молчание:

— Когда мы тронемся? Мне уже не терпится.

Ринарк помедлил с ответом, продолжая глядеть на Телфрина.

— Мне нельзя ждать, — повторил Телфрин.

— Пока точно не знаю, — ответил Ринарк.

Они подошли к высокому многооконному зданию гостиницы «Прибежище» на окраине города, и Телфрин снова обратился к Ринарку:

— Ты сказал, мы теряем здесь время. Сколько же его у нас, хотя бы приблизительно?

— Самое большее — тридцать шесть часов, — ответил гид-сенсор.

Эсквиел, выведенный из задумчивости, взглянул на Ринарка. Казалось, он был встревожен.

— Всего-навсего?

— Да, всего-навсего, а может, и того меньше. Я чувствую только, как он все время приближается к нашему континууму, но очень трудно постоянно держать его в сфере внимания. Для этого требуется почти вся моя энергия.

Они вошли в просторный, высокий холл гостиницы «Прибежище». Эсквиел оглядывался, тщетно отыскивая кого-то в толпе. Сквозь огромные окна, освещающие многоярусные галереи вдоль одной из стен, глядела сверкающая черно-белая углеродная пустыня.

Друзья проталкивались сквозь разношерстную толпу, заполнявшую холл. Здесь были и хорошо одетые мужчины и женщины, и оборванцы, запойные пьяницы и те, кто весь вечер могут потягивать один-единственный стаканчик, крикливые и тихони. Здесь, как и везде в городе, царила атмосфера томительного ожидания, длившегося вот уже тридцать семь лет. Время от

времени все присутствующие бросали взгляды на большие экраны, подвешенные в центре холла.

Экраны оживут, когда в зоне космического пространства, на которую они были фокусированы, появится то, чего все с таким нетерпением ожидали. Когда это случится, если случится вообще, все бросятся на космодром, и Мигаа вновь опустеет. Некоторые уже провели на Мигаа по тридцать лет, другие умерли здесь, так и не дождавшись своего шанса.

Трое друзей поднялись по узкой винтовой лестнице на галерею, где стоял стол и три стула. Здесь они и расположились.

— Я давно присмотрел это место, — сказал Эсквиел, вытягивая шею и разглядывая холл сверху.

Ринарк недоуменно посмотрел на него.

— Корабль у меня проверен, и не раз, — сказал он. — Он вот-вот должен быть готов. Как я уже говорил, Беглец материализуется, не пройдет и тридцати шести часов. Но минует еще не менее двенадцати часов, прежде чем он окажется здесь, судя по той скорости, с какой он двигался к нам, когда я контактировал с ним недели три назад.

Ринарк помолчал, пристально вглядываясь в эту страшную пустыню и стараясь уберечь глаза от нестерпимого блеска, который проникал даже сквозь полароидные окна.

— Мы должны быть готовы, — продолжал он. — Не знаю, как долго он останется в этом континууме. Возможно, он пройдет через континуум на большой скорости, и мы вообще не сможем попасть на него.

— Выходит, зря мы подались на Мигаа, — поморщившись, сказал Телфрин. — Что ж, я сам себе хозяин.

— А я нет, — возразил Ринарк, воздержавшись от дальнейших объяснений.

Он был единственным во всей Галактике, кому было известно, когда Беглец материализуется. Все прочие обитатели Мигаа рассчитывали только на счастливую случайность — на то, что эта странствующая в континууме причудливая система все же появится в космическом пространстве, пока они еще живы, и это было рискованной игрой. Город Мигаа был построен с одной-единственной целью — неподалеку отсюда должен материализоваться Беглец. Отверженные, преступники, охотники и их жертвы бросались к планете Мигаа, которая была их последним прибежищем. И ждали.

Ринарк знал, что ему нет нужды ждать, ведь он был гид-сенсором, обладателем уникального дара, развитого до той степени, когда он становится уже научным знанием. Располагая толь-

ко самым общим описанием объекта и направлением его движения, будь то планета или затерявшийся в космическом океане грош, он мог точно указать место в Галактике, где этот предмет находится.

Он ориентировался в космосе без карт и координат. Он обладал способностью улавливать любое движение в Галактике и поэтому знал, что Беглец приближается, — он научился видеть то, что выходит за пределы его собственного пространства, и то, что существует в других измерениях, — смутные тени планет и солнц, отдаленно напоминающих наше.

Он научился видеть все это, стараясь теоретически обосновать природу существования Беглеца, этой призрачной системы, которая, как известно, материализуется — просто внезапно появляется в пространстве, а затем вновь бесследно исчезает, — это случилось всего пять раз с тех пор, как человечество достигло Внешнего кольца.

Обо всем этом пока мало что было известно.

Нескольким исследователям и ученым удалось попасть на Беглец прежде, чем он исчез, но они не вернулись оттуда. Никто не знал, как долго Беглец просуществует в каком-то определенном времени. Казалось, эта таинственная система не имеет устойчивой орбиты, и гипотеза Ринарка о том, что она, в отличие от всей остальной Вселенной, движется по своим собственным законам — такое движение само по себе, — была сформулирована им несколько лет назад, когда, будучи патрульным в зоне миров Внешнего кольца, он обрел способность ошутить Беглец, как ошущал Вселенную в пределах его собственного континуума.

Время стоянки Беглеца могло меняться от нескольких часов до нескольких дней. Но момент его появления и исчезновения всегда оставался тайной. Те отчаявшиеся, что устремлялись на Мигаа, были оптимистами — вопреки всему они надеялись, что счастье улыбнется им и Беглец появится.

Ринарк назвал эту таинственную систему Беглемом, что естественно вытекало из его теории, однако были у нее и другие имена, например, одно из самых популярных — система «Призрак»; находились и люди с религиозно-мистическим направлением сознания, которые приписывали системе некие метафизические свойства, полагая, что она была отторгнута Вселенной в наказание за греховность ее обитателей. Эти фанатики называли систему «отлученным миром».

В общем, о системе ходили легенды, но лишь немногие отваживались запясться ее исследованием. Как правило, только преступники готовы были подвергнуть себя риску.

Ринарк разглядывал сверху бурлящий холл. Правительственная машина Галактического Союза была достаточно хорошо отлажена, и пренебрегать ее установлениями было делом довольно рискованным. Разумеется, граждане располагали личной свободой в широких пределах. Но так как государственные структуры действовали безотказно, преступникам было почти невозможно избежать карающей десницы правосудия. Им оставалось надеяться только на Мигаа, откуда, если повезет, можно вырваться из этой Галактики, если только галактическая полиция не совершит внезапного налета на город, как это уже не раз бывало. Вообще-то полицейские не прочь махнуть на них рукой, почти на всех, разве что попадался среди этого сброда кто-нибудь владеющий ценной информацией. Если такой тип достаточно долго водил полицию за нос, то за ним можно отправиться и на Мигаа.

Ринарк знал, что господа из галактической полиции разыскивают его, что люди лорда Мордена, капитана из Главного управления галактической полиции, рыщут по всей Галактике, охотясь за ним. И конечно же, Морден вспомнит со временем и о Мигаа, это всего лишь вопрос времени.

Эскивел, положив голову на руки, пристально смотрел на Ринарка.

— Может быть, ты все-таки объяснишь нам, зачем мы пускаемся в это путешествие, а, Ринарк? — Он обернулся и стал высматривать кого-то в толпе внизу. — Почему ты отказался от должности патрульного зоны Внешнего кольца? Почему не сообщил в галактическую полицию о том, что ты узнал от парней, которые приземлились на Голанде три года назад? И почему тебе так приспичило попасть на Беглец?

— Пока не хочу отвечать, — сказал Ринарк, — хотя, по справедливости, следовало бы, но если я начну объяснять, возникнет куча новых вопросов, на которые я вам не смогу ответить, вернее, пока не смогу. Сейчас знаю наверняка только одно — да вы сами уже догадались об этом, — я ждал три года, чтобы попасть на Беглец, с тех самых пор как эти парни, прилетевшие на Голанд, открыли мне нечто чрезвычайно важное. Поэтому я и отказался от должности. Надеюсь, ответы на все другие вопросы получу на Беглеце.

— Ведь мы твои друзья, Ринарк, — сказал Телфрин, — только потому и летим с тобой. Но если ты не получишь там ответ на свои вопросы, что тогда?

— Даже если и так, мне терять нечего, — продолжал Ринарк, — но если вы считаете, что не стоит ввязываться в это

дело, скажите сразу. Уж нам-то с вами известно, как это опасно. Мы можем погибнуть, даже не достигнув Беглеца, а если попадем на него, то назад уж не вернемся никогда.

Ни тот, ни другой не произнесли ни слова, но видно было, что им не по себе.

— Я в долгу перед вами, друзья, — сказал Ринарк. — Ты, Пол, помогал мне, когда я занимался исследованием переменных временных потоков, и благодаря тебе моя идея обрела завершенность. Эсквиел целых шесть месяцев скрывал меня от полиции на Помпее, а когда меня выследили, ему пришлось лишиться титула. Вы оба многим пожертвовали ради меня.

— Стоит ли об этом говорить, ведь мне и самому до смерти любопытно узнать, что же такое система «Призрак», — возразил, улыбаясь, Телфрин, — да и Эсквиела ничего здесь не удерживает, разве что его новая пассия, Уиллоу Ковекс.

Уиллоу была владелицей гостиницы «Прибежище». Она слыла красавицей.

Эсквиел, казалось, был раздосадован, но тем не менее слегка улыбнулся, пожав плечами.

— Ты прав, Телфрин, хотя с твоей стороны довольно бестактно говорить об этом. Но не беспокойтесь — когда придет время, за мной дело не станет.

— Прекрасно, — сказал Ринарк.

По узкой лестнице, ведущей на галерею, поднималась женщина. По ее повадке и движениям было видно, что она отлично знает цену своей тонкой красоте, и губы ее трогала легкая улыбка. Одежда молодой женщины сверкала украшениями — дарами многочисленных поклонников: платье изумрудно-зеленого цвета было усыпано драгоценностями, добытыми, наверное, на сотнях разных планет. Своим сиянием они затмевали ослепительный свет, заливавший пустыню. В ее руках, с тонкими пальцами, отягощенными множеством колец, был поднос, уставленный дымящимися блюдами.

Она подошла к столу, и Эсквиел, не отрывая от нее взгляда, взял у нее поднос, стараясь коснуться при этом ее руки.

— Благодарю, — сказала она. — Рада познакомиться. Вы, должно быть, знаменитый патрульный Ринарк.

— Бывший патрульный, — поправил он, — а вы та самая юная леди, которая привела в смятение чувства нашего гордого друга.

Она ничего не возразила в ответ.

— Приятного аппетита, джентльмены, — сказала она и пошла вниз по лестнице. — Пока, Эсквиел, — бросила она через плечо, пробираясь через кишаший людьми огромный зал.

Ринарк немного встревожился — он считал, что появление Уиллоу Ковекс может помешать его планам. Откровенно говоря, он был застигнут врасплох. Хотя оба его друга заслуживали доверия в равной степени, но, если выбирать из них двоих, Ринарк предпочел бы, чтобы в предстоящем путешествии его спутником был Эсквиел, а не Телфрин.

Эсквиел молод, отважен, способен постоять за себя, хотя в своей мстительности был склонен иногда к весьма жестоким поступкам; он дерзок и эгоистичен, но вместе с тем в нем чувствуется огромная внутренняя сила, хотя о ней трудно догадаться по его внешнему виду.

И тут вдруг появляется женщина, которая способна удесятерить эту силу или, напротив, свести ее на нет. Чего можно ждать от Уиллоу Ковекс, Ринарк просто не знал.

Решив пока философски отнестись к этому новому осложнению, Ринарк вернулся к неотложным делам.

— Думаю, нам следует еще раз проверить корабль, — предложил он, когда они покончили с едой. — Пойдем прямо сейчас?

Телфрин согласился, а Эсквиел сказал:

— Я останусь. Может, подойду к вам позже или дождусь вас здесь. Вы надолго?

— Не знаю, — вставая, сказал Ринарк. — Но ты не уходи — вдруг нам понадобится связаться с тобой.

Эсквиел кивнул в ответ.

— Не беспокойся. У меня и в мыслях нет идти куда-то.

Даже теперь, в этих чрезвычайных условиях, Ринарк мог позволить себе только деликатно призвать Эсквиела к осторожности; гид-сенсор относился к своему другу с большим уважением — помпейский князь не нуждался в советах по поводу того, как устраивать свои личные дела.

Ринарк и Телфрин спустились по лестнице и, с трудом проталкиваясь сквозь толпу, направились к двери.

Улицы наполнились шумом и оживленным говором. Но слышны были только отдельные реплики, остальное тонуло в грохоте шагов по металлическому покрытию улиц.

— Кажется, говорят, что полицейские уже ринулись сюда, — в тревоге сказал Телфрин.

Ринарк казался мрачным.

— Остается надеяться, что Беглец появится прежде, чем они нагрянут.

Телфрин бросил взгляд на него.

— Они охотятся за тобой?

— Да, вот уже целых три года. Не потому, что я совершил преступление. Просто высшие чины из галактической полиции считают, что мне известно что-то, представляющее интерес для них, вот и стараются задержать меня.

— Ты в самом деле знаешь что-то такое, что их интересует?

— Кое-что знаю, — подтвердил Ринарк, — но ничего не хочу открывать — так будет лучше и для них, и для меня.

— Это что, одна из твоих тайн?

— Вот именно, — подтвердил Ринарк. — Но не волнуйся — как только мы попадем на Беглец, я все вам объясню, и будь что будет.

Он позволил своему сознанию вырваться в пустоту, за пределы Внешнего кольца. Вот он уже там, ближе, еще ближе. Он чувствует присутствие системы. Внезапно рассудок его помутился. Он почувствовал тошноту.

Нет, это невыносимо, просто невыносимо!

Эта фантастическая система неумолимо надвигалась. Смогут ли они попасть на нее, хватит ли у них времени на это? Если бы он хоть немного больше знал обо всем этом! Конечно, затея эта чрезвычайно рискованная, тем более что надежды на успех почти не было.

Только он один понимал, что поставлено на карту. И это знание стало для него тяжким бременем, которое он обречен был нести. Наверное, никому, кроме него, оно оказалось бы не под силу.

Идя в одиночестве по улицам Мигаа, среди этих несчастных, устремившихся сюда в последней надежде, он не раз усомнился, стоило ли вообще все это затевать. Но тут же одергивал себя. «Ты должен раз и навсегда вбить себе в голову, что да, стоило», — твердил он про себя.

Здесь вокруг не было никого, кто мог бы быть причислен к внеземной цивилизации. Одно из открытий, сделанных человечеством в ту пору, когда оно начало заселять Галактику, состояло в том, что единственная высокоразвитая форма существования разумной жизни — это человек. Конечно, есть и другие формы живой материи, но во всей Галактике только Земля населена существами, которые способны мыслить и творить. Хотя эта концепция была общепринятой, ученые до сих пор не мог-

ли успокоиться и выдвигали одну за другой разные теории, пытаясь найти объяснение упомянутому феномену.

Два года назад Ринарк неожиданно отказался от должности патрульного зоны Внешних миров. Он занимал весьма высокое положение, и его отставка дала пищу толкам и пересудам. Факт приземления чужестранного космического корабля — как говорят, межгалактического — не был признан Высшим Галактическим Советом, который на все вопросы по этому поводу давал весьма расплывчатые объяснения. Однако Ринарк видел чужестранцев и провел с ними немало времени.

Он ничего не сообщил членам Галактического Совета, и они все еще разыскивали его в надежде убедить вернуться к той работе, которую он выполнял столь блистательно.

Люди, одаренные интуицией, позволяющей им свободно ориентироваться в космическом пространстве, так называемые гид-сенсоры, встречаются крайне редко, даже значительно реже, чем те, которые наделены талантом психолога-экстра-сенса, а гид-сенсор столь высокого уровня, как Ринарк, просто уникален. Таких, как он, несколько на всю Галактику, и все они нарасхват. В основном это пилоты и гиды на гиперпространственных трассах, обладающие, как правило, свойством удерживать связь с теми мирами, откуда они стартовали, и точно указывать космическому кораблю направление, место и время входа в нормальное пространство. Помимо этого, гид-сенсоры незаменимы при составлении галактических карт и внесении в них разных поправок. Высокоразвитая цивилизация, освоившая трансгалактические полеты, просто немыслима без таких гид-сенсоров.

Именно этими соображениями руководствовались члены Галактического Совета, прося Ринарка остаться в должности патрульного в зоне Внешнего кольца, несмотря даже на то, что он ничего не сообщил им о пришельцах с Голанда. Однако он наотрез отказался от предложения и два года провел, по крохам собирая скудные сведения, касающиеся Беглеца. Кончилось тем, что Галактический Совет решил прибегнуть к помощи галактической полиции, лишь бы заполучить Ринарка, но благодаря содействию Телфрина и Эсквиела ему удавалось ускользать от нее. И вот теперь он со всей силой отчаяния надеялся, что Беглец материализуется, прежде чем полиция достигнет Мигаа.

Свой корабль Ринарк оснастил самыми совершенными приборами и оборудованием, какие только можно было заполнить.

Однако, по мнению Ринарка, всей этой оснастке грош цена без Эсквиела, чья кипучая энергия была через край, порой выходя даже за разумные пределы, и добродушного, беспечного Пола Телфрина. И тот и другой благоговели перед ним и всегда помогали ему. Ринарк, в свою очередь, тоже был предан им — знал, что для него нет ничего невозможного, если они рядом.

На космодроме стояло несколько сотен кораблей. Многие из них годами томились тут, однако все они пребывали в полной готовности, как будто ждали, что вот-вот появится Беглец.

Несколько кораблей находились здесь более ста лет, их владельцы, разочарованные, обманутые в своих ожиданиях, давно отравились в мир иной, так и не достигнув заветной цели.

Мощный корабль Ринарка представлял собой полицейский крейсер, купленный по дешевке и, конечно же, нелегально, а затем основательно перестроенный и переоборудованный. Его можно было привести в состояние полной готовности за тридцать секунд. Корабль был оснащен тяжелым оружием. Закон воспрещал иметь в личном владении полицейский крейсер, не разрешалось также вооружать частные космические корабли. Все торговые суда принадлежали Совету, который сдавал их в аренду.

Корабль Ринарка не нуждался в команде. Он был полностью автоматизирован, и на нем можно было разместить тридцать пассажиров. Как только Ринарк приземлился, его тут же стали осаждать толпы страждущих, предлагая большие деньги в обмен на обещание доставить их на Беглец, но Ринарк всем отказывал. Он не питал никакого сочувствия к тем, кто толпился здесь, на Мигаа. Эти несчастные скорее могли бы рассчитывать на милость гуманного Кодекса законов — предмет заслуженной гордости Совета, — чем на Ринарка, бывшего патрульного Внешнего кольца.

Хотя планета Мигаа была наводнена преступниками всех мастей, по сравнению с огромным населением Галактики, их было, в общем, не так уж много. Вот уже почти два столетия в Галактике царил мир, купленный, правда, ценой установления жестокой авторитарной системы, на смену которой в прошлом веке пришло либеральное правительство, призванное служить интересам всей Галактики.

Ринарк не испытывал ненависти к Совету, хотя тот изрядно докучал ему. Он честно служил до тех пор, пока в его руки не попала та самая информация, которую он утаил от членов Совета. Они не раз запрашивали у него эти сведения и неизменно

получали отказ; все это время он проявлял крайнюю осмотрительность, тщательно скрывая свое местонахождение.

Ринарк взглянул в раскаленное белое небо, как будто ожидая, что патруль галактической полиции вот-вот свалится ему на голову.

Они с Телфрином не спеша пересекли дорогу, направляясь к крейсеру.

Механики все еще работали тут. Они давно закончили предварительную проверку и установили, что корабль полностью готов к полету. Однако Ринарк остался недоволен, и теперь они проверяли все заново. Ринарк и Телфрин вошли в подъемник, который доставил их в кабину управления кораблем.

Телфрин восхищенно оглядел великолепное оборудование. Наметанным глазом он сразу оценил, сколько изобретательности, искусства, энергии и страстной преданности любимому делу потребовалось, чтобы сотворить это чудо техники.

Как-то, кажется в прошлом году, в минуту откровенности Ринарк сказал:

— Взгляни-ка на эти приборы, Телфрин, — без них мы беспомощны. Люди создали их, чтобы выйти за жесткие рамки, которыми природа ограничила человеческий разум, а главное, они, эти приборы, дают каждому из нас почти неограниченную свободу.

Ринарк имел в виду не только его собственные, особые приборы, и Телфрин, конечно же, понимал это.

Здесь, в кабине управления, Телфрин подумал о том, что элемент мистики, сопутствующий научному знанию, может сделать эти приборы столь же смертоносными, сколь и спасительными. Человек уже перестал понимать, что же такое автомат, и потому считает его способным на все. И, более того, ожидает от него самого худшего.

Нужны такие, как Ринарк, и чем больше их будет, тем лучше. Ринарк мог принять на веру любую, самую отвлеченную научную гипотезу и, вместе с тем, в работе простой турбины усматривал много загадочного.

Именно тогда Телфрину вдруг пришло на ум совершенно новое соображение, непосредственно связанное с той ситуацией, в которой они оказались.

— Откуда мы знаем, как наш двигатель, да и вообще вся наша техника будет вести себя на Беглеце? — Он помолчал, глядя на внушительные приборы, громоздящиеся вокруг. — Ведь ты не станешь отрицать, что там, вероятно, пространство и время подчиняются совсем иным законам, и мы рискуем

здорово погореть — наш корабль может запросто стать неуправляемым, и все тут.

— Верно, мы действительно не знаем, как поведут себя наши приборы в других условиях, — согласился Ринарк, — но я готов допустить, что целый ряд законов у нас общий. Возможно, когда Беглец приблизится, мне легче будет судить об этом, но, в любом случае, я могу и ошибиться.

Будучи гид-сенсором, Ринарк не нуждался в специальном оборудовании, усиливающем его возможности, но ему необходимо было сконцентрировать свои способности; для этой цели он прибегал к помощи особого энергетического подзарядного устройства, которое, по мере надобности, восполняло нервный и ментальный потенциал и позволяло при умелом использовании получить сверхмощный импульс, если возникала потребность в таковом. Подобные приборы обычно использовались только в медицине.

Телфрин принялся изучать материалы, касающиеся Беглеца, — здесь было над чем поломать голову, а Ринарк тем временем уселся в чрезвычайно удобное, мягкое кресло, закрепил электроды на лбу, груди, опутал ими все свое тело. На небольшой панели перед ним лежало записывающее устройство.

Спокойно и неторопливо он включил прибор.

Глава 2

Ринарк сконцентрировался.

Он ощутил присутствие Галактики, центром которой был он сам, — она слой за слоем как бы расходилась вокруг него во времени и пространстве.

Он ощущал ее как нечто целое и в то же время чувствовал отдельно каждый ее атом, каждую планету, каждую звезду, вновь вспыхнувшую или угасающую. Совершенно пустое пространство, здесь плотность материи минимальна; вот движутся небольшие скопления более плотной материи — это космические корабли.

Там, за пределами нашей Галактики, он слабо ощущал присутствие межгалактического пространства, оно было еще менее плотным, а дальше были другие галактики — он едва улавливал их дыхание.

Пока там не было ничего такого, что могло бы внушить тревогу и что, как ему стало известно, должно произойти. И он был призван это предотвратить.

Затем он настроил свой мозг так, чтобы воспринимать не отдельные компоненты Галактики, а всю ее в целом. Он расширил диапазон восприятия, охватил небольшой участок за пределами Галактики, и тут же цельная картина времени и пространства, как она ему представлялась, мгновенно рухнула.

Здесь было нечто инородное, нечто не соответствующее всему остальному. Похоже было, что сквозь этот небольшой участок космического пространства двигалось какое-то тело, проделавшее дыру в самой ткани универсума. Мысли Ринарка лихорадочно метались, тело была нервная дрожь — он пытался настроиться на новый, столь необычный объект. Это была двойная звезда с одиннадцатью планетами, правильным кольцом окружающими ее.

Но ее как бы и не существовало. По крайней мере, в том универсуме, который был привычен Ринарку, он не мог дать никакой более или менее верной оценки ее компонентов, пока, во всяком случае. Опять неудача! Ринарк сосредоточился на анализе эволюции этой системы. Она двигалась сама по себе в космическом пространстве, как двигаются обычно звезды и планеты.

Но в то же время она пересекала целый ряд измерений, с чем Ринарку пока не приходилось иметь дела. Двигаясь этим курсом, переходя с орбиты на орбиту сквозь эти измерения, она приближалась к тому континууму, в котором находился Ринарк.

Задышавшись, он открыл глаза. Торопливо набросал какое-то уравнение, закрыл глаза и вновь настроил сознание.

Она продолжала двигаться по направлению к нему. Она пронзала мириады неведомых измерений, пересекала ряд континуумов, невозмутимо следуя по орбите, столь же постоянной, как и орбиты ее планет вокруг их звезд. Вскоре ей предстоит пройти через континуум, в котором пребывал Ринарк.

Однако как долго она будет находиться здесь? Ринарк ничего не мог сказать об этом — ему нужно было хоть немного знать об универсуме, который простирался за пределами его собственного, и о тех, которые ему еще предстояло обнаружить. Его будущее зависело от этого.

Менее чем за двадцать минут все было кончено. Через плечо Телфрина Ринарк взглянул на записи.

— Она приближается, — сказал он, — не пройдет и двенадцати — пятнадцати часов, как она будет здесь. Если, конечно, я не наврал в вычислениях. Однако полагаю, мой расчет точен. Насколько мне известно, она движется с постоянной скоростью.

Не могу понять, почему периоды, проведенные в этом континууме, все-таки так сильно изменились, если ее скорость постоянна, что, кажется, очевидно.

— Да, но как-никак ведь ты сузил их. — Телфрин тоже, казалось, испытывал некоторое напряжение.

— Ты прав. — Ринарк обходил кабину управления, считывая показания приборов.

— А ты уверен, что она не минует наше пространство-время?

— Все может быть, хотя это маловероятно.

С минуту Ринарк пристально разглядывал приборы, затем направился к сверкающему хромом бархатному креслу, перед которым на панели громоздилось множество рычагов и переключателей и возвышался лазерный экран. Это была панель управления пушкой.

Ринарк снова принялся тяжело расхаживать по просторной кабине. Ему явно хотелось посоветоваться.

— Мы не знаем всех направлений, по которым движется наш собственный универсум, — начал он. — Насколько нам известно, он может иметь и «боковое» движение сквозь эти измерения совсем под другим, чем Беглец, углом. Этим можно было бы объяснить, до некоторой степени, несовместимость по протяженности во времени пребывания системы в нашем пространственно-временном континууме.

Телфрин покачал головой:

— Я никогда не был в состоянии понять все эти теории насчет системы. А твоя способность чувствовать ее приближение — это для меня просто загадка. Мне известно, что при некотором навыке космические сенсоры могут определять местоположение не только планет, но и малых тел в нормальном континууме пространство-время, но я не знаю, распространяется ли эта их способность на какие-либо другие измерения.

— Как правило, нет, — ответил Ринарк, — но почти все, кто зондировал пограничное пространство вне нашей Галактики, замечали что-то еще, что не подчиняется известным законам природы. А некоторым из них казалось, что внутри Галактики они ощущают присутствие солнц и миров — как раз там, где их быть не может! Отсюда и возникла теория «мультиверсума», или многомерного универсума, вмещающего в себя десятки различных вселенных, отделенных друг от друга и существующих в неведомых измерениях...

Он умолк. Разве мог он так спокойно и связно облечь в слова то чувство отстраненности, отчужденности, которое он

испытывал? Можно ли описать этот шок, это потрясение, выходящее за рамки принятых представлений, сформированных на основе свойственных нам чувств и ощущений, нечто, поражающее ид, эго, эмоциональный комплекс — словом, все в человеке.

Ринарк стоял, открыв рот, как бы пытаясь поймать нужные слова. Но слов не было. Лучше всего можно выразить это состояние, издав крик, в котором смешались бы ужас, смертельная боль и... торжество. Но ему не хотелось даже попытаться как-то выразить свои ощущения.

Итак, Ринарк сомкнул губы и снова принялся расхаживать по кабине, беспокойно поглаживая своей огромной ручищей ствол большой антинейтронной пушки, которой он ни разу в жизни так и не воспользовался. Это было страшное оружие, и он надеялся, что ему никогда не придется пустить его в ход.

При мысли о любом из видов ядерного оружия Ринарку становилось не по себе. Его загадочное шестое чувство рисовало столь яркую картину расщепления атомов, что ему казалось, будто он видит это воочию. Одно представление о сокрушительном ядерном взрыве, вызванном атомным оружием, могло вызвать у него состояние агонии. Но антинейтронная пушка, излучающая частицы антиматерии, повергала его в еще более ужасное состояние.

Однажды, будучи ребенком, он оказался поблизости от места взрыва бомбы мощностью в несколько мегатонн, и шок, который он испытал при этом, привел к полному поражению его мозга; потребовались усилия докторов в течение целого года, чтобы вернуть ему здоровье. Теперь, конечно, он был более сильным, более защищенным, но тем не менее предпочел бы избежать любого конфликта в космосе.

К тому же он ненавидел жестокость, хотя она позволяла легко и быстро выбраться из любой переделки, однако это была кажущаяся легкость, по существу замыкающая собой некий порочный круг. Поэтому он, если это было возможно, старался избежать жестокости.

Однако на этот раз он решился не отступать перед применением силы, если на Беглеце ему кто-нибудь попытается помешать.

Ринарк посвятил всего себя достижению одной-единственной цели. Он уже ступил на путь, ведущий к ней; теперь никто и ничто не может остановить его. Он стал фанатиком, одержимым одной идеей; он призван дойти до конца и выполнить,

если это возможно, то, в чем видел свое предназначение. Ради этого он готов был пожертвовать жизнью.

Скоро, теперь уже совсем скоро Беглец должен войти в область космического пространства, где находились те, кто его ждал. Ринарк рассчитывал попасть на Беглец. Это был единственный шанс получить те сведения, в которых он так нуждался.

Он обернулся к Телфрину, который все еще был занят изучением записей.

— Ну, что-нибудь прояснилось? — спросил он.

Телфрин покачал головой и усмехнулся.

— Мне как раз понятно, как Беглец проходит сквозь эти измерения, о которых мы до сих пор ничего не знаем, — тем же способом, каким мы движемся через пространство и время, но вся эта заумь слишком сложна для меня. Я просто становлюсь в тупик. Ведь я не физик.

— Как и я, — заметил Ринарк. — Будь я физиком, Беглец, наверное, не поразил бы так мое воображение. К примеру, есть что-то странное в этой системе, заключающей в себе двойную звезду G-типа с одиннадцатью планетами, равноудаленными от нее, как будто она искусственная. Но разве такое возможно?

— Может, это что-то другое, — неуверенно предположил Телфрин. — Возможно, планеты, будучи равно удалены от родительских солнц, должны как-то воздействовать на загадочные свойства этой системы. Если они не что иное, как каприз природы, могут ли они влиять на орбиту Бегльца?

Ринарк кивнул. После минутного молчания он вновь заговорил:

— Если принять как само собой разумеющееся, что время циклично в соответствии с другими известными нам законами Вселенной, — хотя, как тебе известно, мой личный опыт, кажется, доказывает, что в нашем универсуме существует не один отдельный временной поток, — итак, если тем не менее принять это как данность, остальное тоже можно описать посредством циклов.

Он подошел к креслу, где оставил блокнот и самонисец, взял их и склонился над столом.

— Орбита Бегльца имеет такую форму, — он нарисовал круг, — тогда как мы движемся так. — Он очертил полукруг, проведя горизонтальную линию внутри круга. — Представь, что мы имеем конечный ряд пространственно-временных континуумов с некоторыми общими для всех них законами. — Он

начертил ряд полуокружностей над первым рисунком и под ним. — Все они, как и мы, движутся таким образом. Между нами нет контакта, и мы существуем бок о бок в различных измерениях, не ведая друг о друге.

Телфрин кивнул.

— Представь, что орбиты нормальных континуумов, в том смысле, как мы понимаем норму, лежат в горизонтальной плоскости. Представь далее, что орбита Беглеца лежит в вертикальной плоскости. Следовательно, вместо того, чтобы двигаться своей дорогой, не касаясь других, чередующихся универсумов, его орбита вынужденно вторгается в них.

— Но ведь, чтобы завершить подобный цикл, нужны миллионы лет?

— Не обязательно. Очевидно, мы не можем пользоваться временными и пространственными величинами, имея дело с объектом, столь отличающимся ото всего, что нам известно, как Беглец. У него свои собственные законы, которые кажутся нам абсурдными, но для него они столь же непреклонны, как и наши для нас.

— При этом ты должен самую малость принять на веру, — вздохнул Телфрин.

— Наши ученые всесторонне разработали теорию «мультиструктурной» Вселенной, или мультиверсума. Теория весьма убедительна.

— Жизнь и Вселенная, — заметил Телфрин, усаживаясь в кресло, — они становятся все более сложными.

Ринарк усмехнулся.

— Ясно одно, Телфрин, — число раскрытых наукой тайн неуклонно растет, но столь же быстро возникает несметное количество новых, стоит лишь приблизиться к проблемам, связанным с Бегльцом. Ведь никто еще не возвращался оттуда.

Вдруг он бросил быстрый взгляд вверх. На панели управления замигала лампа.

— Внутренний телефон, — сказал он. — Может, это Эсквиел или кто-то из инженеров. Пожалуйста, разберись, Пол.

Телфрин подошел и взял аппарат. Он шелкнул выключателем, но экран был пуст. Телфрин выслушал короткое сообщение и повернулся к Ринарку.

— Здесь Эсквисл и с ним эта девушка.

— Как? — Ринарк на мгновение потерял самообладание. — Это еще почему?

— Ты спроси другое, почему они так быстро примчались сюда. Прибыла галактическая полиция — они ищут тебя!

Ринарк закусил губы. Конечно, он был готов встретить полицейский патруль, но увлекся, стараясь посвятить Телфрина в тайны Беглеца, и на время утратил осторожность.

Эсквиел и Уиллоу Ковекс вышли из подъемника.

В сильном возбуждении Эсквиел заговорил:

— Прошу прощения, Ринарк, по это мое условие.

Ринарк пожал плечами.

— Твое условие? — Склонившись к панели управления, он настраивал приборы. — Что там стряслось?

— Галактическая полиция прочесывает Мигаа и всех спрашивает, пет ли здесь тебя. Я бросился сюда со всех ног. Они наверняка узнают меня по сообразят, что я связан с тобой.

— Возможно.

— Ты позволишь мне взять Уиллоу с собой?

— Ты предупредил ее, что мы очень рискуем?

— Конечно.

Ринарк вздохнул.

— Я предполагал, что такое может случиться, ведь я знаю тебя. Но я хочу, чтобы ты был с нами, и если ее присутствие — одно из твоих условий, я уступаю.

Ринарк подавил раздражение. Он не позволял себе размениваться на мелочи. Ведь он догадывался, что сулит им встреча с Беглецом, познание его природы и особых, необычных свойств. При этом личные дела отступают на второй план. Сейчас от него требовались решительные действия, а не рефлексии.

Ему следовало молиться о том, чтобы полиция не обнаружила его, прежде чем Беглец материализуется. Им всем нужно затаиться и ждать. Если бы хоть немного везения, если бы только полицейские не принялись сразу за корабли, стоящие на стартовых площадках, а прочесали вначале весь город.

Ринарк передал по радио инженерам, чтобы они быстро убрали свое оборудование — корабль должен быть полностью готов к старту.

После этого он сел в кресло и стал ждать.

Прошел час.

Уиллоу явно чувствовала себя не в своей тарелке в безукоризненно элегантном, обтягивающем ее, как перчатка, платье, вынужденная слушать этих мужчин, без конца обсуждающих одно и то же — уравнения, выведенные Ринарком, сведения, касающиеся этого самого Беглеца, и теории, выдвинутые по этому поводу когда-то.

Ринарк говорил:

— Ходят слухи, что на этой планете существует большая колония людей. Мне кажется, мы должны ориентироваться на нее, это номер восемь, по моим подсчетам. Можете посмотреть, я отметил ее.

Он бросил взгляд на Уиллоу — она казалась задумчивой, видимо, она не привыкла к тому, чтобы ею так явно пренебрегали.

Она нервно ерзала в кресле, и, казалось, то, что происходило вокруг, совсем не занимало ее. Обычно ничто не могло вывести ее из свойственного ей отрешенного равнодушия, которое, кстати сказать, было очень удобной и даже необходимой формой поведения в таком городе, как Мигаа. Но здесь она впервые оказалась в обществе мужчин, которые держались еще более обособленно, чем она сама. И это, очевидно, беспокоило ее.

Эсквисл наконец-то заметил, что ей не по себе, и обратился к ней несколько виновато:

— Ты чем-то расстроена?

Она натянуто улыбнулась, явно уязвленная.

— Место женщины — в камбузе, — сказала она. — Укажите мне, где он.

Если она рассчитывала вывести таким образом Эсквиела из равновесия, то явно потерпела поражение.

— А почему бы нет, — ответил он. — Видимо, я буду очень занят сейчас. А мы, наверное, скоро захотим есть. — С этими словами он указал на дверь и снова склонился над картами.

Передернув плечами, она вышла из кабины управления.

Уиллоу всегда интересовало все, что касалось Беглеца, ведь вся ее жизнь проходила, можно сказать, под знаком этой системы. Но она никогда не видела ее. В этой женщине было нечто такое, что давало ей власть над мужчинами, которые, казалось, испытывают вечный голод и в поисках его утоления отдают себя во власть Уиллоу, полагая, что она владеет некой тайной, в которую она, на самом деле, никогда не была посвящена.

Теперь она попадет на Беглец, хотя, не подбей ее на это Эсквиел, еще неизвестно, решилась бы она сама на этот шаг или нет. И все же она была довольна. В этих парнях, всех троих, было что-то очень непривычное и привлекательное. Может быть, сила духа, которой были лишены прочие обитатели Мигаа.

Уиллоу чувствовала, что Ринарк, Телфрин и, конечно же, Эсквиел излучают спокойную, уверенную силу, за которой

угадывались причудливо сплетенные отчужденность и страсть.

Она занялась приготовлением ужина, в кладовке оказалось обилие всяческих припасов — Ринарк любил вкусно поесть.

Телфрин оторвал взгляд от карт, посмотрел на экран сканера, выругался и пошел к пульту управления.

— С лазером что-то не то. Попробую что-нибудь...

— На пульте ничего не трогай!

Мозг Ринарка, казалось, вспух, тесно зажатый черепной коробкой, и лихорадочно пульсировал, тело била нервная дрожь. Он минуту помолчал, нахмурился и стараясь взять себя в руки, потом совершенно спокойно сказал:

— Телфрин, она приближается.

Он снова мысленно перенесся туда, зондируя пространство. Внезапно он ощутил, как в его собственную систему пространство-время вторглось что-то постороннее — оно выирнуло навстречу ему из сумеречного тумана Вселенной, коварно разрывая на своем пути пространственно-временной континуум. Ринарк, охваченный радостным возбуждением, бросился к лазерному экрану.

Телфрин и Эсквиел тоже подошли и стали за его спиной.

Он следил, как видимые силовые линии простирались вдоль той части пространства, где, как показывали его расчеты, должен появиться Беглец.

Казалось, само пространство расслаивается, и на нем, будто из опрокинутого чана с краской, разливаются огромные, расползающиеся цветочные пятна, которые, сливаясь с космическим мраком, придают ему радужный блеск меди, серебра, золота, рубинов, и это фантастическое сияние все время меняется, то рассыпаясь, то мерцая, то исчезая, то вновь появляясь.

И вдруг, сначала слабо, будто пробираясь сквозь клубящиеся многоцветные облака, Беглец начал материализовываться, вырисовываясь все четче и четче, по мере того, как входил в более резкий фокус.

Вот он уже повис — плотный, вполне материальный, а облака, возвещавшие его появление, растаяли. В Галактике появилась новая система.

Интересно, думал Ринарк, долго ли одиннадцать планет будут висеть вокруг этой пылающей голубой двойной звезды?

Он ринулся к панели управления и нажал ту единственную кнопку, которая включает автоматические системы корабля.

Крейсер поднялся. С пронзительным визгом он рванулся прочь из космопорта, прочь от галактической полиции и спус-

тя несколько минут уже мчался в космосе, устремляясь к Беглецу.

Крейсер двигался в намеченном заранее, единственно правильном режиме; Ринарк, как зомби, автоматически выполнял все, что от него требовалось; взгляд его был прикован к этой таинственной системе, что маячила впереди, его тело как бы слилось со стремительно несущимся кораблем, уже преодолевшим границу Галактики и совершающим прыжок в таинственные миры.

Вышла испуганная Уиллоу, глянула на экран, и ее охватила дрожь.

Эсквиел посмотрел в ее сторону, но она уже скользнула прочь — поспешила обратно на кухню.

Ринарк сидел в кресле, положив руки на панель управления, и отслеживал легчайшие движения корабля, не давая ему отклониться от курса на Беглец.

С этого расстояния казалось, что планеты ничем не отличаются от любых других систем Галактики, если бы не эти заданные положения вокруг солнц.

Однако они пылали, как бриллианты, продуманно обрамляющие сапфировые солнца. По мере приближения корабля Ринарку стало видно, как планеты вращаются вокруг двойной звезды. Издалека казалось, что они движутся очень медленно. Но по мере приближения корабля вращение планет становилось все стремительнее.

Телфрин и Эсквиел заняли свои места. Двигатель, запрятанный в самое сердце корабля, работал с перегрузкой — было слышно, как он гудит.

Ринарк прокричал:

— Телфрин, переведи все средства связи на «прием»! Эсквиел, смотри, не пусти случайно в ход это оружие — жди моей команды.

Ринарк обернулся к Эсквиелу и выразительно посмотрел на него.

— И не прикасайся к антинейтронной пушке, ни в коем случае!

Эсквиел выслушал молча, только слегка поморщился.

Телфрин шелкал коммутаторами.

Снова появилась Уиллоу, сбита с толку стремительностью, с которой разворачивались события. Она была совершенно растеряна, порывалась что-то делать, но не знала, что именно. Мужчины работали сосредоточенно и напряженно, выполняя заранее намеченную программу. Эсквиел даже не заметил ее присутствия.

Планеты приближались. Некоторые из них казались какими-то странными, в особенности одна, та, что находилась на надир-юго-западе от двойной звезды.

Беглец уже почти заполнил собою весь экран, а из блока коммуникации послышался скрежет и треск.

— Уж эти-то помехи, во всяком случае, от него, — заметил Телфрин.

— На Мигаа, должно быть, паника, — усмехнулся Эсквиел. — Чем быстрее мы движемся, тем меньше шансов у них, у этого сброда.

— Сейчас они наверняка дерутся с полицией, — сказал Ринарк. — Теперь даже целая эскадра военных кораблей не остановит их — они готовы на все, лишь бы попасть на Беглец, ведь столько лет его ждали!

— И те, и другие застрянут на Мигаа на какое-то время, — заметил Эсквиел.

— Будем надеяться, надолго, — ответил Ринарк, вглядываясь в экран. — Что это там впереди по правому борту, взгляни-ка, Телфрин. Кажется, что-то вроде небольшой эскадры.

Телфрин подкрутил диски, подрегулировал шкалу настройки.

— Ты прав — действительно корабли. Но что за тип — не могу понять. Лучше нам не нарываться на них, давай подадимся к ближайшей планете и переждем там. Не нравится мне, как они заходят, сразу видно — ничего хорошего от них не жди.

Двойная звезда была уже совсем близко и ярко светилась на лазерном экране, затмевая собою планеты.

Ключом, который протянул ему Ринарк, Эсквиел сломал энергетические пломбы на пушках.

Тем временем около десятка кораблей фантастического вида приближались, сильно вибрируя, и их металлические тела излучали странный желтоватый свет. Они пульсировали в космическом пространстве, и казалось, в их приближении было что-то зловещее. Вот они изменили направление, описывая широкую дугу, и начали выстраиваться полукругом там, где должен был проходить крейсер Ринарка.

В этот момент последовал резкий толчок, который, как им показалось, судорогой свел все тело, почти выворачивая его наизнанку, и крейсер вошел в чужеземное пространство. Они были уже на территории Беглеца — вот почему эти фантастические корабли замерли, ожидая их. В тот же миг они почувствовали страшную опустошенность, голова кружилась, их тош-

нило. Ринарк, почти лишаясь чувств, отчаянно послал лучик ментальной энергии, стараясь направить его на Беглец. Вместе с тем он ощущал, как рядом бешено мчатся чужестранные корабли. Металл, из которого они были сделаны, даже отдаленно ничего не напоминал Ринарку.

Внезапно кто-то будто вспорол ткань космического пространства, и Ринарку показалось, что он вот-вот лишится рассудка.

Полуживой, задыхающийся, Ринарк все же заставил себя открыть глаза.

Он посмотрел на экран — планеты уже не кружились в бешеном вихре вокруг двойной звезды, теперь они двигались в гораздо более спокойном темпе.

Нечеловеческий рык раздался в кабине управления. Телфрин возился с приемным устройством, безуспешно пытаясь хоть что-нибудь понять. Снова раздался рык, непонятно, на каком языке. Приближался ведущий корабль желтой эскадры. Казалось, он перевернулся, описал двойное сальто и затем послал свертывающийся спиралью пучок энергии, целясь прямо в крейсер.

Ринарк блокировал свой мозг и напрягся всем телом.

— Экраны! — загремел он.

Но Эсквиел уже поднял их.

Корабль задрожал, но экраны выдержали натиск чужеземного оружия, правда, с большим трудом. Эсквиел нацелил на ведущий корабль энергетические пушки.

— С помощью антинейтронной пушки мы сразу разделаемся с ними, — задумчиво сказал он.

— А заодно и со всей системой, — добавил Телфрин, глядя, как заряды молниеносно впиваются в чужеземный корабль и он мгновенно взрывается, тут же превращаясь в комок искореженного металла.

Вражеские корабли стали в боевой порядок. Но Эсквиел, склонившись над пультом, отчаянно жал сразу на все пусковые кнопки. Крейсер, страшно содрогаясь, все же выдерживал ответные удары врага. Эсквиел зацепил своей пушкой еще два корабля, которые тотчас же взмыли вверх в крутом штопоре и исчезли из виду.

Тогда все оставшиеся корабли эскадры поднялись в каком-то странном, немыслимом сальто и открыли огонь.

— Теперь нам крышка! — заорал Телфрин.

Глаза Эсквиела были прикованы к вражескому кораблю. Он успел послать еще один мощный заряд энергии, пронзивший

пространство, но в этот самый момент удар, нанесенный совместными вражескими усилиями, попал наконец в цель.

Крейсер задрожал, его сотряс мощный толчок, что-то страшно загрохотало, и он стал как вкопанный, а потом начал лениво плыть вверх по спирали. И тут множество чужестранных кораблей вдруг поднялось с ближайшей планеты. Эсквиел делал все, что мог, чтобы остановить их, но его усилия были тщетны — крейсер потерял управление.

Ринарк выбивался из сил, пытаясь справиться с системой управления.

— Мы выдержали, — кричал он, — но вся автоматика будто свихнулась. Телфрин, спустись посмотри, нельзя ли что-нибудь сделать с главным процессором!

Телфрин сорвался с места и помчался к лифту, таща с собой скафандр.

Эсквиел, прищурив глаза, старательно нацеливал пушки и при этом сыпал проклятиями. Он сразил еще несколько вражеских кораблей, но казалось, им и дела нет до этого. Эсквиел мельком подумал, что, может, на них нет живых существ.

Вокруг происходило что-то странное — вакуум выглядел совсем не так, как обычно. Не было нормальной резкости. Казалось, он пронизан слабыми цветными потоками, под завесой которых движутся какие-то призраки. И эти видения были мучительны, они просто с ума сводили...

Уиллоу, с бледным и напряженным лицом, вцепившись в переборку, остановившимся взглядом смотрела на большой лазерный экран. В космическом пространстве напряженно бурлили сгустки энергии, свертывались, переплетались и вихрем неслись сквозь вакуум. Уиллоу казалось, что на ее глазах рождается новая звезда, ведь она толком ничего не могла рассмотреть сквозь радужные узоры, кроме вражеских кораблей, которые, как желтые призраки, метались в космическом пространстве.

Наконец мало-помалу радужные узоры начали гаснуть, и стало видно, что чужеземные корабли подступают все ближе и ближе.

Ринарку пришло в голову, что уродливые видения, которыми кишел вакуум, не были порождением энергии, высвободившейся в результате сражения. Это было нечто другое. Нечто гораздо более зловещее.

Эсквиел по-прежнему вел беглый непрерывный обстрел. Экраны пока выдерживали всю тяжесть обрушившегося на них

энергетического удара, но крейсер внезапно стал угрожающе раскаляться.

— Телфрин, ты внизу? — спросил Ринарк в микрофон.

— Делаю, что могу. Через пять минут, если повезет, замкну основные узлы, — донесся озабоченный голос Телфрина.

— Давай быстрее, — приказал Ринарк, — ведь ты можешь погибнуть.

Кто эти чужаки? Почему они, как дикари, напали на крейсер, даже не дав себе труда выяснить, враг это или друг.

Сейчас они надвигались на крейсер неумолимо и жестоко.

Осунувшееся лицо Эсквисла было все в поту. Уиллоу сползла на пол, не сводя расширенных от ужаса глаз с экранов.

— Надень скафандр, Уиллоу, — прокричал Эсквиел, — скафандр надень!

Уиллоу встала, пошатываясь, и нетвердыми шагами направилась к шкафчику, откуда, как она заметила, Телфрин брал скафандр. Она медленно открыла его, морщась от боли — раскаленный металл жег руки, — с трудом вытянула скафандр, втиснулась в него, и он автоматически обрел форму ее тела.

Ринарк натянул тяжелые перчатки. Рычаги управления так раскались, что голыми руками за них невозможно было взяться.

А неприятельские суда снова и снова, кувыряясь, посылали в крейсер заряды энергии.

Эсквиел чувствовал, как на коже у него вздуваются волдыри, но продолжал обстрел. Еще три вражеских корабля превратились в груды искореженного металла, что вызвало у Эсквисла мрачное удовлетворение.

И вдруг Ринарк понял, что корабль вновь слушается его. Телфрин восстановил главный процессор, крейсер изменил направление и теперь уходил от вражеских кораблей.

Телфрин пулей выскочил из подъемника, сдирая на ходу шлем, и бросился в кресло.

— Господи! — закричал он. — Там их еще больше!

Новая эскадра, еще более многочисленная, чем та, что уже атаковала их, направлялась к месту боя. Вот они подошли ближе, и тут Телфрин заметил, что эти суда выглядят совсем иначе. Да, действительно, среди этих нет ни одного похожего на те, что напали на них. Таинственная эскадра вступила в бой — о радость! — на стороне Ринарка и его друзей.

Какие-то бледные лучи обвилились вокруг вражеских кораблей, и те сразу исчезли.

— Клянусь Богом, они заодно с нами! — радостно вскричал Эсквиел, а Ринарк начал отводить крейсер из зоны, где шел бой.

Внезапно динамики ожили — послышался четкий голос. Тел-фрин покрутил диски.

— Не могу обнаружить источник, — сказал он.

Тем временем голос на родном для пассажиров крейсера языке, хотя и с некоторым налетом архаичности, снова и снова повторял слова инструкции — скорость, траектория и так далее.

Постепенно крейсер начал охлаждаться, и страшное напряжение, которым были охвачены его пассажиры, немного спало.

— Да не ищи ты источник, — сказал Ринарк. — Это, скорее всего, запись — инструкция для тех, кто попал сюда. Нам надо поступать так, как они предлагают.

Следуя инструкции, они мчались вперед, по направлению к небольшой планете зловещего коричневатого-желтого цвета. Корабли, которые пришли им на помощь, теперь окружили их пестрым кольцом, не уступая в скорости крейсеру Ринарка.

Внезапно монотонный текст, записанный на пленке, прервался словами:

— Добро пожаловать на Энтропием. Мы видели, что вы попали в беду, и пришли вам на помощь. Сожалеем, что не могли сделать это раньше, но вы были за пределами границ наших возможностей. Вы быстро разделались с ними.

— Благодарю, — вежливо ответил Эсквиел, — но, подоспей ваша помощь, мы бы управились еще быстрее.

В ряду добродетелей молодого человека чувство благодарности стояло далеко не на первом месте.

— Вне всякого сомнения, — сразу ответили Эсквиелу. — Но теперь все в порядке, если ничего не случится...

Они стремглав летели в красную пылающую пелену, которой была окутана планета.

...если ничего не случится...

Снова и снова они проделывали одно и то же, но нисколько не приближались к цели — просто заколдованный круг какой-то; им казалось, будто без конца прокручиваются одни и те же кадры, как в кино.

Каждый раз они были уверены, что достигли наконец поверхности планеты, и вдруг снова обнаруживали, что мчатся сквозь красную мглу.

Наконец, когда они недвижно повисли в этом красном тумане, тот же уверенный голос сообщил им:

— Не волнуйтесь, вероятно, это продлится недолго.

Если Ринарку случалось испытывать состояние крайнего изнеможения, как теперь, он пускал в ход свое особое качество — некое чувство пространства, которое позволяло ему хоть как-то осмыслить то, что вокруг него происходит. Но здесь и это оказалось невозможным. В какой-то миг он ощутил, что красная планета рядом, но она тут же исчезла, будто ее не бывало.

Еще несколько раз они пытались опуститься на поверхность планеты и вдруг, совершенно неожиданно, сквозь туман выпалились прямо к дневному свету, розоватому дневному свету, и тут же увидели морщинистое лицо этой планеты — мрачное, дикое, оно было точно сюрреалистическое порождение больной фантазии шизофреника.

Уиллоу лежала на полу, в скафандре, глаза ее были закрыты — да и где уж ей, когда даже этим бывалым парням приходилось прикладывать отчаянные усилия, чтобы не потерять власть над рассудком и чувствами, содрогающимися и трепещущими от одного вида этой зловещей планеты. Никто из них не видел в своей жизни ничего подобного, да и во всей Галактике едва ли существует планета, которая хоть отдаленно напоминала бы ее.

Но в чем же дело?

Уж, конечно, не в цвете атмосферы и структуре поверхности. Здесь было что-то, с чем не хотели мириться ни тело, ни разум.

Им казалось, что они беззащитны, что их подстерегает неведомая опасность, будто под ними вот-вот разверзнется бездна, и вся планета развалится, как сплывшая дыня.

— Следуйте за кораблем алого цвета, — произнес голос.

И тогда Эсквиел, Уиллоу и Телфрин как бы исчезли, и только Ринарк оставался на корабле, который снова мчался в красной мгле.

Но где же все остальные, недоумевал он.

Ринарк в отчаянии пытался хоть что-нибудь понять, но вокруг царил безумие неорганизованного пространства и времени, какой-то водоворот абсурда.

И тут появился Телфрин.

— Где ты был? Что случилось? — взорвался Ринарк.

Вдруг возникли Уиллоу и Эсквиел. Крейсер снова оказался у поверхности планеты.

— Следуйте за кораблем алого цвета, -- настаивал голос.

В этот момент их поразило одно странное и пугающее обстоятельство. Эсквиел засмеялся, чувствуя, что где-то здесь прячется его двойник, столь же коварный, как и он сам.

Уиллоу была потрясена всем этим, особенно когда на какое-то мгновение она вдруг оказалась одна на корабле. Интересно, сколько же было кораблей в эти несколько минут.

Корабль алого цвета шел впереди группы, состоящей из судов самой разной формы — плоских, круглых, квадратных, — окружающих крейсер. Алый корабль оторвался от эскадры и устремился к планете, в юго-западном направлении. Ринарк изменил курс и последовал за ним. Алый корабль замедлил движение, и Ринарк тоже уменьшил скорость, при этом возникла накладка, и несколько секунд крейсер шел задним ходом, потом выровнялся и снова помчался за алым. Далеко впереди маячил силуэт какого-то города.

Все происходящее представлялось Ринарку точно в абсурдном, кошмарном сне. Что это — мираж или некое искажение материально существующей реальности, Ринарк не мог понять.

Даже очертания города на горизонте все время как бы струились и меняли свой рисунок.

Ринарк терялся в догадках — а может, все эти галлюцинации, или что бы это ни было, просто следствие адаптации к тем физическим законам, которым подчиняется система Беглец. «Видимо, наша психика дезорганизована этими новыми условиями, и мы должны постепенно к ним приспособиться», — думал Ринарк.

Он надеялся, что ему это удастся, во всяком случае, он должен постараться, хотя бы во имя той миссии, которой он обещен.

— Энтропием, — снова раздался голос из лазерного приемника.

Алый описал дугу, вертикально завис над планетой и, сильно вибрируя, стал опускаться на невидимое антигравитационное поле. Ринарк последовал за ним.

Он очень осторожно вел корабль к поверхности, и сомнения не покидали его — казалось, планета может внезапно исчезнуть, и они снова окажутся в пекле боя. То, что пришлось испытать ему в последние полчаса, совершенно вывело его из равновесия, и он уже ничему не верил.

Они приземлились на поле размером примерно в одну квадратную милю, совершенно пустом, если не считать кучки небольших строений на дальнем его краю.

— Что же теперь будет? — спросила Уиллоу.

— Ну, во-первых, высадимся; думаю, здесь сравнительно безопасно, ведь они нам помогли. Если бы они хотели разделиться с нами, зачем им эти хлопоты. Кроме всего прочего,

интересно выяснить, есть ли здесь люди, — ответил Ринарк и стал втискивать свое крупное тело в скафандр; остальные последовали его примеру.

— Что же все-таки произошло с нами? — спросил Телфрин дрогнувшим голосом.

— Мне кажется, что мы испытали что-то вроде пространственно-временного сползания. Ведь нам ничего не известно об этой системе, поэтому трудно сказать что-либо определенное. Во всяком случае, мы должны быть ко всему готовы — ведь, что бы мы здесь ни сделали, мы не уверены, что результат будет тот же, что в привычной системе пространство-время. Скажем, шагаешь вперед и вдруг видишь, что двигаешься-то не вперед, а назад, или прыгнешь, а на тебя скала обрушится. Будьте осторожны, правда, я не думаю, что случится что-нибудь страшное — ведь, кажется, здесь все-таки живут люди, вон и город даже построили. Но тем не менее не забывайте об осторожности.

Глава 3

Кроме крейсера, на космодроме приземлился только алый корабль. Вся остальная эскадра куда-то исчезла. Ринарк и его друзья видели, как команда алого тоже высадилась, причем среди инопланетян были и люди — фигуры некоторых из них явно напоминали человеческие.

В группе инопланетян стояли шесть человек, среди них выделялся один — видно, он был главным — молодой, улыбающийся, светловолосый, одетый так, как было принято в нашей Галактике примерно двести лет назад — свободная голубая рубашка, мешковатые брюки, заправленные в зеленые гетры, и розовато-лиловые лакированные туфли. Поверх рубашки был надет плащ, ниспадающий свободными складками чуть ниже колен. Он был вооружен пистолетом какой-то неведомой системы, на плече висела винтовка. Вид у него был необычайно торжественный.

— Берите выше — нос на квинте, — произнес он с характерным акцентом. — Как там старушка Галактика — все та же?

— Нет, изменилась, — ответил Ринарк, узнавший в архаичном наречии юноши сленг древнего Тайного союза музыкантов, который основали двести лет назад те, кто был объявлен вне закона за отказ исполнять музыкальные произведения, которые цензоры считали «полезными».

Однако двести лет назад о Беглеце и слыхом не слыхивали, да и Мигаа еще и в помине не было. Ринарк был озадачен. Конечно, можно предположить, что время здесь течет по-иному и этот юноша живет все еще там, двести лет назад. И тем не менее все это было весьма загадочно.

— Вы ведь из будущего, правда? — спросил молодой человек. — Мы отрубили примерно двести двадцать со времени Мировой войны, третьей, конечно. А вы?

— А на Земле прошло уже четыреста пятьдесят девять лет, — ответил Ринарк. — Хотя мы теперь пользуемся новым исчислением. Но как же вы все-таки попали сюда? Ведь мы только теперь сумели достичь Внешнего кольца именно в тот момент, когда вы приблизились к нашему континенту.

— Совершенно случайно, друг. Мы бегали — за нами гналась полиция — и вот оказались тут. Собирается престранная компания, доложу я вам, кто ни явится — все из будущего, вы — из самого отдаленного из всех, кого я знаю. Мое имя — Кол Менедж. Ну что же, давайте пойдем.

— Куда?

— В Энтропием. — И он указал на город. — Пойдемте, туда еще пилить и пилить.

Город, до которого было, наверное, около двух миль, четко вырисовывался на фоне неба, поражая скоплением странных, тяжелых и довольно уродливых конструкций. Но теперь силуэт города, по крайней мере, хоть не казался зыбким, как раньше, напротив — линии его были вполне четкими и определенными.

— А что, вы не пользуетесь наземным транспортом? — поинтересовался Телфрин.

— Вообще-то пользуемся, друг, но теперь — нет. Весь сдали в лом. Уж очень устарел...

— Как так?

— Скорее, просто надоел, знаете ли, мы любим иногда придумывать что-нибудь совсем новенькое.

Ринарк внутренне негодовал. Небрежный тон юного чужеземца крайне раздражал его — ведь ему нужно было получить ясные, недвусмысленные ответы на вопросы, от которых зависела жизнь и его самого, и его спутников.

Нельзя было терять ни минуты. Теперь, когда им удалось попасть сюда, Ринарк хотел немедленно начать свои исследования. Однако беззаботность этих энтропиемцев грозила ему промедлением, хотя они едва ли станут преднамеренно мешать ему.

— Кто же управляет планетой? — обратился Ринарк к Колу Менеджу, пока они медленно двигались к городу.

— Да все мы. Думаю, вы сочтете главным Рагнера Олессона. Мы как раз к нему и идем — он хочет видеть вас. Он любит знакомиться со всеми вновь прибывшими.

— Нельзя ли поторопиться? У меня очень мало времени.

— Да не спеши ты так, приятель, — ведь ваши странствия окончились. Успокойся — здесь спешить некуда.

— Что ты хочешь этим сказать? — выдавил из себя Ринарк, его выразительный рот был сурово сжат.

— А что ты думал? Там тебе не нравилось, значит, здесь должно понравиться. Все очень просто.

На этом Кол Менедж умолк и больше уже не отвечал ни на какие вопросы.

Тем временем они вошли в пригород, обитатели которого — среди них были и люди и инопланетяне — провожали их равнодушными взглядами.

«И население пригорода — просто сброд, в жизни такого не видал», — подумал Ринарк, и постройки несли на себе печать хаотичности и были начисто лишены какого бы то ни было стиля.

Грязные улицы, казалось, никуда не вели, все было погружено в полумрак, и только небоскреб, к которому они наконец подошли, светился своими многочисленными окнами.

Здесь, как и везде в городе, царила характерная атмосфера апатии и безразличия, но Ринарк все же не терял надежды получить наконец ответы на те вопросы, которые так его мучили. Он отметил про себя, что обстановка здесь очень напоминала Мигаа, с той лишь разницей, что тут было раз в десять хуже.

Попутчики Кола Менеджа как-то незаметно поотстали, а сам он ввел Ринарка и его друзей в здание небоскреба, где они, преодолев два пролета грязной лестницы, оказались у двери, которую Кол Менедж распахнул перед ними.

Большая неопрятная комната, на пороге которой они в нерешительности остановились, представляла собой странное сочетание конторы и жилого помещения. Менедж вошел первым. Двое, что находились в комнате, равнодушно посмотрели на него. Оба были средних лет, причем один из них отличался холодной, суровой красотой.

Ринарк брезгливо разглядывал комнату, одну стену которой занимали компьютеры и прочее оборудование. Пол был устлан коврами с безвкусным, кричащим рисунком, везде валя-

лись какие-то бумаги, одежда и кучи разных вещей — ружья, вазы, чашки, папки, книги. Столы, стулья, диваны беспорядочно громоздились здесь и там. Эти двое сидели на длинном диване перед самым большим компьютером. Открытая дверь позади них вела в соседнюю комнату.

— Входите, — небрежно обратился к прибывшим один из них — тот, что обладал привлекательной наружностью. — Мы наблюдали за вами — вы стартовали быстрее всех, кого мне приходилось когда-либо видеть здесь. Остальные не скоро поспалут сюда.

— Видимо, у них сложности с полицейским патрулем, — сказал Ринарк, с некоторой опаской входя в комнату.

— Я Рагнер Олессон, — сказал высокий.

Он смотрел на Ринарка подозрительно, вероятно, что-то в непроницаемом лице гид-сенсора настораживало его: может быть, он видел — кстати, совершенно напрасно — в нем соперника, претендующего на роль руководителя.

— Ринарк, — коротко представился экс-патрульный, — а это мои друзья.

Ринарк намеренно сократил процедуру знакомства.

— Ну что ж, мистер Ринарк, все, что вам необходимо, вы уже знаете. И не пытайтесь здесь что-нибудь изменить. Нас тут все устраивает. Делайте что хотите на Энтропиеме — все, что вам заблагорассудится, — только не вмешивайтесь в нашу жизнь.

Ринарк нахмурился, чувствуя, как в нем нарастает гнев. Не такого приема он ожидал, атмосфера беспорядочности и беззаботности, царящая здесь, раздражала его, особенно теперь, в его нынешнем настроении. Всем своим существом он рвался к одной-единственной заветной цели.

— Скажите, вы правитель Энтропиема? — спросил Ринарк.

— Да, если угодно. Однако я никого ни в чем не ограничиваю, разве только кому-нибудь взбредет в голову перевернуть здесь все вверх дном. Понятно?

— Послушайте, — сказал Ринарк. — Мне нужно только получить кое-какие сведения, вот и все. Может, вы согласитесь помочь?

В ответ Рагнер Олессон язвительно рассмеялся. Он поднялся с дивана и направился к Ринарку с чрезвычайно напыщенным и самодовольным видом. Чувствовалось, однако, что он раздражен вопросом Ринарка, который, видимо, показался ему оскорбительным.

— Это какие же такие сведения тебя интересуют, приятель? Иди-ка ты куда подальше и ищи там чего тебе надо. Терпеть

не могу, когда мне докучают. И не вздумай заварить здесь кашу — тебя или вышвырнут отсюда в два счета или просто прикончат — на выбор.

Стараясь сдержаться, Ринарк спокойно поинтересовался:

— Так что же нас теперь ожидает?

— Слушай, делай что хочешь, только не приставай ни к кому, вот как сейчас ко мне.

— И вам совсем не интересно, зачем мы здесь? Вы ведь помогли нам отбиться от неприятеля. Почему же вы это сделали?

— Вы здесь по той же причине, что и все остальные, — вам не нравилось там, откуда вы пришли. Что, я не прав? Это — первое, теперь — второе: мы помогли вам, потому что чем нас больше, чем больше у нас кораблей, тем надежнее мы защищены от Трона — это их корабли атаковали вас. Так что все очень просто.

— Но я здесь совсем по другой причине, — нетерпеливо возразил Ринарк, — хочу понять природу этой системы, хочу понять механизмы, которые ею движут. Я не беглый преступник и не какой-нибудь ученый-дилетант. Поймите, будущее человечества зависит от того, удастся или нет мне провести свои исследования. Неужели не ясно?

Коллега Олессона тоже встал. У него была интеллигентная внешность и утомленное лицо. Все его движения выдавали усталость и скуку.

— Меня зовут Клейн, я в некотором роде тоже ученый. Вы ничего не узнаете о Беглеце, мой друг. Любое направление, какое бы вы ни избрали в ваших исследованиях, заведет вас в тупик. Каждый факт, который вы обнаружите, будет противоречить всему, что вы до сих пор знали.

— Я положу все силы и заставлю эту систему открыть мне свою тайну, мистер Клейн, — жестко сказал Ринарк.

Эти слова вызвали тревожное замешательство среди спутников Ринарка. Изящная рука Эсквиела, которая покоилась на прикладе антинейтронного излучателя, слегка напряглась, хотя все трое понимали, конечно, что здесь они в меньшинстве. Правда, они не разделяли одержимости Ринарка и не были психологически готовы вступить в конфликт с хозяевами.

Но Клейн неожиданно улыбнулся, не выказывая никаких признаков раздражения.

— Тут уже многие пробовали — и все безуспешно. Видите ли, концепция, согласно которой функционирует Беглец, настолько необычна, что выходит за пределы нашего понимания. И дело тут вовсе не в вашей неспособности осмыслить этот

факт. Почему просто не выбросить все это из головы — универсум, мультиверсум... Найдите свое место и успокойтесь. Здесь вы будете чувствовать себя совершенно комфортно — никто ничего от вас не ждет.

— И все же вы могли бы мне помочь хоть что-то узнать, ведь должны же быть ответы, пусть не на все, но на некоторые вопросы.

— Да хватит тебе возиться с этим пустомелей, Гарри, — нетерпеливо перебил Олессон. — Пусть делают что хотят, лишь бы нам не надоедали. Пусть себе на здоровье занимаются своими «исследованиями». Все равно ничего не узнают.

— Да я не против, — ответил Клейн, обращаясь к Ринарку, будто он и не слышал, что сказал ему Олессон. — Только мне и самому мало что известно. Так что же вы хотите узнать?

— Ну, для начала, расскажите мне что-нибудь о Беглеце, ведь вы живете здесь.

Клейн вздохнул и пожал плечами:

— Мы тут собираем представителей всех разумных видов и форм существования живой материи. Чаще всего это беженцы, иногда ученые-исследователи. Они обосновываются здесь — если можно так выразиться — на планетах, где кому больше подходит. И уж попав на планету, надо быть круглым дураком, чтоб бежать отсюда.

— Почему?

— А потому, что если эти планеты — воплощение нелепости, то космическое пространство вокруг них — еще более абсурдно. Стоит хоть раз оказаться там, и считай, что ты — сумасшедший. Поэтому все и сидят на своих планетах. Только для Трона закон не писан — они там и так все ненормальные. Вам еще повезло — вы видели Трон в сравнительно спокойном состоянии. Ведь почему мы не сразу пришли вам на помощь — просто мало кто осмеливается надолго отправиться в космос, слишком большой риск. Обычно хуже всего бывает у внешней границы. Вам еще очень повезло, ведь вы вообще могли не получить никакой помощи.

— Почему?

— Ну, на этот вопрос никто не смог бы ответить — просто в космическом пространстве вокруг нас чаще всего царит хаос. Например, какие-то материальные предметы могут вдруг исчезнуть, потом снова появиться; понятие времени теряет свой обычный смысл; ум заходит за разум...

— Но почти все время, что мы летели сюда, было, можно сказать, не так уж и плохо.

— Естественно. Должно быть, Трон приложил к этому руку. Я думаю, они намного лучше, чем мы, научились управляться со всеми этими делами.

— Но это значит, что все же есть какие-то способы приоткрыть завесу тайны над Беглецом.

— Нет, не думаю. Я считаю, что им просто везет.

Клейн с любопытством присматривался к Ринарку.

— Что конкретно вы хотите узнать и зачем вам это?

— Просто меня это интересует, вот и все.

— Но, видно, у вас более веские причины, чем простое любопытство. Это бесспорно. И если вы мне их раскроете, возможно, я продолжу свой рассказ, в противном случае — не стоит и трудиться. Я хочу понять, к чему вы клоните.

— Действительно, Ринарк, ведь теперь ты можешь сказать нам все, — стал настаивать Телфрин.

— Будь по-вашему, — со вздохом сказал экс-патрульный. — Около двух лет назад я вступил в контакт с командой межгалактического корабля. Хотя они и прибыли из другой галактики, существенной разницы между нами не было, они тоже были людьми — сам по себе факт поразительный. Они ничего не знали о нас, так же как и мы о них. Они приземлились на Голанде — это малоизвестная планета, входившая в сферу моих полномочий. Так я встретился с ними. Оказалось, что мы понимаем друг друга и можем общаться. Среди прочего я узнал от них, что в их галактике единственная форма разумной живой материи — это гуманоиды.

— Как и у нас, — заметил Клейн.

— Как и в любой галактике нашей Вселенной, во всяком случае, мне так кажется. Скажите, Клейн, откуда взялись те инопланетяне, которых мы видели?

— Из различных пространственно-временных континуумов, сокращенно — ПВК. Оказывается, каждый ПВК имеет только одну доминирующую форму разумной жизни. Других объяснений нет.

— Но в этом заключен какой-то свой смысл, во всяком случае, мне так кажется. Каждому пространственно-временному континууму присущ свой феномен. Но в нашем собственном универсуме происходит нечто беспрецедентное.

— Что именно? — вмешался Телфрин.

— Эти пришельцы из другой галактики явились, чтобы предупредить нас. То, что они мне сообщили, столь чудовишно, что я должен был хранить это в тайне. Разгласить ее значило посеять панику в масштабах всей нашей Галактики.

— Что, черт возьми, происходит? — Даже Олессон, казалось, заинтересовался.

— Конец Вселенной, — просто сказал Ринарк.

— Что? — задохнулся Телфрин.

— Конец Вселенной, во всяком случае — конец человечества.

— И Галактический Совет ничего не знает? — спросил Эсквиел. — Ты ничего не сказал им? Почему?

— Потому что считал, что на Беглеце смогу получить ключ к спасению.

— Вы имеете в виду гибель не одной Галактики, а всей нашей Вселенной? — тихо сказал Клейн. — Вы уверены в этом, Ринарк?

— Пришельцы убедительно доказали мне это, и мои собственные экстрасенсорные способности помогли мне довершить картину нашей гибели. Я совершенно убежден в этом. Наша Вселенная перестала расширяться.

— И что же, значит, в этом вся причина? — вмешался Олессон.

— Ну конечно, дело в том, что она не просто перестала расширяться, теперь она сжимается. Материя стремится вернуться в свое первоначальное состояние. Все галактики быстро стягиваются друг с другом — с гораздо большей скоростью, чем та, с которой они расширились. Причем эта скорость постоянно возрастает, так как вся материя снова стягивается к центру Вселенной! Очень скоро все галактики превратятся просто в пылинку, мчащуюся в просторах мироздания. Потом и эта пылинка может исчезнуть. И останется ничто, вакуум. Пока сближаются только галактики, но как только они стянутся в одно целое — а этого ждать недолго, — в этот процесс вовлекутся звезды, планеты, словом, он станет всеобщим.

— Но это не более чем теория, — по-прежнему спокойно проговорил Клейн.

— Нет, это реальность, — ответил Ринарк. — Эксперименты пришельцев, в которые они меня посвятили, очень убедительны. Они проверили эту концепцию в лабораториях и установили, что, когда материя сжата в той степени, насколько это возможно, и образует шарик невиданной, немыслимой плотности, она сразу исчезает. Они убедились в том, что, когда материя достигает этой конечной стадии, она попадает в другие измерения, как фотон, возможно, в какую-то более крупную вселенную — одну из тех, что составляют мультиверсум.

— Так что же, по-вашему, Вселенная просто-напросто смостея, как мелкий жулик?

— Ну конечно!

— И все же мне непонятно, зачем вы здесь, — сказал Клейн. — Неужели потому, что здесь безопасно? Вы действительно считаете, что мы в безопасности?

— Мы здесь, потому что я надеюсь найти способ перебраться в другую вселенную, — снова очень спокойно стал объяснять Ринарк.

— То есть вы хотите сказать, что, проникнув в тайну Беглеца, который в состоянии перемещаться сквозь мультиверсум, можно будет создать систему, действующую на основании тех же принципов? — спросил Клейн, который теперь, казалось, не только заинтересовался, но даже как-то воодушевился.

— Да, именно так. Если мне это удастся, я смогу вернуться в нашу Вселенную — для гид-сенсора, каковым я являюсь, это нетрудно, — чтобы предупредить человечество о грозящей ему опасности и помочь избежать ее, то есть переселиться во вселенную, которая не подвержена подобной катастрофе.

— Ну, что бы ни случилось, у нас-то будет полный порядок, а? — вставил, не удержавшись, Олессон.

— Да, — согласился Ринарк и добавил: — Правда, как раз это не очень-то меня волнует.

Все остальные, которые были изрядно напуганы, но вместе с тем, казалось, испытывали и некоторое облегчение, пропустили реплику Олессона мимо ушей.

— Ну как, вы остаетесь со мной? — обратился Ринарк к своим друзьям.

— Нам терять нечего, — ответил Телфрин, впрочем без всякого воодушевления.

— И в самом деле, нечего, — подтвердил Эскивел.

В этот момент приборы, находившиеся в комнате, вдруг ожили. Тяжело ступая, Олессон подошел к ним, настроил приемник, поймал звук и изображение.

— Слушаю, — сказал он.

— Опять вновь прибывшие, Рагнер. Приближается большая группа кораблей с Мигаа.

— Как всегда, — проворчал Олессон, выключая приемник.

Глава 4

Ринарк и его друзья наблюдали на экранах, как большая группа судов с Мигаа входила в космическое пространство Беглеца.

В этот момент с Трона, как стая коршунов, взмыли в небо космические корабли. В их яростной атаке было что-то абсурдное, безумное.

Ринувшаяся наперерез многоцветная эскадра военных кораблей Энтропиема быстро оттеснила их, освобождая путь судам с Мигаа. Битва была еще более стремительной, чем предыдущая.

— Вовремя успели, — заметил Олессон, глядя на экран. — Система вот-вот начнет движение. А ты, Ринарк, сделай ручкой на прощание — неизвестно, когда ты теперь увидишь свою Вселенную, если вообще увидишь, — злорадно усмехнулся он.

Но Ринарк, не удостоив Олессона внимания, обратился к своим друзьям:

— Нам надо разобраться с вновь прибывшими. Среди них ведь не только преступники, есть и такие, которые пытались исследовать систему Беглец. Они могут помочь нам. Надо походить по городу и поискать их.

— Сначала поговорите с помешанной Мери, Ринарк, — говорил Клейн; в его голосе прозвучали какие-то странные, настораживающие нотки. — Не берусь ручаться, что она поможет вам, просто это послужит для вас хорошим предупреждением. Говорят, она была антропологом и усиленно изучала систему. Советую вам, Ринарк, посмотреть, к чему привела ее любознательность.

— Где ее можно найти?

— Точно сказать не могу, но в Северном районе ее каждый знает. Если спросите, вам сразу покажут, где она.

— О'кей, я повидаяю ее, — сказал Ринарк. — А вы прочешите другие районы города. Собирайте все, что узнаете, не пренебрегайте ни слухами, ни толками — все может пригодиться. Мы ничего не должны упустить!

— Давай, давай, если успеешь, — насмешливо заметил Олессон, когда за Ринарком и его друзьями захлопнулась дверь.

Выйдя из этого грязного, обшарпанного небоскреба, они увидели, как на посадочном поле, в двух милях от города, вспыхивают сверкающие стрелы. Ринарк и его спутники, как было условлено раньше, разошлись в разные стороны.

Надо сказать, что время для визитов было выбрано не самое удачное. Все отели и бары Северного района Энтропиема, куда бы ни заходил Ринарк, уже захлестнула волна беженцев с Мигаа.

Улицы города быстро заполнялись подвыпившими и возбужденными толпами. Прибытие новых космических кораблей праздновали не только люди. Великое множество разных существ, населяющих Беглец, тоже влилось в радостную толпу, и все веселились, кто как умел.

Какое-то чудище, нечто среднее между гигантским слизнем и гусеницей, обратилось к Ринарку с высокопарной речью на земном языке, но Ринарк не обратил на него внимания, он все шел и шел в поисках помешанной Мери, порою останавливаясь, расспрашивал прохожих, которые то несли в ответ какую-то околесицу, а то и заигрывали с ним.

И вдруг настоящий кошмар настиг его. Внезапно он почувствовал, как нахлынула тошнота, глаза застлал туман. Ринарк выбросил мысленный импульс-шуп, который пронизал всю систему и часть Галактики, простиравшуюся вокруг нее. Но его мозг просто отказывался воспринять информацию, которая шла к нему, вернее, был не в состоянии сделать это.

Казалось, Галактика отдалилась и вместе с тем, по отношению к Беглецу, как бы сохранила свое место в пространстве.

Внезапно всю планету засосала в себя какая-то призрачная жутковатая серая мгла, сменившая собою царившую дотоле крошечную тьму.

На миг Ринарку почудилось, что городские строения опять начали растворяться и таять в воздухе, а сам он, почувствовав, как тело его становится невесомым, вцепился в выступ стены какого-то дома, который вначале показался ему вполне реальным и осязаемым. Но тут же Ринарк понял, что стена расползается у него под руками и его собственное тело как бы растворяется, теряя присущую ему плотность. Сопrotивляясь бешеному водовороту, подхватившему его сознание, Ринарк вернул мысли к успокоительной в своей вещественности привычной Галактике — в минуты сильного стресса он всегда прибегал к этому средству. Но Галактика перестала быть реальностью!

Она казалась призрачной, и Ринарк потерял возможность прикоснуться к ней. Он был близок к отчаянию, но из последних сил пытался сохранить самообладание.

И тут он понял наконец, что произошло.

Они покидали Галактику, покидали Вселенную, которую Ринарк любил всем сердцем и во имя спасения которой он готов был погибнуть. Вопреки рассудку, ему казалось, что его предали — будто Галактика покидала его, а не наоборот. Он задыхался. Он чувствовал себя как человек, которого волокут куда-то, а он судорожно ищет, за что бы ухватиться, и все его попытки тщетны — ни физически, ни психологически опереться не на что. Нет ничего. Ничего такого, что было бы надежным. Ничего, что бы не разваливалось у тебя под руками, что бы не исчезало у тебя на глазах.

Серые городские здания угрожающе накренились, и Ринарку казалось, что он сам скользит куда-то вниз. Он бежал, спотыкаясь, по уходящей у него из-под ног взбесившейся улице, выставив перед собой руки, точно желая защититься от сводящего с ума ужаса, который со всех сторон подступал к нему, ужаса перед рушащимся у него на глазах мирозданием.

Единственной реальностью среди этого хаоса, за которую он мог ухватиться, как за якорь спасения, была мысль о том, что его теоретическая концепция — сейчас она грозила стать гибельной реальностью — подтверждается. Ведь во имя нее он и оказался здесь. Он снова и снова хватался за эту спасительную мысль.

Итак, этот транспространственный прыжок начался. В этом не было никакого сомнения.

Те, кто недавно прибыл на Энтропием, сразу поняли это. Сотни баров по всему городу как будто вымерли.

Ринарк заставлял себя двигаться. В движении было что-то успокаивающее — оно убеждало Ринарка, что в пугающем хаосе, царящем вокруг, его тело, по крайней мере, еще подвластно ему. Как только до его сознания дошла эта мысль, он машинально замедлил шаг. Он приучил себя никогда не сожалеть о содеянном и сейчас старался подавить горькое чувство, которое поднималось в его душе, когда он думал о том, что едва ли он увидит свою Вселенную до тех пор, пока Беглец, следуя своей непредсказуемой орбите, снова сам не вернется туда.

Ринарк не мог позволить себе расслабиться, ему надлежало выполнить ту миссию, которую он добровольно взял на себя; он не имел права рисковать — направление его исследований должно быть выбрано безошибочно; он знал, что не может думать ни о чем, кроме той единственной цели, ради которой он оказался тут, на Беглеце.

Земля вздыбилась под его ногами и тут же снова опала.

Ринарк спешил. Мозг его работал с предельным напряжением. Ринарк понукал его, безжалостно изгоняя любую мысль, не служащую основной цели, отсекая избыточную информацию; он действовал как вычислительная машина, запрограммированная на то, чтобы вырвать тайну у этой призрачной абсурдной трансмерной системы.

Ринарк подавил в себе то мимолетное горькое чувство, которое охватило его, когда он понял, что прощается со своей Вселенной.

Внезапно свет померк, потом вспыхнул, чтобы тут же вновь померкнуть. Контурные городских построек казались зыбкими,

как мираж. Планета снова как бы накренилась, и Ринарк упал, пытаясь вцепиться в землю, но она, точно живая, поползла под его руками.

Ринарк почувствовал, как страх закрадывается в его душу. Он поднял голову и вдруг сквозь какие-то призрачные тени, метавшиеся перед ним, различил вход в бар. Шатаясь, он поднялся на ноги и с трудом двинулся вперед. Войдя в бар, Ринарк огляделся.

Все новоприбывшие были до смерти напуганы, а старожилы, казалось, принимали все, что творилось с их планетой, вполне равнодушно. Видно было, что они давно к этому всему привыкли. Должно быть, каждый раз, когда система входила в новый универсум, происходило нечто подобное.

— Где бы мне найти помешанную Мери? — хрипло спросил Ринарк, но никто даже ухом не повел.

Ринарку пришлось несколько раз повторить свой вопрос, пока наконец какой-то смуглый парень, сидевший в обнимку с девицей, не оторвался от своего стакана.

— Рапсерт-Хаус, два квартала, туда, — ткнул он большим пальцем.

Планета все еще выкидывала свои фокусы. Вдруг вспыхнувший дневной свет тут же сменялся ночной тьмой; земля, казалось, ожила — она то лилась, то расползалась под ногами. Но Ринарк упрямо пробивался сквозь этот кошмар, пока не увидел табличку, подтверждающую, что он набрел наконец на Рапсерт-Хаус.

Он толкнул дверь, ощутив в руке неприятный зуд, и ступил внутрь.

— Помешанная Мери здесь? — спросил он, с трудом ворочая языком, первого попавшегося, который оказался одетым во все черное мужчиной небольшого роста, с резкими чертами худого лица.

— Кто спрашивает ее? — сказал он.

— Ее хочет видеть Ринарк. Где она?

Человек в черном хранил молчание. Ринарк вцепился в его плечо.

— Где помешанная Мери?

— Пойдемте, она, как всегда, наверху, комната номер семь, красная.

Ринарк, с раскалывающейся от боли головой, наполовину ослепший — все эти передрыги едва не стоили ему жизни, — с трудом преодолел несколько пролетов лестницы, нашел наконец нужную комнату и, постучав, отворил дверь.

Помешанная Мери, ибо это была она, произвела на него ужасающее впечатление.

С совершенно безумным выражением лица, невянятно бормочущая что-то бессмысленное, она казалась жалкой пародией на совершенный человеческий экземпляр.

Ринарк сразу понял, что перед ним женщина с чрезвычайно высоко развитым интеллектом. Кроме того, она все еще поражала своей броской красотой — чистое, тонкое лицо, большие карие глаза, крупный рот, длинные темные волосы, пышная грудь. На ней была лишь грязная юбка, пальцы машинально перебирали какую-то замысловатую клавиатуру из тех, что применялись на допотопных космических кораблях, которые при своей сверхсложности отличались крайней «чувствительностью» и в экстремальных условиях страдали «первыми срывами», за что и были сданы в лом. В руках у Мери была только одна клавиатура, ни к чему не присоединенная.

Едва Ринарк осторожно переступил порог этой небольшой комнаты, его раздражение как рукой сняло.

Он увидел голые оштукатуренные стены, узкий диван, тоже, видимо, подобранный на старом космическом корабле и служивший теперь постелью молодой женщине.

— Мери, — сказал он, обращаясь к женщине, которая не переставала что-то бормотать, — Мери!

Она пристально взглянула на него, и в ее глазах он прочел недоумение.

— Адам? Ах, нет. Входи, Кастор, а Поллукс пусть останется там. А может, это Рубин Кейв, герой космоса, пришел навесить меня?

Ее крупный рот расплылся в улыбке, губы изогнулись полумесяцем. Грациозно взмахнув рукой в неопределенном направлении, она сказала:

— Пожалуйста, садитесь.

Однако сесть было не на что, и Ринарк в замешательстве остался стоять.

— Меня зовут Ринарк, — сказал он. — Мне надо кое-что узнать. Это чрезвычайно важно — вы могли бы помочь мне?

— Помочь?.. — отрешенно прозвучал ее голос, а пальцы между тем непрестанно скользили по клавиатуре. — Помочь?.. — Лицо ее исказилось. — Помочь! — вдруг пронзительно закричала она.

Он шагнул к ней. Ее руки лихорадочно забегали по клавиатуре.

— Помочь!.. Помочь... — вдруг тихо забормотала она.

— Мери, — настойчиво повторил Ринарк. Он не смог заставить себя коснуться ее обнаженного плеча. — Все хорошо, Мери, — склонившись к ней, сказал он, стараясь успокоить ее. — Мне сказали, что вы изучали Беглец, это правда?

— Правда? Что есть правда, что есть ложь?

— Что такое эта система, Мери? Что произошло с вами?

Из груди женщины вырвался стон, скорее даже не стон, а какой-то звериный рык, в котором слышалось бессилие и отчаяние.

Она поднялась и нетвердым шагом поплелась к дивану, упала лицом вниз, вцепившись в него руками.

— Что такое Беглец, Мери? Что это такое? — Лицо Ринарка напрялось — чрезвычайным усилием воли он подавил бушевавшие в нем чувства.

— Хаос, — бормотала Мери, — безумие, гениальное озарение, теплота. О, теплота... Но не для меня, не для людей — нет якоря, ничего не узнать, не за что зацепиться. Вихрь возможностей толпится вокруг вас, ташат в разные стороны, разрывают на части. Падаю, лечу, расширяюсь, сжимаюсь, пою, немею — мое тело исчезает, я не могу догнать его!

Она смотрела на что-то, видимое лишь ей одной, остановившимся взглядом.

Вдруг она совершенно осмысленно взглянула на Ринарка.

— Вы сказали, ваше имя Ринарк?

— Да. — Он собирался с силами, чтобы сделать то, что претило ему, оскорбляя его нравственное чувство.

— Я видела вас когда-то, может быть, там. Здесь. Там. — Голова ее упала на диван, она снова забормотала что-то.

Ринарк ощутил, как на задворках его сознания зашевелился хаос, вызванный к жизни системой. Теперь, кажется, он начал понимать, как тайна, к которой прикоснулась Мери, могла повергнуть ее в безумие, — он понял, что прозревает темный смысл того, о чем она ему говорила. Он сосредоточился на ней, включив свои экстрасенсорные способности, проник в ее сознание и психику на уровне клеточных структур, стараясь разгадать, каким образом система воздействовала на нее.

В ее физическом состоянии он обнаружил лишь небольшие нарушения, хотя уровень адреналина в крови был выше нормы, что, видимо, и влекло за собой повышенную двигательную активность.

Но ее ментальность не поддавалась анализу. Ринарк не обладал телепатическими свойствами, и теперь он даже был это-

му рад — страшно видеть то, что творится в ее искаженном сознании. В равной степени он был лишен и телекинетических способностей, более того, ему была ненавистна даже сама мысль о том, что можно посягнуть на такой способ воздействия. Он просто анализировал активность ее двигательных реакций, подвижность психики и нервной системы, стараясь привести ее в такое состояние, чтобы она могла ответить на его вопросы.

Он почувствовал, что она оживилась.

— Эсквиел! — вдруг воскликнула она. — Ведь это имя, да? Что с тобой? Ты мертв?

Господи, откуда ей известно об Эсквиеле?

— Да, Эсквиел — так зовут моего друга. Нет, я жив...

Ринарк был в отчаянии — и так все было безнадежно запутано, а тут еще и вовсе мистика какая-то.

— Что с Эсквиелом?

Но Мери замолчала, уставившись в потолок своим отсутствующим взглядом.

Он попробовал зайти с другой стороны:

— Мери, где вы были? Что вы там обнаружили?

— Эта шероховатая планета, — бормотала она. — Иду туда... пришла... последнее... «решетчатая» планета. Дальше не ходи.

Ринарк боролся с желанием хорошенько тряхнуть ее и узнать наконец то, чего он так жаждал; он с трудом принудил себя подолститься к ней.

— Отчего же? — сказал он как можно мягче. — Отчего, Мери?

— Не оставайся на Беглеце — не весь, часть его существует в других измерениях. Дыра — в ней скрываются те, кто обитает там. Они знают все — они не хотят зла, но они опасны. Им известна истина, великая истина.

— Какая истина?

— Забыла — не могла запомнить. Они мне сказали. Это было неясно. — Она снова пристально взглянула на него — в ее глазах опять светился ум. — Не верьте в очевидность, Ринарк, ни на йоту не верьте. Ее не существует. Вы увидите, что в этих разрывах, вы ведь можете это — но в реальной вселенной это нарушается. Вы найдете это в разрывах.

— Разрывы? Что это? — Его удивило, что она так акцентировала это слово.

— Разрывы шероховатой планеты. — Она глубоко вздохнула и беспокойно зашевелилась на своем ложе. — Я совсем забыла, где это, но там все лишено смысла — любая кон-

цепция, оправдывающая себя на других планетах, каждый бит информации, откуда бы он ни был получен. Но я ничего не помню, лишь одно — мне было очень плохо. Я была очень любознательной... Сейчас уже не то, мне хочется покоя, тишины, но я не могу обрести их. Все это продолжается. Но они знают... они знают... и их ненависть позволяет им сохранить рассудок...

— Кто «они», Мери?

— Трон... этот ужасный Трон. На Шаарне тоже знают, но они слабые — они не смогли мне помочь. Это звери. Не позволяйте им вовлечь вас в... антивремя... антипространство. У них беспощадное оружие. Они не убивают.

— Благодарю вас, Мери, — просто сказал Ринарк, чувствуя, что бессилен помочь ей. — Я отправлюсь на Трон.

Она поднялась с постели с пронзительным криком:

— Я сказала «нет», спиральный, красный, птицы... птицы... ночь... Нет... ужасный вид... нет, о, нет...

Она стала всхлипывать, и Ринарк вышел из комнаты. Он в задумчивости спускался по лестнице, огорченный скудостью добытых им сведений; но теперь он хотя бы знал, что нужно делать. Он должен отправиться на Трон и проверить сведения, полученные от Мери.

Как бы то ни было, Ринарк теперь больше рассчитывал на помощь Трона — если только вообще удастся подвигнуть на это его обитателей, — чем на вырождающихся обитателей Энтропии, которые вообще ничего не хотят знать. Ринарк никогда не испытывал большой симпатии к тем, кто ничем не интересовался. Ему казалось, что носящийся в хаосе Беглец, рассекающий мультиверсум, дает более чем достаточную пищу любознательности.

Выйдя из отеля, он с облегчением почувствовал, что планета, кажется, успокоилась, снова оказавшись наконец в нормальном пространстве, но уже в иной вселенной.

Быстро шагая к своему небоскребу, Ринарк выбросил мысльшуп и немного успокоился, когда понял, что по ту сторону контура, очерчивающего пораженное безумием пространство вокруг Беглеца, находится большая спиральная галактика, в общих чертах очень похожая на ту, которую он покинул, с плотными упорядоченными планетами и солнцами, хотя местами тут и там попадались какие-то незнакомые органические и химические структуры.

Когда Ринарк вошел в зал управления, Клейн, увидев его, сказал:

— Половина из тех, что прибыли с Мигаа, погибли. Обычная история — во время движения Беглеца они не справились с паникой, вот и попали в беду; мы их уже убрали. Те, что уцелели, устраиваются здесь или возвращаются на свои корабли... Ну как, вы поладили с Мери?

— Она мне сказала, что па Троне знают о природе Беглеца, во всяком случае, мне так показалось.

В этот момент в зал вошли Эсквиел и Уиллоу. Они были чрезвычайно бледны. Ринарк кивнул им.

— Ведь это обитатели Тропа напали на нас? — спросил он у Клейна.

Слышно было, как где-то далеко стартуют космические корабли. Клейн выругался.

— Ведь их предупредили. Еще одна партия смертников.

— Что вы имеете в виду?

— Мы всегда предупреждаем тех, кто стремится на Беглец для того, чтобы попасть в другую вселенную, что, если уж они оказались на этой планете, лучше им здесь и оставаться. Но они не слушают наших советов. Может, одному-двум повезет, не знаю. Но думаю, что нет. Что-то или кто-то мешает тем, кто оказался на Беглеце, покидать его.

— Неужели ничего нельзя поделать? — в тревоге спросила Уиллоу.

Ринарк взглянул на нее. Забавно, подумал он, насколько по-разному ведут себя люди в чрезвычайной обстановке. По голосу Уиллоу можно было подумать, что она вот-вот лишится чувств. А Эсквиелу, казалось, все нипочем. Теперь Ринарка интересовало только, как выглядит Телфрин после этой передыжки и что он будет делать, когда вернется.

Клейн тем временем продолжал, отвечая на вопрос Уиллоу:

— Выходит, что так, дорогая. Легче попасть сюда, чем вернуться отсюда. Вы ведь существуете только в одной пространственно-временной матрице Вселенной, в которой сейчас находится Беглец. Мы вместе с ним будто переливаемся в другие измерения. А вы, пытаясь вырваться отсюда, пронзаете эти измерения под пренебрежительно малым углом, и — ух! — вас разносит: одних в одну сторону, других — в другую. Нет, нам не вырваться отсюда.

— Ну, Ринарк, у тебя теперь забот не оберешься, — заметил Эсквиел, поигрывая своими перчатками.

— Их даже больше, чем ты думаешь, судя по тому, что я узнал, — устало ответил Ринарк. — А ты выяснил что-нибудь?

— Да так, ничего определенного. Эти одиннадцать планет имеют множество имен — люди их называют так, а инопланетяне — этак. Существует миллион версий относительно природы Беглеца, в основном это фольклор с примесью суеверия. Говорят, обитатели Трона были первыми и, возможно, «коренными жителями», так сказать «аборигенами» системы. В этом, вероятно, и кроется причина их враждебности ко всем, кто вторгается в нее.

— Еще что-нибудь узнал?

— Да, существует некая популяция, называемая в просторечье «желейные вонючки», которым, кажется, что-то известно о происхождении мультиверсума. Кроме того, есть планета под названием «Забывтое Милосердие», которую считают сущей преисподней всей этой треклятой системы.

— Кажется, подтверждается то, что говорила мне Мери, — заметил Ринарк.

В комнату вошел Телфрин. Видимо совсем выбившись из сил, он устало плюхнулся на диван.

Немного помолчав, Ринарк продолжал:

— Есть ряд вопросов, на которые мы должны получить ответы. Но мы не можем тратить время на это. Почему Беглец движется именно по этой орбите? Как ему это удастся? Если мы поймем принцип его движения, то сможем, используя его, построить такие космические корабли, которые позволят нам эвакуировать нашу Галактику. Конечно, логика — если здесь уместно такое понятие, — которой подчиняется система, несовместима с нашей, но мы должны овладеть ею. Кроме того, не мешало бы выяснить, все ли вселенные сжимаются одновременно.

Было очевидно, что этот последний вопрос давно мучил Ринарка, и только теперь, впервые он решился задать его вслух.

— Если так, то у нас нет никаких шансов. С другой стороны, то, что мы узнаем, позволит нам...

— Изменить естественный ход событий и предотвратить гибель одной вселенной и возникновение новой? Нет, Ринарк! — с усмешкой перебил его Клейн.

— Да, Клейн, мы должны сделать то, что в наших силах!

— О чем, черт побери, мы тут спорим? — устало подал голос Телфрин, который все еще сидел на диване. — Ведь нас всего трое, а против нас — вся наша Вселенная со своими естественными законами, не говоря уж об этом проклятом месте, где все наоборот.

Он отрицательно помотал головой.

— Ну, в самом деле, то немногое, что я узнал, повергло меня в отчаяние — все безнадежно, все бесполезно, мы беспомощны перед тем, что должно произойти. Я сдаюсь, ведь смешно воевать с тем огромным и неизбежным, что надвигается, судя по всему, на нас, со вселенским законом, грозящим гибелью не только человечеству, но и всей органической материи не только в нашей Вселенной, но и во всех остальных. Человечество отжило свой век, и мы должны достойно принять роковой конец. Если ты можешь возразить мне, Ринарк, я готов...

Это было внезапным, как озарение, — Ринарк вдруг понял: он не хочет больше, чтобы Телфрин был рядом.

— Боюсь, мне нечего сказать тебе, — печально ответил он. — Ты фаталист и не хочешь рискнуть собою, чтобы спасти человечество, которое ты, прости за откровенность, ненавидишь. В отличие от всех других форм жизни нашей Вселенной, человечество обладает способностью воздействовать на природу — управлять ею. Отличительный признак *homo sapiens* в том, что он на протяжении тысячелетий отказывал природе в праве, в свою очередь, хоть до некоторой степени управлять собою. Человек приспособил окружающую среду для удовлетворения своих потребностей, подчинил ее себе. Конечно, то, что грозит сейчас человечеству, — катастрофа вселенского масштаба, но прежние правила игры все еще в силе. Теперь, вероятно, мы будем вынуждены покинуть привычные миры и снова взяться за работу — завоевать новую вселенную и научиться управлять ею. Если Человек совершит это, он навсегда утвердит за собой право на существование!

Телфрин молчал, подавленный неожиданной силой и убежденностью, с которой Ринарк отвечал ему, потом вновь задумчиво покачал головой. Ринарк и раньше чувствовал в нем слабину — так опытный механик чувствует, что какая-то деталь, достигшая предела своей выносливости, вот-вот откажет, хотя, казалось бы, машина отлажена и нет оснований тревожиться.

— Лучше тебе остаться здесь, — сказал Ринарк.

Телфрин кивнул:

— Я подвел тебя, Ринарк. Но, пойми, ты хочешь слишком многого. Сколько можно обманывать себя? Пора посмотреть фактам в лицо.

— Могут появиться новые факты, — упрямо возразил Ринарк и отвернулся от Телфрина, как бы давая понять, что исчерпал свои доводы.

— Неужели отступишься? — вскинулся Эсквиел. — Что с тобой?

— Обстоятельства сильнее меня, — с горькой улыбкой ответил Телфрин, поднялся и вышел из комнаты.

Эсквиел озадаченно глядел на Ринарка.

— Не понимаю его. Может, я чего-то не знаю?

— Возможно, — невозмутимо ответил Ринарк, а взволнованный и растерянный Эсквиел обернулся к Уиллоу и посмотрел на нее долгим взглядом.

Ее глаза стали наполняться слезами.

— Я не выдержу этого, — сказала она. — Ни за что — после того, что мы только что испытали...

— Ты уже не любишь меня больше, да?

— О нет, Эсквиел... Я всегда буду любить тебя. Ты... Ты ведь можешь остаться здесь, со мной.

Эсквиел бросил быстрый взгляд на Ринарка.

— Летим на Трон, — сказал он.

— Ну что ж, если так...

— Побереги себя, Уиллоу. Может, я вернусь, кто знает? — сказал Эсквиел, выходя из комнаты.

Они с Ринарком направились за город, к своему крейсеру, приговорив себя к нечеловеческим испытаниям, а может, и к смерти.

— Он всегда был глуп, — тихо сказала Уиллоу, обращаясь к Клейну. — Мог бы отказаться от своих обязательств, все так и делают. А эти двое сами дурачат себя, гонятся за какими-то высокими идеалами. Чего ожидать от глупца...

— Обязательства? — нереспросил Клейн. — Какие обязательства? Он знает, что делает. Не обязательство, моя дорогая, а шанс сохранить собственную жизнь.

Уиллоу озадаченно уставилась на Клейна.

— Я так хотела, чтобы он остался, — сказала она.

Глава 5

Ринарк бросился к главному пульту, привел в действие все сложные системы управления, и корабль ожил.

Разные отвлеченные теории и научные концепции сейчас уже не занимали его. Он жаждал деятельности, решительной, активной и последовательной деятельности, чтобы получить наконец ответы на вопросы, под бременем которых изнемогал его рассудок.

Прокладывая курс к Трону, он вдруг вспомнил что-то и обернулся к Эсквиелу, который с унылым видом сидел у пульта управления вооружением, тупо уставясь на приборную панель.

— Слушай, ты когда-нибудь раньше слышал о помешанной Мери? — спросил Ринарк.

В ответ Эсквиел отрицательно покачал головой.

Ринарк только молча пожал плечами. Он искренне сочувствовал своему другу, но не мог допустить, чтобы эмоции захлестнули его, поколебали его решимость.

Из тех скудных сведений, которые ему удалось получить, Ринарк понял, что межпланетное пространство Беглеца еще в меньшей степени подчиняется каким-либо законам, чем сами планеты. Поэтому он был готов к тому, что преодолеть сравнительно небольшое расстояние, которое отделяет их от Трона, будет очень трудно.

Не оборачиваясь, он сказал Эсквиелу:

— Когда мы выйдем в космическое пространство, мне нельзя будет отвлекаться, и тебе придется не только пилотировать корабль, но и делать все остальное. Мне необходимо мысленно настроиться на Трон и провести корабль сквозь эти сменяющие друг друга измерения, пространственные и временные структуры. Ты должен быть готов к тому, что на нас нападут; ты сам сделаешь все, чтобы отбиться, — я не могу позволить себе отвлекаться на это. Ты понял?

— Давай стартуй наконец, ради Бога! — нетерпеливо воскликнул Эсквиел.

— И смотри не злоупотребляй антинейтронной пушкой, — добавил Ринарк и нажал кнопку старта.

Корабль рванулся ввысь.

И тут их настиг ужас!

Хаос. Он был так непомерно велик — он просто не имел права на существование. Он попирал всё, все законы, все знания, даже те, что Ринарк считал бесспорными.

Смятение. В этом состоянии было что-то бесконечно притягательное. Но Ринарк должен был преодолеть его, отринуть, ибо оно было обманчивым, коварным, пагубным.

Агония. Корабль несся сквозь мириады многомерных потоков, которые мчались, кружились в адском хороводе и завывали вокруг него, которые низвергали в бездну безумия этих двух смельчаков, а они, отчаянно сопротивляясь, проклиная все и вся, сверхчеловеческим усилием не давали хаосу поглотить себя.

Ужас. Им нельзя здесь находиться. Они это знали, но отказывались повиноваться здравому смыслу. Хаос этой маленькой

вселенной они заставили склониться перед силой, мужеством, волей. В воинствующем беспорядке этой точно сорвавшейся с цепи системы они олицетворяли собой островок упорядоченности и надежности.

Искушение. У них не было ничего, кроме простого осознания себя людьми, интеллектуальными, мыслящими существами, способными вырваться за те пределы, которыми природа ограничила их. Они *взбунтовались*, они восстали; они яростно эксплуатировали свой мозг, они нещадно истощали резервы своего организма, о которых и не подозревали прежде.

Поставленные в жесткие условия, они до конца исчерпали отпущенные человеку ресурсы интеллекта, хранящиеся под спудом с первобытных времен, когда животные инстинкты доминировали в сознании людей. Они отринули все, что мешало им, и Ринарк вел свой корабль сквозь эти враждебные потоки, бросая вызов зловещим силам, грозящим ему безумием. Эти два слова «Я — человек» он повторял как заклинание, как боевой клич, искусно направляя корабль, ныряющий в неупорядоченные пространственно-временные потоки, пробивая путь сквозь этот пылающий ужас навстречу гибельному Трону.

Ринарк, конечно же, понимал, какую опасность представляют собой параллельные миры, существующие в других измерениях, — они будто затаились, готовые заманить его в ловушку, отвлечь, не дать достигнуть цели, к которой он пробивался. Он старательно избегал их, сконцентрировав внимание на том, чтобы не отклоняться от курса на Трон.

Вот уже долгих четыре часа они отчаянно пытались сохранить рассудок, сопротивляясь волнам безумия, которые однажды уже захлестнули Мери, превратив ее в слабоумную психопатку.

И тут наконец на экране появился Трон. Ринарк, ослабевший, с ощущением нервной дрожи во всем теле, но тем не менее радостно возбужденный, ввел корабль в околопланетное пространство Трона, и хотя эта чреватая неожиданностями планета не сулила ничего, кроме новой опасности, с роковой неизбежностью подстерегавшей их тут, Ринарк испытывал облегчение — несмотря ни на что, он все же достиг Трона, на который возлагал столько надежд.

Во время полета Ринарк и Эсквиел не могли даже словом перемолвиться. Но оба сознавали, как сблизило их это путешествие.

Они поровну поделили и весь ужас этого полета, и радость победы.

Облегченно вздохнув, Ринарк снизился над планетой и стал внимательно изучать ее.

Планета казалась пустынной, только у Северного полюса куполом возвышался какой-то город. Другие города были, по-видимому, необитаемы. Приборы молчали, сканирующие устройства не фиксировали никаких признаков жизни. Где же свирепые обитатели Трона? Неужели все они засели в этом маленьком городишке у Северного полюса?

— А, черт с ним, — сказал Ринарк, — давай сядем прямо здесь, посмотрим, что там творится. Всегда ставил на карту все до последнего и не жалею об этом. Что скажешь?

— Нашел кого спрашивать, ты что, меня не знаешь? — усмехнулся Эсквиел. — Давай, можно сесть на большой площади, мы видели ее в этом городе.

Ринарк кивнул в знак согласия, поколдовал с приборами управления, завис над большим городом и, выбросив столб пламени, посадил корабль на твердую каменистую поверхность площади.

Их встретила гробовая тишина.

— Ну что, высадимся? — спросил Эсквиел.

— Конечно. Послушай, там рядом шкафчик, открой его, пожалуйста.

Эсквиел отворил дверцу и изумленно уставился внутрь — там был небольшой склад оружия. Ведь все знали, что Ринарк никогда не имеет при себе оружия, предназначенного для убийства.

— Видишь, там антинейтронный излучатель. Дай мне его, — попросил Ринарк.

Эсквиел не стал задавать лишних вопросов, просто подал Ринарку затянутый в чехол пистолет, на который тот взглянул как-то странно.

— Крайняя мера, — сдержанно пояснил он. — Здешние жители не внушают мне особой симпатии, хотя у них вполне могут быть оправдательные причины для такой, казалось бы, необъяснимой воинственности. Наша с тобой миссия столь высока, что приходится поступиться нравственными принципами. Ты знаешь, я ненавижу жестокость и насилие, но наши жизни сейчас слишком много значат для всего человечества.

— Пойдем, — сказал Эсквиел.

Ринарк тяжело вздохнул. Они влезли в скафандры и поднялись к люку.

Город, казалось, вымер. Они брели по пустынным улицам, без труда угадывая назначение непривычных построек и механизмов, хотя сразу было видно, что это плоды деятельности чуждой им цивилизации.

Они не могли понять, почему город пуст, куда делись его обитатели. Видно было, что его покинули недавно, не было никаких следов ни обветшания, ни разрушений, причиненных временем или войной.

Ринарк мысленно обшаривал все вокруг в поисках обитаемого жилья, но ощущал только характерные возмущения временных и пространственных слоев, распространяющиеся за пределы континуума системы.

Жизнь, казалось, трепетала где-то поблизости, парила, как привидение, то приближаясь, то снова уносясь прочь. Чувствовалось присутствие чего-то жуткого, потустороннего.

Они обошли город и уже возвращались к площади, где вздымался их корабль, как вдруг что-то случилось.

— Господи, меня тошнит... — прошептал Эсквиел, полуприкрыв глаза.

Ринарк тоже почувствовал дурноту, и на мгновение у него в глазах как бы все раздвоилось. Он увидел слабые тени, мерцающие по контурам всех предметов вокруг, причем тени имели ту же форму, размер и вид, что и сами предметы. Казалось, эти тени сливаются с самими материальными объектами, — и вдруг сразу город ожил, мгновенно стал обитаем.

Площадь тотчас наполнилась какими-то существами, похожими на собак, но с шестью ногами: на четырех они двигались, а две служили руками.

Вот они, обитатели Трона!

Потрясенные этим зрелищем, Ринарк и Эсквиел выхватили пистолеты и стали отступать к кораблю, а инопланетяне окружили их, не спуская с них глаз.

И те и другие как бы оцепенели.

Вдруг тронцы подняли какие-то странно изогнутые трубки, навели их на людей, прицелились и выстрелили. Ринарк и Эсквиел рухнули на землю, но защитные экраны их скафандров нейтрализовали страшное воздействие неведомого оружия.

— Стреляй, надо опередить их! — крикнул Ринарк.

Они приподнялись с земли и, в свою очередь, пустили в ход смертоносное оружие.

Лучи, сотканые из бешено пляшущих частиц антиматерии, вонзились в самую гущу тронцев, проникая в их тела, взрывая их изнутри и превращая в едва видимые капли деструктуриро-

ванного вещества, которые тут же, на глазах, совсем исчезали. Защитные экраны в скафандрах людей содрогались под ударами тронцев. Смертоносные антинейтронные лучи плясали над толпой тронцев, слегка угасая на расстоянии, поражали все, чего они касались, будь то органическая или неорганическая материя. Поблизости осталось всего несколько тронцев.

— Кажется, они не очень-то годятся для переговоров, — язвительно заметил Эсквиел в микрофон своего скафандра. — Что будем делать, Ринарк?

— Пока вернемся на корабль.

Приборы систем связи в кабине управления шипели и свистели на все голоса. Эсквиел бросился настраивать их, и ему удалось поймать регулярно повторяющиеся серии высокочастотных сигналов, которые можно было истолковать однозначно — это была закодированная человеческая речь. Он уменьшил высоту тона и с изумлением обнаружил, что слышит голос, изъясняющийся высокопарным стилем на вполне понятном земном языке. Ринарк в это время занимался регулировкой сканирующих устройств, настроенных на Трон, и наблюдал, как тронцы снова начинают собираться на площади. Тем не менее Ринарк тоже слушал, что говорит голос.

— Остерегайтесь тронцев... Остерегайтесь тронцев... Остерегайтесь тронцев...

Правда, было непонятно, что это — то ли их хотят предупредить об опасности, то ли им угрожают. Эсквиел произнес в микрофон, стараясь настроить выходной сигнал на доступную собеседнику частоту:

— Кто вы? Я вас слышу. Говорите.

— Мы враги тронцев. Мы шаарнцы, чьи предки вызвали к жизни планету Трон. У тронцев есть средства, против которых вы не можете бороться, — вас просто вышвырнут прочь из этой системы на Лимбо. Уходите немедленно, направляйтесь к Северному полюсу. Мы видели, как вы пролетали над нами, но не сумели сразу изыскать средства связи с вами и форму, в которую мы могли бы облечь наше обращение. Приносим вам свои извинения.

— Можно ли доверять им? — спросил Эсквиел.

— Из огня да в полымя, — ответил Ринарк. — Снимаемся. Сообщим им, что мы направляемся к ним.

Эсквиел передал это сообщение.

— Вам следует поспешить, — ответил шаарнец, — нас мало, и мы почти не имеем средств защиты от тронцев. Вы должны попасть в наш город прежде них, так как мы сможем продер-

жаться лишь очень короткое время, достаточное только для того, чтобы впустить вас и снова закрыть барьер.

— Подготовьтесь, мы стартуем, — сказал Эсквиел.

Корабль взмыл ввысь, выровнялся в горизонтальной плоскости и на предельной скорости взял курс на север.

Меньше чем через минуту они уже увидели, как внизу вспыхивает и гаснет купол, вошли в его пределы, после чего купол снова сомкнулся. Корабль мягко приземлился на небольшой посадочной площадке, которая находилась в самом городе. Это был совсем небольшой городок, дома, почти все трехэтажные, окружали небольшую площадь — не сравнить с просторными городами тронцев. Ринарк и Эсквиел видели, как у них над головой, над городом метались корабли тронцев и ослепительно, до боли в глазах, вспыхивали энергетические барьеры, которые генерировал силовой купол, вздымавшийся наверху.

Ринарк и Эсквиел оставались на месте, ожидая, когда можно будет вступить в контакт с шаарнцами.

Наконец приборы связи ожили.

— Рад приветствовать вас и поздравить с благополучным прибытием. Думаю, нам нет нужды ждать, когда тронцы перестанут безумствовать. Силовая защита выдерживает самые ярые их атаки. Мы посылаем вам на помощь корабль. Когда вы будете готовы, пожалуйста, воспользуйтесь им, чтобы добраться до центра.

Несколько минут спустя к кораблю приблизился небольшой открытый летательный аппарат из тонкого золотистого металла и стал у шлюзовой камеры.

— Ладно, посмотрим, кто эти шаарнцы, друзья или враги, — сказал Ринарк.

Они спустились к шлюзовой камере, миновали ее и вошли в маленький летательный аппарат, который, ловко развернувшись, неторопливо направился к центру.

Теперь Ринарк понял, что имела в виду Мери, когда сказала, что эти люди настроены дружелюбно.

Тем временем они достигли центра, летательный аппарат пошел на снижение и мягко приземлился у входа в небольшое, очень скромное, лишенное всяких украшений здание.

Навстречу прибывшим вышли два инопланетянина. Они тоже были похожи на собак и имели шесть конечностей. Эсквиел судорожно глотнул воздух и инстинктивно потянулся к своему пистолету — еще немного, и он совершил бы неоправимый шаг, но вовремя заметил, что эти существа, столь

похожие на тронцев, совершенно безоружны, и сразу успокоился.

Внешне шаарнцы, впрочем, как и тронцы, сразу располагали к себе людей, возможно, потому что так напоминали дружелюбных земных собак.

Эти два существа любезными жестами пригласили Ринарка и Эсквиела выйти из летательного аппарата, что те и не замедлили сделать. Они прошли несколько очень скромно меблированных комнат, где, кстати говоря, не было никакой привычной людям техники, и оказались во дворе, который, как и весь город, был накрыт радужным куполом силового поля.

Здесь стоял лазерный приемопередатчик, не очень отличающийся от того, что был на корабле. Один из шаарнцев подошел к нему и заговорил в микрофон. Несколькое секунд ушло на то, чтобы настроить передатчик на привычную для человека длину волны; пока шаарнцы манипулировали кнопками управления, они издавали уже знакомые звуки высокого тона.

Наконец раздался голос шаарнского диктора:

— Мы весьма сожалеем, что наше гостеприимство не простирается на всю планету, но, как вы поймете в дальнейшем, мы контролируем лишь небольшую ее часть. Меня зовут Наро Нуис, а это моя жена Зени Нуис. А вы, я полагаю, Ринарк Джон и Эсквиел из Помпеи.

— Совершенно верно, но откуда вам это известно? — удивился Ринарк.

— Мы были вынуждены — вы должны извинить нас — вторгнуться в ваше сознание, чтобы найти способ коммуникации с вами. Мы телепаты, боюсь, что...

— В таком случае зачем вам лазер?

— Мы не могли предугадать, как вы отнесетесь к телепатическому вмешательству в ваше сознание, к тому же наш нравственный закон разрешает нам пользоваться этим методом только в чрезвычайных обстоятельствах.

— Надо полагать, что, с вашей точки зрения, мы оказались именно в таких обстоятельствах, — довольно бесцеремонно заметил Эсквиел.

— Понятно, — сказал Ринарк. — Ну, что касается меня, то я предпочитаю телепатический контакт. Среди людей тоже есть телепаты.

— Будь по-вашему, — ответил Наро Нуис.

— Видимо, у вас очень веские причины, если уж вы рискнули пренебречь той опасностью, которую таит в себе Трон, — услышал Ринарк голос внутри себя, — но дело в том, что мы

избегаем исследований, посвященных занимающим вас проблемам. Можем ли мы помочь вам чем-нибудь?

— Благодарю, — ответил Ринарк. — Во-первых, меня интересует, почему тронцы так агрессивны. Во-вторых, правда ли, что та раса, к которой вы принадлежите, первая заселила эту систему. От того, что я узнаю от вас, будет зависеть очень многое. — Ринарк рассказал шаарнцам, что человечеству грозит аннигиляция.

Казалось, инопланетяне совещаются между собой. Наконец они решились:

— Не будете ли вы возражать, если мы еще раз на время немного глубже внедримся в ваше сознание посредством теплепатической связи? Таким способом мы сумеем ознакомить вас с историей шаарнцев, и вы поймете, как случилось, что система стала двигаться по этой небывалой орбите сквозь многомерную вселенную.

— Что скажешь, Ринарк? — прозвучал в шлемофоне голос Эсквиела.

— Мне кажется, это блестящая мысль.

Их провели в полутемную комнату, где для них были приготовлены еда и напитки. Наконец-то, впервые за бесконечно долгое время, они почувствовали, что отдыхают.

— Здесь вам легче будет воспринять то, что мы собираемся показать вам.

— Что именно?

— Мы хотим воспроизвести для вас историю войны между Шаарном и Троном, которая началась много тысяч лет назад, когда наши предки заканчивали исследования нашей собственной пространственно-временной Галактики...

Наро Нуис попросил Ринарка и Эсквиела подготовиться, то есть постараться ни о чем не думать, и история началась...

Глава 6

Они были детьми золотого века Галактики. Они посвящали время научным исследованиям, странствиям, изучению природы.

Блестяще одаренные от природы, они щедро расточали свой ум и всюду насаждали справедливость. Совершая межзвездные полеты к разным планетам своей Галактики, они несли туда идеи добра и милосердия, превращая мир хаоса в мир порядка, творя справедливость там, где властвовал слепой закон случая.

Космические корабли шаарнцев пронзали всю Галактику от Хаба до Внешнего кольца.

Гордые, мудрые и милосердные, уверенные в себе, но совершенно свободные от самодовольства, они отправляли своих посланцев на необитаемые планеты в разные концы Галактики. Эти счастливые баловни судьбы, носители древней культуры, неудержимо рвались вперед, в неизведанное.

Космические корабли шаарнцев триумфально врываются в неповторимые миры гиперпространства, избегая войн, признавая права тех, кто хотел сохранить нетронутой свою цивилизацию, и даря свои знания, свою мудрость тем, кто нуждался в них. Они с радостью убеждались, что все разумные цивилизации обретают ту же форму существования, что и они сами.

Могущественные шаарнцы были скептиками и идеалистами, они были и простодушными детьми золотого века, и мудрыми носителями древнейшей цивилизации — их космические корабли устремлялись все дальше и дальше, к загадочным мирам Внешнего кольца.

Космический корабль Вандел, которым управлял Роас Руи, ворвался в нормальное пространство на расстоянии половины светового года от двойной звезды, которую шаарнцы называли Йито. Вокруг Йито вращалось одиннадцать планет — каждая на своей орбите, — которые концентрически расходились от звезды, — одиннадцать таинственных миров, они вызывали у Роаса Руи и его экипажа, состоящего из ученых и экстрасенсов, жгучее любопытство и повергали их в состояние радостного возбуждения. Одиннадцать планет, каждая со своим химическим составом, растительным миром, органическими и неорганическими формами жизни. Что они найдут там? Разумную жизнь? Новые идеи, новые знания? Роас Руи надеялся, что их ожидания не будут обмануты.

Шаарнцы, когда они только вступили в эру космонавтики, не раз испытывали страх, встречая чуждые цивилизации, однако эти времена давно миновали. Теперь их мощь была велика, они обрели уверенность в себе и даже помыслить не могли, что где-то существует раса, более высоко развитая и располагающая большими техническими возможностями, чем они сами. Правда, в некоторых мирах вблизи Внешнего кольца они находили следы некой цивилизации, скитавшейся здесь, но следы эти были невообразимо древними и указывали на то, что эта раса — возможно, это были предки самих шаарнцев, — когда-то в глубокой древности переселившаяся

на эти планеты, давно вымерла. Вполне понятно, что, когда звездолет, реактор которого был почти пуст, вышел на орбиту четвертой планеты, ближайшей к Йито, Роас Руи не испытывал ни малейшего страха.

Он легко поднялся на четырех задних конечностях, чтобы лучше рассмотреть эту окутанную пурпурным туманом планету, которая уже заполнила собой весь видеозэкран. Роас Руи, вытянув шею, поднял свою лохматую собачью голову к экрану, рот его расплылся в довольной улыбке. Он повернул голову, оскалив длинные острые зубы, что служило у шаарнцев верным признаком восторга.

— Какая огромная планета, правда, Медвов Дей? — обратился он к помощнику, который стоял у панели управления и, манипулируя кнопками, старался сделать изображение на экране более четким.

Медвов Дей подумал, не поворачивая головы:

— Гравитация почти такая же, как на Шаарне.

Руи ответил, тоже мысленно обращаясь к собеседнику:

— Предсказания Нуи Наса оправдываются, как всегда. Он обычно выбирает такую планету, где гравитация и атмосфера в наибольшей степени приближаются к нашей. Все же он один из лучших экстрасенсов в нашем отделе.

Медвов в знак согласия слегка пощелкал зубами. Он был, по шаарнским меркам, самым крупным из всей команды Вандела — высота его достигала пяти футов. Он всего себя отдавал работе в отделе исследований, будучи самым усердным из всех. Он был просто фанатично предан своему делу, возможно, еще и потому, что, по причине своего невероятного роста, почти совсем не пользовался успехом у прекрасной половины шаарнцев. Правда, это ему казалось, что виной всему рост, на самом же деле было известно, что в пору своей курсантской юности в припадке гнева он убил какого-то домашнего зверя, чем, естественно, навлек на себя общественное осуждение. вследствие чего не поднялся по служебной лестнице выше звания лейтенанта. Медвов с всхлипом потянул воздух, продолжая возиться у пульта управления, и предусмотрительно блокировал сознание, оставив доступ к нему только для неотложных мысленных сообщений, которые могут поступить от командира корабля.

Роас Руи по-детски весело засмеялся, повизгивая, как это принято у шаарнцев. Он уже приказал двум пилотам готовиться к десанту на планету, и его радостное возбуждение возрастало с каждой минутой.

— Приготовить защитные экраны, — послал он обычную в таких случаях команду. Иногда его приказы выполнялись операторами управления даже прежде, чем он успевал подумать о них.

— Включить гравитационные тормозные устройства.

Машины тихо заурчали в огромном теле корабля.

— Спуститься до двух тысяч футов.

Вандел нырнул в атмосферу этой неизвестной планеты и завис на высоте двух тысяч футов над поверхностью. На экранах появились изображения огромных лесистых просторов, бескрайнего волнующего моря каких-то синих кустов, кое-где перемежающихся островками более высоких растений, окрашенных во все оттенки голубого цвета. Зрелище было очень красиво. Длинное тело Роаса Руи была радостная дрожь, он глаз не мог оторвать от этой завораживающей картины. Любая новая планета казалась шаарнцам прекрасной.

— Приступим к исследованиям, — сказал он.

Компьютеры начали производить сложнейшие анализы и обработку информации, характеризующей планету. Экстрасенсы, в свою очередь, стали погружаться в трансцендентальное состояние, чтобы выяснить, существуют ли здесь какие-либо формы разумной жизни, степень их развития, позицию, которую они занимают или могут занять по отношению к пришельцам.

Вся информация, поступающая от компьютеров и экстрасенсов, немедленно транслировалась Роасу Руи, который тоже погрузился в состояние, пограничное с трансцендентальным. Его мозг интегрировал полученную информацию и воссоздавал постоянно меняющуюся, все более точную картину нового мира.

Руи Нас:

— Нашел интеллект. Озадачен. Нерешителен. Пассивен. Группа разумных существ. Такие же. Еще один! Высокий интеллект. Гнев. Управляем. Очень сильное деструктивное начало, направленное (возможно) против власти и ее представителей. Еще один! Низкий интеллектуальный показатель. Страдание. Озадачен. Пассивен. Еще один! Что-то дурное. Очень дурное. Злоба. Сопrotивляется исследованию.

Руи Нас замолк... Снова заговорил:

— Сила. Злоба. Мощное сопротивление исследованию. Вынуждает бороться или отступить. Жду приказаний!

Руи Нас снова замолчал...

— Повторяю. Жду приказаний!

Роас Руи послал указание продолжать запись данных и сконцентрировал внимание для того, чтобы установить возможно более полную связь с Вуи Насом, пославшим ему срочный запрос.

— Полностью переключился на тебя, Вуи Нас. Можешь соединить меня с ним?

— Беспрецедентная реакция, капитан. Погружайся, сделай одолжение.

Роас Руи проник в сознание старого экстрасенса, чувствуя, как тот удивлен и напуган, а затем, ведомый Вуи Насом, потянулся к источнику эманации. Почти мгновенно он ощутил ауру крайнего недоброжелательства, исходящую от интеллекта, еще более мощного, чем его собственный. Роас Руи был одним из самых выдающихся интеллектуалов своей расы, его экстрасенсорные способности и знания в этой области были огромны, но тут он понял, что имеет дело с превосходящим противником, который, в свою очередь, чувствовал присутствие его, Роаса Руи.

Направляемый Вуи Насом, Роас Руи все глубже проникал в сознание противника, как вдруг все его существо отчаянно содрогнулось перед лицом смертельной опасности, и он вынужден был отступить.

Внезапно мозг Роаса Руи стал пульсировать — он воспринял мысль, категорично и гневно посланную врагом:

— Убирайтесь вон! Мы уничтожим вас, непрощенные пришельцы.

Ни малейшей попытки установить контакт, ни даже простого любопытства. Просто приказ, ультиматум, и все.

Роас Руи и Вуи Нас вышли из этой ауры зла и жестокости; их сознания разъединились.

— Что будем делать, — спросил Вуи Нас из своей каюты, которая находилась, по крайней мере, в четверти мили от пульты управления, где сидел Роас Руи, все еще содрогаясь от испытанного только что потрясения.

— Просто невероятно, — ответил капитан. — Ты прав, совершенно беспрецедентный случай. Мы имеем дело с силой, не уступающей нам, скорее, даже превосходящей, но со злобной силой!

— Должен признаться, что, когда мы приближались к планете, я это почувствовал, — заметил Вуи Нас. — Но тогда трудно было сказать что-то определенное. Эти существа способны блокировать наши зонды, даже самые мощные.

— Наши предки, наверное, были более осмотрительны, когда натывались на новые планеты, — мрачно сказал Роас

Руи. — Мы становимся слишком уж благодушными, брат экстрасенс.

— Действительно так, — коротко ответил Вуи Нас. — Может, такой урок нам необходим.

— Возможно, — согласился Роас Руи. — Боюсь, как бы философская сторона дела не заслонила собой ту непосредственную опасность, которая грозит нам. Учитывая, что мы столкнулись с беспрецедентным случаем и что инструкция категорически предписывает нам повиноваться, если какая-либо цивилизация требует, чтобы мы покинули ее пределы, я бы предложил тебе, чтобы группа экспертов немедленно обратилась в Главное командование Шаарна и запросила их мнение.

— А сейчас что будем делать? — поинтересовался Вуи Нас.

— Я не желаю, чтобы меня уничтожили, как, впрочем, и любой другой член экипажа. — Роас Руи быстро отдал приказ пилотам: — Мы возвращаемся на Шаарн. Чрезвычайная ситуация.

Он знал, что пилотам не надо повторять команды дважды.

Вандел мягко поднялся ввысь и вошел в гиперпространство.

Так закончилась первая встреча шаарнцев с Троном.

Несколько тысячелетий эти две высокоразвитые цивилизации ничего не знали друг о друге, и вот, когда группа исследователей появилась на планете, которая подчинялась Трону, эти два мира встретились. Рано или поздно это должно было случиться.

И война между Шаарном и Троном стала неизбежной.

Но она не была похожа ни на одну из войн. Экономика не играла в ней никакой роли. Если сказать, что это была война идеологий, это будет справедливо лишь отчасти. На самом деле Трон просто не пожелал терпеть, чтобы в его Галактике процветала еще одна цивилизация, подобная ему и почти такая же могущественная.

Тронцы вознамерились уничтожить Шаарн, стереть даже самые следы этой цивилизации. Прежде Трон уделял не слишком-то много внимания строительству космических кораблей, но им ничего не стоило в скором времени догнать в этой области Шаарн.

Трон главенствовал в империи, включающей двадцать шесть систем. Сами тронцы были не так уж многочисленны, но они безраздельно господствовали на подчиненных им планетах.

Федерация, в которую входил Шаарн, насчитывала до пятидесяти систем из трехсот планет, населенных разумными расами, подобными самим шаарнцам. Когда Шаарн сообщил им о неминуемой войне, сто шестьдесят две планеты решили стать на его сторону, остальные объявили о нейтралитете.

Итак, война началась. Это была жестокая, страшная схватка не на жизнь, а на смерть. Не прошло и месяца, как жертвой Трона пала первая планета, — примечательно при этом, что она принадлежала к числу нейтральных. Все формы жизни, существовавшие на планете, были уничтожены.

Понимая, сколь велика опасность, но не видя другого выхода, шаарнцы поручили своим ученым найти способ прекратить войну, чтобы исключить саму возможность гибели жизни где бы то ни было.

Ученые разработали средства, с помощью которых можно было вообще убрать Трон не только из своей Галактики, но и из Вселенной. Если это средство окажется столь эффективным, как надеялись ученые, можно будет навсегда изгнать злых и мстительных тронцев.

Был изобретен способ, позволяющий искривлять континуум. Ученые полагали, что с помощью этого метода они смогут вышвырнуть прочь из своего континуума в какой-нибудь другой все одиннадцать планет, где обитали тронцы. Таким образом они навсегда положат конец агрессивным притязаниям Трона, рвущегося властвовать в Галактике.

Итак, эскадра космических кораблей, вооруженных установками, позволяющими искривлять континуум, достигла родины тронцев — системы Йито; все планеты и солнце были атакованы излучателями.

Вначале удалось только сдвинуть планеты в пространстве, изменив их положение относительно двойной звезды, — теперь все они оказались равноудаленными от нее. Трон нанес ответный удар, и шаарнцы вышвырнули военные космические корабли тронцев в другой пространственно-временной континуум, затем снова принялись за всю систему и начали раз за разом взрывать ее с помощью искривляющих пространство лучей. Внезапно система совсем исчезла — перешла в другой пространственно-временной континуум. Так окончилась эта война.

Однако после того, как все это произошло, выяснилось, что шаарнцы не совсем преуспели в своих действиях, — оказалось, что система обрела свойство проходить сквозь многомерные пространства, обосновавшись в итоге на той самой орбите, по

которой она движется до сих пор. Более того, почти все космические корабли шаарнцев были подхвачены вихрем, ими же самими и созданными, и унеслись вслед за системой, которую с тех самых пор стали называть Беглец.

Шаарнцы безуспешно пытались вернуться в свое собственное пространственно-временное измерение, но в силу каких-то непонятных причин оно оказалось заблокировано и для Бегльца, и для них самих. Таким образом, система Беглец никогда не сможет снова попасть в то пространственно-временное измерение, в котором существует Шаарн.

Тронцы, сломленные и растерянные, пока не представляли собой ни для кого угрозы — они усиленно сплывались и укрепляли свою планету, бросив своих сателлитов на произвол судьбы.

Шаарнцы смогли посадить свои корабли, основав небольшой, хорошо защищенный город на Северном полюсе одной из планет, которую они называли Глани. Здесь много веков подряд они безуспешно пытались найти способ вернуться в свою родную Галактику.

Позже тронцы тоже пришли на Глани, чтобы быть поближе к ненавистным шаарнцам.

В конечном счете, тронцы поняли, что с ними случилось, и стали, в свою очередь, тоже заниматься проблемой свертывания пространства. Они хотели синтезировать такую систему, которая смогла бы перебросить весь их мир с его материальной культурой сквозь многомерные пространственно-временные потоки в их родной континуум, чтобы отомстить Шаарну. Пока их попытки не увенчались успехом.

Именно по этой причине Ринарк и Эсквиел не обнаружили на планете тронцев, которые как раз в это время очередной раз пытались преодолеть многомерность пространства.

В войне между Троном и шаарнцами возникла патовая ситуация, обе враждующие стороны всеми силами пытались найти способ вернуться в свою Галактику. Так проходили тысячи лет, и когда кто-нибудь пробовал вторгнуться на территорию Бегльца, Трон яростно восставал, пытаясь уничтожить пришельцев, которые, по убеждению тронцев, как стервятники, хищно слетались сюда, на Беглец.

Такова была вкратце история Разлученных миров...

Когда эксперимент окончился, Ринарк почувствовал, что несколько даже успокоился. Теперь он уже больше не будет блуждать в потемках, теперь у него в руках конкретные, убедительные факты, имеющие прямое отношение к тому, что его

интересует; кроме того, он был уверен, что получит от шаарнцев еще немало ценных сведений.

Наро Нуис телепатически передал:

— Надеюсь, то, что вы узнали, будет полезным для вас, Ринарк Джон.

— В высшей степени, но, полагаю, вы, наверное, не сможете снабдить меня более точной информацией о способе свертывания пространства.

— К сожалению, вы правы. Нам удалось установить, что установка, с помощью которой производили свертывание, действовала в соответствии с законами, открытыми шаарнскими учеными только для их собственного континуума и не распространяющимися ни на какой другой. Полагаю, наши ученые специально наложили эти ограничения, чтобы навсегда избавиться от Трона.

— Меня удивляет, как вы до сих пор не объединили с тронами ваших усилий — ведь, кажется, цель-то у вас общая.

— Не совсем. На самом деле, сейчас мы соревнуемся с Троном. Тронцы намерены снова обрести свою вселенную, а в наши планы это совсем не входит. Нам хотелось бы остановить Беглец, чтобы он не мог двигаться ни в какой континуум, кроме нашего собственного, — это навсегда лишит их возможности продолжать войну.

Инопланетянин вздохнул, совсем как человек.

— Конечно, может случиться, что процесс движения системы Беглец необратим. В этом случае все наши усилия тщетны. Но мы надеемся на лучшее.

Ринарк почувствовал горькое разочарование. Если уж эти существа, которые сами вызвали к жизни систему Беглец, не понимают принципа ее действия — это конец, след потерян. Но Ринарк не мог смириться с мыслью, что ничего уже не сможет сделать. Это было не в его характере.

Он встал, мозг его напряженно работал, четко сортируя полученную информацию, выбирая то, что наиболее необходимо в данный момент. Ничего, пока еще есть время. Он не должен терять надежды — назад дороги нет. Он решил принять в расчет только те сведения, которые можно было эффективно использовать в этой системе...

Они вышли из комнаты и направились к кораблю. По дороге Ринарк заметил, что в просторном низком здании, напоминающем ангар, с широко распахнутыми дверями, кипит какая-то бурная деятельность. Эта картина поразила его, потому что совсем не вязалась с ощущением безысходности, ко-

торое, по его представлениям, должны были испытывать шаарнцы.

Он не замедлил сообщить об этом Наро Нуису, и тот оживленно откликнулся.

— Это заключительный этап очень длительных исследований. Мы сооружаем сейчас такую систему, которая позволит нам остановить движение Беглеца.

Ринарк недоуменно уставился на него.

— Как? И это после мрачной истории, которую вы мне поведали?

— Я ведь сказал вам, что мы продолжаем наши эксперименты, — ответил слегка озадаченный Наро Нуис. — Вскоре мы начнем переводить это сооружение в космическое пространство, как можно ближе к солнцам.

— Но ведь вы все время говорили, что не понимаете принципа движения Беглеца! — взволнованно воскликнул Ринарк, потрясенный мыслью, что Наро Нуис мог солгать ему.

— Совершенно верно, — ответил Наро Нуис. — Мы отчаялись понять смысл этого явления. Но, если нам немного повезет, думаю, мы сможем остановить Беглеца, даже не понимая, как он движется.

Немного помолчав, Наро Нуис добавил:

— Это решающий этап очень длинного ряда экспериментов. Очень длинного. Если все пойдет успешно, нам уже и не понадобятся никакие знания о Беглеце — он просто исчезнет.

Ринарк снова потерял надежду, которая было затеплилась у него.

— Как вы оцениваете ваши шансы на успех?

Наро Нуис медлил с ответом.

— Это предприятие чревато опасностью, и не одной. Мы уже не так искусны в межпланетных полетах — слишком долго у нас не было практики.

— А как же Трон? Они знают о ваших планах?

— Конечно, они что-то подозревают. Они попытаются помешать нам. Нам предстоит жестокая борьба.

Тем временем Ринарк неторопливо шел к своему кораблю.

— Когда вы рассчитываете поднять это сооружение?

— Когда планета совершит пол-оборота.

Ринарк внезапно остановился.

— В таком случае я бы попросил вас об одолжении.

— Каком?

— Немного отложить ваш эксперимент. Мне нужно время, чтобы выяснить нечто очень существенное.

— Но мы не можем ждать.

Спорить с шаарнцем было бесполезно — тон его был слишком категоричным.

Помолчав, Наро Нуис все-таки счел нужным объяснить свой отказ:

— Разве мы можем быть уверены, что ваша попытка увенчается успехом? А для нас каждый миг промедления означает, что вероятность остановить Беглеца и избавиться от Трона уменьшается.

— Да, но ведь от меня зависит будущее всего рода человеческого!

— Так ли это? Не кажется ли вам, что с вашей стороны слишком самонадеянно браться за спасение человечества? Может быть, то, о чем вы говорили, — естественный процесс, возможно даже, что люди примут его как неизбежность — просто они должны исчезнуть вместе со всей Вселенной. Мы же должны действовать быстро, нам нельзя медлить. Тронцы — если только они не предпринимают очередной попытки прорваться сквозь многомерность пространства — патрулируют вокруг планеты на своих космических кораблях. Поэтому, как только мы начнем поднимать наше сооружение, сейчас же разгорится бой. Нам придется одновременно и работать, и отбиваться от тронцев.

— Понятно, — коротко бросил огорченный Ринарк.

— Если вы действительно остановите Беглеца, — заговорил вдруг Эсквиел, — что тогда будет? Допустим, вы остановите его в той Вселенной, из которой мы только что прибыли. Ведь вы погибнете, как и все.

— Да, вы правы, но вероятность этого не так уж велика. Конечно, мы рискуем, но это наш долг.

— Значит, вы не будете ждать?

— Нет, — снова повторил Наро Нуис с сожалением. — У вас слишком мало шансов на успех, у нас их больше. Вы должны нас понять. Вот уже несколько тысяч лет мы не оставляем попыток остановить Беглеца. Будь вы на нашем месте, вы бы стали ждать во имя какой-то цивилизации, о которой вы и слыхом не слыхивали и которой, по словам двоих ее представителей, якобы грозит какая-то опасность?

— Я бы стал... — ответил Ринарк.

— Ведь не тысячи же лет, — заметил Эсквиел. — Не об этом речь.

Наро Нуис передал им телепатически:

— Мы будем рады, если вы пожелаете остаться с нами.

— Благодарю, но у нас нет времени, — резко ответил Ринарк.

— Мне кажется, все ваши старания тщетны, — гнул свое шаарнец. — Но если уж вас все равно не остановить, попытайте счастья на Экиверше.

— Где-где?

— На Экиверше. Это планета, населенная мыслящими метазоа, наделенными совершенной, неограниченной генетической памятью. Они существуют с незапамятных времен, и знания, накопленные ими, огромны. К тому же они чрезвычайно добродушны и доброжелательны и в силу особенностей своей физической структуры могут жить только на единственной, не раздираемой противоречиями планете в этой системе. Тронцы тоже могли бы кое-чему научиться у метазоа, но они слишком заносчивы и просто не сообразовали с низойти до контактов с ними. Мы не могли часто бывать на Экиверше — стоит нам выйти из города, тронцы тотчас же нападают на нас. Но мы поддерживаем с метазоа телепатическую связь, правда, такая возможность выпадает нечасто — только когда в нашей системе в силу каких-то не изученных пока причин возникают благоприятные условия для этого.

— Вы могли бы указать эту планету на моей карте?

— С удовольствием.

Они поднялись на корабль вместе с Наро Нуисом, который с нескрываемым удовольствием и любопытством оглядел все вокруг.

— Какой необыкновенный корабль, — заметил он.

— Да, он не похож на наши корабли.

Ринарк достал карту, и шаарнец склонился над ней, внимательно разглядывая непривычные для него обозначения.

— Вот она, — наконец указал он.

— Благодарю, — ответил Ринарк.

— Ну что ж, в путь? — Эсквиел нетерпеливо забарабанил пальцами.

— Учтите, что тронцы ждут не дождутся, когда вы выйдете отсюда, — предупредил Наро Нуис. — Вы уверены, что стоит так рисковать?

— А что еще нам остается? — Ринарк чувствовал, что еще немного — и он сорвется.

Шаарнец отвернулся от него.

— А вы подумали о том, что будет, если вы остановите Беглец? — заорал Эсквиел. — Вы же лишите нас возможности спасти человечество, мы ведь не сможем вернуться обратно,

даже если нам удастся узнать то, в чем мы так нуждаемся! Вы не имеете права начинать ваши эксперименты!

— Нет, это наш долг.

Ринарк положил руку на плечо Эсквиела.

— А наш долг как можно скорее отправиться на Экиверш и разузнать все, что можно, пока шаарнцы еще не изменили орбиту Беглеца.

— Ну что же, тогда я пойду... — печально заключил Наро Нуис.

Ринарк со смешанным чувством прощался с шаарнцем, которому был благодарен за помощь, понимая вместе с тем, что эти симпатичные создания вот-вот начнут эксперимент, и если он удастся, то он, Ринарк, уже никогда не узнает тайны Беглеца, потеряет всякую надежду спасти человечество и никогда уже больше не вернется домой.

Ринарк сел у пульта, сосредоточился. Эсквиел нервно ерзал на своем месте у панели управления вооружением.

Внезапно силовой купол над городом начал мерцать, вспыхнул ярким оранжевым цветом и погас, открыв широкую брешь. Палец Ринарка лег на кнопку запуска. Корабль содрогнулся, взревел и взмыл ввысь.

Они миновали брешь в экране, пронзили облака и устремились навстречу безумию, царившему в космическом пространстве Беглеца.

Тронцы тотчас заметили их и кинулись в погоню.

На этот раз Эсквиел уже не ждал команды. Едва они вышли в глубокий космос, он открыл огонь.

Корабли тронцев метнулись прочь от холодного испепеляющего пламени антинейтронной пушки, из которой в порыве отчаяния принялся палить Эсквиел. Если верить приборам, все, что попало в поток антинейтронных лучей, подверглось мгновенному уничтожению; все корабли Трона, которые лишь на мгновение оказались даже не в центре, а на периферии этого смертоносного облака, должны были погибнуть. От антинейтронов, которые не несут электрического заряда, невозможно защититься никаким энергетическим экраном.

Эсквиелу казалось, что он просто чувствует, как тронцы зализывают свои раны.

Он надеялся, что этот урок достаточно сильно напугает противника и Ринарк успеет удрать. Но у тронцев было одно существенное преимущество — они могли беспрепятственно маневрировать в космическом пространстве Беглеца. Ринарк, заскрежетав зубами, собрал все свои силы и ринулся в эти

вздымающиеся перед ним волны смертельного, не поддающегося трезвому анализу ужаса, в который повергал его континуум Беглеца. Это было все равно, что вести утлую лодчонку сквозь взбесившееся, вздыбленное штормом море. Только здесь это море вторгалось в сознание.

Корабли Трона преследовали их, и Эсквиел видел, как они маневрируют, готовясь к стрельбе. Ему не хотелось еще раз использовать свое страшное оружие, сомнения мучили его. Внезапно град сильнейших ударов посыпался на них.

Корабль накренился и задрожал.

— Хватит осторожничать, Эсквиел, — неистово заорал Ринарк, что ему было совершенно несвойственно. — Вмажь им хорошенько!

Эсквиел вцепился в рычаг управления антинейтронной пушки, быстро, не раздумывая, довел показатель плотности до максимума и выстрелил. На экране перед ним то и дело вспыхивало призрачное зеленое пламя — это означало, что заряд попал в цель.

Ринарк закрыл глаза, с трудом стараясь сосредоточиться только на пилотировании. Чудовищная картина распада материи была для него невыносима, как и для всякого космического сенсора.

Уцелевшие корабли тронцев убралась восвояси, их как ветром сдуло. В каюте корабля воцарилась тишина.

Несколько часов спустя, направив мысль к Трону, Ринарк обнаружил то, чего и следовало ожидать. Шаарнцы начали первый этап эксперимента. По всему было ясно, что недавно здесь разыгралось жестокое сражение; невдалеке от солнца виднелась какая-то массивная установка.

Ринарк продолжал зондирование. На короткое время Трон оставил шаарнцев в покое. Но вот опять собралась большая флотилия кораблей, не пройдет и часа, как они настигнут шаарнцев, и снова разыграется битва. Несмотря на дружеский прием, оказанный ему шаарнцами, он испытывал некоторую досаду, оттого что Эсквиел почти уничтожил военный флот Трона.

Ринарк предчувствовал, что вскоре ему удастся получить точное представление о мультиверсуме. Многие еще предстояло узнать, и если только он не погибнет, то скоро завеса тайны падет перед ним.

...И снова они прорывались сквозь хаос и безумие космоса, но на этот раз они чувствовали себя гораздо увереннее и уже не испытывали прежнего смятения.

Однако в этих бурлящих, не подчиняющихся никаким законам физики, взбалмошных потоках времени и пространства, швыряющих корабль, как щепку, сквозь мириады вихрей и водоворотов, Ринарку стоило огромного труда не сбиться с курса и достичь цели — планеты Экиверш.

Глава 7

Как только они приземлились на эту тихую кислородную планету, к их сознанию мягко потянулись ниточки чужого интеллекта в форме вежливых и сдержанных вопросов.

Ринарк и Эскивел удовлетворили это обещанное в весьма деликатную форму любопытство, сообщив, что желали бы вступить в контакт с обитателями планеты, как посоветовали им шаарнцы. Они пока оставались в корабле, наслаждаясь видом каких-то ярко-зеленых, насыщенных хлорофиллом растений, по виду мало отличающихся от земных.

Снаружи появился чужестранный корабль, представляющий собой просто вздымающуюся студенистую полупрозрачную массу. Вид у нее был отталкивающий, и Ринарк почувствовал отвращение, а Эскивел сказал:

— Это желейные вонючки, помнишь, я говорил тебе, на Энтропиеме о них ходят легенды. Метазоа — тьфу, гадость какая!

В сознании Эскивела зазвучал голос, который смиренно сказал:

— Мы глубоко сожалеем, что наш физический облик столь непривлекателен. Может, такая форма вам больше понравится.

Тотчас же вся масса поднялась на дыбы и медленно приняла облик человека-гиганта, который состоял, однако, из сотен желеобразных метазоа.

Ринарк не мог решить, что хуже, но тут же заблокировал эту мысль и сказал:

— Мы прибыли, чтобы обсудить с вами теоретические и практические проблемы, чрезвычайно важные для нашей расы. Вы позволите нам выйти из корабля? Так приятно снова вдохнуть настоящий чистый воздух.

Однако гигант-метазоа тоном искреннего сожаления возразил:

— Но это было бы крайне неблагоразумно с вашей стороны, ибо хотя мы, как и вы, поглощаем кислород, но выдыхаем отработанный газ, который неприятен для ваших органов обоняния.

— Ты прав, это желейные вонючки, — сказал Ринарк Эсквигу. — Теперь понятно, почему их так прозвали.

— Нам известно, что вы обладаете генетической памятью и что фактически вы бессмертны, — мысленно бросил Ринарк пробный шар, обращаясь к клейкому гиганту.

— Да, это правда. Наш опыт, знаете ли, столь велик, что мы можем свидетельствовать о тех далеких временах, когда наша раса была молода, а галактика только формировалась.

— Простите, но я не понимаю, что вы имеете в виду, — признался Ринарк. — Может быть, вы могли бы объяснить мне это?

— Известно, что те, кого мы называем «обреченный» народ, переселились в одну отдаленную галактику в нашей Вселенной и что эта галактика, которую всегда раздирали противоречия, снова вдруг затихла в ожидании Великого потрясения, которое будет началом нового периода бесконечно долгой жизни. Мы, так же как и другие соседи этой галактики, видели, как она несется, подобно чудовищному облаку, корчась и скручиваясь гигантской спиралью, а солнца и планеты, рассыпанные в виде упорядоченных множеств вокруг Центра галактики и ее Внешнего кольца, меняют привычный строй в предвидении катастрофы.

Эта пляска звезд — зрелище, которое способны выдержать лишь немногие — избранная элита интеллектуалов, — эти переплетающиеся структуры как бы изображают собой две Сущности, которые рождают третью, поэтому, когда галактика перестраивает себя, чтобы начать новый цикл в пределах своего особого Времени и Пространства, соседние галактики тоже очищаются от суетности, оставляя лишь высокие ценности.

Миллионы лет длилась пляска галактики — сотворение упорядоченного мира, вид которого столь приятен мыслящим существам. Этот процесс дал нам не только бесценный чувственный опыт, но позволил продвинуть наши философские концепции. Пожалуйста, не просите нас пускаться в дальнейшие объяснения, так как пляска галактик не поддается описанию никакими доступными нам средствами.

Когда наконец этот процесс закончился, Центр галактики начал вращаться, закладывая структуру нового цикла. Затем от Центра галактики к Внешнему кольцу снова стал медленно формироваться процесс движения солнц и планет, которому суждено оставаться неизменным в вечности.

Так было положено начало. Прошло время, и обитатели новой галактики начали творить свою славную историю.

Пришли они наконец и в нашу Галактику. В своей нетерпеливой жажде овладеть знаниями о природе мультиверсума, которыми мы располагали, они чуть было не истребили нашу древнейшую цивилизацию. Лишь немногие спаслись бегством сюда, ведь мы питаем отвращение к жестокости и ненавидим все, что с ней связано.

— Значит, вы были очевидцами того, как галактика сама, по своей доброй воле, реорганизуется себя! — воскликнул Ринарк, чувствуя, что наконец-то он приближается к ответу на самый важный свой вопрос.

— Нет, мы считаем, что не по своей доброй воле. Наши знания и логика подводят нас к неизбежному выводу — есть некая высшая сила, по воле которой все это произошло. Она, эта сила, создала мультиверсум — в своих собственных целях. Это совсем не метафизическая концепция, ведь мы материалисты. Но факты таковы, что они указывают на существование некой Сущности, сверхъестественной в полном смысле этого слова.

— А мультиверсум — что это такое? Действительно ли он состоит из бесконечного числа структур или же он...

— Мультиверсум кончен. Как он ни беспределен, у него есть границы. Возможно, за пределами этих границ существуют какие-то другие реальности.

Ринарк хранил молчание. Всю свою жизнь он придерживался концепции бесконечности, и даже его острый, быстрый, хорошо тренированный разум не мог вместить эти откровения, выходящие за пределы его сознания.

— Мы считаем, — деликатно продолжал метазоа, — что жизнь, в той степени, в какой она нам известна, пребывает в неразвитом, незрелом состоянии, что и вы, и мы, вероятно, представляем собой первую стадию в процессе создания Сущности, предназначенной, в конечном счете, переступить пределы мультиверсума. В этом и состоит наше предназначение — упорядочить изначальный хаос. Но даже теперь, в наше время, нельзя установить жесткой причинно-следственной связи, пока все еще имеются только пары «причина-совпадение» и «совпадение-следствие». Пары «причина-следствие» не существует, это ясно каждому мыслящему существу. Нет и свободной воли — только детерминированный выбор. Мы ограничены не только окружающими нас условиями, наша психологическая и физиологическая конституция не позволяет нам выйти из тесных рамок — везде сплошные ограничения. Но обитатели Экиверша верят, что даже в рамках этих ограничений мы можем вообразить себе такое состояние, ког-

да отсутствуют всякие ограничения, и, возможно, со временем, породить такое состояние.

— Согласен, — кивнул Ринарк. — Можно преодолеть все препятствия, если есть сила воли.

— Вероятно. Вам ведь наверняка пришлось не раз пройти сквозь чуждые, враждебные миры, и только сила духа помогла вам не сломиться, не утратить власти над разумом и телом. Но если вы пожелаете продолжить ваши исследования, насколько это возможно в конечной вселенной, вам предстоит еще более страшное испытание.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вам следует посетить «решетчатую» планету. Там вы найдете обитателей мира первозданного хаоса. Может быть, вам приходилось слышать что-нибудь о так называемой Дыре?

Да, Ринарк уже слышал об этом однажды, и он хорошо помнил где, — Мери говорила ему о Дыре.

— Что же представляет собой эта планета?

— В отличие от всех других планет системы, она не движется сквозь мультиверсум, однако, в известном смысле, ее присутствие как бы ощущается на каждой из этих планет. Различные участки ее движутся в разных измерениях, причем независимо друг от друга. Впрочем, временами планета становится совершенно единой, правда, процесс этот носит случайный характер. Иногда она изобилует так называемыми разрывами, где отдельные ее участки перестают подчиняться законам многомерности, действующим в том континууме, где находится в это время Беглец. Считается, что где-то на этой планете существуют «ворота», ведущие к месту обитания некой мифической расы, которую называют «иерархами». Принимая во внимание, что вам ничего больше не остается, можно предположить, что вы рискнете отправиться на эту планету и попытаетесь отыскать «ворота», если, конечно, они существуют?

— Конечно, попытаемся, — тихо сказал Ринарк.

Вдруг его осенило:

— Скажите, почему эта планета — я имею в виду Экиверш — не находится в состоянии хаоса, который царит повсюду?

— Очень просто — прежде чем покинуть нашу Вселенную, мы подготовились к тем условиям, которые, как предполагалось, нас ожидают. Мы употребили все наши знания и способности, чтобы создать такую субстанцию, которой нет аналогов.

Казалось, блестящее клейкое тело гиганта вздымалось, когда он обдумывал ответ.

— Мы назвали его «охранитель». По существу, это просто вещество, но вещество особого рода, которое может существовать только при соблюдении ряда законов. Чтобы поддерживать свое собственное существование, оно обеспечивает сохранение этих законов в пространстве вокруг себя. Вы догадались, конечно, что это те самые законы, при которых существуем мы и, по большей части, вы тоже. Имея на борту вашего корабля охранитель, вы избавитесь ото всех опасностей, которые подстерегают вас в межпланетном пространстве и с которыми вы, надо полагать, уже столкнулись; кроме того, вы наверняка не собьетесь с курса на «решетчатую» планету, которая, между прочим, известна вам под именем Рос или Забытое Милосердие.

— Благодарю, — сказал Ринарк. — Ваш охранитель окажет нам неоценимую помощь.

Тут ему в голову пришла одна мысль.

— Вы ведь осведомлены о причинах, которые привели нас сюда — наша Вселенная сжимается. Нельзя ли создать ряд таких охранителей, с помощью которых удалось бы остановить процесс?

— Это невозможно. Ведь наша Вселенная подчиняется естественным законам. Именно эти законы и несут с собой те изменения, о которых вы говорите. Вы должны выяснить, почему это происходит — все имеет свою цель, — а также, какая роль уготована вашей расе в этой реорганизации.

— Что ж, ладно, — покорно ответил Ринарк.

Несколько метазоа отделились от тела гиганта и, стремительно удаляясь, исчезли за грядой холмов.

— Надо сходить за охранителем, — пояснил Ринарку псевдогигант.

Вынужденное бездействие Ринарк решил использовать для того, чтобы разобраться в самом себе. Удивительно, но без всяких усилий с его стороны он теперь принимал как должное то, что прежде, когда он впервые появился на Беглеце, казалось ему чудовищным. Теперь он безусловно знал, что вся его затея, испытания, которым он подвергался, нечеловеческое напряжение последних недель — все-все, с самого начала, имело определенную цель — такова логика мультиверсума. Экиверш убедил его в этом. И его новая цель, его задача — он все яснее понимал это — была гораздо более высокой по сравнению с исходной, хотя и составляла только часть ее!

Но сколько же ему нужно еще претерпеть, прежде чем он завершит свою новую миссию! Теперь ему предстоит самое

страшное — отправиться на ту самую планету, где Мери лишилась рассудка, — Забытое Милосердие, или «решетчатую» планету.

Метазоа вернулся, неся небольшой шар тусклого желтоватого цвета, который и положил около шлюзовой камеры корабля.

— Мы покидаем вас, — передал телепатически метазоа, — но прежде позвольте пожелать вам обрести Знание. Вы, Ринарк, и вы, Эсквиел, — вы наши поеланники в мультиверсуме, вы должны представлять нас всех, если вам удастся достичь иерархов, разумеется, в предположении, что они существуют. Вы более чем кто-либо из разумных существ приближаетесь к Сущности, не считая обитателей Дыры, которые прежде вас уже poznали Истину...

Эсквиел облачился в екафандр и вышел из корабля, чтобы взять охранителя. Ринарк внимательно наблюдал за ним пристальным немигающим взглядом, хотя мысли его были далеко. Эсквиел вернулся, положил шар перед Ринарком прямо на стол, где лежали карты.

Ринарк почти автоматически приготовился к взлету, поблагодарил метазоа и нажал кнопку пуска.

Звездолет взмыл ввысь и помчался сквозь мечущееся безумие межпланетного пространства, прокладывая узкую тропу, где материя подчинялась привычным законам.

На этот раз им не пришлось бороться. Охранитель действовал так, как и предрекали экивершцы, порождая вокруг себя поле, где действовали их собственные законы.

Ринарк и Эсквиел испытывали давно забытое чувство облегчения, у них даже появилась возможность побеседовать.

Эсквиел был явно озадачен всеми последними событиями, да и сведения, которые они собрали, не вселяли в него особой уверенности.

— Ринарк, — начал он, — все-таки я удивляюсь тебе. Ну ради чего мы тащимся на это самое Забытое Милосердие?

Мысли Ринарка витали где-то далеко, и его голос, когда он заговорил, даже ему самому показался каким-то отрешенным.

— Ради спасения человечества. Теперь я понимаю, что дело это гораздо более тонкое, чем казалось прежде. Вот, собственно, и все.

— Но ведь в действительности мы уже даже потеряли из виду ту самую цель, которая стояла перед нами вначале. Более того, мы живем в мире каких-то фантазий. Все эти разговоры о Сущности — ведь это просто бред какой-то!

Ринарк не был расположен спорить, он хотел просто, чтобы Эсквиел понял его.

— Настало время разобраться в этих фантазиях. Ты знаешь, что произошло с нашей Вселенной. Теперь, когда у нас есть шанс выжить, мы должны навсегда избавиться от фантазий, воспользовавшись этим единственным шансом. Целые столетия наша цивилизация опиралась на ложные послылки. Если ты фантазируешь, основываясь на ложных послылках, потом берешь эти фантазии как фундамент, на котором возводишь здание, то ты становишься носителем лжи, которую к тому же внедряешь в сознание тех, кто слишком ленив или слишком занят, чтобы докапываться до истины.

Таким образом, ты несешь угрозу самой существующей действительности, ведь отказ повиноваться ее законам ведет к тому, что ты сам попадаешь в сети этих законов и они уничтожат тебя. Человечество слишком долго лелеяло удобные для него фантазии, называя их законами. И так было на протяжении целых столетий. Возьми, например, войну. Политики притворяются, что борются во имя справедливости, что война неизбежна, и, основываясь на этих ложных послылках, они, не успеешь оглянуться, уже готовят новые войны, да еще и делают вид, что старались их избежать. До сих пор мы слишком много фантазий держали за истины и слишком много истин считали фантазиями. А теперь у нас в руках последний шанс разгадать тайну нашего существования. И я намерен использовать этот шанс!

— Я тоже, — спокойно сказал Эсквиел, и в его тоне прозвучала решимость. Он помолчал, потом, смущенно улыбаясь, добавил:

— Хотя, ты меня извини, но я все же не совсем понял твои доводы.

— Если все пойдет как надо, ты быстро поймешь. — Ринарк широко улыбнулся.

Тем временем на экранах появилось неясное изображение огромной планеты. Это было Забытое Милосердие.

— Она похожа на ломоть червивого сыра, ты не находишь, а? — с нарочитой небрежностью заметил Эсквиел.

Действительно, местами на планете воспаленными язвами зияли сквозные дыры. На так называемые разрывы невозможно было смотреть — жгло глаза, а рассудок как бы цепенел.

Было видно, хотя довольно смутно, что планета имела контур круга, но была при этом изрезана глубокими бороздами, как будто какой-то чудовищный червь источил ее, точно гусеница — лист.

Отогнать от себя чувство благоговейного ужаса, который внушал вид этой планеты, Ринарку удалось, только прибегнув к своим способностям гид-сensors. Неторопливо и осторожно он начал зондировать вещество, из которого состояла эта наводящая страх планета. Там, где были разрывы, он время от времени улавливал присутствие таких участков, которые, в соответствии со всеми известными ему законами, должны были иметь один и тот же пространственно-временной континуум. Но не тут-то было — они существовали вовеки на многих разных уровнях мультиверсума.

Он продолжал зондирование и наконец обнаружил то, что искал, — какую-то форму жизни, способную чувствовать. В тот же миг он ощутил, как все его тело наполняется теплом.

Неужели он обнаружил обитателей планеты? Казалось, эти существа лишены плотного тела и существуют на всех уровнях мультиверсума!

Ринарк был озадачен — возможно ли такое? Стало быть, эти существа есть на всех уровнях, и, значит, они владеют абсолютным знанием, тогда как остальные видят только свою собственную Вселенную и лишь частицу мультиверсума?

Хотя он мог допустить такую возможность, его воображение отказывалось представить, как могут выглядеть эти существа и что им ведомо. Может быть, он найдет их?

Теперь он понял, почему Мери отрешенно играла на своей безжизненной клавиатуре, там, на Энтропиеме.

Вдруг его поразила другая мысль, и он, пустив в ход свои способности, обнаружил, к великому сожалению, что усилия шаарнцев увенчались успехом — они изгнали Трон. Он не мог утверждать наверное, но ему казалось, что движение Беглеца сквозь мультиверсум в значительной степени замедлилось.

Он снова спешно принялся отыскивать обитателей планеты. Их было немного, и они сосредоточились на той части планеты, которую, он чувствовал, может обнаружить: хотя она и не полностью существовала в той области, которую сейчас занимал Беглец, но была, вероятно, доступна человеческому глазу. С помощью охранителя он достаточно ясно ощущал, где находится эта таинственная Дыра.

Конечно, надо было спешить, но нельзя было пренебрегать осторожностью. Он не хотел, чтобы судьба так жестоко подшутила над ним — исчезнуть в тот момент, когда он так близок к цели!

Он снизился как раз над разрывом — надо было проверить действие охранителя.

Оно оказалось чрезвычайно сильным. Когда он приблизился, планета под ним, казалось, обретает свою форму — недостающие участки поверхности стали на место, точно кусочки мозаики-головоломки. Да, охранитель отлично делал свое дело.

Ринарк снова набрал высоту и увидел, что эти участки опять бледнеют, вырываясь в первоначальный континуум. Он не мог позволить себе посадить корабль в опасной близости к этим участкам планеты. Он высмотрел такое место на поверхности, где, как он надеялся, сможет остаться в этом континууме сколько ему потребуется, и стал медленно снижаться. Да, здесь он останется до тех пор, пока не сочтет, что готов вернуться.

Если только вернется вообще, подумал он про себя. Вокруг двойной звезды нарастала активность, не предвещающая ничего хорошего. А вдруг Беглец уже остановлен?

Эскивел не проронил ни слова. Он схватил охранителя и вслед за Ринарком вышел через шлюзовую камеру.

Планета, казалось, представляет собой бесформенную массу каких-то клубящихся газов, и, когда их ноги коснулись этой диковинной поверхности, они испытали странное чувство, отдаленно напоминающее невесомость.

Подавленные каким-то нереальным ощущением надвигающейся опасности, попадая то в зоны кажущейся невесомости, то увязая в жидкой грязи, они шли очень осторожно — Ринарк впереди, следом Эскивел.

Стояла непроглядная тьма, но планета будто была окружена своей собственной светящейся аурой, что позволяло им видеть все вокруг достаточно ясно. Однако встречались такие места, куда их взор не мог проникнуть, но вместе с тем — невероятно! — они видели то, что происходило по ту сторону этих зон.

Временами они ступали на скалистую землю, которая, однако, казалось, пружинила под их шагами.

По мере того как они продвигались, все вокруг них тотчас же менялось — это охранитель оказывал свое загадочное действие. Однако тут же будто вступал в силу закон компенсации, и где-то в других местах возникали новые разрывы.

Напрягая все силы, Ринарк старался не отвлекаться от своей главной цели, мысленно исследуя лежащее впереди пространство, хотя сознание его было сковано ужасом перед лицом этого чудовищного мира, где все пребывало в постоянном движении.

Вся планета беспрестанно менялась. Невозможно было предугадать, что произойдет через несколько секунд. Расчлененное вещество, столь же хаотичное, как материя мультиверсума в первые дни творения, дергалось, рвалось куда-то, точно в предсмертной агонии.

Но Ринарк безжалостно понуждал себя идти вперед и вперед, исполненный лишь одним желанием — во что бы то ни стало достичь цели.

Они брели, спотыкаясь, как пьяные, оглушенные, подавленные зрелищем этого первозданного хаоса, но ни на секунду не забывали о своей миссии.

Таинственная Дыра, ставшая их путеводной звездой, то приближалась, то отдалялась, маня их, обещая — кто знает? — то ли Истину, то ли гибель.

Глава 8

Наконец после целого дня пути, о котором если сказать, что он был изматывающим, значит ничего не сказать, они достигли Дыры, и так как скала тут же потеряла форму, обратившись в какое-то газообразное вещество, голос Ринарка прозвучал глухо.

— Они здесь. Именно здесь мы найдем их, хотя я совершенно не представляю себе, что они такое.

Ринарк и Эсквиел смертельно устали и вряд ли были способны действовать, но, несмотря на это, Ринарк испытывал неведомую ему ранее ясность сознания и четкость восприятия. Правда, это восприятие стало каким-то пассивным. Он просто смотрел, как шевелилась Дыра, темная и в то же время сияющая мириадами разных оттенков, как в ней пульсировали энергия и какое-то силовое поле.

Они все смотрели и смотрели туда, ощущая, как их переполняют незнакомые чувства и меняется ментальность, преобразенная Знанием.

Несколько часов прошли в молчании. Наконец Эсквиел заговорил:

— И что же дальше?

— Это тот самый вход, о котором нам говорили на Троне и Экиверше, — ответил Ринарк. — Единственное, что я могу сделать, — это спуститься туда, в надежде узнать наконец то, ради чего мы здесь.

Человечество, с его проблемами, казалось теперь Ринарку таким далеким, нереальным, как какой-то абстрактный плод его

собственной фантазии, и вместе с тем значительным, даже более значительным, чем когда-либо прежде.

Он подошел к самому краю Дыры и спустился прямо в ее пульсирующее жерло.

Эскивел, чуть помедлив, последовал за ним. Сначала они летели вниз, потом вдруг почувствовали, что плавают где-то, не поднимаясь и не опускаясь, не двигаясь никуда, — просто плавают, и только. Охранитель, видимо, перестал оказывать свое благотворное влияние, может быть, правда, он все еще работал, просто здешние законы были слишком суровыми по сравнению с теми, которые он генерировал до сих пор.

Внезапно они почувствовали, что снова стоят на твердой земле, на маленьком острове в океане. Они шагнули вперед и поняли, что находятся в самом сердце пылающего солнца, шагнули назад и оказались посреди мрачной гористой местности. С вершин гор на них приветливо взирала некая Сущность.

Они двинулись к ней и неожиданно оказались как бы в комнате с глубокими, черными, как поначалу им показалось, стенами. Потом они поняли, что в глаза им глядела бездна.

Слева от них появилось некое существо. Казалось, оно все время то угасает, то вновь появляется. Как плохо настроенное лазерное изображение, подумал Ринарк, отчаянно ища, за что бы зацепиться взглядом. Он чувствовал себя так, будто забыл все, что знал когда-либо.

Существо начало говорить, но не на земном языке. Это была смесь звуковых и телепатических сигналов, на которые реагировали и мозг и тело Ринарка. Он понял, что эти существа, возможно, были когда-то человекоподобными, но утратили дар связной речи, обретя способность обитать на всех уровнях мультиверсума.

Ринарк обнаружил, что может общаться с этим существом, как бы модулируя свои собственные интонации и одновременно дополняя речь зрительными образами.

— *Вы хотите (сложная геометрическая схема) помощь?..*

— *Да (образ сжимающейся вселенной)...*

— *Вы из (образ беременной женщины, который быстро сменяется образом материнского лона — в нем появляется эмбрион, но не совсем человеческий)?..*

Ринарк напряженно думал, но никак не мог взять в толк, что хочет сказать этим его собеседник. Наконец ему показалось, что он начинает понимать.

Логический анализ всего, что он видел и слышал от тех, кто остался на Беглеце, подвел Ринарка к неизбежному выводу.

— Да, — сказал он.

— *Вам надо ждать.*

— Ждать — чего?

— (Картинка огромного мультиверсума, вращающегося вокруг центральной точки), *пока* (картинка Беглеца, движущегося сквозь время, пространство и другие измерения по направлению к Центру).

Рипарк понял, что означает это изображение. У него был один-единственный смысл.

Ему показали Центр мультиверсума — уникальное место, в котором сходятся все пути и из которого исходит все. Когда Беглец пройдет через Центр... и что же дальше?

Но что, если Шаарну удастся остановить движение системы прежде, чем она достигнет Центра? Нет, он не должен думать об этом. Если Беглец остановится слишком скоро, вообще нет смысла строить планы на будущее. Тогда все лишается смысла.

— Что произойдет там (туманная картинка мультиверсума)? — спросил Ринарк.

— *Истина. Вы должны ждать здесь, пока* (картинка Центра и Беглеца), *потом отправиться* (двойная звезда — звезда Беглеца)...

Он должен ждать на Лимбо, пока Беглец не достигнет Центра, затем им следует отправиться к — нет, не к, а на — на Солнце!

Ринарк передал красочную картинку — Эсквиел и он сам сгорают.

Существо ответило: «*Нет*» — и исчезло.

Когда оно снова появилось, Ринарк спросил:

— Почему?

— *Вас ждут*, — сказала существо, померкло и исчезло.

Времени здесь не существовало, и пришельцы не знали, долго ли им пришлось ждать. Здесь даже человеческий организм никак не напоминал о себе — время будто остановилось.

Все очень просто, ведь они на Лимбо.

Время от времени появлялось то же существо, а может, другое, но похожее. Время от времени Ринарк получал информацию, глядя на медленное движение Беглеца, временами он просто пребывал тут. Один раз появился целый ряд его двойников и тут же исчез.

И вот наконец появилось существо, и картинка Беглеца, входящего в область Центра мультиверсума, сама собой возникла в уме Ринарка.

С облегчением и ни с чем не сравнимым чувством радостного ожидания Ринарк приготовился узнать *Истину*.

Скоро, скоро он все узнает, и не важно, будет ли он жив или обречен на смерть, останется ли в здравом уме или лишится рассудка. Он и Эсквиел — первые представители человечества, которые узнают Истину.

Оба они понимали, что теперь только одно это имеет значение.

И тогда они вышли.

Они шли прямо к пылающему, пульсирующему, точно в агонии, Солнцу.

Они чувствовали, что лишены теперь своих физических тел в их привычном обличье, но вместе с тем какая-то материальная субстанция, составлявшая прежде их тела, облекает их.

Их невесомые сущности устремились в сияющее тепло, в самое сердце звезды и внезапно оказались в обиталище иерархов — оно представляло собой некоторую компромиссную форму, удобную для обеих сторон — Ринарка и иерархов.

Ринарк и Эсквиел могли видеть иерархов, хотя органы зрения в этом процессе не участвовали.

Они слышали, как иерархи переговариваются между собой, хотя их речь не была озвучена. Все вокруг имело цвет, все светилось и ничто не имело формы. Тем не менее все несло печать яркого существования, настоящей реальности.

— Наконец-то вы здесь, — мечтательно произнесли иерархи, все как один. — Мы ждали вас, мы пребывали в большом нетерпении. Ваша цивилизация развивается совсем не так быстро, как мы надеялись.

Понимая, что имели в виду иерархи, Ринарк сказал от имени землян:

— Я скорблю об этом.

— Человечество интенсивно развивается только тогда, когда ему грозит опасность.

— Человечество пока еще существует?

— Да.

— Как долго оно продержится? — впервые подал голос Эсквиел.

Иерархи не стали прямо отвечать на этот вопрос. Они сказали:

— Вы хотите, чтобы мы что-то изменили. Мы этого ожидали. Именно поэтому мы ускорили трансформацию вашей Вселенной. Вы, конечно, понимаете, что, хотя ваша Вселенная сжимается, она будет все еще существовать в виде отдель-

ных галактик, солнц и планет, а также преимущественно в виде материи в самых разных образованиях?

— А человечество — что с ним станет?

— Мы должны были смириться с его гибелью. Разумные формы органической жизни не в состоянии претерпеть то напряжение, которое возникает в таких случаях. Если бы вы не пришли к нам, мы должны были бы позволить человечеству погибнуть — к нашему великому сожалению. Но наш расчет оказался точным. Мы дали вам знать о приближающейся катастрофе, и вы, благодаря вашим знаниям, вашей воле, совершили почти невозможное — пришли сюда, как мы и надеялись.

После некоторого молчания иерархи вновь заговорили:

— Как и все прочие цивилизации в мультиверсуме, вы можете существовать на всех уровнях, а не только на одном. Однако именно по причине этих ваших связей с остальными уровнями вы и должны исчезнуть — ведь у вас нет полного соответствия ни одному из них. Мы ответственны за то, что поместили все разумные формы жизни в те условия, в которых они теперь существуют. Каждая плоскость универсума служит как бы отдельным парником для множества цивилизаций, одна из которых может выжить и стать нашей преемницей. Ваша плоскость универсума служит, выражаясь вашим языком, чревом матери. Вы наши дети, наша надежда. Но если вам не удастся преодолеть те особые ограничения, которые мы наложили на вас, вы, как и мы, обречены на смерть. Но вы умрете... даже не родившись.

— Что же станет с нами?

— Мы произвели некоторые изменения в вашей Вселенной, ускоряющие темпы вашего развития, так, чтобы представители вашей цивилизации нашли путь к нам. Вы одержали победу, вы справились со своей миссией в значительной степени, но вы должны как можно скорее вернуться в свою Галактику и поторопить развитие вашей цивилизации — оно должно стать более динамичным. На этот раз мы снабдим вас средствами, чтобы эвакуировать вашу Вселенную. Но мы стареем, и именно вы, одни вы из всех цивилизаций мультиверсума, займете наше место. Вы должны быть готовы к этому. Или вам удастся осуществить свое право первородства, или, подобно нам, вы погибнете, агонизируя в хаосе. Вы доказали нам, что мы были правы, выбрав вас, ведь только вы можете преодолеть те ограничения, о которых мы уже говорили. Однако торопитесь, заклиная вас — торопитесь...

— Что произойдет, если нам все удастся?

— Вам предстоит пройти период трансформации. Скоро вам больше не понадобится Вселенная в том виде, как сейчас. Все идет к своему концу. Вы стоите перед выбором, более важным, чем выбор между жизнью и смертью.

Ринарк принял это как должное. А что еще ему оставалось?

— Какова же наша задача теперь?

— Выполнить то, чему вы посвятили себя.

Затем последовало долгое-долгое молчание.

Ринарк и Эсквиел чувствовали, как их наполняет какое-то необычное тепло, сродни материнскому, — это иерархи излучали сочувствие и желание понять своих гостей и помочь им. Но за этим теплом — Ринарк остро ощущал это — крылась какая-то жестокая реальность. Что это? Его ждет забвение? Или смерть? Что-то зловещее уготовано ему.

— Ты не ошибся, Ринарк, — сказали иерархи.

— Не знаю. Моя судьба скрыта для меня.

— Но ты, наверное, чувствуешь, что мы предвидим твой конец, конец твоей физической сущности; возможно, умрет и твое сознание. Горько говорить тебе это. Твой дух велик, Ринарк, он слишком могуч, и плоть сковывает его. Он должен быть освобожден, он должен пронизать мультиверсум!

— Да будет так, — медленно сказал Ринарк.

Эсквиел ничего не понимал. не мог поверить тому, что услышал.

— Ты должен умереть, Ринарк? — спросил он.

Ринарк видел, как бешено металась и вспыхивала золотистая, с красными проблесками, оболочка Эсквиела.

— Нет! Нет!

Голос Ринарка взорвался, как вспышка пламени. Он обращался к своему другу.

— Когда я уйду, ты должен будешь повести человечество. Ты поведешь его навстречу судьбе — или погибнешь вместе с ним. Ты понял?

— Я слышу, что ты говоришь, но ничего не понимаю. Наверное, мы просто сходим с ума от всего этого!

Тут в их сознание ворвался, подобно дуновению ледяного ветра, невозмутимый голос иерархов, сразу приковавший к себе их внимание, и они стали в молчании внимать ему.

— Еще не настало время, пока не настало. Вы оба должны сохранять в значительной мере ваш прежний вид, ваше прежнее сознание. Вы пока еще не исполнили до конца свою миссию.

Теперь, когда вам открылась тайна мультиверсума, совсем не трудно снабдить вас техническими средствами для спасения вашей сжимающейся Вселенной. Мы научим вас, как осуществить эффект свертывания и дать, таким образом, возможность вашей цивилизации переселиться в другую безопасную вселенную, где вас ждут новые испытания. Наши планы пока еще не вполне завершены. Среди представителей вашей цивилизации есть те, с которыми вы должны объединиться, чтобы сотрудничать, поддерживая друг друга, до тех пор, пока вы не будете готовы исполнить то, что мы начертали для вас. Вам, Эсквиел, будет вверена эта часть вашей миссии.

— Но ведь Ринарк гораздо сильнее меня, — тихо заметил Эсквиел.

— Дух Ринарка должен быть принесен в жертву во имя всех вас. Это неизбежно.

— Как мы осуществим этот исход в новую Вселенную? — глухо спросил Ринарк.

— Мы поможем вам. Мы внедрим в сознание людей безусловное доверие к вам обоим, к тому, что вы сообщите им. Это совершенно необходимо как временная мера. Когда вы покинете свою Вселенную, наша задача будет еще более сложной; только усилия уникальных личностей спасут вас.

— Мы будем действовать независимо? — спросил Эсквиел.

— Фактически, да.

— Что ждет нас в новой вселенной?

— Мы и сами не знаем, так как, вероятно, ваш скачок будет подчиняться закону случайных чисел и вы можете оказаться в любой плоскости мультиверсума. Мы не можем обещать, что там вас ждет дружеский прием. Есть силы, которые противостоят нам — тоже разумные существа, но более низко развитые, — они стараются помешать нашей эволюции.

— Нашей? — спросил Эсквиел, и его оболочка стала мерцать и менять форму.

— Да, вашей, нашей, любой. Мы, иерархи, называем себя разумными оптимистами — мы видим цель существования, во всяком случае. А есть во вселенных и пессимисты, которые терзают нас, пытаются уничтожить — ведь сами они давно оставили надежду разбить оковы, которые держат их в состоянии полуреального существования. У них везде есть сторонники. Многие, даже в вашей цивилизации, сами того не сознавая, привержены им.

— Да, понимаю.

После этих слов Ринарк и Эсквиел снова обрели свое прежнее обличье. Они увидели наконец, что такое мультиверсум — мириады плоскостей, включающих в себя великое множество измерений, так что не было совсем пустого пространства, а только льющееся через край богатство разных форм жизни, сквозь которое они много раз проносились прежде, даже не подозревая о его существовании.

Титаническим усилием воли взяв себя в руки, Ринарк спросил настойчиво:

— Еще одно — в чем состоит ваша цель? И какова наша конечная цель?

— Существовать, — просто ответили ему. — Пока вы еще не можете по-настоящему понять, что это значит. Существование — это и начало, и конец. Нет релевантного способа обозначить, что это такое. Если нам придется погибнуть, прежде чем вы будете готовы занять наше место, все, созданное нами, будет обречено на смерть. Мультиверсум тоже погибнет. И хаос, лишенный формы и сознания, саваном накроет все, знаменуя наш уход.

— Мы не хотим этого, — сказали Эсквиел и Ринарк в один голос.

— Мы тоже. Вот поэтому вы здесь. А теперь — информация, которая вам необходима.

Казалось, какая-то нежная рука коснулась их сознания и вложила в него все, что нужно знать и понимать, чтобы вести космический корабль сквозь сменяющие друг друга измерения.

Это было бы невозможно в привычных для них терминах нормального пространства-времени. Но теперь, когда они освоились в мультиверсуме, математический аппарат, которым оперировали иерархи, стал для них вполне доступен. Они были уверены, что смогут передать человечеству полученную ими информацию.

— Вы удовлетворены? — спросили иерархи.

— Совершенно, — ответил Ринарк. — Теперь мы должны спешить в нашу Вселенную. Надо как можно скорее начать исход.

— Прощай, Ринарк. Когда мы встретимся вновь, ты уже будешь о нас. Прощай, Эсквиел. Мы еще увидимся с тобой. Позволь пожелать тебе успеха в твоей миссии.

— До встречи, — печально сказал Эсквиел.

Их физические сущности стремительно возвращались назад, проносясь сквозь мультиверсум, к их космическому кораблю, одиноко стоящему на Росе.

Путник остановился у полуразрушенной заправочной станции — это было последнее свидетельство созидательной человеческой деятельности, а дальше простиралась только бесконечная, серая лента дороги.

Несмотря на огромный бесформенный рюкзак, громоздившийся на согбенной спине, путник шел легко, улыбка играла на его худом, темном лице, ветер трепал волосы и бороду.

Калл Йенсен, тихонько насвистывая, пошел по дороге, ведущей на север. Минуло уже несколько столетий, а Землю по-прежнему населяло немногим более тысячи человек, и Каалу Йенсену это даже нравилось. Он отнюдь не был романтиком, но если уж какая-то фантазия овладевала его воображением, то он становился одержим ею.

Внезапно дорога исчезла, поверхность планеты вздыбилась, закружилась каруселью, что-то загрохотало. Путник понял, что должен снова повернуть на юг. Так он и сделал, присоединившись к сотням других, идущих туда же.

Боссан Глинквист, лорд Орион, сидел в управлении, представляющем собой часть металлического города, подвешенного в космическом пространстве вблизи самого сердца Галактики. Он взял картотеку по делу Дреннера Макнира и стал просматривать ее, далеко не будучи уверенным, что его обязанности Председателя Галактического Совета стоят того, чтобы проводить треть своей сознательной жизни в таких нечеловеческих условиях. Дело Макнира оказалось довольно сложным и потребовало от лорда Ориона большого нервного и интеллектуального напряжения.

Этот человек вчинил Совету иск о нарушении закона, обвинив Совет в том, что он пренебрегает своими обязанностями и не отстаивает интересы одной малочисленной группы торговцев, которые по причине изменения тарифного соглашения между Ланрингом и Балесорном в системе Клайв лишились возможности жить своим трудом и теперь существуют за счет субсидий на одной из отдаленных планет. Дело достаточно серьезно. Глинквист поднял глаза от бумаг, нахмурился и стал усиленно вызывать галлюцинации.

Вскоре он отдал необходимые распоряжения, чтобы подготовить город к перемещению — что само по себе было беспрецедентным случаем — в систему Кассим.

Вот всего лишь две модели, два примера того, что происходило с людьми, населяющими обреченную Галактику, накануне надвигающейся катастрофы.

Каждому человеку, будь то взрослый или ребенок, настоятельно предписывалось отправиться на специально для этого предназначенные центральные планеты и терпеливо ждать там.

Коренные жители Земли понимали, что поверхность планеты, должно быть, осядет под тяжестью громадного количества вновь прибывших. Естественно, в другое время они, вероятно, были бы возмущены нашествием посторонних, но теперь они вместе со всеми пребывали в состоянии терпеливого ожидания.

И наконец их терпение было вознаграждено.

Сначала в небе появились лишь смутные его очертания. В любом месте планеты на лазерных экранах можно было наблюдать, как он приземлился, выбросив столб огня. Космический корабль оказался всего лишь полицейским крейсером. Вид у него был изрядно потрепанный. Удивительно, что эта старая развалина вообще могла подняться в космос.

В глубоком молчании все наблюдали, как открылся люк и показали двое.

Миллионы глаз напрасно старались разглядеть космонавтов. Они полагали, что фигуры пришельцев будут выглядеть привычно, как нечто цельное, однако их ожидало разочарование. Люди, вышедшие из космического корабля, казались призраками, все время меняющими свою форму; их прозрачные тела мерцали разными цветами, излучая энергию. Людям казалось, что они видят сразу множество образов, как бы наложенных на два контура, в которых угадывались очертания мужских фигур, причем эти образы выходили за рамки привычных измерений, доступных зрению; облик пришельцев поразил воображение толпы.

Они были похожи на ангелов. На их лицах лежал отблеск универсального знания, их тела излучали свет, а когда они заговорили, в их словах, в ритме их речи будто трепетал пульс самой планеты, а может быть, даже и Солнца, как если бы оно вдруг обрело дар слова!

Было совершенно очевидно, что эти неведомые посланцы — люди. Но они так разительно отличались от них, что казалось почти невозможным причислить их к роду человеческому.

Люди в страхе внимали словам посланцев, хотя далеко не все было понятно им.

Ринарк и Эсквиел старались, чтобы был понятен главный смысл их сообщения. Они говорили о страшных последствиях процесса сжатия Вселенной, о том, как и почему оно происходит, и, наконец, о том, как можно избежать гибели человечества.

Они старались говорить так, чтобы люди их поняли, тщательно подбирая слова, пытаясь одолеть бездну, разделяющую их. Ведь сами они теперь уже не могли существовать полностью в какой-либо одной плоскости мультиверсума, и сосредоточиться на этом единственном уровне стоило им немалых усилий.

Они говорили, а мириады разных измерений мультиверсума с невиданным, постоянно меняющим свою форму великолепием перетекали один в другой. Но человеческая речь пока была бессильна передать понятия и образы, дотоле неведомые людям. Материя, из которой состояли тела пришельцев, тоже все время менялась, отслеживая изменения состояния мультиверсума, и взиравшие на них недоумевали, кто же перед ними все-таки — люди или нет. Но тем не менее они внимательно слушали.

Им открылось, что мультиверсум содержит множество уровней, а их Вселенная — всего лишь один, являясь крохотной частицей огромного целого; что Вселенная конечна, но выходит далеко за пределы, доступные пониманию человека; что все вокруг сотворено некими существами, называющими себя иерархами; что иерархи в предвидении своей гибели создали мультиверсум, как колыбель для той расы, которая займет их место. Люди узнали, что в представлении иерархов их цивилизация — всего лишь зародыш, которому дается шанс наследовать им, иерархам. Человечество поставлено перед выбором — постичь и преодолеть псевдореальные рамки пространственно-временных ограничений и утвердить таким образом свое право первородства или погибнуть!

Ринарк и Эсквиел покинули Землю и отправились на другую планету, затем на третью, чтобы всех оповестить о грядущих событиях.

Где бы ни побывали они, везде им внимали в благоговейном страхе, и каждый, кто слышал их, уходил с таким чувством, что вот теперь он обрел наконец то, что искал всю свою жизнь.

Потом эти два многоликих посланца созвали ученых, инженеров, философов и объяснили им, что следует предпринять.

И вот вскоре полчища космических кораблей, предназначенных для межгалактических полетов, готовы были устремиться в

глубины космоса, за пределы Внешнего кольца, унося человечество в другую вселенную.

Космическую армаду должен был вести выдавший виды полицейский крейсер. Ринарк и Эсквиел прощались друг с другом.

Снаружи Ринарка ожидал маленький космический корабль.

Эти двое, которые обрели новую, совершенную сущность смотрели друг на друга, а форма их тел беспрерывно менялась; каждый пристально вглядывался в пульсирующее поле, впитывая в себя таинственный образ единого мультиверсума; они, ни слова не говоря, протянули друг другу руки. Го, что происходило сейчас, было предопределено свыше.

Эсквиел скорбно смотрел, как его друг взошел на борт космического корабля, стремительно умчавшего его назад, к самому Центру Галактики.

Эсквиелу предстояло теперь самому вести гигантскую флотилию космических кораблей. Галактический Совет вручил ему все полномочия руководителя операции вплоть до того, пока Эсквиел сам не сочтет, что выполнил свою миссию. Компетентное правительство, много лет умело управлявшее Галактикой, отлично справилось под руководством Эсквиела с организацией огромной космической флотилии.

«Ровно в 18.00 по всеобщему времени все корабли обязаны запустить свои ионно-термоядерные двигатели».

Одиноким голос Эсквиела гулко отдавался в пустоте, где дрейфовала флотилия.

Между тем где-то вдаль, куда не достигал взор ни единого человека, куда не мог проникнуть взглядом даже Эсквиел, некто остановил свой космический корабль, надел скафандр, выбрался наружу и повис в космосе; корабль стало медленно относить прочь.

Теперь видно было, как галактики мчатся одна за другой в бешеном вихре. Они сходились вместе, сливаясь в единую световую симфонию; но человечество уже погрузилось в пучины мультиверсума, устремляясь к новой вселенной, где оно будет в безопасности и где его ждет неведомая ему форма разумной жизни, дружественная или враждебная, кто знает.

Начавшийся ранее процесс сжатия Вселенной внезапно ускорился.

Ринарк остался совсем один. Увы, человечество, должно быть, никогда ничего не узнает, да и сам Ринарк не понимал, зачем все это нужно. Он знал только, что необходимо принести жертву. Что это, дикий обычай древних предков, транс-

формированный в сознании иерархов? Или, может быть, тут кроется какой-то глубокий смысл? Видимо, на этот вопрос ответа нет, да и не может быть.

Вселенная сжималась все быстрее и быстрее, и вот, кажется, она уже стала размером с кулак. Процесс сжатия продолжался, и Ринарк теперь наблюдал его как бы со стороны. Когда Вселенная, точнее, то, во что она обратилась, стала недоступна глазу, Ринарк все еще ощущал ее присутствие и знал, что она продолжает уменьшаться.

Ему было известно, что есть предел сжатия, за которым существование прекращается; Вселенная уже достигла этого предела. Теперь был только разрыв, просто дыра в ткани самого мультиверсума. Вселенной, Галактики, Земли больше не существовало, возможно, их поглотил более крупный универсум, неведомый даже Ринарку с его изощренными способностями гид-сенсора. Теперь, возможно, его родная Вселенная была лишь фотоном другого небывало огромного универсума.

Ринарк остался один; его подвижное мерцающее тело, струящееся в пустоте, начало понемногу рассеиваться и исчезать. Это был конец.

— Господи!!! — воскликнул он.

Пустынная бездна вторила ему тысячекратным надрывным эхом. Отныне и вовек Ринарк стал бессмертен.

Глава 10

Эсквиел, к своему великому огорчению, был обречен теперь делать то, что было назначено Ринарку, а именно: осуществлять предначертания иерархов относительно человеческой цивилизации.

Флотилия тем временем слой за слоем пронзала мультиверсум, совершая свой почти произвольный спасительный прыжок.

Эсквиелу предстояло вскоре отдать приказ замедлить полет вплоть до полной остановки на одном из уровней. Пока он не решил еще, который предпочесть. Хотя он был осведомлен обо всем, что касается мультиверсума, в отличие от Ринарка, его видение не простиралось далее предначертанных природой границ. Он понятия не имел, что их ждет в том универсуме, куда им предстоит прибыть.

В огромном мультиверсуме они были всего лишь горсткой семян, которые, если повезет, могут дать хорошие всходы.

Мультиверсум, конечный сам по себе, но содержащий бесконечно огромное количество материи, точно гигантское колесо, вершил свое вращение в космосе.

Иерархам, которые могли наблюдать его, находясь далеко за его пределами, он представлялся жесткой структурой огромного размера. Однако то множество разумных форм, которое обитало в пределах мультиверсума, не отдавало себе в этом отчета, потому что каждый слой отделен от другого, точно створками, многочисленными измерениями.

Здесь и там мощная конструкция мультиверсума была ослаблена отдельными участками, которые двигались сквозь эти измерения, через створки, пересекая множество разных вселенных, а также небольшими участками вакуума, образовавшегося на месте исчезнувшей зоны. Но в целом обитатели универсумов и не подозревали о существовании друг друга. Они не знали, что являются составными частями единой, невероятно сложной структуры, не понимали ни своего назначения, ни назначения мультиверсума.

Однако среди обитателей каждого универсума существовало некое избранное меньшинство, которое располагало сокровенным знанием, а отдельные личности не только знали, но и понимали, как устроен мультиверсум.

Итак, спасаясь бегством из своей прекратившей существование Галактики, человечество начало великий исход в новый пространственно-временной континуум; пронзив барьеры бесчисленных измерений, оно достигло наконец новой вселенной.

Совершив этот подвиг, Человек вступил теперь в новый период своей истории.

Но Эсквиел из Помпеи не был больше человеком. Точнее, он, как бы совместив в своем лице многих людей, обрел невероятно сложную структуру. Сейчас никто не мог бы лучше него ни вести флотилию, ни руководить человечеством. Ведь Эсквиел обрел уже новую, совершенную сущность. Существовая одновременно во множестве измерений, он мог постичь то, что было сокрыто от его собратьев, он видел, каким сможет стать человечество, если не пожалеет усилий.

Эсквиел, провозвестник грядущего, вышедший за рамки ограничений, наложенных на человека природой, привел себя в состояние спокойной отрешенности, открыл глаза, очнувшись от печальных грез, и обратил все свое внимание на флотилию, которую он вел.

На экране проплывал бесконечный караван судов. Среди них были и космические лайнеры, и линейные корабли, и катера,

и торговые суда — словом, корабли всех видов и назначений, оснащенные всевозможной техникой, которой располагает развитое общество. Тут были космические суда разных конструкций, очень нарядные и совсем простые, единственное, что было общим у них — это ионно-термоядерные двигатели.

Эсквиел намеренно заставил себя не думать о том, почему Ринарк решил остаться в умирающей Вселенной. Как бы ему хотелось, чтобы всего этого не было! Ему так не хватало Ринарка, воля и дух которого придавали Эсквиелу уверенность. Теперь уж не вернуть прошлого. Эсквиелу оставалось только найти силы в себе самом или умереть.

Но стоит ему перестать быть тем, что он есть, опасность, грозящая человечеству, безмерно возрастет. Он не без основания считал, что спасение человечества зависит от того, удастся ли выжить ему самому.

Прошло почти двадцать четыре часа относительного времени с тех пор, как флотилия пустилась в путь. Эсквиел решил, что в следующей вселенной, какой бы она ни оказалась, они останутся. Он быстро отдал приказ:

— В 18.00 деактивировать ионно-термоядерные двигатели.

Ровно в 18.00, когда флотилия прекратила движение сквозь универсумы, оказалось, что она находится на окраине какой-то незнакомой галактики, и неизвестно было, что ожидает здесь человечество и какие опасности могут подстергать его.

На правительственных кораблях обрабатывали непрерывно поступающую информацию.

Была составлена карта галактики, которая, как установили ученые, по своей структуре очень незначительно отличалась от той, к которой когда-то принадлежала Земля. Эсквиела это не удивило — ведь слои мультиверсума лишь слегка отличались друг от друга.

Гид-сенсоры исследовали ближайшие солнца и планеты, а телепаты изучали все системы в очень широком пространственном диапазоне в поисках разумной жизни. В случае, если бы они ее обнаружили, им предстояло выяснить, насколько это возможно, как представители этих разумных форм отнесутся к тем, кто вторгся в пределы их Галактики. Метод, которым пользовались телепаты, был нов. Эсквиел перенял его у шаарнцев.

Флотилию с флангов охраняли линкоры галактической полиции; им было поручено опекать эту невиданную по мощности армаду, когда она с фантастической скоростью погружалась в пространство Внешнего кольца спиральной галактики, представляющее собой густую россыпь солнц.

Космические суда смутно вырисовывались в рассеянном свете, наполнявшем пространство вокруг них и простиравшемся на несколько миль. Позади флотилии тьма сгущалась, а еще дальше слабо вспыхивали звезды. В пляшущем, неуловимом облаке света, струящемся от кораблей, мчалась флотилия к месту своего назначения, и никто не знал, достигнет ли она его когда-нибудь.

Однако взору Эсквиела, помимо того что видел он вокруг себя, было открыто и многое другое. Ему было дано созерцать мультиверсум.

Он должен был приложить определенные усилия, чтобы сосредоточить внимание на каком-нибудь одном уровне, каким бы протяженным он ни был. Стоило ему чуть расслабиться, как он сразу с огромным удовольствием ощущал, что существует одновременно на всех уровнях и видит вокруг себя все, что существует в том мультиверсуме, где он теперь находится.

Это было так упоительно прекрасно, будто он жил в мире, где сам воздух сверкает тысячами драгоценных камней, переливается мириадами разных оттенков, вспыхивает светящейся каруселью.

Да, мультиверсум весь целиком был неизмеримо богаче привычного людям универсума. Тут Эсквиел видел и свою флотилию и далекие звезды, все космическое пространство было плотно заполнено, просто битком набито. Мультиверсум был полон жизнью. И каждый дюйм его вызывал жгучий интерес. То, что отделяло один слой от другого, можно было, в известном смысле, назвать вакуумом. Когда же все уровни воспринимались как целое, уже не было никчемного вакуума, не было темного небытия. Все существовало одновременно, все было единым, и были безграничные возможности, был бесценный опыт познания.

Внезапно Эсквиела что-то вывело из трансцендентального состояния. Над его лазерным экраном настойчиво взывала сигнализация.

На экране появилось лицо. Оно было обрюзглым, одутловатым, с тяжелой бульдожьей челюстью.

— Лорд Морден, — приветствовал Эсквиел начальника галактической полиции.

— Эсквиел. — Даже теперь, когда власть Эсквисла стала воистину безграничной, Морден не мог выдавить из себя «князь Эсквиел», так как у Галактического Совета не нашлось времени восстановить этот титул, лишенный, правда, теперь всякого смысла. Морден с важным видом заговорил: — Наши гид-сен-

соры и экстрасенсы получили крайне важную информацию. Мы обнаружили разумные формы жизни и вошли с ними в контакт; они осведомлены о том, что мы вторглись в этот пространственно-временной континуум. Очевидно, это кочующая цивилизация.

— Как они отнеслись к нашему появлению?

— Не могу сказать ничего определенного — экстрасенсы считают, что трудно настроиться на их ментальность...

— Естественно, ведь нужно время, чтобы научиться понимать интеллект, отличный от человеческого. Если у вас появится что-нибудь новенькое, сообщите мне.

Говоря с Эскивелом, Морден был вынужден все время вращать глазами, чтобы поймать изображение собеседника. Казалось, что одновременно появляются несколько образов, состоящих из различных цветовых комбинаций, причем изображения накладываются одно на другое. Эскивел виделся Мордену будто сквозь ряд слабо окрашенных непрозрачных масок, покрывающих его тело как лепестки. Изображение, которое Морден считал основным, находилось немного в стороне от остального множества и казалось лучше сфокусированным. Но и его Морден ни в какой мере не мог идентифицировать с тем образом Эскивела, который хранила его память, — довольно мрачный юноша, энергичный, начисто лишенный всякой сентиментальности; в свое время, несколько лет назад, Морден лишил его и титула, и власти. Сейчас он видел перед собой худого человека со скорбным лицом падшего ангела, сурового, сознающего тяжесть взятой на себя ответственности, с острым взглядом, которому доступно нечто, скрытое от глаз Мордена.

Морден с облегчением отключился от системы связи и сообщил группе экстрасенсов о своем разговоре с Эскивелом.

Эскивел не изнурил свой мозг, пытаясь напрямую вступить в контакт с представителями разумных форм жизни; он просто ждал новых сообщений.

Все это придет потом. Пусть экстрасенсы соберут как можно больше информации, подумал он, надо дать им время, а потом уж он сам целиком переключит внимание на эту проблему.

Он не забыл, как иерархи предупреждали их, что человечество, весьма вероятно, может столкнуться со слепой враждебностью со стороны некоторых форм разумной жизни, но от всей души надеялся, что этого не случится и они смогут обосноваться во вселенной. Если же им не повезет, что ж, придется драться или, в крайнем случае, спастись бегством. Он уже распорядил-

ся снять запрет на антинейтронное оружие, ибо по силе своего разрушительного воздействия оно было поистине непобедимо. Насколько он знал, не существовало таких экранов, которые могли бы защитить от него. Флотилия была готова к бою. Теперь оставалось только ждать.

Эсквиел начал думать совсем о другом. Обосноваться на новых планетах этой галактики — это еще не самое трудное. Гораздо сложнее справиться с теми задачами, которые поставят перед ними иерархи.

Человеческая цивилизация представлялась ему не вылупившимся из яйца цыпленком. Оставаясь под защитой скорлупы, он сохраняет себе жизнь, но ценою полного неведения того, что существует вне этого замкнутого мирка; прорвавшись же сквозь барьеры, отделяющие универсумы друг от друга, человечество сбросило стесняющие его оковы и устремилось навстречу полному и совершенному знанию, которое несет в себе мультиверсум.

Однако цыпленок, думал Эсквиел, может счесть, что, разбив скорлупу, он уже исполнил свое предназначение, но тут вдруг скорлупа падает и за нею встает огромный мир во всей его сложности. Цыпленка окружает двор, а там, дальше, улица, и везде его подстерегает опасность. До него вдруг доходит, что он всего лишь цыпленок и, чтобы стать взрослым, ему надо многому выучиться и многое понять.

А каков, не без иронии размышлял Эсквиел, в конечном счете, обычный удел цыпленка? Поразительно, как много других цивилизаций являлось сюда за те долгие века, что существует мультиверсум. Но выживет только одна, и теперь ею должна стать человеческая цивилизация, ибо если она не обретет свое первородство, прежде чем умрут иерархи, то никто уже не займет их место. Произойдет дезинтеграция мультиверсума, и он снова обратится в хаос, из которого иерархи структурировали его.

Смерть, стихия смерти поглотит космос. Все потонет в море случайности, и лишенный организующего и управляющего начала мультиверсум впадет в состояние коллапса. Все формы разумной жизни — и сами иерархи и те, что созданы ими, — исчезнут!

Теперь Эсквиел, исходя из этого, определил свои главные цели. Человечество не должно исчезнуть; оно выживет и будет развиваться, блестяще осуществит право первородства, уготованное ему судьбой. Еще немного, и человечество станет преемником иерархов.

Однако хватит ли ему времени? Этого Эсквиел не знал, как не знал и того, скоро ли иерархи должны умереть. Ему следовало попытаться сжать процесс эволюции, длящийся столетия, в некий возможно более короткий временной период. И если им не грозит непосредственная опасность, в чем он пока не уверен, у него будет возможность выполнить возложенную на него миссию. Теперь, когда человечество вышло из-под мистического влияния иерархов, оно из страха или просто по недомыслию может не принять саму идею первородства и, следовательно, поставить под угрозу упорядоченность всего мироздания.

Даже теперь во флотилии были такие, кто подвергал сомнению право Эсквиела на роль руководителя, справедливость его взглядов и побудительных причин его действий. Эти сомнения и подозрительность были вполне понятны и оправданы, хотя для человека они столь же губительны, сколь и спасительны. Без них невозможен мыслительный процесс, но зачастую они лишают возможности действовать. Эти свойства человеческой психики следует использовать в своих целях. Эсквиел понимал это. Но каким образом он сможет это сделать?

Внезапно, без предупредительного сигнала, на экране появился Морден. Он уставился куда-то в пространство, наверное, счел, что это лучше, чем видеть перед собой вызывающий смятение образ Эсквиела.

— Эти разумные существа явно готовятся атаковать нас, — твердо сказал он.

Итак, случилось самое худшее. Снова, в который уже раз, предстоит борьба.

— Как вы подготовились? — спросил Эсквиел тусклым голосом.

— Привел в готовность боевые силы; все основные суда защищены энергетическими экранами — правительственные, хозяйственные суда, суда-заводы. Их я намерен перевести в центральную часть нашей армады, ведь они совершенно необходимы нам, чтобы выжить. Вокруг них я размещу пассажирские суда. Третьим рядом пойдут боевые корабли, и среди них частные, оснащенные боевой техникой. Операция проходит достаточно спокойно, правда есть несколько строптивых, с ними придется повозиться. Мы намерены надежно загородить ваш корабль, так что вы будете в полной безопасности.

Эсквиел глубоко вздохнул и медленно сказал:

— Благодарю, лорд Морден. Все это достаточно убедительно.

Мордену казалось, что голос Эсквиела звучит и впереди, и позади, и где-то в отдалении, рождая многократное эхо, напоминая того, как на экране основное изображение Эсквиела создавало множество своих двойников.

— Что вы намерены делать с этими строптивыми?

— Мы, посоветовавшись с членами Галактического Совета, пришли к определенному решению и хотели бы получить ваши санкции.

— Каково же ваше решение?

— Надо использовать доступные нам меры воздействия — отменить чрезвычайное положение, только когда опасность минует.

— Неужели история ничему вас не учит? Авторитарная власть, к которой вы толкаете и меня и себя, будучи однажды принятой, имеет тенденцию простирается за рамки обстоятельств, на которые она была рассчитана. Ведь мы уже несколько столетий не пользуемся методами принуждения и силы.

— Эсквиел, сейчас не время для дискуссий!

И Эсквиел немедленно принял решение. Теперь главное — выжить.

— Решено. Заставьте строптивых подчиниться нашим приказам. Используйте силу, но не вздумайте злоупотреблять ею, в противном случае мы будем обречены на поражение.

— Мне это известно. Благодарю вас.

Эсквиел задумчиво и тревожно наблюдал, как флотилия перестраивается, образуя огромный овал, в центре которого, как ядро ореха в чудовищно толстой скорлупе, находится его памятный крейсер.

Глава 11

Адам Роффрей был психопатической личностью, впадающей в состояние мании без всякой причины и ненавидящий любую упорядоченность и организацию.

Он угрюмо смотрел, как корабли вокруг него перестраиваются, но сам не двигался с места, отказываясь отвечать на сигналы, возникающие у него на экране. Его крупная голова, казавшаяся еще больше благодаря окладистой черной бороде и густым волосам, выглядела вызывающе, а выражение лица было дерзким и упрямым. Он не хотел даже пошевелиться, уверенный, что права на его стороне.

Роффрей не раз уже использовал в своих целях гибкость галактических законов, дававших гражданам многочисленные и широкие права. Его не только не могли заставить принять участие в войне — власти не смели даже обратиться к нему, не заручившись предварительно его согласием. Поэтому он сидел с непроницаемым видом, будто не слыша настойчивых сигналов.

Когда бульдожья физиономия лорда Мордена, так и не дождавшегося разрешения, появилась все же на лазерном экране, Роффрей не подал вида, что крайне удивлен этим обстоятельством, и лишь язвительно улыбнулся. Он заговорил довольно развязно, впрочем, это был его обычный тон, о каких бы серьезных предметах ни шла речь.

— Гиблое дело, лорд Морден. Нечего и думать победить в этой борьбе. На их стороне огромное численное превосходство. Эсквиел толкает человечество к самоубийству. Будем голосовать?

— Нет, — ответил Морден, — не будем. На время чрезвычайного положения все гражданские права, в случае необходимости, подлежат отмене. У вас нет выбора, придется подчиняться приказам Эсквиела и Галактического Совета. Эсквиел знает, что делает.

— Я и сам получше него все знаю. Вот уж пропащее дело, сроду в такие не ввязывался, впрочем, вы можете делать все, что вам вздумается, — сидите здесь, сколько влезет.

Лорд Морден нахмурясь смотрел на чернобородого гиганта, скалившего зубы с экрана.

— Никто не покинет флотилию, Роффрей. Во-первых, это слишком опасно, во-вторых, мы должны держаться сплоченно и организованно, если хотим выжить!

Последние слова его адресовались уже пустому экрану. Он повернулся в своем кресле у пульта управления и крикнул капитану, проходившему мимо:

— Поднимите по тревоге передовое охранение. Один из кораблей может попытаться уйти. Остановите его!

— Каким образом, лорд Морден?

— Силой, если нет другого способа, — ответил Морден, чем привел капитана в замешательство — бедняга за всю свою долгую службу никогда не получал таких приказов.

Адам Роффрей всегда отличался асоциальным поведением. Он всю жизнь балансировал на грани закона и беззакония. Да и теперь он вовсе не собирался уступать требованиям Мордена. Мелкие корабли, как он догадывался, для флотилии пого-

ды не делали, а ему вовсе не улыбалось быть на подхвате. Он не выносил дисциплины, без которой не мыслилась такая грандиозная космическая битва; он считал, что у человечества мало шансов победить в этой войне; наконец, он просто не желал, чтобы лично его втягивали в это дело. Он вообще терпеть не мог, когда его во что-то втягивали.

Итак, Роффрей сорвал энергетическую пломбу со своей антинейтронной пушки и приготовился произвести выстрел, если не будет иного выхода. Как только он двинулся прочь, несколько крейсеров галактической полиции устремились к нему с нади́р-северо-запада.

Он поскреб свой заросший подбородок, потер лоб и протянул волосатую руку к пульту управления двигателем. На полной скорости он помчался прочь от надвигающихся на него кораблей, прочь от флотилии, направляясь в неведомый космос этой неведомой вселенной.

Он был готов на все, стоило ему только заподозрить, что кто-то покушается на его личную свободу.

Его корабль — нечто уникальное, старая развалина, казавшаяся на первый взгляд торговым судном, но оборудованная как линкор, — не мог долго соперничать с крейсером галактической полиции, готовым вот-вот догнать его.

Ворча себе под нос, он обдумывал, как ему теперь поступить.

А на экране уже хорошо была видна приближающаяся из глубин космоса внушительная армада чужеземных кораблей сферической формы; правда, у него в запасе был один верный способ избежать неумолимо грозящей ему опасности.

Однако этот способ, разработанный им прежде применительно к совсем другим обстоятельствам, мог оказаться теперь чрезвычайно рискованным.

Воспользуйся он им теперь, ему никогда больше не видать людей.

Однако необходимо было срочно принять решение.

Его корабль, как, впрочем, и вся флотилия, был оснащен ионно-термоядерным двигателем, позволяющим пересекать границы различных измерений. Он заранее побеспокоился о том, чтобы изучить все, что касалось многомерного пространства, его природы и законов, которым оно подчиняется. Он вдруг понял, что происходит.

Многие годы он исподволь вынашивал свою идею. Теперь ему придется воспользоваться ею.

Крейсеры галактической полиции все приближались, сигналы тревоги непрерывно звучали в приемниках. Он нажал кноп-

ку и, когда на экране появилась карта галактики, стал внимательно вглядываться в приближающиеся корабли.

Галактическая полиция была совсем рядом, а в отдалении маячили две флотилии, приведенные в боевую готовность. На своем экране он видел слабые вспышки разноцветных огней. Он чувствовал страшное напряжение и вместе с тем с удивлением отметил, что наряду с удовлетворением испытывает и чувство вины от того, что не участвует в предстоящей битве. Он отнюдь не был трусом, просто теперь у него была совсем другая цель.

Бросив быстрый взгляд на ряд уравнений, появившихся на экране, он протянул руку к грубо сконструированной системе управления ионно-термоядерным двигателем. Потянул рычаг, настраивающий систему управления, и сразу корабли галактической полиции будто растаяли вдали. То место, где они как бы угасли, служило фоном огромных блистающих солнц, причиняющих его глазам нестерпимую боль.

И вот снова он испытал ни с чем не сравнимое чувство падения сквозь плоскости мультиверсума.

По мере того как он манипулировал ионно-термоядерным двигателем, картина менялась — солнца поблески, вокруг воцарился ледяной вакуум, а потом поползли клубящиеся облака, беспорядочно вздымающиеся наподобие багрово-серых гор.

Одна за другой мелькали плоскости, универсумы сменяли друг друга, оставляя легкое ощущение тошноты, и билось одно отчаянное желание — только бы поскорее все это кончилось.

Корабли галактической полиции уже не преследовали его.

Вероятно, они вспомнили, что все же главная их задача — сопровождать флотилию.

Итак, он летел сквозь пространство и время, сквозь разделяющие их измерения, направляясь к окраине своей Галактики. У него были все пеленги, в которых он нуждался: переходя с одного уровня на другой, он рассекал множество различных измерений с головокружительной скоростью.

Он знал, чего он хочет, но повезет ли ему — ответить на этот вопрос он не мог.

Эсквиел наблюдал сражение на своих экранах, и чувство безнадежности все больше овладевало им. Сражением руководил Морден, а Эсквиел вмешивался лишь изредка, отдавая самые неотложные распоряжения.

«Все ли я делаю, что в моих силах? — спрашивал он себя. — Не слишком ли благодушно принимаю то, что мне открылось?»

Ему не составляло труда безраздельно властвовать над флотилией, ведь его интеллект был гибким и мощным, а его физический облик внушал коллегам благоговейный страх. Однако он ощущал в себе нечто, над чем он не волен, как если бы он был мозаикой-головоломкой, которую невозможно сложить в целостную картину, потому что мучительно не хватает одного-единственного кусочка.

Где-то в мультиверсуме, он чувствовал, недостающий кусочек существует, возможно, это чей-то интеллект, наделенный той же ментальностью и тем же чувственным опытом. Эсквиел был почти уверен в этом, хотя не представлял себе, сможет ли он найти это свое alter ego, без которого немислима целостная природа его личности. Он чувствовал, что процесс совершенствования его как индивидуума прекратился. Интересно, иерархи специально запланировали это? Или же тут просто просчет с их стороны?

Поначалу он думал, что чувство неполноценности, которое он испытывает, возникло после того, как ушел в небытие Ринарк. Ощущение этой потери постоянно жило в нем, он только старался, чтобы оно целиком не завладело его сознанием. Нет, ему недоставало чего-то другого. Если бы знать, чего...

Он придвинулся ближе к экрану, наблюдая за ходом сражения. Первоначальный строй флотилии уже был разрушен из космоса, извергая пронизывающие стрелы ослепительного света, на них ринулась новая волна атакующих, к счастью, они оказались уязвимы для антинейтронных пушек; очевидно, уровни развития военной техники обих сторон не уступали друг другу. Но на стороне коренных обитателей этой Вселенной, кроме численного преимущества, было сознание, что они защищают свой дом. Это последнее соображение более всего остального внушало тревогу Эсквиелу.

Однако в этот момент он не мог предпринять решительных действий. Он должен был ждать.

Пока Морден, выбиваясь из сил, старался отразить новый натиск нападавших, Эсквиел позволил своему сознанию пересечь ряд уровней мультиверсума и вступить в контакт с теми, кто руководил чужеземными флотилиями. Если они отвергнут условия мирного договора, он попытается хотя бы договориться о перемирии.

К своему удивлению он обнаружил, что они не отвергают его предложения.

Оказалось, что, с их точки зрения, существует альтернатива войне, о чем они с большим воодушевлением сообщили Эскивиелу.

Что же это за альтернатива?

Игра, ответили они. Давайте играть, и победитель получит все.

Поняв, что это за игра, Эскивиел мгновенно все взвесил. Тут были доводы и за и против...

В конце концов, он дал согласие и вскоре увидел, как вражеские корабли исчезли в пустоте.

В некотором смятении он сообщил о своем решении Мордену и стал ждать результата.

Новый оборот, который приняло сражение с чужаками, чрезвычайно встревожил лорда Мордена. Война — да, он понимал, что это значит. То, что произошло потом, было недоступно его разумению. Психологи, психиатры, физиологи и прочие специалисты были отправлены на огромный судно-завод, переоборудованием которого уже были заняты инженеры.

Теперь, следуя указаниям Эскивиела, сражение должно было вестись с этого единственного корабля и, что странно, без применения какого-либо оружия!

Эскивиел был недостижим — он совещался с командованием чужеземной флотилии особым, только ему доступным способом. Довольно часто он прерывал беседу, чтобы отдать поражающие всех распоряжения.

Например, сообщал кое-что об условиях игры. Что же это за игра, удивлялся лорд Морден, где в качестве игроков выступают профессиональные психологи. И зачем инженеры устанавливают это сложное электронное оборудование в огромном переоборудованном трюме судна?

— Для нас это единственный шанс одержать победу, — пытался объяснить ему Эскивиел. — Надо сказать, шанс очень и очень слабый, но, если мы сумеем хорошо разыграть его, мы победим.

Морден вздохнул. По крайней мере, его перемирие позволит выиграть время, перегруппировать флотилию и оценить нанесенный им ущерб. А повреждения были довольно крупные. Две трети флотилии были выведены из строя. Фермерские и заводские суда работали с полной отдачей, чтобы снабдить флотилию самым необходимым. И тем не менее было введено жесткое нормирование. Теперь люди получали только тот минимум, который позволял им выжить. Состояние эйфории, сопровождавшее исход, теперь сменилось глубокой депрессией.

Адам Роффрей прекрасно понимал, что его ждет. Он блокировал ионно-термоядерный активатор, поставил его в позицию «закрыто» и направился к смутно вырисовывающейся вдали системе.

Она висела в пустом пространстве, контуры ее планет, вершивших случайное движение вокруг великоленного знойного солнца, были размыты.

Эта призрачная система быстро заполняла собою лазерный экран. С каждым мгновением она становилась все ближе, неся с собой немыслимое многообразие своих миров.

Героическая эпопея Ринарка и Эсквиела, их поиски Разлученных миров — все это превратилось в славное предание, и мало кто из людей в те дни не знал о нем. Однако оказалось, что Роффрей все это касается лично — волею случая его судьба переплелась с судьбами Ринарка и Эсквиела.

Он знал, что двое из экипажа Ринарка, Уиллоу Ковекс и Пол Телфрин, — Роффрей даже помнил их имена — остались на Беглеце. Но было еще одно имя, которое не шло у него из головы — имя женщины, которую он должен найти. Если и на этот раз он не найдет ее, подумал он, тогда придется смириться с мыслью о ее смерти. И о своей тоже. У него эта идея обрела уже форму маниакального психоза.

Приближаясь к системе Беглец, он со все возрастающим вниманием вглядывался в ее. Она заметно изменилась. Планеты размещались обычно, а не эквидистанционно, как он предполагал. И, как ему показалось, система прекратила наконец свой безумный бег.

Ему припомнилась вся эта история, которая так стремительно обростала мифологическими подробностями в глазах человечества, покинувшего свою Галактику. Он знал, что некая собакоподобная популяция, известная под именем шаарнцев, пыталась остановить бег системы сквозь различные измерения.

Очевидно, им это удалось.

Сверяясь со своими картами, он нашел Энтропием и стал осторожно входить в зону Беглеца, ведь он был достаточно хорошо осведомлен о том, какие опасности его ожидают: во-первых, бессмысленная враждебность со стороны Трона и, во-вторых, сама хаотическая природа Беглеца, не подчиняющегося никаким законам.

Соблюдая величайшую осторожность, он опустил над Энтропием и стал исследовать его в поисках единственного города, некогда возведенного на этой планете; пока ему везло —

он не столкнулся ни с враждебными силами, ни с хаосом, которого он опасался.

Однако ему никак не удавалось обнаружить город.

Правда, он нашел место, где он, похоже, находился когда-то. Сейчас здесь были просто какие-то руины. Он ухитрился посадить корабль на пустыре, заваленном искореженными стальными конструкциями и обломками бетонных сооружений.

Внимательно взглядевшись в простирающиеся вокруг развалины, он заметил вдруг, что какие-то зловещие тени поспешно скрываются в темных углах среди разрушенных зданий. Что здесь произошло, он ума не мог приложить.

Наконец, мучимый дурными предчувствиями, он натянул бронированный скафандр, прицепил сбоку антинейтронный пистолет, прошел через шлюзовую камеру и ступил на поверхность планеты.

Энергетический барьер, взметнувшийся откуда-то из глубокой воронки, распростерся над силовым экраном Роффрея. Пошатываясь, он доковылял до корабля, прислонился к посадочной опоре и вытащил пистолет из кобуры.

Стрелять он не стал, ибо, как всякий нормальный человек, испытывал неодолимое отвращение при виде жестокого разрушительного действия антинейтронного оружия.

Он видел, как инопланетянин — сверкающая белоснежная кожа наподобие пластикового покрытия обтягивала лишенное головы коренастое тело с длинными ногами и коротенькими ручками — показался над краем воронки, держа обеими руками слегка покачивающуюся длинную металлическую трубку, которую и нацелил на Роффрея.

И тут Роффрей выстрелил.

Существо пронзительно взвыло — наушники шлема донесли его предсмертный крик. Беднягу прошел мощный поток антинейтронов, последовала мгновенная агония, материя как бы расплавилась и наконец исчезла совсем.

— Эй!

Роффрей обернулся на голос и увидел фигуру человека, если можно назвать человеком кучу грязных отрепьев, который махал ему рукой.

Роффрей бросился к нему.

В воронке, превращенной в примитивную крепость с помощью наваленных по краям груды разных обломков, Роффрей обнаружил горстку несчастных — все, что осталось от прежних обитателей Энтрописама. Человек, который подавал ему знаки, был чудовищно худ — просто кожа да кости, на

лице выделялись только огромные глаза. Кожа, грязная, покрытая струпьями, туго обтягивала череп. Он провел пальцами по своему почти бесплотному телу и настороженно посмотрел на Роффрея.

— Мы совсем оголодали здесь, — сказал он. — Может, у вас найдется что-нибудь поесть?

— А что тут стряслось? — спросил Роффрей, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Куда ни кинешь взгляд, везде царит запустение. Очевидно, эти жалкие существа сбились в стаю, чтобы защитить себя от чудовищ, населявших развалины. Выжить удалось, видимо, только самым здоровым.

Оборванец оглядел кучи щебня вокруг.

— Что стряслось? Мы и сами не знаем. Просто все обрушилось на нас...

— Какого черта вы торчите здесь?

— Нет кораблей. Почти все разрушены.

Роффрей поморщился:

— Схожу на свой корабль и тотчас обратно. Прикройте меня.

Вскоре он снова появился с ящиком в руках и побежал, спотыкаясь, скользя и пошатываясь, по вздыбленной, в обломках, земле. Бродяги жадной толпой бросились к нему, а он вынимал пакеты с едой и раздавал им.

Безусловно, с этой планетой, а может быть, и со всей системой случилось какое-то страшное несчастье. Роффрей решил, что он обязан узнать, что произошло и какова причина этой катастрофы.

Вот какая-то женщина отделилась от группы сидящих на корточках вокруг нищи людей. За ней последовал тот самый — кожа да кости.

— Вы, должно быть, из родной нам Галактики, — заговорила она. — Как вы попали сюда? Они что... узнали, как функционирует Беглец?

— Вы имеете в виду Ринарка и Эсквисла?

Роффрей внимательно вглядывался в лицо женщины — нет, он не знал ее. Он отметил, что когда-то она, видимо, была красавица, впрочем, если снять с нее лохмотья и смыть грязь, она и сейчас будет недурна.

— Они все выдержали и остались живы. Им удалось узнать нечто такое, на что они и не рассчитывали, но они все-таки выжили. Нашей Вселенной не существует более. Но человечество, точнее часть его, не погибло. Правда, не знаю, теперь, может, погибли уже все.

Человек с тощим лицом обнял женщину. Оба они казались ожившими скелетами, и этот жест только усилил жуткое впечатление, которое они производили.

— Ты не нужна была ему ни тогда, ни сейчас, — сказал худощавый женщине.

Роффрей чувствовал, что эти двое напряженно ждут чего-то, но не мог понять, в чем дело.

— Помолчи, Пол, — сказала женщина. — Что Ринарк и Эсквисл, живы ли они?

Роффрей отрицательно покачал головой:

— Ринарк мертв. А с Эсквислом все в порядке, он ведет флотилию. Председатель Галактического Совета передал ему все полномочия, пока сохраняется чрезвычайная ситуация. Все сейчас подчиняются ему.

— Наш провинциал преуспевает, — заметил скелет-мужчина.

Роффрей понял наконец, кто эти двое.

— Вы ведь Пол Телфрин, да? — спросил он, ткнув пальцем в сторону мужчины.

Телфрин утвердительно кивнул и указал на женщину. Она опустила глаза.

— А это Уиллоу Ковекс, моя жена. Мы вроде как поженились... Эсквиел говорил о нас, а? Думаю, это он послал вас за нами?

— Вовсе нет.

Уиллоу Ковекс вздрогнула. Роффрей подумал, что, видно, не слишком-то она привязана к Телфрину; в ее глазах, обращенных к нему, читалось что-то вроде вялой ненависти. Возможно, она смотрела на него просто как на человека, который способен защитить ее в этом аду. «Впрочем, какое мне до этого дело?» — подумал Роффрей.

— Что произошло с теми людьми, которые были здесь? — спросил Роффрей, возвращаясь к тому, что интересовало лично его; он с огромным трудом преодолевал отвращение, которое вызывал у него вид этих опустившихся бродяг. — Они все погибли?

— Разве вы ничего не заметили, когда пробирались сюда по развалинам? — спросил Телфрин. — Может, вам попадались мелкие, удирающие со всех ног животные?

Действительно, Роффрей видел их. Они производили отталкивающее впечатление, а почему, он бы даже не смог объяснить.

— Все эти мелкие твари были разумными существами. По какой-то причине Беглец вдруг перестал двигаться. И тут нача-

лось совершенное безумие, оно длилось бесконечно долго, пока наконец все как-то снова не установилось. Так уж случилось. Когда все успокоилось, почти все люди и инопланетяне претерпели сильные изменения, выродившись в эти существа. Кто-то считает, что это произошло в результате реакции метаболических процессов на феномен искажения пространства-времени, вызванный внезапной остановкой, — мне это все непонятно. Я ведь не специалист в этой области, да и вообще не ученый, я просто астрогеограф, непризнанный к тому же...

Казалось, Телфрин погрузился в состояние полной отрешенности, потом вдруг очнулся:

— Город разрушен до основания. Все это было просто чудовищно. Многие сошли с ума. Наверно, Эсквиел говорил вам...

— Да я никогда и в глаза его не видел, — перебил Роффрей. — Знаю только понаслышке. Я здесь, только чтобы разыскать одного человека, женщину, она помогла Ринарку, сообщила ему некие важные сведения. Ее зовут помешанная Мери, она душевнобольная. Слышали о ней?

Телфрин указал вверх, в беспокойное небо.

— Она что, умерла? — спросил Роффрей.

— Исчезла, — ответил Телфрин. — Когда город стал рушиться, она бросилась в один из нескольких уцелевших кораблей и взмыла в космос. Скорее всего, она погибла. Она была как зомби и на вид совершенно помешанная. Казалось, будто ею двигали какие-то потусторонние силы. Я слышал, будто она хотела попасть на Рос. На такое может решиться только сумасшедший! Она, черт ее побери, взяла самый лучший корабль из всех, что были здесь. Это Хоузер, стандарт семь.

— Значит, она направилась к Росу? А что, это и в самом деле безумие?

— Я ведь сказал, только чокнутый может ринуться на Рос, если только она действительно отправилась туда.

— Как вы думаете, есть надежда, что она жива?

— Все может быть. Ведь Эсквиел и Ринарк остались живы.

— Благодарю вас, вы сообщили очень важные для меня вещи. — С этими словами Роффрей повернулся и пошел прочь.

— Эй! — скелет вдруг оживился. — Не бросайте нас! Возьмите с собой, ради всего святого, доставьте нас на флотилию!

— С чего вы взяли, что я собираюсь возвращаться на флотилию? Я лечу на Рос, — сказал Роффрей.

— Все равно, возьмите нас с собой, пусть лучше Рос, только бы не оставаться здесь! — в пронзительном крике Уиллоу звучало отчаяние.

Роффрей задумчиво помолчал, потом решился:

— Ладно! Давайте!

Едва они подошли к кораблю, как какое-то маленькое чешуйчатое существо поспешно перебежало им дорогу. Роффрей в жизни не видел ничего подобного и много бы отдал, чтобы никогда больше не встретиться с такой тварью. Энтропием даже во времена процветания содержал в себе некие признаки вырождения, которые теперь возобладали, — нравственная и ментальная деформация, претерпеваемая обитателями планеты, проявлялась теперь в их отталкивающем физическом облике, Энтропием стал вместилищем зла, где наделенные интеллектом биологические виды готовы, как звери, пожрать друг друга в борьбе за выживание. Он стал гибельным миром, разложение которого, наряду с прочими причинами, было вызвано порочными психологическими комплексами его прежних обитателей.

Роффрей, достигнув наконец корабля, почувствовал большое облегчение.

Уиллоу и Телфрин вскарабкались в шлюзовую камеру; Роффрей бросил последний взгляд назад, на руины города, и лицо его омрачилось. Он помог своим спутникам подняться на борт и задрал люк.

Теперь все его мысли сосредоточились на Мери.

Глава 12

Роффрей, сидя сгорбившись за пультом управления, разглядывал лежащую перед ним карту и обдумывал, что же ему предпринять. Карта, вопреки ожиданиям, явно не соответствовала тому, что он видел перед собой. Правда, он мог идентифицировать планеты по их описанию, хотя их местонахождение совсем не соответствовало прежнему.

Уиллоу и Телфрин привели себя в порядок. Теперь они оба выглядели значительно лучше. Корабль Роффрея едва ли можно было считать образцом аккуратности. Да и слишком чистым его тоже не назовешь, везде стоял запах работающих механизмов — машинного масла, горелой резины, пластмассы и кожи. Правда, Роффрею все эти ароматы приходились по вкусу.

Сейчас он был недоволен собой. Не очень-то он жаловал общество себе подобных. «Кажется, я становлюсь слишком чувствительным», — подумал он.

Теперь, отправляясь на Рос, он начал испытывать беспокойство — кто знает, что ждет его там.

— Мы готовы! — сказал Телфрин.

Роффрей запустил двигатель, и корабль поднялся. Сжечь бы этот город дотла, подумал Роффрей, но поборол искушение. Поднявшись в космос, он испытал сильное облегчение и, переведя двигатель в импульсный режим, стал перемещаться по коротким траекториям — так совершались обычно космические путешествия на небольшие расстояния, — чтобы достичь Роса, который теперь был удален от двойной звезды на максимально возможное расстояние, будто кто-то его нарочно отодвинул как можно дальше от остальных планет системы.

Из всех планет, входящих в систему Беглец, именно Рос бросал самый дерзкий вызов всей логике космоса, открыто попирая ее законы. Насколько помнил Роффрей, Рос, известный также под названием «Забытое милосердие», содержит эти неисчислимы разрувы, или бреши. Ринарк и Эсквиел обрели там сверхъестественные свойства. А Мери, несчастную Мери, которая помогла им, постигло безумие.

Может быть, она умчалась на Рос, чтобы попытаться изгнать призрак, ввергнувший ее в безумие. А может, это бегство просто следствие ее душевной болезни. Во всяком случае, ему предстояло разобраться в этом.

Сейчас планета казалась очень крупной. На всех экранах, заполняя их собой, маячил этот зловещий шар, с его пятнистой аурой, легким плывущим туманом, черными язвами и, что самое страшное, — разрывами. Причем невидимых было гораздо больше, чем видимых. И в них содержалось нечто, но человеческому глазу было не дано узреть этого.

Роффрей швырнул корабль вниз, пронзая судорожно дергающееся гравитационное поле, и стал, раскачиваясь, приближаться к поверхности этой негостеприимной планеты, которая пульсировала внизу, точно море расплавленной лавы, непрерывно меняя форму и струясь, — настоящая преисподняя.

Казалось, здесь не существует гравитационного поля, подчиняющегося какому-либо закону. Приборы все время фиксировали разные показания. Роффрей изо всех сил старался опуститься как можно более плавно, сосредоточив все свое внимание на этом маневре; Уиллоу и Телфрин, задыхаясь, бормотали что-то невнятное — зрелище, открывшееся их взору, повергло их обоих в ужас.

Роффрей напряженно пытался уловить хоть что-нибудь привычное в этом безумном мире. Вдруг он припомнил, как однажды, глядя на Ринарка и Эсквиела, наблюдал то же самое свойство — невозможно было уловить их образы, как если бы их

физические сущности пребывали на различных уровнях, в том числе и на тех, что недоступны человеческому видению.

Ну и зловещее же местечко! Но люди предстают здесь в великоленных образах.

Да, точнее не скажешь — именно зловещее!

Это слово жгло его сознание. И тут в один краткий миг он испытал и обволакивающую теплоту, и восторг, и наслаждение, столь же острое и изысканное, сколь и быстротечное, точно в одну минуту он познал и жизнь, во всей роскоши ее ощущений, и смерть.

Его сознание было бессильно воспринять все это. Да и времени не хватало — корабль раскачивали неожиданные, наводящие ужас толчки гравитационного поля Роса. Он вел корабль отчаянно-вдохновенно, планируя над самыми языками тумана, кипящего на поверхности, тщетно пытаясь взглянуть в разрывы, а все автоматические приборы между тем работали, как бешеные, давая какие-то немыслимые показания, и лазеры сканировали эту колеблющуюся поверхность.

Пыталась ли Мери, как и Ринарк, обнаружить иерархов? Может, что-то или кто-то снова вверх ее в тот самый мир, который лишил ее рассудка?

Вдруг он обнаружил на своих экранах какой-то корабль, окруженный светящимся туманом, источающим пронзительную тоску и вызывающим какое-то щемящее болезненное чувство. Это был Хоузер, серия семь, корабль, па котором бежала Мери. Измеритель энергии показывал, что двигатель Хоузера работает. Это могло означать, что он совсем недавно приземлился или, напротив, готовится к взлету. Роффрей понял — он должен спешить!

Он быстро и резко бросил машину вниз, осыпая проклятиями тиски гравитационного поля, внезапно сжавшие его так, что он едва успел скомпенсировать их действие и посадить свой корабль рядом с Хоузером. Не снимая перчаток, он судорожно включил приемо-передатчик, мгновенно установил связь с Хоузером с помощью лазерного луча.

— Эй, там, на борту?

Никакого ответа.

Уиллоу и Телфрин жадно всматривались в экран через плечо Роффрея.

— Похоже, корабль только что прибыл, — заметил Роффрей.

Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что это ничего не означает. Все его надежды зиждились на слишком шатком основании.

Он тщательно исследовал с помощью лазера всю близлежащую местность. На экране мелькали какие-то странные тени, которые, по мере приближения, как бы сразу таяли. Безжалостная, смертельно опасная, безумная планета, с ее тошнотворно баюкающим и повергающим в трепет туманом, с ее непостижимыми, противоестественными разрывами. Удивительно, как удалось выжить здесь людям. Однако сомнений быть не могло — они выжили. Свидетельство тому Эсквиел и Мери. С другой стороны, совершенно понятно, отчего они становились душевнобольными, но вот представить себе, что кому-то удалось сохранить здесь рассудок, — просто невыносимо. Ведь это был ужасный, ни на что не похожий мир, зияющий зловещими разрывами, точно с него содрали кожу, мир, окутанный таинственной бурлящей субстанцией; казалось, его ни на минуту не прекращающееся буйное в своей первозданности кипение источает дикую ярость и гнев, сулящий гибель всему сушему.

Мери мог поглотить, что весьма легко себе представить, какой-нибудь из этих разрывов, или же она исчезла другим, неизвестным образом. Роффрей, стиснув зубы, оторвал взгляд от экрана и открыл шкафчик, где хранился его скафандр.

— Если понадобится помощь, вызову вас по переговорному устройству, — сказал он, поднимая упавший шлем. — Скафандры лежат здесь.

Он пошел к подъемнику шлюзовой камеры.

— Я устанавливаю наушники на прием. Если увидите что-нибудь, какой-нибудь след Мери, дайте мне знать. Сканеры пусть работают все время.

— Надо быть идиотом, чтобы идти туда! — сказал Телфрин раздраженно.

— Не ваше дело, — сурово ответил Роффрей, закрепляя защитный экран-маску. — Не вмешивайтесь. Если случится, что я погибну, с кораблем делайте что хотите. Надо посмотреть, что там с Хоузером.

Он вышел в наружный шлюз и стал спускаться с корабля прямо в желтую жидкую субстанцию, которая, едва он ступил в нее, внезапно превратилась в сверкающую горную породу. Под ногами у него было что-то скользкое, и в ступнях ног он ощущал зуд.

Губы его пересохли, кожа на лице, казалось, стала ломкой и вся покрылась трещинами. Зрение тоже изменяло ему — предметы то виднелись четко в фокусе, то расплывались перед глазами. Но больше всего мучило его полное безмолвие. Инстинкт

подсказывал ему, что чудовишные превращения, происходящие на поверхности планеты, должны сопровождаться какими-то звуками. Однако вокруг царило молчание, которое как бы подчеркивало призрачность, нереальность того, что происходило вокруг.

Теперь он уже не видел своего собственного корабля и, приближаясь к Хоузеру, заметил, что входной люк широко открыт. Войдя внутрь, он увидел, что открыт и второй люк шлюзовой камеры. В корабле кружились облачка какого-то газа. Кабина управления выглядела так, будто пилот только что вышел отсюда. В блокноте, лежавшем рядом с устройством для обозрения карты, были нацарапаны несколько цифр. Смысл не был понятен, но это был почерк Мери!

Он поспешно осмотрел корабль, но не нашел больше ничего интересного. Быстро протиснувшись через дверь кабины, он прошел в шлюзовую камеру и вышел наружу. С огромным напряжением он вглядывался в плывущий вокруг него светящийся туман. Этот туман, он завораживал, навевая бесконечное уныние. Но Роффрей заставлял себя пробиваться сквозь него в слепой надежде найти Мери, которая, может быть, бредет где-то совсем рядом.

Вдруг в тумане появились какие-то две фигуры и тут же исчезли, будто растворились в нем.

Ему показалось, что он узнал одну из них. Он окликнул их. Но ответа не последовало. Он пошел было за ними, но тут же потерял их из вида.

Вдруг пронзительный крик ворвался в его наушники:

— Эсквиел! О, Эсквиел!

Он осмотрелся вокруг. Это был голос Уиллоу Ковекс. Может, Эсквиел ищет его? Может, флотилия потерпела поражение? Если это так, то почему эти двое не отозвались, когда он крикнул им?

— Эсквиел! Вернись! Это я, Уиллоу!

Но Роффрей хотел найти Мери, а Эсквиел совсем не интересовал его. Он пустился бежать, погружаясь временами в галлюцинаторный бред, продираясь сквозь молчаливо теснящиеся вокруг него призраки, которые будто хотели поглотить его, мчался сквозь какие-то лазурные туннели, возносился к розовато-лиловым вершинам. Местами гравитационное поле было столь слабым, что он даже не шел, а высоко подсакивал, а в местах с сильной гравитацией едва волочил свое тело.

Вот он ступил в зону низкой гравитации, подпрыгнул и тут же внезапно угодил в высокогравитационную область, да так,

что из него чуть душу не вытрясло. Превозмогая боль, он с трудом переставлял ноги, которые едва удерживали неподъемно тяжелое тело.

Вдруг он услышал голос, откуда он шел — непонятно: то ли из наушников, то ли извне. Он сразу узнал этот голос. Сердце бешено рванулось в груди.

— Тепло, тепло, тепло... Где я? Здесь... но... Отпустите меня... Отпустите...

Это был голос Мери.

На мгновение он впал в состояние шока. Рот пересох, лицо окаменело. Тело сковал холод — он весь напрягся в надежде снова услышать этот голос.

— Мери, где ты?

Он чувствовал себя как в жутком сне, когда знаешь, что тебе грозит опасность, но у тебя нет сил бежать, скрыться от нее, и кажется, будто ноги приросли к земле, а время остановилось.

— Мери! — прохрипел он.

Не прошло и нескольких минут, как в ответ раздалось:

— Иди! Не останавливайся. Только не останавливайся!

Он не был уверен, что этот призыв адресован ему, но все же счел за лучшее повиноваться.

И он снова пустился в путь, шатаясь и падая. Потом ему стало казаться, будто планета вздыбилась над ним, а сам он, подобно Атланту, медленно оседает под ее непомерной тяжестью.

Из груди его вырвался страшный крик.

И тут до него снова донесся голос Уиллоу:

— Эскивел! Эскивел!

Что происходит? Все перепуталось. Он ничего не мог понять... Он чувствовал, что слабеет. Взглянув вверх, он заметил, что какие-то маленькие фигурки снуют по планете, которую он держит в руках. Потом он почувствовал, что начал расти, расти, расти...

Он снова не смог сдержать крика и услышал, как пустота многократно вторит раскатам его голоса.

В ушах бесконечно отдавался этот грохот, сердце бешено колотилось, казалось, оно вот-вот разорвет грудь. Он, задыхаясь, отчаянно карабкался по круто корящейся поверхности планеты, чуть ли не ногтями цепляясь за нее.

Он чувствовал себя гигантом на этой крошечной планете — и вместе с тем ничтожной букашкой, барахтающейся то ли в вязкой жиже, то ли в вате.

И он засмеялся — бессмысленным и страшным смехом сумасшедшего.

Стоял и смеялся, как слабоумный... Но вдруг смех оборвался — он ухватил рвущиеся, ускользающие нити своего слабоющего разума, напрягся, натянул их. И вот он уже стоит на клочке твердой поверхности с низкой гравитацией, и все вокруг выглядит совершенно обыденно, если только это определение вообще применимо к Росу.

Он скользнул взглядом вокруг и внезапно увидел сквозь туман Мери — она стояла рядом. Он бросился к ней.

— Мери!

— Эскивел!

Это была не Мери, это была Уиллоу Ковекс в скафандре, который принадлежал когда-то Мери. Он готов был сбить ее с ног, но на ее лице читалось такое горькое разочарование, что он был обезоружен. Он хотел пройти мимо, но передумал и вернулся к ней.

— Уиллоу, Мери где-то здесь, я знаю...

И вдруг ему открылась истина.

— Боже мой! Ну конечно же. Ведь время здесь так скручено и искривлено, что нам дано видеть то, что происходило когда-то в прошлом, так же, как и то, что случится в будущем!

В светящемся тумане показалась еще одна фигура. Это был Телфрин.

— Я не смог связаться с вами из корабля. Там какая-то женщина. Она...

— Это тебе померещилось, дружище. Ступай-ка снова на корабль!

— Пойдемте вместе. Ничего мне не померещилось. Она сама пришла на корабль!

— Давай води нас назад, — сказал Роффрей.

Уиллоу стояла как вкопанная, даже пальцем не шевельнула. Кончилось тем, что они подняли ее, несмотря на то что она пыталась ускользнуть от них, и потащили. Правда, пройти надо было не более трех ярдов.

Женщина была одета в скафандр. Она лежала на полу в каюте. Роффрей склонился над ней, поднял экран, защищавший лицо.

— Мери, — сказал он нежно. — Мери. Слава тебе, Господи!

Она открыла большие глаза, взгляд был мягкий, прежде он так и светился умом. Какое-то мгновение в нем еще блистал интеллект, более того, в нем читалось некое высшее абсолютное универсальное всенедение. И вдруг взгляд погас, Мери

скривила губы, сиюсь сказать что-то, но их свело судорогой, зубы оскалились, как у слабоумной, и она замерла, уставясь в пространство пустыми глазами.

Роффрей тяжело поднялся.

— Уиллоу, помогите снять с нее скафандр, — сказал он, устало махнув рукой, — Положим ее на койку.

Уиллоу смерила его ненавидящим взглядом:

— Я не нашла Эсквиела. Вы помешали мне.

— Да будь он здесь, он и видеть тебя не захотел бы, — сказал Телфрин. — Если ты сохнешь по нему, так надо было раньше думать. Теперь уже поздно. Ничего не попишешь, Уиллоу, ты навсегда потеряла его!

— Если мы встретимся, он вернется ко мне. Ведь он любил меня!

— Слушайте, лучше помогли бы мне, — раздраженно сказал Роффрей Телфрину.

Телфрин кивнул. И они стали снимать с Мери скафандр.

— Уиллоу, — сказал Роффрей, когда они закончили, — Эсквиела нет здесь, я хочу сказать, сейчас нет. Вы видели то, что происходило много лет назад. Ведь был еще и Ринарк, а Ринарк уже умер. Понимаете?

— Я видела его. Он слышал, как я звала его!

— Возможно. Не знаю. Но успокойтесь, Уиллоу. Мы вернемся во флотилию, если, конечно, повезет и если она вообще еще существует. Там вы увидите Эсквиела.

Телфрин грубо дернул скафандр, стаскивая его с бесчувственного тела Мери. Он стиснул зубы, но не проронил ни слова.

— Вы возвращаетесь во флотилию? Но вы ведь сказали... — Уиллоу казалась смущенной. Роффрей заметил, что она бросила на него какой-то странный взгляд, в котором читались и нетерпение, и сосредоточенность на каких-то своих, потаенных чувствах.

— Мери надо лечить. Здесь это невозможно. Поэтому мы возвращаемся. Да ведь вас это должно радовать.

— Да, — сказала она. — Да-да, конечно.

Он задраил люки, и ненавистный пейзаж Роса больше не раздражал их. Они сразу почувствовали себя в некоторой безопасности.

— Все ясно, Уиллоу, — начал вдруг Телфрин. — Ты поставила все точки над і. Я больше не буду докучать тебе.

— Вот так-то лучше.

Она обернулась к Роффрею:

— Это и к вам тоже относится, как, впрочем, и ко всем остальным. Для меня не существует никого, кроме Эсквисла, вы убедитесь в этом, как только мы вернемся во флотилию!

— Да не кипятитесь вы так, — усмехнулся он. — Вы совсем не в моем вкусе.

Она, явно уязвленная, тряхнула своими блестящими волосами.

— Спасибо и на том, — бросила она.

Роффрей улыбнулся Мери, которая, сидя на койке, то бормотала что-то нечленораздельное, то мурлыкала. Роффрей подмигнул ей.

— Вот кто в моем вкусе, — сказал он нежно.

— Это просто жестоко, — резко бросила Уиллоу.

— Она моя жена, — сказал Роффрей с улыбкой, и только теперь Уиллоу поняла наконец, что скрывалось за всем этим.

Она отвернулась.

— Ну, трогаемся, — сказал Роффрей бодро. Теперь было ясно, что нужно делать, и он не желал терять времени.

Он не знал, как долго Мери пробыла на Росе. Может быть, всего несколько минут реального времени, а может, сотню лет в масштабе времени этой планеты. Он боялся даже думать об этом, ведь он знал, как жестоко мог пострадать ее рассудок. «Надеюсь, психиатры хоть что-нибудь смыслят в этом», — думал Роффрей. Он был готов ждать и надеяться.

Он подошел к ней. Она отпрянула от него, что-то бормоча и напевая, ее огромные глаза, казалось, расширились еще больше.

Он мягко, но настойчиво заставил ее лечь на койку и осторожно стянул ремнями безопасности. Она его не узнавала, и он мучительно страдал от этого, но тем не менее, улыбаясь и даже мурлыча себе под нос какой-то мотивчик, уселся в кресло в кабине управления, потянул на себя рычаг, подстроил приборы, зашелкал переключателями, и вскоре звук его голоса потонул в мощном реве двигателя.

И вот вспышка, мерцание огней, и они взмывают в глубокий космос, удаляясь прочь из системы Беглец в лишенную признаков жизни пустоту. Взлет оказался таким легким, что Роффрею почудилось, будто кто-то добрый и сильный мягко вытолкнул их ввысь...

Покоряясь неизбежно предстоящему испытанию, он начал движение, рассекая плоскости разных измерений и устремляясь назад, в тот пространственно-временной континуум, где он оставил флотилию.

Тем временем человеческий разум беспорядочно метался, содрогаясь, в страстном стремлении одержать верх в этой страшной игре. Рассудок изнемогал. Нервы не выдерживали. Однако вопреки всему, едва ли отдавая себе отчет в том, что творится вокруг, лорд Морден понуждал свою команду продолжать борьбу, ибо был убежден: человечество должно победить в этой игре или погибнуть...

Свистящие звуки — первое, что услышал Роффрей, когда вывел корабль из пространственно-временной системы Беглец на следующий уровень.

Космическое пространство вокруг них вдруг заблистало мириадами звезд, невиданно стремительное вращение какой-то спиральной галактики выбрасывало наружу палящее пламя неистовых, разнузданных солнц. И тут свист, который поразил их вначале, сменился звуками ужасающего стенания, заполнившими собою весь корабль, — человеческие голоса просто тонули в этом вое.

Роффрей был поглощен наблюдением за показаниями приборов. Опыт, хоть и весьма ограниченный, управления устройствами, предназначенными для путешествий сквозь пространственно-временные континуумы, подсказывал ему, что корабль легко может проскочить через них и просто-напросто затеяться.

Приборы его корабля не были предназначены для столь дальних перелетов, Роффрей знал это, но каждый универсум, как часть общего мультиверсума, имел свои собственные координаты, и приборы, как бы грубы они ни были, все-таки улавливали разницу. Над основным лазерным экраном у Роффрея висела карта, позволяющая распознать тот универсум, где находилось человечество. Путь туда был опасен, Роффрей не мог даже с уверенностью сказать, возможен ли он вообще.

Звук тем временем все нарастал — теперь он вызывал уже болевые ощущения; из монотонного он превратился в пульсирующий, изматывающий нервы визг. Роффрей вошел в следующий слой.

Галактика, раскинувшаяся перед ними, была настоящей моделью ада: в ней бурлила лишенная какой-либо формы материя, расплывчатая, сверкающая, горящая чистыми, первозданными красками — красной, белой, черной, желтой, — беспорядочно и медленно переливающимися одна в другую. Это был универсум, проходящий стадию то ли зарождения, то ли распада.

Стояло почти полное безмолвие, когда Роффрей покидал этот континуум и входил в следующий. Все это время он, не переставая, бодро насвистывал что-то легкомысленное. Внезапно веселое насвистывание оборвалось — он услышал, как Мери застонала.

Они находились в самом центре какой-то галактики.

Везде, куда ни кинь глаз, лежали скопления звезд. Роффрей изумленно смотрел на них, его удивляло, что субстанция, заполняющая пространство вокруг них, казалось, непрерывно струится, все время неузнаваемо меняя, смазывая картину их расположения, да и сам вид этих звезд.

Но вот корабль миновал загадочные звезды и попал в бурлящую темноту газообразной массы, которая постепенно обретала какие-то чудовищные, смутно знакомые формы; это зрелище вызвало у Роффрея странное омерзение, он отвернулся и сосредоточился на приборах.

То, что он увидел, потрясло его.

Он сбился с курса!

Он пожевывал ус, размышляя, что ему теперь делать. Правда, обсудить эту проблему он мог только сам с собой. Координаты соответствовали тем, что были указаны на карте, висевшей над экраном.

Что же до приборов, то они фиксировали пространственно-временной континуум, где находился Эсквиел с флотилией!

Однако не было ничего даже отдаленно похожего на то, что он помнил. Какой-то туман вихрем несся вокруг, и Роффрей не мог даже разглядеть звезд этой галактики.

Неужели флотилия полностью уничтожена?

Впрочем, другого объяснения быть не могло.

Тут он выругался — черный туман внезапно обрел облик зловеще хохочущего громадного чудовища темно-синего цвета с отвратительно шевелящимися щупальцами и горящими глазами. У Телфрина и Уиллоу, глядевших на экран, дух перехватило от ужаса. Мери вдруг начала жалобно кричать, ее пронзительный голос разносился по всему отсеку управления. Корабль, казалось, стремительно летел прямо на чудовище. «Но разве может этот монстр существовать в космическом пространстве, близком к абсолютному вакууму?!» — билось в смятенном сознании Роффрея.

Однако у него не было времени теоретизировать. Он взломал энергетические печати антинейтронной пушки, а тем временем едкий запах уже наполнял кабину, чудовище стремительно меняло цвет, становясь из темно-синего ярко-желтым.

Орудия нацелились на монстра, Роффрей нажал кнопки пуска и резко рванул корабль назад. Корпус содрогнулся — это смертельный поток антинейтронов устремился к чудовищу. А между тем — невероятно! — монстр как бы поглотил смертоносный поток, а на его теле возникло несколько новых голов с омерзительными получеловеческими лицами; монстр бормотал что-то невнятное, издавая в то же время пронзительные вопли, которые были слышны даже в кабине корабля. Роффрей почувствовал горечь во рту, к горлу подступила тошнота.

Телфрин склонился к нему, пристально вглядываясь в экран.

— Что это? — спросил он, стараясь перекричать стоны Мери.

— Откуда мне знать! Какого черта ты пристал ко мне? — злобно отозвался Роффрей. Он дал задний ход и снова нажал пусковое устройство антинейтронной пушки, потом, тяжело приподнявшись своим крупным телом в кресле пульта управления, обернулся к Телфрину:

— Помог бы лучше. Посмотри, координаты на карте точно совпадают с теми, что на экране?

Сквозь черный туман видно было, как многоголовый гигант, раскачиваясь, надвигается на корабль, скаля зубы и что-то бормоча. Тут уж не время было раздумывать, откуда взялась эта тварь.

Роффрей нацелился на ту голову, которая казалась ему самой отвратительной, и нажал пусковую кнопку.

Кажется, пронесло!

Как только во тьме растаяли облачка газа, Роффрей сразу узнал галактику.

Ошибки быть не могло! Это та самая галактика!

Однако торжествовать было рано — надвигалась новая опасность. Теперь уже не таинственный гигант, а целая эскадрилья стремительных сферических кораблей — Роффрей видел их мельком, когда уходил из флотилии, — надвигалась на них. Неужели это победители, упивающиеся уничтожением жалких остатков человечества? Они шли как раз на зенит — южный фланг изрядно потрепанного корабля. И Роффрей скупым маневром развернул свой корабль так, чтобы он был обращен носом к приближающимся чужакам.

Корабль слушался достаточно хорошо, но кабина управления загрохотала и содрогнулась, когда мимо пронеслась струя черного огня, но корабль уже был теперь недосыгаем — он ускользнул от окружавших его вражеских крейсеров, послав в

них залп сокрушительной силы. Однако Роффрея что-то все время выводило из себя. Ему никак не удавалось сосредоточиться. Похоже, с Телфрином происходило то же самое. Оглянувшись, Роффрей увидел широко открытый рот Мери, из которого безостановочно рвался пронзительный крик.

Телфрин судорожно вцепился в рукоятку, прокричал:

— Координаты полностью совпадают.

— Да что ты говоришь? — отозвался Роффрей язвительно.

Уиллоу, подойдя к Мери, пыталась успокоить ее, а она, напряженная, точно все тело ее было сведено судорогой, смотрела прямо перед собой остановившимся, остекленелым взглядом. Казалось, она видит нечто ужасное, недоступное взорам нормального человека. Ее пронзительный, надрывающий душу крик бился в тесных стенах кабины управления.

Уиллоу сквозь полумрак, царящий в каюте, вглядывалась в два мужских силуэта, неясно вырисовывавшихся впереди: один — в кресле за пультом управления, другой, стоящий рядом — их темные одежды выступают на фоне ярко мерцающих экранов и приборов, лица скрыты в тени, а руки белеют на рычагах управления.

Освещение было очень слабое, потому что все источники энергии работали только на то, чтобы обеспечить максимальную мощность двигателя корабля.

Уиллоу выглянула в иллюминатор. Космическое пространство неожиданно оказалось совершенно бесцветным. Она снова посмотрела на мужчин, и ее взгляд потонул в диком хаосе цвета, и звуков, и лавиной хлынувших чувственных впечатлений — постыдных, первобытных, ужасных, — рассудок ее помрачился, чувства пришли в смятение.

Она совершенно потеряла способность различать свои ощущения — ей казалось, что цвета издают запахи и звуки, и она их слышит; ее переполняло одно очень яркое впечатление, которое, казалось, усиливало все ее ощущения. Обоняние, зрение, ощущение, слух, вкус — все это было окрашено одним-единственным цветом — кроваво-красным!

Ей показалось, что она умирает.

Роффрей закричал, и звук его голоса повис в воздухе, а потом — Роффрей видел это! — растворился в кроваво-красном хаосе. Он почувствовал, что безумие подкрадывается к нему, потом будто отступает, вот снова крадется... и отступает, точно неотвратимый морской прилив; но с каждым разом оно все ближе, ближе. Тело его вибрировало от напряжения, генерируя кроваво-красные волны, следы которых тянулись сквозь

кабину управления, — он видел, нет, он слышал их как бы под сурдинку. И это повергало его в ужас; но теперь уже что-то новое вползло в сознание, что-то давно забытое, а может, вообще неведомое ему.

Он погружался в странное состояние — он стал отвратителен сам себе, ему было жаль себя, он вдруг осознал себя полным ничтожеством... Но при этом было нечто — он не знал, что или кто это, — и оно поддерживало его, несмотря на полное смятение, помогало ему удержаться в рамках своей привычной сущности, выбраться из хаоса беспорядочных ощущений и гнетущих мыслей и даже перейти к нападению.

И он нанес ответный удар!

Уиллоу обнимала Мери, которая уже больше не кричала, но дрожала всем телом, возбужденная, натянутая, как струна.

Таинственные волны, доводившие всех до помешательства, начали иссякать.

Уиллоу тоже выдержала это испытание. Она, как и Роффрей, как бы сломила ту неведомую силу, что обрушилась на них.

Тем временем волны совсем угасли, и мало-помалу все почувствовали, что приходят в нормальное состояние.

Внезапно тело Мери обмякло. Она потеряла сознание. Телфрин был расprostерт на полу, а Роффрей сгорбившись сидел в кресле у пульта управления, ворча что-то себе под нос.

Он вглядывался в быстро угасающие волны пульсации, испытывая удовлетворение от того, что антинейтронные заряды сделали свое дело, хотя он не смог даже толком прицелиться, ведь он был в полубессознательном состоянии.

Часть кораблей скрылась, а остальные превратились в груды искореженного металла, беспорядочно кружащие в пустоте. Роффрей, тихонько насвистывая, принялся настраивать приборы управления. Потом свист прекратился, и он спросил:

— Ну, как вы там, в порядке?

— А ты как думаешь, пижон? — ответила Уиллоу. — Мери и Пол вырубилась. По-моему, Мери досталось больше всех, кажется, на нее пала основная тяжесть. Интересно, что это было?

— Понятия не имею. Может, скоро выяснится.

— Да? Почему?

— Потому, я уже вижу нашу флотилию!

— Слава Богу! — сказала Уиллоу, и ее стала бить дрожь. Она не смела даже представить себе, что ее ждет, как она встретится с Эсквиелом.

Роффрей мчался навстречу флотилии, и возвращение его оказалось куда более стремительным, чем бегство от нее.

Флотилия выглядела более потрепанной, чем в то время, когда Роффрей покидал ее. Это было все еще многочисленное, нестройно раскинувшееся на многие мили сборище кораблей, очень напоминавшее гигантскую свалку, охраняемую линкорами галактической полиции, курсировавшими вокруг, наподобие китов, стерегущих пестрый косяк рыб.

В центре флотилии, недалеко от побитого крейсера Эсквие-ла (его сразу можно было отличить по немного расплывчатым очертаниям), размещалось огромное судно-завод, помеченное буквой G¹, начертанной на его борту. Это озадачило Роффрея.

В это время с ним связался патруль галактической полиции.

К его удивлению, его приняли с распростертыми объятиями. Его эскортировали таким образом, что он оказался почти рядом с кораблем, отмеченным знаком G.

Пока Роффрей маневрировал, на лазерном экране появился некто в просторном одеянии, которое отдаленно напоминало униформу галактической полиции, если не считать знаков отличия, характеризующих звание; лицо его было суровым и несло печать подозрительности. Широкая лента на левом рукаве тоже была помечена буквой G.

— Хэлло, лорд Морден, — сказал Роффрей весело, вызывающим тоном.

Уиллоу подивилась стойкости и самообладанию Роффрея, который сумел вдруг так быстро обрести спокойный и беззаботный вид.

Лорд Морден саркастически улыбнулся:

— Доброе утро. Итак, вы решили все же вернуться, оказать нам честь... Где же вы пропадали?

— Движимый чувством сострадания, я попытался спасти тех, кто оставался на Беглеце, — ответил с достоинством Роффрей.

— Не верю вам, — резко сказал Морден. — Но все равно, вы сделали невозможное. Как только мы соберем всю доступную нам информацию, я хотел бы получить вашу помощь. В этом деле нам необходима любая поддержка, от кого бы она ни исходила — даже от вас. Мы бессильны против них, Роффрей. Можно считать, с нами все кончено, черт побери. — Он замолчал, будто собираясь с духом. — Итак, если у вас есть новые пассажиры, вам следует зарегистрировать их в соответствующих инстанциях.

¹ Game — игра (англ.).

И он отключил связь.

— Что все это значит? — спросил Телфрин.

— Не знаю, — ответил Роффрей, — скоро выясним. Мордену, очевидно, что-то известно. Флотилия явно пострадала от тех же напастей, что и мы. Однако, кажется, теперь здесь больше порядка. Борьба, или уж не знаю, как это и назвать, видимо, приняла совсем другой оборот.

Уиллоу Ковекс, нежно обняв голову Мери, баюкала ее, осторожными движениями утирая слюну, бежавшую изо рта больной. А у самой Уиллоу бешено колотилось сердце, под ложечкой она ощущала холодную пустоту, а руки и ноги были точно ватные. Предстоящая встреча с Эсквиелом смертельно пугала ее. Ведь он-то, вне всяких сомнений, хранил верность ей.

Роффрей отключил системы управления корабля и, пройдя в кормовую часть, внимательно поглядел на женщин; его чувственный рот, обрамленный бородкой, тронула легкая улыбка. Он стал сдирать с себя комбинезон и рабочие брюки, под ними обнаружили простая стеганая куртка из темно-красной замши и довольно мятые белые брюки, заправленные в мягкие кожаные сапоги до колен.

— Ну, как Мери?

— Не знаю, — ответила Уиллоу. — Ясно, что рассудок ее пострадал... Однако ее помешательство совершенно особого свойства. Не могу уловить, в чем тут дело.

— Думаю, врач разберется, — ответил Роффрей, ободряюще похлопывая Уиллоу по плечу. — Телфрин, свяжись с администрацией, ладно? Посылай обычный сигнал, пока не ответят.

— Ладно, — ответил Телфрин.

Самое жуткое из всего, что было, думал Роффрей, глядя на жену, — этот красный цвет, который пронизал все, это страшное кроваво-красное безумие. Именно кроваво-красное. Почему оно так сильно потрясло его? И как отразилось на Мери?

Роффрей поскреб в затылке. Он не сомкнул глаз с тех пор, как бежал из флотилии, держался только на стимуляторах и чувствовал, что ему надо как следует отоспаться. Ладно, может быть, попозже.

Телфрин связался с кораблем, где производилась регистрация и учет всех бывших обитателей Земли, чтобы помочь уцелевшим обосноваться, если они того пожелают, на какой-нибудь планете, и попросил незамедлительно прислать официального представителя администрации.

— Нам требуется психиатр, причем срочно. Вы не могли бы помочь? — спросил Роффрей.

— Попробуйте обратиться в госпиталь, хотя вряд ли вам повезет.

Роффрей связался с госпиталем, и действительно дежурный врач оказался беспомощен.

— Боюсь, вам не удастся найти психиатра. Если больная нуждается в лечении, можем включить ее в наш список. Но мы страшно перегружены. Просто невозможно справиться — столько несчастных случаев...

— Но вы обязаны помочь ей! — взорвался Роффрей.

Однако врач не удостоил его ответом — он просто отключился.

Роффрей, озадаченный таким оборотом дела, обернулся к своим спутникам.

Уиллоу и Телфрин обсуждали подробности минувшего боя с вражескими кораблями.

— Катились бы они куда подальше, — зло сказал Роффрей. — Меня сейчас волнует Мери, я должен помочь ей, и ради этого пойду на что угодно.

— Слушай, а что за галлюцинации у нас там были, ты не думал об этом? — спросил Телфрин. — Чем же все-таки они вызваны?

— Мне кажется, чужаки испробовали на нас один из видов своего оружия, — ответил Роффрей. — А может, именно после того, что случилось с нами на Росе, мы стали подвержены галлюцинациям.

— Пожалуй, все-таки действовало их оружие, очень похоже на это.

Загудел зуммер блока связи. Подошел Телфрин.

— Отдел регистрации. — Голос звучал довольно развязно. — Поднимусь на борт, не возражаете?

Вновь прибывший оказался опрятно одетым бойким коротышкой, с бледным лицом и добродушным взглядом. Его катер состыковался со шлюзовой камерой, и он суетливо вбежал в салон, держа под мышкой панку с документами.

— Вы, должно быть, капитан Адам Роффрей, — прошепелявил он, обращаясь к Роффрею, который казался просто гигантом по сравнению с ним.

Роффрей уставился на него, не в силах скрыть удивления.

— Угадали.

— Отлично. Вы прибыли вместе с теми, кто уцелел на Земле, примерно две недели назад — имеется в виду относительное время. Не знаю, сколько это в вашем времени, ведь не всегда возможно переместиться из одного измерения в другое

в одном и том же временном потоке — будьте добры, не забывайте об этом.

— Да уж как-нибудь попытаюсь, — ответил Роффрей, которого позабавила дурацкая болтовня коротышки.

— Так. А эти трое, они кто?

— Мисс Уиллоу Ковекс, проживавшая в прошлом на Мигаа...

Коротышка суетливо нацарапал что-то в блокноте, придав своему лицу чопорно-холодное выражение при одном упоминании о планете Мигаа, репутация которой оставляла желать лучшего в их родной Галактике.

Уиллоу сообщила все остальные сведения о себе. То же сделал и Телфрин.

— Так. А эта леди? — поинтересовался коротышка.

— Это моя жена — доктор Мери Роффрей, родилась на Земле, девичья фамилия Ищенко; антрополог; пропала на планете Голанд Внешнего кольца в 457 году по общегалактическому времени, обнаружена на Беглеце совсем недавно. Галактическая полиция может получить все сведения о ней вплоть до ее исчезновения. Я сообщил в полицию, когда она пропала. Как водится, они и не подумали что-либо предпринять.

Коротышка нахмурился, метнул взгляд в сторону Мери.

— Состояние здоровья?

— Душевнобольная, — спокойно ответил Роффрей.

— Излечима или безнадежна?

— Излечима! — твердо ответил Роффрей тоном, не терпящим возражений.

Чиновник окончил свои записи, рассыпался в благодарностях и пошел было прочь; тут Роффрей сказал:

— Минутку! Вы не могли бы мне объяснить, что тут стряслось, пока меня не было?

— Вкратце, только вкратце. Я бы с удовольствием, но вы же понимаете, я тут всего лишь пешка, да к тому же дел по горло! — захихикал он.

— Когда мы пробивались сюда, — сказал Роффрей, — мы столкнулись с инопланетными космическими кораблями, у нас завязался бой, странный бой, сопровождаемый галлюцинациями и еще кое-чем похуже. Не знаете ли вы что-нибудь об этом?

— Ну так ничего удивительного, что у этой леди помутился рассудок! Для нетренированного человека выдержать такой прессинг — это же просто поразительно! Я немедленно доведу все это до сведения моих коллег! Да вы ведь настоящие герои! Вы уцелели в этой бешеной схватке!

— Честь и хвала нам! Так что же все-таки здесь случилось?

— Поймите, я ведь мелкая сошка, мельче уж некуда, но, насколько я понимаю, вам удалось выдержать именно бешеную схватку. Стоит только кому-нибудь отбиться от флотилии, как чужаки тут же нападают на него, вынуждая ввязываться в эту игру, эту «бешеную схватку», как называем ее мы, те, кто не включен в списки игроков. Предполагается, что мы фактически не участвуем в этом.

— Что представляет собой эта игра?

— По правде говоря, не могу сказать точно. Она не для заурядных людей, ее ведут только специальные игроки на специальном судне, на том, что с буквой G на борту. Честно скажу, я бы предпочел держаться подальше от этой игры. Мы называем ее еще «кроваво-красной игрой», потому что при этом все чувства человека приходят в хаотическое состояние и все вокруг без исключения приобретает кровавый цвет. В игре принимают участие психологи и те, кто имеет особые качества; их и называют «игроками».

— Когда же они играют?

— Да практически все время. Я стал просто комок нервов, как и все мы тут. Да оно и понятно. Все мы лишены элементарных цивилизованных условий, питание становится все хуже и хуже... В данный момент у них как раз перерыв, но долго он не протянется. Возможно, они еще не оправились от поражения, которое вы им нанесли.

— Кто-нибудь посвящен в подробности этой игры?

— Эсквиел конечно же, но с ним едва ли можно повидаться. К нему имеют доступ только люди из его ближайшего окружения, да и то крайне редко. Вам бы поговорить с лордом Морденном, хотя до него тоже не так-то легко добраться. Мистер Великий Мира Сего — иногда он еще хуже, чем Эсквиел.

— Морден, кажется, уже заинтересовался нами, — заметил Роффрей. — Но с Эсквиелом мне надо поговорить еще и о другом деле, может, я повидаюсь с ними обоими. Благодарю вас.

— Рад был помочь вам, — с готовностью откликнулся коротышка.

Когда он ушел, Роффрей направился к блоку связи и попытался соединиться с крейсером Эсквиела. Ему пришлось пообщаться не меньше чем с десятком разных официальных лиц, прежде чем ему дали связь.

— Говорит Адам Роффрей, я только что с Беглеца. Могу ли я посетить вас?

В ответ он получил краткое согласие.

При этом на экране не возникло никакого изображения.

— Можно мне с тобой? — спросила Уиллоу. — То-то он удивится. Я так долго ждала этого часа. Он предсказывал, что мы еще увидимся, и оказался прав.

— Конечно, — согласился Роффрей. Он посмотрел на Телфрина: — Эсквиел ведь был твоим другом. Хочешь, пойдем вместе?

Телфрин покачал головой:

— Нет, я останусь и попытаюсь выяснить, что тут происходит.

Он бросил долгий, выразительный взгляд на Уиллоу.

— Ладно. Пока, — сказал он, отвернувшись.

— Ну что ж, будь по-твоему, — отозвался Роффрей.

Он подошел к аптечке, достал шприц, ампулу с седативным средством и, подойдя к Мери, впрыснул лекарство ей в руку.

Затем они с Уиллоу на индивидуальных силовых установках отбыли на крейсер Эсквиела.

Шлюзовая камера была открыта, видимо в ожидании их прибытия. Они вошли, люк захлопнулся за ними. Внутренний замок оказался закрытым.

И тут они увидели, как блеснул свет внутреннего иконоскопа и услышали задумчивый голос — всхливающий и далекий; казалось, голосу вторит какое-то странное эхо, которое человеческое ухо не в состоянии уловить.

— Говорит Эсквиел. Что я могу сделать для вас?

Уиллоу, скрытая космическим скафандром, хранила молчание.

— Я — Адам Роффрей, только что прибыл вместе с тремя пассажирами из системы Беглец.

— Вот как? — в благожелательном ответе Эсквиела не было даже намек на какую-либо заинтересованность.

— Среди этих трех пассажиров — моя жена, вы должны ее знать, она была известна под именем помешанная Мери. Она помогла Ринарку, когда он был на Беглеце. — Роффрей помолчал. — Это она посоветовала вам отправиться на Рос.

— Я очень признателен ей, хотя мы никогда не встречались.

— Я пытался найти психиатра среди обитателей флотилии. Но мои усилия оказались тщетны, — продолжал Роффрей ровным голосом. — Не знаю, где они все, а между тем состояние моей жены отчаянное. Не могли бы вы помочь мне?

— Все психиатры вовлечены в игру. Весьма сожалею. Как бы ни был я благодарен вашей жене, приоритет должен быть от-

дан интересам всего человечества. Мы не можем исключить из игры ни одного психиатра.

Роффрей был поражен. Идя к Эсквиелу, он, вопреки всему, рассчитывал на его помощь.

— Неужели я не могу хотя бы проконсультироваться со специалистом, как помочь ей?

— Нет. Вы должны рассчитывать только на себя — делайте, что в ваших силах. Возможно, кто-нибудь из медицинского персонала возьмется помочь вам.

Роффрей в негодовании направился было к выходу. Но голос Эсквиела остановил его:

— Предлагаю вам немедленно связаться с лордом Морденом. Голос умолк.

— Эсквиел! — вскричала Уиллоу. Ей казалось, умри она сейчас, это имя вырвалось бы из ее груди с последним вздохом.

Итак, они вернулись к себе на корабль.

Мери спокойно спала под действием транквилизаторов, а Телфрина нигде не было видно. Но это обстоятельство не встревожило ни Роффрея, ни Уиллоу. Подавленные, они сидели возле Мери, и каждый предавался своим невеселым мыслям.

— Как он изменился, — каким-то безжизненным голосом сказала Уиллоу.

Роффрей что-то пробурчал в ответ.

— Его голос звучит так, будто он уже больше не человек, — добавила она. — Его ничем не разжалобишь. Кажется, ему нет никакого дела до нас. Его преданность этим таинственным существам, с которыми он общается, безгранична, а для друзей у него ничего не остается, как и для тех из людей, что еще уцелели.

Роффрей не отрываясь смотрел на Мери.

— Его не занимает ничего, одна только его «миссия», которую он должен выполнить. Все приносится в жертву этой единственной цели, все подчинено ей. А я вообще сомневаюсь, насколько она оправдана. Понимать бы что-нибудь в этом деле, можно бы поспорить с ним или, наоборот, — согласиться! Что, если Пол поговорит с ним? А я напугана до смерти. Думаю, надо сказать ему, кто я. Может быть, как-нибудь потом.

— Хватит об этом. Пойду узнаю, что нужно от меня Мордену.

Роффрей подошел к пульту управления и включил экран.

— Лорд Морден?

— Морден слушает. — На экране появилось его лицо. Увидев Роффрея, он, кажется, смутился. — Я как раз собирался

связаться с вами. Вы и Телфрин зачислены в игроки с условием предварительного тестирования.

— Какого черта, Морден? Наплевать мне на это. Так и передайте Телфрину. У меня на руках больная жена, я должен о ней позаботиться.

— Телфрин уже здесь. — Лицо Мордена стало суровым. — Все это крайне важно, хотя, возможно, вы так не считаете. Это война, война не на жизнь, а на смерть, и мы проигрываем. Я ответственен перед Эсквиелом за подбор людей, которые, как мне кажется, помогут нам победить. А вы уже и так доставили нам кучу хлопот. Поймите, я имею право приговорить к смерти каждого, кто так или иначе наносит ущерб нашей безопасности. Так что отправляйтесь на корабль G, да поживее! В случае отказа мы доставим вас туда силой. Надеюсь, все ясно?

Роффрей, ничего не ответив, прервал связь.

Как бы бросая вызов Мордену, он уселся у постели Мери и стал ждать. Судя по некоторым признакам, она, кажется, физически чувствовала себя лучше, но каково будет ее душевное состояние, когда она очнется от сна, вызванного действием транквилизаторов, кто знает.

Спустя какое-то время пожаловали двое полицейских. Их характер быстро состыковался с кораблем Роффрея. Они грозились, если он не впустит их, войти силой, продырявив его посудину. Ему пришлось открыть шлюзовые камеры и впустить их.

— Вы что, думаете, один человек решит ваши проблемы? — поинтересовался Роффрей.

— Любой, кто может выдержать натиск врага один, без посторонней помощи, необходим на корабле G. Больше мы ничего не знаем, — ответил один из полицейских.

— Но ведь я не... — Роффрей вдруг осекся. Он почувствовал, что утратил способность управлять ходом событий.

Один из полицейских — видно было, что он нарочно распаляет себя, — начал с раздражением:

— Может, конечно, вам и вправду ничего не понятно, капитан Роффрей, но ведь вы вытворили такое, что никому и не снилось. Десять вражеских судов испытывали вас на прочность — и физически, и психологически, и вы выстояли. А люди, как правило, не выдерживают и десятой доли того, что вам досталось!

Второй полицейский затянул ту же песнь:

— Уж это что-нибудь да значит. Подумайте-ка сами. Ведь сейчас, будь оно все проклято, мы уже почти проиграли. Да

уже в первых боях, черт побери, они нас разделили в пух и прах. От всего человечества только мы и остались, и нам надо держаться друг за друга, делать все сообща, чтобы выстоять. Ведь в конце концов только в этом случае вы сможете позаботиться о вашей жене. Неужели не понятно?

Однако эти доводы не убедили Роффрея. Он всегда отличался упрямством и, кроме того, обладал неким атавистическим инстинктом, толкавшим его не поддаваться стадному чувству, да и особенно законопослушным он никогда не был, рассчитывая целиком на свою собственную предприимчивость и здравый смысл. Тем не менее он вежливо ответил, сдержанно кивнув головой:

— Ну что ж, как бы то ни было, я поговорю с лордом Морденом.

Затем, обратившись к Уиллоу, он сказал:

— Если увидишь, что Мери станет хуже, дай мне знать.

— Ну разумеется, Адам.

— Ты ведь останешься с ней, надеюсь, все будет в порядке?

Она внимательно смотрела на Роффрея.

— Конечно. Но пока она под действием транквилизаторов, мне надо еще кое-что сделать.

— Да, конечно.

Он кивнул полицейским, и они вместе с ним направились в шлюзовую камеру.

Глава 14

Корабль G по размерам превосходил обычный линкор и выглядел более внушительно, хотя был менее комфортабельным. Казалось, он совсем не приспособлен для боевых действий. Вокруг царило гробовое молчание, и шаги гулко отдавались в тишине коридора, ведущего к каюте лорда Мордена.

Надпись на двери гласила: «Лорд Морден, помощник ответственного за ведение игры. Не входить». Черные буквы резко выделялись на белизне двери.

Полицейский, сопровождавший Роффрея, постучал в дверь.

— Войдите!

Они вошли в каюту, буквально заваленную разными приборами.

Кое-какие из них были знакомы Роффрею — энцефалограф, оптографический проектор — прибор для измерения активности мозговой деятельности, оборудование для проверки способ-

ности визуального конструирования, для определения интеллектуального индекса и прочее.

Напротив Мордена, по другую сторону его стола, в удобном кресле разместился Телфрин. Оба сидели, сцепив руки: Телфрин — на коленях, а Морден, вытянув их перед собой на пустом столе.

— Садитесь, Роффрей, — сказал лорд Морден. Он даже не упомянул о том, что Роффрей отказался повиноваться ему. Видимо, он хорошо владел собой. Что-то уж даже слишком хорошо, подумал Роффрей. На какой-то короткий миг он даже проникся сочувствием к Мордену — видно, им обоим сейчас несладко приходится.

Полицейский вышел.

— О'кей, — коротко бросил Роффрей, усаживаясь. — Начнем.

— Я уже объяснил Телфрину, как важно, чтобы вы оба участвовали в этом деле, — поспешно начал Морден. — Готовы ли вы пройти с нами первую стадию тестов?

— Да, — ответил Роффрей, тоже настраиваясь на решительный лад.

— Отлично. Следует точно установить, обладаете ли вы теми качествами, которые дают возможность нанести поражение вражеской флотилии. Конечно, может случиться, что вам повезет, — будучи неподготовленными к воздействию на ваш эмоциональный комплекс и не имея представления о природе этого воздействия, вы окажетесь психологически более устойчивыми к нему. Надеюсь, позже что-нибудь проявится. Вначале позвольте мне коротко напомнить вам о недавних событиях.

И Морден живо заговорил:

— Как известно, мы вошли в этот универсум несколько недель назад и сразу же наткнулись на его обитателей, которые оказались не человекоподобными, что можно было бы ожидать, и встретили нас как захватчиков. И ничего удивительного — на их месте мы вели бы себя точно так же. Но они не сделали даже попытки ни оценить, насколько мы сильны, ни вступить в переговоры, ни выдворить нас. Они сразу напали на нас. Мы ведь даже не представляем себе, как они выглядят, эти наши враги. Вы видели, как стремительно они набросились на нас, лишив нас возможности объяснить им, почему мы оказались здесь.

— Что случилось после первой битвы? Ее я видел.

— Была еще, и не одна. Мы потеряли множество кораблей различного назначения. В конце концов, Эсквисел установил с

ними контакт — у него на этот счет есть своя методика — и объявил им, что мы готовы обосноваться на тех планетах, которые непригодны для них, и жить с ними в мире и дружбе. Но они не согласились на это и предложили начать войну.

Тут Морден вздохнул и указал на многочисленное оборудование вокруг.

— Мы еще не поняли толком, что представляет собой преобладающая часть здешнего общества. Оно зиждется на бихевиористских законах, и некоторые из них нам чрезвычайно трудно уловить. По нашим представлениям, это означает, что статус отдельного лица или группы лиц определяется их способностью вести эту, подобную войне, игру, как принято в этой галактике на протяжении вот уже нескольких веков. Мы называли ее «кроваво-красная игра», потому что одно из главных «боевых средств» наших противников — это их способность поражать чувственные восприятия людей: весь комплекс наших ощущений окрашивается в кровавый цвет. Думаю, вам это знакомо.

Роффрей кивнул:

— Конечно, они приводят нас в смятение, но для чего? Что это им дает?

— Мы считаем, что чужеземцы пришли к тому, что в спорных случаях лучше полагаться на более изощренное оружие, чем энергетические пушки или нечто подобное. Пожелай мы этого, можно было бы продолжать использовать против них принятое у нас оружие, что мы и делали вначале. Но при этом едва ли смогли бы победить в этой борьбе. Их оружие не убивает, на их взгляд, оно оказывает еще более ужасное воздействие. Вы просто теряете рассудок. Если вас убили, вы просто не существуете больше, и все. Если же вы живы, но лишены возможности бороться, то становитесь просто-напросто балластом, истощающим наши ресурсы и только мешающим нам. Однако это всего лишь одна сторона дела. Существуют очень жесткие и сложные правила, с которыми нам по ходу дела приходится знакомиться.

— А ставка в этой игре, какова она? — спросил Роффрей.

— Если мы выиграем определенное, достаточно большое число раундов в этой игре, не прибегая к нашей привычной боевой технике, чужаки передадут нам неограниченное право, сравнимое разве что с абсолютной монархией, управлять всей Галактикой. Ставка невиданная, капитан Роффрей. Мы лишаемся жизни, а они — власти.

— Они, должно быть, уверены в победе.

— Эсквиел придерживается другого мнения. Да, сейчас, в данный момент, они выигрывают, это бесспорно, но страсть к игре так захватывает их, что они с радостью готовы всячески разнообразить ее. Понимаете, чем сложна эта игра? Ведь партнеры ничего не знают друг о друге, тип психологической деятельности, ментальность, эмоциональные параметры партнера — ничего этого не известно. Тут мы с ними на равных. Но, с другой стороны, у них существенное преимущество перед нами — большой опыт ведения этой игры.

— Но при чем тут мы с Телфрином?

— Нам кажется, что вы — асы в этом деле, и без вашей помощи победы нам не видать. Ведь ваш корабль вышел победителем из схватки с этими фантастическими существами. Как бы там ни было, вы обладаете какими-то особыми качествами, без которых нам не выиграть в этом поединке.

— Что это за качества, вам известно?

— Нет.

— А что, мы оба наделены этим защитным качеством или только кто-то один из нас?

— Это как раз и предстоит выяснить, капитан Роффрей. Вот почему вы оба и подвергаетесь тестированию. Хоть фактически вы вели корабль, Телфрин, насколько мне известно, все время был рядом с вами.

— Я считаю, что нам следует добиваться нравственного превосходства над чужаками, — неторопливо начал Телфрин. — Дело здесь не в количестве, а в престиже. Если выиграем, наш статус будет преимущественным. Если же проиграем... Что тогда?

— Если проиграем, нам это будет уже все равно. У нас не хватит ресурсов к концу игры, чтобы отправиться в другой универсум.

Лорд Морден снова обратился к Роффрею:

— Вы ведь понимаете, капитан? Ваша жена не единственная, кто лишился рассудка. Во флотилии таких несколько. Но если мы не победим в этой игре, мы все или превратимся в сумасшедших, или погибнем.

Роффрей рассудком понимал это, однако сомнения все еще терзали его.

— Давайте же покончим с этими тестами, — сказал он. — Тогда, может быть, мы узнаем, зачем мы нужны. А уж потом я буду решать.

— Как вам угодно, — коротко кивнул Морден, поджав губы. — Пришлите сюда команду тестирования, — сказал он в переговорное устройство.

В каюту Мордена, до отказа забитую разными приборами и аппаратурой, вошли трое, и Морден поднялся навстречу им.

— Профессор Зелински, — начал он представлять вошедших.

Навстречу Роффрею и Телфрину шагнул самый высокий из троих и, приветливо улыбнувшись, протянул мощную руку.

— Рад познакомиться, — сказал он. — Кажется, вы с вашим другом можете помочь нам выбраться из этой переделки.

Зелински пожал им руки и добавил:

— Мои помощники. Доктор Занг и доктор Манн.

Первый из них был небольшого роста, мрачный, с виду похож на монгола; второй — молодой блондин с наружностью киногероя.

— Наслышан о вас, профессор, — сказал Телфрин. — Вы ведь обычно председательствовали на конгрессах физиологов на Земле.

— Вы не ошиблись, — поддакнул Зелински. — Мы дадим вам для начала обычный тест с использованием электроэнцефалографа, — продолжал он. — Затем мы погрузим вас в сон и посмотрим, что можно извлечь из подсознания. Полагаю, вы готовы подвергнуться предложенным мною тестам.

Зелински вопросительно взглянул на Мордена, но тот промолчал.

— Да, — ответил Роффрей. — Если, конечно, вы не собираетесь устроить нам «промывку мозгов».

— Не забывайте, что сейчас пятый век после войны, а не до нее, — сухо заметил Зелински.

— Сдается мне, девизом Эскиела и лорда Мордена стало «утопающий и за соломинку хватается», — сказал Роффрей, усаживаясь в кресло, которое указал ему доктор Занг.

Однако слова Роффрея, казалось, не произвели на Мордена никакого впечатления, возможно, он никогда и не слыхивал этой поговорки. Роффрей любил вернуть что-нибудь малоизвестное — это было одним из проявлений его атавистических наклонностей. Однажды Мери обвинила его в нарочитом обскурантизме, которым грешили его высказывания, а также в том, что он предавался чтению старинных книг в основном для того, чтобы потом цитатами оттуда обескуражить тех, кого он презирал или просто недолюбливал. Роффрей не стал отпираться, присовокупив, что в его глазах Мери очень выигрывает от того, что она, по крайней мере, понимает, о чем он толкует.

На голову Роффрея надели небольшой шлем из сплава стекла с чем-то. Он ненавидел все эти устройства. И вообще его тут

все крайне раздражало. «Когда эта петрушка закончится, — подумал он, — я им покажу, что такое независимая личность».

Подобные мысли и чувства Роффрея явились для ученых любопытным, хотя и довольно бесполезным в данных обстоятельствах откровением.

Проверяя информацию, полученную от погруженных в сон наблюдаемых, профессор Зелински казался совершенно невозмутимым.

— Все это требует, безусловно, самого тщательного анализа, — заметил он, пожимая плечами.

— Выяснили хоть что-нибудь? — спросил Морден.

— Честно говоря, на первый взгляд я не могу сказать, приблизились ли мы к разгадке, ведь кажется, тут нет ничего нового для нас. Эти двое — интеллектуалы, особенно Роффрей, но и он не выходит за рамки нормы, разве что самую малость. Естественно, это качество, отличающее его от других, очень тонкое, едва уловимое, другого мы и не ждали, но среди людей много таких, как Роффрей, — высокоинтеллектуальных и отчасти психопатических личностей.

Зелински вздохнул.

— Однако эмоционально-чувственная память у обоих очень цепкая, — живо заметил доктор Манн. — Во всяком случае, они могут способствовать повышению интенсивности игры.

— Минутку, — брюзгливо сказал Занг, разъединяя электроды и аккуратно складывая свои приборы в ящик. — Согласен, нам нужны все игроки, которых мы отобрали, но эти двое должны были помочь нам решить проблему, как нанести поражение чужестранцам. Ведь именно на это мы рассчитывали, разве нет, профессор?

— Мы все выматываемся на этой работе до предела, Занг, — начал Зелински. — Однако не вижу причин для такого упадочнического настроения, это и вас касается, Манн. Нам еще предстоит уйма работы, и только потом мы сможем проанализировать результаты. Тем не менее, — тут он обратился к Мордену, сидевшему в кресле с видом напускного безразличия на морщинистом жестком лице, — полагаю, следует занести этих двоих в наш постоянный список. Нечего мариновать их, пока мы изучаем результаты тестирования. Пусть позанимаются.

— Вы уверены, что они сработаются с остальными? — спросил Морден, вставая с места.

— А почему бы нет? — Зелински ткнул большим пальцем в сторону двери. — Вы ведь знаете, какая там обстановка —

О'Хара и прочие... Нет ни одного такого, кого назовешь вполне заурядным. Все наши игроки сплошные невроты, по определению. Нормальный человек не может выдержать такого напряжения, а эти умудряются еще и ответный удар нанести. Мы делаем ставку на личности с незаурядными психофизическими свойствами — только такие и могут вести эту игру.

— Я очень полагаюсь на Телфрина, — сказал Морден, — он гораздо более управляем. А Роффрей — это врожденный бунтарь. Уж я-то знаю, не раз приходилось иметь с ним дело.

— В таком случае дать ему управлять чем-нибудь ответственным. — Зелински отвернул ручку оптиграфа от кресла Роффрея, который пошевелился, но не проснулся. — Таких, как он, надо держать в активном состоянии; такие должны чувствовать, что действуют по собственной инициативе.

— Ну уж этому не бывать! — сказал Морден, с чувством превосходства глядя на своего старого противника.

— Тогда хоть не говорите ему ничего, — чуть улыбнувшись, ответил Зелински. — Солинизм такого рода — весьма ценное качество, ведь именно он заставляет человечество идти вперед. Ринарк и Эсквиел тоже такие — порой они, оперируя недостаточной или даже ложной информацией, получают лучше результаты, чем мы.

— В каком-то смысле — да, — неохотно согласился Морден.

— Именно в том смысле, который как раз сейчас нам нужен, — заметил Зелински, торопливо выходя из каюты вместе со своими помощниками. — Мы пришлем парочку дежурных, чтобы последили за ними.

— Какая к черту парочка, уж если Роффрей упрется, тут целый взвод полицейских ничего с ним не сделает, — сказал Морден обреченно.

В общем-то он хорошо относился к Роффрею, хотя и знал, что тот его недолюбливает. Да и кого он, собственно, любит, кроме своей жены, рассудил Морден, и это соображение немного утешило его. Однако какая все же досада, что Роффрей нашел ее, думал Морден.

Зелински со своими помощниками сосредоточенно обрабатывал полученные данные. Манн был талантливым ученым и отличным специалистом, но эта рутинная работа начала уже утомлять его.

— Мне тут кое-что пришло в голову, профессор, может, конечно, это пустяки, но, думаю, стоит поговорить об этом, — сказал он Зелински, когда они пили кофе.

Зелински, недовольный тем, что Манн собирается разводить дискуссию, вместо того чтобы работать, нетерпеливо бросил:

— Ну что там еще?

— Понимаете, из полученных нами данных следует, что и Телфрин и Роффрей были на планете, которую они называют Рос, или «решетчатая» планета, — это в системе Беглец. Отдельные ее части существуют в разных континуумах — видимо, Эскислу тоже доступно такое состояние. Интересно, могла ли эта планета оказать какое-то влияние на них? И если они, после пребывания на Росе, которое повергло жену Роффрея в безумие, остались нормальными, значит, они больше других годятся для этой игры с чужеземцами?

Зелински допил кофе и вытер рот рукой.

— В этом что-то есть, — сказал он. — Послушай, что я скажу тебе. Обдумай это хорошенько, когда выдастся время, и изложи свои соображения в виде доклада.

— Как же, выдастся время! — взорвался Манн, хотя на самом деле ему было крайне лестно, что сам Зелински поддержал его — не так-то уж часто такое случалось.

— Да ведь не можешь же ты проспать все шесть часов подряд, — сказал Занг спокойно и, усмехнувшись про себя, снова приступил к работе.

Уиллоу Ковекс почувствовала, что она уже почти смирилась со своей участью. Роффрей ушел очень давно, пора бы ему и вернуться. Она не спеша наполнила шприц и впрыснула Мери еще одну дозу транквилизаторов, но, в конце концов, себе-то она не могла позволить расслабиться. Она снова стала думать об Эскиэле, теперь уже немного спокойнее. Ей надо связаться с ним, она это чувствовала. В конце концов, сейчас она знает, как нужно вести себя, когда она увидится с ним, и будь что будет.

Вначале ей было трудно разобраться, как действует система связи, но наконец все же удалось связаться с Морденом.

На экране возникло его обрюзгшее лицо. Он сидел сгорбившись за своим столом и, кажется, ничего не делал. Вид у него был чрезвычайно утомленный. Уиллоу подумала, что он, должно быть, держится только на стимуляторах.

Он кивнул, давая понять, что узнал ее, и сказал:

— Мисс Ковекс, если вы обеспокоены по поводу Роффрея и Телфрина, то напрасно. Они зачислены в команду игроков, и, без сомнения, у них еще будет возможность связаться с вами.

— Благодарю, — ответила она, — меня беспокоит не только это.

— Что-нибудь важное, мисс Ковекс? Поймите, я весьма...

— Я бы хотела говорить непосредственно с Эсквиелом.

— Сейчас это невозможно. К тому же, наверное, не очень желательно, чтобы вы видели, как он выглядит теперь. Что вы хотите сказать ему?

— Я не могу никого посвящать в это дело — оно касается лично меня.

— Лично вас? Помнится, у вас с ним были какие-то особые отношения...

— Да, и очень тесные, — на Мигаа, да и на Беглеце тоже. Я уверена, он хочет видеть меня.

Однако это прозвучало так, будто она и сама не очень верит в то, что говорит.

— Когда буду докладывать ему, передам и вашу просьбу. К сожалению, больше ничем помочь не могу.

Морден смотрел на нее с любопытством, однако не прибавил больше ни слова.

— Если вы передадите ему, он свяжется со мной?

— Безусловно, если, конечно, захочет. Я сообщу ему все, о чем вы просили. Обещаю.

Экран замерцал и опустел. Уиллоу выключила его и медленно побрела обратно к Мери, которая все еще спала.

— Что с ней теперь будет? — в раздумье сказала она.

Сердце Уиллоу всегда было исполнено сочувствием к тем, кто попал в беду. И даже теперь, когда на нее самое обрушились тревоги и заботы, которые ей и не снились прежде, она не утратила сострадания к Мери. Но если вначале это было просто сочувствие, которое вызывает в нас любой несчастный человек, то теперь оно стало быстро перерастать в почти болезненное сострадание. Уиллоу ощущала сейчас кровную связь с Мери. Обе они оказались совсем одиноки: одна совершенно лишена возможности общаться с себе подобными, бьющаяся в тенетах своего расстроенного, смятенного рассудка — то почти здорового, то совершенно помраченного; другая же все больше и больше убеждалась, что в самую трудную минуту ее покинули все — и Эсквиел, и Телфрин, и Роффрей.

Она сидела перед экраном, надеясь, что Эсквиел, может, захочет говорить с нею. Она вся точно оцепенела. В каюте стояла тишина, такая же полная, как и в космическом пространстве, простиравшемся вокруг флотилии. Как и все, кто остался в живых, Уиллоу ощущала горечь потерь, разочарова-

ний, безнадежности и полной растерянности — никто не знал, что их ждет впереди. Эти чувства рождали у нее, как и у всех остальных, ледящий страх.

Но все твердо знали, что стоит потерять самообладание, как тотчас лишишься рассудка или тебя постигнет физическая гибель. Все понимали, что выбора нет, и это давало людям силы продолжать борьбу.

Напичканные лекарствами, поддерживающими их активность, снотворными, без которых они не могли спать, побуждаемые непрсклонной волей Эсквиела и энергией Мордена, проводившего эту волю в жизнь, игроки готовились к следующему раунду игры.

Глава 15

Они сидели по трое, перед каждой группой — большой экран, в котором отражался еще один огромный экран, находившийся у них над головами. В просторном помещении было темно — только слабо светились приборы и экраны. Под небольшими экранами располагались совсем маленькие, двумя рядами по шесть штук. Морден, который ввел Телфрина и Роффрея в комнату, тихо объяснил им назначение многочисленных приборов.

Роффрей огляделся вокруг.

Три отсека круглой комнаты были заняты экранами, перед каждым из них сидели трое операторов — бледные изможденные мужчины и женщины, которые держались, видимо, только за счет нервного возбуждения и стимуляторов. На них были шлемы из какого-то сплава стекла, такие же, как тот, что надевали на него самого во время тестирования. Когда он вошел, никто даже головы не повернул.

— Тот экран, что над нами, да вы и сами видите, это просто широкоформатное устройство обозрения, которое дает возможность сканировать пространство вокруг флотилии, — говорил Морден.

— Каждой группе операторов — мы называем их игроками — поручена определенная область космического пространства, и они должны следить, когда появятся инопланетяне. Насколько нам удалось установить, прежде чем начать новый раунд игры, они приближаются к нашей флотилии на рассто-

яние выстрела, очевидно, это предусмотрено законами их игры. По существу, это единственное предупреждение о том, что начинается новый раунд. Поэтому мы и ведем постоянное наблюдение. Вероятно, между собой у них приняты какие-то более изощренные способы предупреждать о начале игры, а с нами они, видимо, избрали такую компромиссную форму. Когда их экспедиция появляется в поле зрения, та команда, которая обнаружила ее, немедленно сообщает об этом остальным, и они все вместе концентрируют внимание на этой области космического пространства. Ряды малоформатных экранов регистрируют эффект воздействия, которое мы оказываем на чужаков. Они записывают галлюцинаторные импульсы, которые разбиваются на участки, управляемые различными чувствами и биотоками мозга с меняющимися частотами; импульсы, вызываемые такими эмоциями, как страх, гнев и так далее, — все это мы можем моделировать. Разумеется, у нас есть проекторы, усилители, трансляционное оборудование, дающее возможность реагировать на команды, подаваемые игроками. Но главное, в конечном счете все зависит от воображения, быстроты реакции, уровня интеллекта и способности моделировать эмоции, мысли и так далее, которыми в разной степени обладают игроки.

— Понимаю, — кивнул Роффрей. Помимо своей воли, он начинал испытывать интерес к этой игре. — И что же дальше?

— Многие свойственные нам чувства и побуждения совсем незнакомы чужестранцам, и передать их им невозможно, то же самое относится и к нам. Вероятно, половина тех впечатлений и ментальных импульсов, которыми они атакуют нас, не производят того эффекта, на который они рассчитывают и который, должно быть, получают сами. Мы сталкиваемся с подобными же трудностями. Эти люди занимаются игрой достаточно долго и поэтому знают, насколько эффективно оказываемое ими воздействие, и могут защититься против тех воздействий, которые представляют для нас наибольшую опасность. Победа в игре, во всяком случае на данном этапе, зависит во многом от того, насколько мы способны усвоить и проанализировать, какие воздействия срабатывают, а какие — нет. То же самое относится и к чужестранцам. У вас, к примеру, были галлюцинации в виде чудовища, которые потрясли ваше сознание не только на уровне инстинктов, рождая панический страх и так далее, но оказали шоковое воздействие и на способность к логическому мышлению — вы ведь до-

жны были знать, что это чудовище физически не может существовать в вакууме космического пространства.

Роффрей и Телфрин согласно кивнули.

— Именно на этот вид воздействия и рассчитывают чужестранцы, хотя в ходе событий этих дней они научились оперировать гораздо более тонко, воздействуя прямо на подсознание, как они это проделали в значительной степени и с вами, после того как убедились, что чудовище не произвело того действия, на которое они рассчитывали. Поэтому наши психологи вместе с другими учеными собирают по крохам всю информацию, которую каждый раунд игры дает нам, стараясь получить четкую картину того, какие воздействия будут наиболее разрушительны для подсознания чужеземцев. Тут у нас с ними, как я уже упоминал, одни и те же трудности, наша ментальность так же чужда для них, как и их — для нас. Поэтому главная цель кроваво-красной игры — точно найти импульс, разрушающий те качества, на которых основаны адекватная самооценка, тип психической деятельности, уверенность в себе и так далее.

Морден тяжело вздохнул.

— Размеры потерь, которые мы понесли, оцените сами; я только скажу вам, что более двухсот мужчин и женщин погибают — их тела уже скрючились, обретя эмбриональную форму, — в медицинских каютах госпитальных судов.

Телфрин содрогнулся:

— Это просто чудовишно.

— Выбросьте это из головы, — резко сказал Морден. — Вы лишитесь всякого нравственного чувства, как только вступите в игру. Эти чужаки заставляют нас совершить то, к чему веками призывали философы и мистики. Вспоминаете, а? Познай самого себя!

Он тряхнул головой, мрачно оглядел комнату и серые лица игроков, сосредоточенно уставившихся на экраны.

— Уж тут-то вы о себе всю правду и узнаете. Уверен, она отнюдь вас не обрадует.

— Наверное, мрачным типам, погруженным в себя, интровертам всяким — им полгче, — заметил Роффрей.

— Как далеко можно зайти, зондируя свои сокровеннейшие побуждения, до тех пор пока инстинкт самосохранения не толкнет тебя обратно? — язвительно спросил Морден. — Весьма и весьма недалеко по сравнению с тем, как это проделывают с нами чужестранцы. Да вот вы и сами все увидите.

— Веселенькую картину вы нарисовали, — заметил Роффрей.

— Подите к черту, Роффрей; посмотрим, что вы запоете после первого раунда. Сдается мне, он принесет вам громадную пользу!

К Роффрею и Телфрину подошел третий участник их команды. Это был высокий, худой тип нервного склада. Очевидно, ему уже приходилось играть. Стали знакомиться.

— Фиодор О'Хара, — сказал он, не потрудившись даже подать руки. Остальные тоже представились довольно сухо.

— Я за вас отвечаю, пока вы не ознакомитесь со всем, что касается игры, — сказал О'Хара. — Вы должны подчиняться любому распоряжению, какое бы я ни отдал. Постарайтесь подавить чувство сопротивления по отношению ко мне. Чем скорее вы обучитесь, тем скорее сможете играть без чьих-либо указаний. Я уверен, вы, что называется, индивидуалист, Роффрей. Ну, что ж, пообвыкнете здесь, пока не овладеете искусством игры, а тогда уж ваш индивидуализм, без сомнения, сослужит нам хорошую службу — все зависит именно от таких личностей, как вы.

Почти все, кто находится здесь, в той или иной мере подготовлены в какой-либо области психологии, но есть несколько и таких, как вы, непрофессионалов, но с достаточно высоким индексом интеллектуальности, позволяющим воспринимать, почти инстинктивно, требования игры. Надеюсь, вам повезет.

Вы поймете, что требуется большое напряжение, чтобы не потерять свое «я» и сохранить свободу и активность, фактически это все, чему вам следует обучиться для начала. Вы будете придерживаться оборонительной стратегии, насколько это возможно, пока не овладеете искусством игры настолько, чтобы пойти в наступление на противника. И запомните, это относится к вам обоим, физическая сила и отвага абсолютно ничего не значат в этой войне. Тут вы лишаетесь не жизни, а рассудка, в первую очередь по крайней мере.

Роффрей поскреб в затылке.

— Ради Бога, начнем наконец, — сказал он в нетерпении.

— Не волнуйтесь, — сказал Морден, направляясь к выходу. — Когда они начнут раунд, вы сразу узнаете.

О'Хара подвел их к трем пустым сиденьям, перед которыми находился обычный экран, а ниже — ряд малых экранов.

Непосредственно перед ними были расположены небольшие пульты управления, предназначенные, вероятно, для сенс-проекторов и других приборов.

— У нас есть словарь, правда ограниченный, которым мы будем пользоваться для связи, пока идет игра, — сказал О'Ха-

ра, водружая на голову маленький шлем. — «Переключиться на звук», например, означает следующее: допустим, в какой-то момент вы сосредоточены на вкусовых ощущениях, а я решаю, что звук более эффективно воздействует на противника. Если я говорю «вкус-переключатель», значит, вы должны посылать вкусовые впечатления. Это совсем несложно, вы поняли?

Оба кивнули в знак согласия и настроились ждать свой первый, а может, и последний раунд кроваво-красной игры.

Эсквиела мало беспокоило, насколько нравственно то, что он затеял, — вторгнуться в чужую вселенную, да еще вырывать власть у коренного ее населения.

— Вас интересует правовой вопрос? — возразил он Мордену, когда тот упомянул о сомнениях, мучивших некоторых землян. — Какие права имеют они? Какие права имеем мы? Хоть они и живут здесь, это вовсе не означает, что у них есть какие-то особые права на это. Пусть они или мы завоюем свои права. Посмотрим, кто победит в этой игре.

Эсквиел не мог позволить себе размениваться на мелкие свары по поводу права собственности, ибо это слишком дорого обошлось бы человечеству.

Для людей это была последняя возможность утвердить свое первородство, наследовав его от иерархов; Эсквиел уже, можно сказать, завоевал для человечества это право, обретая способность существовать в мультиверсуме.

Ему надлежало теперь научить людей познать свои собственные возможности.

Эти игроки, которые, возможно, выживут здесь, сделают свое дело.

Раса должна подняться на новую ступень эволюции, однако переход оказался столь резок, что мог по праву считаться революционным.

Было, однако, еще кое-что, касающееся только самого Эсквиела, — это мучительная безысходность от сознания, что недостающая часть его сущности, которая могла бы вернуть ему ощущение целостности, где-то совсем близко, он чувствовал это, кажется, стоит только протянуть руку... Но кто же она?

Эсквиел был целиком погружен в свои мысли. Никто, даже он сам, не мог бы предсказать, как развернутся события, если они победят в этой игре. Наделенный неизмеримо большим даром охватывать сразу все множество событий, чем все остальные люди, он был столь же бессилен противостоять вра-

менному вакууму, как и они — он не мог соотнести прошлый опыт с настоящим, не мог коррелировать настоящее с тем, каким, вероятно, может предстать перед ними будущее.

Он существовал во всех бесчисленных измерениях мультиверсума. И лишь одно измерение — Время — было неподвластно ему, как и всем остальным. Он сбросил с себя цепи, налагаемые Пространством, но подчинялся, как и каждый обитатель мультиверсума, четко отмеренным неотвратным крадущимся шагам Времени, которому неведомы остановки; никто не волен над поступью Времени — не замедлишь его, не ускорить.

Время, этот непрерывно скользящий параметр, никому не дано подчинить себе. Пространство, физическую среду можно победить. Время — никогда. Оно хранит тайну Первоздания — тайну, не познанную даже иерархами, которые сотворили великий конечный мультиверсум как некую оранжерею, лоно для тех, кто наследует им. Пройди человечество даже родовые муки и утверди за собой право первородства — ему не обрести ключ к этой тайне.

Возможно, минет много поколений — каждое из них будет ступенью в эволюции человека — и ключ к познанию тайны времени будет найден. Однако как будет встречена разгадка этой тайны тайн, с радостью ли? Конечно, не нынешний род человеческий, а его правнуки, возможно, окажутся готовыми воспринять и сохранить это сокровенное знание. Коль скоро они — восприимчивы иерархов, им следует сотворить тех, кто наследует им самим. И так пребудет, возможно, *ad infinitum*¹ во имя еще более великой цели. Какой, кто знает?

Тут Эсвиел резко одернул себя. Все-таки он был прагматиком. Он не мог позволить себе надолго погрузиться в столь бесплодную мечтательность.

В игре пока царило затишье. Поражение, которое нанес чулкам Роффрей, видно, привело их в некоторое замешательство. Однако Роффрей до сих пор еще не испытал на себе, что такое настоящая война умов, изощренных и безжалостных, способных грубо надругаться над интеллектом соперника, разрушить ид, эго — те самые структуры, благодаря которым человек утверждает свое превосходство над животным.

На какой-то миг его внимание привлек к себе Телфрин, Эсвиел сразу оборвал поток своих мыслей, ибо они тоже вели к тому предмету, который тревожил его.

¹ Бесконечно (*лат.*).

Эсквиел позволил себе ненадолго ослабить степень своей сосредоточенности — он наслаждался обилием впечатлений, которые вызвал у него мультиверсум. Он думал: «Я — как дитя в материнском лоне, я знаю только то, что я дитя в материнском лоне. Но во мне недостает чего-то, я чувствую это. Чего мне недостает? Что может придать мне целостность? И я знаю, кто-то тоже ощущает без меня свою незавершенность...»

Как нередко бывало, его прервал резкий звуковой сигнал устройства связи.

Оставаясь в кресле, он нагнулся вперед — странные тени и причудливые, едва различимые образы роились вокруг него. Стоило ему двинуться — и пространство вокруг него, казалось, рванулось в стороны, потекло, судорожно колеблясь, точно вода, в которую бросили инородное тело. Это явление возникало всегда, как только он начинал двигаться, и, протягивая руку, он чувствовал, что пронзает множество каких-то овеществленных субстанций, и ощущал всем своим телом их легкое давление.

Ему не было дано видеть мультиверсум, он мог только чувствовать, обнять его, ощущать его вкус. Однако все это мало ему помогало в общении с чужаками, и для него, как и для всех остальных, психология этих неведомых противников оставалась загадкой.

Устройство связи ожило.

— Да? — сказал он.

Морден, как и прежде, не включил свой приемник, и Эсквиел мог его видеть, а самому Мордену не нужно было напрягать зрение, стараясь разглядеть мерцающее и пульсирующее изображение своего собеседника.

— Несколько сообщений, — быстро начал Морден. — Госпитальное судно ОР8 исчезло. Мы видели, что его ионно-термоядерное поле становится неустойчивым. Они как раз занимались ремонтом и вдруг... растаяли в пространстве. Будут какие-нибудь инструкции?

— Я видел, как это случилось. Сейчас они в безопасности. Никаких инструкций. Если им повезет, они смогут снова присоединиться к нам, когда отрегулируют поле.

— Роффрей и Телфрин — те, что так успешно выдержали В.Р.-воздействие, подвергались всем тестам профессора Зеленски, который сейчас анализирует результаты. Тем временем их обучают игре.

— Что-нибудь еще? — спросил Эсквиел, глядя в озабоченное лицо Мордена.

— У Роффрея на корабле находятся две женщины. Одна — его душевнобольная жена Мери, другая называет себя Уиллоу Ковекс. Я уже сообщал вам об этом, помните?

— Да. Ну, теперь все?

— Мисс Ковекс просила меня кое-что передать вам. Она говорит, что вы с ней хорошо знакомы, были вместе па Мигаа, потом на Беглеце. Она просит, чтобы вы нашли время поговорить с ней. Связь с кораблем поддерживается на волне 050L метров.

— Благодарю вас.

Эсквиел отключился и откинулся в кресле. В его сердце еще не совсем угасло то сильное чувство, которое он некогда испытывал к Уиллоу. Дважды он пытался избавиться от него. Первый раз — когда она отказалась лететь с ним на Рос, а второй — после того, как он встретился с иерархами. Правда, теперь ее образ немного поблек — ведь так много всего случилось с тех пор.

Когда он принял на себя руководство флотилией, пришлось отказаться почти от всего, что было дорого ему прежде. И не потому, что гордыня или желание властвовать овладели им. Просто его положение требовало жесточайшего контроля над собой. В жертву были принесены все чувства, кроме тех, что шли во благо делу, которому он посвятил себя. Радость простого человеческого общения ушла из его жизни, и он стал совсем одинок. Познание мультиверсума, со всем многообразием даримых им ощущений, давало ему гораздо больше, чем общение с людьми, которого он вынужден был лишиться себя, хотя, будь его воля, предпочел бы избежать этого.

Его поступки уже не подчинялись внезапным порывам, сейчас, однако, он с некоторым удивлением обнаружил, что настраивает устройство связи на волну 050L метров. И ждет, и волнуется.

Уиллоу, увидев, что экран ожил, быстро настроила устройство связи, как указывалось в инструкции, висящей над экраном. Она лихорадочно металась в крайнем возбуждении и вдруг вмиг примерзла к месту, увидев изображение на экране.

Очарованная, она не отрывала взгляда от экрана, ее движения стали плавными.

— Эсквиел? — сказала она неуверенно.

— Привет, Уиллоу.

Он все еще не утратил столь хорошо знакомые ей черты того Эсквиела, который однажды, взметнув за собой бурю, с улыбкой умчался прочь, разрывая просторы галактики.

Ей вспомнился капризный, беззаботный юнец, которого она так любила. И вот теперь... теперь этот дьявол во плоти, с лицом падшего ангела, это золотистое видение. не имеющее даже отдаленного сходства с тем, кого она помнила.

— Эсквиел?

— Глубоко сожалею, — сказал он, улыбаясь и отрешенно глядя на нее, как и пристало архангелу.

По ее лицу метались тени, отбрасываемые тем загадочным образом, что возникал на экране. Она отступила вглубь, сникла, замерла. Теперь ей остались только воспоминания о любви.

— Я бы хотела попытать счастья, — наконец выдавила она.

— Боюсь, уже поздно. Знай я раньше, можно, наверное, было бы убедить тебя лететь с нами. Я не настаивал — боялся за твою жизнь.

— Понимаю, — сказала она. — Это ведь не для меня, да?

Он не ответил. Быстро оглянулся назад.

— Я должен отключиться — наши противники начинают новый раунд. Прощай, Уиллоу. Если мы победим, может быть, нам с тобой еще удастся поговорить.

Она ничего не сказала в ответ, и золотистый, сияющий образ медленно померк на экране.

Глава 16

О'Хара обернулся к своим коллегам.

— Начинаем, — сказал он. — Приготовьтесь.

В огромной круглой комнате ощущалось как бы легкое жужжание.

О'Хара настроил экран, чтобы были видны корабли противника, плывущие к ним сквозь космическое пространство. Они остановились всего в нескольких милях от флотилии и застыли в ожидании.

Роффрей вдруг поймал себя на том, что вспоминает свое детство, мать, думает об отце, о том, как он завидовал братьям. Почему он вдруг решил, что... Он поспешно отогнал от себя эти неуместные видения и ощутил легкое отвращение, вызванное какой-то случайной мыслью, которая начала закрадываться в его сознание. Что-то подобное он уже испытывал раньше, но то, прежнее чувство было слабее.

— Будь осторожен, Роффрей! Начинается... — сказал О'Хара.

Да, это было всего лишь начало, легкое начало.

Чужаки использовали все, что им удалось узнать о подсознании. Они накопили такой объем информации, что Роффрею и не снилось, хотя психиатры тоже уже имели кое-какое «оружие» против чужаков.

Какая бы черная мысль, низменное желание, болезненная причуда ни владели вами когда-то прежде — чужаки все вытаскивали на свет Божий с помощью одним им известных приемов и демонстрировали вашему же собственному потрясенному сознанию.

Задача, как предупреждал О'Хара, состоит в том, чтобы забыть, что такое добро и что такое зло, что такое правда и что такое ложь, и принять как данность — твои желания и твои мысли в той или иной мере свойственны каждому. Роффрею казалось, что это непростая задача.

Но это еще не все. Чужаки располагали невиданно изощренными и мощными средствами, позволяющими воплощать мысль столь ярко и зрелищно, что это сводило с ума.

Роффрей с трудом понимал, где кончается зрительное впечатление и начинается звуковое или вкусовое, усиливающееся обонянием.

И все чувства тонули в мучительном, всепроникающем, рождающем невыносимый ноющий фон, вихрем несущемся, кружащемся, бормочущем и пронзительно кричащем, благоухающем, влажном кроваво-красном цвете.

Роффрею казалось, будто мозг его в ключья разнесен страшным взрывом. Будто брызги разлетаются повсюду, плавая в крови, агонизирует обнаженное сознание, с которого, как одежды, сорваны спасительные предрассудки и самообман. Так неуютно было в том мире, куда он вдруг ступил, — ни покоя, ни отдыха, ни надежды на спасение. Сенс-проекторы чужаков толкали его все дальше и дальше в глубины его собственного подсознания, чтобы показать Роффрею, каково оно на самом деле; но если он сопротивлялся чужакам, они начинали бесчинствовать, творя хаос в его сознании.

Все его мысли и чувства, подвластные сознанию, смешались, застыли и представляли собою чудовищную свалку. Зато перед ним стала картина его подсознания, которую он вынужден был разглядывать.

Где-то на периферии сознания мерцала крохотная искра здравого смысла, и от нее непрерывно шел импульс: «Сохрани рассудок, сохрани рассудок, держись, ничего, все в порядке». И порой он слышал свой собственный голос, к которому

примешивалась дюжина других голосов, они то лаяли, как собаки, то плакали, как дети.

И все же, несмотря на весь ужас, что творился с Роффреем и другими игроками, несмотря на отвращение, которое Роффрей начинал испытывать и к себе, и к своим коллегам, вопреки всему мерцала спасительная искра, не дававшая ему погрузиться в пучину безумия.

Именно на этой искре сконцентрировали чужаки свое внимание, а в это время наиболее опытные игроки флотилии нацеливались разрушить маленькие очаги здравого смысла, живущие в сознании противников.

В истории человечества не было более страшной войны. Это была война не с существами из плоти и крови, а с порочным и злым духом.

Все, что мог сделать Роффрей в этой изнурительной схватке с сонмами звуков, чудовищными, нарастающими волнами запахов, стонущим метанием цвета, — это удержать в своем сознании спасительную искру.

А меж тем, многократно усиливая остроту битвы, клубок разнообразных чувств и ощущений, окрашенных в кроваво-красный цвет, плыл, и бежал, и бился в конвульсиях, и вздымался, пронзая изнемогающее сознание Роффрея, ввинчиваясь в его нервы, терзая каждую клетку мозга, разрушая синапсы, сотрясая и тело, и разум месивом лишенных форм и смысла уродливых впечатлений.

Вот оно, кроваво-красное! Теперь уже не было ничего больше — только кроваво-красное пронзительное звучание всепроникающего, ледящего, зловонного вкуса и бессильного чувства безнадежного отвращения к себе, вползающего в каждую щель, каждый уголок его сознания и тела, и он не хочет уже ничего, только стряхнуть с себя все это и бежать, бежать прочь.

Но нет, он — в ловушке, кроваво-красной ловушке, из которой нет выхода — только отступать, бежать назад, вновь испытывать этот ужас и спрятаться, вжаться в уютное лono... чье?

Спасительная искра вдруг вспыхнула, и он сразу обрел рассудок. Увидел изнуренные, сосредоточенные лица других игроков. Увидел, как Телфрин сидит с искаженным от боли лицом и стонет, а О'Хара, положив свою худую руку ему на плечо, что-то ворчит, и лицо его светится благодарностью. Роффрей взглянул на крошечный экран, на котором пульсировал свет и мелькали какие-то бегущие графики.

Потом он потянулся к стоящему перед ним небольшому пульта управления, и на его бородатом лице появилась кривая усмешка — он закричал:

— *Кошки! Они ползут по вашим спинам, когтями они терзают нервы. Волны грязи, они захлестывают. Тоните, твари, тоните!*

Сами по себе эти слова почти не оказали никакого воздействия, да, собственно, и не должны были — они освобождали его собственное сознание от разрушительных эмоций и впечатлений.

Теперь нападал он! Он использовал те самые чувства и ощущения, которые высвободили из его подсознания чужаки. Он уловил, как они могут реагировать на такие приемы, ибо в их нападении были иногда импульсы, которые ничего не значили для него, будучи переведены в его термины собственного сознания. Их он отбросил силой воли, и экраны начали пульсировать в бешеных ритмах его напряженно работающей мысли.

Он начал с того, что послал назад впечатления от кроваво-красного эффекта, так как это был, очевидно, предварительный ход, который составлял основу игры. Он не понимал, зачем это нужно, но быстро овладел этим приемом. Одна из истин, открывшихся ему, заключалась в том, что рассудок в этой игре значил очень мало. А вот инстинкты следовало обратить в самое страшное оружие. Позже эксперты смогли проанализировать результаты.

И вот он почувствовал, что освобождается от истерического состояния; в комнате царило молчание.

— Стоп! Роффрей — стоп! Конечно — они победили. Господи! Теперь у нас нет надежды!

— Они победили? Но я не закончил...

— Смотрите...

Несколько человек из числа игроков, распростершись на полу, хныкали, пускали слюни, как слабоумные. Другие свернулись в эмбриональных позах. Обслуживающие тут же бросились к ним.

— Семерых потеряли. Значит, чужаки победили. А у нас на счету, должно быть, пять. Ну что ж, неплохо. Вы, Роффрей, почти одолели своего соперника, но они уже ушли. Вероятно, у вас еще будет шанс. Для первого раза это просто замечательно.

Они обратились к Телфрину — он выглядел так, будто совсем лишился чувств, что, казалось, совсем не встревожило О'Хара.

— Этому повезло — видимо, он просто вырубился. Думаю, он довольно выносливый, выдержит еще один-два раунда, теперь он уже по привычке к этой игре.

— Довольно скверно было... — сказал Роффрей. Все его тело свело напряжением, нервы — точно связаны в узел, голова раскалывалась, сердце бешено колотилось. Он с трудом заставлял себя сосредоточиться на том, что говорит О'Хара.

Видя, что ему худо, О'Хара вытащил из кармана коробочку со шприцем и, не дожидаясь возражений, вкатил ему укол.

Роффрею сразу стало лучше. Он все еще чувствовал усталость, но тело понемногу расслабилось и головная боль стихла.

— Так вот она, кроваво-красная игра, — помолчав, сказал он.

— Да уж, она самая, — ответил О'Хара.

Зелински изучал данные, подготовленные для него Манном.

— Из этого можно извлечь кое-что полезное, — сказал он. — Вероятно, Беглец оказывает особое влияние на человеческое сознание, сообщая ему устойчивость к воздействию чужаков.

Он оторвал взгляд от бумаг и обратился к Зангу, который возился в углу с какими-то приборами.

— Так ты говоришь, что Роффрей отменно выдержал первый раунд?

— Да, — кивнул коротышка-монгол. — И снова вступил в схватку, без всяких дополнительных инструкций. Такое редко случается.

— Даже не имея он никаких особых качеств, для нас он просто находка, — согласился Зелински.

— А что ты скажешь насчет моей догадки? — не унимался Манн, которому не терпелось обсудить свою гипотезу.

— Мысль интересная, — сказал Зелински, — но все-таки пока нет конкретных данных, чтобы разрабатывать эту версию. Думаю, нам надо бы повидаться с Роффреем и Телфрином и выяснить, если удастся, что там с ними случилось на Беглеце.

— Ну что, попросить, чтобы они пришли сюда? — предложил Занг.

— Да, будь добр, — ответил Зелински и, насупившись, углубился в заметки Манна.

Вдруг Мери будто всплыла из бездны смятения, в которой пребывал ее расстроенный разум. Превозмогая страх, ибо мысль о душевной болезни постоянно терзала ее рассудок, она, шаг за шагом, стала исследовать свое сознание.

Внезапно все стало на свои места. Она лежит с открытыми глазами — ни уродливых видений, ни пугающих призраков, угрожающих ей. И слышит она только легкое шарканье, будто кто-то ходит неподалеку.

С величайшей осторожностью она стала вспоминать прошлое. Ей никак не удавалось упорядочить во времени пестрый хаос воспоминаний. Казалось, она все время кружится в водовороте, бессмысленно повторяя какие-то действия — пилотирует корабль, открывает шлюзовые камеры, пишет в блокноте какие-то уравнивания, и все это несется мимо ее сознания и где-то исчезает.

Временами бешеное кружение водоворота уменьшалось — это были благополучные минуты, когда она как бы заглядывала в бездну безумия, но удерживалась у самого ее края. Вот первое путешествие на Беглец, она предприняла его после того, как побывала на Голанде и узнала там нечто чрезвычайно важное. Вот она на Энтропиуме, потом беспорядочное метание среди планет в не подчиняющемся никаким законам космическом пространстве — здесь царит только буйное смятение; приземлилась, но ничего не обнаружила; главное — сохранить рассудок, которому постоянно грозит распад; и наконец, Рос, где ее настигло безумие. Ощущение теплоты. Прочь с Роса! Но как, она уже никогда не вспомнит... снова Энтропиум; человек, который спрашивает ее о чем-то... Джон Ринарк... ужас... Энтропиум в развалинах; она бросается на корабль, помнится, это Хаузер; приземляется на какой-то дружественно настроенной планете... Экиверш, кажется?... и покой, покой... потом снова Рос... хаос... ощущение теплоты... хаос...

Почему?

Что снова и снова толкало ее на Рос, ведь каждый раз, как она возвращалась туда, разум ее все слабел? Однако в последний раз было что-то новое... какой-то перелом, будто она совершила уже полный круг и ступила на путь к выздоровлению. Ее встретили там какие-то существа, сотканые из света, но лишённые формы, они говорили с ней. Нет, кажется, это были галлюцинации...

Облегченно вздохнув, она открыла глаза. Возле нее стояла Уиллоу Ковекс. Мери, узнав в ней ту, что ухаживала за ней, улыбнулась.

— А где же мой муж? — тихо спросила Мери с безмятежно-спокойным выражением лица.

— Ну как, получше стало? — сказала, грустно улыбаясь Уиллоу, но Мери поняла, что печаль, сквозившая во взоре Уиллоу, вызвана не ее, Мери, состоянием, а чем-то совсем иным.

— Да, многого, а что, Адам...

— Его взяли в команду, которая ведет игру.

Уиллоу вкратце объяснила Мери все, что было известно ей самой.

— Должно быть, вскоре можно будет связаться с ним.

Мери кивнула. Она чувствовала себя отдохнувшей, умиротворенной. Ужас безумия оставил лишь слабый след в ее памяти, и с каждой минутой он слабел, все дальше и дальше уходя в прошлое. «Теперь уже навсегда, — думала она. — Все прошло... я совершенно здорова. Все прошло». Она почувствовала, что погружается в глубокий, освежающий сон.

В лабораторию Зелински вошли Роффрей и Телфрин. Роффрей — огромный, как бы заряженный энергией, которая так и распирала его, черная борода воинственно торчала.

— Ну что, опять тесты, профессор? — спросил он.

— Нет, капитан. Просто хотелось бы немного порасспросить вас, мы тут неожиданно кое-что обнаружили. Сказать по правде, ни вы, ни Телфрин, оказывается, не обладаете какими-то особыми качествами, которыми можно было бы объяснить сокрушительное поражение, нанесенное вами многочисленным противникам. Мы обнаружили, что вы сравнительно легко отбились от вражеских кораблей только потому, что буквально все их игроки были выведены из строя какой-то силой, столь мощной, что она способна преодолеть космическое пространство без передающей аппаратуры. Вражеские приемные устройства преобразовали эту мощную эманацию в энергию, которая полностью разрушила менталитет противника. Однако ни вы, ни Телфрин не обладаете свойствами, которые объяснили бы этот феномен. Вот если у вас был... какой-нибудь усилитель... Вы сами можете как-то объяснить это?

Роффрей покачал головой.

Телфрин молча хмурился. Казалось, он что-то напряженно обдумывает.

— А может, все дело в Мери? — медленно сказал он.

— Да-да, вполне возможно! — воскликнул Занг, оторвав взгляд от своих записей.

— Нет, — мрачно сказал Роффрей. — Нет...

— Пойми, это может быть только она, твоя жена, Роффрей, — перебил его Телфрин. — На Энтропиеме она была совершенно безумна. Когда она носилась от планеты к планете в системе Беглец, космос был словно бешеный — сплошной хаос. У нее, по-видимому, есть какие-то невероятные внутренние резервы, если она смогла все это выдержать. Она, возможно, аккумулировала в себе все виды воздействий, которым чужаки подвергали ее сознание. Ее рук дело, именно она — наш усилитель!

— Ну, что скажете? — обратился Роффрей к ученым — они все трое горели нетерпением, ни дать, ни взять — голодные стервятники, вот-вот накинутся на умирающего.

Зеленски вздохнул.

— Думаю, мы правы, — сказал он.

Мери пристально вглядывалась в рассеянный свет вокруг флотилии, падающей сквозь тьму к далеким звездам, блистающим где-то в конце долгого-долгого пути.

— Адам Роффрей, — громко сказала она, ей было интересно, что она почувствует, когда увидит его.

— Как же вы оказались на Беглеце? — спросила Уиллоу, которая сидела тут же.

— Сбежала от Адама. Устала от его беспокойной жизни, от того, что он ненавидит цивилизацию и общество себе подобных. Устала от его разговоров, его шуток. Но тем не менее я любила его. И до сих пор люблю. Я — антрополог и пользовалась его полетами в отдаленные миры в своих профессиональных целях. Однажды мы приземлились на Голанде и обнаружили следы побывавших здесь пришельцев из другой галактики. Я обшарила все вокруг, но тщетно — почти ничего не удалось узнать. Тогда я оставила Адама и бросилась на Беглец — он как раз материализовался в нашей пространственно-временной системе, — надеясь хоть тут разузнать что-нибудь. Я изучала систему Беглец, я посвящала этому все свое время, все силы, а моя жизнь, вернее, мой рассудок уже висел на волоске. Последний каплей оказался Рос. Он доконал меня.

Мери с улыбкой оглянулась на Уиллоу.

— Но сейчас я чувствую себя здоровой, как никогда, — я даже подумываю, а не обосноваться ли где-нибудь. Не стать ли такой доброй жenuшкой Адаму. Что скажешь, Уиллоу? — говорила Мери, и взгляд ее был серьезен и задумчив.

— Скажу, что ты одержимая, — ответила Уиллоу довольно резко, не очень-то заботясь о любезности. — Легкой жизнью тебя не купишь. Послушай...

— Мне пришлось трудно, — сказала Мери, опустив глаза. — Ох как трудно. Уиллоу.

— Знаю.

Внезапно засвистело устройство связи. Мери подошла, повернула выключатель.

На экране появился Роффрей.

— Привет, Адам — сказала она. Горло перехватило, и она поднесла к нему руку.

— Слава Богу, — ответил он. Его измученное лицо было совершенно бесстрастно.

Она поняла, что по-прежнему любит его. Это чувство согрело душу.

— Что, был врач? — спросил он.

— Нет, — ответила она с улыбкой. — Не спрашивай меня ни о чем. Просто прими это как данность — я здорова, и все. Что-то произошло — может, борьба с чужаками, может, что-то на Росе, а может быть, просто Уиллоу ухаживала за мной, и это сделало свое дело. Мне кажется, я заново родилась.

Напряжение отпустило Роффрея, и его лицо смягчилось. Он улыбнулся Мери.

— Жду не дожусь, — сказал он. — Вы с Уиллоу можете прямо сейчас прибыть на судно G? Собственно, для этого я и связался с вами — ведь я ничего не знал.

— Конечно, — ответила она. — Но зачем?

— Здесь считают, что мы вчетвером составляем команду, которая смогла нанести поражение чужакам, отразив их эмоционально-психологическую атаку. Вам с Уиллоу надо выдержать несколько рутинных тестов. О'кей?

— Хорошо, — ответила Мери. — Пришлите за нами катер, и мы тотчас будем у вас.

Мери показалось, что лицо его омрачилось, перед тем как он отключился.

Прошло несколько часов, Зелински поморщился, потер рукой усталое лицо, резко встряхнул головой, — может, немного прояснится, — пристально уставился на двух женщин, которые под действием транквилизаторов спали в креслах, предназначенных для тестирования.

— Конечно, здесь что-то есть, — сказал он, вертя в ладонях небольшое световое перо. — Почему мы раньше не протестировали вас всех четверых вместе? Тупость непродолимая.

Он бросил взгляд на хронометр на указательном пальце правой руки.

— Не знаю, что случилось, но Эсквиел собирается выступить перед всеми по поводу игры, я думаю. Надеюсь, новости неплохие, может, еще что-нибудь у нас получится.

Роффрею, видимо, было не по себе, он о чем-то напряженно думал и едва ли слышал, что говорил ему Зелински. Сосредоточенно вглядываясь в Мери, он вдруг ощутил свою беспомощность и ненужность, будто понял, что уже не играет никакой роли в ее жизни, да и с собственной-то не знает, что делать. Непривычное для него состояние, связанное, видимо, с тем, какой оборот принимают события...

Теперь она вспомнила. Когда она спала, рассудок бодрствовал. Она вспомнила, как приземлилась на Росс, как, спотыкаясь, брела по поверхности планеты, как падала в бездну, которая вытолкнула ее вверх, вспомнила, как нечто таинственное, теплое проникало в мозг... Она вспомнила все это, ибо почувствовала: веяние чего-то подобного где-то совсем близко. Она тянулась, хотела проверить, потрогать это, но тщетно, все тщетно. Она, как альпинист на отвесной скале, тянула руку тому, кто стоял выше, над нею, пальцы тянулись к пальцам судорожно, отчаянно, кажется, еще чуть-чуть... но тщетно.

Где-то, но не здесь, есть некто... некто подобный ей... более полно воплощающий ее сущность, чем она сама. Так ей казалось. Кто или что это? Человек ли он в том смысле, какой она вкладывает в это слово, а может быть, нечто совсем иное?

Адам? Нет, это не Адам. Она поняла, что произнесла его имя вслух.

— Я здесь, — сказал он, улыбаясь ей. Она почувствовала, как его большие руки уверенно обняли ее, поддерживая, ободряя.

— Адам... здесь что-то... я не знаю...

Тут рядом с Роффреем появился Зеленски.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Отлично, физически — отлично. Но есть что-то, чего я не могу понять, что-то неуловимое...

Она села в кресле, спустила ноги, стараясь коснуться пола.

— Вы что-нибудь выяснили?

— Самую малость, — ответил он. — Вы нам очень нужны. Но захотите ли вы пойти на риск, большой риск — помочь нам довести до конца игру?

Мери удивило, почему ее муж так спокойно отнесся к этому предложению.

Глава 17

Настало время, которого Эсквиел боялся и ждал, и он понял, что на этот раз должен лично отправиться на судно, где шла игра.

Следовало признать, что чужаки победили в кроваво-красной игре.

В бриллиантовом сверкании, которым мультиверсум окружал его, исполненный жизни, заряженный бьющийся в нем энергией и... близкий к отчаянию — таков был Эсквиел. Отчаяние да еще эта не оставляющая его боль, рожденная ощущением отсутствия цельности и усиленная предчувствием, что часть его сущности, столь необходимая ему, где-то здесь, совсем близко, казалось, вот-вот завладеют им.

Эсквиел не мог еще проследить источник, откуда идут эти ощущения, но знал, что он рядом. Нечто или некто, подобный ему, но пока еще не столь развитый, казалось, существует где-то здесь, в мультиверсуме. В поисках этого нечто он начал исследовать мультиверсум, пронзая его щупальцами своего разума.

Но тут толчок сознания заставил его оставить поиски и сконцентрироваться на неотложной проблеме. Он и прежде вступал в контакт с теми, кто возглавлял команды чужаков. На этот раз они не могли сдержать своего ликования, ибо исход игры уже определился.

Они побеждали. Конечно, поражение, которое нанес им Роффрей, отбросило их назад, и тем не менее их счет в игре непомерно возрос.

Хотя Эсквиел до сих пор толком не разобрался в их системе подсчета очков, он доверял им. Даже и помыслить было невозможно, что чужаки способны на обман.

Для связи с ними Эсквиел пользовался теми приемами, которым их с Ринарком обучили иерархи. В отличие от телепатии эти методы основывались на восприятии не только мыслей и чувств, но и таких форм энергии, которые можно использовать, преобразовав их соответствующим образом, на основе знания законов мультиверсума. Общение шло не на лексическом,

а на образном уровне, т.е. использовались картинки и символы. Именно таким путем Эсквиел передал чужакам, что психиатры ухитрились придумать «оружие» борьбы с ними.

Эсквиел до сих пор и представления не имел ни о том, как чужаки называют себя, ни об их физическом облике. Но понять их послание не составило труда — смысл был в том, что человечество достигало критической черты.

Еще один раунд — и исход игры будет решен!

И если человечество откажется признать свое поражение и снова начнет войну, оно будет обречено, Эсквиел знал это, — возможности флотилии исчерпаны, и надеяться было не на что.

Полученные недавно сообщения ничего не меняли в этой картине. Часть судов-ферм вышла из строя, другие были и вовсе потеряны или уничтожены еще раньше, во время первых столкновений с чужаками. Теперь осталось меньше двух тысяч кораблей и судов различного назначения — по обычным представлениям, достаточно большая флотилия, если не учитывать того факта, что родную Вселенную покинули около четверти миллиона кораблей.

С ощущением почти полной безнадежности Эсквиел протянул свою светящуюся руку и включил устройство связи, настроив на волны общего радиовещания, чтобы сообщить человечеству то, что стало уже очевидным для него самого. Он редко прибегал к этому способу, ибо непосредственное общение с людьми день ото дня становилось для него все менее приятным. Итак, он начал:

— Говорит Эсквиел. Пожалуйста, прослушайте внимательно мое сообщение. Я вступил в контакт с нашими противниками, которые информировали меня в том, что, по их мнению, игра фактически уже окончена и они победили. Это означает лишь одно — наше положение почти безнадежно.

Имеющиеся у нас средства позволяют нам продержаться в лучшем случае месяц. Если немедленно не обосноваться на какой-либо планете, не обрести хоть какое-то пристанище, все вы обречены на смерть.

Единственный способ выжить — это одержать решительную победу в последнем раунде игры. Сейчас значительное преимущество на стороне противника, который уверен, что может в ходе последнего раунда увеличить разрыв настолько, чтобы обеспечить себе выигрыш.

Наши игроки крайне измотаны, и у нас уже никого нет в резерве. Мы исчерпали свои возможности, лишившись самых талантливых из нас, и израсходовали почти все свои ресурсы.

Наши ученые продолжают работать, пытаясь найти новое средство, чтобы сломить сопротивление противника, но хочу предупредить вас, что наше время истекает. Те из вас, кто непосредственно не участвует в кроваво-красной игре, тоже должны делать все от них зависящее, помня о том, что я сказал.

Игроков и всех, кто так или иначе связан с кораблем, где идет игра, я прошу сделать последнее усилие, хотя знаю, что вот уже много дней вы работаете до полного изнеможения. Помните, мы еще можем выиграть. Выиграть всё! Помните и о том, что один неверный шаг — и мы теряем все!

Эскивел откинулся на спинку своего кресла, он еще не все сказал; и вот он вдохнул ни с чем не сравнимый аромат, издаваемый мультиверсумом; увидел свой корабль, его четкий контур на фоне неодолимо прекрасного, исполненного жизни космоса; испытал — в который раз! — непередаваемое чувство, чувство родства с другим существом. Где оно, это существо? Здесь ли или в ином универсуме?

Эскивел продолжил свою речь:

— Каков бы ни был исход игры, лично для меня, как вы, наверное, догадываетесь, это значения не имеет. Но я облачен вашим доверием и должен осуществить свое предназначение — сначала спасти человечество, а затем вывести его на новый, более высокий уровень эволюции. Среди вас, наверное, есть такие, кто задается вопросом, что случилось с Ринарком, моим соратником, который первым повел человечество к спасению. Вас удивляет, почему он остался в обреченной, сжимающейся Галактике. Я ничего не могу сказать вам, ибо никому не дано проникнуть в замысел иерархов, потребовавших этой жертвы. Может статься, что субстанция, в которую был облачен могущественный дух Ринарка, рассеянная теперь среди нас, придаст нам сверхъестественные жизненные силы, в которых мы так нуждаемся. Возможно, Ринарк чувствовал, что исполнил свою миссию, и теперь мне предстоит осуществить то, к чему я призван, как бы высокопарно это ни звучало.

Ринарк был отчаянно смелый человек и мечтатель. Он верил, что воля, которой наделен человек, поможет ему одолеть все препятствия, к какой бы категории они ни относились — физической, интеллектуальной, метафизической. Может быть, он был немного наивен. Но если человечество выживет, то только потому, что среди нас есть такие мечтатели и идеалисты, как Ринарк.

Мы счастливо избежали гибели один раз, но это не значит, что нам повезет дважды. Одной воли недостаточно, чтобы победить в кроваво-красной игре. Следует помнить, что проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас, значительно сложнее, чем те, что стояли перед нами, когда мы с Ринарком начали свое дело.

Пришло время отринуть жалость и сострадание. Мы станем сильными и отважными, коварными и осторожными, мы отречемся от идеализма, который сопутствовал нам прежде. Наш девиз — жертвовать, чтобы выжить, и выжить — ради великих идеалов.

Эсквиел хотел было продолжать, но потом решил, что на сегодня сказал достаточно.

Он снова откинулся на спинку кресла, позволив себе удовольствие испытать полное единение с мультиверсумом.

— Где ты?.. — негромко сказал он. — Кто ты?

Его жажда обрести эту неведомую недостающую сущность была мучительно осязаемой — она приводила его в замешательство, поглощая все его внимание, отвлекая от дела, которому призван был отдать всего себя.

Он уже связался с кораблем, где шла игра, и теперь нетерпеливо ждал катер, который доставит его туда.

Он встал и зашагал по своей тесной и неубранной каюте, разливая свет, трепещущий и бьющий голубыми, золотистыми и серебряными лучами; тени плясали вокруг него, и временами казалось, что по каюте бродят несколько призраков Эсквиела.

Наконец приблизился катер, состыковался с кораблем, и Эсквиел через шлюзовую камеру ступил на корабль, где его приветствовал лорд Морден.

— Может быть, — сказал он, — с вашей помощью, Эсквиел...

Но Эсквиел покачал своей радужно сияющей головой.

— Мои возможности в этом смысле чрезвычайно ограничены, — ответил он. — Надеюсь только, что смогу помочь игрокам подольше продержаться.

— Да, тут есть кое-что еще... Зелински хочет вас видеть. Оказалось, что те четверо, что прибыли с Беглеца, обладают некой коллективной энергией...

Эсквиел и Морден быстро шли по коридорам, гулко клацаая ботинками по металлическому покрытию.

— Немедленно поговорю с Зелински, — сказал Эсквиел.

Они остановились у дверей.

— Вот его лаборатория.

— Он тут?

Морден повернул ручку и вошел. Зелински поднял глаза и зажмурился, когда увидел идущего вслед за Морденом Эсквиела.

— Какая честь... — несколько иронически заметил он.

— Лорд Морден сказал мне, профессор, что у вас есть что-то новенькое?

— Да вроде. Эта женщина, Мери Роффрей, она теперь не то что совершенно нормальна, она... как бы сказать... сверхнормальна! Что-то случилось с ее рассудком на Росе. Сама структура его стала совсем иной. Она разительно отличается от всех... кроме, пожалуй...

— Кроме меня? — Эсквиел почувствовал, что дрожь побежала по его телу. — Она что, похожа на меня, как вам кажется?

Зелински покачал головой:

— Она выглядит совершенно обычно, пока не начнешь анализировать структуру ее мозга. Такая, как она, нам как раз сейчас и нужна.

Кажется, картина начала прорисовываться перед внутренним взором Эсквиела.

Что эта женщина, может быть, она как раз и призвана утолить мучительное чувство неполноты его собственной сущности. Или же иерархи специально внедрили что-то в ее сознание, чтобы усилить те качества, которые были потенциально в ней заложены, и вручить ей оружие в битве за человечество. Эсквиел мог только гадать.

— Она стала такой не от того, что подверглась психологической атаке чужаков, — заговорил Зелински. — И даже не от того, что случилось с ней на Росе, где ее преследовали галлюцинации, которые хоть кого с ума сведут. Что-то или кто-то радикально изменил ее ментальность. Никогда не встречал столь тонкого равновесия сознания!

— Что вы хотите сказать? — спросил Эсквиел.

— На одном полюсе — совершенное безумие, на другом — совершенная адекватность. — Зелински нахмурился. — Не приведи Бог оказаться на ее месте. Она в момент прошла с О'Харой ускоренный курс обучения. Но участие в игре может лишить ее рассудка теперь уже навсегда, стоит лишь чуть-чуть нарушить хрупкое равновесие, в котором пребывает ее психика.

— Значит, вы считаете, что она может навсегда лишиться рассудка?

— Да.

Эскивел задумался.

— И все-таки мы должны использовать ее, — сказал он наконец. — Слишком много поставлено на карту.

— Ее муж против, но сама она, кажется, относится к этому нормально.

— Он просто бунтарь, по определению, этот Роффрей, — не преминул встрять Морден.

— Он что, будет ставить нам палки в колеса в этом деле?

— Да нет, он уговорился, — сказал Зелински. — Вообще-то для него это необычное состояние. Кажется, участие в игре сильно повлияло на него. Да и не удивительно...

— Мне нужно повидаться с ней, — сказал в заключение Эскивел, выходя из лаборатории.

По длинному коридору все двинулись в игровой зал.

Эскивел хотел видеть Мери Роффрей — это желание с отчаянной силой овладело им. Он шел быстрым, широким шагом, а мысль его напряженно работала.

С тех самых пор, как они с Ринарком отправились на Беглец, их с Мери пути пересеклись, но не прямо, а как бы опосредованно. Он никогда не видел ее, но знал, что эта она снабдила Ринарка теми важными сведениями, без которых им бы никогда не отыскать иерархов. Кто же она? Просто марионетка, которую иерархи используют, чтобы спасти человечество? А может, она вовсе не марионетка, а нечто гораздо более значительное?

Она, должно быть, все-таки та самая недостающая часть, отсутствие которой он так болезненно ощущает всем своим существом. Однако очевидно, что прямой контакт с мультиверсумом у нее отсутствует. Она наделена энергией разрушительного воздействия на чужаков, его же способности в этом плане несравненно более скромные. Многое связывает их, но многое и разделяет. Вместе они оба как бы обладают такими возможностями, которые должны быть присущи цельному Человеку. У нее есть что-то такое, чего нет у него, и наоборот. Разве они могут быть похожи?

Еще мгновение — и, возможно, все откроется ему.

Он еще раз мысленно перебирал все, что знал о Мери. Ее менталитет сыграл решающую роль в жестокой схватке с чужаками. При этом она служила как бы проводником для остальных. Все, кто побывал на Россе, гораздо более всех других обитателей флотилии способны к борьбе с чужаками. Поэтому следует, кроме Мери, использовать и тех троих.

Но главным образом его занимало сейчас то, что сказал ему Зелински.

Чудовищное напряжение последнего раунда игры могло безвозвратно погубить рассудок Мери.

Он знал, что ему предстоит сейчас. Но как тяжела эта ноша! Он вершил свой выбор, а свет, излучаемый им, казалось, бледнеет, становится холодным и уже не мечется более исступленным вихрем вокруг него. Печаль захлестнула его, он даже не думал, что может когда-нибудь испытать такое горькое чувство. И тщетно было бороться с ним.

Может статься, он убьет эту женщину, навеки лишив себя той силы, которой она владела, силы, которая принадлежала ему в той же мере, что и ей.

Время шло неумолимо, и ничего не оставалось, как только действовать, и действовать немедленно. Начало последнего раунда приближалось.

Они подошли к дверям зала, где шла игра...

Глава 18

В главном зале сидели Мери с Уиллоу и слушали сотрудника лаборатории, инструктирующего их. Другие игроки записывались для участия в последнем раунде. Все они казались очень усталыми, и видно было, что им не по себе. Многие даже не подняли головы, когда быстро вошел Эсквиел и, не закрыв за собой двери, стремительно направился в другой конец зала. Свет струился вокруг его тела и шлейфом стлался за ним. Мери обернулась и увидела его.

— Вы! — сказала она.

Ее изумленный взгляд замер на лице Эсквиела.

— Разве мы встречались? — спросил он. — Не помню.

— Я несколько раз видела вас с Рипарком на Росе.

— Но ведь мы были там несколько лет назад!

— Знаю, но Рос — необычная планета. Времени там не существует. Во всяком случае, это могло быть только там.

— Но как же все-таки вы узнали меня?

— Я все время чувствовала, что вы где-то рядом. Кажется, даже еще до того, как мы прибыли на флотилию.

— Но, очевидно, вы не можете существовать в мультиверсуме, как я. Интересно, что нас связывает? — Он улыбнулся. — Может, наши с вами общие друзья иерархи и ответили бы нам.

— А может быть, все гораздо проще, — сказала Мери. Она испытывала к Эсквиелу странную симпатию — никогда прежде

она не чувствовала ничего подобного. — Ведь мы видели иерархов и контакт с ними дал нам обоим нечто общее, что мы сейчас и узнали друг в друге.

— Очень может быть, — кивнул он и тут вдруг заметил, что Уиллоу не отрываясь смотрит на него, и в глазах ее стоят слезы. Он овладел собой и резко сказал: — Однако нам следовало бы лучше подготовиться. На этот раз я тоже собираюсь наблюдать за игроками. Вы, Мери, будете работать под моим руководством; как прежде, будем использовать также и остальных — Роффрея, Телфрина и Уиллоу. Все мы составим как бы единое звено.

Мери взглянула на остальных — они подошли из другого угла, где Зелински и его команда возились с каким-то прибором.

— Вы слышали?

У Адама был страдающий взгляд бессловесного животного, как успела заметить Мери, прежде чем он опустил глаза.

— Слышали, — ответил он. — Все слышали.

Мери взглянула на Эсквисла, как бы прося совета, но он ничем не мог помочь ей. И тот и другой испытывали несловесность: Мери — перед Роффреем, а Эсквисл — перед Уиллоу.

Близится время, чувствовала Мери, когда ей придется рвать узы, связывающие ее с мужем.

А Эсквисл думал, что давно уже миновало то время, когда их с Уиллоу, как вот теперь с Мери, мог ждать общий удел.

Они просто смотрели друг на друга — слова тут были лишними.

О'Хара вывел их из задумчивости:

— Всем приготовиться! Помните, в предстоящем раунде мы должны одержать сокрушительную победу. Этот раунд — последний. Исход его решает все!

Три участника игры, возглавляемые Эсквислом и Мери, направились к специально подготовленному пульту.

Зелински и его команда, закончившие свою работу, шли рядом.

Все пятеро построили себя на игру.

Уиллоу и Адам Роффрей должны были сконцентрироваться, но ими обоими владел страх. Уиллоу боялась за Мери, которой предстояло пройти тяжкие испытания, чтобы достичь своего паранормального состояния, Роффрея пугало, что Мери навсегда лишится рассудка, и вместе с тем он приходил в ярость при мысли, что их отношения обречены на разрыв — у них ведь даже не было возможности попробовать начать все сначала.

Теперь его соперником стал Эсквиел, который сам вряд ли понимал это.

Один Телфрин ничего не боялся. Как бы там ни было, он чувствовал, что будет стоять до конца, сколько понадобится, пока Мери будет в состоянии участвовать в игре.

Эсквиел, склонившись к Мери, прошептал:

— Помните, что мы оба связаны друг с другом так тесно, как только возможно. И если вы почувствуете, что приближается безумие, не впадайте в панику. Я буду вести вас в нужном направлении.

— Спасибо. — И она улыбнулась ему.

С возрастающим напряжением все ожидали начала игры.

Он был такой осторожный, мягкий, этот первый зонд. Будто тонкий надрез острого скальпеля.

— Не ждите! Нападайте! Нападайте! — неистово кричал О'Хара.

Войдя в контакт с Мери, Эсквиел начал бороздить ее память, проникая в самые глубокие тайники подсознания, — такое впопру, наверное, только изощренному преступнику.

Но даже погружаясь в тошнотворный, головокружительный водоворот безумия, Мери четко знала, что Эсквиел не причинит ей зла. Ведь не из преступных же намерений он делал это. Ему приходилось совершать над собой невероятные усилия, чтобы заставить себя продолжать эту мучительную работу. Он изучал ее мозг, рассекая, разрывая, разнимая его на части и структурируя его заново; он проделывал все это, вполне отдавая себе отчет, что, в конечном счете, совершает, возможно, тягчайшее преступление.

Остальные трое участников надрывались, снабжая Мери энергией, которую Эсквиел направлял против соперников.

— Вот они, Мери, ты видишь их!

Мери обратила свой остекленевший взор на экран.

Да, она видит их.

И внезапно страшная тьма будто накрыла ее. Иглы, раскаленные докрасна, вонзились в нежную ткань ее мозга. Сама она стала струной, которую натягивают все туже и туже, струна вот-вот лопнет. Она не может... Она не может...

И вдруг она засмеялась. Ей было очень забавно. Они все тоже смеются над ней.

Она всхлинула, и захныкала, и рухнула в бурлящее месиво какой-то нечисти, которая металась и бесчинствовала во

всех закоулках ее разума. Они хихикали, и глумились, и тыкали пальцами в ее мозг и ее плоть, и вытягивали нервы, и, испытывая непристойное наслаждение, ласкали то, чем успели завладеть.

Она ринулась прочь — все вокруг стало пропитываться ощущением кроваво-красного... кроваво-красным ощущением, которое всегда царит здесь. Она знает это. Ей так знакомо это ощущение, и она ненавидит его, больше всего на свете ненавидит его.

Прочь — чувства... прочь — жалость к себе... прочь — любовь... прочь — томление, и ревность, и бесплодная грусть. Трое остальных объединились, и сомкнулись, и сообщили свою энергию Мери. Все, что чувствовала и видела она, они тоже видели и чувствовали. И временами все пятеро как бы сливались воедино и созерцали то, что раньше было доступно только Эсквиелу и что придавало им силу, которую они передавали Мери.

Борьба все длилась и длилась, и они набрасывались на чужаков, ненавидя их, метали в них разрушительные заряды смертоносных эмоций, порождаемые коллективным разумом.

Соперникам казалось, будто их вдруг атаковали из атомной пушки, в то время как они-то готовились всего лишь к войне на шпагах. Они сгибались под напором этого шквала. Они отступали, они поражены и даже восхищены, если так можно было сказать про чужаков, на свой особый, странный для людей, манер, но держались твердо и, оправившись от первого шока, стали играть хладнокровно и деловито.

Роффрей вышел из контакта, услышав чей-то голос. Это кричал О'Хара:

— Побеждаем! Зелински был прав. Мери в совершенстве владеет мастерством игры. У нее мозг так устроен, что она точно направляет в противника те импульсы, которые наиболее ненавистны ему, а следовательно, и разрушительны. Здесь что-то кроется, какая-то тайна, которую людям не дано постичь. А ей это под силу!

Роффрей уставился на него непонимающим взглядом, потом снова обратился к игре. Какой-то миг, пока он снова не погрузился в игру, О'Хара следил за ним. Их счет медленно возрастал — вдохновение, охватившее Мери, казалось, передавалось другим игрокам, которые тоже выкладывались из последних сил.

— Это наш звездный час, — сказал О'Хара торжественно. — Наш звездный час!

Подойдя к Мери, он увидел ее искаженное, перекошенное, все в испарине и слюне лицо в ауре таких же мерцающих контуров, какие неизменно окружали Эсквиела.

Теперь и она знала, что побеждает. Она видела, как противники дрогнули и отступили. Она чувствовала, что победа уже близка. Хотя безумие было яростным и всепожирающим, за ним стояла уверенность, которую рождало в ней присутствие Эсквиела, и она продолжала работать, посылая импульсы, хотя и мозг и тело напоминали о себе сильнейшей, иссушающей болью.

Внезапно она потеряла сознание, но откуда-то издалека ей слышался голос, зовущий ее:

— Мери! Мери!

Эсквиел, понимая, что не без его участия она впала в это состояние, с трудом заставил себя продолжать игру. Он должен был сделать это. Он положил руку на мокрые от пота волосы Мери, запрокинул ей голову и пристально взглянул в ее пустые глаза.

— Мери, ты можешь прогнать их прочь, ты можешь это! — Он почувствовал, что начал входить с ней в контакт. Он сконцентрировал ее внимание на экраны.

Она заметалась в кресле и вдруг посмотрела на Эсквиела. К своему великому облегчению, он увидел, что взгляд у нее совершенно осмысленный.

— Эсквиел, — сказала она, — что это было?

— Ты можешь стать такой, как я, Мери, — сейчас!

И тут она замычала прямо ему в лицо, захохотала, и Эсквиелу показалось, что звуки ее голоса материализовались, обретя вес, и бьют, бьют ему прямо в голову; ему хотелось вскинуть руки, защищаться от них и бежать, спастись, скрыться, чтобы не видеть того, что он натворил. Но он снова овладел собой и повернул голову Мери к экранам.

Роффрей, сам не свой от боли и сострадания, злобно кося глазами, стоял, едва сдерживая себя. Мери буйно хохотала и неистово рвалась куда-то. Эсквиел не мог установить с ней контакт. Вдруг она взметнула руку и ногтями полоснула по лицу Эсквиела. Роффрей, увидев, как выступила кровь, был поражен. Он забыл, что Эсквиел во многом подобен людям, что он так же смертен, как и они. Но от этого Роффрею легче не стало.

Эсквиел пытался справиться с приступом ярости, охватившим Мери, обратить его на противника. Он бился, стараясь восстановить эмоциональный контакт с ней.

Она заволновалась — ее имя звучало, то обретая форму, то как бы скручиваясь, сновало во тьме. Она стремилась, тянулась к этому знакомому голосу.

А рядом почти все другие игроки уже стали жертвой психологической атаки чужаков. Ритмично накатывали волны уродливых чувственных импульсов, посылаемых противником, и уже не выдерживали даже самые сильные, казалось, им уже не сохранить той искры, которая не давала угаснуть их рассудку; казалось, они уже не способны сопротивляться.

И тут Эсквиселу пришла спасительная мысль установить контакт с Мери так, как он обычно делал это с чужаками, то есть не на лексическом, а на образном уровне. Он внедрил в ее сознание ощущения и образы — нечто взятое из его собственной памяти. Эффект оказался пронзительный — он почувствовал такую тесную связь с Мери, такое сострадание к ней, что с ужасом ощутил, как начинает угасать его собственный разум. Он понимал, что должен во что бы то ни стало удерживать сознание, ведь на нем лежала ответственность за исход поединка. Он держался, как мог, но вот он выпрямился, задохнулся.

И все увидели, как свет, окружавший его, судорожно взметнулся и вдруг потускнел. Потом снова стал разгораться, и вот вспыхнул, как пламя.

Этот свет вызывал ответный отблеск в Мери. Нечто неведомое вошло в ее тело, и она теперь уподобилась Эсквиселу. Контуры ее тела стали двоиться, трояться, и вот уже множество ее светящихся двойников мерцают вокруг...

— Эсквисел! Эсквисел! Эсквисел!

— Привет, Мери.

— Что это?

— Это возрождение. Теперь ты обрела свою сущность.

— Это конец?

— О нет!

— Где мы, Эсквисел?

— На корабле.

— Но он...

— Другой, я знаю. Смотри!

Она увидела как бы через грань алмаза — своего мужа, девушку, других людей. Они смотрели на нее в немом изумлении. Какие-то искаженные, смутные тени двигались вокруг.

— Адам, — сказала она. — Прости.

— Все хорошо, Мери. Обо мне не беспокойся. Желаю удачи. — Роффрей и в самом деле улыбался.

В фокусе появилось новое изображение — О'Хара, размахивающий руками.

— Не знаю, что у вас тут происходит, мне дела нет до того. Возвращайтесь к игре, иначе все пропало!

Мери повернулась к экранам — ужасные видения вернулись вновь, но, казалось, их пропустили через фильтр, который поглотил все их пагубные свойства, — теперь они уже не могли воздействовать на ее сознание.

Мери осторожно исследовала свою новую сущность. Она чувствовала, что рядом Эсквиел, ощущала ободряющее тепло, исходящее от него. С холодной и беспощадной яростью она снова ринулась в борьбу, выискивая наиболее уязвимые точки в сознании соперников и в ключья разрывая их рассудок. Ее вел Эсквиел, она чувствовала это. Телфрин, Уиллоу и Адам генерировали энергию и наиболее действенные импульсы, Мери компилировала их, деформируя так, что они обретали мощные деструктивные свойства, и направляла сопернику.

Большинство участников выбыли из игры, и служители выносили их из зала. Оставалось всего пять команд.

Но это была победа! Мери и Эсквиел, которые работали бок о бок, забыв обо всем на свете кроме того, что нужно разбить чужаков, тоже наконец поняли, что побеждают. Теперь им казалось, они знают все о своих соперниках до такой степени, что готовы были чуть ли не проиграть из симпатии к ним.

Теперь они боролись, охваченные азартом победителей. Вскоре все резервные силы чужаков были исчерпаны. Мери и Эсквиел, прекратив борьбу, оглядывались вокруг.

— Эсквисл... что произошло?

Эсквиел и Мери увидели, что Уиллоу смотрит на них. Улыбнувшись, они сказали:

— Это все было предначертано иерархами, Уиллоу. Очевидно, они не учли в достаточной степени слабость рода человеческого, да и силу духа, свойственную людям, тоже, наверное, не приняли в расчет. Пожалуйста, не огорчайся, Уиллоу. Сегодня ты столько сделала для человечества, разве это можно сравнить с тем, что ты могла бы дать кому-нибудь одному из них.

Они посмотрели на остальных.

— Ты, Роффрей, и ты, Телфрин. Без вашей помощи нам едва ли удалось бы подчинить себе интеллект чужаков.

Все вокруг удивительным образом сложилось в четкий рисунок. Очевидно, был какой-то смысл в том, что Уиллоу и Телфрин остались тогда на Энтрописме. И недаром, наверное, Рофф-

фрей пбил себе в голову непременно отправиться на Беглец, в противном случае человечество могло бы упустить свой шанс.

— Да что же все-таки случилось? — прервал лорд Морден. — Вы что, стали единой сущностью. или как?

— Нет, — проговорил Эсквиел с едва заметным усилием. — Просто, существуя на уровне мультиверсума, мы можем, объединив наш интеллект, составить единое более мощное образование. Именно так мы и одолели наших противников.

— Очевидно, и это предначертано иерархами в их планах. Но они сами для нас ни разу ничего не сделали. В лучшем случае они просто оставляли за нами свободу воспользоваться помощью, которая оказывалась на нашем пути. Если мы не пренебрегали этой возможностью — наше счастье, если нет — страдайте, пожалуйста. Сейчас мы были близки к полному поражению. Не догадайся мы об особых способностях, которыми обладает Мери, план иерархов мог бы провалиться. Но нам опять повезло.

— Иерархи, должно быть, наблюдали за мной с самого начала, даже прежде, чем я встретила вас, — сказала Мери.

— Иерархи ставят особенно трудные задачи перед цивилизацией, которую они рассматривают как... почву, на которой произрастает новая раса, раса, обитающая в мультиверсуме, — сказал Эсквиел, — раса, наиболее пригодная для выживания.

— А как же наши враги? — поспешно начал лорд Морден с подобострастным выражением. — Разве мы не должны выяснить условия мирного договора? Нам надо спешить, ведь суда-фермы...

— Конечно, — согласился Эсквиел. — Мы с Мери вернемся на мой корабль и оттуда свяжемся с чужаками.

Мери и Эсквиел направились к выходу, кинув прощальный взгляд на своих друзей, которых они покидали.

— Какого черта, что вы нашли тут хорошего, а, Роффрей? — спросил с укоризненным видом Телфрин.

Роффрей чувствовал себя необычайно спокойно. Может, это было вызвано просто усталостью, хотя вряд ли, подумал он. Ушла боль, ни ревность, ни ненависть больше не мучили его. Он подошел к большому пустому экрану и уставился на него. Вдруг все осветилось, это ассистент включил свет на центральном пульте и начал убирать зал, где прежде сидели игроки...

— Сдаюсь, — признался Телфрин, озадаченно покачав головой.

— Вот в том-то и беда, — сказала Уиллоу. — Слишком много таких, которые сдаются.

Эсквиел из Помпеи привел Мери к себе на корабль. Здесь они чувствовали себя гораздо свободнее, ведь атмосфера этого корабля больше соответствовала особым состояниям их метаболических процессов.

Эсквиел показал Мери корабль, потом они, объединив свой ментальный потенциал, принялись созерцать сияющий мультиверсум, простиравшийся вокруг них.

Выбросив в информационное поле мультиверсума ментальный щуп, потянувшийся в знакомые уже слои, они стали отыскивать своих недавних противников.

И вот наконец контакт!

Когда облеченные властью представители чужаков явились на корабль, Мери от изумления открыла рот и не удержалась от возгласа:

— Боже мой! Как они прекрасны!

Они и действительно были прекрасны — изящно сложенные, с полупрозрачной кожей, большими золотистыми глазами, с удивительно грациозными движениями. Однако при всем том они несли на себе печать вырождения и нечто совершенно упадочническое поражало в них. Они походили на очень умных, испорченных детей.

— Иерархи предупредили меня, что следует остерегаться расы, которую они называли «пессимистами», — сказал Эсквиел. — Это цивилизация, навсегда потерявшая надежду обрести цельное представление о мультиверсуме и безвозвратно утратившая жажду выйти за рамки жалкой сути бытия, которые изрядно обетшали за минувшие тысячелетия. Конечно, они, наши соперники, как раз из этой породы.

Мери и Эсквиел, пользуясь своим уникальным методом, снова вступили в контакт с чужаками и были потрясены их состоянием полной безнадежности, вызванной поражением, и смиренной готовностью принять любые условия, которые продиктуют им победители.

Утратив желание разорвать границы физических пределов бытия, они вместе с тем навсегда утратили и гордость, и достоинство.

Безоговорочное поражение — упадок духа — полная безнадежность — готовность представить все права, какие вы пожелаете...

Для изнуренного жестокой борьбой сознания победителей это было последней каплей — они исполнились великой жалостью к побежденным, когда сообщали им свои условия.

Принимаем условия — любые условия приемлемы — мы не имеем статуса — все права передаем вам — мы не более чем орудие в ваших руках, которое вы можете использовать, как пожелаете...

Чужаки так чтити кодекс, связанный с игрой, которую они вели столетиями, а может, и тысячелетиями, что с готовностью позволяли этим несведомым победителям делать все, что угодно, и сами охотно повиновались им. Они не осмеливались даже усомниться в правах победителей. Их смятение было столь велико, что грозило им гибелью, но при этом они не высказывали и тени горечи, или обиды, или уязвленной гордости...

Эсквиел и Мери решили помогать им, если удастся.

Чужаки ушли.

Увидятся ли они еще когда-нибудь? Мери и Эсквиел отправили вслед удаляющемуся сферическому кораблю послание, где в вежливой и уважительной форме отдали дань изобретательности и смелости своих бывших соперников, но ответа не получили. Видимо, чужаки считали, что, раз они потерпели поражение, никакая, даже самая высокая оценка их достоинств уже не способна что-либо изменить. Чужаки указали людям планеты, пригодные для обитания, — им самим эти планеты не подходили — и удалились прочь.

Они ушли не для того, чтобы тайно копить в себе зависть к победителям — этого чувства они были начисто лишены. Не вынашивали они и планов мщения — это тоже было немыслимо для них. Они ушли, чтобы исчезнуть, и вновь появиться могли только в том случае, если этого пожелают победители.

Странная раса! Отринув естественные законы природы и здоровые инстинкты, они подменили их искусственно надуманным кодексом поведения.

Корабль чужаков исчез из вида, и Эсквиел и Мери потеряли связь с ними.

— Надо бы сказать Мордену. Как-никак, он будет доволен.

Эсквиел настроил лазерное устройство связи и сообщил Мордену о результатах встречи.

— Следует сразу же отправить флотилию к обитаемым планетам. Часа нам хватит, — сказал лорд Морден, устало улыбнувшись. — Наша взяла, князь Эсквиел. Не стану скрывать, я был близок к тому, чтобы признать поражение.

— Да и мы тоже, — улыбнулся Эсквиел. — Как там трое наших друзей?

— Они вернулись на корабль Роффрея. Думаю, с ними все в порядке. Роффрей и девушка, как ни странно, кажется, совершенно счастливы. Хотите, я послезу за ними?

— Нет, не надо, — помотал Эсквисл головой, вокруг которой померк и снова вспыхнул свет, а изображение ее на экране то множилось, то сливалось в одно. Эсквиел внимательно посмотрел на усталое лицо Мордена, который зябко поежился под этим пристальным взглядом.

— Не мешало бы вздремнуть сейчас, — сказал он наконец, — но сначала надо подготовить флотилию. У вас что-нибудь еще?

— Нет, — сказал Эсквиел и отключился.

Несколько подавленное настроение, которое часто приходит после упоения победой, царило во флотилии, завершавшей перестроение; Мери и Эсквиел наблюдали за ней через одно из окон.

— Сколько нам еще предстоит совершить, Мери, — сказал Эсквиел. — На самом деле это всего лишь начало. Как-то я сравнил человечество с цыпленком, вылупляющимся из скорлупы. Сравнение все еще в силе. Мы разбили скорлупу. Мы благополучно пережили первый период пребывания в мультиверсуме, но ведь впереди еще второй и третий. А что, если, откуда ни возьмись, огромный детина космических масштабов, с топором в руках, захочет нами пообедать, пока мы еще не спустили свой жирок?

Мери засмеялась:

— Ты просто устал. Да и я тоже. Погоди, дай время подумать хорошенько. Это у тебя реакция, ты поддался депрессии. А уныние — плохой помощник, ведь работы у нас — непочатый край.

Эсквиел посмотрел на нее с радостным удивлением. Он еще не привык к тому, что рядом с ним друг, общество которого просто неоценимо для него, друг, способный понять и разделить все его мысли и чувства.

— Куда нам направиться? — снова заговорил он. — Мы должны хорошо все продумать. Плачевное состояние флотилии не дает нам возможности прыгать с планеты на планету. Кроме того, следует заново разрабатывать строгий кодекс Галактических законов. Люди прагматического толка, вроде лорда Мордена, которые в прошлом приносили немало пользы, но теперь не смогут уже изменить ни своего менталитета, ни сознания, ни мировоззрений, должны быть выведены из руководящих структур. В последнее время мы стали жестокими — в силу необходимости. Если мы пустим все на самотек, Мери, наша цивилизация может быстро деградировать к состоянию, худшему, чем то, в котором она не пребывала накануне исхода. Если это случит-

ся, нам уготована жалкая участь. Притом времени у нас совсем немного. Иерархи достаточно ясно дали нам с Ринарком понять это еще во время нашей первой встречи с ними.

Он вздохнул.

— Я буду помогать тебе, — сказала она, — вдвоем нам будет легче. Знаю, нас ждет тяжелый труд, но все-таки, не забывай, теперь нас двое. А ты заметил, как Адам и Уиллоу изменились во время игры? Таких, как они, во флотилии, должно быть, несколько десятков, и у всех у них достаточно потенциальных возможностей, чтобы со временем присоединиться к нам. Скоро, наверное всего лишь через несколько поколений, появится генерация людей, подобных нам, достаточно многочисленная, чтобы стать преемниками иерархов.

— Многочисленная, ну нет, — сказал Эсквиел. — Ведь почти все люди довольны тем, что имеют. И можно ли обвинять их? Ведь предстоит одолеть такую головокружительную крутизну.

— Свернуть горы — вот лучший способ одолеть их, — засмеялась она. — А главное — не дать себе забыть о «пессимистах» и о том ужасном удручающем впечатлении, которое они произвели на нас. Это модель нашего будущего, если мы позволим человечеству деградировать. Видно, недаром судьба столкнула нас с ними. Эта встреча всегда будет для нас напоминанием и предупреждением. Думаю, столь наглядный урок способен удержать нас от падения.

Они сидели, погруженные в созерцание и размышления, а вокруг, во всей своей полноте, струился мультиверсум, такой густой и плотный. Наследство, завещанное человечеству иерархами.

Эсквиел негромко засмеялся.

— В «Генрихе IV»¹ есть сцена, когда Фальстаф узнает о том, что его верный собутыльник, принц Хелл, становится королем. Фальстаф собирает своих друзей и сообщает им, что пришли счастливые времена и он, Фальстаф, теперь «наместник Фортуны»². Отныне он и его друзья будут в почете у короля, и сам черт им не брат. Но вместо этого король Генрих изгоняет Фальстафа, этого шута горохового и забияку. Тогда Фальстаф понимает, что настали для него черные дни.

Иногда мне кажется, уж не «наместник ли я Фортуны», обещавший человечеству то, чего не в силах дать ему...

¹ В. Шекспир. Генрих IV, перевод Е. Бируковой.

² Ч.1, действие 5, сцена 3.

Мерцающее, не имеющее четких очертаний лицо Мери осветилось улыбкой.

— Ведь существуют же еще иерархи. Но даже если бы их не было, Человек должен вершить судьбу — пусть даже будущее пока неведомо ему, — ибо он начал уже свой долгий путь вверх и вперед. Путь его тернист, но люди не должны терять веры в будущее, хотя оно и сокрыто до времени от их взоров. Это не мешает им достичь цели. Да, нам с тобой предстоит тяжкий путь, Эсквиел, прежде чем мы сможем увидеть плоды наших трудов. И тем не менее — вперед!

— Наверное, мы самые большие оптимисты во всем мультиверсуме!

Они улыбнулись друг другу. И дух Ринарка, который, растворившись среди людей, придал им некую особую силу, кажется, разделял радость своих сподвижников.

Мультиверсум, возбужденный, кружился, возносясь и опадая, чаруя глаз роскошью красок и трепетной переменчивостью. Он обещал так много.

Он весь был — обещание, весь — надежда.



БЕГСТВО ИЗ СУМЕРЕК



РАССКАЗЫ

ОСЕДЛАВШИЙ ВРЕМЯ

На Вселенную опустились сумерки — на ту ее небольшую часть, где обитало Человечество. Померкло земное Солнце, где-то потерялась Луна. Унылые небеса погрузились в нескончаемую вечернюю дремоту. Реки, переполненные солью, с трудом пробивали себе дорогу, неся свои вязкие воды в соленую грязь океанов, петляя среди усыпанных белесыми кристаллами берегов.

Это был лишь незначительный эпизод в долгой жизни угасающего Солнца. На миг успокоились его кипящие недра, чуть ослабло мощное излучение, словно звезда готовилась к следующему витку эволюции.

Светило угасало так медленно и неторопливо, что некоторые обитатели его немногочисленных планет сумели приспособиться и выжить в новых условиях. Среди счастливчиков оказался и Человек — неугомонное, явно не заслуживающее спасения создание (достаточно вспомнить, какие усилия в прошлом приложил людской род для того, чтобы погубить себя). Однако Человек выжил и продолжал существовать в своей крохотной Вселенной, состоящей из единственной планеты. Спутник ее был давно потерян в Космосе, оставив о себе лишь красивые легенды.

В багровых сумерках проплывали бурые облака, кое-где белесовато светились скалы... Вдоль берега океана, тяжело переваливаясь из стороны в сторону, ползло тучное животное. Бледнокожий человек, восседающий на нем, уже давно ощущал во рту жгучий привкус океанской соли, а нос его неми-

лосердно страдал от густого смрада, исходящего от ила, переполненного разлагающимися слизняками.

Наездника звали Мыслитель со Шрамом, он был сыном Улыбчивого Сони и Сумасбродной Мегеры. Ластоногий зверь, на котором путешествовал Мыслитель, звался Торопыгой. Его глянцева́я шкура блестела от недавно прошедшего соленого дождя. Он шлепал по высохшей корке земли парой сильных плавников, нетерпеливо вытягивая вперед морду, и без больших усилий волочил за собой острый, как бритва, хвост. Седло было из полированного кремния, в котором блестками отражались пятна соли, густо усевавшие берег. Впереди седла было укреплено длинное ружье, способное поражать цель рубиновым лучом. Одежда всадника состояла из тюленьих шкур, выкрашенных в темные ржаво-желтые цвета.

Позади слышался шум: их догоняла всадница, от которой Мыслитель пытался скрыться с самого утра. Даже сейчас, когда туманный вечер был готов смениться мрачной ночью, она все еще преследовала его. Мыслитель обернулся, лицо его оставалось спокойным, но плотно сжатые губы побелели, как и шрам, шедший от уголка рта через всю левую щеку. Преследовательница была еще далеко, но расстояние между ними неумолимо сокращалось.

Он прибавил скорость.

Бурые облака, похожие на грязную пену, низко стлались над песчаной равниной. Два тюленя звучно шлепали ластами по мокрому песку: погоня продолжалась.

Мыслитель подъехал к кромке берега, и Торопыга плюхнулся в теплую, вязкую от избытка соли воду. Туда же последовала и наездница, так что ему пришлось развернуть навстречу ей своего тюленя и, с грузом удерживая его на месте, ждать, пока она не приблизится. Это была высокая, ладно скроенная женщина, с длинными светло-каштановыми волосами, которые сильно растрепал ветер.

— Дражайшая Высокая Хохотушка! — обратился он к сестре. — Мне эта игра не доставляет никакого удовольствия.

Она нахмурилась, но все же не смогла сдержать улыбку.

В меркнувшем свете сумерек невозмутимое лицо Мыслителя выглядело как никогда серьезным. Обеспокоенный, он решил настаивать на своем:

— Я хочу ехать один.

— Ну куда ты поедешь один? Ведь вместе путешествовать гораздо интереснее!

Он молчал, не желая отвечать, да и не знал, что сказать на это.

— Ты хотя бы вернешься?

— Я бы предпочел не возвращаться.

Со стороны океана внезапно подул холодный ветер. Тороньга беспокойно задвигался.

— Боишься, что Хронарх тебе что-нибудь сделает?

— Хронарх не любит меня — но не в этом дело. Он всего лишь хочет, чтобы я покинул Ланжис-Лио. Там, в краю палм, за великими западными соляными равнинами, я смогу испытать свою судьбу. Ты же знаешь, что он не даст мне в долг ни крошки Будущего и не отдаст ни капли Прошлого, даже для моего спасения.

— А, так ты обиделся! — Сестрице пришлось повисить голос, так как начал завывать ветер. — Ты дуешься, потому что Хронарх не оказывает тебе почестей. А между тем любящая тебя сестра так больна и несчастна!

— Выходи за Башковитого Хвастуна! У него кредит и в Прошлом, и в Будущем!

Он заставил неугомонного тюленя вылезти из воды и оказался на берегу в полной темноте. Покопавшись в седельной сумке, Мыслитель извлек фонарь, повозился с ним и наконец осветил побережье на несколько ярдов вокруг. Обернувшись, он в круге света увидел неподвижную фигурку: в глазах сестры был ужас, словно он предал ее...

«Ну вот, я остался один», — подумал Мыслитель. Холодный ветер сильно толкнул его в бок.

Теперь всадник держал путь через покрытые солью скалы, на запад, в глубь материка. Глаза его слипались от усталости, но он упрямо ехал всю ночь, прочь от Ланжис-Лио, где единолично управляет Прошлым и Настоящим и следит за Будущим Властитель Времени Хронарх. Прочь от своего города, дома, семьи... Сердце от усталости рвалось на куски, мозг пылал в лихорадке, а тело изнемогало от неимоверной нагрузки.

Сквозь все препятствия и ночь — на запад! Горит фонарь на седле, а верный Тороньга послушно выполняет все команды хозяина, даже сказанные шепотом. На запад! И вот уже подкравшийся потихоньку рассвет озаряет мягким светом пустынную местность.

Мыслитель насторожился, услышав звук хлопающей по ветру ткани. Оглядевшись по сторонам, он увидел зеленую палатку

ку с открытой дверью, поставленную в неглубокой расселине. Он взял ружье на изготовку и остановил Торопыгу.

Из палатки, как из черепашьего панциря, выдвинулась голова человека, привлеченного, видимо, шумом скачущего тюленя. Тяжелые веки прикрывали большие глаза, вместо носа был птичий клюв, а рот напоминал рыбью пасть. Волосы и шею обитателя палатки скрывал плотно натянутый капюшон.

— А-а... — протянул Мыслитель, узнавая Крюконосого Бродягу.

— Хм-м, — ответил тот в свою очередь, — далеко же ты забрался от Ланжис-Лио, Мыслитель. Куда это тебя несет?

— В край пальм.

Мыслитель зачехлил оружие и спрыгнул с высокого седла. Обойдя палатку, обитатель которой, вытянув, как журавль, шею, неотрывно следил за ним, Мыслитель заглянул в расселину, которая была углублена и расширена человеческими руками. Дно было усеяно какими-то обломками.

— Что это?

— Ничего особенного, просто остатки грохнувшегося космического корабля, — ответил Крюконосый Бродяга, явно разочарованный тем, что не удалось быстро соврать. — Я обнаружил его с помощью металлоискателя и надеялся найти капсулу с книгами или фильмами.

— Ну, таких не было никогда. Я думаю, что все уже собрано.

— И я так думаю, но надо же всегда надеяться на лучшее! Ты завтракал?

— Нет. Благодарю.

Голова в капюшоне задвинулась обратно в палатку, придерживая тонкой рукой полог. Мыслитель нагнулся и влез за ним. Внутри все было завалено грудой барахла, служившего Крюконосому источником пропитания, поскольку он выменивал на еду кое-какие найденные предметы.

— Тебе, я вижу, не на чем ездить? — спросил Мыслитель, устраиваясь, скрестив ноги, между тюком какой-то мягкой рухляди и угловатой статуэткой из стали и бетона.

— Пришлось бросить, поскольку у меня кончилась вода и нигде нельзя было найти источника с водой. Поэтому я пошел к океану. Ужасно не хватает воды и соли! А здешняя соль мне очень не нравится.

— У меня в бочонке полно воды, — сказал Мыслитель. — Хорошая, соленая, лишь чуть-чуть разбавлена пресной. Можешь отлить себе, если понравится.

Он прислонился спиной к вороху тряпок, а Бродяга, благодарно кивнув, с трудом поднялся, взял канистру и вышел из палатки.

Вернулся он, широко улыбаясь:

— Спасибо! Теперь смогу протянуть несколько дней.

Он покопался в своих сокровищах и выудил небольшую плитку. Разжег ее, водрузил сковородку и принялся жарить недавно пойманную сухопутную рыбешку.

— В какой город ты направляешься, Мыслитель? Барбарт или Пьорру? Отсюда довольно легко добраться только до них.

— Наверное, в край палым — Барбарт: после серого и коричневого так захотелось посмотреть на зеленое. К тому же древняя земля всегда будит во мне романтика, мечтающего погрузиться поглубже в далекое прошлое человечества... Почувствовать опасность неуправляемого Прошлого, незначительность Настоящего, случайность Будущего...

— Так рассуждали многие, — усмехнулся Бродяга, раскладывая рыбу по тарелкам. — Особенно эти, из Ланжис-Лио, где заправляет Хронархия. Но помни, именно от твоего разума будет зависеть многое. Даже когда будешь просто созерцать Барбарт. Никто, кроме тебя самого, не решит, что это все будет значить для тебя. Попробуй пожить так, как я — не пытайся судить или раскладывать по полочкам этот наш мир, и он будет гораздо доброжелательнее к тебе.

— Твои слова, Бродяга, звучат мудро, но у меня пока нет возможности их оценить. Вот если бы я перенес часть Будущего в Прошлое, то, наверное, понял бы.

— Ты выглядишь усталым, — сказал Бродяга, когда они кончили с едой. — Не хочешь ли поспать?

— Пожалуй. Спасибо.

Мыслитель провалился в сон, а Крюконосый продолжил свои дела.

Очнувшись далеко за полдень, Мыслитель разбудил Торопыгу, который никогда не пропускал возможности соснуть. Потом простился с Бродягой.

— Да будет твоя кровь густой, а ум открытым! — произнес ответную речь Бродяга.

К вечеру всадник добрался до какого-то заросшего бурым мхом болота, кое-где покрытого светло-зелеными пятнами. Он достал фонарь и укрепил его на седле; похоже, спать не придется. Вероятно, здесь обитают хищники.

Один раз свет фонаря выхватил из темноты стаю пиявок, пересекавших его дорогу. Эти громадные бледные твари забрались, пожалуй, далековато в глубь суши. Подняв головы, они уставились на него, и Мыслитель вдруг ясно представил, как наслаждались их предки кровью его праотцев. Не дожидаясь пинка, Торопыга прибавил скорость.

Отъехав подальше, Мыслитель стал размышлять о том, что именно эти пиявки едали олицетворять земную жизнь. Место человека было теперь определить непросто. Похоже, его просто отодвинули в сторону. Оставаясь жить на перенасыщенной солью Земле, он злоупотреблял ее гостеприимством. Если где-то и было пристанище для человека, то уж всяко не здесь. Скорее всего, в каком-то другом уголке космоса, либо даже в других временных измерениях, где эволюция природы не влияла бы на него столь сильно.

Так, погруженный по своему обыкновению в раздумья, Мыслитель со Шрамом продолжал путь в Барбарт и уже к утру достиг благоуханных пальмовых рощ, в мягком солнечном свете отливавших золотом. Торопыга развеселился и почти скакал по мху, среди тоненьких пальм, нежно трепетавших от случайных порывов ветра.

Мыслитель спешил и с наслаждением раскинулся на уютной кочке, поросшей мягким мхом, отдаваясь охватившей его усталости. Голова закружилась от нахлынувших разом видений. Вот вращающаяся Башня Времени — это многоцветное чудо древней архитектуры с изменяющимися углами и закруглениями. Ее сменяет Хронарх, высокопарно отказывающийся ему в должности при Палате Времени, должности, которую он ждал по праву: разве не был брат его деда предыдущим Хронархом? Наконец его опять настигает голос сестрицы, от которой никак не удастся избавиться...

Среди ночи Торопыга разбудил его громкими криками. Мыслитель поднялся, в полудреме прикрепил к седлу фонарь и поехал дальше, среди темных стволов пальм, в холодном свете фонаря казавшихся нарисованными тонкими, перепутанными линиями.

К утру впереди показались невысокие дома Барбарта, раскинувшегося в окруженной пологими холмами долине. Высоко по-над крышами городских домов сверкало красным и золотым некое большое сооружение из полированной бронзы. Его назначение Мыслителю было непонятно.

Стала лучше видна дорога, ведущая к городу, оказавшаяся затвердевшей колеей, извивающейся меж поросших мхом при-

горков. Мыслитель услышал глухой топот приближающегося со стороны города всадника и, насторожившись, придержал Торопыгу, приготавливая ружье — мало ли что можно ожидать от этих барбарян.

Длинноволосый молодой человек с приятными чертами лица, подехавший к нему на грузном старом морже, был одет в светлую куртку, под цвет своих ярко-голубых глаз. Юноша остановил моржа и с усмешкой посмотрел на Мыслителя.

— Прекрасное утро, чужестранец! — приветствовал он пришельца.

— Прекрасное, как прекрасна земля, в которой ты живешь, — учтиво ответил Мыслитель. — Этот город — Барбарт?

— Барбарт, конечно. Другого-то поблизости нет. А ты откуда будешь?

— Из Ланжис-Лио, что на берегу океана.

— А-а, я думал, что люди из Ланжис-Лио не забираются так далеко.

— Я первый. Меня зовут Мыслитель со Шрамом.

— А меня — Домм. Добро пожаловать в Барбарт. Я бы проводил тебя, но мать послала в лес собрать кой-каких трав. Боюсь, я и так задержался. Сколько сейчас времени?

— Как это — «сколько»? Конечно, настоящее время!

— Ха-ха! А час — который теперь час?

— Как это — «час»? — спросил озадаченно Мыслитель.

— Я об этом и спрашиваю!

— Боюсь, я не совсем понимаю ваш диалект, — в замешательстве, но тем не менее вежливо ответил Мыслитель. Если первый вопрос барбарянина был странным, то второй — и вообще непонятным.

— Ладно, — улыбнулся Домм. — Я слышал, у вас там, в Ланжис-Лио, странные обычаи. Не буду задерживать. Эта дорога приведет в Барбарт — меньше чем через час ты там будешь.

Опять — «час»? Может быть, это местная мера расстояний, часть лиги? Мыслитель пожелал юноше «густой крови» и поехал дальше, удовлетворившись этим объяснением.

Дома в Барбарте располагались правильными геометрическими узорами вокруг квадратной площади. В центре нее возвышалось сверкающее гранями сооружение, все в каких-то непонятных завитушках. Огромный круглый диск был разделен на двенадцать частей, каждая из которых, в свою очередь, делилась еще на пять. В центре диска располагались две стрелки разной

длины, и Мыслитель вскоре заметил, что они очень медленно двигаются. В городе повсюду были миниатюрные копии этого механизма и он решил, что либо это какая-то святыня, либо, просто геральдический знак.

Барбарт выглядел подходяще. Вот только рыночная площадь оказалась чересчур шумной и беспокойной. Словно неведомая сила носила здесь покупателей от прилавка к прилавку, заставляя то хвататься за тюки ярких тканей, то шупать обессоленные фрукты, тыкать в мясо, долго выбирать кондитерские изделия... И все это на фоне несмолкаемого гвалта нахваливающих свой товар горговцев.

Мыслитель неохотно покинул рынок и на соседней площади наткнулся на уютную таверну, рядом с которой, прямо на улице, были выставлены столы и стулья. Небольшой фонтан украшал центр площади. Мыслитель устроился за столиком и подозвал девушку.

— Пива? — переспросила она, сложив перед собой ладные ручки. — У нас его совсем мало, к тому же и дорогое. Дешевле перебродивший персиковый сок.

— Что ж, несите сок, — любезно согласился Мыслитель и, повернувшись, стал следить за кудрявыми струйками воды в фонтане. Нет, она совсем не пахла морской солью!

Из полумрака таверны вышел мужчина с пивной кружкой в руке и остановился рядом с Мыслителем, дружелюбно поглядывая на него сверху вниз.

— Откуда ты, странник? — спросил он, видимо услышав его необычный акцент. Мыслитель ответил. Барбартянин страшно удивился и подсел на соседний стул.

— За эту неделю ты здесь уже второй чужеземец. Первый был с Луны. Знаешь, эти... лунные, они здорово изменились. Прямо невероятные красавцы — высокие и стройные, как пальмы. А одежда — вся из металла! Он сказал, что много недель бороздил Космос, пока добрался до нас...

Упоминание слова *неделя* заставило Мыслителя пристально посмотреть на барбартянина.

— Извини, — сказал странник, — я чужеземец, и мне непонятны некоторые слова. Что в точности означает это — *неделя*?

— Как что? Неделя — это семь дней... а что же еще?

Мыслитель виновато улыбнулся:

— Ну вот, видишь. Опять. Что такое — *дни*?

Барбартянин — слегка сутулый, средних лет мужчина, одетый в желтый комбинезон, — ухмыльнулся и почесал затылок. Он поставил кружку и махнул рукой:

— Пойдем со мной! Постараюсь объяснить в наилучшем виде.

— Премного благодарен, — отозвался Мыслитель. Он допил вино и позвал девушку, которую попросил приготовить ему постель и присмотреть за тюленем, поскольку решил остаться здесь на следующее темное время.

Барбартянин, назвавшийся Мокофом, повел Мыслителя вереницей квадратных, треугольных и круглых площадей, пока они не очутились на большой центральной площади, где обитала махина из полированной бронзы.

— Этот агрегат дает жизнь городу! — провозгласил Мокоф. — А также регулирует нашу жизнь. — Он указал на диск, который Мыслитель заметил раньше. — Знаешь ли ты, друг мой, что это такое?

— Боюсь, что нет. Не мог бы ты объяснить?

— Это — *часы*. Они отмеряют часы суток. — Он заметил недоумение на лице Мыслителя и пояснил: — Они измеряют, так сказать, время.

— А! Понимаю. Странное, однако, устройство... Нельзя же этим маленьким круглым диском намерить много времени. Как оно этот поток отмечает?

— Мы называем светлое время — *днем*, а темное — *ночью*. Мы делим каждый из этих двух периодов на двенадцать часов...

— Значит, светлый и темный периоды — одинаковы? Я думал, что...

— Нет, мы принимаем их равными для удобства, они ведь меняются. Эти двенадцать делений называются *часами*. Когда стрелки достигают двенадцати, они начинают новый отсчет...

— Фантастика! — Мыслитель был поражен. — Ты хочешь сказать, что вы снова и снова проживаете один и тот же промежуток времени? Блестящая идея! Великолепно! Я даже не думал, что такое возможно.

— Это не совсем так, — прервал его Мокоф. — *Часы* делятся на шестьдесят частей, которые называются *минутами*. *Минуты* тоже делятся на шестьдесят частей, называемых *секундами*. *Секунды*...

— Стой, стой! Я совершенно сбит с толку! Как же вы управляете потоком времени, если можете вот так, по своему желанию, манипулировать им? Ты должен все рассказать мне! В Ланжис-Лио Хронарх ужаснется, когда узнает о ваших открытиях!

— Но ты не так меня понял, приятель. Мы *не управляем* временем. Если уж на то пошло, то это оно управляет нами. Мы его просто измеряем.

— Не управляете... но тогда почему... — Мыслитель не мог отыскать логику в словах барбартянина. — Говоришь, вы заново проживаете определенный период времени, который поделен на двенадцать частей. И тут же утверждаешь, что повторяете меньший период, потом еще меньший... Если бы это происходило именно так, очевидно, что снова и снова повторялись бы одни и те же действия — но я же вижу, что этого нет! С другой стороны, если бы вы пользовались одним и тем же промежутком времени, не будучи в его власти, то солнце перестало бы двигаться по небу — а оно движется! Допустим, что от влияния времени можно освободиться. Тогда почему же я не чувствую этого, если этот прибор, — он ткнул пальцем в часы, — воздействует на весь город? Может быть, это врожденная способность местных жителей, тогда зачем нам, в Ланжис-Лио, тратить столько сил и энергии на исследование потока времени, раз вы уже так глубоко им овладели?

Мокоф расплылся в широкой улыбке и покачал головой:

— Я же говорил — мы не в состоянии управлять им. Этот прибор только *показывает*, какое сейчас время.

— Но это — бессмыслица, — возразил Мыслитель, вознамерившийся рассуждать здраво до конца. — Время всегда настоящее, поэтому то, что ты говоришь — нелепо.

Мокоф с беспокойством заглянул ему в лицо:

— Ты нездоров?

— Спасибо за заботу, я вполне здоров. Впрочем, пойду-ка лучше в таверну, покуда совсем не свихнулся!

В голове Мыслителя все перепуталось: сначала этот Мокоф утверждал одно и тут же, не сходя с места, — опроверг. На этом месте размышлений Мыслитель решил подкрепиться.

Но, вернувшись, он обнаружил, что дверь таверны закрыта, и сколько он ни стучал, никто не открывал. К счастью, в одной из сумок, привязанной к седлу, осталась кое-какая еда. Усевшись на стул, он ненадолго посвятил себя здоровенным ломтям хлеба.

Внезапно откуда-то сверху раздался пронзительный крик. Взглянув вверх, Мыслитель увидел, что из окна верхнего этажа глядела на него и непрерывно голосила какая-то старуха.

— А-а-а! Ты что делаешь?!

— Как что, мадам? Ем вот этот кусок хлеба, — удивленно ответил Мыслитель.

— Свинья! — взвизгнула старуха. — Мерзкая, бесстыжая свинья!

— Поверьте, я не...

— Патруль! Патруль! — понеслось из окна.

Очень скоро на площадь влетели трое вооруженных мужчин. При виде Мыслителя их лица перекосило от отвращения.

— Мерзкий эксгибиционист, еще и извращенец! — воскликнул тот, кто выглядел постарше. Они мигом скрутили ошарашенного Мыслителя.

— Что происходит? Что я такого сделал?

— Спроси у судьи! — рявкнул один из патрульных. Они приволокли его на центральную площадь и толкнули в двери высокого здания, в котором, видимо, и находилось их начальство. Впихнули в камеру и удалились.

Разнаряженный юнец — обитатель соседней камеры — сказал с ухмылкой:

— Привет, чужеземец! Что тебе шьют?

— Понятия не имею, — ответил Мыслитель. — Только я сел, чтоб позавтракать, как...

— Позавтракать?! Но до времени завтрака еще целых десять минут!

— *Время завтрака?* Ты хочешь сказать, что вы выделяете особый промежуток времени *для еды*? О, это уж слишком!

Юнец отлип от решетки и переместился в дальний угол камеры, всем своим видом демонстрируя отвращение.

— Фу! Да за такое преступление ты заслуживаешь самого строгого наказания!

Встревоженный, сбитый с толку, Мыслитель сел на скамейку, теряясь в догадках. Очевидно, что столь нелепые обычаи этих людей связаны с этими странами *часами* — не иначе, неким местным божеством. Что бы ни делалось в то время, когда стрелки не показывают на определенную цифру, считается преступлением. Кстати, неплохо бы узнать: какое у них тут максимальное наказание?

После длительного отсутствия вновь появились охранники и длинными коридорами привели его в какой-то зал. Человек в тяжелой маске и длинной пурпурной мантии восседал в центре зала за украшенным резьбой столом. Стражники посадили Мыслителя перед человеком в маске, а сами застыли у дверей.

Человек в маске пророкотал:

— Ты обвиняешься в том, что принимал пищу в неположенный час и что делал это в общественном месте, на глазах у всех. Это тяжкие преступления. Что ты можешь сказать в свою защиту?

— Только то, что я — чужеземец и не осведомлен о ваших обычаях.

— Слабый довод. Откуда ты?

— Из Ланжис-Лио, на берегу океана.

— Да, слышал, как низко там упали нравы. Будешь теперь знать, как демонстрировать свои замашки, надеясь на безнаказанность. Впрочем, буду снисходителен: приговариваю тебя к одному году каторги на древних рудниках.

— Но это несправедливо!

— Несправедливо?! Выбирай выражения, не то я увеличу срок!

Вконец упавший духом Мыслитель позволил охранникам отвести себя обратно в камеру.

Прошла ночь. Поутру опять появилась охрана.

— Вставай! — сказал главный из стражников. — Судья снова хочет тебя видеть.

— Чтобы увеличить срок?

— Спроси у него.

Когда Мыслитель под конвоем вошел в зал, судья нервно барабанил пальцами по столу.

— Я слышал, что у вас там, в Ланжис-Лио, есть какие-то необычные механизмы, не так ли? Хочешь выйти на свободу?

— Конечно, хочу... Мы кое-что понимаем в механизмах, но...

— Наш Великий Регулятор вышел из-под контроля. Вполне вероятно, что именно твое преступление явилось причиной сбоя в его работе. Что-то случилось с его источниками энергии. Если не удастся его починить, придется эвакуировать весь Барбарт. Мы утратили уже свои познания о механизмах. Если ты починишь Великий Регулятор, то тебя отпустят. Без Великого Регулятора мы не будем знать, когда пора спать, или есть, или делать что-либо другое. Мы просто сойдем с ума!

Едва понимая, о чем там говорит судья, Мыслитель все же уловил главное: его освободят, если ему удастся отремонтировать их божественный механизм. С другой стороны, он как раз потому и сбежал из Ланжис-Лио, что Хронарх не доверял ему ни одного прибора. Так что опыта было маловато, но ради свободы надо бы попробовать.

Когда Мыслителя доставили в очередной раз на центральную площадь, он сразу увидел, что бронзовый Регулятор сотрясается и грохочет. Вокруг толпились возбужденные старцы и размахивали руками.

— Вот человек из Ланжис-Лио! — провозгласил стражник. Все с тревогой обернулись к Мыслителю со Шрамом. Они непонятно жестикулировали и выглядели, как и их идол, неважно.

— Реактор! Это наверняка реактор! — первое выкрикнул один из старцев и дернул Мыслителя за рукав куртки.

— Дайте сначала посмотреть, — осадил толпу Мыслитель, не слишком надеясь, что сможет разобраться самостоятельно.

С механизма сняли несколько наружных пластин, и Мыслитель сквозь толстое стекло стал пристально разглядывать светящиеся внутренности. Кое-что о реакторах он знал. По крайней мере, то, что реактор не должен быть раскален до ярко-красного цвета и к тому же непрерывно извергать потоки частиц.

И тут до него дошло: очень скоро — вероятно, уже через одну из этих *минут* — процесс достигнет критической точки, и тогда... Реактор взорвется, а излучение убьет все живое. Он уже не обращал внимания на крики, сосредоточившись только на одном: если он хочет поправить дело, понадобится куда больше времени...

«Скоро все будут мертвы», — подумал он, беспомощно озираясь по сторонам.

Мыслителя озарило вовремя.

Если, как он предполагал, здесь все способны на такое, то разве не может и он снова повторить этот промежуток времени?

Со вчерашнего дня его мозг непрерывно работал, пытаясь найти логику в том, что рассказал Мокоф. Ему удалось, используя знания, полученные от Хронарха, сообразить, как должен выглядеть подобный процесс.

Мыслитель попробовал переместиться во времени назад. Получилось! Теперь реактор выглядел так, как он увидел его в первый раз.

Такой фокус раньше ему ни за что не пришел бы в голову. Теперь стало ясно, что нужно только немного сосредоточиться. Он мысленно поблагодарил барбарян за то, что они натолкнули его на эту идею.

Оставалось только вспомнить, что говорил Хронарх о природе времени: как оно, незаметно для обыкновенных существ, перестраивает свои составляющие, определяя видимое движение вперед, как неумолимо влияет на организацию материи.

Сдвинувшись опять в промежуток времени, в котором он находился немного раньше, Мыслитель стал изучать времен-

ные координаты реактора. Он не мог придумать никаких физических средств, чтобы заглушить его. Пожалуй, лишь каким-то образом замкнув во времени, можно было бы его обезопасить. Придется, однако, поторапливаться, так как рано или поздно эта временная структура не выдержит, и он понесется вперед, непрерывно теряя выигрышное время, пока не попадет в тот момент, когда реактор начнет выделять излучение.

Снова и снова он давал потоку отнести себя почти до рокового момента, каждый раз смещаясь назад и с каждым сдвигом теряя несколько крупинок времени...

Наконец настал тот момент, когда Мыслитель нащупал подходы к блоку, отвечающему за временные характеристики реактора. Последним усилием воли он свел координаты времени к нулю. Теперь эта штукавина больше не могла перемещаться во времени: она была заморожена и не представляла опасности.

Мыслитель, весь мокрый от пота, вернулся обратно, в свой обычный поток времени. Взволнованные барбартяне столпились вокруг, донимая расспросами:

— Что ты сделал? Мы в безопасности? Да? Нет?

— Да, вы в безопасности, — устало ответил он.

Его начали тискать, толкать, без конца благодарить, преступление его было предано забвению.

— Тебя следует вознаградить!

Его тащили к судье, а он едва воспринимал происходящее, не в силах отрешиться от того состояния, в котором только что побывал.

Как человек, отступающий назад, чтобы снова двинуться вперед, так и он отступал, чтобы затем нагнать потерянное время. О, он уже щедро вознагражден! Как он благодарен этим людям, которые своими странными представлениями о времени навели его на мысль о том, что можно по своему желанию находиться в определенной точке времени. Так же, как и в любой точке пространства. Он понял, что просто нужно было *знать*, что такое возможно. Остальное — гораздо проще.

Судья снял маску и благодарно улыбнулся.

— Старцы говорят, что ты совершил чудо. Они видели, что твое тело мерцало, как пламя свечи, то исчезая, то появляясь. Как же ты этого добился?

Мыслитель со Шрамом развел руками:

— Это оказалось чрезвычайно просто. Пока я не приехал в Барбарт и не увидел эту штуку, которую вы называете *часы*, я и не помышлял о том, что можно двигаться во времени так же, как перемещаться в пространстве. Вот мне и подумалось, что раз вы, по-видимому, способны воспроизводить один и тот же период времени, то и я мог бы совершить подобное. Ну и попробовал. А когда исследовал реактор, то подумал, что манипулируя его временной структурой, можно было бы зафиксировать ее в определенной точке, таким образом оетановив ее. Это так просто! Подобное никогда не могло прийти мне в голову! Если бы я не приехал сюда.

Судья глубокомысленно взирал на него.

— А теперь, — весело продолжил Мыслитель, — благодарю вас за гостеприимство. Я намерен немедленно покинуть Барбарт — очевидно, мне никогда не понять ваших обычаев! Я возвращаюсь в Ланжис-Лио сообщить Хронарху о своих открытиях. Прощайте!

Из зала суда он вышел, отбиваясь от толпы благодарных горожан, и, оседлав Торопыгу, вскоре резво удалялся от Барбарта.

Пару дней спустя он наткнулся на Крючконосого Бродягу, ковырявшегося в свежераскопанной яме.

— Привет, Бродяга! — окликнул его Мыслитель.

Стерев со лба соленую грязь, Бродяга исподлобья посмотрел на него:

— А, это ты, Мыслитель. А я думал, что ты отправился в страну палым.

— Так и было. Я приехал в Барбарт, и там... — И Мыслитель рассказал о своих приключениях, впрочем, не слишком вдаваясь в подробности.

— Ага, — кивнул Бродяга. — Значит, Хронарх дает своим людям неплохое образование. Я не верил в то, что он делает. Но ты доказал, что я был неправ.

— О чем это ты?

— Пошли выпьем, и я все объясню.

— Охотно, — ответил Мыслитель, спешившись.

Бродяга налил из пластиковой фляги вина в два хрустальных бокала.

— Ланжис-Лио, — начал он, — был освоен в древние времена как экспериментальный поселок, где воспитывали, прямо с рождения следуя учению некоего философа по имени Рашин. Этот Рашин считал, что человеческому сознанию навязывается определенное отношение ко времени. Оно опреде-

ляется способом регистрации и измерения времени, а также внушенными аксиомами: *прошлое есть прошлое, и его не изменишь, нельзя знать, что ждет в будущем*, и так далее. Наш разум — полон предубеждений, считал философ, и пока мы продолжаем думать таким образом, человеку никогда не стряхнуть оковы времени. Он говорил, например, что, когда становится слишком жарко, человек находит способы, чтобы охладиться. Когда идет дождь — он прячется в укрытие или изобретает укрытие, которое может даже носить с собой. На реке он строит мост или же мастерит лодку. Физические препятствия определенной величины можно преодолеть физическим же путем. Но что, если эти препятствия вырастают до таких пределов, что физическими средствами с ними уже не справиться?

Мыслитель пожал плечами:

— Наверное, тогда мы погибаем? Или же находим какие-то нефизические средства для борьбы с ними.

— Вот именно. Рашин говорил, что если Время течет слишком быстро, чтобы человек смог выполнить задуманное, то он покорно с этим соглашается. Философ же был уверен, что с помощью переобучения человек может избавиться от такого восприятия и начать так же легко приспособливать Время к своим требованиям, как он переделывает для своих нужд природу. Нефизические средства, как видишь.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Мыслитель. — Но зачем это нужно? — Вопрос был явно риторическим, но Бродяга решил ответить.

— Согласимся, — сказал он, — что в этом мире человек является анахронизмом. Он в какой-то степени приспособился, но все же недостаточно, чтобы жить без неких ухищрений. Эта планета, конечно, никогда не была особенно удобна, но никогда не была и столь же негостеприимна, как сейчас.

Хронархия — это сознательный эксперимент. Материя более непосредственно отражается на человеке, однако влияние Времени сказывается дольше. Поэтому Хронархи веками старались научить свой народ воспринимать Время подобно тому, как они воспринимают Материю. На этом пути оказалось возможным создать науку о Времени, наподобие физики. Но до сих пор Время можно было только *изучать*, но не *управлять* им.

Скоро мы сможем овладеть Временем так же, как когда-то овладели атомом. И это господство даст нам куда большую свободу, чем предоставила ядерная физика. Время можно бу-

дет исследовать, как наши предки исследовали Космос. Твои потомки, Мыслитель, унаследуют целые материки Времени и будут путешествовать, уничтожив старые представления о Прошлом, Настоящем и Будущем. Для тебя это лишь удобная классификация при изучении Времени.

— Да, это так, — кивнул Мыслитель. — Иначе я и не думаю. Но теперь не знаю, что делать. Я сбежал в Барбарт, чтобы забыть Ланжис-Лио, где меня не уважали...

Бродяга усмехнулся:

— Не думай, друг мой, что тебя теперь не будут уважать.

Мыслитель понял намек и тоже улыбнулся.

— Наверное, будут, — согласился он.

— Во всяком случае, — Бродяга отхлебнул еще, — в пространстве твоих путешествия, считай, закончены. Пространство ныне становится все враждебнее к человеку, скоро совсем откажется поддерживать его существование, как бы он ни приспосабливался физически. Ты и тебе подобные проникнете в новые измерения, открытые тобой, и будете обживать там. Возвращаясь в родной Ланжис-Лио, расскажи Хронарху, что ты совершил в Барбарте, *покажи* ему, что можешь теперь делать, и он примет тебя с распростертыми объятиями. Причины твоего отъезда больше нет. Ты — первый из *Оседлавших Время*, и я приветствую тебя как спасителя человечества.

И Бродяга осушил бокал до дна.

Слегка смущенный такими речами, Мыслитель простился с Крючконосым, пожелав ему «густой крови». Он вышел из палатки и взгромоздился на Горопыгу.

Бродяга стоял рядом с палаткой и улыбался ему:

— Когда-нибудь расскажешь подробнее, как тебе это удалось.

— Это так просто — проживаешь заново один и тот же период времени вместо разных. Вероятно, это только начало, и скоро я смогу проникать подалее. Поеду-ка я, пожалуй, что-то не терпится пообщаться с Хронархом!

Бродяга долго смотрел ему вслед, испытывая, наверное, примерно те же чувства, какие испытывал миллионы лет назад последний динозавр...

Мыслитель со Шрамом снова ехал по берегу океана, заглядываясь то на багровое небо, то на ленивые серые волны. Повсюду сверкала соль, предвещая, по-видимому, наступление эры, когда в абсолютно неподходящих для обычной животной жиз-

ни условиях будут преобладать некие сугубо кристаллические формы жизни...

Да, настал момент, когда человек должен радикально изменить свою среду обитания, если он вообще хочет выжить.

Земля скоро перестанет кормить, Солнце — не будет согревать... Останется один выбор: жить еще какое-то время в искусственных условиях, как это уже делают обитатели Луны, или полностью заменить физическую среду — на среду временную.

Последнее выглядит гораздо привлекательнее.

Между тем небо над океаном потемнело, и Мыслитель опять извлек фонарь. Мощная вспышка света озарила столь негостеприимную Землю.

Первый из *Оседлавших Время* нетерпеливо погонял своего тюленя — он спешил на встречу с Хронархом.

БЕГСТВО ИЗ СУМЕРЕК

На Луне все было ослепительно белым. Бесконечные гряды каменных глыб и заостренных пиков напоминали древнюю кубистскую живопись; на фоне сияющего белого красный диск Солнца выглядел безжизненно.

В рукотворной пещере, до отказа забитой бессмысленными синтетическими предметами, склонился над книгой Пепин Горбатый. Слезы мелкими бисеринками скатывались на пластиковые страницы.

То, что находилось в его стеклянной пещере: насосы, трубопроводы, всевозможные приборы с подрагивающими стрелками, — не содержало никакого тепла. Лишь в согнутом теле Пенина пульсировала жизнь. Почти каждое слово в книге задевало его за живое, будоража воображение. Узкое, чрезвычайно бледное лицо с яркими черными глазами было неподвижно, даже когда пальцы время от времени неловко переворачивали страницы. Как и на всех лунитах, на нем был костюм из металлизированной ткани и шлем, призванные защищать людей от маловероятного события — выхода Системы из строя.

Система обеспечивала здесь жизнь — некоторое подобие прежней жизни на Земле. Но не на той планете, которая теперь была едва видна на небе. Система — или искусственная экология Луны — имитировала земные растения и земных животных, как, впрочем, и другие атрибуты земной жизни. Уже много веков — с тех пор как Луна перестала быть спутником Земли и, оказавшись в поле астероидов, притянула к себе многие из них — она была планетой вполне приличных размеров.

Пепин ненавидел Систему, его натура отвергла ее раз и навсегда. В *этом* Времени и в *этом* Пространстве Пепин выгля-

дел явным анахронизмом. Он жил в воображаемом мире, выстроенном с помощью нескольких старинных книг. Перечитывая в который раз знакомые страницы, он каждый раз убеждался в том, что рассудок одержал верх над духом, и почти ничего не осталось для чувств, во всяком случае, обитатели Луны были для него пусты и малопривлекательны, как и их несчастливая планета...

Он много знал о Земле по рассказам побывавших там торговцев и сам страстно мечтал слетать на нее. Хотя и не заблуждался относительно того, что все могло сильно измениться с момента написания его любимых книг. И все же мечтал полететь и отыскать нечто, так ему необходимое, — хотя вряд ли толком осознавал, что ему конкретно нужно...

Когда решение созрело окончательно, соотечественники от души пожелали ему не возвращаться обратно, так как рядом с ним чувствовали себя неуютно. Его имя — а настоящее его имя было Пи Карр — было уже в начале списка. Значит, скоро будет готов корабль.

Подумав о корабле, Пепин решил пойти проверить список. Делал он это нечасто, так как был к тому же старомодно суеверен и искренне верил, что чем чаще он будет интересоваться списком, тем меньше будет шансов увидеть свое имя в первой строчке.

Резко поднявшись со стула, он, как всегда, постарался произвести в безмолвном лунном мире побольше шума.

В движении ущербность фигуры Пепина была более заметна. Он опустил шлем и закрепил его. Затем открыл дверную секцию и ступил на ухабистую светлую тропу, ведущую от его жилища к городу. К большому облегчению соотечественников, жилье он выбрал для себя за городом.

Лишь небольшая часть городских построек, словно верхние части гигантских кубиков, выступала над поверхностью Луны. Кубики были прозрачными, чтобы улавливать как можно больше энергии от гаснущего Солнца.

Навстречу Пепину открылся дверной шлюз одного из кубов, и он вошел внутрь, оказавшись в шахте с круглой платформой. Пожалуй и не заметив, что покинул открытую поверхность Луны. Платформа пришла в движение и начала падать вниз, замедляясь в конце пути, у самого дна.

Стены, освещенные ярким искусственным светом, представляли собой гладкие металлические трубы диаметром в два роста самого длинного лунита. Пепин явно не был типичным представителем этой расы высоких и тонких людей.

Прихрамывая, он пошел вдоль трубы, но вскоре пол пришел в движение и понес Пепина по лабиринту городских внутренних помещений к нужному ему помещению.

Куполообразный зал был забит всевозможными экранами, картами, индикаторами, призванными удовлетворить любого, кто обратится сюда за информацией о повседневной жизни города. Пепин подошел к списку и начал читать его снизу вверх, постепенно напрягая шею, чтобы разглядеть его полностью.

Его имя оказалось первым. Теперь необходимо было немедленно пройти к Инспектору по космическим кораблям, чтобы подтвердить заявку. В противном случае его, в соответствии с правилами, переместят в конец списка.

Когда Пепин повернулся, чтобы уйти, в зале появился еще один лунит. Откинутый назад шлем открывал длинные, отливающие золотом волосы. Тонкие черты лица несли улыбку.

Это был Жи Нак — лучший пилот торгового флота. Ему ни к чему было глазеть на список, поскольку он владел собственным кораблем. Жи Нак узнал Пепина, как, впрочем, узнал бы любого из немногочисленного населения Луны.

Уперев руки в боки, он демонстративно погрузился в изучение списка.

— Значит, ты летишь на Землю, Пи Карр. Что ж, увидишь ее не в самое лучшее время. Захвати побольше еды — тебе вряд ли понравится их соленое пойло.

— Спасибо за совет, — ответил Пепин и захромал к выходу.

Лунные космические корабли имели свой особенный шарм, видимо обретенный не без влияния встреч с родной планетой... Полированная поверхность их корпусов была покрыта причудливыми картинками из жизни древних животных. Меж грубо сработанных барельефов знаменитых людей сердито выглядывали изображения фантастических чудовищ. Гибкие, как щупальца, конечности цепко обхватывали округлые поверхности, словно руки гибнувших моряков хватались за обломки мачт, словно самка бабуина защищала своего детеныша. Ко всему прочему, обшивка корабля была столь богато украшена обсидианом и медью, что при ярком свете казалась глыбой застывшей лавы.

Пепин чуть помедлил, поправив рюкзак за спиной, прежде чем поставил ногу на короткий эскалатор, доставляющий всех ко входу в корабль. Еще немного поглазев на фантастические

рельефы, украшающие обшивку корабля, он шагнул на эскалатор и мгновенно вознесся к поджидавшему его открытому люку.

Внутренность корабля почти полностью состояла из грузовых трюмов, поэтому было страшно тесно. Груз, предназначавшийся к доставке в земной город Барбарт, был уже на борту. Пепин опустился в кресло, в котором ему предстояло пробыть весь путь. Корабль, после доставки груза, должен будет в автоматическом режиме вернуться обратно.

Послышался шум двигателей, приглушенный, как и вообще все звуки на Луне: корабль готовился к старту. Пепин пристегнулся, хотя ничего не почувствовал, когда корабль взлетал и брал курс на Землю.

Яркая искорка стремительно пронзала тьму космоса, порождая громаду Пространства, и вот уже на экране перед пилотом возник быстро растущий шар Земли — багрово-красный, апельсиново-желтый, снежно-белый, медленно вращающийся, словно подставляющий по очереди свои круглые бока скудному теплу дремлющего Солнца.

Плохо сфокусированный экран, слегка смазывающий все изображения, мог быть лишь отчасти повинен в фантастичности этого зрелища. Казалось, что пространство *просачивается* сквозь земной шар, будто износился и стал легко проницаем материал планеты. У Пепина даже возникло подозрение, что стальное жало ракеты не остановится, достигнув поверхности Земли, а легко проткнет ее насквозь и понесется дальше, в пустое пространство космоса, где пульсируют, словно живые, звезды...

Однако корабль благополучно перешел на круговую орбиту и стал постепенно входить в атмосферу, сквозь полыхающее алым небо. Пройдя бурые, низко стелющиеся облака, корабль выровнялся и, постепенно сбавляя скорость, полетел сначала над ленивым океаном, а затем над громадными ржаво-желтыми и темно-бурыми равнинами с хорошо заметными светлыми пятнами соли, рассеянными повсюду. По мере продвижения в глубь материка стал появляться серый цвет — цвет мха, а еще дальше показалось обширное светло-зеленое пространство Страны Пальм — так назывались эти земли. В этой стране было два главных города, пара небольших городков и нечто вроде поселка. Барбарт — порт, через который шла торговля между Луной и Землей, — находился в живописной долине, окруженной поросшими пальмами холмами. Сверху это было похоже на изумрудно-зеленое волнующееся море. Куда

более похожее на море, чем пересыщенные солью мертвые воды океана далеко на востоке.

Кажется, Барбарт состоял сплошь из одних площадей: треугольных, квадратных, пятиугольных и прочих геометрически точных фигур. Крыши приземистых домов — темно-зеленого или ржаво-красного цвета — выделялись яркими пятнами на сером городском фоне. Корабль пролетел и над огромной золотисто-красной машиной, превышающей своими размерами любое самое высокое строение Барбарта. Пепин знал, что это — Великий Регулятор, который обеспечивает город энергией. Посадочную площадку для его корабля подготовили на центральной площади, позади Регулятора. Корабль неподвижно завис над ней и медленно опустился па Землю.

Пепина вдруг пробрала дрожь, и он не сразу встал с кресла, а еще некоторое время наблюдал на экране, как площадь стала постепенно заполняться людьми, спешащими к кораблю.

Барбарт оказался не очень похожим на те города, о которых Пепин читал в своих книгах. Он был значительно меньше любого города Золотого Века, больше всего напоминая средневековый итальянский городок. На отдалении поросшие пальмами холмы можно было принять за дубовые или вязовые леса. А жители Барбарта были очень похожи на древнее население Земли...

Однако, как ни старался, гость с Луны не мог убедить себя в том, что прилетел на ту самую планету Земля, о которой читал в книгах. Свет, что ли, был гуще, или атмосфера какая-то не такая... Да и о таком количестве бурых облаков ничего не было ему известно. Впрочем, разочарование, какое Пепин предвидел, не оказалось таким уж сильным. В конце концов, планета эта выглядела вполне *естественной*, что ценилось им несравненно выше всего прочего.

Входной люк приоткрылся, и барбартяпе подтянулись поближе, ожидая появления пилота.

Пепин вытащил из-за кресла скромный багаж и, прихрамывая, направился к выходу.

Он едва не задохнулся от удушающего, насыщенного морской солью воздуха. На мгновение ему стало дурно, и он опустил на голову шлем, включив аварийную подачу кислорода. Необходимо было некоторое время, чтобы прийти в себя.

Местные купцы, столпившиеся вокруг трапа, смотрели на него с нетерпением.

— Капитан, можно посмотреть на груз? — наконец осведомился самый нетерпеливый — широкоплечий и широколицый

мужчина с густой черной бородой, почти полностью скрывавшей шелушащееся лицо. Он был одет в стеганую черно-коричневую куртку, мешковатые штаны, заправленные в отороченные мехом сапоги, а вокруг шеи был намотан белый шарф.

Пепин медлил, разглядывая туземца, прикидывая, как поточнее передать в своем приветствии всю радость от встречи с человеческим существом, да еще такого мощного телосложения, с потрескавшейся кожей.

— Капитан? — повторил торговец.

Пепин стал медленно спускаться по трапу, посторонившись, чтобы пропустить рванувшегося внутрь корабля тяжеловеса. Трое других последовали туда же, бросая на лунита насмешливые взгляды.

Тем временем откуда-то сбоку вынырнул небольшой человек с узеньким личиком, в одежде темно-красных и черных тонов. Он держал исписанный от руки лист пергамента. Пепин, словно зачарованный, разглядывал землянина, почти не понимая, о чем тот говорит. Ему ужасно хотелось сбросить перчатки и пощупать пергамент, но он не решился это сделать.

— Пилот, когда вы возвращаетесь?

Пепин улыбнулся:

— Я не возвращаюсь. Я прилетел, чтобы остаться здесь жить.

Кажется, землянин был поражен. Он убрал пергамент и огляделся по сторонам. Но, не увидев того, что искал, воззрился на открытый люк корабля.

— Ну, тогда добро пожаловать, — скучно произнес он, по-видимому утратив интерес к луниту. Извинившись, он быстро засеменил в сторону склада, расположенного на краю площади.

Пепин дождался торговцев, которые выглядели весьма довольными. Чернобородый быстро спустился по трапу и хлопнул гостя по плечу.

— Ну, скажу тебе, богатый груз! Это будет лучшей сделкой месяца. Золото и спиртное в обмен на наши удобрения. Можно разгружать?

— Как пожелаете, — вежливо ответил лунит, удивляясь про себя наивности землянина, радующегося бесполезным вещам, полученным в обмен на столь ценные удобрения.

— Ты здесь впервые, — сказал торговец, увлекая Пепина за руку в сторону склада, где скрылся человек. — Ну, как тебе наш город?

— Он прекрасен, — вздохнул гость. — Я восхищен им и хочу здесь жить!

— Ха-ха! Это при тех удобствах и чудесах, которые есть у вас там, на Луне? Ты очень скоро по ним соскучишься. Мы здесь каждый год слышим одно и то же: о вымирающих городах, сокращении населения, о том, как мало рождается детей... Нет, завидую вашей безопасности и стабильности — вам, лунитам, не надо беспокоиться о будущем, ведь вы можете его планировать. А мы здесь лишь надеемся, что за время нашей жизни все не слишком сильно изменится к худшему.

— Но, сэр, вы, по крайней мере, — часть естественного процесса, — нерешительно возразил Пепин. — Вы можете и дальше приспосабливаться к изменениям Земли.

Торговец вновь рассмеялся:

— Нет. Земляне погибли. Мы уже с этим смирились. Человеческая раса просуществовала и так очень долго, никто не мог бы ожидать, что мы столько протянем. Но скоро наступит момент, когда дальше приспосабливаться будет уже невозможно. Это уже происходит в менее благополучных краях. Человечество на Земле вымирает. А на Луне все по-другому, пока у вас есть ваша Система.

— Но наша Система искусственна, а ваша планета — естественна.

Они подошли к складу, где уже были открыты тяжелые створки дверей. В прохладном темном углу помещения стояли бочки с удобрениями. Человечек с личиком ящерицы, мельком взглянув на Пепина, пересчитывал бочки.

— Да, теперь о подарке пилоту, — сказал могучий торговец. — Традиционный подарок человеку, доставившему нам груз в целости и сохранности. Что бы ты пожелал?

Обычно пилот, также традиционно, просил себе небольшой, скорее символический подарок. Пепин знал, что от него ждут.

— Я слышал, что вы раскапываете что-то древнее в Барбарте? — учтиво спросил он.

— Да. Это обеспечивает работой преступников. Прежде в этих краях было сорок городов.

Пепин довольно улыбнулся. Богатая история!

— Я люблю книги, — сказал он скромно.

— Книги? — Торговец нахмурился. — Ну, у нас их где-то целая свалка. А что, лунные жители пристрастились к чтению?! Ха-ха!

— Разве вы сами их не читаете?

— Нет, капитан. Мы все забыли. Эти древние языки несусветно трудны. А у нас в Барбарте нет грамотеев, кроме, разве что, стариков — но у них мудрость находится вот здесь, — он

постучал себя по лбу, — а не в каких-то там книгах. Теперь мало проку от старых знаний — они больше годились для молодой Земли.

Пепину стало не по себе от печали и разочарования, нахлынувших на него. Хотя умом он понимал, что жители Земли могут и не соответствовать его идеализированным представлениям, его сердце отказывалось это принимать.

— Тогда я хотел бы получить несколько книг, — попросил он.

— Да хоть столько, сколько влезет в твой корабль после погрузки нашего товара, — пообещал могучий купец. — А на каком языке ты умеешь читать? Разрешаю тебе самому отбирать книги.

— Я читаю на всех древних языках! — гордо заявил Пепин. Его соотечественники считали, что это никому не нужно. Так оно, вполне возможно, и было, но только это не волновало Пепина. Он счел нужным разъяснить: — А грузить их не нужно. Я не полечу обратно. Корабль вернется на Луну в автоматическом режиме.

— Ты не... Так ты, значит, будешь вроде постоянного представителя Луны на Земле?

— Нет. Я хочу жить здесь как землянин.

Торговец в задумчивости почесал нос.

— Ага, понимаю... Н-да...

— Есть ли какая-то причина, по которой меня нельзя принять?

— О, нет-нет — я просто удивлен, что ты хочешь остаться. Как я понимаю, вы, луниты, считаете нас примитивными созданиями, обреченными погибнуть вместе с этой планетой. — В его голосе послышалась обида. — У вас веками существуют строгие правила, не допускающие на Луну никого из землян, даже просто посетить ее никому из нас нельзя. Конечно, надо заботиться о вашей драгоценной безопасности и стабильности... А зачем тебе-то страдать на этой чахнувшей планете?

— Ты увидишь, — осторожно начал Пепин, — что я не такой, как все луниты. Нечто вроде романтического пережитка. Может быть, этому способствовали какие-то мои, неведомые никому, особенности мышления, я не знаю. Во всяком случае, только я один из целой расы восхищаюсь Землей и землянами. Соотечественники всегда смотрят в будущее, а я — тоскую о прошлом. Они стремятся к прочному, стабильному будущему, мало отличающемуся от настоящего.

— Понимаю... — Торговец скрестил руки на груди. — Что ж, оставайся у нас гостем — пока не захочешь вернуться...

— Я никогда не захочу вернуться.

— Друг мой, — улыбнулся землянин, — ты *очень скоро* пожелаешь вернуться. Поживешь месяц, от силы — год, но не больше, ручаюсь.

Он помолчал и, вздохнув, добавил:

— Здесь много знаков прошлого, ведь прошлое — это все, что у нас осталось. У Земли нет будущего.

Часы — сердце Великого Регулятора — отмерили шесть недель, и Пепин Горбатый начал тяготиться полнейшим равнодушием к нему со стороны жителей Барбарта. Нет, все были приветливы и очень хорошо к нему отнеслись, особенно если знать их общее неприязненное отношение к лунитам. Но друзей у него не появилось, и ни с кем не возникло хоть какое-то взаимопонимание.

Пепин радовался новым книгам, оказавшимся не учебниками или технической литературой, а содержали много поэзии и легенд, исторических повествований и приключенческих романов. Впрочем, книг было значительно меньше, чем он ожидал, и надолго их не хватило.

Он жил в Гостинице и постепенно уже стал привыкать к тяжелому, просоленному воздуху и тусклым краскам. Ему даже стал нравиться тот полумрак, в котором существовали земляне. Это перекликалось с его настроением... Он подолгу бродил по холмам, пристально наблюдал за тяжелыми багровыми тучами, перебирающимися от горизонта к горизонту. Дышал сладковатым запахом пальмовых лесов, взбирался по осыпающимся склонам утесов, подпирающих алое небо, разрушенным ветром и отполированным солью.

В отличие от безжизненной Луны, эта планета еще скрывала какие-то загадки: то налетал вдруг неведомо откуда ветер, то проползало странное животное...

Пожалуй, только этих ползающих тварей, ставших враждебными человеку, и опасался Пепин. Ведь, кроме человека, появилась еще одна форма жизни — гигантская пиявка — слизняк, — раньше обитавший только на открытых океанских берегах, а теперь замеченный очень далеко, в глубине суши. Если считать, что жизнь человечества подходила к своему пределу, то время слизняков только начиналось. Вымирали люди, неимоверно размножались слизняки. Обычно эти твари перемещались стаями от десяти до сотни штук в зависимости от вида. В длину они вырастали от двух до десяти футов. Встречались

черные, бурые, желтые особи — по самыми отвратительными были крупные и свирепые белые твари, способные догнать убегающего человека и сбить его с ног.

Когда такое случалось, слизняк, как и его предок — пиявка, — высасывал кровь, оставляя после встречи обескровленное, высохшее тело.

Пепин как-то раз увидел целую стаю этих тварей, пересекающую поляну, где он сидел на утесе, любуясь колыхавшимся внизу лесом.

— Вот и новые жилицы, — сказал он вслух, стараясь совладать с приступом тошноты. — Земля отвергла человека, стала равнодушна к нему. У нее появились другие дети.

Пепин давно привык разговаривать вслух с самим собой. Только в одиночестве к нему легко приходили слова.

Он не раз пытался поговорить с кем-нибудь из постояльцев Гостиницы по душам, например, с Копом — тем самым громил-торговцем, но все как один вежливо уклонялись от разговоров и старались под любым предлогом удалиться.

Лишь один из всех — некий Мокоф, сутулый мужчина средних лет, — больше других выказывал к нему свое дружелюбие, но и тот ничем особым не мог помочь Пепину.

— Скорее всего, твои рассуждения о прошлом поймут в Ланжис-Лио, есть тут такой странный город у оксана, — сказал как-то раз Мокоф, когда они сидели с кружками пива на площади у фонтана.

Пепин давно слышал об этом городе, но как-то не успел узнать о нем поподробнее. Он приподнял вопросительно тонкую бровь.

— Я знал одного человека из Ланжис-Лио, — пояснил Мокоф, — со шрамом на лице, не могу вспомнить его имя... У него были неприятности из-за того, что он ел в неположенное время. Правда, он починил Великий Регулятор и спасся. Мы ведь ничего не понимаем в этих машинах. Так вот, он считал, что умеет путешествовать во Времени, хотя я этого особо не наблюдал. Они там, в Ланжис-Лио, все такие... чудаковатые, понимаешь? Например, ничего не знают о часах и совсем ничего не имеют для измерения времени. Правит у них Хронарх, живущий во дворце, который называется Палатой Времени. Кто его знает, почему он так называется, если они не могут даже сказать, сколько сейчас времени!

Больше о Ланжис-Лио Мокоф толком ничего не смог рассказать, кроме каких-то домыслов. Но Пепин уже заинтересовал-

ся этим городом, особенно его заинтриговали путешествия во Времени — недаром его самым сокровенным желанием было вернуться в прошлое Земли...

На седьмой неделе пребывания в Барбарте Пепин решил посетить Ланжис-Лио.

Он отправился туда пешком, хотя Мокоф приложил все усилия для того, чтобы отговорить его, поскольку путь был очень долгий и вокруг было полно кровожадных слизняков. Путешествовать в этих краях лучше всего было верхом.

Пепин уже пробовал ездить па местных *тюленях*, служивших большинству землян в качестве ездовых животных. У них были мощные передние плавники и острые, как бритва, хвосты. Вдобавок они были исключительно надежны и достаточно резвы. Чтобы всадник мог сидеть прямо, на тюленя надевалось высокое седло из кремния. Всаднику полагались также длинное ружье, стреляющее лучом из рубинового сердечника, — *пронзатель* — и фонарь на батарейках для езды безлунными, почти беззвездными ночами.

Пепин взял фонарь и повесил на плечо ружье. Они придавали ему приятное чувство уверенности. И не стал полагаться на какого-то там тюленя.

Сумрачным утром он отправился в путь, одетый в костюм из металлизированной ткани, с запасом еды и флягой с водой в заплечном мешке.

Как и следовало ожидать, жители Барбарта, как и его соотечественники — луниты, не стали огорчаться при расставании, полагая, что Пепин внес в их налаженное существование некую смуту. За семь недель своего присутствия он заставил многих усомниться в смысле жизни, принятом здесь за эталон, предназначенный для передачи потомству.

Умереть на Земле, которая отторгала человека, достойно и с миром — было для землян венцом жизненного пути...

Пепин почувствовал разочарование: он надеялся увидеть здесь энергичную деятельность Человека, символизирующую волю к жизни, готовящегося к переменам, но никак не к смерти!

Должны же найтись где-нибудь на этой планете настоящие герои, хотя бы и в Ланжис-Лио. Если верить Мокофу, то там живут далеко не тривиальные люди, понимающие в путешествиях в прошлое...

Упругий мох в пальмовых рощах облегчал ходьбу, но к вечеру он сменился твердой почвой с тучами пыли над ней. Перед путником простиралась гигантская равнина с потряс-

кавшей почвой, освещенная зловещим сумрачным светом. Лишь кое-где пейзаж оживлялся одиночными зубцами скал. Он выбрал ориентиром одну из них и продолжил путь, не рассчитывая в эту холодную, беспросветную ночь отдохнуть, что было делать очень рискованно. Слизняки отдыхали только насытившись, а кроме человека другой поживы для них здесь не было.

Пепин включил фонарь. Он так сильно устал, что был не в состоянии определить, сколь долго идет. Стало трудно сосредоточиться хотя бы на одной мысли. Он остановился, как только увидел в свете фонаря силуэт скалы, снял мешок и прислонился спиной к камню, медленно оседая на землю. Ему уже было наплевать на слизняков. К счастью, ни одна тварь его еще не почувала.

Заиграла на небе пунцовая заря, затягиваясь постепенно грязными облаками. Пепин развязал мешок и достал флягу с пресной водой. Он не мог, как земляне, пить соленую воду, а они настолько к ней привыкли, что перестали пить пресную. Позавтракав двумя таблетками, он с трудом распрямил ноющее тело, закинул за спину мешок, уложил фонарь в чехол на пояс и огляделся, держа ружье на плече.

Пальмовые леса на западе скрылись из виду, и стало казаться, что равнина простирается бесконечно во всех направлениях. Лишь на востоке однообразие нарушалось невысокими холмами и скалами.

Туда Пепин и направился.

«Предки, — размышлял он, — верили, что на востоке расположен рай. Может, и я найду там свой рай».

Если бы рай действительно существовал и Пепину было предназначено там оказаться, то пару дней спустя он был весьма близок к нему, когда внезапно упал со скалы и долго катился по усыпанному солью склону, лишившись сознания от ударов.

Так уж получилось, что от рая его спас Крюконосый Бродяга — коротышка с огромным носом и вдавленным подбородком; неизменный капюшон и кожаная куртка делали его похожим на огромную черепаху.

Крюконосый занимался любимым делом: рылся в земле. Похоже, лишь он один из всех землян бродяжничал, попутно собирая сплетни и тайны. Никто не знал, откуда он взялся, да и никому в голову не приходило спросить. Его хорошо знали и

в Барбарте, и в Ланжис-Лио. Он невероятно много знал о прошлом и настоящем Земли, но мало кому это было нужно.

Крючконосый увидел клубящееся облако соли лишь на мгновение раньше, чем стая слизняков почуяла запах крови Пепина.

Бродяга путешествовал на громадном толстом тюлене, а второго вел в поводу, нагруженного впечатляющим грузом: свернутым брезентом, инструментом, плиткой, какими-то тюками — в общем, все имущество Крючконосого путешествовало вместе с ним. Казалось, тюлень гордился такой неимоверной поклажей, доверенной ему.

Бродяга быстро оценил ситуацию, в которую попал Пепин. Он подъехал поближе, поднял ружье и нажал спусковую кнопку на зарядном устройстве. Едва различимый луч мгновенно разметал стаю слизняков. Эти были черной разновидности. Крючконосый явно доставлял себе удовольствие, педантично уничтожая всех тварей до одной.

Затем он взглянул на поверженного Пепина, который сильно не пострадал и уже начинал приходить в себя. Бродяга по одежде узнал лунита и удивился, откуда ему тут было взяться. Да еще с фонарем и ружьем.

Крючконосый спешил и помог незнакомцу подняться на ноги. Пепин потер затылок и обеспокоенно взглянул на Бродягу.

— Кажется, я упал, — сказал он.

— Вот именно, — подтвердил землянин. — А где твой корабль? Он потерпел аварию где-то поблизости?

— Нет у меня корабля, — сказал Пепин. — Я приземлился в Барбарте около семи недель назад. Я иду в Ланжис-Лио, мне сказали, что он где-то на берегу океана.

— С твоей стороны было большой глупостью идти пешком! — сообщил Бродяга. — Путь-то неблизкий. — И добавил, с тревогой поглядывая на лунита: — Тебе надо у меня остаться. Поговорим о Луне, я буду очень рад обновить свои познания...

У Пепина страшно болела голова, и он на самом деле был рад, что на него наткнулся этот странный землянин. Охотно согласившись остаться, он стал помогать ставить палатку.

Наконец палатка была установлена, и Пепин с Бродягой забрались внутрь, предварительно втащив туда и все имущество Крючконосого.

Хозяин предложил гостю рыбы и соленой воды, но тот вежливо отказался и обратился к собственным припасам.

Покончив с трапезой, Пепин рассказал о перелете с Луны на Землю, о своем пребывании в Барбарте, о разочарованиях и надеждах. Бродяга слушал внимательно, и по его вопросам выходило, что Луна его интересовала гораздо больше, чем Пелина, который отвечал на его наводящие вопросы совершенно равнодушно.

Наконец он спросил о том, что его волновало больше всего: — Вы что-нибудь знаете, сэр, о Ланжис-Лио?

— Почти все, кроме, разве что, последних событий, — улыбнувшись, ответил Бродяга. — Начнем с того, что это очень древний город. Он начинался от экспериментального поселка, основанного неким философом, который попытался научить людей обращаться с Временем так же, как они обращаются с Материей. То есть с тем, сквозь что можно перемещаться, чем можно управлять и тому подобное. Отсюда и пошла Хронархия, а для Ланжис-Лио изучение Времени стало традицией. Кроме этого, там мало чем еще занимаются. И вот, благодаря мутации или пробуждению еще какой силы, которая скрывается в человеке, в Ланжис-Лио возникла раса людей, способная *перемещаться во Времени!* Мне повезло, так как я встречался с молодым человеком, который первым обнаружил в себе такую способность и обучил других. Это — Мыслитель со Шрамом, нынешний Хронарх.

— Он может путешествовать в прошлое?

— И в будущее, как я слышал. Если уж открылся в человеке хронопатический талант, он может по своему желанию двигаться в какую угодно сторону.

— Прошлое! — взволнованно воскликнул Пепин. — Можно вернуться в Золотой Век Земли и не беспокоиться о естественной смерти и искусственной жизни. Можно воистину *распорядиться* жизнью!

— Хм-м, — недоверчиво откликнулся Бродяга. — Я тоже обожаю прошлое, Пепин Горбатый, — моя набитая древностями палатка тому свидетель, — но разве можно вернуться в прошлое? Разве это не повлияет на будущее? Ведь в нашей истории нет никаких свидетельств того, что люди из будущего поселились в прошлом!

Пепин согласно кивнул:

— Да, и это загадка. Но смог бы хотя бы *один* человек, который не стал бы рассказывать, что он из будущего, — смог бы он поселиться в прошлом?

Крюконосый улыбнулся:

— Догадываюсь, что ты имешь в виду...

— Я теперь понимаю, — продолжал рассуждать как о самом сокровенном Пепин, — что у меня мало общего и с моим народом, и с землянами. Единственная надежда — вернуться в прошлое, где можно будет найти все для полноценной жизни. Похоже, что я человек не этого времени.

— Ну, не ты первый. В истории Земли таких людей было полно.

— Но я, быть может, буду первым, кто *найдет* наиболее подходящую для себя эпоху.

— Может быть, — с сомнением в голосе протянул Бродяга. — Но вряд ли твои желания осуществимы.

— Почему? Что нынешняя Земля может предложить Человеку? Мы на Луне живем такой неестественной жизнью, что год за годом превращаемся в машины — менее совершенные, чем те, что обслуживают нас самих. А здесь вы пассивно ожидаете смерти и только о том и помышляете, как встретить конец «достойно». Ближайшие сто лет моя раса перестанет быть человеческой, вашей же вообще не будет. Неужели нас ждет такой конец? Неужели человеческие ценности погибнут и все усилия последнего миллиона лет окажутся напрасными? Неужели нельзя будет избежать сумерек Земли? Я, по крайней мере, не могу с этим смириться!

— Тебе, мой друг, изменяет логика, — усмехнулся Бродяга. — Получается, что и ты выбрал путь наименьшего сопротивления, поскольку отказываешься достойно встретить будущее и хочешь укрыться в прошлом.

Пепин схватился за голову и застонал.

— У меня нет желания пережить сумерки, — продолжал Крюконосый. — Ты уже кое-что видел, а будет еще хуже, когда сумерки Земли превратятся в ночь.

Пепин разволновался так, что ничего не мог сказать.

Бродяга вывел его наружу и указал на восток.

— Вот там находится Ланжис-Лно, — сказал он. — Мне жаль тебя, Пепин, ты не решишь своей проблемы — а это *твоя* проблема, а не всего человечества.

Пепин побрел вдоль берега, ошутимо прихрамывая, хотя это было скорее от усталости, нежели вследствие природного недостатка. Наступило утро, из-за океана поднималось тусклое красное солнце. Было холодно.

Над океаном висел бурый туман, он надвигался на пустынный берег с темными очертаниями унылых утесов. Песок свер-

кал пятнами соли, а вязкие воды оксана были недвижны: давно уже не было приливов, поскольку давно уже не было рядом Луны.

Пепин все еще находился во власти разговора с этим странным Бродягой. Неужели наступит конец Земли, или все это — лишь фаза повторяющегося цикла? Ночь неизбежно наступит — но будет ли за ней новый день? Если да, то будущее не столь уж ужасно. Но планета успела избавиться от большей части человечества. Доживут ли оставшиеся до нового утра?

Он поскользнулся и мгновенно очутился в липкой жиже, стал барахтаться, пытаясь уцепиться за твердый солевой настил, но он обломился и Пепин вновь обрушился в воду. После нескольких попыток ему все-таки удалось выползти на твердую почву. Да, подумал он, все здесь рушится, все изменится...

Пришлось двигаться дальше гораздо более осмотрительно. Сухопутные рыбы при его приближении юрко рассыпались во все стороны, пытаясь укрыться в тени каменных скал. Разрушенные соленым ветром, они неровными зубьями торчали из песка. Рыбы затихали, и успокаивалось все побережье. Тишина здешних мест не подарила Пепину душевного равновесия, но одиночество, по крайней мере, слегка охладило его воспаленное воображение.

Солнечному диску понадобилось немало времени, чтобы окончательно утвердиться над горизонтом, но оно принесло мало света и еще меньше тепла. Пепин остановился посмотреть на океан, который после восхода солнца превратился из черного в грязно-серый. Он вздохнул и еще раз посмотрел на светило, окрасившее его лицо в блеклый розовый цвет.

Какой-то незнакомый звук внезапно привлек его внимание. Это не было пронзительным криком драчливых сухопутных рыб. Он узнал человеческий голос и напряженно прислушался, не поворачивая головы.

Затем резко обернулся.

На вершине скалы прорисовалась тонкая фигурка верхом на тюлене, с длинным, как копьё, стволом лучевого ружья. Незнакомец, наполовину скрытый в тени развалин древней сторожевой башни, натянул поводья и исчез полностью.

Пепин насторожился и на всякий случай приготовил собственное оружие.

Всадник успел спуститься с утеса и ехал к нему. Стало четко слышно шлепанье плавников по сырому песку. Пепин поднял ружье.

Это была всадница. Женщина, словно сошедшая из его книг — высокая и длинноногая. Лицо с острым подбородком пряталось в поднятом воротнике куртки из тюленьей кожи. Одна рука в перчатке опиралась на луку высокого седла, а другая — придерживала поводья. Она плотно сжала полные губы, словно холод сковал ее уста.

Ее тюлень добрался до воды и с большим трудом поплыл. Пепин это зрелище воспринял по-своему: женщина из мифа — русалка — плыла к нему на тюлене... Тем не менее он сильно испугался. Ее появление было слишком неожиданным.

Может быть, она из Ланжис-Лио? И все там такие же, как она!

Когда тюлень опять оказался на твердой почве, всадница расхохоталась. Смех был столь очарователен, столь нежен! Она приблизилась вплотную к Пепину, так что стали видны крупные капли воды... У Пепина перехватило дыхание и он попятился назад.

Ему показалось, что перед ним — живое воплощение безумия умирающей планеты!

Всадница остановила тюленя рядом с Пепином и с улыбкой посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты, чужеземец, судя по всему, — с Луны. Ты случайно не заблудился?

Пепин убрал ружье за плечо.

— Нет. Я еду в Ланжис-Лио.

Русалка ткнула пальцем куда-то назад:

— Наш город уже рядом, я провожу тебя. Меня зовут Высокая Хохотушка, я сестра Мыслителя со Шрамом — Хронарха города Времени.

— А я — Пепин Горбатый, у меня нет ни чина, ни родственников.

— Забирайся ко мне и держись за седло. Скоро приедем.

Он охотно повиновался. Когда Хохотушка энергично развернула тюленя, Пепину пришлось изо всех сил вцепиться в скользкое седло.

Несколько раз в пути его спутница пыталась с ним заговорить, но он не смог ничего понять.

Перед самым городом их настиг дождь.

Построенный на огромном утесе, город занимал гораздо меньше места, чем Барбарт. Дома напоминали древние башни — высокие, с коническими крышами и маленькими окон-

цами. И над всем царила Башня Времени, возвышавшаяся над зданием, называвшимся Палатой Времени. Это и был дворец Хронарха.

Дворец и Башня производили ошеломляющее впечатление. Это невероятное сочетание закругленных линий, углов и бьющих в глаза ослепительных красок вызвали у Пепина чувства, подобные тем, что он испытывал, разглядывая изображения готической архитектуры — только готика устремляла мысли вверх, а эта архитектура наслаждалась горизонталями.

Соленный дождь постепенно прекращался, и светило уже роняло скудные лучи на улицы, освещая влажные соляные подтеки на стенах и крышах домов.

И хотя на улицах было немногочисленно, повсюду ощущалась странная атмосфера напряженной деятельности, словно все жители одновременно засобирались покинуть город.

Горожане, ничем особым не отличаясь от жителей Барбарта, вместе с тем выглядели куда более энергичными.

Пепин даже подумал, не оказался ли он здесь во время некоего праздника. Тем временем Высокая Хохотушка остановилась на углу узкой улочки и, спешившись, указала на ближайший дом:

— Вот здесь я живу. Раз у тебя нет чина, значит, ты прибыл сюда как гость, а не в качестве официального представителя Луны. Что тебе здесь нужно?

— Хочу понасть в прошлое, — не задумываясь, ответил Пепин. Она, помолчав, спросила:

— А зачем это понадобилось?

— У меня нет ничего общего с настоящим.

Хохотушка пристально посмотрела на него. Взгляд ее был холоден и ясен. Потом все же улыбнулась, заметив:

— В прошлом нет ничего привлекательного!

— Позволь мне решить самому.

— Прекрасно. — Она пожала плечами. — Но как ты предполагаешь этот сделать?

Его самоуверенность уже успела испариться.

— Я... я надеялся на вашу помощь...

— Тебе нужно будет поговорить с Хронархом.

— Когда?

Хохотушка взглянула было на него нахмурившись, но грубость ей не шла, и она позвала:

— Пойдем в Палату Времени сейчас же!

С трудом поспевая за длинноногой спутницей, Пепин терялся в догадках: захотят ли горожане расставаться с тайнами Времени, и не приберегают ли они их только для себя?

Лихорадочная деятельность вокруг усилилась, хотя на Пепина успевали не раз бросить любопытствующий взгляд. Наконец они достигли спиральной лестницы, ведущей вверх, к большим воротам Палаты.

Стражник их не окликнул, и они без препятствий вошли в гулкий коридор, высокие стены которого были украшены загадочными криптограммами из серебра, бронзы и платины.

Очутившись перед двустворчатой дверью из золота, Высокая Хохотушка толкнула ее и они вошли в громадный зал с высоким потолком. Вдали, на возвышении, восседал человек, с кем-то беседующий. Когда Хохотушка вошла, все разом обернулись.

Узнав ее, человек на возвышении радостно улыбнулся, и на его бледном лице четко проявился шрам, идущий от левого уголка губ через всю щеку. Густые волосы темной волной ниспадали на широкие плечи. Одежда ему явно не шла, очевидно, она полагалась его рангу: желтая рубашка, черный галстук под самый подбородок, синий вельветовый пиджак, брюки цвета красного вина, черные домашние туфли... Он что-то сказал стоящим рядом, и они быстро удалились.

Зал был, на первый взгляд, столь же странный и нелепый. Вдоль стен мозаичные картины располагались попеременно с компьютерами. Позади возвышения, на металлической скамье, красовались некие, весьма древние, алхимические приборы, составляющие причудливый контраст всей окружающей обстановке.

— Ну, Высокая Хохотушка, — обратился к ней хозяин, — кто сей пришелец?

— Он с Луны, Мыслитель. Мечтает побывать в прошлом!

Хронарх Ланжис-Лио рассмеялся, затем резко оборвал смех и пристально всмотрелся в лупита.

Пепин, волнуясь, произнес:

— Я слышал, вы можете путешествовать во Времени. Это правда?

— Правда, — ответил Мыслитель. — Но...

— А продвигаетесь вы вперед или назад?

— Полагаю, вперед — по почему ты считаешь, что у тебя есть способность перемещаться во Времени?

— *Способность?*

— Да, это ведь особое свойство, только жители Ланжис-Лио обладают им.

— Так у вас нет *машин времени*? — спросил упавший духом Пепин.

— Нам они не нужны. Это умение природное.

— Но я *должен* вернуться в прошлое... я *должен*! — Пепин, прихрамывая, подошел к возвышению, не обращая внимания на предостерегающий жест Высокой Хохотушки. — Ты хочешь, чтобы больше никто не смог воспользоваться шансом на спасение! Ты ведь много знаешь о Времени... ты должен знать, как помочь мне вернуться в прошлое!

— Если ты туда попадешь, то ничего хорошего из этого не получится.

— Откуда ты знаешь?

— Мы это знаем, — твердо ответил Хронарх, — не будь упрямым. Здесь, в Ланжис-Лио, мы ничего не сможем для тебя сделать.

— Ты лжешь!

Пепин пришел в себя и добавил уже чуть спокойнее:

— Умоляю, помоги мне! Я... мне нельзя без прошлого, как человеку — без воздуха!

— Это в тебе говорит невежество.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что тайны Времени гораздо запутаннее, чем ты себе представляешь. — Хронарх поднялся. — Я должен покинуть вас. У меня дела в будущем.

Он нахмурился, словно сосредоточившись на чем-то, и — исчез.

Пепин был потрясен.

— Куда он девался?

— В будущее. Надеюсь, он скоро вернется. Пойдем, Пепин, я отведу тебя домой, ты сможешь отдохнуть. Ну, а потом я бы тебе все же посоветовала позаботиться о возвращении на Луну.

— Вы же можете построить машину времени! — выкрикнул Пепин. — Ведь должен же быть выход! Мне необходимо вернуться!

— *Вернуться?* — переспросила Хохотушка, подняв бровь. — Вернуться? Как же ты можешь вернуться туда, где никогда не был? Знаешь что — пошли.

И она повела его к выходу.

Подкрепившись немного соленой пищей в доме у Высокой Хохотушки, Пепин немного успокоился. Они сидели за столом друг против друга, в крохотной комнатке с окном на улицу. Пепин молчал, словно впал в апатию. Похоже, они симпатизировали друг другу: она ему явно сочувствовала, а он еще

на побережье был очарован ее красотой и женской привлекательностью... Но отчаяние пересилило все чувства. Он уронил голову на руки и мрачно разглядывал стол.

— Пепин, ты на самом деле тоскуешь не о прошлом, — мягко произнесла Хохотушка. — Ты тоскуешь о мире, которого никогда не было: рай, Золотой Век... Люди всегда говорили о таких исторических временах... Но это все — идиллия, тоска не по прошлому, а по детству, по утраченной невинности. Ведь мы все мечтаем вернуться именно в детство.

Он поднял глаза и горько усмехнулся.

— Мое детство не было идиллическим, — сказал он глухо. — Я был ошибкой, и мое рождение произошло случайно. У меня не было ни друзей, ни душевного спокойствия.

— Но были удивление, иллюзии, надежды... Даже если бы ты смог вернуться в прошлое Земли, ты не был бы там счастлив.

— Земля сейчас в упадке, и это часть эволюционного процесса. На Луне то же самое, но происходит искусственным образом — вот и вся разница. Прошное Земли никогда не было по-настоящему упадническим.

— Прошлого не воротишь...

— Это старая поговорка, да и ваши возможности ее опровергают.

— Но ты не знаешь всего, — печально сказала Хохотушка. — Даже если бы воспользовался кораблем...

— Каким кораблем?

— Это такая машина для движения во времени, ранний, примитивный опыт, от которого мы отказались. Теперь мы не нуждаемся в подобных устройствах.

— А что, эта машина еще существует?

— Да, она находится позади Палаты Времени, — рассеянно ответила она, думая о чем-то своем.

Пепин постарался быстрее сменить тему, опасаясь, как бы она не догадалась, что у него на уме.

— Может, ты и права. На старушке Земле ничего не осталось, чтобы любить ее по-прежнему. И если я — последний, кто ее любит, то должен оставаться с ней...

Последние слова Пепин произнес словно не по своей воле, поскольку никогда так не думал. Впрочем, некая потаенная частичка его души, видимо, таила в себе нечто подобное.

Хохотушка удивленно посмотрела на него, едва ли расслышав и половину того, что он говорил. Она решительно встала из-за стола.

— Я провожу тебя, — сказала она. — Тебе надо отдохнуть.

Пепин согласился, лишь бы не затевать каких-то пустых разговоров. Он был уверен, что все равно не заснет. Он должен воспользоваться единственным шансом! Где-то там, в гаснущем вечернем свете, поконится машина времени, и он, может быть уже очень скоро, вернется в столь прекрасное и манящее прошлое — к изумрудной Земле, навсегда покинув эту нынешнюю малопривлекательную, просоленную планету!

Блеклый свет из окон домов освещал извилистые улочки, по которым он пробирался к Башне Времени. Никто его не заметил, когда обходил он то самое огромное здание, о котором говорила Хохотушка.

Наконец, на крохотной площади за Башней, он наткнулся на то, что искал: на изогнутых опорах, полускрытое в сумраке ночи, покоилось странное металлическое сооружение. Да, это не могло быть ничем иным, кроме... Машина времени была достаточно вместительна: рассчитывалась, по-видимому, на трех-четыре человека. Рядом с ней угадывалась еще парочка таких же машин, но только еще более запущенных. Пепин осторожно подошел поближе и прикоснулся рукой к холодному металлу. Сооружение слегка качнулось, заскрипели опоры. Беспокойно оглядевшись по сторонам, Пепин прижался к ней, чтобы скрип прекратился. Кажется, его никто не заметил. Проведя еще раз по яйцеобразному корпусу, он нащупал какую-то кнопку и надавил на нее. Почти неслышно отошел в сторону люк.

С большим трудом удалось Пепину взобраться в сильно раскачивающуюся машину. Он еще раз пошарил рукой в надежде обнаружить выключатель, и после некоторых сомнений нажал на что-то, и не ошибся.

Вспыхнул мягкий, голубоватый свет, которого было вполне достаточно, чтобы осветить всю кабину. Здесь не было никаких сидений, а большая часть приборов, по-видимому, была скрыта за переборками. Посередине возвышалась стойка с четырьмя панелями управления на высоте груди. Пепин, преодолевая качку, осторожно подошел к стойке и начал их изучать. Жизнь на Луне приучила его к работе со всевозможной техникой, и он быстро сориентировался в приборах, которые оказались ему знакомы. В центре располагался самый большой циферблат. Справа была метка «плюс», а слева — метка «минус». Очевидно, так помечались прошлое и будущее. Пепин не нашел никаких дат, вместо этого были числа — от одного до десяти. Что ж, достаточно будет одного путешествия, чтобы сориентироваться в этой шкале.

Другой циферблат, похоже, указывал на скорость. Над одним выключателем была подпись «аварийное включение», а над другим — загадочная надпись «настройка мегапотока».

Оставалось выяснить состояние источника энергии. Пепин, прихрамывая, подошел к приборной доске с большой рукояткой. С бьющимся сердцем он повернул ее. В индикаторе вспыхнул огонек и осветил надпись «вкл.». Послышалось тихое гудение, ожили стрелки, и засветились экраны. Пепин вернулся к стойке и повернул главный переключатель, установив его на минус 3.

Машина уже не раскачивалась на опорах. Движения не ощущалось, однако приборы усердно работали. Пепин вдруг почувствовал головокружение.

Он несся назад, сквозь Время, в прошлое!

Быть может, под влиянием движения машины, или сумасшедшего мелькания цветных огоньков на экранах, или таинственных звуков, исторгаемых приборами, — во всяком случае, состояние Пепина было почти истерическое.

Он смеялся, словно обезумевший: получилось! Сбывается то, о чем он мечтал!

Наконец звуки постепенно стихли, чувство слабости исчезло. Машина, похоже, закончила перемещаться.

Пепин трясущимися руками натянул на голову шлем: воздух прежней Земли мог оказаться для него чересчур насыщенным. Это спасло ему жизнь.

Он нажал на кнопку, дверь медленно отошла назад, и он шагнул в тамбур. Дверь закрылась, и Пепин открыл наружный люк.

Перед ним ничего не было.

Не было ни звезд, ни планет. Не было ничего, словно он оказался в совершеннейшем вакууме.

Куда же он попал? Неужели приборы оказались испорченными? Может быть, его забросило в невероятно далекий космос, в котором не было никаких материальных тел? У Пепина закружилась голова. Он попятился назад, в тамбур, устранившись находиться долго в этом жутком пространстве. Закрыл люк и, охваченный паникой, ринулся к приборам. Но теперь уж повернул рукоятку на минус 8. Снова ожили экраны, замельтешили цветные огоньки и заметались стрелки. Опять на него навалилась слабость...

Машина вновь остановилась.

Гораздо осторожнее, чем в первый раз, выползал Пепин наружу.

Ничего.

Потеряв от ужаса голос, он кинулся проделать то же самое, что и делал, но только ставя теперь на минус 10.

Легкое головокружение...

Остановка.

И опять — бездонная яма пустого пространства.

Чтобы проверить машину полностью, оставалось только одно: установить переключатель на будущее и посмотреть, что будет твориться там. На худой конец, можно будет воспользоваться аварийным возвращением.

Он повернул ручку влево, на плюс 2.

Гудение сменилось пронзительным визгом. Молниями зашверкали экраны, а стрелки бешено заметались по шкалам. Невыносимая боль обрушилась на голову Пепина, и он в ужасе пал наземь. Казалось, что машину швыряет неведомая сила.

Наконец все стихло. Пепин медленно-медленно поднялся и столь же медленно двинулся к тамбуру...

И увидел...

Он увидел голубые полосы с золотыми пятнами, спиралями уходящие в бесконечность. Увидел потоки темно-красного и мрачно-фиолетового света. Взлетающие вверх зелено-черные горы. Оранжевые и пурпурные облака. Что-то непрерывно сотворялось и тут же распадалось. Он ощущал себя одновременно и гигантом, и карликом...

Мозг отказывался что-нибудь понимать.

Почти теряя сознание, он судорожно захлопнул люк.

Что это было? Хаос? Похоже, нечто метафизическое, чем реальное. Нет, это уже был не вакуум, а, скорее, его противоположность: пространство, забитое до отказа всем, что только можно вообразить. Интересно, а не могла ли эта машина перемещаться не во времени, а быть предназначенной для путешествия... куда? В другое измерение? В другую Вселенную? А к чему тогда плюс и минус на шкале? Почему же Высокая Хохотушка называла это именно *машиной времени*? Неужели она обманула его?

Пепин откинул шлем и вытер с лица пот. Глаза воспалились, головная боль не переставая терзала его. Мысли путались.

Ему страшно захотелось немедленно воспользоваться «аварийным возвращением». Но он пересилил себя. В конце кон-

цов, оставался еще один, таинственный регулятор «настройка меганотока»... Уже не рассуждая, он повернул его и... был отброшен назад — машина рывком вернулась к обычному режиму. На экранах замелькали изображения.

Появлялись и тут же исчезали какие-то картинки. Мелькали тени, напоминающие человеческие фигуры. Пепин безумным взглядом наблюдал за жизнью экранов.

Прошло очень много времени, и он опять лишился чувств.

Он узнал голос Высокой Хохотушки и открыл глаза. Его вопрос не был оригинальным в подобных обстоятельствах.

— Где я? — слабо спросил он, глядя не вверх, а вниз.

— В Меганотоке, — отозвалась она. — Ну и дурак же ты, Пепин. Нам с Мыслителем доставило уйму хлопот найти тебя. Удивительно, как ты не спятил.

— Я думал, что уже. А вы как сюда попали?

— Мы отправились за тобой вверх по течению Меганотока. Но ты перемещался с такой бешеной скоростью, что пришлось затратить уйму энергии, догоняя тебя. Я вижу по приборам, что ты все-таки побывал в прошлом. Ну, доволен теперь?

Пепин с трудом поднялся на ноги.

— Тот... вакуум, это и есть прошлое?

— Да.

— Но... это ведь не прошлое Земли?

— Это *единственное* существующее прошлое. — Она склонилась к пульту управления, а когда Пепин чуть повернул голову, то увидел в глубине рубки стоявшего со склоненной головой Хронарха.

Хронарх поднял голову и уставил на него тяжелый взгляд.

— Я пытался тебе все объяснить... Но понимал, что ты все равно не поверишь. Жаль, что ты узнал истину. Ведь она тебя разочаровала, не так ли?

— Какую *истину*?

Мыслитель вздохнул.

— Единственную истину. Что прошлое — не что иное, как небытие. А будущее, как ты видел, — хаос. За исключением Меганотока.

— Ты хочешь сказать, что Земля существует только *в настоящем*?

— Насколько мы знаем — да. — Мыслитель скрестил руки на груди. — Для нас, жителей Ланжис-Лио, это все мало что значит, но на тебя, как я и предполагал, повлияло сильно. Ви-

дишь ли, мы — Оседлавшие Время, мы живем *во времени*, а ты же еще живешь *в пространстве*. Твой ум совершенно не приспособлен к восприятию Времени-без-пространства и тем более не в состоянии там существовать.

— Но времени без пространства — нет! — вскричал Пепин. Мыслитель поморщился.

— Разве? А что ты скажешь о будущем — о Меганотеке? Предположим, там что-то существует, но это не есть материальное пространство, которое тыобразишь. Это... ну, как бы физическое, что ли, проявление Времени-без-пространства. — Он вздохнул, заметив выражение лица Пепина. — Друг мой, ты все равно никогда не поймешь этого правильно.

— Мыслитель, мы уже почти в настоящем, — сообщила Высокая Хохотушка.

— Постараюсь объяснить потом, когда вернемся на Землю, — с усмешкой сказал Хронарх. — Ты мне нравишься, Пепин Горбатый.

В Палате Времени Мыслитель прошествовал к возвышению и опустился в кресло.

— Садись, Пепин, — указал он на место рядом с собой. Пепин с удивлением повиновался.

— Так ты все время размышляешь о прошлом? — иронически спросил Хронарх. Пепин взглянул на Хохотушку, перевел взгляд на ее брата и молча покачал головой.

Хохотушка коснулась рукой его плеча:

— Бедный Пепин...

Ничего не отозвалось в ответ в его душе. Он уткнулся лицом в руки и устался в пол, пряча полные слез глаза.

— Хочешь, Пепин, чтобы Хронарх все объяснил? — спросила она, очевидно опечаленная ничуть не меньше. Похоже, Хохотушка смогла проникнуться его состоянием безнадежности. Ах, если бы она была обычной женщиной, подумал он, и они повстречались бы при других обстоятельствах... Впрочем, *с такой* даже здешняя жизнь оказалась бы вполне сносной... Раньше ему еще ни разу не доводилось видеть такого сострадательного отношения к себе. Она повторила вопрос. Пепин рассеянно кивнул.

— Сначала мы, как и ты, были несказанно ошеломлены, узнав истину, — начал Хронарх. — Конечно, нам все же было неизмеримо легче с этим примириться, так как мы умеем перемещаться во Времени, как прочие — перемещаться в пространстве. Теперь Время для нас — естественный атрибут жиз-

ни. Можно простым усилием воли путешествовать и в прошлое, и в будущее. Теперь нам для существования не нужно самого пространства. Во Времени-и-пространстве наши физические потребности разнообразны, и их на этой изменяющейся планете все труднее удовлетворять. Но во Времени-без-пространства этих потребностей больше нет.

— Мыслитель, — вмешалась Хохотушка, — ему про нас не интересно. Расскажи лучше, почему в прошлом он нашел только небытие.

— Да, пожалуй, — повернулся к Хронарху Пепин.

— Попробую. Вообрази себе время как некую прямую линию, вдоль которой движется физическая вселенная. Она существует в определенной точке на этой прямой. Но если мы сдвинемся из настоящего вперед или назад, то что обнаружим?

Пепин покачал головой.

— Мы обнаружим то, что увидел и ты. Ведь, покидая настоящее, мы покидаем и физическую вселенную. Понимаешь, Пепин, когда мы выходим из нашего местного потока времени, попадаем в другие, которые по отношению к нам находятся *над* временем. Центральный поток, в котором движется наша вселенная, называется у нас Мегапотоком. По мере движения полностью поглощается материя времени — хрононы, как мы их называем. Будущее состоит из хрононов, и они бесконечны. Ты ничего не обнаружил в прошлом, потому что пространство, в некотором смысле, *поедает* хрононы, ничем не заменяя их.

— Ты хочешь сказать, что Земля поглощает эту... временную энергию, но сама ничего не излучает? Зверь, который что-то все время ест, но ничего не выделяет? — Кажется, Пепин заинтересовался всерьез.

Хронарх откинулся на спинку кресла.

— Поэтому, когда ты попросил вернуть тебя в прошлое, я едва сдержался, чтобы не рассказать все, как есть. Но ты бы все равно не поверил. И не хотел бы поверить. Нельзя вернуться в прошлое, потому что его просто-напросто больше не существует. Нет также и будущего, в пространственном смысле оно существует только в виде хрононов Мегапотока и его ответвлений. Мы научились перемещаться куда пожелаем, поглощая соответствующие хрононы. Человеческий род, таким образом, продлится — и мы, вероятно, станем бессмертными: будем странствовать по континентам Времени, исследовать их, приобретая полезные для себя знания.

— А другие погибнут. Или превратятся в нечто вроде роботов, — бесстрастно заметил Пепин.

— К сожалению.

— Теперь у меня действительно не осталось никакой надежды, — сказал Пепин, вставая. И, помедлив, спросил Высокую Хохотушку: — Когда же вы уйдете навсегда?

— Уже совсем скоро.

— Спасибо тебе. За доброту и сочувствие.

Пепин удалился из Палаты Времени, оставив ее обитателей в молчании.

Он быстро шагал вдоль берега. На восток, прочь от Ланжис-Лио. Солнечное утро багровым саваном покрыло бесконечный простор ленивого океана и закованную в соляную броню сушу.

«Да, — размышлял он, — вот утро для слез и самобичевания. Одиночество, как громадный слизняк, вцепилось в меня, лишив оптимизма. Если бы можно было отдаться этому равнодушному, безжалостному утру! Пусть оно меня поглотит, заморозит, обдаст ледяным ветром и утопит в этом вязком океане! Видеть не могу больше ни солнца, ни неба, хочу вернуться в чрево Матери-Земли...

О, эта жестокая Земля!..»

И все-таки он не завидовал Оседлавшим Время. Они, как и луниты, отреклись от своей человеческой природы. Он, по крайней мере, еще сохранил свою.

Услышав свое имя, Пепин обернулся. Словно тонко вскрикнула древняя морская птица.

Его догоняла на тюлене, размахивая руками, Высокая Хохотушка. Багровое небо, тонкая фигурка... Пепину показалось, что она вернулась к нему из прошлого. Словно из тех времен, когда он впервые увидел ее — богиню из мифа.

Позади нее ярко разгорался багровый диск солнца; он опять почувствовал острый запах соли.

Пепин ждал, стоя на берегу соленого океана.

Он знал, что его путешествие оказалось не напрасным.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

1

Оживающие звуки в ранних сумерках. Стук сердец, толчки крови.

Сьюард посмотрел в окно. Они шли снова. Он заставил измученное наркотиками тело приподняться на кровати и спустил ноги на пол. И сразу почувствовал тошноту. Голова сильно кружилась, пока он ковылял до окна, раздвигал шторы и разглядывал белые руины.

Вдали, за гаванью, виднелось море, а к лаборатории вновь катилась по разрушенным улицам неорганизованная толпа плохо одетых людей. Худые, искаженные безумием лица — как их было много!

Сьюард решил еще раз пустить в ход Башни. Нетвердой походкой он прошел в обитую стальными пластинами комнату слева и трясущейся рукой включил на громадной панели три тумблера. Лампочки над ними замигали. Он подошел к компьютеру-монитору и заговорил усталым, прерывающимся голосом: — «Зеленая 9/7» — частота 0. «Красная 8/5» — частота В.

Он не стал подключать остальные Башни. Хватит и двух, чтобы справиться с этой толпой. Две никого не покалечат слишком сильно.

Он вернулся к окну и снова отодвинул шторы. Толпа остановилась и глазела на крышу, где Башни «Зеленая 9/7» и «Красная 8/5» уже начали вращаться. Если их взгляды обратились на Башни, им уже не отвести глаз. Те из толпы, что смотрели вверх, упали на землю с закрытыми глазами. Остальные удерживались на месте абсолютно неподвижно.

И вот уже все, смотрящие на Башни, один за другим, с выпученными глазами и пеной у рта, начали судорожно дергаться, размахивать руками и что-то кричать. Их крики были слышны слабо, но все признаки приближающегося эпилептического припадка различались хорошо.

Почувствовав слабость, Сьюард прислонился к стене. Снаружи те, кто избежал припадка, расползались в разные стороны. Потом, стараясь не смотреть на Башни, они поднимались на ноги и разбегались по развалинам.

«Опять спасся», — горько подумал он.

Какой в этом был смысл? Сможет ли он каждый раз включать Башни? Придет ли такой день, когда толпа ворвется в лабораторию, найдет его и убьет, разрушив все оборудование? В конце концов, он это заслужил. Из-за него мир лежал в руинах, из-за Башен и других галлюциноматов, которые он усовершенствовал. Толпа жаждала мести, и это было справедливо.

Но все же, пока он был жив, еще можно было найти способ спасти что-нибудь из того, во что он превратил человеческие головы. Серьезного ущерба Башни не причиняли. Реальную опасность являли собой другие машины — такие как параматы, шизоматы, энграмоскопы, опасен был даже стробоскоп Майкельсона, 8-го типа. Целый ряд приборов, созданных чтобы помочь человеку, а на деле — фактически уничтоживших цивилизацию.

Его память была слишком ясной, многое хотелось бы забыть. Он потерял счет времени почти с самого начала катастрофы и не имел теперь никакого представления, как долго длится этот кошмар. Может быть, год? Жизнь поделилась на две части: поддерживаемый наркотиками рабочий период и беспокойный, мучительный период сна на снотворных. Он был вынужден защищаться, когда толпа обнаруживала Башни бездействующими и осаждала лабораторию. Они никогда не приходили поодиночке, а приближение толпы он научился распознавать заранее. Истерия стала универсальным состоянием человечества — всего, кроме, разумеется, Сьюарда, который это породил.

Галлюциноматы нейростимуляторы, механические психомоделирующие устройства, галлюциногенные препараты и приборы — все это было доведено до совершенства в Хэмптонской исследовательской лаборатории под блестящим руководством тридцатитрехлетнего профессора Ли У. Сьюарда, выдающегося психофизика, одного из самых молодых в области галлюциногенных исследований.

«Для человечества было бы лучше, чтобы я ничем таким не занимался», — устало подумал Сьюард, опускаясь своим истощенным телом в кресло и разглядывая заваленный тетрадами и бумагами стол, за которым работал со времени эксперимента «Восстановление».

Какое удачное название — «Восстановление»! Какие прекрасные идеи оно олицетворяло! Какие великолепные умы занимались его воплощением! Но что-то сразу не заладилось.

Галлюциноматы, первоначально разработанные для лечения всевозможных умственных расстройств — от самых незначительных до очень тяжелых, — являлись дополнением к известным наркотическим препаратам, таким, как СО₂, мескалин и вещества типа ЛСД. Гораздо ранее, чем появились эти вещества, был известен стробоскоп — прибор, создающий в глазах человека мелькание ярко раскрашенных картинок, которое зачастую вызывало эпилепсию или подобные ей расстройства психики. Большой вклад в исследование умственных расстройств сделал Бэрроуз и его последователи, работающие с первыми примитивными галлюциноматами.

Однако, по мере продолжения исследований, во всем мире наблюдался и быстрый рост числа психических заболеваний.

Хэмптоновская лаборатория и другие, аналогичные ей, были созданы для сдерживания этого роста и пытались применить то, что до тех пор считалось почти бесполезным в области галлюциноматики. Сьюард, который со времен окончания университета не устал пропагандировать важность избранной им области, получил свое. Его назначили директором Хэмптон-лаба.

Его сначала принимали за чудака, а о галлюциноматах думали в лучшем случае как об игрушках, в худшем же — как о «безумных машинках», созданных спятившим ученым.

Однако психиатры, специально обученные для работы на этих приборах, оценили их по достоинству, приобретя незаменимых помощников для изучения умственных расстройств. С их помощью психиатр мог вызвать у себя временное состояние умственной ненормальности. В этом случае он мог лучше понять болезнь и помочь своим пациентам. Всеми видами волн — световыми, звуковыми, моделирующими мозговую деятельность и так далее — эти приборы вызывали симптомы десятков основных аномалий и тысяч их разновидностей. Они стали неотъемлемой частью современной психиатрии.

В результате сотни и сотни пациентов, до того практически неизлечимых, полностью выздоровели.

Хотя уровень рождаемости повышался быстрее, чем предсказывалось в середине века, но число психических заболеваний росло гораздо быстрее рождаемости. Можно было вылечить сотни, но лечиться должны были миллионы. Средств для лечения массовых психических заболеваний не существовало.

Пока не существовало.

Работа в Хэмптонлабе превратилась в бешеную гонку на опережение роста заболеваемости. Никто не мог позволить себе спать спокойно, когда в огромном внешнем мире отдельные жертвы умственных болезней объединялись в группы маньяков — человечество уже забыло это устаревшее слово и теперь опять его применяет.

Перенаселенный, издерганный, свихнувшийся мир.

Конечно, большинство сходило с ума постепенно и до определенных пределов, но те, кто отдавался безумию до конца, представляли собой колоссальную проблему для окружающих.

Правительства были вынуждены восстановить суровые законы прошлого, чтобы противостоять угрозе анархии. По всему миру тюрьмы, больницы, психиатрические клиники, другие учреждения стали превращаться в дома сумасшедших. Но это едва ли решало проблему. Похоже, если бы рост заболеваемости продолжался прежними темпами, нормальные люди могли бы оказаться в меньшинстве.

Мрачная волна безумия, гораздо страшнее той, которая захлестнула Европу в средние века, грозила навсегда покончить с цивилизацией.

Ученые в Хэмптонлабе работали на износ — и вскоре начали постепенно сдавать. Но переутомленным людям, слишком занятым своими экспериментами, заметить это было трудно.

Только Ли Сьюард с небольшой группой ассистентов, применяя стимуляторы и успокоительные вещества, еще продолжали держаться.

Размышляя над этим теперь, Сьюард пришел к выводу, что они тоже постепенно сходили с ума и оставались хладнокровными и дееспособными отнюдь не более других. Они только казались такими. Похоже, что лекарства вводили всех в заблуждение.

На самом деле они были захвачены паникой, хотя ее признаки и подавлялись хорошо развитым интеллектом.

Совершенствование стимулирующих устройств значительно опережало работу над транквилизирующими — успокаивающими

ми — приборами. Так получалось потому, что нужно было сначала хорошо изучить причины психических аномалий, прежде чем начинать разрабатывать приборы для их лечения.

Вскоре стало ясно, что мир сойдет с ума задолго до того, как удастся усовершенствовать транквиломаты. И не было никакой возможности ускорить исследования.

Сьюард был первым, кто сказал об этом вслух. Он хорошо помнил свои слова.

— Господа, как вы знаете, наша работа над галлюциноматами, предназначенными для полного *излечения* умственных расстройств, продвигается слишком медленно. Очевидно, мы не сможем в ближайшем будущем усовершенствовать эти приборы. Поэтому у меня есть альтернативное предложение.

Этой альтернативой был эксперимент «Восстановление». Теперь Сьюард понял, что то название было скорее эвфемизмом, его следовало бы окрестить «Отвлекающим ударом». Уже существующие галлюциноматы должны были быть установлены повсеместно и применяться при *пассивных* расстройствах у большей части населения. Национальные правительства и Всемирный Совет объединились для совместных действий. Приборы были тайно установлены в ключевых точках земного шара.

Они начали «посылать» депрессивные симптомы различных заболеваний. Это срабатывало. Люди становились вялыми, пассивными, многие впадали в кататоническое состояние. Огромное число тех, кто был склонен к меланхолии, маниакальной депрессии, некоторым видам шизофрении, становились самоубийцами. Реки были забиты трупами утонувших, дороги залиты кровью бросающихся под машины. Каждый раз, когда в небе появлялся самолет или ракетоплан, все ждали, что по крайней мере одно тело упадет на землю. Часто все пассажиры погибали из-за самоубийства капитана, водителя или пилота.

Даже Сьюард не ожидал подобного размаха самоубийств и был, как и его команда, потрясен.

Не ожидали такого поворота событий и Всемирный Совет, и национальные правительства. Они приказали команде Сьюарда отключить свои машины и, насколько возможно, компенсировать нанесенный ущерб.

Сьюард предупредил о возможных последствиях такого шага, но от него отмахнулись. На конфискованных приборах стали работать плохо обученные операторы, рекомендованные Всемирным Советом. Это была одна из последних разумных акций

Всемирного Совета. Последний — хотя и неверно рассчитанный — шаг, предпринятый человечеством.

Настоящая катастрофа разразилась тогда, когда необразованные операторы включили галлюциноматы на полную мощность. Сьюард так и не смог выяснить, были ли они просто идиотами от рождения либо сошли с ума недавно. Большинство из них было уничтожено бандами психопатов-убийц, совершавших над жертвами свои ужасные ритуалы. Что, по-видимому, отражало либо доисторические нравы, либо безумную жизнь южноамериканских цивилизаций до прихода испанцев.

Хаос воцарился быстро — тот самый хаос, что существовал и поныне.

Сьюард с тремя ассистентами защитились единственным доступным для них способом, построив на крыше лаборатории стробоскопические башни. Это спасало от толпы, но не от мук совести. Один за другим его ассистенты покончили с собой.

Поддерживая свое существование все более сильнодействующими наркотиками, профессор еще сохранял рассудок. Да и то, как иронически считал он, лишь относительно здравый.

На столе лежал шприц для подкожных инъекций, рядом находился небольшой флакон с меткой «МА-19» — мескалин-андренол-19. Это был наркотик, испытанный до сих пор только на животных. Но другие средства, которыми он пользовался, либо кончились, либо давали уже слабый эффект. «МА-19» был его последней надеждой на то, что он сможет продолжить работу над усовершенствованием транквиломатов и таким образом исправить свою ошибку.

Протянув руку к шприцу, он цинично подумал, что если оглянуться назад, то мир лишился рассудка задолго до того, как у него родилась идея эксперимента «Восстановление». Само решение о его проведении было еще одним симптомом мирового безумия. Рано или поздно что-нибудь вроде этого все равно произошло бы, естественным путем или искусственно. В сущности, его вины в этом не было. Это был рок.

Однако логика не спасала. С дееспособной группой он мог бы, к настоящему времени, по крайней мере сконструировать несколько опытных транквиломатов.

«Придется теперь делать одному», — думал он, закатав штанину в поисках подходящей вены и, найдя в серой плоти синюю прожилку, вонзил в нее иглу. Затем, откинувшись в кресле, стал ждать последствий. Он давно уже перестал смазывать место укола обезболивающим средством.

Последствия наступили внезапно и были ошеломительными.

Мозг и тело взорвались смесью экстаза и боли, нахлынувших на них волной. Мелькали, сменяясь густой чернотой, полосы тусклого света. Его крутило чертово колесо чувств и эмоций, он скользил по бесконечному склону обсидиановой скалы, окутанной зелеными, алыми, желтыми, черными облаками. Скала исчезла, но он продолжал падать.

Потом он почувствовал запах болезни и разложения, тоже вскоре исчезнувший насовсем. Он уже стоял на ногах.

Мир фосфоресцирующих золотых шаров, тихо плывущих в темной ночи. Зеленые, синие, красные вспышки. Медленно вращающиеся Башни. Вращение ускоряется... вращение замедляется.... Ускоряется... Замедляется... Исчезло совсем.

Мерцающий мир светящихся капелек, оседающих в бездонное Нечто — без времени и без пространства. Пространство Страдания. Пространство Вражды. Пространство Вины.

Вины... вины... вины...

Мир отвратительных превращений.

Сердце дико стучало, отдаваясь глухими взрывами в голове, пока «МА-19» полз вверх вдоль бесконечного позвоночника. Вот он проник в затылочную часть мозга... в среднюю... в лобную...

Взрыв всех центров!

Не-разум... Ни-кто... Ни-где...

Унеслись прочь с его глаз, в пространство тьмы, танцующие волны света. Все умирало: клетки, мышцы, нервы, синапсы — все распадалось и разрушалось, увлекая за собой обрывки меркнувшего света...

Яркие ракеты разом прочертили небо, рассыпав разноцветные шарики света — шары на рождественской елке... на огромной елке... медленно опускающиеся на землю...

Прямо перед ним возникло громадное строение из больших блоков желтоватого гранита, смахивающее на крепость. Черный туман клубился вокруг, укрывая пустынную ночную местность без горизонта.

Это не было похоже на обычную галлюцинацию. Под ногами чувствовалась почва, в лицо дул теплый ветер, ощущались полузнакомые запахи. Он не сомневался, что попал в другой мир.

Но откуда тот взялся? Как оказался здесь?

Кто перенес его сюда?

Вполне возможно, что ответ мог находиться в этой крепости, и Сьюард пошел к ней. Сила тяжести здесь, похоже, была

поменьше, потому что идти было легче, чем обычно, и вскоре он уже стоял перед огромной зеленой металлической дверью. Он постучал в нее кулаком.

Эхо прокатилось по бесчисленным коридорам и замерло в глубине крепости.

Сьюард подождал немного, и дверь медленно отворилась.

Человек, невероятно похожий на Смеющегося Кавалера с известной картины¹, что наверняка скопировал с него и свою бороду, и одежду, слегка поклонился и сказал:

— Добро пожаловать домой, профессор Сьюард. Мы ждали вас.

Кавалер посторонился, пропуская его в темный коридор.

— Ждали меня? — переспросил Сьюард. — Почему?

— Это не мое дело — объяснять, — добродушно заметил Кавалер. — Идемте.

Они открывали несметное число каких-то дверей, шли по несметным количествам коридоров.

Эта запутанная система коридоров показалась Сьюарду знакомой. Он ощущал беспокойство, но любопытство пересиливало страх, и он охотно следовал за Смеющимся Кавалером, уводящим его все глубже и глубже в крепость. Наконец они пришли.

Кавалер уверенно постучал в какую-то дверь, но сказал чрезвычайно почтительно:

— Профессор Сьюард прибыл, сэр.

Из-за двери послышался мягкий голос:

— Хорошо, пусть войдет.

Дверь так медленно открывалась, что Сьюарду показалось, что он смотрит фильм с замедленной скоростью. Когда же она раскрылась достаточно широко, он шагнул в комнату. Кавалер остался снаружи.

Только сейчас Сьюарду пришло в голову, что все это жутко напоминает некое психиатрическое заведение: и крепостной вид здания, и человек, наряженный Смеющимся Кавалером. Но, если это так, как он-то сюда попал? Неужели его окончательно свалила болезнь и за ним кто-то пришел и поместил его сюда, потому что в мире опять восстановился порядок? Нет, это чересчур маловероятно.

Комната, в которой он очутился, была выдержана в темных, насыщенных тонах. Большая часть была скрыта атласными ширмами и драпировками; потолка не было видно, как, впро-

¹ Возможно, Уильям Хогарт. Серия полотен на темы жизни сельмож.

чем, не было видно и источника весьма тусклого освещения. В центре возвышался помост, приподнятый примерно на фут от пола, на котором находилось старинное кресло.

В кресле восседал обнаженный, с бледной голубоватой кожей, мужчина.

Он встал и, чарующе улыбаясь, направился к Сьюарду, вытянув вперед правую руку.

— Так рад вас видеть, старина! — с чувством произнес он.

Ошеломленный профессор пожал его ладонь и тут же почувствовал в своей руке покалывание, как от слабого электрического тока.

Мужчина был невысок — чуть выше пяти футов. Его брови сходились у переносицы, а блестящие черные волосы образовывали на лбу острый клин.

И еще. У него не было пупка.

— Я рад, что вы смогли приехать, Сьюард, — сказал он, возвращаясь на свое возвышение. Он опять уселся в кресло, подпер ладонью голову и поставив локоть на ручку кресла.

Сьюарду не хотелось показаться невежливым, но он терялся в догадках и нервничал.

— Я не знаю, где я, — сказал он. — Не знаю, как сюда попал, разве что...

— А, да, тот препарат. «МА-19», не так ли? Он, без сомнения, помог. Мы целую вечность пытались войти с вами в контакт, старина.

— У меня там дело, которое я должен довершить! — запальчиво сказал профессор. — Извините, но мне как можно скорее надо вернуться обратно. Что вы хотите от меня?

Человек без Пупка вздохнул:

— Я тоже сожалею, Сьюард, но мы пока не можем позволить вам вернуться. Я хотел бы просить вас об одном... одолжении. Поэтому мы и надеялись, что вы придете.

— В чем состоит ваша проблема? — Чувство нереальности происходящего, и так не слишком подавлявшее его, поскольку этот причудливый мир казался ему знакомым, ослабевало. Если он сможет помочь этому человеку и вернуться, чтобы продолжить свои исследования, он сделает это.

— Ну, — улыбнулся Человек без Пупка, — на самом деле это в не меньшей степени и ваша проблема. Видите ли, — он застенчиво пожал плечами, — мы хотим, чтобы ваш мир был уничтожен.

— Что?! — Наконец что-то стало проясняться. Этот человек и его раса принадлежали другому миру — в пространстве ли, во времени или вовсе в другом измерении — они были врагами Земли! — Вы не можете ждать от меня помощи в этом деле! — Сьюард рассмеялся. — Вы, конечно, шутите.

Человек без Пупка покачал головой и вполне серьезно сказал:

— Боюсь, старина, что нет.

— Так вот зачем я вам здесь нужен — вы увидели на Земле хаос и хотите этим воспользоваться, хотите, чтобы я стал... пятой колонной.

— О, вы помните это древнее выражение? Да, полагаю, я именно это имею в виду. Я хочу, чтобы вы были нашим агентом. Эти ваши машины можно переделать так, чтобы оставшихся в живых посильнее сравить друг с другом. Ну, как?

— Вы, должно быть, недалекий человек, если на это рассчитываете, — устало ответил Сьюард. — Ничем не могу вам помочь. Я пытаюсь помочь *им*.

Неужели он здесь навсегда?!

— Вы должны позволить мне вернуться назад, — произнес умоляюще Сьюард.

— Не так-то это и легко, старина. Я и мои друзья хотим проникнуть в ваш мир, но не можем. До тех пор, пока запущенные вами машины для уничтожения сошедшего с ума мира не уничтожат сами себя — ясно?

— Разумеется, — отозвался профессор. — Но я не буду в этом участвовать!

И опять Человек без Пупка кротко улыбнулся:

— Вы не слишком долго будете упорствовать, старина.

— Напрасно надеетесь! — вызывающе сказал Сьюард. — У меня было много возможностей сдать, но я этого не сделал!

— Да, но вы забыли о новом факторе, Сьюард.

— Что еще?

— «МА-19».

— Что вы имеете в виду?

— Узнаете, и очень скоро...

— Послушайте, мне надо отсюда выбраться. Вы не должны меня задерживать — в этом нет никакого смысла. Я все равно не соглашусь с вами. В конце концов, где находится ваш мир?!

— Только от вас зависит, узнаете ли вы это, старина. — В его голосе послышалась насмешка. — Очень многое зависит исключительно от вас, Сьюард.

— Понятно...

Человек без Пупка вскинул голову и властно позвал:

— Брат Себастьян, вы не заняты? — Он посмотрел на Сьюарда с иронической усмешкой. — Может быть, брат Себастьян сумеет вам помочь.

Драпировка у противоположной стены комнаты зашевелилась, и из-за ширмы с изображением загадочной, сюрреалистической сцены явилась высокая фигура в сутане, лицо скрыто тенью, руки упрятаны в рукава. Монах.

— Я здесь, сэр, — зловеще произнес он.

— Брат Себастьян, профессор Сьюард не готов выполнить наши требования, как мы надеялись. Не можете ли вы как-нибудь повлиять на него?

— Все возможно, сэр. — В его голосе послышалось сдержанное ликование.

— Вот и прекрасно. Профессор Сьюард, не хотите ли пройти с братом Себастьяном?

— Нет. — Ему пришло в голову, что кроме той двери, через которую он вошел, и той, откуда появился монах, есть и другие.

— Нет, — повторил он, повысив голос. — Какое вы имеете право?

— Право? Станный вопрос. — Монах утробно рассмеялся, будто кусочки льда посыпались в холодный стакан.

— Да, право! Несомненно, что вы здесь как-то организованы, у вас есть правитель — или правительство. Я требую, чтобы меня доставили к кому-нибудь из власть имущих.

— Но, старина, здесь я у власти, — промурлыкал голубокожий. — И, в некотором смысле, и вы тоже. Если бы вы согласились с моим предложением, то смогли бы получить огромную власть. Невероятную!

— Я не желаю это больше обсуждать.

Сьюард сделал шаг в сторону настенной драпировки. Странная пара спокойно наблюдала за ним. Лицо монаха скрывалось в тени, на губах Человека без Пупка застыла презрительная улыбка. Профессор зашел за ширму, раздвинул занавеси... по другую сторону стояли *они*. Он прошел сквозь драпировку. Похоже, это был какой-то тщательно продуманный трюк, иллюзия — специально для того, чтобы сбить его с толку. С такими присамами он был знаком, хотя и не мог понять, как они устроили этот фокус. Он сказал:

— Придумано забавно, но я не передумал.

— О чем это вы, старина Сьюард? Итак, я хочу, чтобы вы сопровождали брата Себастьяна. У меня очень много работы.

— Хорошо, — сказал профессор. Хорошо, я пойду. — В конце концов, всегда найдется возможность для бегства, куда бы его ни повел брат Себастьян.

Монах повернулся и пошел, Сьюард последовал за ним. Проходя мимо помоста с нелепым кожаным тронem он даже не взглянул на Человека без Пупка.

Они протиснулись в узенькую дверцу за занавесью и снова оказались в лабиринте коридоров. Высокий монах, — теперь, очутившись с ним рядом, Сьюард оценил его рост примерно в шесть футов и семь дюймов — казалось, быстро плыл впереди него. Сьюард стал понемногу отставать. Монах не оглядывался, и профессор еще больше замедлил шаг. Похоже, брат Себастьян ничего не заметил.

Сьюард резко повернулся и побежал.

Он надеялся, что сможет отыскать выход из крепости, прежде чем кто-нибудь его обнаружит, поскольку пока им еще никто не встретился. Позади не было слышно никаких криков.

Пока он бежал, в коридорах становилось все темнее, и вот уже он несея в кромешной тьме, задыхаясь и обливаясь потом. Он бежал, касаясь руками сырых стен, и постепенно его охватывала паника.

Наконец ему стало ясно, что это бег по кругу. Круг постепенно сужался, и вскоре Сьюард начал вертеться почти на одном месте, как волчок. Он остановился.

Очевидно, что они могут перемещать стены коридоров и следить за его передвижением — с помощью скрытых телекамер или чего-нибудь вроде того. Отсутствие видимых признаков развитой технологии, вовсе не означало, что у них ее нет. Она несомненно существовала, иначе каким же образом он попал сюда?

Он осторожно шагнул вперед. Кажется, стены отступили назад? Нет, не похоже... Все это смутно напомнило ему «Западню и маятник»¹.

Сделав еще несколько шагов, он увидел впереди свет, пошел на него и через некоторое время оказался в слабоосвещенном коридоре.

Монах его ждал.

— Мы потеряли друг друга, профессор Сьюард. Вижу, что вам удалось меня опередить.

Лицо монаха было скрыто сутаной, а голос звучал насмешливо и зло.

¹ Эдгар По.

— Мы почти пришли, — сказал он.

Сьюард попытался было подойти к нему поближе и заглянуть в лицо, но монах быстро проскочил мимо него.

— За мной, пожалуйста.

Профессор решил до поры до времени следовать за ним, пока не сможет понять, как устроена крепость.

Они подошли к массивной, обитой железом двери, совершенно не похожей на другие.

За ней была камера с низким потолком. Было неимоверно жарко, в неподвижном воздухе висел дым. Он тянулся от раскаленной жаровни, находящейся в самом дальнем углу камеры. Рядом с ней стояли двое мужчин.

Один — худой, с длинными, тонкими руками, сложенными на огромном, выпирающем животе, с косматой гривой грязно-серых волос, впалыми щеками и чрезвычайно длинным и тонким носом над казавшимся беззубым ртом. Сжатые губы кривились в бессмысленной ухмылке — так улыбался один сумасшедший, с которым Сьюарду однажды привелось делать опыты. Довершала все заляпанная белая куртка, плотно прилегающая к его гротескному брюху, и свободные, цвета хаки брюки.

Второй был тоже тощ и долговяз, но не так пузат, как его приятель. Редкие черные, засаленные волосы обрамляли его костистый череп со скорбным ликом блаххаунда. Он уставился на жаровню и, когда брат Себастьян вошел в камеру в сопровождении Сьюарда и закрыл дверь, даже не поднял головы.

Тощий и пузатый выступил вперед, держа сцепленные руки на брюхе, и поклонился.

— Работа для нас, брат Себастьян? — спросил он, кивнув в сторону Сьюарда.

— Нам необходимо получить совершенно недвусмысленное «да», — сказал брат Себастьян. — Вы должны просто задавать вопрос: «Вы согласны?» Если он ответит «нет», можете продолжать. Если ответит «да» — прекращаете и немедленно сообщаете мне.

— Хорошо, брат. Положитесь на нас.

— Надеюсь на это. — Монах довольно хихикнул. — Теперь, профессор, вы будете на попечении этих людей. Если в конце концов, решите, что поможете нам, вам следует только сказать «да». Вам все понятно?

Ужас охватил Сьюарда: он понял, что это за место...

— Но послушайте, — начал он, — вы ведь не можете...

Он схватил монаха, возившегося с дверью, за плечо. Казалось, что он сжал что-то очень хрупкое, птичье...

— Эй! Да ты, похоже, вовсе и не человек! Кто ты?

— Человек или мышь, — хихикнул монах, в то время как оба гротескных существа внезапно кинулись и живо заломили Сьюарду руки за спину. И как бы он ни лягался и ни извивался, но вырваться из стальной хватки было невозможно. Только и смог выкрикнуть что-то бессвязное вслед закрывшему дверь быстрым движением монаху.

Профессора грубо швырнули на вонючий каменный пол. Он перевернулся и сел. Оба типа стояли рядом. Тот, с собачьим лицом, сложил руки на груди, а второй опять держал свои длинные ладони на брюхе. Похоже, они там покоились всегда, куда не были нужны своему хозяину. Пузатый криво ухмылялся, не разжимая рта, наклонив вперед голову.

— Ну, что думаете *вы*, мистер Морл? — спросил он у компаньона.

— Не знаю, мистер Хэнд. Сначала вы. — Собачьелицкий изъяснялся тихим, грустным голосом.

— Я бы предложил процедуру «Простая-Н». И нам работы меньше, да и метод надежный, проверенный. Хорошо проходит в большинстве случаев. Годится и для этого джентльмена.

Сьюард вскочил на ноги и попытался прорваться к двери. Но его опять опытным движением перехватили и вернули обратно. Он ощутил грубое прикосновение веревки и боль на запястьях от затягиваемого узла. И закричал — не столько от боли, сколько от страха и ярости.

Его собирались пытать. Он это понял.

Той же веревкой ему связали руки и ноги, туго стянув икры и бедра. На конце они соорудили петлю и затянули у него на шее, и чтобы не задохнуться, ему пришлось сложиться почти вдвое.

Затем его посадили на стул.

Мистер Хэнд наконец снял руки с живота и повернул над головой Сьюарда кран. Минут через пять первая капля воды упала точно на темя профессорское.

Через двадцать семь капель Сьюард впал в бред и начал кричать, он пытался убрать голову, но всякий раз петля душила его, не давая это сделать, да и весельчак мистер Хэнд совместно со скорбным мистером Морлом мешали ему...

Тридцатью каплями позже у Сьюарда застучало в мозгу, и он с изумлением обнаружил, что камера исчезла.

А прямо на него неслась огромная комета, огненный шар, заполнивший все небо. Он отшатнулся назад — и оказался свободен, на руках и ногах веревок уже не было.

Он бросился бежать... взмыл в воздух... завис в нем... поплыл по нему...

Экстаз захватил его, взбежав по позвоночнику вверх, как мерцающий огонек, тронул затылочную часть мозга... среднюю... лобную...

Взрыв всех центров!

Он один из цветов в клумбе, среди других таких же, колеблемых ветром, люпинов и роз. Он выдернул из земли свои корни и пошел.

Вошел в зал управления лаборатории.

Все было, как раньше, и находилось именно в том виде, в каком он и оставил. Разве что сила тяжести казалась чуть больше обычного.

Оказывается, он оставил Башни вращающимися. Сьюард прошел в комнату, которой пользовался как спальней и кабинетом, и, раздвинув шторы, выглянул на улицу. Над развалинами Хэмптона, в бездонном ясном небе, висела громадная полная луна, отраженная в море. Несколько тел ничком лежали неподалеку. Он вернулся в зал управления и выключил Башни.

В спальне Сьюард увидел, что его записи, лежащие на картонном столике, никем не потревожены. Рядом с потрепанной тетрадью аккуратно лежала полупустая ампула с «МА-19» и шприц. Он бросил ее в угол. Ампула не разбилась, лишь несколько секунд катилась по полу.

Он присел; его ломало.

Последние записи были посвящены транквиломатам. Он записывал все, что приходило ему в голову по этому поводу, это помогало собраться с мыслями и оберегало напичканный наркотиками мозг гораздо лучше, чем если бы он полагался исключительно на память.

Он посмотрел на свои запястья. На них были следы от веревки. Очевидно, переход из другого мира в его собственный означал утрату всего того, что принадлежало тому миру. Это обрадовало его, поскольку в противном случае ему бы пришлось проделать адскую работу, чтобы освободиться от веревок. Он содрогнулся, представив, что толпа могла бы добраться до лаборатории раньше, чем он смог бы развязаться.

Он изо всех сил старался выкинуть из головы переполнявшие его вопросы. Где он побывал? Кто эти люди? Что им на

самом деле было нужно? Насколько они могут его контролировать? Каким образом «МА-19» переносит в другой мир? Могут ли они добраться до него здесь?

Он решил, что не могут, иначе попытались бы сделать это и раньше. Каким-то образом этот наркотик позволил им захватить его. Ну что ж, тогда все просто, и больше ни капли «МА-19»!

С чувством облегчения Сьюард заставил себя сосредоточиться на бумагах.

Похоже, из этого хаоса начинало что-то вырисовываться, но работать надо было очень быстро, гораздо быстрее, чем раньше, потому что он уже не решится использовать «МА-19», а ничего более подходящего не оставалось.

Он снова углубился в свои записи и проработал два часа, выводя какие-то уравнения, что-то пометая, то и дело сверяясь с предыдущими записями, сложенными кипой у стены рядом с походной кроватью.

Занимался рассвет. Сьюард почувствовал страшную жажду. В горле пересохло, губы стали сухими. Он встал, почувствовав в ногах слабость, и пошатнулся, чуть не опрокинув стул. С большим усилием он, опираясь на кровать, доплелся до умывальника. Он наполнился из резервуара под крышей, и Сьюард им пользовался редко. На этот раз ему было все равно: он наклонился к крану и жадно хлебнул несвежей воды. Но это не помогло. Казалось, все тело ооченело, кожа натянулась, сердце тяжело билось о ребра. У него раскалывалась от боли голова, дыхание резко участилось.

Он дотопился до кровати и лег, надеясь, что все скоро пройдет. Но стало еще хуже. Надо было лечиться.

«Чем?» — спросил он самого себя.

«МА-19», — ответ был слишком очевиден.

«НЕТ!»

Да, да, да! Все, что ему было нужно, это малюсенькая доза наркотика — и он будет в порядке. Он это знал точно.

Но кроме этого он понял и еще кое-что: что попался.

Этот наркотик вызывал привыкание.

3

Он отыскал под кроватью полупустую ампулу, нашел на столе иглу, погребенную под горой бумаг и, нащупав на предплечье вену, впрыснул полный шприц. В движениях Сьюарда не было

никакой осмысленности, только страстное желание удовлетворить желание.

«МА-19» начал медленно разливаться по его венам, подниматься вдоль позвоночника... и ударил в мозг могучим взрывом!

...он шел сквозь фосфоресцирующий дождь, прыгая по громадным пурпурным камням, манящим к себе его ноги, тянувшим их вниз. Все было в агонии, в мерзком, ужасном Настоящем.

Ни времени, ни пространства, только пульсирующий откуда-то сверху голос. Он обращался к профессору:

— Рок, Сьюард. Рок, Сьюард. Рок, Сьюард.

— Сьюард обречен! — захохотало сверху. — Сьюарда надули!

Башни ускоряются. Башни замедляются. Башни вращаются с обычной скоростью.

Карнавальное Действо. Взорвать Все Карнавалы!

Вверх, в затылочную часть мозга... в среднюю... в лобную...

Взрыв всех центров!

Он снова был в камере пыток, но стоял на ногах. В углу у камина оба типа шушукались друг с другом. Мистер Хэнд метнул в него злобный взгляд и оскалился.

— Привет, Сьюард, — произнес за его спиной Человек без Пупка. — Вот вы и вернулись назад.

— Назад, — с усилием произнес профессор. — Что вы еще хотите?

— Всего-навсего ваше Все, старина. Я помню время в Дартфорде, перед войной...

— Перед какой войной?

— Перед *вашей*, Сьюард. Вы были слишком молоды, чтобы участвовать в какой-нибудь еще. Вы не помните *ту* войну. Вас тогда еще не было на свете. Оставьте ее тем, кто *помнит*, Сьюард.

— Моя война? — Сьюард повернулся к Человеку без Пупка, глядя с отвращением в его теплые и темные, светлые и холодные, добрые и злые глаза, на его небольшое, хорошо сложенное тело.

Человек без Пупка усмехнулся:

— Тогда *наша* война, старина. Я не буду играть в слова.

— Это вы заставили меня это сделать! Каким-то способом заставили придумать эксперимент «Восстановление»!

— Я сказал, мы не будем играть словами, Сьюард, — сказал человек властно. Затем добавил чуть мягче: — Я помню Дартфорд перед войной, вы сидите в кресле — весьма похожем на мое — в доме вашего зятя. Помните, что вы тогда говорили, старина?

Сьюард хорошо помнил.

— «Если бы, — процитировал он себя, — если бы я мог нажать на кнопку и уничтожить всю вселенную и себя вместе с ней, я бы это сделал. По единственной причине: от скуки».

— Прекрасно, Сьюард. У вас превосходная память.

— И это все, к чему вы прицепились? К тому, что сказано в порыве обиды, потому что никто не признавал моих работ? — Он помолчал, о чем-то размышляя, и горько заметил: — Вы ведь все обо мне знаете, не так ли?

Похоже, не было ничего, о чем бы не знал этот человек. В свою очередь, Сьюард ровным счетом ничего не знал о его безумном, причудливом мире контрастов.

— Но *как* вы все это узнали?

— Внутренняя информация, старина Сьюард.

— Вы сумасшедший!

Человек без Пупка решил вернуться к прежней теме.

— Вы скучаете, Сьюард?

— Скучаю? Нет. Но я устал, это да.

— Нет, скучаю — да, устал... Прекрасно, Сьюард. Вы появились здесь позже, чем ожидалось. Что вас задержало? — Он улыбался.

— Я сам себя задержал. Не принимал «МА-19», пока мог.

— Но в конце концов пришли к нам, а? Отлично, Сьюард!

— Вы знали, что «МА-19» вызывает привыкание? Вы знали, что я вынужден буду применить его и вернусь сюда?

— Естественно.

Сьюард взмолился:

— Ради Бога, отпустите меня! Вы заставили меня... заставили...

— Ваша самая заветная мечта осуществилась. Разве, профессор, не этого вы хотели? Разве я заставлял вас уничтожить мир?

— Так, значит, вы действительно как-то *повлияли* на эксперимент «Восстановление»!

— Возможно. Но, во всяком случае, он у вас не очень-то хорошо удался. Ваш мир — сплошная бойня. И нельзя повернуть назад. Добейте его. Начнем все с нуля, Сьюард. Бросьте ваши опыты с транквиломатами и помогите нам.

— Нет!

Человек без Пупка пожал плечами:

— Посмотрим, старина. — Он взглянул на двух типов в углу. — Морл, Хэнд, отведите профессора Сьюарда в его комнату. На этот раз я не хочу ошибиться. Я забираю его у вас. Похоже, надо будет подключить к этому делу побольше мозгов.

Сьюарда опять схватили стальные ланы, Человек без Пупка открыл дверь, и все вышли из камеры.

На этот раз он был слишком деморализован, чтобы оказать сильное сопротивление. И все — из-за этого «МА-19»! Как наркоманы называют это? Привыкание? У него появилось *привыкание*.

Деморализован — невозможностью определить местонахождение и природу мира, в котором находился; этим Человеком без Пупка, который знает все о его частной жизни на Земле, тем, что попал в ловушку, подстроенную им. Кто разработал «МА-19»? Он не мог вспомнить. Может быть, это тоже подбросил его мучитель? Вполне вероятно.

Его опять провели по бесконечным коридорам до очередной двери. Шедший вслед за ними Человек без Пупка открыл дверь.

Сьюарда впихнули в длинную и узкую, как гроб, комнату.

— Мы скоро пришлем кого-нибудь присмотреть за вами, Сьюард, — весело сообщил человек. Дверь захлопнулась.

Профессор остался лежать в крошечной темноте. Он был близок к истерике.

Снаружи послышался какой-то шум, затем осторожные, крадущиеся шаги. Его передернуло: какая пытка будет на этот раз?

Он услышал скрип и приглушенное позвякивание, дверь приоткрылась. В проникающем из коридора свете Сьюард разглядел крупного, толстого негра в сером костюме, с галстуком всех цветов радуги. Он с ухмылкой оглядывал профессора.

Почему-то профессору негр понравился, хотя он решил больше не доверять инстинкту.

— Что вам нужно? — подозрительно спросил он.

Черный великан приложил палец к губам.

— Ш-ш-ш! — шепнул он. — Я хочу попытаться вызволить тебя отсюда.

— Старо как день! В моем мире так поступает тайная полиция, — сказал затворник. — Я не клюну на ее уловки.

— Это не уловка, сынок. А если даже и так, то что ты теряешь?

— Ничего. — Сьюард покорно поднялся на ноги.

Великан обнял его одной рукой за плечи, и Сьюард, которому никогда не нравились подобные жесты, почувствовал себя уютно в этих объятиях.

— Теперь, сынок, идем тихо-тихо, и чем быстрее, тем лучше. Пошли!

Великан стал бесшумно красться по коридору, хотя Сьюард не сомневался, что телекамеры, или что там еще, пристально

следят за ними. И Человек без Пупка, монах, пара палачей, Смеющийся Кавалер — все они где-то притаились, чтобы их схватить.

Однако негр беспрепятственно добрался до маленькой деревянной двери и отодвинул засов. Придерживая ее, он хлопнул Сьюарда по плечу:

— Нырйя, сынок! Двигай к красной машине.

Было утро. Золотистое солнце, царившее в небе, было вдвое больше земного. Огромное пространство, похоже заполненное одними только безжизненными камнями, нарушалось лишь входящей вдаль белой дорогой.

Огненно-красная машина с номерным знаком YOU 000, напоминавшая кадиллак, оказалась на дороге совсем рядом со Сьюардом. Кто бы ни были эти люди, решил он, они несомненно с Земли. За исключением, разве что, Человека без Пупка. Вероятно, это — его мир, а остальные, как и сам профессор, доставлены сюда с Земли.

Воздух был свеж и холоден. Сьюард подошел к машине с откидным верхом и огляделся. Откуда-то из камней появился бегущий негр; он стремительно обогнул машину и рывком завалился на место водителя. Сьюард уселся рядом.

Негр врубил зажигание, включил передачу и ударил по педали акселератора. Машина сорвалась с места и за считанные секунды набрала предельную скорость.

— Рад, что все прошло гладко, сынок, — сказал темнокожий водитель, явно немного расслабившись. — Не ожидал, что все окажется так просто! Ты ведь Сьюард, не так ли?

— Да. Но вы, похоже, информированы не хуже других.

— Надеюсь. — Негр достал из кармана рубашки пачку сигарет. — Куришь?

— Нет, спасибо, — ответил Сьюард. — Этой привычки у меня нет.

Негр оглянулся через плечо на казавшуюся бесконечной каменистую пустыню, скрывавшую в своих объятиях крепость. Он выбил щелчком из пачки сигарету и бросил ее в зубы. Затем вытащил автомобильную зажигалку, поднес к сигарете, затянулся и кипнул зажигалку на место.

— Они хотели использовать Вампира, — сказал он, не вынимая сигареты изо рта. — Тебе повезло, что я успел.

— Похоже на то, — согласился Сьюард. — А кто вы? Какова ваша роль?

— Я — Фарлоу. Скажем так, твой друг и враг твоих врагов.

— Что ж, я верю вам, Фарлоу, хотя Бог знает, почему.

Фарлоу ухмыльнулся:

— Почему? Я тоже не желаю, чтобы твой мир был разрушен. Думаю, что если есть хоть один шанс спасти его, ты должен попробовать. Хоть это и не имеет большого значения.

— Так вы со мной из одного мира, так?

— Можно сказать и так, — ответил Фарлоу.

Прошло много времени, каменистый пейзаж сменился симпатичным сельским ландшафтом с полями, на которых мирно паслись кони, стада коров и овец, с большими деревьями и маленькими домиками под бескрайним голубым небом. Это напомнило Сьюарду детство — чистый, свежий, ясный мир, который может видеть только ребенок, прежде чем он затмевается впечатлениями взрослой жизни.

Вскоре равнина осталась позади, сменившись невысокими зелеными холмами. Солнце по-прежнему заливало окружающий пейзаж мягким золотистым светом; на бледно-голубом небе не было ни облачка.

Машина плавно неслась вперед, и в компании Фарлоу Сьюард начал понемногу успокаиваться. Пожалуй, он был бы счастлив вполне, если бы не ощущал ежесекундно необходимость вернуться и продолжить работу. Теперь надо было не просто вернуть разум человечеству — нужно было нарушить планы Человека без Пупка, какими бы они ни были.

После продолжительного молчания Сьюард наконец прямо спросил:

— Фарлоу, что мы здесь делаем? Где находится этот мир?

— Не спрашивай меня об этом, сынок, — отозвался невнятно Фарлоу, чье внимание было поглощено дорогой. — Я сам толком ничего не знаю.

— Но вы ведь здесь живете!

— И ты тоже.

Профессору не хватило духу рассказать о наркотике, вместо этого он спросил:

— Вам говорит что-нибудь «МА-19»?

— Нет.

Похоже, Фарлоу попал сюда без помощи наркотика.

— Но ведь вы говорили, что сначала были в моем мире?

— Только в некотором смысле.

Дорога пошла круто вверх, и Фарлоу переключил передачу, поглядывая с высоты на идиллический сельский пейзаж.

Сьюард решил сменить тактику.

— Разве здесь нет правительства? Как эта страна называется? Фарлоу пожал плечами:

— Никакого правительства, просто — местность. Заправляют всем те, из крепости. Их боятся все.

— Хм, не стал бы никого за это упрекать... А кто этот Вампир, о котором вы говорили?

— Он работает на того человека.

— Кто он?

— Как — кто? Вампир, естественно, — удивился негр.

Солнце садилось, и весь мир купался в мягких, золотисто-красных тонах. Машина резво катила по длинному, уходящему вверх склону холма.

— Я везу тебя к друзьям, — сказал Фарлоу. — Там ты будешь в полной безопасности. Может быть, найдем способ вернуть тебя обратно.

Сьюард почувствовал некоторое облегчение: наконец-то появилась хоть какая-то определенность.

Преодолев вершину холма, машина стремительно покатила вниз, а профессор оцепенел от неожиданного, встревожившего его зрелища: громадный красный диск солнца *линия горизонта делила точно пополам*. Это был всего лишь какой-то вид миража — но очень впечатляющий. Сьюард отвернулся и стал молча разглядывать черный дым, плавающий над долиной.

— Далеко еще? — спросил он, когда автомобиль скатился к подножию холма. Ночь стояла темная, безлунная, и фары были включены.

— Боюсь, что не близко, сынок, — откликнулся Фарлоу. — Что, мерзнешь?

— Нет.

— Скоро уже будут первые признаки цивилизации. Не устал?

— Нет, а что?

— Можем остановиться в мотеле либо еще где-нибудь. По крайней мере, поедим.

Впереди показались какие-то огни. Фарлоу притормозил.

— Рискнем, — сказал он.

Когда машина подъехала поближе, стало ясно, что это ряд бензоколонок, за которым высилось длинное одноэтажное строение, на вид деревянное. Фарлоу подъехал к колонкам. Появился человек в комбинезоне, верхняя часть его лица скрывалась под козырьком кепки. Фарлоу вышел из машины, жестом показав Сьюарду сделать то же самое.

— Заправь под завязку и сделай осмотр, — сказал негр, вручая ключи человеку в кепке.

«Все-таки не Земля ли это?» — подумал Сьюард. Например, в будущем или даже в другом пространственно-временном континууме. Это было бы самое правдоподобное объяснение этому странному миру, состоящему из таких повседневных, знакомых вещей и — из невероятных событий в крепости. Если все эти люди имеют связь с его миром, то все становится на свои места. Это объяснило бы, почему у них есть автомобили и заправочные станции и нет, по-видимому, заводов, необходимых для их производства. Может быть, они как-то... *украли их?*

Он пошел вслед за Фарлоу в приземистое здание, увидев через большие окна нечто вроде ресторана. В дальнем конце зала за столами, спиной к вошедшим, сидели несколько человек.

Путешественники уселись на табуретки. Рядом с ними стоял огромный, какой когда-либо видел Сьюард, автомат для игры в кегли. Мелькали цветные огоньки, высвечивая числа, позванивали шарики, хотя никто не играл. У Сьюарда зарябило в глазах, и он отвернулся.

Теперь за стойкой стояла женщина. Большая часть ее лица была укрыта чадрой.

— Что бы ты хотел съесть, сынок? — спросил его Фарлоу.

— О, все, что угодно.

Его спутник заказал сэндвичи и кофе. Когда женщина пошла исполнять заказ, Сьюард тихо спросил:

— Почему она носит эту штуку?

Негр показал на вывеску, которую Сьюард раньше не заметил: «ПОД СЕНЬЮ ГАРЕМА».

— Это для привлечения посетителей, — заметил Фарлоу. — Последнее изобретение.

Сьюард снова посмотрел на игровой автомат. Огоньки погасли, а шары перестали звенеть. А в пространстве над ним — у профессора перехватило дыхание! — появилась пара огромных глаз, без сколько-нибудь видимой телесной оболочки.

Он услышал свое имя, многократно повторенное, звучащее как бы издалека:

— Сьюард. Сьюард. Сьюард. Сьюард...

Совершенно невозможно было определить, откуда исходил звук. Он взглянул на потолок — нет, не оттуда. Голос смолк. Профессор посмотрел на игровой автомат: глаза исчезли. Его опять охватила паника. Он встал.

— Я подожду в машине, Фарлоу.

Тот удивился:

— А что случилось, сынок?

— Ничего... все в порядке... Я подожду в машине.

Негр пожал плечами.

Сьюард окунулся в ночь. Человек в кепке ушел, автомобиль был заправлен. Он открыл дверь и забрался на сиденье.

Что это было? Может, люди из крепости каким-то образом продолжают следить за ним? Объяснение озарило его внезапно — по крайней мере, разом все объяснялось: телепатия! Они, несомненно, телепаты, потому так много о нем знают. Именно таким образом они могли узнать о его мире, не бывая там, и влиять на события, там происходящие. Эти рассуждения его несколько успокоили, хотя если это так, выкрутиться будет не легче. Скорее, наоборот.

Сквозь окно он увидел мощную фигуру Фарлоу, сидящего на табуретке. Прочие посетители все так же показывали ему свои спины. Все-таки что-то в них было знакомое...

Фарлоу поднялся и пошел к выходу. Он вышел на улицу и сел в машину, вручив Сьюарду сандвич.

— Похоже, ты чем-то взволнован, сынок, — заметил он. — Съешь-ка вот это.

Сьюард, хмурясь, взял сандвич; взгляд его был прикован к *тем* спицам.

Между тем Фарлоу быстро завел мотор, и они рванули дальше. Только тогда профессор наконец-то вспомнил, кого они ему наноминали. Он вытянул шею, надеясь взглянуть на них еще раз, но было уже поздно. Посетители были похожи на его умерших ассистентов — тех самых, которые покончили с собой.

Машина с ревом пронесла их мимо каких-то чуть заметных — одни башни и повороты — городков. На улицах, похоже, никого не было. Наступило утро, а конца-краю их странствия не было видно. Сьюард решил, что Фарлоу должен обладать огромным запасом энергии, поскольку не было, видно чтобы он устал. Наверное, он хотел как можно дальше убраться от крепости...

Они дважды останавливались доправить, а негр еще не раз покупал кофе и сандвичи.

К вечеру он сообщил:

— Почти приехали.

Они проезжали симпатичную, весьма напоминающую английскую, деревушку. Впрочем, что-то в ней было не совсем

то, что-то совсем неуловимо чужое. Трудно было только понять, что именно. Фарлоу подрулил к каким-то воротам, за которыми виднелся громадный — видимо, общественный — парк. Он взглянул на солнце.

— Дело сделано, — сообщил он. — Подожди в парке, за тобой придут.

— Вы что, меня покидаете?

— Да. Не думаю, что *им* известно, где ты. Будут, конечно, искать, но сюда не должны совать нос. Вылезай-ка, сынок. Двигай теперь в парк.

— Кого мне там ждать?

— Узнаешь, когда она придет.

— *Она?!*

Профессор выбрался наружу и закрыл дверь. Постоял на дороге, наблюдая, как отъезжает Фарлоу, и приветственно махнул ему рукой. Чувство огромной потери, словно у него отняли последнюю надежду, постепенно завладевало им.

Он повернулся и хмуро зашагал к парку.

4

Дорожка, посыпанная гравием, вилась среди низких оград. Похоже, этот сад, сильно напоминающий Сьюарду обычный земной парк, как и многое другое в этом странном мире, совершенно не соответствовал той деревушке, рядом с которой он находился.

День был похож на обычный зимний день — серый, туманный, когда хрупкие, переплетенные друг с другом скелеты деревьев чернеют на фоне холодного ясного неба. Безмолвие нарушают лишь птицы, с шумом срывающиеся с кустов или деревьев.

Трава, усыпанная листьями. Вечнозеленые растения. Крик воробьев. Павлины, клонющиеся, выгнув шеи, рассыпанный хлеб. Березы, лиственницы, вязы, граукарнии, колышущиеся белые папоротники, похожие на страусовые перья, воткнутые в землю. Огромный древний ствол безымянного дерева с растущим на вершине мягким желтым грибом; своими черными овальными нещерами оно походило на готический утес. На тонких ветвях молодой березы неподвижно сидели сизые и бурые голуби. Павлиний молодец, размером с хороших бройлеров, деловито копался в траве.

Сладостный, ностальгический запах зимы; далекие голоса играющих детей; потерявшаяся черная собака, ищущая хозя-

ина; красный диск солнца на холодном, быстро темнеющем небе. Мягкое, но в то же самое время четкое, убаюкивающее освещение...

Дорожка привела к лестнице из широких каменных ступеней, упиравшейся в беседку, полускрытую высохшими бурыми, черными и желтыми ветками и засыпанную опавшей листвой.

Девушка с длинными светлыми волосами, в белом платье, появившись из беседки, грациозно пробежала по ступенькам. Ступив на дорожку, она остановилась и стала разглядывать Сьюарда. Ей было около семнадцати.

Тишина парка была внезапно нарушена неизвестно откуда взявшимися детьми, которые, хохоча, стали гоняться за павлинами. Несколько мальчиков вскарабкались на ствол гигантского дерева, остальные просто молча наблюдали, как закатывается в холодном воздухе светило; казалось, никто из них не замечал ни Сьюарда, ни девушки.

Сьюард посмотрел на нее. Неужели это она? Девушка улыбнулась, подбежала к нему и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку.

— Привет, Ли.

— Ты ищешь меня?

— Да, давно.

— Это Фарлоу успел предупредить?

Она взяла его за руку.

— Где ты был, Ли?

Он не смог ответить на этот вопрос. Она повела его вверх по ступеням, через беседку. Сквозь переплетенные ветви был виден сад и бассейн.

— Скорее, — поторопила незнакомка. — Посмотрим, что на обед. Мама мечтает познакомиться с тобой.

Он уже не интересовался, откуда эти странные люди знают его имя. Не исключено, что все они против него в сговоре.

За беседкой оказался приличный дом, в несколько этажей, с бело-голубой дверью. Пройдя по дорожке, они вошли в дом. Прихожая сияла от медных плафонов на стенах и полированного темного дерева. Издалека в холл плыл аромат приправ. Девушка прошла вперед и приоткрыла какую-то дверь.

— Мама, это Ли Сьюард. Можно войти?

— Конечно, — отозвался приветливый, с хрипотцой голос.

Они вошли в комнату, и профессор увидел высокую, скорее крупную женщину лет сорока, очень хорошо сохранившуюся, с тонкими чертами лица и насмешливым взглядом. Рукава ее платья были закатаны; она закрыла крышкой кастрюлю на плите.

— Здравствуйте, профессор Сьюард. Мистер Фарлоу рассказывал нам о вас. Слышала, что вы попали в беду?

— Здравствуйте, миссис...

— Называйте меня Марта. А Сэлли вам представилась?

— Ой, нет, — засмеялась Сэлли. — Забыла. Ли, меня зовут Сэлли.

Ее мать притворно нахмурилась.

— Надеюсь, ты называла нашего гостя как положено, по имени? Вы не возражаете, профессор?

— Вовсе нет.

Он подумал, какие они обе привлекательные, каждая по-своему. Юная, полная свежести дочь и умная, приветливая мать. Ему всегда нравилось женское общество, не так, как сейчас. Они удачно дополняли друг друга. И в их присутствии он чувствовал себя легко и безопасно. Теперь он понял, почему Фарлоу, чтобы его спрятать, выбрал именно эту семью. Что бы там ни было на самом деле, *чувствовать* себя он будет в безопасности.

— Обед не заставит себя долго ждать, — говорила тем временем Марта.

— Пахнет чудесно!

— Вероятно, запах лучше, чем вкус, — рассмеялась она. — Идите с Сэлли в гостиную. Сэлли, предложи профессору Сьюарду что-нибудь выпить.

— Зовите меня Ли, — сказал, немного смущаясь, Сьюард. Ему никогда не нравилось его имя, он предпочитал свое второе имя — Уильям, хотя мало кто еще его так называл.

— Идемте, Ли. — Сэлли взяла его за руку и вывела из кухни. — Посмотрим, что там есть.

Они вошли в небольшую, ярко освещенную комнату. Мебель — впрочем, как и весь дом — несла на себе какую-то загадочность, словно была сработана *не людьми*. Словно копируя земную культуру, что не вполне удалось. Сэлли держала его за руку своей теплой, гладкой ручкой. Он отпустил ее ладонь, невольно пожимая ее, когда Сэлли отняла руку, чтобы заняться напитками. Она подарила ему еще одну милую улыбку, и Сьюард почувствовал, что он ее привлекает.

— Чего бы ты хотел? — спросила она.

— О, все равно, — ответил профессор, усаживаясь на уютный диван. Она подала ему martini и скромно уселась рядом, наблюдая, как он пьет. В ее взгляде соединились дерзость и

невинность — смесь, которую он находил чертовски привлека-
тельной. Он огляделся вокруг.

— Как Фарлоу сообщил вам? — спросил он.

— Он приходил позавчера. Сказал, что попробует проник-
нуть в крепость и помочь тебе. Он все время перемещается с
места на место. Те, из крепости, многое бы дали за его голову.
Это ужасно, не правда?

— Еще бы! — с чувством отозвался Сьюард.

— Почему они охотятся за тобой?

— Хотят, чтобы я помог им уничтожить свой собственный
мир, откуда я пришел. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Это Земля, не так ли?

— Да.

Когда-нибудь он получит прямой ответ?

— Я только знаю, что ваш мир тесно связан с нашим и что
кое-кто хочет отсюда сбежать и попасть к вам.

— Почему? — нетерпеливо спросил профессор.

Она качнула головой, взметнув чудесный длинный локон.

— Толком сама не знаю. Нечто вроде того, что они здесь
пойманы в ловушку. Фарлоу говорил, будто вы являетесь
«ключом» к их освобождению. Они могут делать то, что хот-
ят, только с твоего согласия.

— Но, согласившись, я тем самым разрушил бы свой мир!

— Не думаю, чтобы ты согласился... Впрочем, я больше ни-
чего не знаю. Может, неправильно что-то поняла... Ли, я тебе
направляю?

Он был слегка ошарашен такой прямоотой.

— Да, — проямлил он. — Очень.

— Фарлоу сказал, что я тебе понравлюсь. Здорово, правда?

— Гм... да. Фарлоу лучше знать.

— Поэтому он и работает против *них*.

Вошла Марта.

— Почти готово, — сообщила она с улыбкой. — Выпью с
вами и пойду подавать на стол. Как вы себя, Ли, чувствуете
после такой дороги?

— Замечательно, — ответил он. — Превосходно.

Он никогда не был в обществе сразу двух чрезвычайно при-
влекательных и столь разных дам.

— Мы обсуждали, зачем людям из крепости понадобилась
моя помощь, — сказал он, возвращая беседу в нужное русло.
Ведь он собирается вернуться из этого мира в свой собствен-
ный, к своей работе.

— Фарлоу что-то говорил об этом...

— Да, Сэлли мне сказала. А что, он входит в какую-нибудь подпольную организацию?

— Подпольную? Ну, в некотором смысле.

— Разве у них недостаточно сил, чтобы победить Человека без Пупка и его окружение?

— Фарлоу говорит, что сил достаточно, но нет согласия в том, что и как надо делать.

— Понятно. Это, наверное, весьма распространенное явление.

— Похоже на то.

— А вы что делаете?

— Реально — ничего. Фарлоу попросил вас приютить, вот и все. — Она сделала глоток и улыбнулась ему.

Профессор залпом осушил свой бокал.

— Ну что, поедим? — спросила она. — Сэлли, проводи Ли в столовую.

Девушка подхватила профессора под руку — совсем по-хозяйски, подумалось Сьюарду. Прикосновение молодого тела его взволновало. Она привела его в столовую. Стол уже был накрыт для ужина — три стула и три прибора. Солнце давно зашло за горизонт, и на столе зажгли свечи в медных подсвечниках. Сэлли высвободила руку и отодвинула один из стульев.

— Садитесь здесь, Ли, во главе стола. — Когда он сел, она с улыбкой наклонилась к его уху: — Надеюсь, мамочка тебе не надоедает?

— С чего бы, — удивился он.

Вошла Марта с тремя блюдами на подносе.

— Наверное, Ли, получилось не самым лучшим образом. Когда слишком стараешься, никогда не выходит, как надо.

— Не сомневаюсь, что будет превосходно, — улыбнулся Сьюард. Женщины сели по обе стороны от него. Марта поставила перед ним тарелку. Это было нечто вроде гуляша с овощами. Он взял салфетку и положил ее на колени.

Когда начали есть, Марта спросила:

— Ну, как?

— Замечательно, — ответил профессор. Еда была отменной.

За исключением того, что между матерью и дочерью постоянно ощущалось некоторое соперничество в уходе за ним, в доме царила атмосфера спокойствия и уюта. Может быть, здесь ему удастся придумать, как выбраться из своего затруднительного положения.

Когда с ужином было покончено, Марта сказала:

— Сэлли, пора спать. Пожелай Ли спокойной ночи.

Сэлли надулась:

— Ну, мама, это несправедливо!

— Очень даже справедливо, — твердо ответила мать. — Увидишься с Ли утром. У него была тяжелая дорога.

— Ну, ладно. — Девушка улыбнулась Сьюарду. — Выспитесь хорошенько, Ли!

— Постараюсь, — ответил он.

Когда Сэлли вышла, Марта тихо засмеялась.

— Хотите выпить перед сном? — негромко спросила она.

— Пропущу одну, — ответил он.

Они прошли в другую комнату. Он сел на диван, а Марта, приготовив коктейль, подала ему и уселась рядом, как и ее дочь накануне.

— Расскажите мне, что с вами случилось, это так захватывает.

Сьюард почувствовал, что ей можно рассказать все без утайки, она сможет и выслушать, и посочувствовать ему.

— На самом деле это ужасно, — начал он, словно извиняясь, и рассказал все, начиная с событий на Земле. Марта внимательно слушала.

— Я даже думал иногда, не сон ли все это, не плод ли моего воображения, — заключил он рассказ. — Но когда я вернулся в свой мир, пришлось отвергнуть эту мысль. У меня на руках оставались следы от веревки, а волосы были мокрыми. Во сне такого не бывает.

— Надеюсь, что не бывает, — улыбнулась Марта. — Очевидно, мы здесь отличаемся от вас, Ли. Наша жизнь имеет не такой... не такой, что ли, *вид*, как ваша. Над нами нет никакого серьезного управления, нет и желания управлять. Мы просто... ну, *существуем*. Как будто ждем, чтобы что-нибудь случилось. Как будто... — Она замялась, словно прислушиваясь к себе. — Скажем так: Фарлоу думает, что вы — ключевая фигура в каком-то процессе, который здесь происходит. Можно предположить... предположить, что над нами проводится какой-то эксперимент.

— Эксперимент? Что вы имеете в виду?

— Ну, из того, что вы рассказали, видно, что у обитателей крепости существует передовая наука, о которой мы ничего не знаем. Предположим, наши родители были похищены, скажем, из вашего мира, и их *заставили думать*... как правильно сказать?

— Внушили?

— Да, внушили, что они — аборигены этого мира. Мы выросли, не зная ничего другого. Может быть, этот Человек без Пупка принадлежит к какой-нибудь другой цивилизации: некий ученый, управляющий экспериментом?

— Но зачем им нужен такой сложный эксперимент?

— Думаю, что таким образом они изучают нас.

Сьюарда восхитили ее дедуктивные способности. Она умудрилась построить куда более основательную теорию, чем у него. Правда, подумал он, она могла подсознательно *знать* истину. Если на то пошло, каждый знает гораздо больше, чем думает. Например, ведь совершенно ясно, что секрет транквиломата спрятан где-то в его подсознании и нужно только его как-то оттуда извлечь. Ее объяснение казалось весьма логичным, и над ним стоило поразмышлять.

— Вы, похоже, правы, — сказал Сьюард. — Если это все так, что-то должно произойти. К тому же это не противоречит моему мнению ни насчет наркотика, ни насчет того, что этот человек и его помощники — телепаты и сейчас разыскивают меня.

Она кивнула.

— А нет ли противоядия от этого наркотика?

— Навряд ли. Подобные препараты на практике не требуют противоядий, ведь они не являются ядами. Надо найти какой-то способ добраться до *тех*, в крепости. Нарушить их планы. Что пытался сделать Фарлоу? Может быть, организовать переворот?

— Нелегко организовать людей. Нас мало что объединяет. Фарлоу, должно быть, надеялся, что вы поможете... придумать что-нибудь. Может быть, стоит применить одну из ваших машин?

— Не думаю, что это поможет. Тем более галлюциноматы слишком велики, чтобы их можно было вручную перемещать не то чтобы из одного мира в другой — просто с места на место.

— А вы не успели собрать транквиломат?

— Нет... В лаборатории есть куча опытных приборов, они к тому же невелики по размерам, но вся проблема в их усовершенствовании. Этим-то я и хочу заняться. Если бы удалось собрать действующий образец, это решило бы часть моих проблем — спасло бы не только мой мир, но и ваш, если только вы *действительно* находитесь под внушением.

— Звучит убедительно.

Марта внимательно разглядывала свой бокал, который держала на плотно сжатых коленях, едва не касающихся его коленей.

— Однако, — сказала она, — рано или поздно они могут вас поймать. Они очень могущественны, поймают вас наверняка. И заставят согласиться на их условия.

— Почему вы так в этом уверены?

— Я их знаю.

Профессор промолчал, и она предложила, вставая:

— Выпьете еще?

— Да, пожалуйста.

Он тоже встал вслед за ней и протянул свой бокал. Она поставила бутылку и бокал на стол и взглянула на него: в ее загадочных темных глазах были сострадание и нежность... Он ощутил влекущий аромат ее духов, обнял ее и поцеловал...

— В мою комнату, — шепнула она.

Среди ночи, ощущая необычайный прилив сил, он оставил постель и спящую Марту, подошел к окну, вглядываясь в притихший темный парк. Ему стало холодно, пришлось надеть брюки и рубашку. Сьюард чувствовал себя бодро, в голове прояснилось. Он должен придумать, как по своему желанию перемещаться из этого мира в свой — только это могло помешать козням Человека без Пупка.

Услышав, как открывается дверь, он с виноватым видом обернулся. На пороге стояла Сэлли — в длинной белой ночной рубашке.

— Ли, я пришла сказать маме... Что это вы здесь делаете? — Она широко раскрыла испуганные, осуждающие глаза.

Марта проснулась:

— Сэлли, в чем дело?

Ли шагнул вперед.

— Послушай, Сэлли, не надо...

Сэлли пожала плечами, но слезы уже подступили к ее глазам.

— Я думала, вам нужна я! Я знаю теперь... не нужно было вас сюда пускать. Фарлоу говорил...

— Что он говорил?

— Он сказал, что ты захочешь жениться на мне!

— Это же нелепо. Как он мог такое сказать? Я здесь чужой... Вы всего лишь должны были спрятать меня, вот и все.

Она ничего не хотела слышать, ухватившись лишь за одно слово:

— Нелепо? Конечно, нелепо, когда собственная мать...

— Сэлли, тебе лучше пойти спать! — сказала Марта и тихо добавила: — Поговорим обо всем утром... Ты зачем пришла?

Сэлли деланно рассмеялась:

— Теперь это не имеет никакого значения! — Она хлопнула дверью.

Сьюард посмотрел на Марту.

— Извини меня, Марта.

— Никто не виноват. Сэлли так молода и романтична...

— ...и ревнива. — Сьюард сел на кровать. Ощущение уюта, понимания, забвение хаоса — все вмиг исчезло. — Послушай, Марта, я не могу здесь оставаться.

— Сбегаешь?

— Называй, как хочешь, но... вас двое, а я — между вами.

— Понимаю. Но тебе все равно лучше остаться. Что-нибудь придумаем.

— Хорошо. — Он встал, тяжело вздохнув. — Пойду пройдуся по парку, это поможет мне собраться с мыслями. Кажется, я уже близок к решению. Во всяком случае, спасибо тебе за все.

Она в ответ улыбнулась:

— Не волнуйся, Ли. Я позабочусь, чтобы к утру все наладилось.

Он в этом не сомневался. Она была замечательной женщиной.

Сьюард обулся, открыл дверь и вышел на лестничную площадку. Яркий лунный свет проникал сквозь высокое узкое окно. Он спустился на два пролета вниз и вышел наружу. Прошел по лужайке и вошел в беседку. Хорошо в ночной прохладе собраться с мыслями и спокойно поразмышлять о том положении, в каком он очутился.

Был бы он дома, то не стал бы терять время даром, а тотчас занялся транквиломатами. Он бродил вдоль длинных, увитых зеленью стен, стараясь не думать об этих двух женщинах. Повороты участились — похоже, это было нечто вроде лабиринта для детей.

Увидев скамейку, профессор остановился и сел, сложив на груди руки и пытаясь сосредоточиться на своей главной проблеме.

Прошло много времени, когда вдруг он услышал шорох и поднял голову. Рядом с ним стоял незнакомец в черном свитере без воротника и в черных, заляпанных грязью брюках и улыбался ему. У него были удлинённые клыки и бледное, бескровное лицо.

— Я искал вас целую вечность, профессор Сьюард, — сказал окутанный запахом сырой земли и тлена Вампир.

Сьюард вскочил, оказавшись лицом к лицу с ужасным созданием. Оно не тронулось с места и продолжало улыбаться. У профессора кровь отхлынула от головы.

— Это было большое путешествие, — прошептал Вампир — словно холодный ветер прошелестел сухими ветками. — Я намеревался навестить вас в крепости, но когда вошел в вашу комнату, вас там не было. Я был разочарован.

— Не сомневаюсь, — отозвался Сьюард. — Что ж, вы совершенно напрасно проделали этот путь. Я не собираюсь возвращаться, пока не буду готов.

— Меня это не интересует.

— А что интересует? — Профессор постарался унять дрожь. Вампир засунул руки в карманы.

— Только вы.

— Убирайся отсюда! У меня есть друзья, у нас перевес в силах... — Он понимал, как неубедительно звучит его голос.

Вампир присвистнул от удовольствия.

— Они мало что могут сделать, Сьюард!

— Кто ты — какой-нибудь андроид, сделанный для того, чтобы пугать людей?

— Нет. — Вампир сделал шаг вперед.

Внезапно он остановился. Откуда-то из лабиринта донесся слабый голос:

— Ли! Ли! Где ты? — Это была Сэлли.

— Не ходи сюда, Сэлли! — закричал он.

— Я хотела тебя предупредить! Я из окна увидела в парке Вампира!

— Я знаю. Иди домой!

— Прости меня за эту сцену, Ли. Я только хотела извиниться. Это было по-детски...

— Не в этом дело. — Он посмотрел на Вампира. Тот стоял, улыбаясь, засунув руки в карманы. — Уходи домой, Сэлли!

— Вы ведь знаете, она не уйдет, — прошелестело создание. Ее голос был уже совсем рядом.

— Ли, мне нужно с тобой поговорить.

Он закричал:

— Сэлли, он здесь! Уходи домой, предупреди мать. Если можно, позови на помощь — только беги скорее домой!

Внезапно Сэлли появилась в том же самом зеленом коридорчике, где был профессор. Увидев их, она оцепнела. Сьюард находился между ней и Вампиром.

— Сэлли! Делай, что я сказал!

Немигающие глаза Вампира еще более расширились, он вынул руку из кармана и поманил ее пальцем:

— Иди сюда, Сэлли.

Она шевельнулась.

Сьюард повернулся к Вампиру.

— Что ты хочешь?

— Всего-навсего немного крови. Вашей или этой молодой леди.

— Будь ты проклят... убирайся! Назад, Сэлли!

Казалось, она его не слышит.

Он не осмелился притронуться к холодному телу, к сырой, как земля, одежде. Он шагнул вперед и встал между девушкой и Вампиром.

На мгновение Сьюарду стало дурно, но он заставил себя замахнуться и ударить существо. Плоть подалась, но кости не сдвинулись. Вампир устоял на месте, улыбаясь и пристально глядя мимо него на девушку.

Он стукнул его снова, но холодные руки вдруг обхватили его и ухмыляющаяся клыкастая рожа приблизилась к его лицу, издавая зловоние. Профессор рванулся было, но справиться с хваткой Вампира не смог.

Холодный рот коснулся его шеи... Сьюард вскрикнул и забился, ощутив легкий укол в шею. Сэлли пронзительно закричала, повернулась и бросилась бежать.

Ему стало от этого полегче, и, собрав все силы, он двумя кулаками разом ткнул Вампира в область солнечного сплетения. Это сработало, потому что противник вскрикнул и выпустил его из рук. Сьюард с омерзением увидел, что с клыков Вампира капает кровь... Его кровь!

Ярость словно удвоила его силы. Он так рубанул Вампира по горлу, что тот зашатался, раскрыв рот, и рухнул на землю, раскинув руки.

Тяжело дыша, Сьюард пнул его по голове. Вампир не шевельнулся.

Профессор нагнулся и перевернул существо лицом вверх. Похоже, тот был готов. Он попытался припомнить, что он читал про них в книгах, но кроме осинового кола в сердце не мог ничего вспомнить. Не густо. Что ж, дело сделано.

Больше всего его потрясло то, что он дрался с одним из обитателей крепости -- и победил. Оказывается, их можно победить!

Он пустился прочь по лабиринту, оказавшемуся не столь уж и извилистым, как ему вначале показалось. Вскоре он был у входа в беседку рядом с домом. К нему бежали Сэлли и Марта. За ними была видна еще какая-то неуклюжая фигура. Фарлоу. Быстро же он сюда добрался.

— Сьюард, — закричал он, — они сказали, что Вампир тебя прикончил!

— Это я его прикончил, — сказал Сьюард, когда они подбежали к нему.

— Что?!

— Я его победил.

— Но... это невозможно!

Сьюард лишь пожал плечами. Он ликовал.

— Как видите, возможно, — заявил он. — Я послал его в нокаут. Похоже, он мертв. Впрочем, никогда нельзя быть в чем-то до конца уверенным. Особенно это касается вампиров.

Фарлоу был потрясен.

— Я тебе верю, но это невероятно! Как тебе это удалось?

— Сначала — перепугался до смерти, потом — разозлился от отчаяния, — просто ответил професор. — Может быть, вас слишком долго запугивали эти люди.

— Похоже на то, — согласился Фарлоу. — Пошли взглянем на него. Сэлли и Марта подождут.

Вампир лежал на том самом месте, где упал. Фарлоу ткнул его ботинком.

— Вот теперь это хороший Вампир! — Он усмехнулся. — Мы знали, сынок, что тебе суждено быть победителем. Что ты теперь собираешься делать?

— Вернусь в крепость и разберусь с ними. Марта вчера вечером подала мне хорошую мысль, она может оказаться правильной. Во всяком случае, я попытаюсь это выяснить.

— Не стоит быть излишне самоуверенным, сынок!

— Это лучше, чем быть чересчур осторожным.

— Может, и так, — с сомнением в голосе согласился Фарлоу. — А что это за идея, которую подсказала тебе Марта?

— На самом деле, она продумала все — от начала и до конца. Она умница, пусть и объяснит сама. Советую и вам подумать над этим.

— Сперва послушаю других. Давай покончим с Вампиром.

— Вампира я оставлю на вас. Мне сейчас нужна машина.

— Зачем?

— Чтобы вернуться в крепость.
— Не делай глупости! Подождем, пока не придет подмога.
— Я не могу ждать так долго, Фарлоу. У меня много дел в моем собственном мире.

— Ну что ж... — Негр пожал плечами...

...и исчез.

Исчез и лабиринт.

Взрывы в мозгу.

Головокружение.

Слабость.

Голова раскалывалась на части, он с трудом дышал. Попытался крикнуть — но голос пропал.

Разноцветные вспышки перед глазами...

Его раскручивало все быстрее и быстрее, как крутят волчок. Затем под ногами появилось нечто твердое, устойчивое, он закрыл глаза и, споткнувшись, упал на что-то мягкое.

Это была его походная кровать. Он опять оказался в своей лаборатории.

Сьюард не стал терять времени зря, обдумывая случившееся. Болес-менше все было ясно. Вероятно, поединок с Вампиром отбросил его обратно: такое напряжение сил или... ну, конечно — это существо отсосало из него еще и кровь. Может быть, в этом и дело. Он все еще чувствовал покалывание и, подойдя к зеркалу умывальника, разглядел на щеке маленькие отметины. Еще одно доказательство, что тот мир — где бы он ни находился — столь же реален, как и его собственный.

Он на столе собрал бумаги и вышел в другую комнату. Там, на длинной скамье, в разных стадиях готовности, находились приборы, над которыми он работал, — транквиломаты, которые никак не удавалось запустить. Он выбрал один из них, самый маленький, и проверил питание, линзы, генератор. Идея работы этого прибора состояла в использовании сочетания света и звука для возбуждения неких дремлющих клеток мозга. Психологи уже давно догадались, что психическая ненормальность вызывается как химическими, так и психическими причинами. Пациент с психосоматическим заболеванием показывает все биологические симптомы той болезни, которая, как он думает, у него есть.

Когда наступает изменение мозговых клеток — сначала или впоследствии, никто толком не знал. Но было установлено, что эти клетки можно возбуждать и мозг можно заставить нормаль-

но работать с помощью гипноза и тренировки. Но предстояло еще проделать большой путь до применения этой информации при разработке транквиломатов.

Сьюард начал копаться в приборе: он чувствовал, что находится на правильном пути.

Как долго он сможет продержаться, пока тяга к наркотику не подавит его волю?..

Его хватило почти на пять часов, прежде чем симптомы долгого воздержания не сломали его.

Шатаясь, он добрался до стеллажа и нащупал ампулу с «МА-19», потом проковылял в спальню и взял со стола шприц.

Наполнил его, а потом наполнил его содержимым свои вены. Наполнил и мозг — серией взрывов, вышвырнувших его в другой мир.

Огонь поднялся по спине... Поджег затылочную долю мозга... среднюю... лобную. Поджег все центры.

Взрыв всех центров.

На этот раз переход совершился быстро. Он оказался в том самом месте лабиринта, откуда перешел в свой мир. Тело Вампира исчезло, Фарлоу тоже не было. Сьюард злился оттого, что был оторван от работы над КЛТМ-8 — тем транквиломатом, с которым он возился, пока его не одолело желание получить дозу «МА-19».

Правда, и здесь еще кое-что нужно было сделать.

Он вышел из лабиринта и пошел к дому. Светало, было очень холодно. У дома стояла машина Фарлоу. Ему показалось, что номер на ней немного изменился, теперь он был YOU 009. Наверное, в прошлый раз он по ошибке принял последнюю цифру за ноль.

Дверь была распахнута. В прихожей стояли Фарлоу и Марта.

Когда он вошел, на их лицах отразилось удивление.

— Сынок, я считал Вампира непредсказуемым созданием, — сказал Фарлоу, — но твое исчезновение превзошло все его штучки!

— Марта это сможет объяснить, — ответил Сьюард, не глядя на нее. — Она рассказала вам свою теорию?

— Да, и вполне правдоподобно. — Фарлоу говорил медленно, глядя при этом в пол. Потом поднял голову. — Мы сожгли Вампира. Он так хорошо горел!

— По крайней мере, один уничтожен, — сказал Сьюард. — Сколько их там еще?

Фарлоу покачал головой:

— Не знаю. А сколько ты видел?

— Человек без Пупка, персона, носящая сутану, по кличке брат Себастьян — похоже, вовсе и не человек, двое приятных джентльменов — мистер Морл и мистер Хэнд, и человек в дурацкой одежде, не знаю, как его зовут.

— Есть еще парочка, — добавил Фарлоу. — Но главное не сколько их, а их возможности!

— Подозреваю, что они сильно преувеличены, — заметил профессор.

— Может, сынок, ты и прав.

— Я собираюсь это выяснить.

— Тебе нужна моя машина?

— Да. Если захотите мне помочь, то не откажусь.

— Конечно. — Фарлоу взглянул на Марту: — А что вы думаете, Марта?

— Думаю, он победит, — сказала она. — Удачи, Ли! — Она улыбнулась Сьюарду, и тому жутко захотелось остаться...

— Хорошо, — сказал он. — Я пошел. Надеюсь, там увидимся.

— Я могла и ошибиться, Ли, — сказала Марта. — В конце концов, это всего лишь теория...

— Лучшая, которую я когда-либо рассматривал. До свидания! Он вышел из дома и сел в машину.

6

Белая дорога, голубое небо, красная машина — на изумрудном фоне окружающего ландшафта. Но той прозрачной чистоты пейзажа, которая запомнилась Сьюарду по прошлому разу, почему-то не было. Может быть, из-за того, что мозг его был перегружен работой и эмоциями и не хватало успокаивающего общества Фарлоу?

Что-то постоянно тревожило его, и наконец-то он понял, что именно: все здесь выглядело ненатуральным, как бы *чересчур* новым. Похоже, тот, кто сотворил *этот* мир, потрудился неплохо, но все-таки некоторые детали упустил. Вот и машина Фарлоу выглядела, несмотря ни на что, будто только что сошла с конвейера.

К полудню его первоначальный запал несколько поубавился и он начал уставать. Пришлось остановиться на обочине, чтобы отдохнуть и размять ноги.

Сьюард вышел из машины и перешел на другую сторону дороги, которая пролегла по склону холма. Впереди была видна неглубокая, широкая долина с уютными домиками и стадами на полях; блестела река. Горизонта не было видно, поскольку его закрывала гряда красноватых облаков, клубящихся и бурлящих, как оксан в ненастье. Несмотря на признаки обитаемости, местность выглядела безлюдной, словно ее все покинули. Трудно было поверить, что в этих домах живут люди, что кто-то пасет скот... Весь пейзаж выглядел как декорация к кинофильму. Или — к изощренной игре, изобретенной Человеком без Пупка, в которой ставкой была судьба мира, а может быть, и не одного...

«Скоро ли она закончится», — подумал Сьюард, поворачиваясь к машине.

Рядом с машиной стояла женщина в великолепном красном костюме, черной блузке и черных туфлях, с черной сумочкой в руке.

Наверное, она появилась со стороны холма, пока профессор созерцал долину. Ее кожа отливала темно-золотистым загаром, волосы были длинные, черные. Полные, чувственные губы и большие темные глаза, вместе с прочим, создавали впечатление некой робкой, глуповатой барышни. Она отвела рукой смоляную прядь, упавшую на глаза.

— Привет, — сказала она. — Везет же мне!

— Разве?

— Никак не рассчитывала найти машину. — И с тревогой спросила: — Вы ведь не поломались?

— Нет, — ответил Сьюард. — Я остановился передохнуть. Как вы здесь оказались?

Она махнула рукой в сторону холма:

— Там есть тропинка — коровья, наверно... Мою машину занесло, и она врезалась в дерево. Одни обломки.

— Я могу взглянуть, если хотите.

Она покачала головой.

— Нет смысла, она разбита вдребезги. Вы не могли бы меня подбросить?

— Куда вам надо? — неохотно спросил Сьюард.

— Это около шестидесяти миль в ту сторону. — Она махнула рукой в нужном ему направлении. — Небольшой городок.

Проскочить шестьдесят миль по такой пустынной дороге, без видимого ограничения скорости — конечно, плевое дело.

Но он колебался и злился: это была совершенно неожиданная помеха! Однако... Она была *очень* привлекательна, и профессор не смог ей отказать. К тому же ни одной колеи, ведущей от дороги, не было заметно. Похоже, дорога была единственной, хотя он мог бы и пропустить что-то, поскольку плохо знал этот мир. Он решил, что эта незнакомка навряд ли участвовала в противостоянии обитателей крепости и друзей Фарлоу. Она могла быть одной из подопытных, жить себе на свете и ничего не подозревать. К тому же можно будет кое-что от нее узнать.

— Садитесь, — пригласил он.

— О, благодарю! — Она скользнула в машину, обнажив, словно случайно, свое бедро. Сьюард открыл со своей стороны дверь и уселся за руль, попутчица устроилась максимально близко к нему. Мотор взревел, и машина выскочила на дорогу.

— Я не здешний, — начал Сьюард. — А вы?

— Я прожила здесь всю жизнь. А откуда же вы приехали? Вы чужестранец?

Он улыбнулся:

— О, я издалека...

— Там, у вас, все такие симпатичные?

Эта была откровенная лесть, но она подействовала.

— Теперь уже нет, — ответил размягченно профессор. И это было правдой, поскольку симпатичных маньяков не бывает. Беседа хотя и была приятной, но все же протекала не в том направлении, как ему хотелось. Он попробовал свернуть.

— У вас тут не слишком-толюдно. Я никого не видел, с тех пор как выехал утром.

— Конечно, тоскливо что-то, — с усмешкой сказала она.

Эта улыбка, близость ее пышного тела, ее влекущий запах заставляли профессора дышать тяжелее. Вот и еще одна, бросающаяся в глаза особенность здешнего мира: местные дамы куда менее сдержанны, чем земные. Возможно, это произошло из-за малой обитаемости этих мест? В перенаселенном мире социальное поведение должно быть гораздо более строгим.

Сьюард крепко держался за руль, не сводя с дороги глаз, поскольку не был уверен, что сможет с собой справиться. Не хватало еще из-за этой роковой дамы вляпаться в аварию. Чувства, которые он испытывал к Сэлли и Марте, совсем не подходили на то, что было сейчас. Такого животного влечения к

женщине он еще никогда не ощущал. Может быть, решил он, она и не осознает этого. Он посмотрел на смуглую незнакомку. Да... а может, все понимает...

Если женщина заставила его позабыть о своих проблемах, то это кое-что значило.

— Меня зовут Магдалена, — улыбнулась она. — Язык сломаешь. А вас?

Наконец-то нашелся один, кто не знает его имени: хоть какое-то разнообразие! Вместо нелюбимого им имени Ли он назвался Биллом Уордом.

— Коротко и мило, — заметила она. — Не то что у меня.

Сьюард что-то пробормотал в ответ, пытаясь превозмочь охватившее его чувство, для которого было короткое, верное название — похоть. Ему нравилось называть все своими именами. В своем мире он слыл сдержанным, замкнутым человеком, а здесь все происходило по-другому.

Он продержался не слишком долго.

Остановив через некоторое время машину, он поцеловал Магдалену, удивившись, с какой легкостью это сделал. Он забыл и про транквиломаты, и про «МА-19», и даже про крепость — забыл обо всем, кроме прекрасной смуглянки.

Словно опять он оказался в каком-то ином мире, где существовали только двое — он и она. Маленький, замкнутый мирок, наполненный только одним желанием и жадой его удовлетворить...

Позднее к нему пришло и сожаление, и раскаяние. Он понимал, что, во всяком случае, его спутница в этом не виновата. Так много было потеряно времени! Он рванул с места машину. Дорога была каждая минута, даже секунда, а ведь он потерял целые часы.

Магдалена достала из сумочки платок и повязала им голову.

— Ты, я вижу, торопишься?

Он изо всех сил нажимал на акселератор.

— Что случилось? — крикнула она сквозь шум мотора.

— У меня мало времени. Я высажу тебя, где тебе нужно.

— О, как мило! Это что — одна из тех твоих шуток?

— Если хочешь, да. Я виноват, мне не следовало подвозить тебя.

Она рассмеялась — почти издевательски, так, что у него светлел живот.

— Ладно, — сказал он. — Хватит!

Сумерки перетекли в ночь, и пришлось включить фары. Спидометра в машине не было, и он не знал, сколько они проехали, но был уверен, что не меньше шестидесяти миль.

— Где этот город? — спросил он.

— Уже скоро. — Ее голос смягчился. — Прости меня, Ли. Что же все-таки произошло?

Все-таки опять здесь что-то не так. Он только не мог понять, что именно, и решил поменьше злиться.

— Ты, может быть, этого и не знаешь, — сказал он, — но я подозреваю, что здесь почти всех обманывают. Знаешь ту крепость?

— Ты имешь в виду то большое сооружение, в каменистой местности?

— Вот именно. Так вот, там есть такая кучка людей, которые дурачат и тебя, и всех остальных. Они вознамерились уничтожить практически весь человеческий род, и весьма отвратительным способом. Причем хотят, чтобы я это сделал для них.

— А что именно?

Он коротко объяснил. Магдалена опять рассмеялась.

— Ну, ты просто дурак, если собираешься выступить против этого Человека без Пупка и его компании. С ними лучше быть заодно, ведь ты можешь стать у них предводителем!

— Ты что, недовольна мною? — с удивлением спросил он. — Ты мне веришь?

— Разумеется. Только не разделяю твое мнение. Я не понимаю — тебе предлагают такой шанс, а ты его отвергаешь! Я бы сразу согласилась. Уверю тебя, ты бы стал выше всех.

— Я уже был выше всех в моем мире, — ответил он, — в некотором смысле. Не хочу нести такую ответственность. Все, чего я хочу, — это спасти хоть что-нибудь в том хаосе, в который я поверг цивилизацию.

— Да ты просто дурак, Ли!

Вот оно что! Она не должна была знать его имя — Ли, ведь он представился ей Биллом. Он резко притормозил и устоял на попутницу. До него стало кое-что доходить, и он просто рассвирепел от того, что так легко смог попасться.

— А ведь ты на него работаешь!

— У тебя, похоже, мания преследования, Сьюард. Тебе нужен хороший психиатр, — холодно заметила она и открыла свою сумочку. — Я не чувствую себя в безопасности рядом с тобой.

— Взаимно, — отозвался Сьюард. — Выходи.

— Нет уж, — спокойно сказала она. — Я думаю, мы вместе доедем до крепости. — Она засунула обе руки в сумочку и вытащила два предмета: полупустую бутылку бренди и...

Другим был пистолет.

— Очевидно, мой метод задержки оказался не слишком эффективным, — насмешливо заметила она. — Я это предусмотрела, поэтому и прихватила с собой это. Вылезай!

— Ты хочешь меня убить?

— Возможно.

— Но ведь это не совсем то, что хотел Человек без Пупка, не так ли?

Она передернула плечами и подняла пистолет.

Он выбрался из машины, трясаясь от ярости на свою доверчивость и бессилие, не в состоянии рассуждать здраво.

Она вышла тоже, держа его под прицелом.

— Ты умный человек, Сьюард. О многом смог догадаться.

— Не только я один. Есть и другие.

— Что же они знают?

— Знают все: и что тут творится, и о внушении...

Кивнув, она обошла вокруг машины и, продолжая держать его на прицеле, поставила бутылку на сиденье.

Он рванулся к пистолету.

Сьюард действовал инстинктивно, понимая, что это может быть его последним шансом. Звук выстрела он услышал в тот момент, когда отбил ее руку в сторону. Магдалена вскрикнула и выронила пистолет. И тут он совершил то, на что, как считал, был совершенно не способен: он нанес ей короткий, резкий удар в подбородок. Она осела на землю.

Сьюард стоял над ней, не в силах унять дрожь. Потом ее же платком связал ей за спиной руки, поднял и бросил на заднее сиденье машины. Затем нагнулся, подобрал пистолет и сунул его в карман.

Все еще дрожа, он сел к рулю. Под ним оказалось что-то жесткое — это была бутылка с бренди. Как раз то, что нужно! Он отвинтил крышку и жадно хлебнул.

Едва он протянул руку к зажиганию, как мозг его стал взрываться.

Казалось, что голова его полыхает пламенем и даже потрескивает, как горящая деревяшка. Сьюард схватился за ручку двери. Может быть, пройдет, если пройтись...

Его ноги подкосились, как только коснулись земли. С большим трудом он выпрямился и заставил себя обойти вокруг машины. Когда он добрался до капота, включились фары.

Они начали быстро мигать, ослепив его. Сьюард поднял руки, прикрывая глаза, и упал, чувствуя накатывающийся приступ тошноты. Фары продолжали мигать. Он поднял голову и с трудом разобрал номерной знак машины:

YOU 099

YOU 100

YOU 101

Профессор протянул руку, чтобы потрогать знак — нет, все было нормально. И однако цифры менялись, как на арифмометре!

Мозг снова взорвался, но теперь уже не столь бурно и изматывающе, — медленно затухая и принеся в конце восхитительное чувство облегчения.

...Клубящиеся изумрудные облака, запах хризантем. Качающиеся лилии. Перед глазами яркие черно-белые полосы. Он несколько раз сморгнул: перед ним были жалюзи в его спальне.

Как только Сьюард понял, что вновь вернулся, он вскочил с кровати и бросился к скамье, где оставил разобранный трапиквиломат. Словно припомнив что-то, он сунул руку в карман, но пистолета там не было.

Но во рту все еще ощущался вкус бренди. Неужели это так просто, подумал он. Может быть, все, что надо для возвращения, — это алкоголь?

В лаборатории наверняка должен быть спирт. Профессор стал рыться в шкафах и выдвижных ящиках, пока не отыскал нужную банку. Он нацедил пузырек и заткнул его пробкой, затем снял рубашку и приклеил его пластырем под мышкой: только так, похоже, он сможет захватить его с собой при следующем посещении иного мира.

Потом с головой ушел в работу.

Заново перебрал линзовые системы, проверил их фокусировку. Поменял старые фильтры на новые. Отрегулировал резонаторы и усилители, зарядил аккумулятор. И только тогда почувствовал, что снаружи опять собралась толпа. Бросив прибор, с которым возился, он подбежал к панели управления и зашелкал переключателями...

Однако через некоторое время, словно повинувшись внезапному импульсу, Сьюард отключил все и вернулся к скамье. Он отсоединил зарядное устройство и понес прибор к окну.

Подняв жалюзи, он оценил ситуацию. Толпа была поменьше, чем обычно. Очевидно, некоторые усвоили урок и стали избегать лабораторию.

Далеко-далеко, на спокойной поверхности моря ярко играли солнечные блики... Сьюард открыл окно.

Подходящий случай для испытания транквиломата.

Профессор установил его на подоконнике и включил режим «Привлечение». Прибор тихо зажужжал. Это была первая необходимая стадия — овладение вниманием толпы. Сьюард знал, что сейчас пришли во вращение специальные, особым способом окрашенные линзы. Толпа заволновалась, но захвачены были только люди в ее центре. Остальные, отворачиваясь, разбежались в разные стороны.

Сьюард почувствовал, как напрягается и холодеет его тело — верный признак надвигающейся «ломки». Он крепко схватился за ручки прибора и повернул переключатель из положения 0 в положение 50. Шкала была разбита на сто делений, поэтому сейчас прибор работал вполсилы. Сьюард подумал, что, если что и пойдет не так, он не слишком повлияет на их разрушенную психику. Впрочем, это было слабым утешением.

Было очевидно, что выбранное сочетание смоделированных психических волн, звуковых колебаний и световых ощущений оказывает ошутимое влияние на рассудок людей. Но что будет потом? Они определенно реагировали: тела расслаблялись, лица больше не были искажены безумием. Но действительно ли транквиломат совершал именно то благое дело, ради которого его и сконструировали? Профессор повысил выходную мощность на 75 процентов.

Руки начали дрожать. Во рту и горле все пересохло, заболел живот. Он был не в состоянии продолжать дальше и отступил назад. Болели кости, глаза распухли. Он сделал усилие, чтобы вернуться к пульту управления, но ноги самопроизвольно привели его к столу с полупустой ампулой «МА-19». Он наполнил шприц и вогнал тупую иглу в вену.

И застонал от боли, когда взрывы стали сотрясать его мозг.

7

На этот раз все было по-другому.

Он увидел лавину надвигающихся на него машин — целую армаду разъяренных галлюциноматов. Сьюард хотел было бежать, но сотни электродов уперлись в его тело так, что он не

мог пошвелиться. В вены вонзились взявшиеся из ниоткуда иглы. Какие-то голоса кричали: «Сьюард! Сьюард! Сьюард!..» Галлюциноматы неумолимо надвигались — мерцающие, гудящие, *улюлюкающие*. Да, машины смеялись над ним.

— Сьюард!

Он увидел номерной знак машины Фарлоу.

YOU 110

YOU 111

YOU 119

— Сьюард!

Y O U!

— Сьюард!

Что-то стиснуло его мозг; он начал сжиматься, сжиматься... Голоса зазвучали издалика, машины начали отступать. Сьюард очнулся в круглой комнате, в центре которой возвышался помост; автоматы исчезли полностью. Человек без Пупка восседал на стуле в центре помоста и улыбался ему.

— Добро пожаловать к нам, старина, — сказал он.

Брат Себастьян и Магдалена стояли рядом. Улыбка красавицы не предвещала ничего хорошего: казалось, Магдалена предвкушала зрелище его очередных мук, уготованных ему Человеком без Пупка и братом Себастьяном.

Профессор, несмотря ни на что, праздновал маленькую победу: его транквиломат кое-что умеет делать.

— Похоже, я сделал это, — торжествующе сказал он. — Теперь у меня есть действующий транквиломат. В какой-то степени благодаря вам, так как я был вынужден значительно ускорить работу!

На первый взгляд, это заявление не произвело на них особого впечатления.

— Поздравляю, Сьюард, — усмехнулся Человек без Пупка. — Дело в том, что это ничего не меняет. То, что у вас *есть* противоядие, вовсе не означает, что мы обязательно должны им воспользоваться.

Профессор полез под рубашку — пузырька там не было. От этого открытия его уверенности немного поубавилось.

— Было очень мило с твоей стороны выпить коньяк с наркотиком, — проворковала Магдалена.

Он сунул руку в карман куртки.

Пистолет опять был там. Сьюард усмехнулся.

— Чему это он улыбается? — нервно спросила Магдалена.

— Понятия не имею. Это не важно. Брат Себастьян, я полагаю, вы закончили работу над вашим вариантом его гипномата?

— Закончил, — подтвердил унылый голос.

— Дайте-ка его сюда. Жаль, что у нас его не было раньше. Сэкономили бы уйму времени — и себе, и профессору.

Занавески позади них раздвинулись, и мистер Хэнд и Смеющийся Кавалер ввели огромное замысловатое устройство, слепящее обилием полированного золота, серебра и платины. В куполообразной, похожей на голову верхней части находилась пара объективов, которые стали не отрываясь пялиться на Сьюарда.

Может быть, это была их машина для внушения, которой они пользовались для контроля над людьми? Во всяком случае, подумал профессор, это вполне правдоподобно. Если они сейчас воспользуются ею, то ему конец. Он выхватил из кармана пистолет, прицелился в выпученный правый глаз и нажал на спуск.

Пистолет гроыхнул, ударив в ладонь, но пули не было. Вместо этого извергся фонтан маленьких ярких шариков — вроде тех, что применялись в транквиломате для привлечения внимания. Ударившись о машину, они разом разорвались. Что-то заскрежетало, машину скособоило, и из нее повалил нар, а объективы прикрылись, словно веками, парой железных дисков. В конце концов сооружение завалилось набок и утихло.

Исходящая злобой шестерка мрачно надвигалась на Сьюарда, окружив его со всех сторон... Внезапно из-за ширмы появились Фарлоу, Марта и Сэлл.

— Помогите! — крикнул он.

— Мы не можем! — отозвался Фарлоу. — Действуй сам!

— Сам? — Он посмотрел на пистолет.

Круг между тем сужался. Человек без Пупка с застывшим улыбающимся лицом... Хихикающий брат Себастьян... Смеющееся лицо Магдалены — ему показалось, что она издевается по поводу его сексуальных возможностей!.. Незабвенная пара — скорбноликий мистер Морл и весельчак мистер Хэнд... Смеющийся Кавалер хохотал, запрокинув голову... Ширмы стали удлиняться, все больше и больше расплываясь по всем направлениям...

Он оглянулся назад. Ширмы росли и там.

Сьюард нажал на спуск. Пистолет снова грохнул, ударив в ладонь, а из ствола вылетели металлические шарики, тут же превратившиеся в огромные цветы. Потом они вспыхнули, образовав огненную стену между ним и его врагами.

Он услышал крик Фарлоу:

— Удачи тебе, сынок!

Но не увидел рядом друзей, хотя слышал, как Марта и Сэлли тоже выкрикивают слова прощания...

— Нет! Не уходите! — закричал Сьюард.

И внезапно понял, что окончательно остался один. Наедине с подступающей все ближе и ближе, кривляющейся, жаждущей расправы шестеркой...

Обступившие со всех сторон ширмы, покрытые причудливыми, вьющимися, постоянно сменяющимися узорами, вдруг начали опрокидываться, и Сьюард понял, что через несколько мгновений он будет раздавлен...

Он снова услышал свое имя: «Сьюард! Сьюард!» Может быть, это голос Марты?

— Иду! — закричал он и снова нажал на спуск.

Человек без Пупка, Магдалена, брат Себастьян, Смеющийся Кавалер, мистер Хэнд и мистер Морл — все разом вскрикнули и отшатнулись от него, когда из пистолета вылетела струя белой жидкости, расплывшейся в воздухе.

Ширмы медленно оседали...

Белая жидкость образовала сеть из миллионов тончайших нитей. Она поплыла над головами шестерки и начала опускаться на пронзительно кричащих, глядящих вверх людей.

— Не надо, Сьюард! — взмолился Человек без Пупка. — Не надо, старина, я сделаю все, что ты пожелаешь!

Профессор хладнокровно наблюдал, как сеть надвигалась на барахтающуюся, вопящую кучу.

И не слишком удивился, когда они стали уменьшаться.

Впрочем, нет! Они не уменьшались — это он стал расти, становясь постепенно выше падающих ширм. Теперь, сверху, ширмы казались рассыпанной колодой карт, которые погребли под собой маленьких, барахтающихся в белой сети человечков. Стало светлее; ширмы скатались в шар.

Шар стал видоизменяться, менять цвет, и вот уже перед ошарашенным Сьюардом возник очень точно выполненный человеческий череп.

Медленно и страшно череп стал обрастать плотью и наполняться кровью. Постепенно проявлялись черты лица... И вот, в полуобморочном состоянии, Сьюард узнал это усталое лицо.

Это было его собственное лицо — с вытаращенными глазами и приоткрытым ртом, искаженное ужасом.

Он снова находился в своей лаборатории и смотрел в зеркало.

Сьюард отшатнулся от него и обнаружил в руке вместо пистолета шприц. Он огляделся.

Транквиломат стоял на подоконнике. Профессор подошел к окну. Там, в развалинах, группа изможденных, в лохмотьях людей тихо переговаривалась между собой. Они не были похожи на сумасшедших! Это было абсолютно очевидно.

Он окликнул их из окна, но никто его не услышал.

Ладно, подумал он и, ошеломленный и опустошенный, рухнул на кровать. Шприц кинул на пол, в полной уверенности, что он ему больше не пригодится.

Это было невероятное, чудовищное предположение! И все-таки казалось правдой: он понял, где он был, и это последнее видение его собственного лица стало для него последней подсказкой.

Он был внутри собственного мозга! В конце концов, «МА-19» был всего лишь мощным галлюциногеном, настолько сильным наркотиком, что смог создать и иллюзию следов веревки на руках, и укусов на шее, и всего прочего.

Его уносило в целиком вымышленный мир.

И зачем все это? Что хорошего из этого получилось?

Сьюард встал и опять подошел к зеркалу.

И слышал голос Марты:

— Сьюард! Сьюард! Сьюард, послушайте меня!

Нет, отрешенно подумал он. Нельзя все начинать заново. В этом нет никакой нужды.

Он влетел в лабораторию, захлопнул за собой дверь и для верности запер ее. Потом, дрожа, стал дожидаться надвигающихся знакомых симптомов. Их не было.

Вместо этого стали расплываться перед глазами стены лаборатории, молчащие компьютеры, измерительные приборы... Внезапно над головой вспыхнул свет, ожили молчащие приборы. Он сел в большое хромированное кресло с подушками, которое сначала использовал для работы с подопытными людьми.

Его взгляд остановился на невесте откуда взявшемся стробоскопе. Перед глазами запрыгали цветные изображения. Он попытался встать, но не смог.

YOU 121

YOU 122

YOU 123

Затем первая буква сменилась на V.

YOU 127

— Сьюард!

Его веки тяжело прикрыли глаза.

— Профессор Сьюард! — Это был голос Марты. Она разговаривала с кем-то еще. — Кажется, нам повезло, Том. Убавьте громкость.

Он открыл глаза.

— Марта?

Одетая в белый халат женщина наклонилась над креслом и улыбнулась. У нее был очень усталый вид.

— Я не Марта, профессор Сьюард... Я доктор Кэлин. Вы меня помните?

— Да, доктор Кэлин, конечно...

Он ощутил невероятную слабость. Откинувшись на спинку кресла, он глубоко вздохнул и начал кое-что припоминать.

Идея этого эксперимента принадлежала ему самому. Казалось, это был единственный способ ускорить работы по транквиломатам. Профессор чувствовал, что секрет успешной работы прибора таится где-то в глубинах человеческого подсознания. Но чтобы он ни пробовал, гипноз, символные ассоциации, словесные ассоциации — ничего не получалось.

Оставался единственный путь, который он и выбрал: опасный опыт на самом себе, с трудно прогнозируемым исходом.

Суть опыта состояла в следующем. Сьюард подвергнется глубокому внушению, в результате чего будет думать, что принес человечеству страшную беду и, чтобы его спасти, должен изобрести транквиломат. Конечно, миру угрожала достаточно серьезная опасность, но пока еще бедствие не распространилось слишком сильно. Поэтому необходимо было создать какое-то надежное средство для массового лечения нервных болезней или жертв безумия, появляющихся в результате стрессов. Это и был транквиломат, но работа над ним затягивалась.

Итак, Сьюарду внушили, что его деятельность разрушила цивилизацию. Поэтому он *должен был* создать действующий транквиломат. Таким образом, научная проблема была превращена в личную.

Внушение успешно осуществилось.

Профессор оглядел лабораторию, улыбающихся, довольных ассистентов... Все были живы, хотя выглядели усталыми.

— Сколько времени я был под внушением? — спросил он.

— Около четырнадцати часов. То есть двенадцать часов с того момента, когда эксперимент пошел не так.

— Не так?

— Ну да, — не скрывая удивления, сообщила доктор Кэлин. — Ничего не происходило. Мы старались привести вас в чувство, испробовали все эти чертовы приборы, которые только были в лаборатории — ничего не помогало! Уже боялись кататонии. Ну, хоть удалось вас спасти. Думаю, что лучше продолжать работу обычными методами... — В усталом голосе послышалось разочарование.

Сьюард намурился. Но ведь он точно знал, как сконструировать действующий транквиломат. Он ведь *получил* результат!

— Конечно, — подумав, сказал он, — мне ведь только внушили, что мир лежит в развалинах и что я этому причина. Но ничего не было насчет... *другого* мира.

— Какого другого мира? — спросил его старший ассистент Макферсон.

И Сьюард рассказал о Человске без Пулка, о крепости, о палачах и Вампире, о парке, лабиринте, путешествии на машине с Фарлоу, о Магдалене...

И теперь он понял, что, находясь в том состоянии, которое можно условно назвать «Внушение А», он попал в зависимость от наркотика «МА-19».

— Но у нас нет такого препарата, — возразила доктор Кэлин.

— Теперь я это знаю, но тогда не знал, хотя это не так уж важно. Главное, я нашел нечто, что заставляло меня переноситься в... другой мир, существовавший только в моем мозгу. Можете назвать это, если угодно, «Внушением Б», или «Внушением Х». Короче — неизвестным. Я нашел безупречно логичное средство, чтобы заставить себя поверить, что я проникаю в другой мир. Это был «МА-19». Придумыванием символических персонажей, пытающихся меня остановить, я заставлял себя работать на износ. Подсознательно поняв, что основное внушение — «Внушение А» действует плохо, я прибегнул к «Внушению Б». Разыгрывая эту драму, мой разум очистился от всего, что отвлекало. Как я и подозревал, секрет работы транквиломата был скрыт где-то там, в глубине мозга. «Внушение А» не помогло туда проникнуть, зато «Внушение Б» удалось. Можете не волноваться: я могу собрать действующий транквиломат.

— Ну что ж, — усмехнулся Макферсон. — Мне советовали почаще использовать свое воображение, но вы — вы *действительно* использовали свое!

— В этом-то и была идея, не так ли? Мы ведь решили, что толку от наркотиков будет мало, если ими пользоваться только для поддержания рабочего состояния. Поэтому решили использовать наши препараты и галлюциноматы напрямую, чтобы внушить мне, что то, чего мы боимся, на самом деле произошло.

— Ну, в таком случае я рада, что нам не удалось вовремя вернуть вас в нормальное состояние, — улыбнулась доктор Кэлин. — У вас был ряд классических, но более изощренных кошмаров. Этот Человек без Пупка, как вы его называете, и его приятели символизировали отвлекающий фактор внутри вас. «Победив» его, вы рассеяли и... этих.

— Все это оказалось дьявольски трудно! — заключил Сьюард. — Но я получил успешный результат! Вероятно, единственно возможным способом. Теперь мы сможем сделать столько трапквиломатов, сколько нам потребуется. Эта проблема решена. Получается, — простите за нескромность! — я спас человечество задолго до того, как его потребовалось спасать. Это более чем достаточно.

— А что вы думаете о ваших «помощниках»? — спросила доктор Кэлин, помогая ему встать с кресла. Он взглянул в ее умное, красивое лицо женщины в полном расцвете лет. Да, она ему всегда нравилась...

Он улыбнулся ей и пошел к скамье, где находились полусобранные трапквиломаты.

— Может быть, не обошлось без исполнения неких тайно взлелеянных желаний...

— Правда забавно, что вы не поняли, что все это не было реальным? — спросил у него за спиной Макферсон.

— Почему же забавно? — Сьюард повернулся, чтобы взглянуть в удлиненное лицо своего помощника. — Кто его знает, Макферсон, что *на самом деле* более реально? Этот мир? Тот мир? Какой-нибудь еще? Я не берусь судить, а вы?

— Ну... — с сомнением в голосе протянул Макферсон. — Я только хотел спросить вас как опытного психиатра. Могли бы вы что-нибудь сказать о прототипах этих ваших... символических персонажей?

— Вполне.

Кажется, Макферсон еще не все понял. И тогда Сьюард сказал:

— Я бы не возражал когда-нибудь снова там побывать. Хорошо бы получше исследовать тот мир. Мне так понравился там кое-кто... Пусть даже они были воображаемыми... Фарлоу... отец... вполне возможно.

Он посмотрел вверх и увидел счетчик с буквенным кодом и тремя цифрами. Сейчас он показывал VOU 128. Вот откуда взялся номер машины Фарлоу, который в его подсознании лишь слегка видоизменился! Наверное, он обнаружит еще тысячу символов вокруг себя, которые будут для него что-то значить в том, *другом* мире. Сьюард все еще не мог смириться с тем, что тот мир — целиком его вымысел. Он казался таким настоящим! Пожалуй, и сейчас он для него оставался таким же.

— А та женщина... Марта? — спросила доктор Кэлин. — Когда проснулись, вы *меня* так называли.

— Пока отложим это, — улыбнулся Сьюард. — Идемте, нам предстоит уйма работы!

ЗОЛОТОЙ БАРКАС

С того момента, как этот большеротый Ефраим Тэллоу пустился в преследование, день сменился ночью в четвертый раз. Он прикорнул у руля, положившись на удачу, а наутро проснулся насквозь мокрый, но лодка по-прежнему держалась на курсе. Желтый комбинезон, который был на нем, совсем не годился для таких прогулок. Он не выспался, потому что видел сны, окрашенные в кроваво-красный цвет. Но с утренними лучами все забылось. Да и что такое одна человеческая жизнь? Какое значение имеет единственное убийство, когда золотая лодка, его цель, там впереди?

С неба по-прежнему сыпал дождь, вспенивая поверхность реки, барабана по парусу. Подул ветер. Ивняк по берегам кончился, и пошли рододендроны. Намокшие кусты отяжелели, их гнуло к земле. Поднявшийся ветер то распрямлял их, то еще больше пригибал к земле, придавал им формы диковинных чудовищ, манивших Тэллоу сойти на берег. Он истерически расхохотался им в лицо, и в этот момент ветер наполнил парус, да так, что мачта заскрипела, заскрипела в унисон хохоту Тэллоу. Но смех как рукой сняло, когда Тэллоу понял опасность, понял, что ему нечему смеяться: ветер нес его к черневшим кустам, к берегу. Он предпринял отчаянную попытку перенести парус, но, не успев привыкнуть к оснастке этой краденой лодки, наделал жутких узлов. Ветер задул сильнее, и парус раздулся, словно брюхо каннибала.

Стараясь распутать узлы, он истер руки в кровь, повредил ногти, потом переключился на руль: ведь надо было удерживать лодку на курсе. Во тьме он заметил приближающийся поворот реки и еще две вещи: что-то белое за темно-зеленой массой листьев и маячащий впереди высокий золотой баркас. Он сде-

лал над собой усилие, чтобы успокоиться: надо же, из-за паники он не видел своей цели, этого будоражащего его воображение золотого баркаса. Он и человека-то убил, чтобы иметь возможность преследовать золотой баркас, и теперь нельзя дать ему ускользнуть. Надо подольше продержаться за ним, потом догнать и высадиться на борт баркаса, и он знал, что сделает это. Его лодка стремительно разрезала воды реки, входя в поворот, как вдруг вздрогнула и, накренившись, застыла. Тэллоу понял, что налетел на одну из многочисленных песчаных отмелей, которые так затрудняют плавание по этой реке.

Злой, проклиная от досады ветер и дождь, Тэллоу спрыгнул на подводную отмель и попытался сдвинуть лодку. Дождь бил ему в лицо, колотил по спине. Ничего не выходило. Баркас тут же исчез из виду, и он опустился в воду на колени и зарыдал от собственного бессилия. Дождь стал ослабевать, а ветер утихомириваться, но Тэллоу все стоял на коленях, склонившись над мутной клокочущей водой, вцепившись в борт лодки. И вот дождь и ветер окончательно утихли, и солнце наконец проглянуло сквозь облака. И оно осветило своими лучами лодку, Тэллоу, реку, кусты и деревья. И пятиэтажный белый дом, сиявший под солнцем, как только что умытый ребенок.

Тэллоу поднял вверх красные от усталости глаза и вздохнул. Он сделал новую попытку освободить лодку, по тщетно. Тэллоу огляделся вокруг и увидел дом. Помощь ему понадобилась бы. Пожав плечами, он по колено в воде пошел к берегу и, кляня судьбу, взобрался по мокрой, осыпающейся, пронизанной корнями почве.

Тэллоу был в некотором роде фаталистом, и его фатализм наконец помог ему — помог не потерять рассудка, когда впереди увидел красную кирпичную ограду, испещренную пятнами черного мха. Настроение резко подскочило, и он почувствовал в себе былую хладнокровную наглость, когда за забором увидел по плечи женщину. Ну, теперь баркас может немножко и подождать.

Красивой ее делали острые скулы, пухлые губы и зеленые, с металлическим отблеском глаза. На ней была поношенная фетровая шляпа. Женщина стояла и смотрела на Тэллоу через невысокую ограду.

Женщина улыбалась. Один из ее удивительно ровных зубов имел коричневый цвет, еще два — зеленый, под цвет глаз.

У Тэллоу давным-давно атрофировался интерес к женщинам. Но тут он начал прямо-таки ощущать, как у него просыпается влечение к этой красавице, и ему стоило труда не выдать себя.

— Доброе утро, сударыня, — произнес он, отставляя ногу и делая низкий и неловкий поклон. — Мой челн сел на мель, а меня вот выбросило на берег.

— Тогда вам нужно остановиться у меня. — Она снова улыбнулась и наклонила голову набок, подтверждая свое приглашение. — Вот это мой дом.

И она движением руки, оканчивавшейся длинными и изящными пальцами с пурпурно-красными ногтями, показала на большой белый дом, который уже обратил на себя внимание Тэллоу.

— Снаружи чудесный дом, сударыня.

Тэллоу неуклюжей походкой приблизился к ограде.

— Действительно неплохой, — согласилась она. — Но уж очень пустынный. Помимо меня, в нем двое слуг.

— Не много. — Тэллоу нахмурился. — Не много. — Он подумал, что уже догнал бы баркас. И перемахнул через ограду. Для человека столь хрупкого сложения это был хороший прыжок, элегантный и грациозный. Раньше он за собой таких качеств не замечал. Он встал рядом с ней и посмотрел на нее из-под налитых тяжестью век. — Я был бы благодарен за ночлег в вашем доме, — произнес он. — И за помощь утром. Мне надо снять с мели лодку.

— Я все улажу, — пообещала она. У нее были очень подвижные губы, тщательно обрабатывавшие каждое произнесенное слово. Она обладала узкой талией, желтая шерстяная юбка подчеркивала плотные и округлые очертания нижней части тела. Переливался черный шелк блузки, обтягивая ее высокую грудь. На ней были туфли с каблуками высотой дюймов в шесть. Она повернулась и направилась к дому. — Идите за мной.

Тэллоу последовал за ней, любуясь, как она ловко держится на своих высоких каблуках. Без них она была бы всего на дюйм или около этого выше него. Она провела его через участок сада с остролистным кустарником, они вышли на песчаную дорожку, извивавшуюся в направлении дома.

Они подошли к пустой двуколке, запряженной понурым ослом, и Тэллоу почувствовал ее мягкое тело, помогая ей сесть в экипаж, и в душе у него все прыгало от радости. Он ухмыльнулся про себя, сев рядом с женщиной и взяв в руки поводья.

— Но-о! — крикнул Тэллоу, и осел, тяжело вздохнув, поплелся к дому.

Через пять минут Тэллоу натянул поводья и остановил повозку на посыпанной гравием площадке перед домом. Тяжелые каменные ступени вели к приоткрытой деревянной двери.

— А это мой дом, — произнесла она, словно и так не было ясно, чей это дом, и от этой ненужной фразы Тэллоу стало не по себе, но такое ощущение почти тут же улетучилось, уступив радости по поводу улыбнувшейся фортуны.

— Ваш дом! — закричал он. — Ваш дом! Ура!

Ему надоело скрывать свои эмоции. Он спрыгнул с двуколки и помог женщине сойти на землю, не упустив заметить, что у нее красивые и стройные ноги. Она улыбнулась ему, потом рассмеялась, снова продемонстрировав ему великолепный ряд зубов с коричневым и зелеными пятнами. Они рядом поднялись по ступенькам, прыгая и стуча по ним ногами одновременно, как эстрадные танцоры. Ее рука очутилась в его руке, когда они вместе толкнули дверь и вошли в холл, где свет был приглушен, как в церкви, и потолок терялся во тьме. Пыль носилась в единственном солнечном луче, проникавшем через незатворяющуюся, явно рассохшуюся, дверь. Пыль попала в нос Тэллоу, и он чихнул. Женщина весело рассмеялась.

— Меня зовут Пандора, — громко представилась она. — А вас?

— Тэллоу, — ответил он. Глаза у него слезились, в носу першило. — Ефраим Тэллоу, ваш покорный слуга!

— Мой покорный слуга! — Она захлопала в ладоши, и этот звук усилило эхо. — Мой покорный слуга!

Она продолжала хлопать в ладоши и смеяться, и холл наполнился таким шумом, словно тут присутствовала большая аудитория.

Тэллоу вздрогнул, когда услышал вдруг сильный раскатистый голос, прозвучавший словно трубный глас с небес.

— Вы меня звали, госпожа?

Под звук утихавшего в отдаленных уголках эха Тэллоу стал всматриваться в полумрак и с удивлением увидел, что трубный глас исходил от согбенного, морщинистого старика, облаченного в когда-то красивую, золото с серебром, а ныне выцветшую и изношенную, не раз чиненную ливрею.

— Обед, Фенч! — крикнула Пандора. — Обед на двоих — и хороший!

— Слушаюсь, госпожа.

Подняв облако пыли, согбенный старик исчез в едва различимой двери.

— Один из моих слуг, — доверительным шепотом произнесла Пандора. — А еще у меня служит его жена, чтоб ей!

Она произнесла это зло, с тихим змеиным шипением. Тэллоу, ничего не зная об этом доме, подивился, как может старая женщина вызывать такую ненависть у Пандоры. Тысяча вариантов промелькнула у него в голове, и все их он отменил. Он был не из тех, кто торопится с выводами. Выводы — дело бесспорное, за ними — смерть. Между тем Пандора повела его за руку через весь зал к широкой дубовой лестнице.

— Пойдем, Ефраим, — прошептала она. — Пойдем, мой славный Тэллоу, пойдем приоденем тебя!

К Тэллоу вернулась его уверенность в себе, он бросился вверх по лестнице, перескакивая своими длинными ногами через ступеньки. Так, держась за руки, они в ритме польки допрыгали до третьего этажа этого огромного сумрачного дома. Волосы у них развевались, его рыжие и ее иссиня-черные, они беспрестанно счастливо смеялись, не замечая по сторонам ничего, кроме друг друга.

Когда они поднялись на нужный третий этаж, она провела его через дверь, такую же прочную, как и другие двери в этом доме. Он слегка запыхался, так как не привык бегать так высоко вверх по лестницам. Обеими руками, наклонившись, скрыв от напряжения лицо, она налегла на ручку двери, ручка поддалась, и дверь со скрипом открылась. Тэллоу разобрала к этому времени икота.

А тем временем ветер, который выбросил Тэллоу на песчаную отмель, завывал вокруг золотого баркаса, увлекаемого навстречу тому, что было ему уготовано.

— Ефраим, — прошептала она, когда он снова сел в свое кресло и взял в руки бокал бренди величиной с собственную голову.

Глупо улыбаясь, он вопросительно промычал ей в ответ. Обед был обильно разбавлен красным вином.

— Ефраим, вы из каких краев?

Пандора наклонилась вперед и оперлась локтями на маленький столик. Она переделалась в синее облегающее платье, которое завлекательно обнимало ее тело, плавно ниспадая с гладких плеч, и внезапно раскрывалось на коленях. На левую руку она надела два перстня, с сапфиром и изумрудом, а на свою нежную шею — золотую цепочку. Внутри Тэллоу бурлили новые, забытые эмоции, и еще в нем поселилось детское благоговение перед посетившей его удачей. Он протянул руку и коснулся пальцев Пандоры. Ему трудно было удержать в себе возбуждение и

предвкушение радости, и голос его прозвучал сдавленно, и в нем отдавались удары сердца.

— Из одного города, далеко-далеко отсюда, — ответил он, и его ответ, похоже, устроил ее.

— И куда держите путь, Ефраим? — спросила она как бы между прочим, словно не ожидая ответа.

— Я гнался... я гонюсь за золотым судном, которое прошло мимо вашего дома незадолго до того, как я сел на мель. Вы видели его?

Она рассмеялась, и ему стало неприятно от этого смеха, он даже отдернул руку.

— Чудак вы, Тэллоу! — воскликнула она. — Никакого такого судна не проходило. Я его не видела. Ведь я стояла в саду очень долго и смотрела на реку. У меня ни одно судно не проходит незамеченным.

— А это вы пропустили, — пробормотал Тэллоу, глядя в бокал.

— Ваши шутки трудно понять, Ефраим, — произнесла она потише. — Но я уверена, что, когда мы узнаем друг друга лучше, они начнут мне нравиться.

Голос ее звучал все тише и тише, а конец фразы она произнесла совсем еле уловимым шепотом, но таким тембром, что мысли Тэллоу переключились совсем на другое. К нему отчасти вернулась уверенность, которая только что здорово пошатнулась. Он взял бокал всеми десятью пальцами, поднял его и одним глотком осушил его содержимое. Переведя дыхание, он посмаковал вкус бренди и со стуком поставил бокал на стол, так что звякнула грязная посуда.

Он вытер губы обратной стороной ладони, как ни мешал ему при этом ярко-красный рукав новой плисовой куртки, и обвел глазами маленькую комнату, освещенную пламенем свечей. Предметы стали для него утрачивать ясность очертаний. Он недовольно замотал головой и поднялся, опираясь руками на стол. Потом пристально взглянул ей в глаза, а она нерешительно улыбнулась.

— Пандора, я вас люблю, — произнес он и почувствовал от этого нсизъяснимое облегчение.

— Это хорошо, — промурлыкала она. — Теперь все проще.

Тэллоу был слишком пьян, чтобы сообразить, что и почему стало проще. Поэтому он не обратил внимания на эту фразу и неуверенно двинулся к ней. Она встала и медленно и осторожно пошла ему навстречу. Он обнял ее и поцеловал в шею, потому что, когда она стояла во весь рост, до губ ему

было не достать. Она прижалась к нему, стала гладить его по спине. Одна рука легла ему на шею, другая нерешительно заскользила вниз по бедру.

— Ой! — вдруг воскликнул он. — Больно от этого перстня!

Она надула было губки, но тут же улыбнулась и сняла перстни. Тэллоу весь извивался, словно желая выскользнуть из этих узких черных бархатных брюк.

— Не пойти ли нам прилечь? — предложила она в самое время.

— Да-да, — торопливо согласился Тэллоу.

Пандоре пришлось поддерживать Тэллоу, когда они выходили из комнаты и поднимались по лестнице в ее спальню.

В биении сердец прошла неделя, вся в постели. Для Тэллоу это была изматывающая, но восхитительная неделя. Уроки опытной Пандоры позволили ему, в частности, понять, что он мужчина, да еще умевший доставить удовольствие Пандоре. Эта неделя научила его еще кое-чему — быть тоньше, уметь управлять своими эмоциями, контролировать свои аппетиты и их проявления.

Тэллоу лежал рядом со спящей Пандорой, пытаясь потихоньку стянуть с нее одеяло. Его глаза еще не насытились видом обнаженной женщины, лежавшей рядом с ним, в его распоряжении. Если по правде, то ему следовало признать: это он прежде всего находился в ее распоряжении. Но Пандора была женщиной и пользовалась своим превосходством с умением и тактом. Тэллоу все это нравилось, он любил Пандору все сильнее и сильнее. Податливость или упрощения с ее стороны были делом редким и оттого еще более приятным. Если бы только не усталость, не оставлявшая его. Он помногу спал, не так выкладывался, хотя стал искуснее, и даже после десятичасового сна не чувствовал себя сейчас отдохнувшим. И все равно он был доволен жизнью. Он чувствовал себя счастливым, и лишь иногда Пандора вызывала у него нечаянную досаду, но радость все равно перевешивала досаду.

Не успел он обнажить ее грудь, как она проснулась. Она заморгала и широко открытыми глазами взглянула на него, потом опустила глаза и спокойно натянула одеяло до подбородка. Тэллоу промывчал недовольно, потом подпер рукой голову и стал смотреть на Пандору сверху вниз.

— Доброе утро, — с деланным упреком произнес он.

— Доброе, доброе, Ефраим.

Она улыбнулась ему как школьница, возбуждив в нем нежность и желание. Он накинулся на нее, закутанную во всклокоченные одеяла и простыни. Она засмеялась, перевела дыхание и, помолчав мгновение, поцеловала его.

— Я ведь заслужила это, правда? — спросила она, заглядывая ему в глаза.

— Заслужила, — ответил он и, скатившись с нее, сел на кровати.

— Как я, нужна тебе? — тихо раздался у него за спиной ее голос.

— Да, — не раздумывая ответил он и запнулся, задумавшись. Помолчав и подумав, он произнес: — По крайней мере, я так думаю.

Она заинтересовалась все тем же неизменно тихим голосом:

— Что значит — «я думаю»?

— Прости. — Он с улыбкой повернулся к ней и посмотрел в глаза. — Прости, я не знаю, что говорю.

Тут она нахмурилась и заерзала в постели.

— Вот и я не знаю, — обидчиво произнесла она. — И я не знаю, что ты говоришь. Так что ты имел в виду?

— Я же сказал тебе: не знаю, — ответил он, решив про себя, что он идиот.

Она отвернулась от него к стене.

— Одно из двух: или я нужна тебе, или не нужна.

— Это не совсем точно, — сказал Тэллоу со вздохом. — Ты можешь быть и нужна, и не нужна. Бывает же так: то что-то нужно, то нет. Иногда ты мне нужна.

«Думаю, я прав», — подумалось ему, хотя до этого случая такие мысли не приходили ему в голову.

Пандора лежала молча.

— Это ведь так, Пандора. — Он понял, что пора остановиться. — Сама знаешь, что это так.

Он почувствовал себя неуверенным, каким-то побитым. Помолчав, он запинаясь пробормотал:

— Любовь — это еще не все.

— Не все? — приглушенно и холодно спросила она.

— Да, не все! — решительно произнес он, и гнев прояснил ему разум.

Он вскочил с постели, натянул на себя одежду, подошел к окну и резким движением раздернул шторы. Там шел дождь. В отдалении виднелась река. Постояв немного у окна, он повернулся и посмотрел на Пандору. Та все еще лежала отвернувшись, и он не мог видеть выражение ее лица.

Он босиком вышел из комнаты и прошлепал в ванную. Он чувствовал беспокойство, но причины этого объяснить не мог. Он знал, что был прав, знал, что нельзя было так говорить, но был рад, что все же сказал.

Ногам было холодно от пола. За окнами и по крыше барабанил дождь. День выдался смурной и противный, как раз под его настроение.

За завтраком она быстро обрела свое прежнее настроение, и оба — по крайней мере на какое-то время — забыли об утренней размолвке.

— Чем займемся сегодня, Ефраим? — спросила Пандора, поставив на стол кофейную чашку.

В полудреме, не сознавая, что говорит, Тэллоу сказал первое, что пришло в голову:

— Верхом покатаемся — вот что! Я видел, у тебя есть лошади.

— Есть, но я не знала, что ты можешь держаться в седле.

— Не могу, — с улыбкой ответил он. — Не могу, дорогая, но научусь.

— Конечно научишься! — К ней полностью вернулось настроение. — А дождь нам не помешает?

— Пусть идет — нам он не помешает. По коням, дорогая!

Он как ненормальный вылетел из комнаты, она со смехом бросилась за ним.

Целый день они ездили верхом, отрываясь, когда проглядывало солнце, лишь на еду и любовь. Первые два часа Тэллоу держался на лошади неуверенно, а потом понял, как надо сидеть, как управлять лошадью. Он оказался способным учеником. С того вечера, когда он увидел золотой баркас, он выучил множество вещей, и учился им на лету. Его восприимчивый ум как губка поглощал все повое. Они скакали под дождем и под солнцем, смеялись и занимались любовью, забывая обо всем на свете, — Тэллоу, худой и длинноногий на своей гнедой лошади, и Пандора, изящная и ненасытная, иногда веселая, чаще загадочная и всегда искренняя. Пандора, настоящая женщина.

Через несколько часов они очутились на берегу реки. Это место Тэллоу, уснув за рулем, прошел неделей раньше. Они поднялись на пригорок и, задыхаясь от волнения, припали друг к другу, опустились на мокрую траву, не замечая ничего вокруг.

— Твоя река, — прошептала Пандора через некоторое время. — Отныне я всегда буду считать ее твоей. Я считала ее своей, но теперь я знаю, что это, оказывается, не так.

Тэллоу поразился ее словам. И сказал:

— Река принадлежит всем и тем хороша. Это река всех и каждого.

— Нет, — возразила она. — Она твоя, я точно знаю.

— Да не моя она, дорогая, — нежно спорил он с ней. — Каждый может плавать по ней, купаться в ней, пить из нее. На то и река.

— Может быть, — отчасти согласилась она наконец. — Может быть. Но я буду всегда думать о ней так. Река — это твоя жизнь.

— В один прекрасный день я подарю ее тебе, дорогая, — с улыбкой произнес он и был прав, хотя и сам еще не знал этого.

Он бросил взгляд на реку — и вдруг увидел золотой баркас, спокойно, как всегда, плывущий по реке. Тэллоу обернулся к Пандоре и, протянув руку в сторону реки, воскликнул:

— Вон, смотри, я не шутил! Золотое судно!

Но когда он взглянул на реку снова, он ничего не увидел, а Пандора поднялась и пошла к лошадям.

— Вечно ты все испортишь, — сказала она. — Ты все время говоришь такое, чтобы сделать мне неприятно.

Они в молчании ехали вдоль реки, и Тэллоу думал то о баркасе, то о Пандоре.

К вечеру конфликт оставался незаглаженным. Они сидели у камина в гостиной и с мрачным видом пили вино. Пандора вся ошетичилась, Тэллоу был взбудоражен, он задавался вопросом, достижимо или нет то, чего он хочет. Так они сидели, пока за окнами не послышался шум, и Тэллоу подошел к окну посмотреть, что там. В темноте он не многое увидел. Слышались смех и восклицания, мерцали факелы, метались тени. Тэллоу увидел, как подвыпившая компания направляется к дому. Такая перемена обстановки его обрадовала.

— Гости, — сообщил он. — Гуляют.

— Не хочу я их видеть.

— Почему? Погуляем, повеселимся.

— Да замолчи ты! — рассердилась на него Пандора.

Он вздохнул и стал спускаться в темный, холодный, продуваемый сквозняками холл. Уже на подходе он услышал стук в полуоткрытую дверь.

— Эй, здесь есть кто-нибудь?!

— Хозяин, не найдется ли приюта бедным усталым странникам?

Взрыв смеха. Потом женский голос произнес:

— А может, у него и хозяина нет?

Другой женский голос ответил:

— Да нет, дорогая, я видела свет наверху.

— Так есть тут кто-нибудь?!

— У нас с собой не одна бутылка!

И снова взрыв смеха.

Тэллоу потянул на себя дверь и вышел к пришельцам, потревожившим его покой. Ему неясно почувствовалось, что эти люди представляют собой угрозу.

— Добрый вечер, — произнес он с некоторым вызовом.

— Добрый вечер, мой дорогой сударь, добрый вам вечер!

Это говорил с нагловатой высокомерной улыбочкой, шутовски кланяясь, дородный мужчина, закутанный в замысловатую одежду, в плаще, сапогах по колено, цилиндре и с отделанной серебром тростью.

— Чем могу быть полезен? — спросил Тэллоу, совсем не желая быть полезным этим людям.

— Мы заблудились. — Мужчина был пьян. Покачнувшись в сторону Тэллоу, он пристально уставился на него. От мужчины разило спиртным. — Мы заблудились, нам некуда податься. Вы не смогли бы принять нас?

— Дом не мой, — ответил опешивший от неожиданности Тэллоу. — Я узнаю. Да вы пока зайдите. И как вас занесло в такую даль?

— По реке... Было много всяких лодок... Весело... Пока мы не заблудились.

— Хорошо.

Тэллоу поднялся обратно к Пандоре. Она все еще сидела надувшись.

— Кто это? — раздраженно спросила она. — Скажи, чтоб убирались, и пойдем спать.

— Согласен с тобой, дорогая. — К Тэллоу вернулось его прежнее настроение, и он затараторил, хотя сказал вовсе не то, что хотел. — Но мы не можем их прогнать. Они же заблудились. Пусть переночуют здесь, они нам не помешают.

— Надо бы взглянуть на них, Ефраим.

Пандора встала, поцеловала его, и они дружно, рука в руке, спустились по лестнице.

Факелы ночных гуляк все еще горели, превратив пыльный холл в адское видение — огни, танцующие тени. Толстый заво-

дила компании увидел спускающихся по лестнице Пандору и Тэллоу и воззрился на Пандору.

— Хозяйка дома! — громко и ясно объявил он друзьям, и они засмеялись, как бы пытаясь сплести неловкость: теперь он начинал смущать их своими выходками. Смех и эхо пыльного холла смешались в какофонии звуков.

Вежливо и бесстрастно Пандора сказала:

— Можете остановиться здесь на ночь, если желаете. Кроватей на всех хватит. — И повернула обратно.

— Кроватей!

Подвыпившая компания с весельем восприняла это слово.

— Кроватей! Кроватей! Кроватей! — повторяли все хором.

Через некоторое время их возгласы слились в нечленораздельные звуки, смешавшиеся с визгливым смехом. Пандора и Тэллоу остановились.

— Зажи-ка им свет, Ефраим, — предложила она ему.

Тэллоу пожал плечами, потом с неохотой подошел к одному из прищельцев и, попросив у него факел, стал зажигать одну свечу за другой. Холл озарился светом, поразив прищельцев. Опять пошли смешки. В центре зала стоял большой стол, у стен выстроились стулья. В первый раз Тэллоу увидел это помещение освещенным. В облупленные стены вделась грязь. На свету сразу стали видны крупные пятна плесени, образовавшей колонии на потолке и степах. Тэллоу пожал плечами и двинулся к лестнице, но Пандора остановила его, положив руку ему на плечо.

— Подождем немного, — произнесла она.

«Решала бы скорей», — угрюмо подумал Тэллоу и пожалел, что поддался порыву и впустил этих людей. По меркам Тэллоу, это все был народ нежного склада — изящные женщины с холодными глазами и полные мужчины с пустыми глазами, мечущиеся по жизни, недовольные своими порожденными страхом ценностями и страшась обрести новые, обманывая самих себя, будто они живые. Тэллоу мог только жалеть таких и презирать то, что они представляли собой. Каждое лишнее мгновение, пока они находились здесь, они загоняли его внутрь себя, заставляли отступать в потемки собственной души.

Он продолжал смотреть на них с высоты своего разума. Они стали заставлять стол бутылками, и Пандора растворилась среди этой людской мелочи. Тэллоу почувствовал безотчетный страх, но тело не подчинялось разуму, и он продолжал стоять и смотреть на них, неспособный пойти ни к ним, ни от них. И вот во все стороны полетели одежды — и голубые платья.

и черные накидки. Колыхались голые животы, прыгали голые груди, на фоне нездорово белых тел резко выделялись черные волосы. Тэллоу стало мутить. Наконец его ноги сдвинулись с места и понесли его в спальню. Его «я» был нанесен сильный удар, но еще сильнее была боль потери, боль унижения. Он лег на кровать, всхлипывая от досады, захлестываемый эмоциями, охваченный жалостью к самому себе, не способный ни о чем думать.

Он лежал так несколько часов, ощущая в голове пульсирующую боль, потом впал в поверхностный сон, который длился с час. Окончательно проснувшись, он ощутил полное спокойствие. Он понимал, что поступил неправильно, что разрушил часть самого себя, променяв охоту за баркасом на любовь Пандоры. Он много времени убил здесь, пора браться за возобновление преследования, если не поздно. В этом заключалась его цель и его предназначение в жизни — следовать туда, куда она вела его, не обращая внимания на отвлекающие факторы. Тэллоу достал из шкафа и надел на плечи длинную шерстяную накидку, затем вышел из спальни, испытывая неприятное чувство оттого, что надо было пройти через холл. Но когда Тэллоу достиг холла, он остановился, словно пораженный громом.

В центре холла он увидел пульсирующую пирамиду плоти, плоти чистой и грязной, нежной и грубой. Все это выглядело нелепо. Руки и ноги были переплетены самым немыслимым образом, рука словно вырастала из розовых ягодиц, носы упирались в ноги, глаза таращились из-под половых органов, лица возлежали на спинах, пятки касались грудей. Такая сцена могла вызвать отвращение у Тэллоу, но вместо этого он был ошарашен, и прежде всего из-за страшного зрелища: над пульсирующей человеческой горой вздымалась рука и мерно размахивала зажатым в ней сверкающим бокалом с вином. Длинные ногти имели пурпурно-красный цвет. Это были пальцы Пандоры. Рука то и дело исчезала, но вновь появлялась с тем же полным бокалом вина, и держала она его над пирамидой тел, как статуя Свободы свой факел. У Тэллоу комок встал в горле, глаза вылезли из орбит. И снова он почувствовал прежнюю горечь. На цыпочках он обошел живую гору, направился к двери и, уходя, произнес:

— Спокойной ночи, Пандора.

Рука с бокалом помахала ему.

— Спокойной ночи, Ефраим! До встречи!

Голос прозвучал приглушенно и невнятно, окрашенный притворной веселостью, что было совсем не похоже на искреннюю

Пандору. Обычно в ее голосе звучало счастье или озабоченность, он никогда не фальшивил.

— Встречи не будет, Пандора, — крикнул он и с этими словами открыл дверь, вылетел в темноту дождливой ночи и, ничего не видя, побежал по песчаной дорожке вниз к реке. Он бежал от чего-то такого, что поселилось в нем, от чего он не мог сбежать, что разъедало его душу и чего он не мог перебороть. Но бежал.

Его лодка по-прежнему сидела на мели, наполовину залитая дождевой водой. Тэллоу обескураженно поглядел на нее некоторое время, потом, махнув рукой, снял с себя накидку и ступил на холодную мрачную воду. Он вздрогнул, напрягся, но заставил себя идти дальше. Добравшись до лодки, он как следует ухватился за нее и перемахнул через борт. Напрягая зрение, он стал искать черпак, нашел наконец и стал вычерпывать воду из лодки.

Покончив с этим занятием, он снова спрыгнул в воду и медленно обошел лодку, стараясь при тусклом свете луны осмотреть ее со всех сторон. Потом стал пытаться приподнять лодку с кормы. Удалось немного сдвинуть ее с места. Затем зашел с левого борта и стал ее раскачивать, чтобы из-под нее вымыло слежавшийся песок.

Спустя три часа лодка была на плаву. Устав от работы, Тэллоу прилег на мокрую банку и слегка задремал. Проснулся он, услышав движение на берегу. Сделав усилие, он привстал и посмотрел через борт. Освещаемая со спины луной, на берегу стояла Пандора. Волосы у нее были растрепаны и развевались на ветру, она была закутана в мужской черный плащ.

— Ефраим, — обратилась она к нему, — прости, я не знаю, как это вышло.

На сердце Тэллоу почувствовал тяжесть, мысли путались.

— Все нормально, Пандора. В любом случае я отбываю.

— Из-за этого? — И она показала рукой на дом.

— Нет, — медленно произнес он. — По крайней мере, не только из-за этого. Но это подтолкнуло.

— Возьми меня с собой, — робко попросила она. — Я буду делать все, что ты скажешь.

Тэллоу оказался в растерянности.

— Не надо, Пандора, не стоит унижаться передо мной. — Он стряхнул воду с паруса. — Прощай!

Но Пандора бросилась в воду и ухватилась за борт, отчаяние придало ей дополнительные силы, и она забралась в лодку.

— Уходи, Пандора! Все кончено! Ты ломаешь жизнь мне и себе!

Мокрая и грязная, она униженно бросилась к его ногам, чего Тэллоу никак не мог ожидать от этой гордячки.

— Ну возьми меня! — запричитала она.

Лодка уже вышла на стремнину и быстро удалялась от берега.

— О Господи, Пандора! — воскликнул он. — Не заставляй меня... Я должен догонять баркас.

— Ефраим, дорогой, я хочу быть с тобой.

Слезы потекли у него по щекам, оставляя поблескивающие полосы. Он учащенно дышал, мысли насканивали одна на другую, душа была переполнена самыми разными переживаниями, он сейчас не способен был на какое-то решение, только на слова.

Внезапно он сдался, и ему стало стыдно за себя. Он опустил-ся к ней, приподнял ее мокрое тело на руки, сопереживая ее горю. Измученные переживаниями, смятенные, они крепко обнялись — и так и заснули.

Рассвет был зловещим, безоблачным, ярким. Тэллоу чувствовал резь в глазах. Пандора все еще спала беспокойным сном, но вот-вот должна была проснуться. Она вздохнула, еще не решаясь открыть глаза, и на Тэллоу нахлынула жалость к этой женщине. Потом он посмотрел на реку, простиравшуюся здесь до самого горизонта. Впереди замаячило золото. Тэллоу решил-ся. Теперь или никогда.

Он поднял Пандору на руки. Она улыбалась во сне: ей снил-ся он. Он оторвал ее от себя и швырнул — швырнул ее в реку.

Мгновенно придя в себя, она закричала страшным криком.

ВОЛК

Маленький городок — чей ты, приятель? Кто здесь тобой владеет? Ты уединенно расположился в небольшой долине, окруженный бастионом надменных сосен, покрытый сетью разбитых грунтовых дорог и зелеными островками прохладных кладбищ. Я стою в твоём центре — в самом тихом месте. Среди маленьких домиков я ищу твоего хозяина. В глубине моего мозга поселилась ночь.

Я останавливаю нетвердо держащегося на ногах мужчину. У него длинное лицо и чувственные губы уголками вниз. Он молча пялится на меня, лишь проблеск мысли в его серых глазах.

— Кто владеет этим городом? — спрашиваю я.

— Люди, — отвечает он. — Горожане.

Я смеюсь шутке, но он даже не улыбается.

— Я серьёзно, скажи, кому принадлежит этот городок?

Он пожимает плечами и идет прочь. Я смеюсь и кричу еще громче:

— Кто здесь хозяин, приятель?

Может быть, я не нравлюсь ему?

Что такое человек без настроения? Оно есть даже у спящего.

Я презрительно смеюсь над тем, кто не захотел улыбнуться, и долго смотрю ему в спину, пока он неловкой деревянной походкой идет через мостик из дерева и металла, перекинутый через тихий, переполненный цветами и опавшими листьями ручеек.

Серебристая фляга, наполненная сладостным огнем, приятно холодит руку. Я знаю, что огонь там, внутри, и, подняв флягу, поглощаю его, позволяя и ему поглотить меня. Мы не торопясь уничтожаем друг друга — огонь и я.

Внутренности мои полыхают, ослабшие ноги сводит дрожью, ступни ноют. *Не покидай меня, возлюбленная, в это жалкое утро как желанны твои волосы и как нелепы твои насмешки. Не покидай меня, солёный дождь умывает мое холодное лицо.* Я опять смеюсь и повторяю слова того человека: «Горожане — люди!» Хо-хо-хо! Но никто не слышит мой смех, если никого нет в этом белоснежном городке, за занавешенными окнами. *Где ты, любимая, где ты, насмешница, где твои ногти, вонзающиеся в мою плоть?*

Никто не слышит мой смех, если никого нет за занавешенными окнами этого белого городка. *Где ты, любимая, где ты, насмешница, где твои ногти, вонзающиеся в мою плоть?*

Все расплывается перед глазами, словно заволакиваясь каким-то неприятным дымом, я медленно оседаю на булыжную мостовую и жгучая боль, дуюм за дюймом, охватывает мое лицо.

Где же успокоение, которое так жаждешь отыскать в женщине? Почему его никогда нет в фальшивой ее набожности?

Зрение возвращается ко мне, и я смотрю вверх, где весь мир заполнен голубым небом. Потом все сменяется беспокойной лавиной звуков, исходящих от хорошенького, глазастого личика. Вопросы меня раздражают. Вероятно, потому, что я не могу на них ответить. Ни на один. Я улыбаюсь, несмотря на злость, и цинично говорю:

— Неплохое развлечение, неправда ли?

Девушка качает головой, продолжая о чем-то взволнованно говорить. Изящная головка, алые, как кровь, губы — самое яркое пятно на тонком лице.

— Что с вами случилось? Кто вы?

— Это слишком личный вопрос, моя милая, — снисходительно отсылаюсь я. — Но я решил не обижаться на это.

— Спасибо, — говорит она. — Вы хотите подняться? Вам нужна помощь?

Еще как нужна, но пока ей лучше про это не знать.

— Я ищу подружку, она пошла в эту сторону, — говорю я. — Может, вы ее знаете? Такая растолстевшая на моей жизни, съевшая мою душу. Ее, должно быть, легко узнать.

— Нет, я не...

— А... хорошо, если вам случится ее встретить, буду весьма признателен, если сообщите мне. Я еще пробуду в этих краях некоторое время. Мне понравился этот город.

Внезапно меня осеняет:

— А может, он вам принадлежит?

— О нет.

— Пожалуйста, извините, если я вас смутил этим вопросом. Лично я возгордился бы, владея таким городом. Как вы думаете, он продается?

— Вам лучше подняться, а то могут арестовать. Вставайте же!

Все-таки это нежелание жителей сообщить, кто хозяин города, меня смутно тревожило. Естественно, купить его мне не по карману — я схитрил, чтобы узнать, кто же им владеет? Не слишком ли эта девица умна для меня? Весьма неутешительно.

— Вы — как подбитая птица, — улыбается она. — Со сломанными крыльями.

Я быстро встаю, отклонив протянутую руку.

— Показывайте дорогу.

Она хмурится, а затем говорит:

— Пожалуй, домой.

И мы идем рядом, она — чуть впереди. Я показываю на небо:

— Вон там облако в форме облака!

Она улыбается, а я приободрен настолько, что готов ее благодарить.

Мы подходим к ее дому; зеленая дверь открывается прямо на улицу, в окна видны красно-желтые занавески. Каменные стены покрыты белой, начавшей отслаиваться краской. Она достает ключ, вставляет его в большой железный замок и широко распахивает дверь, грациозно приглашая меня войти первым. Я наклоняю голову и прохожу в темную прихожую. Здесь много старинных полированных вещей — дубовых и латунных, бронзовых лошадок, подсвечников без свечей; пахнет лавандой. Справа от меня лестница, ввинчивающаяся во мрак; ее ступеньки покрыты темно-красным ковром.

На высоких полках стоят вазы с папоротниками. Несколько таких ваз и на подоконнике возле двери.

— Если хотите побриться, то бритва у меня есть, — сообщает она. Ей повезло: я достаточно самокритичен и понимаю, что побриться необходимо, поэтому благодарю ее. Взметнув широкой юбкой, она поднимается по лестнице на верхний этаж, провожая меня в маленькую, пахнущую духами и дезинфицирующим средством, ванную.

Солнце село, и синее небо враз помрачнело. Она включает свет и показывает мне безопасную бритву, мыло, полотенце.

Поворачивает кран, и вода струится в ее сложенную чашечкой ладонь.

— Еще горячая, — говорит она, поворачивается и выходит, закрывая за собой дверь. Я устал и бреюсь кое-как. Затем сообщаю, что неплохо бы помыть руки. Потом иду к двери, чтобы убедиться, что она не заперта, и высовываюсь в освещенный коридор.

— Эй! — кричу я до тех пор, пока ее головка не выглядывает из-за двери где-то в конце коридора. — Я уже побрился.

Я улыбаюсь, а мои глаза говорят, что я знаю, что под одеждой она голая. Все они такие. Что бы они делали без своей одежды и своих волос?

Где же она? Она шла в эту сторону — меня привел сюда, в этот город, запах ее следов. Она может дурачить меня, даже спрятаться в этой женщине. Она всегда была по-своему умна. Я сломаю ей и другую руку. Буду слушать, как трещат у нее кости. И они не схватят меня. Она высосала из меня жизнь, а меня обвинили за то, что я сломал у нее пальцы. Я ведь только пытался добраться до кольца, которое ей подарил, скрытое в блеске других.

Это она сделала меня волком — с пастью, набитой острейшими зубами.

Я с грохотом скатываюсь вниз, топотом заставляя стонать и скрипеть ступени, отыскиваю нужную мне комнату и вхожу. Глубокие кожаные кресла; опять бронза и дуб; опять папоротники в дымчатом, пурпурном с алым, стекле. Камин без огня. Мягкий, многоцветный ковер. Миниатюрное пианино с черными белыми клавишами, над ним — в раме — картина.

Стол, покрытый белой скагертью, сервирован на двоих. Рядом два приземистых стула.

Я стою спиной к камину и слышу, как стучат по ступенькам ее тонкие каблочки.

— Добрый вечер, — вежливо говорю я, когда она появляется в облегающем фигуру платье из темно-синего вельвета, с рубинами в ушах и вокруг шеи. На ее пальцах ослепительно сверкают кольца, и я с трудом справляюсь с собой.

— Пожалуйста, садитесь. — Она вновь повторяет тот самый грациозный жест рукой, указывая на стул, обитый желтой кожей. — Вам теперь лучше?

Во мне затаилось подозрение, и я не отвечаю. Кто знает, может быть, это опять уловка.

— Принесу обед, — говорит она. — Я скоро.

И опять я раскусил ее. А раз так, меня не победить.

Я жадно поглощаю непонятное блюдо и позже спохватываюсь, что оно может быть отравлено. Но — философски рассуждаю я — теперь уж все равно слишком поздно, и жду кофе. Его-то я проверю: если пахнет миндалем, значит, в нем яд. Пытаюсь вспомнить, не было ли в каком-нибудь блюде, которое я съел, прикуса миндаля. Кажется, не было. Теперь можно чувствовать себя относительно спокойно.

Она приносит в большом коричневом глиняном кофейнике дымящийся кофе. Присаживается рядом и наливает мне в чашку. Кофе пахнет приятно, и я с облегчением обнаруживаю, что запаха горького миндаля нет. Впрочем, если разобраться, я все равно не знаю, как пахнет горький миндаль.

— Если хотите, можете переночевать здесь. Одна комната свободна.

— Благодарю вас, — отвечаю я, хитро прищурившись. Она не смотрит на меня и протягивает за кофейником узкую ладонь.

— Благодарю вас, — повторяю я. Она не отвечает. Притворяется? Кажется, она собирается мне что-то сказать, бросает на меня быстрый взгляд — но передумывает и не говорит ничего. Откинувшись на спинку стула, с чашечкой кофе в руке, я тихо посмеиваюсь.

— Есть волки, и есть овцы, — изрекаю я то, что не раз уже изрекал. — Вот вы, например, кто будете?

— Ни то, ни другое, — отвечает она.

— Значит, вы — овца! — заявляю я. — Волки знают, кто они такие, для чего они нужны. Я вот — волк.

— Действительно, — соглашается она, по-видимому устав от моей философии и не понимая ее. — Лучше ложитесь в постель, вы ведь устали.

— Прекрасно, — легко соглашаюсь я. — Раз уж вы настаиваете.

Она отводит меня наверх, в комнату, выходящую окнами на неосвещенную улицу, и желает спокойной ночи. Закрыв дверь, я долго прислушиваюсь, ожидая звука поворачивающегося ключа, но ничего не слышу. В комнате высокая старомодная кровать, простая лампа с абажуром из двух слоев бумаги, между которыми располагаются высушенные цветы, пустой книжный шкаф и деревянный сгуд, покрытый искусной резьбой. Кончиками пальцев я прикасаюсь к нему и от удовольствия вздрагиваю. Потом стаскиваю с кровати стеганое одеяло и рассматриваю простыни: они чистые и пахнут свежестью. Две белоснежные подушки мягкие и уютны. Выбравшись из костюма и сняв ботинки, я выключаю свет и, слегка вздрогнув, опускаюсь на простыни. Засыпаю

быстро, хотя еще не так уж и поздно. Я уверен, что проснусь на рассвете.

Когда бледные солнечные лучи начинают пробиваться сквозь занавески, я открываю глаза. Лежа в постели, пытаюсь снова погрузиться в сон, но не могу. Отбросив одеяло, встаю и подхожу к окну.

Невероятно: огромный заяц несется по улице, следом мчит-ся ревущий грузовик, но заяц никуда не сворачивает. Я взволнован до предела. Толкнув дверь, вылетаю в коридор и с шумом врываюсь в комнату хозяйки. Она спит; одна рука вытянута поверх одеяла и ладонь свешивается с края кровати, белые плечи исполнены жизни. Я вцепляюсь в ее плечо, чтобы боль заставила ее проснуться. Она вскрикивает и, дрожа, садится.

— Быстрее! — кричу я. — Идите смотреть. На улице — заяц!

— Уходите, я хочу спать, — говорит она. — Хочу спать!

— Нет! Вы должны посмотреть на зайца. Как он сюда попал?

Она неохотно встает и идет за мной. Я бросаюсь к окну и с облегчением убеждаюсь, что заяц еще там.

— Смотрите!

Она стоит рядом и тоже изумлена:

— Бедняжка, мы должны его спасти.

— Спасти?! — Я потрясен. — Спасти? Нет, я убью его, и мы сможем его съесть.

Ее передергивает:

— Как вы можете быть так жестоки?

Заяц скрывается за углом. Я в ярости, все нервы натянуты до предела.

— Он убежал!!

— Наверное, это к лучшему, — говорит она примирительно. Я разъяряюсь настолько, что начинаю даже всхлипывать. Она трогает меня за руку: — Что случилось?

Я сбрасываю ее руку, но через мгновение оказываюсь рыдающим на ее груди. Она похлопывает меня по спине, и мне становится легче.

— Можно, я пойду к вам в постель? — шепчу я.

— Нет, — спокойно отвечает она. — Вам надо отдохнуть.

— Умоляю! — настаиваю я, но она вырывается и отступает к двери.

— Нет! Отдыхайте.

Я иду за ней, возбужденный, с горящими глазами.

— Вы кое-что должны мне, — злобно бормочу я. — Вы все должны мне!

— Уходите! — со страхом просит она, и угроза в голосе сменяется отчаянием. Я выхожу в коридор вслед за ней. Она бежит, но и я бегу и успеваю схватить ее, прежде чем она доберется до своей комнаты. Она пронзительно кричит. Я сжимаю ей пальцы и медленно отгибаю назад, одновременно зажимая ей рот, чтобы прекратить эти жуткие крики. Кости, окруженные тонкой, бледной плотью, ломаются. Не все сразу. Я воюю зубами в сухожилия, кровь сочится мне в рот. Убивая ее, я плачу.

Зачем она выпила мою душу через нанесенные ею раны и я стал волком? Или зверь всегда таился во мне, и достаточно было причинить ей боль, чтобы ярость вырвалась на свободу?

Но — она мертва.

Я забыл об этом и искал ее в этом чудесном городке.

Теперь мертва и другая.

Пусть убийство поглотит меня, пока я не превращусь в безвредную жалкую песчинку, защищенную ничтожными размерами...

О Боже, моя кровавая возлюбленная...

ВСЕПОГЛОЩАЮЩАЯ СТРАСТЬ

Я осторожно крадусь по мягким, сухим стружкам. Вокруг смутно вырисовываются очертания покрытых брезентом штабелей бревен. Именно в такие темные, как эта, ночи, я особенно наслаждаюсь своей работой; плоды моих трудов тогда видны гораздо лучше.

Рот становится настолько сухим, что напоминает высохшее дерево, по которому я ступаю. Легкие дышат учащенно, сердце тяжело колотится о ребра. А вот и укромное местечко, где высятся сложенные легкие рейки. Прекрасная растопка.

Из маленького, специально приспособленного кармашка я извлекаю блестящую бензиновую зажигалку. За нажатием пальца следует шаркающий звук колесика, потом от кремня к фитилю случайно проскакивает искра и становится виден дымок. Как оно совершенно, это крохотное, остроконечное, вечно колеблющееся пламя!

В карманах куртки лежит туго скрученная бумага. Я запикиваю ее в промежутки между сложенными рейками. Теперь надо поднести огонь.

Пламя, изящно устремляя вверх прелестные, ищущие язычки, скользит дальше по дереву. Легкие наполняются восхитительным запахом дыма.

Я отступаю назад, мне хочется смеяться при виде сотворенного мною огня. Скоро он поглотит штабеля древесины. Но мне надо бежать. Бежать далеко. Если застучают, то закончатся мои дни творения. Так тепло у огня, но надо смываться, несмотря на пробирающий до костей ночной холод.

«Новый большой пожар. *Подозревается поджог.* Маньяк на свободе?»

Джордан Меннсл читает заголовок, и сердце его учащенно бьется. На красивых губах блуждает улыбка, темные глаза жадно пробегают колонки.

Вот и еще один шедевр создан.

Всего десять. Десять великих творений сердца. Десять триумфов, десять маленьких тетрадок с аккуратно вклеенными вырезками. Теперь для них есть имя. А у него — есть псевдоним.

Джек-Поджигатель!

Завтра я попробую в одиннадцатый раз. Хватит мелких поджогов в садах, хватит случайных спичек, украдкой брошенных в корзины для бумаг. Отныне — только грандиозные дела. Огромные древесные склады, свалки резиновых отходов, резервуары с бензином. Я, аки Господь, создаю пламя, которое все уничтожает. Да, я и создатель, и разрушитель. Эта сила — в моих руках. Великолепная мощь прыгающего, гудящего, ревущего, рвущегося ввысь пламени — багрового, золотисто-рыжего, серебристо-голубого. Гигантские столбы дыма и кровавое зарево на горизонте! А вокруг — безумная суета людишек, испуганных и бессильных!

Завтра — одиннадцатое, самое грандиозное творение. Завтра — мебельный магазин Деннисена. Никакой охраны, совершенно безопасно. Восемь этажей горючего материала. Подходящий памятник моему могуществу! Сегодня — унылая ткань и безжизненное дерево. Завтра — великолепная, ожившая глыба!

Он надевает черные брюки, темную рубашку, башмаки на мягкой подошве; нащупывает твердую, гладкую зажигалку, проверяет бумагу. Она на месте, около бедра.

Он подходит к замызганной задней двери с бурой отслаивающейся краской. Поворачивает в тугом замке ржавый ключ и выходит на булыжный двор. Потом, пройдя мимо ветхого сарая с дверцей, висевшей на одной петле, минуя покосившийся забор, попадает на узкую гаревую аллею. Потом его захватывает целый лабиринт дорожек, петляющих среди однообразных рядов домов. Впереди — яркие огни Хай-стрит, которую он пересекает броском. И тут же оказывается в темноте соседней узкой

аллеи, состоящей из железобетонной стены и высокого забора из рифленого железа. Забор, словно пальцами, цепляется за небо своим заостренным гребнем.

Знак, нанесенный белой краской. Клочок пены на волнистой поверхности забора. После беготни по пустынной главной улице дышится тяжело.

Он снимает куртку и швыряет ее вверх, на острый гребень забора. Стремительный бросок — и, вцепившись в нее руками, он без особых усилий осторожно подтягивается и переваливается через забор. Повиснув на миг на одной руке, хватает другой куртку и падает вниз. С громким треском рвется ткань, но и куртка падает за ним следом. Он надевает ее и оглядывается по сторонам.

В силуэтах нагроможденных вокруг вещей легко угадываются древние комоды, престарелые диваны, кучи кроватных пружин.

Он достает острый стальной нож и пытается взломать замок на двери. Кромсает дерево, понимая, что эти следы могут обнаружить. Ну и пусть, думает он, пусть узнают, что это сделал я.

Я — в темном коридоре, пропитанном запахами лака, фанеры, ткани; бреду вдоль него и натываюсь на лестницу, ведущую в подвал. Я бывал уже здесь. Покупал когда-то стул в отделе подержанной мебели, расположенном в подвале.

Я знаю, что делать. Надо поджечь мебель, потом быстро подняться на восьмой этаж и запалить хранящиеся там ткани. Потом открыть окна, чтобы ветер хорошенько раздул пламя.

Я вынимаю маленький карманный фонарик и вожу лучом по подвалу. Шкафы, высокие комоды, книжные стеллажи, ковер на полу... Все на вид такое хрупкое. Тем лучше. Вот буфет, окрашенный в бледно-кремовый цвет, из очень тонких досок... Идеальное место! Вынимаю из кармана бумагу и кладу ее на нижнюю полку буфета. Рядом болтаются какие-то занавески, отделяющие другое помещение. Я рву их на куски, и кольца на них тихо побрякивают, затем распикиваю по разным полкам.

Достаю зажигалку. Неистовое ликование и ощущение собственного могущества затопляют меня. Я дышу тяжело, рука немного дрожит, сердце в грудной клетке выбивает бешеную дробь. Это — высочайший миг, это — почти все, чего я могу себе пожелать. Большим пальцем я жму на зажигалку.

Ничего не происходит. Короткая искра — и все. Нажимаю снова, раздается тихий щелчок. Мне хорошо знаком этот звук, когда кончается кремнь. В полнейшем смятении чувств я извергаю мучительный стон и рву на себе волосы. Затем яростным взглядом оглядываю буфет. И он вспыхивает огнем.

И горит — с треском и ревом, ярко и немедленно — как не разгорается от слабого, трепещущего огонька. Я пристально оглядываю шкаф и мысленно желаю, чтобы и он загорелся. Но ничего не происходит. Тем временем пламя уже подбирается ко мне, и я поворачиваюсь и бегу из подвала, прыгая через несколько ступенек разом. Открываю на каждой площадке окна. Еще один пролет, и еще, и еще... Пока, тяжело дыша, не оказываюсь на последнем этаже.

До меня внезапно доходит, что сотворить еще один пожар нечем: нет ни зажигалки, ни спичек. В отчаянии я мечусь среди рулонов ткани, ваты и нейлона, которые так славно горят! Я чувствую себя как писатель без пера или художник без кистей. Холст передо мной, а писать по нему нечем! Нечем сотворить пылающее великолепие.

Меня вновь охватывает ярость. Бывает ли Господь в таком состоянии, когда творит Свои чудеса? Всем сердцем я желаю, чтобы загорелись вата и нейлон. И они... загораются. Совершенно неожиданно вокруг меня все разом начинает полыхать. Долгий-долгий миг я стою и упиваюсь зрелищем пляшущего огня, вдыхаю запах горящей ткани...

Позже до меня доходит, что так можно и с жизнью расстаться. И никогда больше не сотворить подобную красоту и великолепие. Я поворачиваюсь и бросаюсь вниз по лестнице. Добравшись до последнего пролета, вижу в подвале чудное зарево.

Рывком распахиваю дверь и выбегаю во двор. Меня вновь останавливает забор — издававший, злобный. Почему я не подумал об этом раньше? Стиснув зубы, скривив рот, я просто плавлюсь от злобы. И — забор начинает разрушаться. В нем появляется небольшое отверстие с каплями раскаленного добела металла по краям. Я стремительно проскакиваю через оплавленную дыру и взываю от того, что огненная капля попадает мне на плечо и прожигает насквозь куртку. Я срываю ее с себя, швыряю в сторону и несусь но аллее тем же путем, каким добирался сюда.

Хай-стрит безлюдна. Я проношусь поперек нее, в сторону безопасных улочек позади длинных рядов домов. Боль в плече мучительно донимает меня.

Джордан Меннел, в одних лишь пижамных штанах, восседает в потертом кресле, читая газету. Его правое плечо неряшливо заклеено большим куском грязного медицинского пластыря.

Легкая ухмылка бороздит чело, в очах — все тот же неистовый блеск. Он просматривает последние обзоры новостей.

«Один из самых ужасных пожаров в южном Лондоне!

Кто же этот Джек-Поджигатель?»

Как приятно, когда хвалят! Один из писак упоминает, что полиция снова подозревает поджог, считая его делом рук таинственного Джека-Поджигателя — под этим именем теперь публика знает Джордана Меннела. Одиннадцатый большой пожар в этом районе за две недели! Джордан Меннел видел его из окна своей спальни. Пожалуй, этот был самый впечатляющий. Анонимный обозреватель тоже с ним согласен.

Теперь Джордан Меннел обладает способностью сотворять еще более грандиозные пожары, когда и где только пожелает. Ему лишь следует достаточно сильно разъяриться. Джордан Меннел очень доволен.

Плечо сильно ноет, но это вскоре пройдет. Взгляд скользит по колонкам первой страницы, выискивая все хоть мало-мальски значимые домыслы и высказывания, и наконец натывается на некий абзац. Улыбка медленно сползает с его физиономии, а челюсть слегка отвисает. У полиции есть козырь! Обугленная куртка, обнаруженная на месте последнего пожара. Какой-то миг Меннел пребывает в растерянности. Но овладевает собой и вновь становится хладнокровным. При его-то новообретенных способностях можно послать полицию подальше. Даже если его и поймают. Он знает, на что теперь способен. Надо лишь сконцентрироваться и не распылять свой талант. Использовать, кроме гнева, и другие эмоции.

Когда я одеваюсь перед тем, как отправиться на работу, в дверь кто-то отрывисто стучит. Я слегка удивлен и тороплюсь одеться, прежде чем спуститься по узкой скрипучей лестнице и протянуть руку к двери. Пока поворачивается дверная ручка, я успеваю сообразить, кто бы это мог быть. Дверь медленно открывается, и я оказываюсь нос к носу со стоящим на пороге человеком. Одну ногу он поставил рядом с бутылкой

молока и коробкой яиц, а другая еще пребывает на обшарпанной бетонной дорожке. Темные, в тон ботинок, брюки, заляпанный грязью плащ цвета хаки. Под ним видны темная куртка, полосатая рубашка и синий талстук. У незнакомца двойной подбородок, маленькие усики и небесно-голубого цвета глаза под густыми бровями. И все это увенчано коричневой фетровой шляпой. Я совершенно уверен, что это перекодированный полицейский.

— Да? — вопрошаю я.

— Мистер Джордан Меннел? — Он знает, кто я. Но я все равно откликаюсь.

— Да, — говорю я, догадываясь, какие слова последуют далее.

— Я офицер полиции. Можно войти и задать вам несколько вопросов?

У него грубый голос, и он старается говорить повежливее. Что, кажется, явно не соответствует его натуре и не слишком камуфлирует гранитную сущность.

— Конечно. — А что еще я могу сказать в ответ?

Он входит, и мы проходим в маленькую гостиную. Я указываю на стул, и это движение вызывает в плече острую, пульсирующую боль. Тем не менее я улыбаюсь.

— Чем могу быть вам полезен, офицер? Ловите бандитов?

— Нет, сэр, — медленно произносит он. — Я насчет большого пожара у Деннисена.

— О, я читал об этом сегодня утром, — говорю я, сохраняя над собой полный контроль. — Ужасно.

— Да, сэр. Все сгорело дотла. А вашу куртку нашли совсем недалеко.

Пытается с ходу меня оглушить. Явный блеф. Я готов вступить в игру с этим ничтожным полицейским с его наивными хитростями.

— Моя куртка?! — Я изображаю полнейшее изумление. — Но это же невозможно!

— Ваше имя на ярлыке, пришитом изнутри, сэр. С правой стороны большая часть обгорела, но много и осталось. Не хотите пройти в участок и опознать куртку, сэр?

Я медленно закипаю, но, овладев собой, снова улыбаюсь:

— Хорошо, офицер. Но уверен, что вы ошибаетесь.

Ну что они могут мне сделать? Я — непобедим.

Мы вместе подходим к кирпичному зданию полицейского участка и долго идем холодным, отделанным мрамором коридором. Потом поднимаемся по короткой лестнице и попадаем

в уютную комнату. В углу горит газовая плита, а рядом с ней находится письменный стол; у входа — вешалка для одежды. На столе — проволочные подставки, бумаги, какой-то сверток... Небольшое оконце глядит на скучную улицу, по которой изредка проезжают унылого цвета машины. Или промчится кто-то, сбрызгивая все серое.

Эти люди должны быть благодарны за то, что я раскрашиваю их унылое существование такими яркими красками! А они вместо этого еще недовольны! Но, как бы это ни было плохо, я с этим должен смириться.

Офицер закрывает дверь и проходит к столу. Он разворачивает сверток, открывая остатки той самой куртки, которая была на мне прошлой ночью.

Я злюсь на себя за такую вопиющую беспечность. Понадеялся, что она сгорит дотла.

В тот самый момент, когда входит еще один полицейский в форме и начинает убирать на столе, я вновь ощущаю прилив энергии.

— Это моя куртка! — говорю я и продолжаю свою величавую речь в таком духе: — Это я повинен во всех одиннадцати пожарах, которые так вас растревожили. И буду причиной еще не одного пожара!

— Бог мой, Джек-Поджигатель! — ахает младший полицейский, а я учтиво ему кланяюсь. С охапкой бумаг он устремляется к выходу, без сомнения намереваясь поделиться этой новостью с сослуживцами. Вероятно, они попросят у меня автограф. Но я им откажу.

Впрочем, я все еще раздражен, но мне удастся выглядеть спокойным.

Офицер заметно потрясен, но демонстрирует достаточное самообладание, чтобы сообщить:

— В таком случае, мистер Меннел, может быть, вы хотите сделать заявление?

— Я сказал все, что хотел, — обрываю я. — А сейчас мне пора идти.

— Ну, нет! — Он рвется вперед, чтобы остановить меня.

Я быстро поворачиваюсь и пристально смотрю на него: если бы он сгорел, мне было бы легче смыться.

Пламя лижет его плоть, и он страшно кричит, но к тому времени, как я оказываюсь у выхода, он затихает.

— Держите его! Это Джек-Поджигатель! — Молодой полицейский в чрезвычайном возбуждении пронзительно кричит. Его товарищ, входящий в это время в здание, бросается мне

наперерез. Я поджигаю его мундир. Он начинает в бешеном танце сбивать огонь.

Я спокойно выхожу на улицу и медленно, словно на прогулке, шествую по ней. Несколько минут спустя у тротуара резко тормозит полицейская машина. Я тут же ее расплавляю, вместе с кричащими от ужаса людьми.

Я громко хохочу, упиваясь своим могуществом. Инстинкт самосохранения — великолепная вещь.

Люди бегают, кричат, толкаются, хватают меня и тут же вспыхивают, как гигантские пляшущие светлячки, исполняя грандиозный танец смерти.

Я шагаю широким шагом по вымошенным плитами проспектам и авеню, сжигая все и всех на своем пути. Я в состоянии завоевать целый мир и превратить его в одно сплошное пляшущее пламя. Во второе светило. Оно будет полыхать в небесах, как полыхало когда-то, миллионы лет тому назад.

Поступь моя легка и свободна, я ликую.

Проходит час, и я замечаю вдруг подкрадывающихся ко мне неуклюжих, уродливых человекоподобных фигур. У каждой — по одному широкому глазу, толстыми пальцами они сжимают винтовки.

— Остановись, Меннел! Стой, или будем стрелять!

Асбест! Конечно, я теперь вижу. Асбест сжечь я не могу. А эти винтовки меня могут укокошить. Я содрогаюсь от ужаса и мысленно желаю, чтобы они сгорели. Винтовки быстро расплавляются.

Но люди в асбестовых костюмах подтягиваются все ближе и ближе. Они тянут ко мне свои неуклюжие конечности, чтобы схватить.

Я отшатываюсь, не желая испытать подобное унижение, и бегу от них к высокому белоснежному зданию. Публичная библиотека.

Какая-то женщина кричит, когда я врываюсь внутрь, но я не обращаю внимания и несусь дальше. Мощный топот моих преследователей эхом догоняет меня по коридору. Я врываюсь в большой зал, заставленный стеллажами.

Люди в асбестовых костюмах приближаются ко мне все ближе и ближе, я в панике озираюсь по сторонам, ища путь к спасению, — но я вошел сюда через единственную дверь. В ней сейчас теснятся целых три закованных в асбестовую броню чудовища.

Но это несправедливо! Они должны провозгласить меня властелином мира, а не загонять как какого-то обезумевшего зверя. Я — супернормальный человек!

Растопырив руки и образовав полукруг, они осторожно двигаются на меня. Я захожусь в ярости на самого себя: попался из-за собственного слепого безрассудства!

— Назад! Убирайтесь прочь! — ору я, и эхо гулко возвращает мой крик. — Назад! Или я уничтожу всех!

Но они неуклонно приближаются, яркие блики света играют на их циклопных головах.

Я ору, но эти кретины не останавливаются. За свою неосторожность я сам заслуживаю сожжения... На моих брюках тут же появляется язычок пламени и ползет по ноге вверх, нежно льнет к бедру...

Испугавшись, я пытаюсь сбить огонь. Но — увы! Слишком поздно! Я умею создавать пожары, но совсем не умею их тушить. Мне никогда не хотелось этого.

Я смотрю на книги. Вольтер, Диккенс, Достоевский, Шекспир, Конрад, Хемингуэй... Они окружают меня, и я ощущаю их вызов: наши труды будут жить. А твой труд — закончен.

Огненные щупальца, оживленные моей злобой, корчатся вокруг книг. Полки начинают обугливаться. Я ощущаю жар горячей одежды и боль от огня. Потом начинаю смеяться — сначала тихо, затем все громче и громче.

По крайней мере, эта секунда — мой триумф!

РУИНЫ

Мэлдон мрачно брел по развалинам; его лицо было густо покрыто, как мелкими бриллиантиками, каплями пота.

Казалось, что развалины — бесконечны, как бесконечно над ними жаркое синее небо. Острые зубья каменной кладки, покореженный железобетон, куски ровного пространства, засыпанного пеплом, — этот суровый ландшафт напоминал истерзанные морем скалы, обнажившиеся при отливе. Под палящим солнцем все выглядело вполне мирно, в бледных тенях не было ничего таинственного или угрожающего. Здесь Мэлдон чувствовал себя в безопасности.

Он снял куртку и сел на бетонную плиту, из которой торчали прутья арматуры. Они так изошренно сплетались друг с другом, что напоминали некую абстрактную скульптуру, призванную изобразить пространство и время. Да и сами по себе эти руины были, по сути, громадной скульптурой, памятником, созданным бестолковой и противоречивой деятельностью человечества, монументом времени и пространству, и заодно тем жертвам, которыми люди заплатили, чтобы понять их.

Мэлдон поймал себя на том, что бессвязно перескакивает с одной мысли на другую. Он выпил немного воды из фляги и зажег сигарету. Скитаясь здесь в поисках признаков жизни достаточно долгое время, он ничего не обнаружил и уже жалел, что ему пришлось в голову направиться сюда. Никаких следов от пребывания здесь его предшественников, не вернувшихся обратно, не было видно — ни надписи на камне, ни какой-либо царапины, ни клочка ткани, ни скелета. Развалины были пусты.

Мэлдон, оставив фляжку, поднялся, бросил окуроч в трещину и стал всматриваться в неровную линию горизонта. Затем

оглянулся назад. Странное впечатление производило ничем не заслоняемое, простирающееся до горизонта пространство. Ни разрушенное здание, ни рухнувшая стена нигде не заслоняли взора. Горизонт существовал со всех сторон, создавая странное ощущение, будто человек находился в центре огромного диска, плывущего в бесконечной синеве неба.

Он прищурился. Солнце стояло прямо над головой, и Мэлдон не смог определить направления, откуда пришел. Размышляя над этим, он не мог вспомнить, меняло ли светило вообще свое положение или, если на то пошло, была ли тут вообще когда-нибудь ночь. Разве свет не все время струился именно так? И все же ему почему-то казалось, что он шел, по крайней мере, несколько дней.

Мэлдон вновь медленно побрел по развалинам, спотыкаясь и едва удерживаясь от падений, прыгая с каменной плиты на кучу битых кирпичей и опираясь на разрушенную стену какого-то дома. Он крайне осторожно обходил участки, покрытые пеплом, не доверяя им, хотя вроде бы для этого не было никаких причин.

Постепенно им стала овладевать паника, и он остро пожалел, что пришел сюда. Страшно захотелось вновь оказаться среди людей, на аккуратных улицах с опрятными домиками и солидными, ломящимися от товаров магазинами. Он тоскливо оглядывался по сторонам, и вдруг — не иначе какой-то сердобольный волшебник откликнулся на его мольбы — увидел на горизонте целый ряд высоких, казавшихся неразрушенными домов. Они могли быть окраиной города.

Он ускорил шаг; стало гораздо легче продвигаться вперед.

Посмеиваясь над собой за прежние страхи, Мэлдон отметил, что солнце явно стало садиться. Если повезет, он мог бы добраться до города за светом.

Он заторопился, но все же ошибся в определении расстояния до города, и ночь застала его примерно в миле от цели. Вид светящихся окон ободрял и гнал вперед. А может, это тот самый город, из которого он шел? Если смотреть на них издали, города так похожи друг на друга! Подгоняемый видом городских огней, он вскоре был уже на окраине. Улицы выглядели опустевшими, хотя были освещены великолепными фонарями. Он решил, что все уже спят. Ближе к центру города стал слышен уличный шум и заметны открытые кафе, люди на бульварах и мчащиеся машины.

Ему показалось, что здесь что-то не так, как бы чего-то не хватает. Но решил не задумываться об этом, поскольку от уста-

лости все может восприниматься иначе. Тем более что днем он, вполне вероятно, мог получить солнечный удар.

Город был ему незнаком, но планировка была вполне прозаической, обычной. Центральная площадь, от которой разбегались главные улицы, ведущие во внешнее кольцо пригородов.

Мэлдон зашел в кафе и заказал ужин. У старика хозяина с лицом гнома были почтительные манеры. Он поставил перед посетителем тарелку с едой, отведя взгляд в сторону. Гость принялся за еду.

Девушка, вошедшая в кафе, окинула взглядом немногие свободные места и остановилась напротив Мэлдона.

— Здесь не занято? — спросила она.

Мэлдон, с набитым ртом, согласно кивнул и махнул вилкой.

Она улыбнулась и грациозно села. Взяла меню и сделала заказ хозяину, который принял его с легким поклоном и поспешил на кухню.

— Чудесная ночь для этого времени года, — начал Мэлдон, — не правда ли?

— О да... — Она, казалось, была смущена.

— Простите, — сказал он, — надеюсь, вы не думаете, что я...

— Нет-нет.

— Я только что пришел с развалин, — продолжал он. — Немного обследовал их. Они тянутся на многие мили! Иногда даже кажется, что они покрывают всю планету. Знает ли кто-нибудь об этом?

Она засмеялась.

— Вы выглядите усталым — не лучше ли вам выспаться?

— Я не здешний. Не порекомендуете ли вы мне какой-нибудь отель?

— Вряд ли. Я ведь местная жительница и мало знаю о гостиницах. Хотя... есть одна тут, дальше по этой улице, выглядит вполне прилично.

— Тогда попытаюсь устроиться там.

Ей принесли ее заказ. Она поблагодарила хозяина улыбкой, Мэлдон заметил, что она заказала то же самое, что и он.

Он не стал отвлекать ее от еды. Теперь он почувствовал, как от усталости немеет тело и жаждет хорошей ночи сна.

Девушка встала. В ее глазах было любопытство.

— Давайте я покажу вам, где этот отель. — Она сочувственно улыбнулась.

— О, благодарю вас.

Он поднялся и вышел вслед за ней из кафе. Они шли по улице, и вдруг ему пришло в голову, что он, кажется, не рас-

платился. Но хозяин вряд ли бы позволил ему уйти просто так. Значит, наверное, все в порядке.

Он шел рядом с девушкой, ноги были как ватные и сильно болели мышцы, словно он ташил на себе большой груз.

Как же это ему удалось преодолеть такое громадное пространство развалин? Неужели он прошел весь этот путь?.. Как-то он был по протяженности? Куда?

Мысли его путаются.

— Вы уверены, что Можете дойти? — вдруг отчетливо донеслось до него; губы девушки были у самого его уха. Она смотрела так, будто повторяла свой вопрос.

— Да.

— Тогда идемте, здесь уже рядом.

Он последовал за ней, но уже — ползком. А потом услышал крик — и не узнал своего голоса:

— Дайте кто-нибудь руку!

Мэлдон лежал среди развалин, на неровной поверхности. Солнце висело прямо над ним. Он повернул голову и увидел далекий горизонт, взглянул в другую сторону — и там развалины простирались до горизонта. На мгновение ему показалось, что он великан, лежащий распятым на развалинах. Когда он рывком сел, он ощутил, что тело его уменьшилось до нормальных размеров.

До нормальных размеров? А что это такое? Какой линейкой ему измерять эти руины? Они были — любых размеров, любых форм. И ничто здесь, каких бы гигантских размеров ни было, не заслоняло ему линии горизонта.

Он неуверенно встал на ноги и огляделся, обнаружив, что потерял где-то куртку и сигареты.

Был ли он в каком-то смысле изгнанником? Он ничего не помнил. Должна же быть причина, по которой он оказался здесь. Кто-то ведь потрудился перенести его сюда. Кто — люди из города?

Или нет? А если да, то — *зачем?*

Впрочем, этот вопрос занимал его не слишком долгое время. Он опять начал преодолевать руины, иногда подолгу останавливаясь, чтобы осмотреть какое-нибудь здание, словно разрезанное посередине, с обнаженными, как в кукольном домике, этажами. Пока ни на один вопрос, мысленно возникающий перед ним, он не смог ответить.

Теперь он забыл и о городе, и о том, что у него была куртка, что он курил сигареты; он не ощущал потребности ни в том, ни в другом.

Он сидел на куче битой черепицы и оглядывался вокруг. Слева находилась покосившаяся на один бок башня, она казалась почти полностью разрушенной, но все еще стояла как замороженная. Его ответ от нее взгляд, не слишком поздно поднимавший волну страха, вызванную этим неленым зрелищем, было уже не остановить.

Он осторожно встал и медленно пошел прочь от башни, а затем бросился бежать, поминутно спотыкаясь.

Теперь он заметил, что все строения вокруг готовы были вот-вот рухнуть: все башни, колонны, дома были наклонены под такими углами, что неминуемо *должны* были упасть.

Почему же он раньше этого не заметил? Что было не так?

Вместе с чувством страха он обрел и другие, покинувшие его недавно чувства.

Вспомнил, как его зовут и что он делал в городе. Потом припомнил многодневный путь через руины, под не заходящим никуда солнцем на неизменяющемся небе. Вспомнил горизонт, который *должны* были заслонять обломки разрушенных строений, но тем не менее *не* заслоняли.

Он остановился, захлестнутый ненавистью к этим руинам, прилагая невероятные усилия, чтобы вспомнить о том, что с ним было *до* этого, но — безуспешно.

Что же это? Сон? Наркотическая галлюцинация? Сумасшествие? Действительно ли существует еще что-то, кроме развалин? Был ли тот город лишь иллюзией?

Он закрыл глаза, тело его била дрожь. Окутанный мраком, он спросил самого себя:

— Ну, что, Мэддон, ты все еще настаиваешь на продолжении эксперимента? Ты все еще хочешь уничтожить личность, время и пространство как иллюзии, порождающие иллюзии?

И в ответ опять спросил вслух самого себя:

— Что ты хочешь этим сказать?

И опять открыл глаза — вокруг были резкие очертания развалин, ярко освещенные огромным бледным солнцем на голубом небе.

(Солнце, небо, развалины + Мэддон — Мэддон — Мэддон.)

Понемногу он стал приходить в себя; вопросы и воспоминания улетучивались.

Почувствовав, что стоит на ногах достаточно твердо, он направился в сторону самого большого серого пятна и остановил-

ся у самой его кромки. Он пристально разглядывал это скопище пепла, приложив в задумчивости палец к губам.

Потом подобрал обломок кирпича и швырнул в пепел. Достигнув поверхности, кирпич исчез, не потревожив пепла.

Он еще и еще раз бросал обломки кирпичей, и каждый раз происходило то же самое. То же самое не происходило.

Тень, упавшая на него, заставила его поднять голову и посмотреть на возвышающееся над ним здание. Это была огромная колонна, построенная из стеклянных блоков, и кирпичей, и нанизанных на нее платформ, последняя сверху была накрыта куполом. Там стоял человек и делал ему рукой какие-то знаки.

Через мгновение Мэлдон уже стоял рядом с башней и обнаружил, что можно добраться до платформы с куполом, переправляясь по очереди с нижней платформы на соседнюю верхнюю и так далее.

Человек, похожий на лягушку, ждал его.

— Посмотри вниз, Мэлдон! — сказал он.

Мэлдон взглянул на аккуратно раскинувшийся внизу город. Все кварталы были квадратными, совершенно одинаковых размеров.

Человек махнул конечностью, напоминающей лапу рептилии, сквозь которую просвечивал пепельно-серый свет.

— Земля — как женщина, — изрек человек. — Посмотри на нее. Она *хочет* быть покоренной, хочет подчиниться сильному мужчине. Я это сделал. Я успокоил ее волнение — и овладел ею!

Человек-лягушка выглядел очень довольным.

— Она спокойна, — подтвердил Мэлдон.

— Самая спокойная страна в Системе, — хихикнул человек. — Самая спокойная система в стране. А кто ты, Мэлдон?

— Либо ты, либо я, — ответил Мэлдон, позабыв свое имя.

— Прыгай, Мэлдон! — сказал человек, похожий на лягушку.

Мэлдон не двигался.

— Прыгай!

Он ползал вокруг скопища пепла.

(Солнце, небо, развалины + Мэлдон = Мэлдон — Мэлдон).

Имя гулким стуком пульсировало в голове. Мэл-дон, Мэл-дон, Мэл-дон.

Было ли оно когда-нибудь его именем? Наверное, нет. Наверное, это было всегда — мэл-дон, мэл-дон — просто биением пульса в голове.

Однако кроме этих руин и этого света здесь больше ничего нет, что можно было бы знать.

Он прервался. Это — память? Там, где-то позади?

Наружу — мэл-дон, мэл-дон — к центру — мэл-дон.

На миг показалось, что руины стали размываться, и он позрительно уставился на них: похоже, они охватывают его со всех сторон. Нет, это он охватывал их со всех сторон. Он лился над ними, вокруг них, проливался насквозь.

Мэлдон! Этот крик ниоткуда был отчаянным и вместе с тем властным и даже ироничным.

«Да, — подумал он, — куда же?»

«Все или ничего, Мэлдон, — крикнул он самому себе, — ничего или ничего, все или все!»

Отсюда — значит сюда, и этот путь — бесконечный. Он не мог сказать, помнил ли он это или ему это говорили.

(Бесконечность + Мэлдон = Бесконечность).

Он вернулся обратно с радостью. Все было опять нормальным. Он остановился и присел на кусок разрушенной бетонной плиты с торчащими в разные стороны причудливо переплетенными прутьями, превратившийся в холмик мягкого песка, сквозь который проросли сорняки. Перед ним лежал город — крыши, трубы с плывущим дымком, шпили церквей, парки, кинотеатры. Знакомая картина, но не то, что он хотел.

Он поднялся и пошел по тропинке к городу, достаточно смутно представляя себе, кто он такой: зачем он... ? почему он... ? и так далее.

«К чему я мучаю себя этими попытками, — думал он. — В один прекрасный день я не смогу усилием воли вернуть себя обратно и меня найдут здесь либо обезумевшим, либо свернувшимся в комок».

Он все еще не мог решить, что было истинным — город внизу или эти развалины.

«Могут ли они оба быть реальными?» — думал он, шагая по дороге, ведущей в город.

Он прошел под железнодорожным мостом с могучими фермами, покрытыми облупившейся зеленой краской, и повернул за угол на боковую улицу, наполненную дымными запахами осени. Дома из красного кирпича здесь были окружены крохотными садами, утонувшими за огромными, сильно заросшими живыми изгородями. Было слышно, как за одной из них играли дети. Он остановился и поверх изгороди стал смот-

реть, как они что-то строили из цветных кубиков и затем тут же все разрушали.

Когда кто-то из детей его заметил, Мэлдон втянул голову в плечи и пошел по улице дальше.

Однако ему было не суждено уйти безнаказанным. С криками: «Это он!» — дети выбежали на улицу и погнались следом, гогоча и выкрикивая знакомые насмешки:

— Псих Мэлдон — большой долдон! Псих Мэлдон — большая балда!

Он сделал вид, что не замечает их, и был им благодарен по крайней мере за то, что мальчишки преследовали его только до конца улицы. Было уже поздно, над домами сгушались сумерки. Его шаги отзывались гулким эхом под самыми крышами и колпаками дымовых труб.

Псих Мэлдон, псих мэлдон, психмэлдонпсихмэлдоппсихмэлдон.

Удары сердца сливались с мэлдон, мэлдон, сердце выстукивало мэлдон, мэлдон, дома были все еще здесь, но уже постепенно наползали на развалины, и среди несуществующих дымовых труб билось эхо.

Сумерки сменились ночью, ночь — светом, и дома медленно исчезли.

Вокруг простирались ярко освещенные руины, нигде не заклоняя линию горизонта. Над головой сияло синее-синее небо и застыло на одном месте неподвижное солнце.

И вновь он старался избегать засыпанных пеплом впадин. Накренившиеся под невероятными углами плоскости, застывшие в пространстве и времени, никуда не обрушивались.

Что породило эти руины?

Он забыл про это.

А теперь остались только развалины — светило и небо исчезли, остался только свет. И только шум какого-то невидимого прибоя тяжело накатывался на останки его личности.

Мэл-дон, мэл-дон, мэл-дон.

Руины прошлого... Руины настоящего... Руины будущего...

Он вобрал их в себя, но и они поглотили его. И все вместе исчезло навсегда, поскольку теперь не существовало горизонта.

Разум мог бы охватить эти руины, но уже не было разума.

А вскоре не осталось и руин.

Яркое солнце сияло в небесной голубизне над развалинами Берлина, было тепло и тихо. Я карабкался по поросшим растительностью грудам битого кирпича и обломкам бетона, направляясь расследовать убийство, произошедшее в саду шефа полиции Бисмарка.

Зовут меня Минос Аквилинас, я главный Метатемпоральный Следователь в Европе, и чувствую, что это дело будет для меня трудным.

Не спрашивайте меня о месте и о дате. Я никогда не утруждаю себя выяснением подобных вещей, они только запутывают. Выиграю ли, проиграю, — я подчиняюсь инстинкту. Меня снабдили всей имевшейся информацией. Труп уже вскрыли. Ничего необычного, разве что у него были обнаружены сменные бумажные легкие. Это несколько ограничивало его свободу. Единственным местом, где ими еще пользовались, как я знал, был Рим. Что делал римлянин в Берлине? Почему он был убит в саду шефа полиции Бисмарка? Как мне сказали, неизвестный был задушен. Человека с бумажными легкими задушить нетрудно, это не заняло много времени. Но кто и почему — ответить сразу гораздо труднее.

Путь до дома Бисмарка через развалины, простиравшиеся во все стороны, был неблизким. Лишь кое-где это однообразие нарушалось узнаваемыми останками рейхстага, Бранденбургских ворот, музея Брехта и других им подобных сооружений.

Я остановился и прислонился к единственной уцелевшей стене дома, снял пиджак, ослабил галстук, вытер носовым платком шею и лоб и закурил сигару. Стена отбрасывала косающую тень, и я немного остыл, прежде чем продолжить путь.

С очередной громадной кучи кирпича, густо поросшей голубоватой сорной травой, я увидел особняк Бисмарка. Он был изваян в некоей смеси стилей Валгаллы и Олимпа, которым все тут увлекались. Перед домом был разбит зеленый газон, а позади — сад, окруженный настолько высокой стеной, что были видны лишь верхушки деревьев, хотя я смотрел на сад сверху.

Мощные греческие колонны по краям портика подпирали барочного стиля фасад, украшенный барельефами с изображениями людей в рогатых шлемах, разящих, очевидно, без разбору и драконов, и себе подобных.

Я осторожно спустился на газон, пересек его и, поднявшись по ступенькам, оказался перед массивной входной дверью. Похоже, она была из бронзы и тоже украшена барельефами, изображавшими на этот раз безбородых всадников в значительно более искусных и сложных доспехах, вооруженных двуручными мечами. У некоторых были колья и топоры.

Я позвонил в колокольчик и стал ждать. Времени оказалось вполне достаточно, чтобы изучить сии произведения искусства, прежде чем одна из дверных створок распахнулась. Старик в полувоенном одеянии, не без некоторых усилий старавшийся держаться прямо, взглянул на меня, приподняв седую бровь.

Я представился, и он впустил меня в прохладный темный зал, заставленный такими же доспехами, которые носили воины, изображенные на дверях. Старик открыл дверь с правой стороны зала и попросил подождать там. Казалось, комната, в которой я очутился, состояла только из кожи и металла, — так много было здесь оружия на стенах и мебели с кожаной обивкой.

Плотные вельветовые занавеси на окнах были отдернуты, и я немного постоял у окна, глядя на застывшие развалины, выкурил еще одну сигару, стряхивая пепел в зеленую пепельницу, и снова надел пиджак.

Появился старик, и я последовал за ним вдоль зала, а затем поднялся по пролету широкой лестницы в огромную, но столь же забитую вещами комнату. Там и обнаружил того, к кому шел.

Человек, стоявший почти в центре ковра, был одет в темносиний мундир с черными позолоченными эполетами и другими знаками различия. На голове красовался богато украшенный шлем с острием, а на ногах — сверкающие сапоги со стальными шпорами. На вид ему было около семидесяти, и выглядел

он вполне крепким старцем, с кустистыми седыми бровями и тщательно расчесанными усами. Когда я вошел, он что-то буркнул и ткнул рукой в мою сторону.

— Герр Аквилинас, я — Отто фон Бисмарк, шеф берлинской полиции.

Я потряс его руку. По правде говоря, скорее, это она встряхнула меня.

— Ну и дела, — сказал я. — Убийство в саду у того, кто сам должен предотвращать убийства.

Похоже, у него было парализовано лицо, или что-то в этом роде, так как оно изменялось, только когда он разговаривал. Да и то не слишком заметно.

— Именно так, — ответил он. — Мы, конечно, не хотели вас вызывать. Но полагаю, что это все же по вашей части.

— Может быть... Тело еще здесь?

— В кухне. Там делали вскрытие. Бумажные легкие... вы знаете об этом?

— Знаю. Итак, если я правильно понял, ночью вы ничего не слышали?..

— О нет, кое-что слышал. Лай моих овчарок. Кто-то из слуг ходил поглядеть, но ничего не обнаружил.

— В какое время это случилось?

— Время?

— Сколько было на часах?

— Около двух часов ночи.

— А когда тело нашли?

— Около десяти. Садовник обнаружил его в винограднике.

— Хорошо. Давайте взглянем на тело, а потом поговорим с садовником.

Хозяин провел меня на кухню. Одно из окон было распахнуто прямо в прекрасный сад, обсаженный высокими кустами дивных расцветок. Я почувствовал резкий, одурманивающий аромат, проникающий из сада на кухню, и повернулся к лежавшему на кухонном столе и укрытому простыней труп.

Это было обнаженное тело старого, но еще сильного на вид человека, сильно загорелого. На крупной голове выделялись густые черные усы. На шее сохранились следы удушения, а припухлости на запястьях, предплечьях и ногах указывали на то, что, по-видимому, жертву к тому же и связывали. Ко всему тот, кто зашивал его торс после вскрытия, был не слишком аккуратен.

— А одежда? — спросил я у шефа полиции.

Бисмарк покачал головой и показал на стул, стоящий возле стола.

— Вот все, что мы нашли.

Там лежали наручные часы, красные туфли и пара аккуратно сложенных бумажных легких, уже сильно изношенных.

Главное неудобство этих сменных легких состоит в том, что, хотя и можно не беспокоиться о последствиях курения и прочих легочных заболеваниях, сами легкие необходимо периодически менять, что очень дорого, особенно в Риме, где отсутствовала государственная система Службы Легких, какая существовала в большинстве европейских Городов-Государств. За несколько лет до войны бумажные легкие сменились полотновыми, служившими гораздо дольше.

Я повертел в руках одну туфлю. Искусная поделка со Среднего Востока. Затем осмотрел массивные тусклые часы. Старинные, явно русского происхождения; на новом кожаном ремешке оттиснута метка: «Сделано в Англии».

— Понимаю, почему вызвали именно нас, — сказал я.

— Были определенные анахронизмы, — согласился Бисмарк.

— А этот садовник, который его нашел, — могу я с ним поговорить?

Бисмарк подошел к окну и позвал:

— Фелипе!

Листва, казалось, раздвинулась сама собой и показался высокий темноволосый юноша, узколицый и бледный. Он был одет в темно-зеленую рубашку с высоким воротом и рабочие штаны. В руке он держал изящную лейку.

Мы посмотрели друг на друга через окно.

— Это мой садовник, Фелипе Сагиттариус, — представил его Бисмарк.

Сагиттариус поклонился, в глазах его светилась усмешка. Бисмарк, похоже, ничего не заметил.

— Не покажете ли мне, где вы нашли тело? — спросил я.

— Разумеется, — ответил Сагиттариус.

— Я подожду здесь, — сказал Бисмарк, когда я пошел к двери.

— О'кей. — Я вышел в сад и пошел вслед за Фелипе. Опять мне показалось, что кусты раздвигаются сами собой.

Запах стоял столь же томный и одуряющий. У большинства растений были темные, мясистые листья и яркие цветы, окрашенные в сочные, глубокие тона красного и голубого. То там, то сям мелькали желтые или розовые кусты.

Трава, по которой я шел, казалось, уползала из-под ног, а загадочные формы стеблей и веток напрочь отбивали всякую мысль о том, чтобы прилечь и вздремнуть в таком саду.

— Это все ваша работа, Сагиттариус? — спросил я.

Он на ходу кивнул.

— Оригинально, — продолжил я. — Никогда раньше не видел ничего подобного.

Тут мой спутник обернулся и показал большим пальцем за спину:

— Вот это место.

Мы находились на крохотной полянке, почти полностью окруженной толстыми виноградными лозами, которые, словно змеи, обвивались вокруг шпалер. Я заметил, что несколько стеблей вырвано, а решетка сломана. Похоже, схватка происходила именно здесь. Пока было неясно, зачем убийца, пред тем, как придушить, освободил жертву — именно *перед тем* иначе ведь не было бы драки.

Я очень тщательно осмотрел все, но ключа к разгадке не обнаружил. Сквозь поломанные ветки над разрушенной шпалерой я заметил небольшую беседку в виде китайского павильончика, расписанную золотыми узорами по красному, желтому и черному лаку. Беседка явно противоречила архитектурному стилю всего дома.

— Что это? — спросил я у садовника.

— Ничего, — буркнул он, несомненно раздосадованный на меня за эту находку.

— Гляну-ка на всякий случай.

Он пожал плечами, но проводить не торопился. Я пошел вдоль длинных рядов кустов, Сагиттариус медленно следовал за мной. Поднявшись по деревянным ступенькам на веранду, я толкнул дверь и вошел. По-видимому, здесь находилась только одна комната — спальня. Неприбранная кровать выглядела так, словно ее покинули второпях. Нейлоновые чулки неряшливо выглядывали из-под подушки, а на полу валялись мужские полуботинки. Белье выглядело необычайно белым, а вся обстановка по-восточному затейливой и роскошной.

Сагиттариус стоял в дверях.

— Ваше жилище? — спросил я.

— Нет. — Он вроде бы оскорбился. — Шефа полиции.

Я усмехнулся.

Сагиттариус разразился вдохновенной речью:

— Этот томный аромат... эта угроза, исходящая от растений... этот *тяжелый* воздух в саду разогреют кровь даже ста-

рику. Это — единственное место, где он может расслабиться. Для этого я и нанят, за это он дает мне свободу.

— А это, — я показал на кровать, — имеет какое-нибудь отношение к прошлой ночи?

— Наверное, он был здесь, когда это случилось, но я... — Сагиттариус покачал головой, и я подумал, нет ли с его стороны какого-нибудь намека, смысл которого до меня еще не дошел.

Я наклонился и поднял что-то с пола. Это был кулон с выгравированными готическими инициалами «Е.Б.».

— Кто это — «Е.Б.»? — спросил я.

— Меня интересует только сад, мистер Аквилинас... Я не знаю, кто она.

Я посмотрел в окно на таинственный сад.

— Почему он вас так интересует... Что все это значит? Вы ведь не по приказу работаете здесь, не так ли? Вы это делаете для себя.

Сагиттариус холодно улыбнулся.

— А вы догадливы. — Он махнул рукой в сторону теплой, шевелящейся листвы, меньше всего напоминающей растение, скорее — некое живое существо. — Знаете, что я здесь вижу? Глубоководные каньоны, где в безмолвном зеленом полумраке плавают потерянные подводные лодки, к ним тянутся извивающиеся щупальца хищных полурыб-полурастений, за ними следят глаза давно умерших водяных, чья кровь напоила их детенышей; где спруты со скатами сплетаются в грациозном танце смерти, перемешивая устремляющиеся к поверхности облака чернильной жидкости с облаками крови, которыми питаются акулы. Еще их видят моряки и, обезумев, бросаются за борт и медленно опускаются в глубину, к тем животным-растениям, уже сожравшим тела спрутов и скатов. Вот тот мир, который я могу сотворить на суше... Вот моя мечта.

Он пристально посмотрел на меня и, помедлив немного, произнес:

— Моя голова — *золотая рыба-монстр!*

Я поспешил ретироваться в дом и обнаружил Бисмарка в его комнате. Он сидел в плюшевом кресле и, включив высококлассную, упрямую в мебели систему, слушал не что иное, как струнный квартет Равеля.

— Не Вагнер? — удивился я. — А кто такая «Е.Б.»?

— Потом об этом, — ответил он. — Мой помощник сейчас ответит на ваши вопросы. Он должен ждать вас снаружи.

У дома стояла машина — потрепанный «фольксваген», в котором находился небольшой человечек в опрятном мундире, с маленькой щеточкой усов и свисающей на лоб прядкой черных волос. Руки в черных перчатках сжимали лежащую на коленях трость. Увидев меня, он улыбнулся, сказал «Ага!» и, проворно выскочив из машины, с легким поклоном пожал мне руку.

— Адольф Гитлер, — представился оп. — Капитан сысчной полиции двенадцатого округа. Шеф полиции Бисмарк предоставил меня в ваше распоряжение.

— Рад это слышать. Много ли вы о нем знаете?

Гитлер открыл передо мной дверцу машины, я сел, а он зашел с другой стороны и быстро скользнул на водительское место.

— О шефе? — Он покачал головой. — Он от нас на отдалении. Я плохо его знаю — между нами несколько званий. Обычно его приказы доходят не напрямую. На этот раз он предпочел отдать приказ мне лично.

— И что это за приказ?

— Просто помогать вам в этом расследовании.

— Тут еще мало что расследовать... Вы совершенно лояльны к шефу?

— Конечно. — Гитлер выглядел искренне удивленным. Он наконец завел машину, и мы выехали на ровную белую дорогу, по обеим сторонам которой возвышались поросшие травой развалины.

— Что, у убитого были бумажные легкие? — спросил он.

— Да. Думаю, он приехал из Рима. Он немного смахивает на итальянца.

— Или на еврея, а?

— Не думаю. А почему вы так решили?

— Русские часы, восточные туфли... нос, наконец. Он у него приличный. Знаете, у них, в Москве, еще в ходу бумажные легкие.

Похоже, у него проблемы с логикой. Впрочем, я не стал уточнять. Мы повернули за угол и въехали в жилую часть города, где уцелело еще много домов. В подвале одного из них я заметил бар.

— Как насчет немного выпить? — спросил я.

— Здесь? — Кажется, он удивился. Даже забеспокоился.

— А почему бы и нет?

Он все же остановил машину, и мы спустились по ступенькам в бар. Пухленькая брюнетка приятным, тонким голосом пела что-то по-английски. Я прислушался:

Никто не печалится о Стиви,
Ничто не печалит его самого:
В тюрьме он покончил с жизнью,
А Джонни с девчонкой забыл про него.

Это был последний английский хит. Мы заказали у буфетчика пива. Похоже, он хорошо знал Гитлера, потому что засмеялся, хлопнул его по плечу и ничего с нас не взял, чем заметно смутил Гитлера.

— Кто он? — спросил я.

— О, его зовут Вайль. Я мало знаком с ним, так...

— Похоже, не совсем мало.

Гитлер был расдосадован. Он расстегнул форменный китель, сдвинул фуражку на затылок и попытался — впрочем, безуспешно — зачесать челку назад. Маленький, грустный человечек. Моя привычка задавать вопросы была не всегда уместна. Я отвернулся, посасывая пиво, и стал разглядывать певичку. Гитлер сидел к ней спиной, но я заметил, что она на него все время поглядывает.

— А что вы знаете о Сагиттариусе? — спросил я.

Гитлер пожал плечами:

— Не слишком много.

Вайль снова появился за стойкой и спросил, не желаем ли мы еще пива. Мы отказались.

— Сагиттариус? — Вайль весело ввязался в разговор. — Вы говорите об этом чокнутом?

— А он разве чокнутый? — спросил я.

— Ты не прав, Курт, — возразил Гитлер. — Он выдающийся человек, биолог...

— ...которого выперли с работы, потому что он тронулся!

— Это жестоко, Курт, — с упреком сказал Гитлер. — Он исследовал потенциалы чувствительности растений. Вполне разумное научное направление.

В углу кто-то презрительно рассмеялся. Это был старик, с лохматой шевелюрой, сидевший наедине со стаканом шнапса, стоящим перед ним на маленьком столике.

Вайль показал на него:

— Спросите вот Альберта. Он-то понимает в науке.

Гитлер поджал губы и уставился в пол.

— Он всего лишь старый, обозленный на всех учитель математики — он завидует Фелипе, — сказал он тихо, чтобы старик не услышал.

— Кто он? — спросил я у Вайля.

— Альберт? Он действительно выдающийся человек.. Он не получил никакого признания, хотя этого заслуживает. Хотите с ним познакомиться?

Однако старик с косматой головой засобирался уходить и махнул им рукой.

— Курт, капитан Гитлер, приветствую вас!

— До свидания, доктор Эйнштейн, — пробормотал Гитлер и повернулся ко мне: — Куда вы теперь поедете?

— Думаю совершить тур по ювелирным магазинам, — сказал я, пошупав в кармане кулон. — Может быть, я иду по ложному следу, но на данный момент он у меня единственный.

К вечеру хоть мы и объехали всех ювелиров, но ни на шаг не приблизились к выяснению владельца вещицы. Завтра придется вытягивать правду из Бисмарка, хотя это, понятно, будет непросто. Вполне вероятно, что он откажется отвечать на личные вопросы.

Гитлер высадил меня у окружного управления полиции, где для меня одну из камер переоборудовали в спальню.

Я сидел на жесткой кровати, курил и размышлял и уже собирался раздеться и лечь спать, как опять вспомнил тот самый бар, который мы посетили днем. Я был уверен, что там мне могли бы помочь. Подчиняясь этой захватившей меня мысли, я покинул камеру и оказался на пустынной улице. Было еще очень жарко, а небо закрывали тяжелые тучи. Похоже, собиралась гроза.

Я взял кэб и поехал в бар. Он был еще открыт.

Вайль уже не обслуживал посетителей, а аккомпанировал на аккордеоне той самой певичке. Когда я вошел, он кивнул мне. Я облокотился о стойку и заказал бармену пива.

Когда номер закончился, Вайль снял с плеча аккордеон и присоединился ко мне. Девушка подошла тоже.

— А что, Адольфа нет с вами? — спросил он.

— Он поехал домой. Он ведь ваш приятель, не так ли?

— О, мы познакомились много лет назад в Австрии. Он славный малый, не надо было ему идти в полицейские. Он слишком мягкий человек.

— И у меня такое же впечатление. Но почему же он пошел на эту службу, в чем главная причина?

Вайль — худощавый, невысокий, в сильных очках — растянул в усмешке большие чувственные губы.

— Вероятно, чувство долга. У него оно очень развито. И еще — он очень религиозен, набожный католик. Это очень на него влияет. Вы ведь знаете этих новообращенных, они абсо-

лютно непримиримы, их постоянно гложет совесть. Я еще не встречал счастливого новообращенного католика.

— Кажется, он что-то имеет против евреев.

Вайль нахмурился:

— Что именно? Никогда ничего такого не замечал. Многие из его друзей — евреи. И я, и Сагиттариус...

— Так Сагиттариус — его приятель?

— О, я бы сказал, просто знакомый. Пару раз я видел их вместе.

Снаружи донесся гром. Начался дождь.

Вайль подошел к двери и стал опускать жалюзи. Сквозь шум грозы я различил еще один звук — скрипучий, скрежещущий металлический звук.

— Что это? — обратился я к Вайлю, но тот покачал головой и пошел обратно к стойке. Бар уже опустел.

— Пойду-ка взгляну, — сказал я.

Я подошел к двери, открыл ее и поднялся по ступенькам. В свете вспышек молний, частых, как артиллерийский огонь, я увидел, что по развалинам марширует гигантское, размерами с высокий дом, металлическое чудовище. Оно перемещалось па четырех телескопических ногах, громяхая и время от времени неуклюже разворачиваясь почти под прямым углом. Из пего во все стороны высывались стволы орудий. Молния, иногда попадавшая в него, вызывала в ответ душераздирающий лязг, невыносимый для ушей; машина останавливалась, папалывала вверх, а затем громяхала дальше.

Я скатился по ступенькам вниз и рывком распахнул дверь. Вайль прибирал помещение и на мой вопрос, что бы это значило, лишь недоуменно покачал головой.

— Не знаю, наверное, это оставили после себя завоеватели Берлина.

— Оно выглядит так, словно сделано здесь...

— Может, и так. В конце концов, кто захватил Берлин?..

В задней комнате внезапно послышался короткий, пронзительный женский крик.

Вайль выронил стакан и бросился туда. Я последовал за ним.

Он распахнул дверь, за которой оказалась уютная, скромно обставленная комната. Стол, покрытый плотной темной скатертью, на нем перец, соль, ножи и вилки... У окна — пианино.

Девушка лежала на полу.

— Ева! — ахнул Вайль, опускаясь на колени рядом с пей.

Я еще раз огляделся вокруг. На маленьком кофейном столике стояло какое-то растение, на первый взгляд напоминающее кактус. Оно было все в крапинках, неприятного зеленого цвета, а верхушка изогнулась так красноречиво, что живо напоминала изготовившуюся к броске змею — безглазую, безносную, но — с пастью! И пасть приоткрылась, когда я подошел поближе! В ней даже были зубы — скорее, шипы, расположенные как зубы. Одного шипа явно не хватало. Я отступил назад и стал осматривать труп. В запястье торчала колючка, к которой я не притронулся.

— Она мертва, — тихо сказал Вайль, вставая и озираясь кругом. — Но как?..

— Ее укусило это ядовитое растение, — сказал я.

— Растение?!.. Я должен вызвать полицию...

— Не стоит этого делать — по крайней мере, сейчас, — попросил я и вышел. Я уже знал, куда идти. В дом Бисмарка и... в сад развлечений Фелипе Сагиттариуса.

Чтобы найти кэб, понадобилось время, я успел промокнуть до нитки и приказал извозчику поторапливаться.

Не доезжая до места, я остановил кэб, расплатился и зашагал по газонам. Потом не стал утруждать привратника, а просто влез в окно, воспользовавшись стеклорезом.

Наверху были слышны голоса, и я пошел на их звук, пока не добрался до кабинета Бисмарка. Чуть-чуть приоткрыл дверь...

Гитлер был здесь. Он держал под прицелом своего пистолета Отто фон Бисмарка, все еще пребывающего в полном обмундировании. Оба были чрезвычайно бледны. Рука Гитлера дрожала, а Бисмарк тихонько постанывал.

Наконец он пришел в себя и умоляюще произнес:

— Не шантажировал я Еву Браун! Я ей нравился, дурак!

Гитлер истерично рассмеялся:

— Это вы-то — толстый старик!

— Ей нравились толстые старики.

— Она не из таких!

— Кто это вам сказал?

— Мне кое-что сообщил следователь. А полчаса назад позвонил Вайль и сказал, что Ева убита. Я считал Сагиттариуса своим другом. Я ошибся. Он — ваш наемный убийца! Что ж, я тоже сегодня кое-кого убью.

— Капитан Гитлер! Я ваш старший офицер!

Пистолет дрогнул, в голосе Бисмарка послышались властные нотки. Только теперь я заметил, что все это время звучала вы-

сококачественная запись классической музыки, а именно — пятый струнный квартет Бартока.

Бисмарк пошевелил рукой.

— Вы сильно заблуждаетесь. Человек, нанятый вами следить за Евой прошлой ночью, — ее бывший любовник!

У Гитлера затряслись губы.

— Вы знали это, — произнес Бисмарк.

— Подозревал.

— Вы также были осведомлены о тех опасностях, которые скрываются в этом саду, так как Фелипе вам о них рассказывал. Шпиона убили виноградные лозы, когда он крутился у беседки.

Пистолет перестал дрожать. Это испугало Бисмарка.

— Это вы убили его, а не я! — внезапно завизжал он, тыча пальцем в Гитлера. — Вы послали его на смерть. Это вы убили из ревности Сталина! Рассчитывали, что сначала он убьет меня и Еву. Вы слишком трусливы, слишком слабы, чтобы открыто сразиться с кем-нибудь из нас!

Гитлер издал нечленораздельный вопль, сжал пистолет обеими руками и несколько раз подряд нажал на спуск. Лишь одна пуля достигла цели: пробила Железный Крест на груди Бисмарка и пронзила сердце шефа полиции. Он упал навзничь, шлем отлетел в сторону, а мундир с треском порвался. Убедившись, что Бисмарк мертв, я обнаружил, из-за чего порвался мундир. Оказывается, шеф полиции носил тяжелый корсет, и одна из пуль, видимо, перебила шнур. Это был очень тяжелый корсет, ему приходилось вмещать большое тело.

Мне стало жаль Гитлера, маленького, жалкого... Я помог ему сесть.

— Кого я убил? — бормотал он, запинаясь. — Кого я убил?

— Это Бисмарк послал то растение Еве Браун, чтобы заставить ее замолчать? Я слишком близко подобрался к разгадке?

Гитлер кивнул, всхлипывая, и вновь разрыдался.

Я оглянулся на дверь. Там кто-то стоял.

Это был Сагиттариус.

Я положил пистолет на камин. Фелипе кивнул.

— Только что Гитлер застрелил Бисмарка, — пояснил я.

— Похоже на то, — ответил он.

— Бисмарк велел вам послать то растение Еве Браун, не так ли?

— Да, превосходный гибрид! Обыкновенный кактус, венерианская мухоловка и роза! Яд, конечно, кураре.

Гитлер встал и вышел из комнаты. Мы молча смотрели ему вслед.

— Куда вы? — спросил я.

— Мне нужно на воздух, — донеслось уже с лестницы.

— Подавление сексуальных желаний, — сказал Сагиттариус, усевшись в кресле и удобно пристроив ноги на трупе Бисмарка, — причиняет нам так много страданий... Если бы только страстям, не видимым на поверхности, желаниям, запертым в мозгу, давали возможность свободно проявляться, насколько лучше был бы мир!

— Может быть, — вяло отозвался я.

— Вы собираетесь кого-нибудь арестовывать, герр Аквилинас?

— Нет. Мое дело — составить отчет о расследовании.

— А будут ли какие-нибудь последствия?

Я рассмеялся:

— Последствия есть всегда!

Со стороны сада слышался странный лающий звук.

— Что это? — спросил я. — Овчарки?

Сагиттариус хихикнул:

— Боюсь, что это растение-собака.

Я выскочил из комнаты, сбежал по лестнице и добрался до кухни. Тело, укрытое простыней, еще находилось на столе. Я собрался открыть дверь в сад, но внезапно остановился и буквально прилип лицом к окну.

Сад преобразился, охваченный неким безумным танцем. Листва двигалась, словно живая, и странный запах усилился, хотя дверь и была закрыта.

Мне стало казаться, что я вижу человеческую тень, бьющуюся в кустах с мощными ветвями. Услышал рычание, звук рвущейся ткани и пронзительный крик, завершившийся протяжным стоном.

Внезапно все стихло, и сад замер.

Я обернулся. Сзади меня стоял, скрестив руки на груди, Сагиттариус и глядел в пол.

— Похоже, ваше растение-собака разделалось с ним, — сказал я.

— Он знал меня... знал этот сад.

— Самоубийство?

— Весьма вероятно. — Сагиттариус опустил руки и взглянул на меня в упор. — Вы знаете, я любил его. Он был в некотором роде моим протеже. Если бы вы не вмешались, ничего бы не произошло. Он мог бы далеко пойти при моем покровительстве.

— Вы найдете себе других протеже, — сказал я.

— Будем надеяться.

Небо стало понемногу светлеть. Дождь мелко кропил хищно дрожащую листву.

— Вы останетесь здесь? — спросил я.

— Да, я ведь должен ухаживать за садом. Слуги Бисмарка будут за мной присматривать.

— Не сомневаюсь.

Я снова поднялся по лестнице и выбрался из этого дома в холодный, омытый дождем рассвет; поднял воротник и стал пробираться по развалинам.

ГОРА

Двое оставшихся в живых вышли из саамской палатки, которую только что обшаривали в поисках провизии.

— Она уже была здесь, раньше нас, — сказал Нильссон. — Похоже, взяла все самое лучшее, что было.

Хольнер пожал плечами. Он давно ел настолько мало, что еда больше не имела для него особого значения.

Он огляделся по сторонам. Саамские хижины — *ката*, сооруженные из жердей и шкур, расположились невдалеке, на наиболее сухих участках земли. Двери не были застегнуты, так что кто угодно мог войти в опустевшие жилища с ценными шкурами, приготовленными для выделки, и оленьими рогами, подготовленными для отбеливания.

Хольнер в какой-то степени жалел саамов: они не имели никакого отношения к катастрофе, и не нужны им были ни войны, ни насилие, ни соперничество. Но их загнали в убежища вместе со всеми. И они погибли вместе со всеми от бомбежек, радиоактивного заражения или просто задохнулись.

Нильссон и Хольнер находились на заброшенной метеорологической станции, неподалеку от норвежской границы. Когда они в конце концов починили свою рацию, худшее уже свершилось. Радиоактивные осадки к тому времени покончили и с дикарями в индонезийских джунглях, и с крестьянами из самых отдаленных мест Китая, и с фермерами-отшельниками в Скалистых горах, и с крестьянами-арендаторами в Шотландии... Похоже, только капризы природы, из-за которых, собственно говоря, они и очутились здесь в начале года, пока не позволили смертоносным дождям пролиться в этом районе шведской Лапландии.

Они полагали — вероятно, инстинктивно, — что остались последними живыми человеческими существами, покуда Ниль-

ссон не обнаружил следов женщины,двигающейся с юга на север. Кто она была, как уцелела — можно было только догадываться, но они свернули со своего пути и двинулись по следу. Два дня спустя они наткнулись на эту стоянку саами.

Было три часа ночи, но над горизонтом еще висело кровавым пятном солнце, потому что было лето — шестинедельное арктическое лето, когда солнце не заходит, тает снег в горах и рекой устремляется вниз в озера и болота равнин, где лишь случайная стоянка саами да грязный шрам широкой оленьей тропы говорят о присутствии горстки людей, живущих здесь долгими зимними месяцами.

Хольнер отвернулся от древнего горного хребта, который они только что пристально разглядывали. Что-то похожее на жалость внезапно накатило на него при виде этого покинутого стойбища. Он вспомнил то отчаяние, с которым обращался к ним умирающий человек, успевший по радиации передать им о том, что произошло на планете.

Нильссон заглянул еще в какую-то хижину и появился оттуда, потрясая пакстиком изюма.

— Именно то, что надо, — сообщил он.

— Хорошо, — со вздохом отозвался Хольнер. Впечатление от чистоты и аккуратности этого крохотного примитивного поселения было слегка смазано тем, что он увидел у ручья, протекавшего невдалеке. Простые глиняные и костяные чашки валялись там бок о бок с алюминиевым блюдом и пустым кофейником от Чейза и Сэнборна, дешевой пластиковой тарелкой и сломанной игрушечной машинкой.

— Пойдем? — спросил Нильссон и зашагал прочь, в сторону гор, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам. Не без некоторой тревоги Хольнер последовал за другом.

У Нильссона появилась цель, и Хольнер, чтобы отыскать ту женщину, готов был идти за ним куда угодно, лишь бы не сидеть в ожидании неизбежной смерти.

К тому же он надеялся на крохотный шанс: если ветер и дальше будет им благоприятствовать, они смогут выжить. В таком случае у Нильссона была вполне понятная причина для того, чтобы упрямо идти по следу.

Вместе с тем Хольнера раздражало желание друга идти медленно, наслаждаясь видами нетронутой природы, казавшейся такой надменной и обособленной от всего. То, что существует нечто, не имевшее с ним никаких эмоциональных связей, его поначалу немало удивляло. Даже теперь, шагая по болотистой

почве, он чувствовал, будто, нарушив уединенность этих мест, он оскорбит их святость. Люди были здесь крайне редко, и даже духа не было от путешественников.

Поэтому вполне понятно было то потрясение, с которым они разглядывали отпечатки маленьких резиновых подошв на ровном, влажном берегу реки.

— Она все еще впереди, — обрадованно отметил Нильссон. — И не так уж и далеко. Чуть больше дня пути. Мы догоняем ее.

Однако его слова совсем не обрадовали Хольнера. Он даже разозлился от того, что Нильссон обнаружил эти следы, хотя навряд ли бы их сам заметил, если бы был один. И подумал, что его спутник уверен, что это женщина, лишь потому, что очень этого хочет.

Слева от них речка, несущая свои чистые, талые воды с гор, впадала в озеро. Тут и там из воды высывались бурые, высушенные солнцем уродливые камни, по которым можно было переправиться через поток.

Таких речушек, серебристыми венами опутавших склоны, было много; они питали озера и способствовали их распространению дальше по болотистой местности. Холмы, возвышавшиеся над плато, тесно поросли елями и березами, которые, словно спасаясь от наводнений, избежали на возвышенность. Иногда вид высоких гор впереди заслоняли покрытые зеленым ковром трав невысокие гряды, усеянные дроком.

Хольнер никогда не проникал так далеко в горную страну. Этот хребет был одним из древнейших на Земле, здесь не было, как в Альпах, острых пиков. Веками обрабатываемые ветром, пережившие много метаморфоз, горы устояли, заслужив право на уединение и покой.

Снег еще лежал белыми пятнами на их боках, смягчая их очертания и выделяясь на фоне серо-зеленого мха и скал, словно звезды на вечернем небосклоне.

Нильссон уже перебирался через реку, проворно перескакивая с камня на камень; его профиль кинозвезды четко прорисовывался на фоне ясного неба. Узел на спине напоминал котомку паломника из «Пути пилигрима». Хольнер про себя усмехнулся: каким же окольным путем он идет к спасению! И двинулся следом за ним.

Его ботинки с гладкими кожаными подметками лишь с большим трудом позволяли ему удерживать равновесие, когда он

прыгал с камня на камень. Река кипела вокруг камней, стремясь поскорее затеряться в водах озера. Он снова прыгнул, подскользнулся и оказался по колено в ледяном потоке. Поднял рюкзак над головой и, не утруждая себя тем, чтобы опять вскарабкаться на камень, беспечно побрел по пояс в студеной воде. Наконец, с помощью Нильссона, он выбрался, тяжело дыша, на берег. Его друг рассмеялся и покачал головой:

— Ну, ты обречен.

— Ерунда, — ответил Хольнер. — На солнце быстро высохну.

Они прошли уже прилично и сильно устали. Взошло солнце — нечеткое красное пятно на белесом холодном небе, — но все еще было затруднительно вести счет часам. Что еще раз подчеркнуло застывшую уединенность этих гор и плато. Ночей здесь не было — только минимальное изменение состояния дня. И хотя было девяносто градусов тепла по Фаренгейту¹, небо выглядело холодным, потому что нужно было гораздо больше, чем эти шесть коротких недель лета, чтобы полностью изменить этот суровый Иоганнхейм.

Он не зря припомнил Иоганнхейм — Страну Великанов, описанную в мифах, так как никогда прежде столь сильно не осознавал правоту предков, подчеркивающих преходящую сущность человека, смертность самих их богов, их жестокую борьбу с силами природы. Только здесь стало неумолимо ясно, что сам мир может жить вечно, но жизнь каждого из его обитателей подвержена метаморфозе и кончается неизбежной смертью. Подобные рассуждения изменили первоначальные впечатления от этих мест: вместо гнетущего чувства вторжения в священную землю он теперь ощущал, что ему пожалована привилегия соприкоснуться с вечностью — хотя бы на несколько мгновений короткой своей жизни.

Горы могли разрушиться, сама планета могла кануть в небытие, но Хольнер был абсолютно уверен, что все возродится снова. И это дарило ему смиренную надежду на то, что и сам он будет жить. В конце концов, подумалось ему, можно поставить себе целью просто продолжать жить.

Он не стал долго задерживаться на этой мысли: это было ни к чему.

С большим облегчением они обнаружили сухое место, разожгли костер и на прочной металлической сковороде поджарили последний бекон. Поев и вычистив сковороду золой, Холь-

¹ 32 градуса по Цельсию.

нер понес се к ближайшей речке, чтобы сполоснуть. Заодно и напился воды — но не слишком много, так как по прежнему опыту знал, что вода может действовать как наркотик, и человек будет пить все больше и больше, пока не растеряет последние силы.

Он догадывался, что им надо будет держаться до последнего в хорошей форме. Если с одним что-нибудь случится, то в опасности могут оказаться оба. Впрочем, все это мыслилось пока не слишком конкретно, и ощущения опасности не было никакого.

Он лег и, перед тем как провалиться в глубокий, без сновидений сон, вдруг ощутил себя одновременно в двух состояниях: гиганта и карлика. Закрыв глаза и полностью расслабившись, он почувствовал, что вселенная стала лишь невидимым электроном в его теле, и в то же самое время он сам был крошечным, как электрон, несущийся в бездне, в вакууме, не содержащем никакой материи...

Вероятно, человек, склонный к мистике, принял бы все это за некое божественное предзнаменование, но Хольнер просто смирился с видением, не чувствуя никакой необходимости хоть как-то его объяснить. И спокойно уснул.

На следующее утро Нильссон показал ему карту, которую он нашел в деревне.

— Вот куда она идет, — сказал он, показывая на далекую вершину¹. — Самая высокая в этой части и вообще вторая по высоте в этих горах. Интересно, зачем это она лезет туда?

Хольнер покачал головой.

Нильссон нахмурился.

— У тебя какое-то странное настроение. Думаешь, что у тебя не будет шансов с этой девушкой? — Хольнер промолчал, и Нильссон продолжил: — Может, она думает, что на вершине горы будет безопаснее. Если повезет, мы уже скоро это узнаем. Ты готов?

Хольнер согласно кивнул.

Они молча двинулись дальше.

Горная гряда стала заметно ближе, уже можно было разглядеть отдельные хребты. Тот, к которому направлялись они, был

¹ По-видимому, речь идет о горе Кебникайсе в северной Швеции, второй по высоте в Скандинавии.

самым высоким, хотя и выглядел приземистым и наиболее древним из всех.

На некоторое время почва у них под ногами превратилась в толстый слой грязи, забивавшей ботинки и грозившей затянуть их вниз, вероятно чтобы присоединить к останкам доисторических ящеров, покоящихся глубоко вниз.

Нильссон говорил мало, и Хольнер был рад, что к нему не приставали с вопросами.

Ему стало мерещиться, что за последней зубчатой цепью гор находится край земли. Или — будто они покинули Землю и находятся в некоем вогнутом блюде, окруженном горами, в котором существуют лишь деревья и озера, болота и холмы...

Ему казалось, что этот нетронутый край настолько неуязвим в своей отдаленности от людского жилья, что, кажется, впервые действительно осознал, что люди перестали существовать вместе со своими творениями. Словно человека не было вообще, либо его господство на Земле было чрезвычайно быстротечным.

И вновь в нем ожило то давнее чувство — впервые с тех самых пор, как они услышали голос по рации, — с которым он смотрел на эту мрачную громадину на фоне холодной голубизны неба. Правда, цели с тех пор изменились и сосредоточились целиком на вершине и на ожидавших их там в качестве награды тишине и покое. Страха больше не существовало, поскольку не было в этих загадочных горах ничего неизвестного. Оставалось лишь любопытство, подталкивающее их выяснить причину столь причудливого вида: огромное чрево без стенок, с изогнувшимся сверху бесконечным небом, освещенное синим, белым, коричневым, зеленым цветом — невероятный, совершенный пейзаж, вставший между ними и разрушенным миром.

Некий заснеженный рай, в котором сытые волки, отвалив от добычи, жадно лакали чистую речную воду. Дикая природа была наполнена жизнью: оленями, росахами, леммингами, волками и даже медведями, в озерах кишела пресноводная сельдь, а в безмолвной воздушной бездне звучно разносился шорох ястребиных крыльев. Ночи как таковой не было, и посему совершенно не ощущалась опасность, в обычном мире исходящая в это время суток от диких зверей.

Временами они натывались на растерзанного оленя, с гниющей шкурой и тускло белеющими костями, и не чувствовали ужаса. Вообще не испытывали никаких эмоций, так как очевидным убийцей была росоха, зверь хоть и жестокий, убивающий зачастую просто ради самого убийства, но вместе с тем

не осознающий своего преступления. Следовательно, это не могло считаться преступлением.

Все здесь было самодостаточным, сотворенным сколь случайно, столь и бездумно, посему и выглядело намного совершеннее человека — жалкой тварью пробирающегося по этой суровой местности.

Наконец они достигли покрытого травой подножия горы, и Хольнер вздрогнул от волнения, взглянув, как вздымается ее укрытая снегом вершина, как волнуется трава, расступаясь и обнажая на миг сумятицу скальных нагромождений.

— Она выберет самый пологий склон, — решил Нильссон, разглядывая карту, найденную в деревне. — Значит, ей придется пересечь два снежных поля.

Они недолго отдохнули там, где кончалась трава и начинался снег. Хольнер оглядывался кругом, не в состоянии ни говорить, ни понять свои чувства. Горизонта здесь не было, поскольку горы были со всех сторон. Лесистые холмы, озера и реки — все сияло яркими, свежими красками. Малиновое солнце и небесная синева отдавали озерам свои чистые цвета.

Он был рад, что она выбрала самый легкий склон, так как не придется себя испытывать. На миг он ощутил столь сильное единение с этой землей, что был готов карабкаться вверх лишь потому, что ему просто этого хотелось. Хотелось посмотреть, как все будет выглядеть с вершины.

Однако Нильссоном, как заметил Хольнер, почти забывший про женщину, владели совсем другие чувства.

Они начали утомительный подъем. Впрочем, не слишком сложный, так как склон поначалу был совсем пологим, меньше сорока пяти градусов, и заканчивался первой заполненной снегом впадиной. Пока они осторожно спускались туда, успели отдохнуть.

Еще в деревне Нильссон подобрал палку и теперь шаг за шагом продвигался вперед, каждый раз втыкая ее перед собой, чтобы определить толщину снежного покрова. Хольнер двигался за ним след в след; в ботинки попали комья снега, и ноги стали мерзнуть. Далеко внизу он видел речку, и ему казалось, что он слышит ее мелодичное журчание.

Хоть и очень медленно, но они все же пересекли снежное пятно и, оказавшись в безопасности, присели отдохнуть, готовясь к предстоящему более крутому подъему.

Сбросив с плеч мешок, Нильссон устало откинулся на него, вглядываясь в поверхность снежного поля.

— Никаких следов, — задумчиво сказал он. — Наверное, она перешла его ниже.

— Может, в конце концов, она не дошла досюда? — через силу произнес Хольнер, которого это все на самом деле мало интересовало.

— Не будь дураком. — Нильссон поднялся и вновь взвалил поклажу на спину.

Они преодолели скальный участок, разделяющий два снежных поля, и с риском для жизни пересекли второе.

Хольнер сел было отдохнуть, но его спутник продолжал подъем. Через пару минут он последовал за Нильссоном и увидел, что тот остановился и, хмурясь, изучает карту.

Склон в этом месте теперь стремительно возносился вверх, огибая широкую и глубокую впадину; далее следовал подобный же изгиб, упирающийся уже в вершину. Выглядел он несомненно более пологим, чем тот подъем, который они только что преодолели.

Нильссон выругался.

— Чертова карта нас запутала... или же изменилось положение снежных полей. Мы полезли совсем не по тому склону.

— Что, надо возвращаться вниз? — равнодушно спросил Хольнер.

— Нет... не такая уж и большая разница. Мы и так потеряли много времени.

Высокий гребень, разделявший оба изгиба, мог бы вывести их опять не на тот склон, по которому следовало подниматься. Гребень подходил к вершине достаточно близко, так что на самом деле они не получили бы преимущества, даже если бы достигли другой стороны.

— Неудивительно, что мы потеряли ее след, — раздраженно произнес Нильссон. — Она небось уже на вершине.

— Откуда ты знаешь, что она полезла на *эту* гору?

Хольнер подумал, как это не пришло ему в голову раньше.

Нильссон махнул картой.

— Не думаешь ли ты, что она нужна самим? Нет, это *она* оставила карту.

— А-а... — Хольнер разглядывал голые, беспорядочно нагроможденные скалы, образующие у него под ногами почти отвесный обрыв.

— Хватит отдыхать, — сказал Нильссон. — Надо наверстать унушенное время.

Он слишком неразумно потратил силы на быстрые восхождения и поэтому, прежде чем они достигли гребня, стал проявлять явные признаки утомления.

Его спутник же, не озабоченный переменами ситуаций, шел за ним следом более спокойно и размеренно. Передвигаться становилось все труднее, он тоже устал, но все же не до такой степени, чтобы возникло чувство отчаяния.

Тяжело дыша, Нильссон поджидал приятеля на камне, совсем недалеко от гребня, который теперь был хорошо виден и представлял собой полоску беспорядочно наваленных камней, наклонно поднимающихся к вершине. По одну ее сторону был почти отвесный склон более чем в сотню футов высотой, по другую — круто уходила вниз скалистая стена, скрываясь под ослепительной поверхностью еле слышно поскрипывающих глыб льда. Это был ледник.

— Мне придется тебя бросить, если не будешь двигаться побыстрее, — в несколько выходов заявил Нильссон.

Спутник его, чуть склонив голову, внимательно посмотрел на гору и молча ткнул в ее сторону.

— О Боже! Сегодня все против нас! — Нильссон отбросил пинком обломок камня. Он описал дугу и полетел отвесно вниз, но они не увидели и не услышали, как он упал.

Туман, который первым заметил Хольнер, быстро скатывался, клубясь, к ним, закрывая другие пики.

— Разве он помешает нам? — спросил Хольнер.

— Еще как!

— Долго он продержится?

— Пару минут либо несколько часов — угадать невозможно. Если мы останемся здесь, то наверняка погибнем от холода. А если пойдем дальше, то еще будет шанс добраться до вершины и подняться выше тумана. Ну что, рискнем?

В его вопросе прозвучал вызов.

— Что ж, конечно, — отозвался Хольнер.

Теперь и он почувствовал холод, но пока не сильно от этого страдал.

Ни веревок, ни прочего альпинистского снаряжения у путешественников не было, а на ногах были обыкновенные ботинки с плоской подошвой. Они продолжали подъем, даже когда туман плотно облепил их серой, клубящейся пеленой, временами почти полностью ограничивая видимость, и приходилось общаться друг с другом криком.

Нашупав ногой очередной камень, Хольнер попытался перебраться на него, но внезапно поскользнулся, ощутив, что проваливается в пустоту. Как раз в этот самый момент туман расступился, и далеко внизу на миг приоткрылся ледник и какая-то темная, распростертая на сияющей белизне льда тень.

Он судорожно заскреб по камням носками ботинок, стараясь откинуться подальше назад, на более надежный гребень горы. В конце концов нащупал не слишком надежный упор, оттолкнулся и упал боком на сравнительно безопасную узенькую тропинку. Отдышавшись и уняв дрожь в теле, он встал и продолжил путь по наклонному гребню горы.

Когда основная толща тумана их миновала и обосновалась теперь над ледником, стало ясно, что они очутились на другой стороне гребня, даже не заметив, что пересекли его.

Теперь Хольнер мог видеть Нильссона, с видимым трудом поднимавшегося к так называемой ложной вершине, где они сделали кратковременный привал. Настоящей вершины, скрытой за ней, не было видно, но теперь до нее оставалась всего лишь какая-то сотня футов подъема.

Туман поредел, но все еще был достаточно плотным и скрывал окружающие горы. Иногда, когда он рассеивался, можно было разглядеть отдельные склоны, пятна озер, но не более того.

Хольнер взглянул на друга, красивое лицо которого хранило упрямое выражение. Ладонь сильно кровоточила.

— У тебя все в порядке? — Хольнер кивнул на окровавленную руку.

— Да!

Было ясно, что Нильссона не просто вывести из его теперешнего состояния.

Туман просочился сквозь тонкую куртку, и стал пробирать холод. Ладони были ободраны и исцарапаны, ныли ссадины на теле, но Хольнер словно этого ничего не замечал. Он дождался, когда Нильссон первым снимется с места, и заставил себя последовать за ним, начиная последний этап восхождения.

К тому времени, когда он достиг бесснежной вершины, воздух очистился, туман исчез, и на ясном небе вновь засияло солнце.

Он бросился наземь рядом с Нильссоном, разглядывающим свою карту, и, тяжело дыша, неуклюже распростершись на камне, огляделся по сторонам.

Он был потрясен — но не столько этим величественным видом, лишившим его способности говорить и думать, а скорее ощущением застывшего времени, словно движение планеты в космосе прекратилось. Он чувствовал себя окаменевшей статуей, бездумно поглощающей действительность. Словно поглощал саму вечность.

Почему погибшее человечество до этого не дошло? Всего-то надо было — просто существовать, а не доказывать, что ты существуешь, что и так очевидно.

Это стало очевидно и для него, как только он совершил подъем на эту гору. И это стало ему наградой. Ни особого дара ясновидения, ни ощущения какого-то экстаза — ничего не было, но в то же самое время он дал сам себе неизмеримо больше: безграничный покой бытия...

Тишину нарушил резкий, раздраженный голос Нильссона:

— Готов поклясться, она должна была подняться сюда. Может, мы опоздали, и она уже спустилась вниз?

Теперь Хольнер вспомнил о том, что видел мельком на леднике.

— Я что-то там видел, — сказал он. — На леднике. Кажется, человеческую фигуру.

— Что?! Почему же ты ничего не сказал?

— Тогда я этого не понял.

— Она была жива? Подумай, как это важно — если она жива, мы сможем опять возродить человечество. Что с тобой, Хольнер? Чокнулся, что ли? *Она была жива?*

— Возможно... я не знаю.

— Не знаешь! — Нильссон недоверчиво фыркнул и повернул назад.

Хольнер бесстрастно отметил, что тот наверняка убьется, если будет вести себя так опрометчиво.

Потом он отвернулся и сосредоточился на созерцании далеких озер и деревьев внизу.

Он лежал на вершине горы, неподвижно, почти не моргая, упиваясь окружающим видом и ощущением собственной с горой неразрывности. Казалось, он стал просто ее частью.

Через некоторое время жуткий вопль потряс пространство, но тут же стих, поглощенный вечной тишиной.

Хольнер его не услышал.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНЫЙ КОРИДОР. Роман

Перевод с английского Н.М. Самариной 5

КРОВАВО-КРАСНАЯ ИГРА. Роман

Перевод с английского И.В. Шевченко 127

БЕГСТВО ИЗ СУМЕРЕК. Рассказы

Оседлавший время

Перевод с английского Н.М. Самариной 309

Бегство из сумерек

Перевод с английского Н.М. Самариной 327

Непредвиденные затруднения

Перевод с английского Н.М. Самариной 355

Золотой баркас

Перевод с английского Ю.В. Бехтина 409

Волк

Перевод с английского Н.М. Самариной 424

Всепоглощающая страсть

Перевод с английского Н.М. Самариной 431

Руины

Перевод с английского Н.М. Самариной 440

Сад развлечений Фелипе Сагиттариуса

Перевод с английского Н.М. Самариной 448

Гора

Перевод с английского Н.М. Самариной 462

Муркок Майкл
М91 Бегство из сумерек: Фантастические романы, рассказы. — Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центрполиграф, 1996. — 473 с.

ISBN 5-218-00070-1

Имя английского писателя Майкла Муркока известно многим. Это один из самых разносторонних и непредсказуемых авторов в жанрах научной фантастики и фэнтези, создатель знаменитых сериалов и саг об Элрике, Коруне, Джеке Корнелиусе и других прославленных литературных героях. Произведения, представленные в этом томе, безусловно, порадуют читателя. Поклонники серьезной литературы найдут здесь жесткую психологическую прозу, любителям детектива придется по душе напряженный сюжет, и, наконец, просто почитатели творчества мастера еще раз столкнутся с его загадочным миром, столь же сложным и непостижимым, как и сама тайна мироздания.

Литературно-художественное издание

Муркок Майкл

БЕГСТВО ИЗ СУМЕРЕК

*Фантастические романы,
рассказы*

Редактор Г.Н. Белов

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор В.Ф. Нефедова

Корректоры И.В. Лебедева и Т.И. Медведева

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 30.01.96.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Уч. изд. л. 31,47.

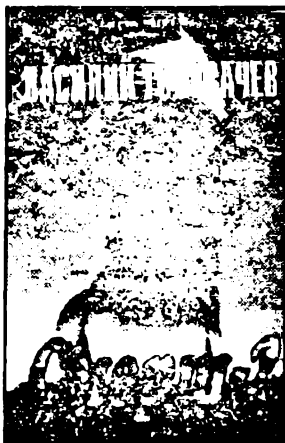
Тираж 15 000 экз. Заказ № 2291

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГНПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

**НОВАЯ СЕРИЯ
НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА**

**НОВЫЙ ЖАНР
НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ**



ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ «СМЕРШ-2»

Тема нового фантастического романа Головачева В.В., казалось бы, стандартна — одиночка бросает вызов системе криминального беспредела, царящего в стране. Однако автор «Смерш-2» повернул эту тему к читателю новой, неожиданной гранью: ввел в действие рельефные «фигуры таинственности» — грозных носителей потусторонних сил, сеющих зло и ненависть.

Герой романа Матвей Соболев, профессионал русского стиля рукопашного боя, офицер военной контрразведки, гангайтер, вынужден сражаться не только с врагами Державы и бандитами всех уровней, но и с Монархом Тьмы — нечеловеком из иной реальности Земли.

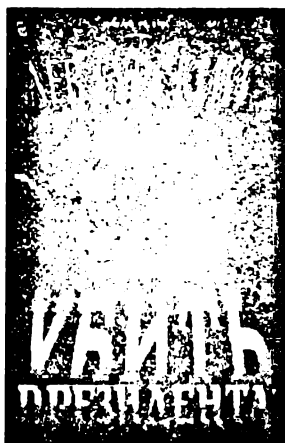


ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ «ПЕРЕХВАТЧИК»

В романе «Перехватчик» русский писатель Василий Головачев продолжает тему романа «Смерш-2». Читатель вновь встретится с возрожденным «Чистилищем», замахнувшимся на ликвидацию коррумпированных чиновников, вплоть до высших государственных лиц, и киллер-центров. И снова герой романа, бывший контрразведчик Матвей Соболев, попадает между молотом «Чистилища» и наковальной спецслужб и мафии, пытаясь действовать по справедливости, отстаивая свою честь и жизнь друзей.

**НОВАЯ СЕРИЯ
НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА**

**НОВЫЙ ЖАНР
НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ**



**ЛЕВ ГУРСКИЙ
«УБИТЬ ПРЕЗИДЕНТА»**

Начальник Службы Безопасности Президента России сообщает Президенту, что на него готовится покушение... Действие романа происходит во второй половине 90-х годов, жанр романа — политический триллер с элементами фантастики. Среди действующих лиц произведения — политические деятели, журналисты, дипломаты, генералы, представители культурного истеблишмента, а также многочисленных спецслужб, соперничающих между собой за влияние на Президента.



**ПЕТР КАТЕРИНИЧЕВ
«РЕДКАЯ ПТИЦА»**

Олег Дронов, бывший аналитик службы разведки, оказывается втянутым в разборку мафиозных группировок: одной «традиционной», другой — специализирующейся на сексуальных преступлениях. Герой выясняет, что за видимой схваткой стоит третья, более могущественная сила... Клань бизнесменов, политиков и криминальные структуры ведут борьбу за власть и влияние в стране. Миллиарды долларов, тысячи людских жизней, будущее России — вот их ставка в жесткой игре.

**НОВАЯ СЕРИЯ
НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА**

**НОВЫЙ ЖАНР
НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ**



АНДРЕЙ КИВИНОВ «ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ»

Рэкет, заказные убийства, беспредел захлестнули северную столицу России. Охранник обменного пункта валюты Ларин, отлучившись за «Беломором», возвращается на свой пост — и застаёт кровь, трупы... Небольшая коммерческая фирма, занимающаяся поставками продуктов из-за рубежа. Но какие аферы совершаются за этой скромной вывеской?.. Имеет ли право сыщик вторгаться в частную жизнь человека, обратившегося к нему за помощью в поиске угнанной машины? Может быть, и нет, но когда этого человека находят мертвым, приходится забыть о правилах «хорошего тона»... Бывший милиционер Ларин и группа «пролетарского гнева» встают на защиту мирных жителей.

Творческая манера молодого, но уже популярного писателя Андрея Кивинова отличается динамизмом, ясностью и интеллигентностью, на фоне которых отчетливо проступают мельчайшие детали сюжета. Повести из сборника «Высокое напряжение» определенно принадлежат к числу тех книг, читая которые то и дело говоришь себе: «Ну хорошо, еще одну страничку, последнюю, а потом — спать», после чего все повторяется снова.

**НОВАЯ СЕРИЯ
НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА**

**НОВЫЙ ЖАНР
НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ**



**АЛЕКСАНДР УШАКОВ
«КРЕСТНЫЕ БРАТЬЯ»**

После длительного тюремного заключения в Москву возвращается известный вор в законе Толя Бес. Многие изменилось за эти годы в столице, и бывшие авторитеты оказываются не у дел. Наркодельца Игоря Смоленского и вора Толю объединяет одна цель — завоевать теплое место под солнцем. В центре интриги романа оказываются спецслужбы нескольких стран и МУР. Любовь, предательство, жажда власти — все переплетается в жизни «крестных братьев», и каждый становится заложником избранного ими пути.



**ВАСИЛИЙ ВЕДЕНЕЕВ
«ДИКОЕ ПОЛЕ»**

Исторический роман середины XVII века. Тайная разведшкола в монастыре. Смертельные сечи и погони. Секретная миссия Тимофея Головина в Стамбул, где решаются судьбы войны и мира. Невольничьи рынки, мусульманские галеры, дерзкие побег. Борьба с венецианской, турецкой и польской разведками — таков путь молодого русского разведчика.